ПРОФ. И. А. СИКОРСКІЙ

КНИГА ЖИЗНИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

ДЛЯ ШКОЛЫ И ЖИЗНИ.

Посвящается свѣтлой и славной памяти
Сергѣя Ивановича Сикорскаго,
погибшаго въ морскомъ сраженіи 28 сентября 1914 г.

ALATAS
SOUTHBURY, CONN.
U. S. A.

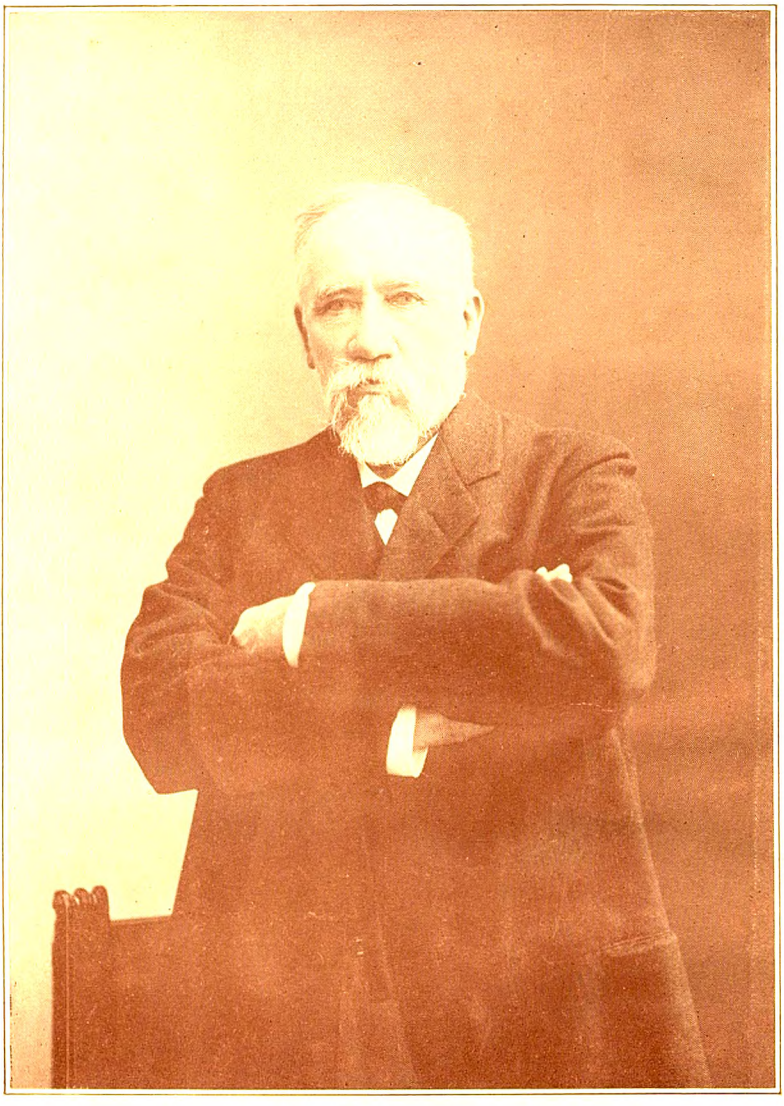
Copyright by
Igor Ivanovich Sikorsky.
c/o Alatas, Inc.

Перепечатка и переводъ исключительно съ разрѣшенія
Игоря Ивановича Сикорскаго.

Обложка художника И. Ф. Замотина.

Типографія К-ва Алатасъ въ Чураевкѣ.

ALATAS, Inc. Southbury, Conn. U. S. A.



Иванъ Алексѣевичъ
СИКОРСКІЙ
(1842 — 1919.)

ОТЪ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА.

Выпуская въ свѣтъ этотъ обширный трудъ, мы считаемъ долгомъ принести глубокую благодарность лицамъ, давшимъ возможность сохранить и вывезти изъ Россіи рукопись, также и тѣмъ, кто своими средствами, моральнымъ авторитетомъ и личнымъ трудомъ помогъ изданію этой большой, отвѣтственной книги. Съ чувствомъ особеннаго удовлетворенія отмѣчаемъ, что авторомъ этой книги является отецъ извѣстнаго изобрѣтателя и строителя воздушныхъ кораблей Игоря Ивановича Сикорскаго.

Являясь огромнымъ культурнымъ событіемъ и монументальнымъ памятникомъ для автора, книга эта поможетъ многимъ и многимъ читателямъ настоящаго и будущаго, независимо отъ возрастовъ и состояній, прикоснуться къ чистому источнику оздоровляющаго и укрѣпляющаго жизнь ученія профессора И. А. Сикорскаго, не только бывшаго, но и оставшагося истиннымъ врачевателемъ тѣла и духа.

Опытомъ всей своей жизни, мужественнымъ подвигомъ, неусыпнымъ трудомъ и дѣйственной любовью къ людямъ, непоколебимый идеалистъ и выдающійся ученый, профессоръ И. А. Сикорскій создалъ и даетъ міру этотъ свой послѣдній посмертный даръ, какъ напутственное слово всѣмъ остающимся и грядущимъ въ жизнь. Читатель увидитъ, какой неувядаемою бодростью, какой радостью жизни насыщенъ его голосъ, звучащій въ этой книгѣ. Написанная для школы и жизни, для ученыхъ и простыхъ людей, Психологическая Христоматія является поистинѣ Книгой Жизни, направляющей волю и разумъ человѣка къ строительству болѣе красивой и здоровой будущности каждой личности, каждой семьи, культурнаго общества, государства и всего человѣчества.

Расцвѣтивъ свой трудъ наилучшими образцами искусства и литературы, авторъ съ мудрой заботливостью и съ классическою, всѣмъ доступной, простотой, преподаетъ множество сложныхъ психологическихъ знаній, и такимъ образомъ учитъ и услаждаетъ. Книга его содержитъ въ одномъ томѣ какъ бы многотомную библіотеку и вмѣстѣ съ тѣмъ является наиболѣе доступнымъ, наиболѣе популярнымъ настольнымъ университетомъ для каждаго. Поэтому, появляясь въ свѣтъ въ тяжелые годы шатанія духовнаго и упадка культурнаго, Книга Жизни проф. И. А. Сикорскаго, кромѣ всего, для русскаго читателя есть новый и широкій путь къ многимъ потеряннымъ радостямъ и къ незыблемымъ основамъ великаго духа Культуры Всероссійской.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО АЛАТАСЪ.

16 Мая 1931 г.
Чураевка на Помперапь.
Штатъ Коннектикутъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Иванъ Алексѣевичъ Сикорскій. 1
2. Предисловіе. 10
3. Вступленіе. 11

ОТДѢЛЪ I-ый ХРИСТОМАТІИ. УМЪ И ПОЗНАНІЕ.

А. Полученіе внѣшнихъ впечатлѣній черезъ органы чувствъ. .. 13
Б. Сохраненіе впечатлѣній. Память. Воспоминаніе. Фантазія. 35
В. Психическіе или умственные образы. 35
Г. Фантазія (воображеніе). Мечтательность. 38
Д. Дисциплинированное мышленіе. 42
а. Пѣсня. 42
б. Сказка. 51
в. Былина. 78
г. Басня. 86
д. Притча. 119
е. Элегія. 121
ж. Идиллія. 130
з. О новыхъ формахъ поэтическаго творчества. 132
и. Баллада. 135
і. Поэма. 144
к. Повѣсть. Разсказъ. Сцена. 159
л. Народное мудрословіе (народная жизнь, выраженная словомъ). 179

ОТДѢЛЪ II-ой ХРИСТОМАТІИ. ЧУВСТВО.

А. Чувство и его жизненное значеніе. 187
а. Гнѣвъ. 190
б. Страхъ. 195
в. Печаль. Упадокъ духа. 207
г. Экспрессія тоски. 211
Б. Высшія чувства и эмоціи. 231
а. Жалость. Симпатія. Сочувствіе. Состраданіе. 231
б. Стыдъ. 244
в. Благоговѣніе. 253
г. Любовь. 264
д. Молитва. 268
В. Синтетическія составныя высшія чувства. 274
а. Эстетическое чувство. 276

б. Интеллектуальныя чувства. 282
в. Нравственныя чувства. 285
Г. Идеализація психизма. 289

ОТДѢЛЪ III-й ХРИСТОМАТІИ. ВОЛЯ.

А. Сущность воли въ организмѣ и жизни. 299
Б. Виды воли. 302
а. Самообладаніе. 302
б. Вниманіе. 303
в. Дѣйствіе. 307

ОТДѢЛЪ IV-ый ХРИСТОМАТІИ. НИЗШІЙ ПСИХИЗМЪ.

А. Низшій психизмъ. Растительные процессы и инстинкты. 310
Б. Экспрессіи и низшій психизмъ. 317

ОТДѢЛЪ V-й ХРИСТОМАТІИ. ЛИЧНОСТЬ.

А. Афоризмы, относящіеся къ Личности. 319
Б. Личность и ея развитіе. 319
а. Очеркъ психологическаго развитія. 321
В. Основныя причины состава и свойства Личност. 323
а. Объединеніе Личности. 367
Г. Психологическія біографіи. 368
Д. Развитіе, расцвѣтъ, жизнь Личности. Судьба. Рокъ. 403
а. Біологія и Психологія въ ихъ соотношеніи. 404
б. Ранніе зачатки болѣзненныхъ чертъ Личности. 408
в. Драма жизни. 420
г. Анна Каренина и ея судьба. 421
Е. Личность. 437
а. Измѣненія личности. 438
б. Лицемѣріе, фарисейство. 439
в. Гордость. 440
г. Спесь. 440
д. Лживость, неискренность, двуличіе. 441
е. Пошлость. 441
Ж. Скоропроходящія измѣненія Личности. 442
З. Ораторское искусство. Ораторская дѣятельность. 448
И. Драма борьбы добра и зла. 456

I. Историческія знанія. 467
а. Лѣтопись. 467
б. Записки, мемуары. 468
в. Путешествія. 476
г. Исторія. 490
К. О трагическомъ у Грековъ и въ новѣйшія времена. 491

ОТДѢЛЪ VI-й ХРИСТОМАТІИ. НОВОЕ ВЪ НАУКѢ И ЖИЗНИ.

А. Юнымъ поколѣніямъ XX вѣка. 550
а. Авіація. 570
б. Антропологія. 580
в. Астрономія. 581
г. Безпредѣльное, Безконечное, Великое, Вѣчное, Послѣднее. 600
д. Бактеріологія. 603
е. О душѣ животныхъ (зоопсихологія). 606
Б. О памяти, ея свойствахъ и значеніи. 626
В. Высшее мышленіе. 629
Г. Упражненіе ума и понятливости. 632
Д. Самое великое въ мірѣ нравственномъ. 665
Памятная книжка здоровья. 668

(АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ ВЪ КОНЦѢ КНИГИ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Съ указаніемъ содержанія статей.

ОТДѢЛЪ I-ый ХРИСТОМАТІИ. УМЪ И ПОЗНАНІЕ.

1. Слуховое вниманіе. Зрительное вниманіе. Осязательное и обонятельное невниманіе. (Дѣтство Багрова внука — отрывокъ). — Аксаковъ.
2. Зрительное вниманіе. Слуховое вниманіе. Самочувствіе. (Дѣтство и отрочество — отрывокъ). ..... Толстой.
3. Обонятельное вниманіе. Осязательная невнимательность. Космическая радость. (Дѣтство и отрочество — отрывокъ) Толстой.
4. Общія чувства. Дѣйствія ласки въ дѣтствѣ. (Дѣтство и отрочество — отрывокъ). ..... Толстой.
5. Психо-физіологія вниманія. ..... Сикорскій.
6. Между познаніемъ и чувствомъ. ..... Сикорскій.
7. Какія впечатлѣнія болѣе важны для душевнаго развитія. Сикорскій.
8. Изъ дневника Маріи Башкирцевой. ..... Башкирцева.
9. Глухая, нѣмая, слѣпая. ..... Сикорскій.
10. Впечатлительность и воспріимчивость талантливыхъ людей. „
11. Величина и яркость впечатлѣній у талантливыхъ людей. „
12. Эхо. ..... Пушкинъ.
13. Зимній день. ..... Аксаковъ.
14. Буря на морѣ. ..... Боткинъ.
15. Юность. (Мертвыя души — отрывокъ). ..... Гоголь.
16-17. Сила впечатлѣній у дѣтей. (Дѣтство Багрова внука). Аксаковъ.
18. Сила воспоминаній дѣтства. (Повѣсти Бѣлкина). .... Пушкинъ.
19. Воспитаніе (первые годы) Чичикова. ..... Гоголь.
20. Вуколъ. ..... Помяловскій.
21. Воспитаніе изнѣженно-небрежное привело Обломова къ недостаточному развитію у него воли. (Обломовъ). ..... Гончаровъ.
22. Сохраненіе впечатлѣній. Память. Воспоминаніе. Фантазія. Сикорскій.
23. Психическіе или умственные образы. ..... Сикорскій.
24. Фантазія (воображеніе). Мечтательность. ..... Сикорскій.
25. Мечтанія Коли. (Дѣтство и отрочество). ..... Толстой.
26. Мечты Маріи Башкирцевой. (Дневникъ). ..... Башкирцева.
27. Мечтательность. ..... Сикорскій.
28. Дисциплинированное мышленіе. ..... Сикорскій.

Народныя пѣсни:

29. Мимо моего садика.
30. Ахъ ты поле мое, поле чистое.
31. Какъ на дубочкѣ два голубчика.
32. Кольцо души — дѣвицы.

Художественныя пѣсни:

33. Художественныя переживанія и тихая молитва земледѣльца. (Нива). ..... Жадовская.
34. Ясно солнышко закатилося.

35. Слети къ намъ тихій вечеръ.

Колыбельныя пѣсни:

36. Колыбельная пѣсня. ..... Майковъ.
37. Казачья колыбельная пѣсня. ..... Лермонтовъ.
38. Пѣсня пахаря. ..... Кольцовъ.
39. Косарь. ..... Кольцовъ.
40. Урожай. ..... Кольцовъ.
41. Трагизмъ одинокаго бѣдняка. (Пѣсня бобыля). .... Никитинъ.

Народныя сказки:

42. Сказка. ..... Сикорскій.
43. Нужда.
44. Морозко.

Художественныя сказки.

45. Аленькій цвѣточекъ. ..... Аксаковъ.
46. Озеро-слободка. ..... Данилевскій.
47. Старый домъ. ..... Андерсенъ.
48. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. ..... Пушкинъ.

Былины:

49. Былина. ..... Сикорскій.
50. Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ.
51. Илья Муромецъ и калики перехожіе.
52. Илья Муромецъ проситъ у родителей благословенія.
53. Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ.

Басни:

54. Басня. ..... Сикорскій.
55. Откупщикъ и сапожникъ. ..... Крыловъ.
56. Мѣшокъ. ..... Крыловъ.
57. Богачъ и поэтъ. ..... Крыловъ.
58. Скупой. ..... Крыловъ.
59. Прудъ и рѣка. ..... Крыловъ.
60. Камень и червякъ. ..... Крыловъ.
61. Парнасъ. ..... Крыловъ.
62. Оселъ.. ..... Крыловъ.
63. Квартетъ. ..... Крыловъ.
64. Кукушка и Орелъ. ..... Крыловъ.
65. Оселъ и Крестьянинъ. ..... Крыловъ.
66. Мельникъ. ..... Крыловъ.
67. Двѣ Собаки. ..... Крыловъ.
68. Слово «з а т ѣ я» въ басняхъ Крылова. ..... Сикорскій.
69. Лягушка и Волъ. ..... Крыловъ.
70. Синица. ..... Крыловъ.
71. Муравей. ..... Крыловъ.
72. Огородникъ и Философъ. ..... Крыловъ.
73. Механикъ. ..... Крыловъ.
74. Кукушка и Пѣтухъ. ..... Крыловъ.

75. Пастухъ. ..... Крыловъ.
76. Крестьянинъ и Собака.. ..... Крыловъ.
77. Объ особыхъ достоинствахъ басенъ Крылова. ..... Сикорскій.
78. Пустынникъ и Медвѣдь. ..... Крыловъ.
79. Волкъ на псарнѣ. ..... Крыловъ.
80. Обезьяны. ..... Крыловъ.
81. Волкъ и Ягненокъ. ..... Крыловъ.
82. Оселъ и Соловей. ..... Крыловъ.
83. Паукъ и Громъ. ..... Крыловъ.
84. Оселъ и Лошадь. ..... Авторъ неизв.
85. Притча. ..... Сикорскій.

Элегія.

86. Элегія. ..... Сикорскій.
87. Къ женѣ. ..... Пушкинъ.
88. Смерть Пушкина. ..... Жуковскій.
89. Элегическій визитъ врача и послѣдніе дни чахотной артистки. ..... Арцыбашевъ.
90. Элегія и біологія. ..... Сикорскій.
91. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. ..... Пушкинъ.
92. Выхожу одинъ я на дорогу. ..... Лермонтовъ.
93. Вечерній звонъ. ..... Козловъ.
94. Вырыта заступомъ яма глубокая. ..... Никитинъ.
95. Внимая ужасамъ войны. ..... Некрасовъ.

Идиллія:

96. Идиллія. ..... Сикорскій.
97. Лѣтній вечеръ. ..... Жуковскій.
98. О необходимости отдыха. ..... Сикорскій.
99. О новыхъ формахъ поэтическаго творчества. ..... Сикорскій.

Баллада:

100. Баллада. ..... Сикорскій.
101. Страхъ вида мертвеца. (Утопленникъ). ..... Пушкинъ.
102. Печаль. Страхъ неизвѣстности, одиночества и бездѣлья. (Воздушный Корабль). ..... Лермонтовъ.
103. Страхъ неизвѣстности. Печаль.Тоска. (Лѣсной Царь).Жуковскій.
104. Мучительная печаль, вызываемая разсказомъ о страданіи. (Василій Шибановъ). ..... А. Толстой.

Поэма:

105. Поэма. ..... Сикорскій.
106. Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. ..... Лермонтовъ.

Повѣсть. Разсказъ. Сцена.

107. Повѣсть «Мертвыя души» (отрывки). ..... Гоголь.
108. На ворѣ шапка горитъ. ..... Максимовъ.
109. Живыя мощи. ..... Тургеневъ.
110. Энциклопедія или Сборникъ Народной Мудрости...

ОТДѢЛЪ II-ой ХРИСТОМАТІИ. ЧУВСТВО.

111. Чувство и его жизненное значеніе. ..... Сикорскій.
112. Гнѣвъ. (Дневникъ). ..... Башкирцева.
113. Гнѣвная вспышка раздражительнаго человѣка. (У послѣдней черты). ..... Арцыбашевъ.
114. Гнѣвъ, ярость, ненависть, негодованіе. ..... Сикорскій.
115. Страхъ. ..... Сикорскій.
116. Страхъ у лошади. (Хаджи Абрекъ). ..... Лермонтовъ.
117. Страхъ у собаки. (Собака). ..... Тургеневъ.
118. Страхъ темноты и тишины. (Въ лѣсу). ..... Дмитріевъ.
119. Страхъ тишины и неизвѣстности. (Старуха). ..... Тургеневъ.
120. Проявленія страха. ..... Сикорскій.
121. Страхъ синтетическаго и ассоціативнаго происхожденія. (Воръ). ..... Андреевъ.
122. Печаль. Упадокъ духа. ..... Сикорскій.
123. Печаль. (Мцыри). ..... Лермонтовъ.
124. Тяжелая печаль, близкая къ тоскѣ и отчаянію. (Вечерняя заря). ..... Полежаевъ.
125. Тоска. ..... Полежаевъ.
126. Экспрессія тоски. (Тоска). ..... Чеховъ.
127. Глубокая печаль. ..... Сикорскій.
128. Путь развитія чувства. ..... Сикорскій.
129. Грусть. (Въ минуту жизни трудную). ..... Лермонтовъ.
130. Печаль. (Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье). ..... Пушкинъ.
131. Міровая скорбь. ..... Сикорскій.
132. Лирическій идеализмъ. (Памятникъ). ..... Пушкинъ.
133. Печальный лиризмъ поэта. (Я жить хочу). ..... Лермонтовъ.
134. Страхъ, тоска. (Гляжу на будущность съ боязнью). Лермонтовъ.
135. Тяжелая печаль. (Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ). Лермонтовъ.
136. Тяжелая печаль. Міровая скорбь. (Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою). ..... Лермонтовъ.
137. Печаль. Міровая скорбь. (Тучи). ..... Лермонтовъ.
138. О міровой скорби. ..... Сикорскій.
139. О «Новыхъ людяхъ» у Арцыбашева. ..... Сикорскій.
140. Высшія чувства и эмоціи. ..... Сикорскій.
141. Жалость. Симпатія. Сочувствіе. Состраданіе. ..... Сикорскій.
142. Чувствованіе чужого горя и чужихъ бѣдъ. (Ночь на Кубани). ..... Полежаевъ.
143. Жалость — терминъ Лермонтова, усвоенный и Влад. Соловьевымъ. ..... Лермонтовъ.
144. Слабо выраженное чувство жалости, — почти иронія. (Завѣщаніе). ..... Лермонтовъ.
145. Состраданіе. (Грѣшница). ..... Полежаевъ.
146. Два богача. (Благотворители). ..... Тургеневъ.

147. Самая крупная жертва — наивысшее состраданіе. . . Евангеліе.
148. Состраданіе. (Дѣтство Багрова внука). . . . . Аксаковъ.
149. Состраданіе любящаго супруга. (Маша). . . . . Тургеневъ.
150. Состраданіе ребенка къ животному. (Перепелка). . . Тургеневъ.
151. Художественное соболѣзнованіе живой неодушевленной природѣ. (Смерть дерева). . . . . Толстой.
152. Идейное состраданіе гибели жизни. (Смерть дерева). Аксаковъ.
153. Художественное состраданіе гибели жизней. (Рубка лѣса). . . . . Некрасовъ.
154. Идейное состраданіе раненному дереву. (Острою сѣкирою). . . . . А. Толстой.
155. Идейное состраданіе, вызванное мыслью о страданіи человѣка. (Утесъ). . . . . Лермонтовъ.
156. Отчизна. . . . . Лермонтовъ.
157. Сочувствіе и состраданіе родной природѣ, родному человѣку, родной психологіи. (Отчизна). . . . . Лермонтовъ.
158. Колокола. . . . . К. Р.
159. Идейное состраданіе состоянію одиночества.(Сосна) Лермонтовъ.
160. Стыдъ. . . . . Сикорскій.
161. Внезапный актъ идеальнаго состраданія. (Герой нашего времени). . . . . Лермонтовъ.
162. Мысль, что догадка вѣроятна. (Герой нашего времени). . . . . Лермонтовъ.
163. Покраснѣніе при мысли, что знаютъ тайну. (Анна Каренина). . . . . Толстой.
164. Стыдъ и совѣсть. . . . . Сикорскій.
165. Раскаяніе. . . . . Сикорскій.
166. Воспоминаніе. . . . . Пушкинъ.
167. Отреченіе и раскаяніе Апостола Петра. . . . . Евангеліе.
168. Отъѣздъ Ростовыхъ изъ Москвы. (Война и Миръ). . . . Толстой.
169. Благоговѣніе. . . . . Сикорскій.
170. Посланіе къ Коринфянамъ. (Евангеліе). . . . Апостолъ Павелъ.
171. Художественное предчувствіе историческихъ событій. (Споръ). . . . . Лермонтовъ.
172. Благоговѣйныя, возвышенныя переживанія. (Вѣтка Палестины). . . . . Лермонтовъ.
173. Возвышенныя переживанія, навѣваемыя историческими событіями. (Гробу Кутузова). . . . . Пушкинъ.
174. Границы художественныхъ переживаній поэта. (Мой домъ). . . . . Лермонтовъ.
175. Возвышенныя переживанія. (Звѣзды). . . . . Хомяковъ.
176. Отрада даваемая надеждой. (Надежда). . . . . Лермонтовъ.
177. Благоговѣйное размышленіе на тему конечныхъ вопросовъ жизни. (Когда-бъ въ покорности незнанья). . . . . Лермонтовъ.
178. Размышленія на тему о жизни. (Чаша жизни). . Лермонтовъ.

179. Элегическія мысли, навѣваемыя величіемъ вселенной и ничтожествомъ человѣка. (Небо и звѣзды). ..... Лермонтовъ.
180. Сложныя душевныя состоянія примыкающія къ волѣ. Сикорскій.
181. Любовь. ..... Сикорскій.
182. Любовь обезьянъ къ своимъ дѣтенышамъ. ..... Сикорскій.
183. Материнское чувство у птицъ. (Воробей). ..... Тургеневъ.
184. Материнская любовь..... Аксаковъ.
185. Молитва, мольба, просьба. ..... Сикорскій.
186. Молитва. ..... Пушкинъ.
187. Тревожныя думы съ тоской, страхомъ и молитвой. (Сладость молитвы). ..... Никитинъ
188. Тихая мольба о разрѣшеніи сомнѣній, навѣваемыхъ конечными вопросами жизни. (Молитва). ..... Кольцовъ.
189. Вѣра, надежда, благоговѣніе, молитва (Ванька Жуковъ). Чеховъ.
190. Синтетическія составныя высшія чувства. ..... Сикорскій.
191. Эстетическое чувство. (Пѣвцы). ..... Тургеневъ.
192. (Рафаэлева Мадонна). Изъ писемъ о Дрезденской галлереѣ. ..... Жуковскій.
193. Интеллектуальныя чувства. ..... Сикорскій.
194. Нервно-психическая гигіена. ..... Сикорскій
195. Нравственныя чувства. ..... Сикорскій.
196. Къ Филимону Посланіе Св. Апостола Павла.
197. Къ Филимону Посланіе Св. Апостола Павла. ..... Сикорскій.
198. Посланіе Апостола Павла проникнуто нѣжнѣйшимъ чувствомъ любви и заботливости о другомъ. ..... Сикорскій.
199. Я, Матерь Божія. ..... Лермонтовъ.
200. Идеализація психизма. ..... Сикорскій.
201. Оправданіе идеализма и идеализаціи самой жизнью. Сикорскій.

ОТДѢЛЪ III-й ХРИСТОМАТІИ. ВОЛЯ.

202. Сущность воли въ организмѣ и жизни. ..... Сикорскій.
203. Виды воли. ..... Сикорскій.
204. Самообладаніе. (Пѣснь плѣннаго Ирокезца). ..... Полежаевъ.
205. Вниманіе. (Тарасъ Бульба).. ..... Гоголь.
206. Мотивы праведнаго гнѣва и мщенія у Калашникова. Лермонтовъ.
207. Дѣйствіе словомъ: обмѣнъ противниковъ сильными словами и убійственными рѣчами. ..... Лермонтовъ.
208. Дѣйствіе отмщенія по существу — уже не до словъ, а дѣйствіемъ, т. е. нанесеніе смертельнаго удара. ..... Лермонтовъ.
209. Спокойствіе, вслѣдствіе исполненнаго долга — праведнаго гнѣва. ..... Лермонтовъ.
210. Исполненный спокойствія и правды отвѣтъ Калашникова. ..... Лермонтовъ.
211. Трагическая смерть Калашникова и торжество идеи. Лермонтовъ.

ОТДѢЛЪ IV-ый ХРИСТОМАТІИ. НИЗШІЙ ПСИХИЗМЪ.

212. Низшій психизмъ. Растительные процессы и инстинкты. ..... Сикорскій.
213. 214. 215. Низшій психизмъ. ..... Сикорскій.
216. Упадокъ духа. Страхъ. ..... Лермонтовъ.
217. Стыдъ. ..... Лермонтовъ.
218. Работа низшаго психизма. ..... Сикорскій.
219. О Физіогномикѣ. ..... Сикорскій.
220. Физіогномическое искусство (Тамань). ..... Лермонтовъ.
221. Экспрессіи и низшій психизмъ (Герой нашего времени). ..... Лермонтовъ.

ОТДѢЛЪ V-ый ХРИСТОМАТІИ. ЛИЧНОСТЬ.

222. Афоризмы, относящіеся къ Личности.
223. Личность и ея развитіе. ..... Сикорскій.
224. Ангелъ. ..... Лермонтовъ.
225. Очеркъ психологическаго развитія. ..... Сикорскій.
226. О развитіи чувствъ и характера въ младенчествѣ и раннемъ дѣтствѣ. ..... Сикорскій.
227. Основныя причины состава и свойства Личности. .. Сикорскій.
228. О развитіи чувствъ и характера въ періодъ материнскаго воспитанія. ..... Сикорскій.
229. Сильный страхъ ребенка (Дѣтство Багрова внука). Аксаковъ.
230. Страхъ и гнѣвъ (Дѣтство Багрова внука) ..... Аксаковъ.
231. Ненависть. (Дѣтство и отрочество). ..... Толстой.
232. Отрочество. (Катенька и Любочка). ..... Толстой.
233. Юность. (Дѣтство и отрочество) отрывокъ. ..... Толстой.
234. Юность. (Дѣтство и отрочество) отрывокъ. ..... Толстой.
235. Смерть любящей матери. (Вуколъ). ..... Помяловскій.
236. Чрезмѣрная опека, разслабляющая характеръ и причинившая недостаточное развитіе чувства воли. (Обломовъ). ..... Гончаровъ.
237. Отсутствіе материнскихъ ласкъ, постоянное брюзжаніе и страданіе отца. (Чичиковъ, Мертвыя души). ..... Гоголь.
238. Сиротская доля. (Сиротка Акулина). ..... Григоровичъ.
239. Драматическія злополучія неблагопріятны для роста и развитія личности. (Цѣни). ..... Полежаевъ.
240. Драматическія злополучія. (И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій). ..... Пушкинъ.
241. Объединеніе личности. ..... Сикорскій.
242. Психологическая біографія. ..... Сикорскій.
243. Кольцовъ. (Біографія). ..... Бѣлинскій.
244. Воспоминанія о Бѣлинскомъ. ..... Тургеневъ.
245. Суворовъ. (Біографія). ..... Милютинъ.

246. Психологическое направленіе художественнаго творчества Гоголя..... Сикорскій.
247. Н. И. Пироговъ, какъ мыслитель и человѣкъ. ..... Сикорскій.
248. Развитіе, расцвѣтъ, жизнь Личности. Судьба. Рокъ. Сикорскій.
249. Біологія и Психологія въ ихъ соотношеніи. ..... Сикорскій
250. Незыблемость Личности. ..... Сикорскій.
251. Психологическая устойчивоть и незыблемость. ..... Сикорскій.
252. Ранніе зачатки отрицательныхъ чертъ Личности. Болѣзненная наслѣдственность. (Герой нашего времени). ... Лермонтовъ.
253. Ранніе зачатки болѣзненныхъ чертъ Личности. .... Сикорскій.
254. Василій Фивейскій (отрывокъ). ..... Андреевъ.
255. Печоринъ и Василій Фивейскій. ..... Сикорскій.
256. Нездоровая наслѣдственность у Вронскаго. ..... Сикорскій.
257. Дѣйствіе общества на личность. ..... Сикорскій.
258. Поучительный для личности примѣръ исполненаго долга и подвига. (Митрополитъ Филиппъ). ..... Митроп. Макарій.
259. Типичный образчикъ такъ называемой житейской порядочности и корректности. (Анна Каренина)..... Толстой.
260. Не очень достойный образецъ подражанія общественной дѣловитости и умѣнія. ..... Толстой.
261. Вліяніе внѣшней природы на Личность. ..... Сикорскій.
262. Драма жизни. ..... Сикорскій.
263. Анна Каренина и ея судьба. ..... Сикорскій.
264. Личность ..... Сикорскій.
265. Измѣненія личности. ..... Сикорскій.
266. Лицемѣріе, фарисейство. ..... Сикорскій.
267. Гордость. ..... Сикорскій.
268. Спесь..... А. Толстой.
269. Лживость, неискренность, двуличіе. ..... Сикорскій.
270. Пошлость. ..... Сикорскій.
271. Скоропроходящія измѣненія Личности. ..... Сикорскій.
272. Смѣхъ, природа смѣха, юморъ, сарказмъ. ..... Сикорскій.
273. Ораторское искусство. Ораторская дѣятельность. .. Сикорскій.
274. Духовное краснорѣчіе. ..... Сикорскій.
275. Прощальная бесѣда Св. Іоанна Златоустаго.
276. Слово въ Великій пятокъ. ..... Ар. Иннокентій.
277. Ораторская рѣчь. ..... Сикорскій.
278. Кругъ общественныхъ обязанностей народныхъ избранниковъ. ..... по Сократу.
279. О Нижегородскомъ гражданинѣ Козьмѣ Мининѣ. ..... Бестужевъ-Рюминъ.
280. Козьма Мининъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. ..... Загоскинъ.
281. Рѣчь французскаго Министра Финансовъ о внутреннемъ займѣ. ..... Рибо.
282. Драма борьбы добра и зла. ..... Сикорскій.

283. Моръ звѣрей. ..... Крыловъ.
284. О психологическихъ причинахъ медленности человѣческаго прогресса. ..... Сикорскій.
285. Эгоистъ. ..... Тургеневъ.
286. Славной и свѣтлой памяти С. И. Сикорскаго. ..... Сикорскій.
287. Историческія знанія. ..... Сикорскій.
288. Лѣтопись. ..... Карамзинъ.
289. О Несторовой лѣтописи. ..... Погодинъ.
290. О Пименѣ. ..... Пушкинъ.
291. Начало лѣтописи Нестора. ..... Несторъ.
292. Записки. Мемуары. ..... Сикорскій.
293. Памятная записка Кн. Н. Б. Долгорукой. ..... Долгорукая.
294. Воспоминанія Вигеля. ..... Вигель.
295. Путешествія. ..... Сикорскій.
296. Песчаная буря въ Захарѣ. ..... Елисѣевъ.
297. Похороны на кораблѣ. ..... Григоровичъ.
298. Сѣверное сіяніе. ..... Максимовъ.
299. Лапландія. ..... Немировичъ-Данченко.
300. По желѣзной дорогѣ изъ Небраски въ Калифорнію. . Сенкевичъ.
301. Исторія. ..... Сикорскій.
302. О трагическомъ у Грековъ и въ новѣйшія времена. . Сикорскій.
303. Эдипъ Царь. ..... Софоклъ.
304. Борисъ Годуновъ. ..... Пушкинъ.

ОТДѢЛЪ VI-й ХРИСТОМАТІИ. НОВОЕ ВЪ НАУКѢ И ЖИЗНИ.

305. Юнымъ поколѣніямъ XX вѣка. ..... Сикорскій.
306. Безповоротная рѣшимость. (Порогъ). ..... Тургеневъ.
307. Праведный гнѣвъ. (Епископъ Гаттонъ). ..... В. Жуковскій.
308. Поэтъ обуреваемъ боязнью, что забытъ на родинѣ (Казбеку). ..... Лермонтовъ.
309. Пламенная жажда родины. (Мцыри). ..... Лермонтовъ.
310. Праведный гнѣвъ въ отвѣтъ на легкомысленный ропотъ. (Три пальмы). ..... Лермонтовъ.
311. Стремленіе впередъ. (Парусъ). ..... Лермонтовъ.
312. Борьба съ трудностями природы. (Хивинскій походъ 1872 г.). ..... Алихановъ-Аварскій.
313. Авіація (воздухоплаваніе). ..... Сикорскій.
314. Сыны неба. ..... Тристанъ.
315. Полетъ на Ильѣ Муромцѣ. ..... Кузьминъ.
316. На Ильѣ Муромцѣ. ..... Масанновъ.
317. Разочарованіе. .....
318. Прилетъ Ильи Муромца изъ Петрограда въ Кіевъ. .....
319. Илья Муромецъ. .....
320. Антропологія. ..... Сикорскій.
321. Астрономія. ..... Сикорскій.

322. Вселенная въ огнѣ. ..... Фламаріонъ.
323. Астрономія и Психологія. ..... Сикорскій.
324. Безпредѣльное, Безконечное, Великое, Вѣчное, Послѣднее. Сикорскій.
325. Бактеріологія. ..... Сикорскій.
326. Природа. ..... Тургеневъ.
327. О душѣ животныхъ. ..... Шкляревскій.
328. Душа животныхъ. ..... Сикорскій.
329. Черви. ..... Сикорскій.
330. Муравьи. ..... Сикорскій.
331. Пчелы. ..... Сикорскій.
332. Паукъ. ..... Сикорскій.
333. Рыбы. ..... Сикорскій.
334. Земноводныя (амфибіи). ..... Сикорскій.
335. Птицы. ..... Сикорскій.
336. Млекопитающія. Летучая мышь. ..... Сикорскій.
337. Лошадь. ..... Сикорскій.
338. Быкъ. ..... Сикорскій.
339. Слонъ. ..... Сикорскій.
340. Собака. ..... Сикорскій.
341. Обезьяны. ..... Сикорскій.
342. Голуби. ..... Тургеневъ.
343. Морское плаванье. ..... Тургеневъ.
344. Душа животныхъ. Душа человѣка. ..... Сикорскій.
345. О памяти, ея значеніи и свойствахъ. ..... Сикорскій.
346. Мышленіе психическими директивами. ..... Сикорскій.
347. Методика экспериментовъ надъ высшимъ мышленіемъ. Сикорскій.
348. Типы личности, въ зависимости отъ качества и количества директивъ. ..... Сикорскій.
349. Пустота души. ..... Сикорскій.
350. Низменность души. ..... Сикорскій.
351. Благородство души. ..... Сикорскій.
352. Величіе духа. ..... Сикорскій.
353. Упражненіе ума и понятливости. ..... Сикорскій.
354. Сосѣдъ. ..... Лермонтовъ.
355. Сосѣдъ. ..... Лермонтовъ.
356. Высшая психическая работа. ..... Сикорскій.
357. Афоризмы. .....
358. Послѣднія минуты Сократа. ..... Платонъ.
359. Афоризмы. .....
360. Загадки. Аллегоріи. Иносказанія. Притчи. .....
361. Психологическіе запросы. ..... Сикорскій.
362. Интеллектуальныя игры. ..... Сикорскій.
363. Новое въ физикѣ. ..... Сикорскій.
364. Самое великое въ мірѣ нравственномъ. ..... Сикорскій.
365. Приложеніе къ Христоматіи. ..... Сикорскій.

ИВАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ СИКОРСКІЙ.

Жизнь коротка, наука продолжительна.

Иванъ Алексѣевичъ Сикорскій родился въ 1842 году въ селѣ Антоновѣ, Кіевской губерніи, Сквирскаго уѣзда.

Отецъ его былъ священникомъ. Семья была большая — шесть сыновей и шесть дочерей и Иванъ Алексѣевичъ былъ шестымъ.

Съ самаго ранняго дѣтства онъ отличался вдумчивостью, былъ серьезенъ, мало принималъ участія въ играхъ братьевъ и сверстниковъ. Очень рано, почти самостоятельно, научился читать и читалъ по цѣлымъ днямъ. Книгъ въ то время, въ особенности, въ деревнѣ, въ бѣдной семьѣ священника было немного и Иванъ Алексѣевичъ читалъ всѣ книги, какія могъ найти: молитвенники, календари, учебники. Любимой его книгой была — «Басни Крылова», которыми онъ увлекался, читалъ вслухъ братьямъ и сестрамъ, оттѣняя мораль басни.

Въ девять лѣтъ онъ былъ помѣщенъ родителями въ духовное училище въ г. Кіевѣ. Учился очень много и хорошо, зналъ больше товарищей и своими познаніями часто удивлялъ учителей. Возвращаясь домой на каникулы, продолжалъ увлекаться занятіями, уходилъ съ книгами въ садъ, а чаще всего на церковную колокольню и проводилъ за чтеніемъ цѣлые дни, часто забывая объ обѣдѣ.

Отлично окончивъ духовное училище, перешелъ въ семинарію, гдѣ также сразу выдвинулся среди товарищей своими глубокими, незаурядными познаніями, выходившими далеко за предѣлы семинаріи. Свободно читалъ и переводилъ классиковъ, занимался естественными науками, литературой, философіей, изучилъ французскій и нѣмецкій языки. И учителя и товарищи относились къ нему съ особымъ уваженіемъ. Также относились къ нему въ семьѣ, и отецъ и мать, не смотря на юный возрастъ сына называли его по имени и отчеству и совѣтовались съ нимъ въ сложныхъ вопросахъ жизни. Дойдя до послѣдняго класса семинаріи, передъ выпускными экзаменами, Иванъ Алексѣевичъ сообщилъ родителямъ о своемъ рѣшеніи оставить семинарію и готовиться на аттестатъ зрѣлости для поступленія въ университетъ. Родители были взволнованы такимъ рѣшеніемъ, но не возражали, считая, что шагъ этотъ глубоко продуманъ сыномъ. Заниматься къ экзаменамъ нужно было много, особенно же потому,

что почти всѣ учебники приходилось переписывать, такъ какъ средствъ для покупки книгъ не было. Но ничто не могло остановить Ивана Алексѣевича въ его неутомимой жаждѣ знанія и весною 1862 года онъ блестяще выдержалъ всѣ экзамены на аттестатъ зрѣлости при I-й Кіевской гимназіи, и ввидѣ особаго исключенія былъ зачисленъ въ университетъ стипендіатомъ этой гимназіи.

Отъѣздъ его въ Кіевъ для поступленія въ университетъ былъ событіемъ въ домѣ сельскаго священника. Родители собрали сына, какъ могли, дали три рубля денегъ и маленькій самоваръ.

Выборъ факультета былъ сдѣланъ давно. Болѣе всего въ природѣ его привлекалъ и интересовалъ человѣкъ, въ частности — душа человѣка. Но предже чѣмъ приступить къ изученію человѣка, чтобы подготовить себя, Иванъ Алексѣевичъ считалъ правильнымъ изучить природу растеній и животныхъ, для чего предварительно поступилъ на естественный факультетъ университета Св. Владиміра.

Начинается жизнь, полная лишеній, почти голода, но согрѣтая сознаніемъ труда и горячимъ увлеченіемъ, съ какимъ Иванъ Алексѣевичъ переступилъ, наконецъ, порогъ храма науки и приступилъ къ занятіямъ.

Живя далеко отъ университета, онъ ежедневно посѣщалъ лекціи, слушалъ профессоровъ, и не только своего факультета. Послѣ лекцій торопился на уроки—нужно было добывать средства къ жизни, и только вечеромъ возвращался домой и тотчасъ же усаживался за книги. И здѣсь вокругъ него группировался кружокъ студентовъ, такихъ же ревностныхъ служителей науки; и здѣсь профессора отмѣтили выдающіяся способности и ненасытную жажду знаній молодого студента.

Къ этому же времени относится начало собранія библіотеки, которая къ концу его жизни стала одной изъ крупныхъ частныхъ библіотекъ и содержала свыше двѣнадцати тысячъ томовъ цѣнныхъ и рѣдкихъ книгъ. Библіотека эта передана, согласно волѣ Ивана Алексѣевича, въ даръ университету Св. Владиміра.

Прослушавъ на естественномъ факультетѣ два курса, онъ счелъ себя достаточно подготовленнымъ, чтобы приступить къ изученію человѣка и перешелъ на медицинскій факультетъ, который и окончилъ въ 1869 году.

Черезъ два года, написавъ диссертацію «Лимфатическіе сосуды легкихъ» и получивъ степень доктора медицины, Иванъ Алексѣевичъ переѣхалъ въ Петербургъ, чтобы имѣть возможность работать въ той области, которая его привлекала, такъ какъ отдѣльной кафедры по психіатріи и нервнымъ болѣзнямъ при Кіевскомъ университетѣ еще не существовало. Въ Петербургѣ во главѣ клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней при Военно-Медицинской Академіи стоялъ тогда профессоръ Балинскій. Ознакомившись съ нѣкоторыми печатными трудами Ивана Алексѣевича, въ которыхъ затрагивались совершенно новые въ то время вопросы въ медицинѣ, напримѣръ: «О явленіяхъ утомленія при умственной работѣ», напи-

санной въ 1873 году и уже переведенной на французскій и англійскій языки — Балинскій назначилъ Ивана Алексѣевича ординаторомъ клиники, и онъ получилъ возможность работать въ той области, къ которой стремился. Въ клиникѣ съ больными онъ проводилъ цѣлые дни, наблюдая больныхъ и болѣзни, проникая въ сложныя и многообразныя формы человѣческихъ страданій, изучая ихъ и научаясь въ тоже время врачевать ихъ. Студенты Военно-Медицинской Академіи постоянно окружали его, слушая его выпуклыя и яркія характеристики болѣзней, его спокойныя и сердечныя бесѣды съ больными. Такъ, у постели больныхъ, началось чтеніе лекцій. Вскорѣ Иванъ Алексѣевичъ и оффиціально былъ назначенъ приватъ-доцентомъ при кафедрѣ психіатріи и нервныхъ болѣзней.

Особая проницательность его въ распознаваніи — діагносцированіи болѣзней, особая способность говорить съ душевно-больными была отмѣчена и Боткинымъ, который еще въ началѣ 70-хъ годовъ приглашалъ его на консиліумы и поручалъ ему наблюденіе надъ тяжело-больными. Количество обращавшихся къ Ивану Алексѣевичу за медицинской помощью росло.

Въ 1882 году Иванъ Алексѣевичъ былъ приглашенъ на Международный Съѣздъ гигіены въ Женевѣ, какъ лицо, уже получившее извѣстность своими работами по психіатріи, психологіи и школьной гигіенѣ. Докладъ, сдѣланный имъ на этомъ Съѣздѣ «О дѣтяхъ, трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи» привлекъ вниманіе всего Съѣзда, особенно потому, что эти вопросы затрагивались въ наукѣ впервые, что и было отмѣчено въ отчетахъ о Съѣздѣ.

Изъ всего обширнаго ученія о здоровой и больной душѣ, которому Иванъ Алексѣевичъ посвятилъ себя, его въ частности глубоко интересовала дѣтская душа, еще мало изученная и непонимаемая въ то время и Иванъ Алексѣевичъ съ жаромъ и энергіей отдался этой животрепещущей отрасли. Въ школахъ и гимназіяхъ, для изученія дѣтей школьнаго возраста, въ пріютахъ и воспитательныхъ домахъ для наблюденія надъ новорожденными и малолѣтними, собралъ онъ обширныя и цѣнныя данныя, послужившія матеріаломъ для цѣлаго ряда работъ по воспитанію и обученію дѣтей: «Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства», «Объ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей», «О развитіи рѣчи у дѣтей», «О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія», «Психологическія основы воспитанія и обучанія» — всѣ эти труды въ цѣломъ и въ частяхъ переведены на иностранные языки, а книга «Душа ребенка», привлекшая всеобщее вниманіе, переведена на всѣ европейскіе языки (французскій, англійскій, венгерскій, чешскій, болгарскій, сербскій, испанскій) — стала настольной книгой нѣмецкаго учителя и выдержала въ Германіи свыше 14 изданій.

Въ 1882 году Иванъ Алексѣевичъ былъ назначенъ въ городскую психіатрическую больницу Николая Чудотворца, гдѣ женское отдѣленіе, ко-

торымъ онъ завѣдывалъ, стало образцовымъ. Вскорѣ послѣ этого ему было предложено мѣсто директора Тамбовской психіатрической лечебницы, а нѣсколько позже — Саратовской, но онъ отказался отъ этихъ предложеній, стремясь къ научной дѣятельности, работалъ въ клиникѣ, читалъ лекціи, подготовлялся къ профессорскому званію.

Въ 1884 году ему была предложена Московская кафедра. Узнавъ, что и при Кіевскомъ университетѣ предположено сновать кафедру по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ, Иванъ Алексѣевичъ сказалъ, что предпочелъ бы работать въ своемъ университетѣ и въ 1885 году былъ назначенъ профессоромъ въ Университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ и въ теченіи 26 лѣтъ читалъ лекціи въ томъ самомъ университетѣ, въ которомъ учился.

Изучивъ психологію, психіатрію, нервныя болѣзни, глубоко интересуясь всѣми отраслями знаній — Иванъ Алексѣевичъ читалъ лекціи студентамъ-медикамъ, юристамъ, а также врачамъ, учителямъ, читалъ публичныя лекціи, преподавалъ психологію въ гимназіяхъ, работалъ въ клиникахъ, больницахъ. Глубокія познанія въ болѣзняхъ души человѣка, а также особенная сердечность и возвышенная ласка, звучавшая въ его спокойномъ голосѣ, производила умиротворяющее, успокоительное вліяніе на душевно-больныхъ, и подчиненіе больныхъ Ивану Алексѣевичу во многихъ случаяхъ было столь поразительно, что вызывало удивленіе у просвѣщеннаго наблюдателя, бывшаго свидѣтелемъ этого необыкновеннаго искусства-управлять разстроеннымъ умомъ и безумной волей. Тамъ, гдѣ больному грозила какая нибудь опасность, напримѣръ въ случаяхъ наклонности къ самоубійству, Иванъ Алексѣевичъ тонко чуялъ грозныя событія и обнаруживалъ часто творческую изобрѣтательность для спасенія больного. И страждущіе со всей Россіи стремились къ нему за помощью и исцѣленіемъ. Въ тоже время Иванъ Алексѣевичъ былъ и общественнымъ дѣятелемъ. Въ 1904 году онъ основалъ Врачебно-Педагогическій Институтъ для умственно-недоразвитыхъ, отсталыхъ и нервныхъ дѣтей, въ теченіи 15 лѣтъ—до своей смерти—стоялъ во главѣ заведенія и былъ врачемъ-консультантомъ Института, являвшагося почти единственнымъ учрежденіемъ такого типа въ Россіи.

Основалъ Педагогическое Фребелевское Общество съ дѣтскимъ садомъ и много лѣтъ былъ Предсѣдателемъ его. Состоялъ Предсѣдателемъ Общества Вспомоществованія Студентамъ Университета Св. Владиміра, выстроилъ прекрасное зданіе для студенческой столовой, гдѣ студенты получали хорошій и очень дешевый обѣдъ. Основалъ Юго-Западное Общество Трезвости для борьбы съ алкоголизмомъ. Выстроилъ зданіе для чайной, организовалъ въ ней чтенія и бесѣды для народа. Былъ Предсѣдателемъ Психіатрическаго Общества, имъ же основаннаго, а также Предсѣдателемъ Общества покровительства лицамъ, отбывшимъ наказаніе и дѣтямъ безпріютнымъ. Былъ членомъ Общества Нестора-Лѣтописца, чле-

номъ Юридическаго Общества, членомъ Физико-Медицинскаго Общества.

Выдающаяся дѣятельность Ивана Алексѣевича была извѣстна и за границей и многія Ученыя Общества избрали его своимъ членомъ и прислали почетные дипломы.

Не смотря на разностороннюю дѣятельность какъ профессора, врача, общественнаго дѣятеля, онъ много писалъ и оставилъ обширные научно-литературные труды, изъ которыхъ многіе переведены на иностранные языки.

Всего напечатано болѣе ста трудовъ, изъ нихъ самые крупные: «Всеобщая психологія», «Психіатрія», «Душа ребенка», «Начатки психологіи», «Психологическія основы воспитанія и обученія», «Сборникъ научно-литературныхъ трудовъ». Статьи: о заиканіи, о мимикѣ, о дыханіи, объ алкоголизмѣ, о самоубійствѣ, о даровитости и талантливости, объ идеализаціи и матеріализаціи жизни, о черной, желтой и бѣлой расахъ, о трехъ возрастахъ человѣческой жизни, о Пушкинѣ, Гоголѣ, Пироговѣ, Соловьевѣ, О. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, Вирховѣ, Корсаковѣ, Балинскомъ.

«Психологическая Христоматія» является послѣдней работой и печатается посмертнымъ изданіемъ.

Въ своихъ трудахъ Иванъ Алексѣевичъ затронулъ цѣлый рядъ новыхъ научныхъ вопросовъ и открылъ новое научное поле.

Уча другихъ, продолжалъ учиться самъ, не пропуская ни одной цѣнной человѣческой мысли, будучи всегда освѣдомленъ о всѣхъ успѣхахъ науки, не утративъ острой, юношеской любознательности и интереса къ высшимъ духовнымъ проявленіямъ до послѣднихъ дней своей жизни.

Проводя время въ напряженной работѣ, Иванъ Алексѣевичъ дѣлалъ одинъ разъ въ годъ короткій перерывъ въ 6 — 8 недѣль для отдыха, и обыкновенно уѣзжалъ за границу, гдѣ часть времени проводилъ среди природы, красоты и величія которой глубоко чувствовалъ, часть времени посвящалъ осмотру музеевъ, галлерей, библіотекъ, памятниковъ, знакомясь съ жизнью и психологіей народовъ. Одна изъ такихъ поѣздокъ была посвящена осмотру Третьяковской Галлереи въ Москвѣ, гдѣ Иванъ Алексѣевичъ глубоко продумалъ и изучилъ художественное творчество въ Россіи. Онъ чувствовалъ духовную связь между наукой и искусствомъ, говоря, что искусство, присущимъ ему художественнымъ чутьемъ шло часто впереди науки, отмѣчая такія явленія, которыя еще не были извѣстны наукѣ. Художественныя фотографіи и альбомы музеевъ всего міра составили полный, очень интересный XV художественный отдѣлъ его обширной библіотеки.

Начало собиранія библіотеки относится еще къ студенческимъ годамъ, когда, отказывая себѣ во всемъ, питаясь часто только чернымъ хлѣбомъ съ чаемъ, Иванъ Алексѣевичъ пріобрѣталъ книги и тратилъ на нихъ всѣ свои заработки. Къ книгамъ относился съ большой любовью, оберегалъ, охранялъ ихъ. Позже, окончивъ университетъ, защитивъ диссер-

тацію и переѣхавъ въ Петербургъ, онъ продолжалъ пріобрѣтать книги. Библіотека всегда содержалась въ полномъ порядкѣ. Съ первыхъ же лѣтъ собиранія библіотеки былъ составленъ каталогъ, въ который аккуратно вносилась каждая новая книга. Въ 1893 году былъ изданъ печатный каталогъ библіотеки. Книги помѣщались въ спеціальныхъ шкафахъ, число которыхъ постепенно увеличивалось. Покупка новыхъ книгъ была радостнымъ событіемъ въ семьѣ Ивана Алексѣевича. Часто, когда пріобрѣтенная книга была очень дорогой и это отражалось на бюджетѣ семьи — всѣ охотно приносили нѣкоторыя жертвы для собиранія библіотеки.

Иванъ Алексѣевичъ любилъ вспоминать изъ временъ своего студенчества случай, когда къ нему въ комнату забрались воры, взяли единственный костюмъ, пальто, сапоги, шляпу, такъ что онъ принужденъ былъ оставаться въ постели, пока къ нему не заглянулъ студентъ-товарищъ и не выручилъ изъ затрудненія, одолживъ свой костюмъ. Но Иванъ Алексѣевичъ былъ такъ счастливъ, что воры не тронули его книгъ, что объ этомъ событіи вспоминалъ, какъ о счастливомъ днѣ своей жизни.

Библіотекой Иванъ Алексѣевичъ постоянно пользовался. Даже уѣзжая въ короткія заграничныя поѣздки бралъ съ собой ящикъ съ книгами, которыя могли понадобиться по ходу его работъ или съ которыми онъ хотѣлъ ближе ознакомиться.

Назвать отдыхомъ отъѣзды изъ дома представлялось бы не точнымъ. Скорѣе это была лишь полная смѣна впечатлѣній. Природа, новые люди, произведенія искусства — глубоко интересовали Ивана Алексѣевича и онъ по долгу простаивалъ передъ картиной или скульптурой, вдумываясь въ сокровенный психологическій смыслъ произведенія и тѣхъ чувствъ и мыслей, съ которыми произведеніе создавалось художникомъ, испытывая возвышенныя чувства, доходившія до благоговѣнія передъ великими произведеніями искусства.

И позже, несмотря на преклонный возрастъ, во время этихъ заграничныхъ поѣздокъ, онъ также неутомимо, съ чисто юношескимъ жаромъ ходилъ, смотрѣлъ, наблюдалъ, думалъ, дѣлалъ выводы. По вечерамъ садился за текущую научную работу, которая въ теченіе свыше 30 послѣднихъ лѣтъ не прекращалась почти ни на одинъ день. Въ первые дни по возвращеніи домой изъ за множества накопившихся, за время отсутствія, дѣлъ, Ивану Алексѣевичу приходилось почти отказываться отъ авторской работы, что, по его словамъ, «было мучительно» для него, такъ какъ готовыя мысли просились на бумагу, чтобы дать мѣсто новымъ образамъ.

Жизнь чрезвычайно заполненная, напряженная вступала въ свое обычное теченіе. Ни минуты безъ дѣла, никакихъ перерывовъ или развлеченій. Никогда никакого сна или отдыха послѣ обѣда, никакихъ пріемовъ гостей или хожденій въ гости, но постоянное живое общеніе съ людьми — только для науки и дѣла.

Чрезвычайная воздержанность была отличительной чертой Ивана Алексѣевича. Онъ не пилъ, не курилъ, не игралъ въ карты, не сидѣлъ на мягкой мебели, питался самыми простыми и незатѣйливыми кушаньями. Вставалъ лѣтомъ и зимой въ 6 съ половиной часовъ утра, на 20 минутъ выходилъ на утреннюю прогулку въ садъ, который былъ устроенъ по плану, составленному имъ самимъ и гдѣ многія деревья были посажены его руками. Вернувшись домой, пилъ кофе и читалъ газеты.

Въ восемъ часовъ утра начиналась его обычная работа — чтеніе лекцій, объѣздъ больницъ, общественныя и благотворительныя дѣла, работа во Врачебно-Педагогическомъ Институтѣ среди больныхъ дѣтей. Въ серединѣ дня полчаса для торопливаго обѣда — и снова различныя дѣла, пріемъ больныхъ, засѣданія, и только послѣ 8 часовъ вечера заканчивался трудовой день. За вечернимъ чаемъ выслушивалъ столичныя и иностранныя газеты и садился, наконецъ, за чтеніе книгъ и писаніе своихъ сочиненій.

Столь разнообразная дѣятельность требовала массы времени, котораго, безъ сомнѣнія, Ивану Алексѣевичу не было дано больше чѣмъ другимъ. Но онъ показалъ блестящій примѣръ того, какъ слѣдуетъ распоряжаться временемъ. Про него говорили, что у него 36 часовъ въ сутки, такъ много онъ успѣвалъ сдѣлать. Это искусство въ распоряженіи временемъ, эта психическая экономія составляла замѣчательную особенность его личности. На самомъ дѣлѣ онъ показалъ человѣчеству величайшій образецъ настойчиваго, неустаннаго труда и тѣхъ результатовъ, какими увѣнчивается такой умѣлый трудъ.

Не смотря на постоянную, напряженную работу, Иванъ Алексѣевичъ сохранялъ всегда одинаковое, ровное, бодрое и жизнерадостное настроеніе. Глаза его были серьезны и ласковы. На лицѣ всегда лежала печать глубокой мысли и въ то же время остроумная, добродушная шутка и улыбка были обычны для него.

Рѣчь его была выразительна, рельефна, лишена преувеличеній. Значеніе и смыслъ словъ Иванъ Алексѣевичъ тонко понималъ и чувствовалъ, какое, именно, слово слѣдуетъ употребить, почему рѣчь его чуждая вычурности, но отличавшаяся изящной простотой и законченностью мысли привлекала и возбуждала вниманіе и производила сильное впечатлѣніе. Точность въ употребленіи словъ онъ считалъ чрезвычайно важной и говаривалъ, что люди часто пользуются словами небрежно и не аккуратно.

Прекрасно владѣя языкомъ, Иванъ Алексѣевичъ, тѣмъ не менѣе, часто обращался къ лексиконамъ — Академическому — Даля, и еще чаще къ словарю Литтре, тонкому толкователю психологическаго значенія словъ. Чтобы точнѣе вникать въ смыслъ сочиненія — всѣ книги читалъ въ подлинникѣ, а не въ переводѣ и, уже будучи совсѣмъ не молодымъ, изучилъ англійскій языкъ, котораго раньше не зналъ.

Потребность имѣть точное, истинное понятіе, а не поверхностное, приблизительное, была чрезвычайно развита у Ивана Алексѣевича и походила на духовное чувство жажды. Поэтому всѣ новѣйшія справочныя книги, энциклопедіи, альманахи, географическіе и астрономическіе атласы, измѣрительные приборы находились у него подъ рукой и приблизительное понятіе тотчасъ же замѣнялось вполнѣ точнымъ. Это чувство можно было бы назвать постояннымъ, неумолкающимъ исканіемъ правды, истины.

Умъ его всегда находился въ состояніи глубокаго вниманія, душа въ полномъ покоѣ и мирѣ. Ивана Алексѣевича нерѣдко можно было видѣть утомленнымъ и въ такихъ случаяхъ онъ искалъ уединенія, но раздраженнымъ, а тѣмъ болѣе гнѣвнымъ его никто, никогда не видѣлъ. Даже въ такихъ случаяхъ, когда чувство досады или гнѣва, естественно, должно было появиться — оно замѣнялось чувствомъ негодованія, а еще чаще — печали.

Уравновѣшенный, далекій отъ мелочей жизни, возвышенно-настроенный, всегда философски-спокойный, онъ, этотъ душевный покой распространялъ вокругъ себя, и не только люди больные, но и здоровые, чѣмъ нибудь угнетенные или взволнованные, послѣ разговора съ нимъ находили правильное рѣшеніе въ своихъ сомнѣніяхъ и душевный покой. Его личное, тонко развитое чувство давало ему силу и способность проникать въ тайники человѣческой души и дѣлало его психологомъ и психіатромъ по самому естеству.

Эти особыя свойства и качества Ивана Алексѣевича были извѣстны многимъ и количество приходившихъ къ нему за душевнымъ миромъ было велико.

Отличительную черту его нервно-психической организаціи составляла необыкновенная гармонія всѣхъ сторонъ и способностей, дѣлавшая его личность въ нравственномъ отношеніи необыкновенно привлекательной.

Обращеніе съ окружающими отличалось особой мягкостью и деликатностью, было полно терпѣнія, сердечности, уваженія къ чужему мнѣнію. Приказаніе было всегда облечено въ форму просьбы. Уже тяжко больной, неподвижный, почти умирающій, онъ сохранилъ тѣ же способы обращенія: «Не прочтете ли вы мнѣ что нибудь? Не дадите ли мнѣ глотокъ чаю? Не повернете ли меня? — говорилъ онъ вмѣсто прочтите мнѣ, дайте мнѣ чаю, поверните меня!»

Тяжкую болѣзнь, поразившую его за три года до смерти и приковавшую его къ постели, переносилъ съ величайшимъ терпѣніемъ, ясно понимая всю картину болѣзни, теченіе ея и близкій конецъ. Онъ говаривалъ, что для него было большимъ несчастьемъ заболѣть той самой болѣзнью, отъ которой онъ лѣчилъ другихъ. Не смотря на тяжкій физическій недугъ, духъ его до самой смерти продолжалъ оставаться бодрымъ, мысль продолжала свою работу. Иванъ Алексѣевичъ жилъ высшими духовными интересами, слушалъ чтеніе, диктовалъ, стремясь сохранить для другихъ результаты своихъ глубокихъ познаній и глубокаго опыта: заканчивалъ

редактированіе «Психологической Христоматіи». Спокойно и кротко готовился къ исполненію, какъ онъ говорилъ «послѣдняго долга человѣка на землѣ» — къ смерти.

Постоянное умственное напряженіе, которымъ жилъ Иванъ Алексѣевичъ, охраняло отъ разрушенія мозговую ткань и поддерживало ее въ состояніи полной физіологической жизненности.

«Какое ободреніе труженникамъ человѣчества въ этомъ знаменательномъ фактѣ! Какое утѣшеніе тѣмъ изъ насъ, которые уже приближаются къ концу человѣческой жизни, — говорилъ онъ: пусть разрушается наше тѣло — таковы законы природы, но пусть до послѣдней минуты жизни насъ не покидаетъ ясность ума, сила воли и огонь сердца».

Сознаніе его помрачилось не болѣе, какъ за 12 часовъ до кончины. Физическая жизнь продолжалась немногимъ долѣе психической. Иванъ Алексѣевичъ Сикорскій скончался 1-го февраля, 1919 года на 77 году, слѣдуя всю жизнь афоризму: Жизнь коротка, наука продолжительна. Вся его жизнь была служеніемъ наукѣ и человѣчеству.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поводомъ къ изданію Психологической Христоматіи послужило желаніе дать такой матеріалъ для чтенія, который расположенъ по опредѣленной системѣ и гдѣ смежные литературные отрывки своимъ дѣйствіемъ дополняютъ и укрѣпляютъ себя взаимно, но не ослабляютъ и не противорѣчатъ одинъ другому. Таково основное требованіе для всякаго сборника.

Авторъ старался избрать лучшіе показательные образцы изъ первоклассныхъ литературныхъ источниковъ, не пропуская ничего существеннаго и не заботясь о численномъ обиліи сходственнаго матеріала. Второстепеннымъ образцамъ, если они не рѣдкостны, придано второстепенное значеніе.

При писаніи книги показалось естественнымъ и полезнымъ объединить художественно-литературный матеріалъ съ теоріей поэзіи, чтобы читателю стало яснымъ, что форма произведеній приспособляется къ ихъ содержанію.

Книга назначена для дѣтей и юношей и для тѣхъ взрослыхъ, которые имѣютъ желаніе и надобность знакомиться съ подобнымъ учебно-воспитательнымъ сборникомъ.

Совѣтъ старшихъ полезенъ, по временамъ, для тѣхъ младшихъ, кому трудно разобраться въ содержаніи.

Матеріалъ сборника особенно пригодный и необходимый для читателей переходнаго возраста, т. е. отъ 12 — 15 лѣтъ помѣщенъ подъ конецъ книги, передъ обзоромъ научныхъ новостей. Съ него можно начинать чтеніе, кому нужно.

Въ Христоматіи всякій можетъ читать все, что его интересуетъ или заинтересуетъ. Таковъ, для читателей совѣтъ извѣстнаго профессора врача — художника, Шарко.

Кіевъ 1917 г.

АВТОРЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Слово Христоматія стало международнымъ до такой степени, что его не легко признать за иностранное. Между тѣмъ — это слово взято съ греческаго языка и происходитъ отъ словъ: «п о л е з н ы й», «з н а н і е», «у ч е н і е», «н а у к а». Слово это правильнѣе писать по русски Х р и с т о м а т і я, чѣмъ Х р е с т о м а т і я. Названіе христоматій вошло въ употребленіе въ средніе вѣка и первоначально присваивалось сборникамъ полезныхъ научныхъ и литературныхъ свѣдѣній и отрывковъ, но впослѣдствіи рамки наименованія съузились, и оно утвердилось только за собраніемъ отрывковъ литературнаго содержанія. Владиміръ Даль въ своемъ словарѣ *живого великорусскаго языка* называетъ христоматію сборникомъ мелкихъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ писателей. Литтре въ своемъ *Академическомъ лексиконѣ французскаго языка,* опредѣляетъ христоматію, какъ сборникъ лучшихъ отрывковъ изъ классическихъ авторовъ.

Такимъ образомъ христоматіи, въ настоящее время содержатъ только изящную литературу въ художественныхъ отрывкахъ и образцахъ и даютъ возможность ознакомлять читателя на подлинномъ краткомъ выборочномъ матеріалѣ со всѣмъ разнообразіемъ произведеній изящнаго слова. Христоматія сдѣлалась учебной книгой, и на этомъ полѣ развилось значеніе и разнообразіе христоматій. Въ христоматію стали вносить образцы отечественной и иностранной изящной литературы, современной и прежняго времени, существующихъ и бывшихъ народовъ (классическія литературы) разширяя матеріалъ по возможности на всѣ виды и роды человѣческаго *словеснаго* творчества. Таковъ обычный кругозоръ христоматій. Другія требованія представлены въ нихъ слабѣе. Разграниченіе содержанія книги по возрастамъ читателей представлено и выражено въ нихъ часто рѣзкими чертами — *дошкольные дѣти, и школьные,* то слабо и не вполнѣ ясно: *младшаго возраста, старшаго, юноши* и т. д. Но быть можетъ наиболѣе замѣтную сторону въ недочетахъ христоматій составляетъ слабое использованіе несмѣтныхъ психологическихъ богатствъ, содержащихся въ нѣдрахъ творчества и литературы у писателей и поэтовъ. Это можно сравнить только съ богатыми запасами драгоцѣнныхъ металловъ и тѣми неисчислимыми минеральными залежами, которыя скрыты подъ землею, въ ожиданіи своего извлеченія на поверхность. Поэты и писатели были не только

художниками, но большею частью психологами по душѣ, а нѣкоторые *присяжными* психологами, какъ Шекспиръ, Лермонтовъ, Достоевскій и исполняли эти добровольныя обязанности съ тою тщательностью, съ какою несли свою прямую художественную службу. Въ ихъ произведеніяхъ содержится неизсякаемый источникъ психологическаго интереса и матеріала. Эта сторона художественныхъ богатствъ могла бы не безъ успѣха быть использованной въ христоматіяхъ для освѣженія ихъ монотонности, внесеніемъ новаго содержанія. Авторъ настоящей книги стремится сдѣлать попытку вступить на этотъ новый путь, настойчиво выдвигаемый жизнью.

Психологическая Христоматія предусматриваетъ двоякую цѣль:

1. Содѣйствовать всестороннему развитію *юнаго существа* при посредствѣ художественно подобранныхъ впечатлѣній изъ области человѣческаго слова;

2. Послужить систематическимъ матеріаломъ для практическаго ознакомленія съ прикладной психологіей или психологіей жизни, начинающей играть все большую и большую роль въ нравственномъ обиходѣ самой жизни и въ системѣ воспитанія.

Психологическая Христоматія, по самому существу своему не должна быть только *учебной* или *классной* книгой, ея значеніе шире: она должна явиться воспитательнымъ орудіемъ и прикладнымъ руководствомъ въ дѣлѣ развитія ума, воли, чувства и въ задачахъ содѣйствія раскрытію и установленію *личности*. Слѣдовательно Психологическая Христоматія есть не только *книга для школы, но и книга для жизни*. Вѣроятно, рамки книги будутъ разширяться съ теченіемъ времени, уже и въ наши дни открывается новая перспектива человѣческаго прогресса — возможность не только умственнаго развитія юнаго существа, но и задача нравственнаго и художественнаго усовершенствованія личности, какъ одна изъ самостоятельныхъ цѣлей и формъ психическаго прогресса, какъ объ этомъ можно судить по біографіи Мориса Герена, написанной Лебелемъ Лефранкомъ (Lefranc), гдѣ показано, какъ высшее нравственное развитіе можетъ сдѣлаться одной изъ цѣлей прогресса личности, достигаемаго со всею силою самопожертвованія и беззавѣтности, подобно тому, какъ усовершенствованіе голоса, развитіе силы мышцъ и здоровья можетъ стать главной цѣлью человѣка, поглощающей его существо и сосредотачивающей на себѣ вниманіе и интересъ.

Живые, художественные образцы Христоматіи, содѣйствуя развитію *всѣхъ сторонъ* личности могутъ возбудить между ними ту борьбу и соревнованіе, которыми наилучше раскроется призваніе человѣка и предстоящія задачи жизни.

Профессоръ И. А Сикорскій, основатель Кіевскаго Фребелевскаго Общества и первый Директоръ Фребелевскаго Женскаго Педагогическаго Института.

Кіевъ. 1915 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ ХРИСТОМАТІИ.

УМЪ И ПОЗНАНІЕ.

А. ПОЛУЧЕНІЕ ВПЕЧАТЛѢНІЙ ЧРЕЗЪ ВНѢШНІЕ ОРГАНЫ ЧУВСТВЪ

I. Слуховое вниманіе. Зрительное вниманіе. Осязательное и обонятельное невниманіе.

Только что подали стерляжью уху, которою заранѣе хвалился хозяинъ, говоря, что лучше черемшанскихъ стерлядей нѣтъ во всей Россіи, какъ вдругъ задняя стѣна зала зашелевилась, поднялась вверхъ и громъ музыки поразилъ мои уши. Передо мной открылось возвышеніе, на которомъ сидѣло множество людей, державшихъ въ рукахъ неизвѣстные мнѣ инструменты. Я былъ подавленъ изумленіемъ, уничтоженъ. Держа ложку въ рукѣ, я превратился самъ въ статую и смотрѣлъ, разиня ротъ и выпуча глаза, на эту кучу людей, то есть на оркестръ, гдѣ всѣ проворно двигали руками взадъ и впередъ, дули ртами, и откуда вылетали чудные, восхитительные волшебные звуки, то какъ будто замиравшіе, то превращавшіеся въ ревъ бури и даже громовые удары. Хозяинъ, замѣтивъ мое изумленіе, былъ очень доволенъ и громко хохоталъ, напоминая мнѣ, что уха простынетъ. Но я и не думалъ объ ѣдѣ. Матери моей было непріятно мое смущеніе, или лучше сказать, мое изумленіе, и она шепнула мнѣ, чтобы я пересталъ смотрѣть на музыкантовъ, а ѣлъ. . . Трудно было мнѣ вполнѣ повиноваться. Черпая ложкой уху, я безпрестанно заглядывался на оркестръ музыкантовъ и безпрестанно обливался. Д. еще громче хохоталъ, отецъ улыбался, а мать краснѣла и сердилась. Сестрица моя сначала была также удивлена, но потомъ сейчасъ успокоилась, принялась кушать и смѣялась, глядя на меня. Немного съѣлъ я диковинной ухи и сдалъ почти полную тарелку. Музыка прекратилась. Всѣ хвалили искусство музыкантовъ. Я принялся было усердно ѣсть какое то блюдо, котораго я никогда прежде не ѣлъ, какъ вдругъ на возвышеніи показались двѣ дѣвицы, въ прекрасныхъ бѣлыхъ платьяхъ въ завитыхъ локонахъ; держа въ рукахъ какіе то листы бумаги, онѣ подошли къ самому краю возвышенія, низко присѣли (я отвѣтилъ имъ поклономъ) и принялись пѣть. Мой поклонъ вызвалъ новый хохотъ у Д. и новую краску на лицѣ моей матери. Но пѣніе меня не увлекло: слова были

мнѣ непонятны, а напѣвы еще менѣе. Я вспомнилъ пѣсни нашихъ горничныхъ дѣвушекъ и рѣшилъ, что Матреша поетъ гораздо лучше. Вслѣдствіе такого рѣшенія я сталъ заниматься кушаніемъ и до конца обѣда уже не привлекъ на себя вниманіе хозяина.

С. Аксаковъ.

2. Зрительное вниманіе. Слуховое вниманіе. Самочувствіе.

Молнія вспыхиваетъ, какъ будто въ самой бричкѣ, ослѣпляетъ зрѣніе и на одно мгновеніе освѣщаетъ сѣрое сукно, басонъ и прижавшуюся къ углу фигуру Володи. Въ ту же секунду надъ самой головой раздается величественный гулъ, который, какъ будто поднимаясь все выше и выше, постепенно усиливается и переходитъ въ оглушительный трескъ, невольно заставляющій трепетать и сдерживать дыханіе. Ослѣпительная молнія, мгновенно наполняя огненнымъ свѣтомъ всю лощину, заставляетъ лошадей остановиться и, безъ малѣйшаго промежутка, сопровождается такимъ оглушительнымъ трескомъ грома, что, кажется, весь сводъ небесъ рушится надъ нами. Вѣтеръ еще усиливается. Гривы и хвосты лошадей, шинель Василія и края фартука принимаютъ одно направленіе и отчаянно развѣваются отъ порывовъ неистоваго вѣтра. На кожанный верхъ брички тяжело упала крупная капля дождя. . . другая, третья, четвертая и вдругъ какъ будто кто то забарабанилъ надъ нами, и вся окрестность огласилась равномѣрнымъ шумомъ падающаго дождя. Косой дождь, гонимый сильнымъ вѣтромъ лилъ, какъ изъ ведра; съ фризовой шинели Василія текли потоки въ лужу мутной воды, образовавшейся на фартукѣ. Сбитая катушками пыль превратилась въ жидкую грязь, которую мѣсили колеса. Толчки стали меньше, и по глинистымъ колеямъ потекли мутные ручьи. Молнія свѣтила шире и блѣдиѣе и раскаты грома уже не такъ поразительны за равномѣрнымъ шумомъ дождя.

Л. Толстой.

3. Обонятельное вниманіе. Осязательная невнимательность. Космическая радость.

Володя откидываетъ фартукъ; я высовываюсь изъ брички и жадно вниваю въ себя освѣженный душистый воздухъ. Блестящій, омытый кузовъ кареты съ чемоданами покачивается передъ нами, спины лошадей, шлеи, вожжи, шины колесъ — все мокро и блестить на солнцѣ, какъ покрытое лакомъ. Со всѣхъ сторонъ вьются съ веселой пѣснью и быстро падаютъ хохлатые жаворонки; въ мокрыхъ кустахъ слышно хлопотливое

движеніе маленькихъ птичекъ и изъ середины рощи ясно долетаютъ звуки кукушки. Такъ обаятеленъ этотъ чудный запахъ лѣса послѣ весенней грозы, что я не могу усидѣть въ бричкѣ, соскакиваю съ подножки, бѣгу къ кустамъ и, не смотря на то, что меня обсыпаетъ дождевыми каплями, рву мокрыя вѣтви распустившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь ихъ чуднымъ запахомъ. Не обращая даже вниманія на то, что къ сапогамъ моимъ липнутъ огромные комки грязи, бѣгу къ окну кареты. — Любочка! Катенька! — кричу я, подавая туда нѣсколько вѣтокъ черемухи. Посмотри, какъ хорошо! Дѣвочки пищатъ, ахаютъ. Мими кричитъ, чтобы я ушелъ, а то меня непремѣнно раздавятъ. — Да, ты понюхай, какъ пахнетъ! — кричу я.

Л. Толстой.

4. Общія чувства. Дѣйствія ласки въ дѣтствѣ.

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора дѣтства. Какъ не любить, не лелѣять воспоминаній о ней! Воспоминанія эти освѣжаютъ, возвышаютъ мою душу и служатъ для меня источникомъ лучшихъ наслажденій. Набѣгавшись до сыта, сидишь, бывало, за чайнымъ столомъ, на своемъ высокомъ креслицѣ; уже поздно: давно выпилъ свою чашку молока съ сахаромъ, сонъ смыкаетъ глаза, но не трогаешься съ мѣста, сидишь и слушаешь. И какъ не слышать? Maman говоритъ съ кѣмъ нибудь и звуки голоса ея такъ сладки, такъ привѣтливы: одни звуки эти такъ много говорятъ моему сердцу. Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ея лицо, и вдругъ она сдѣлалась вся маленькая, маленькая — лицо ея не больше пуговки, но оно мнѣ все также ясно видно: вижу, какъ она взглянула на меня и какъ улыбнулась. Мнѣ нравится видѣть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она дѣлается не больше тѣхъ мальчиковъ, которые бываютъ въ зрачкахъ; но я пошелевился — и очарованіе разрушилось; я съуживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но — напрасно.

Я встаю, съ ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснешь, Николенька, — говоритъ мнѣ мамаша: — ты бы лучше шелъ на верхъ.

— Я не хочу спать, мамаша — отвѣтишь ей, и неясныя, но сладкія грезы наполняютъ воображеніе, здоровый дѣтскій сонъ смыкаетъ вѣки и черезъ минуту забудешься и спишь до тѣхъ поръ, пока не разбудятъ. Чувствуешь, бывало, впросонкахъ, что чья то нѣжная рука трогаетъ тебя; по одному прикосновенію узнаешь ее и еще во снѣ невольно схватишь эту руку и крѣпко прижмешь ее къ губамъ.

Всѣ уже разошлись; одна свѣча горитъ въ гостинной; мамаша сказала, что сама разбудитъ меня; это она присѣла на кресло, на которомъ

я сплю; надъ ухомъ моимъ звучитъ милый знакомый голосъ: — Вставай, моя душечка! пора итти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стѣсняютъ ее: она не боится излить на меня всю свою нѣжность и любовь. Я не шевелюсь, но еще крѣпче цѣлую ея руку.

— Вставай, мой ангелъ.

Другой рукой она беретъ меня за шею и щекочетъ. Въ комнатѣ тихо, полутемно: нервы мои возбуждены щекоткой и пробужденіемъ; мамаша сидитъ подлѣ меня; она трогаетъ меня; я слышу ея голосъ. Все это заставляетъ меня вскочить, обвить руками ея шею, прижать голову къ ея груди и, задыхаясь, сказать:

— Ахъ, милая, милая мамаша, какъ я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной очаровательной улыбкой, беретъ обѣими руками мою голову, цѣлуетъ меня въ лобъ и кладетъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ ты меня очень любишь? — Она молчитъ съ минуту, потомъ говоритъ: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будетъ твоей мамаши, ты не забудешь ее? Не забудешь, Николенька?

— Полно, и не говори этого, голубчикъ мой, душечка моя! — вскрикиваю я, цѣлуя ея колѣни, и слезы ручьями льются изъ моихъ глазъ, — слезы любви и восторга.

Послѣ этого, какъ бывало, придешь на верхъ и станешь передъ иконами въ своемъ ваточномъ халатѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: — «Спаси Господи, папеньку и маменьку».

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце; на душѣ легко, свѣтло и отрадно; однѣ мечты гонятъ другія, но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на свѣтлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи — единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастливымъ — и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: «Дай Богъ ему счастья; дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить ему горе: я всѣмъ готовъ для него пожертвовать.» Потомъ любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы далъ Богъ счастья всѣмъ, чтобы всѣ были довольны, и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Л. Толстой.

5. Психо-физіологія вниманія.

Въ составъ слухового воспріятія входитъ извѣстная неподвижность туловища съ пріостановкой большей части движеній въ организмѣ. Этой

неподвижностью всего болѣе характеризуется *слуховое вниманіе* въ ряду другихъ видовъ вниманія.

Если наблюдать человѣка слушающаго или прислушивающагося, то можно убѣдиться, что, при общей неподвижности туловища, наиболѣе неподвижной является голова. Неподвижность обусловливается энергическимъ сокращеніемъ всѣхъ мышцъ въ соединеніи съ активной остановкой дыханія. Это всеобщее напряженіе мускулатуры въ художественныхъ описаніяхъ изображается словами: «весь превратился въ слухъ». Дыханіе измѣняется такимъ образомъ, что обѣ дыхательныя фазы — вдыханіе и выдыханіе — становятся активными; движенія совершаются медленно, по временамъ дыханіе совершенно пріостанавливается, — что соотвѣтствуетъ усиленію слухового вниманія. Эти измѣненія замѣчаются даже у самыхъ маленькихъ дѣтей не только въ слуховомъ, но, отчасти, и въ другихъ видахъ вниманія. Въ поэтическихъ произведеніяхъ описаніе внѣшнихъ проявленій слухового вниманія составляетъ почти такой же частый сюжетъ, какъ въ произведеніяхъ художниковъ-изображеніе зрительнаго вниманія. Слѣдующій отрывокъ изъ Лермонтова весьма точно опредѣляетъ подробности слухового вниманія: *)

«Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою».

6. Между познаніемъ и чувствомъ.

Сравнивая зрительныя, слуховыя, обонятельныя и вкусовыя впечатлѣнія, мы представляемъ себѣ, что они находятся не внутри насъ, а какъ будто приходятъ снаружи, извнѣ: мы *экстеріоризируемъ* эти впечатлѣнія, т. е. относимъ къ внѣшности, но то, что приходитъ къ намъ черезъ общее чувство, напр. щекотка, ласка, мы чувствуемъ какъ бы совершающимся внутри насъ, въ нашемъ тѣлѣ или нашихъ нервахъ. Первый разрядъ внѣшнихъ впечатлѣній относится къ *познанію*, второй къ *чувству*, что особенно наглядно на тѣхъ впечатлѣніяхъ ласки и щекотки, какія описаны Л. Толстымъ.

Ласка и щекотка (№ 4) чувствуется нами иначе, чѣмъ громъ, молнія, запахъ черемухи, описанные тѣмъ же авторомъ. Громъ и молнію всякій человѣкъ считаетъ чѣмъ то внѣшнимъ, удаленнымъ отъ тѣла, а щекотку чѣмъ то испытываемымъ внутри насъ, въ кожѣ.

*) *Измаилъ Бей. Часть I-я, строфа XXXVII.*

7. Какія впечатлѣнія болѣе важны для душевнаго развитія? Кто больше обездоленъ — слѣпой или глухой?

Было не мало споровъ касательно того, кто болѣе обездоленъ — глухой или слѣпой. Изслѣдованія психическаго склада и его ненормальностей показали, что участь глухого болѣе тягостна, его духовное преуспѣваніе и даже характеръ болѣе страдаютъ, чѣмъ у слѣпого. Оттого глухіе болѣе мрачны, болѣе угрюмы и одиноки, болѣе совершаютъ преступленій, чѣмъ слѣпые. Слѣпой, не видя окружающихъ предметовъ, лишенъ общенія съ *внѣшней природой,* глухой, не слыша рѣчи людей, лишенъ общенія съ людьми: слѣпой отрѣшенъ и отчужденъ отъ *внѣшняго міра,* глухой отъ *нравственнаго міра.* Слѣпые обыкновенно ищутъ людей и общенія съ ними, какъ высшаго источника духовнаго развитія, глухой почти избѣгаетъ общенія, потому что оно не только не открываетъ ему людской души, но лишній разъ убѣждаетъ его въ его тяжеломъ духовномъ одиночествѣ. Въ этомъ отношеніи положеніе глухого, по своей глубокой душевной замкнутости напоминаетъ положеніе душевно больныхъ, которые вообще отдалены отъ людей своей болѣзнью. Оттого глухой по характеру замкнутъ, непривѣтливъ, подозрителенъ. Слѣпой исправляетъ односторонность своей души усиленнымъ развитіемъ слуховыхъ и осязательныхъ ощущеній, при чемъ осязаніе служитъ ему для образованія пространственныхъ представленій, а изощренный слухъ играетъ роль предвѣщательнаго или предупредительнаго средства, чтобы чувствовать внѣшній міръ издалека.

8. Изъ дневника Маріи Башкирцевой.

Четвергъ 16-го ноября. — Я была у доктора — у клиническаго хирурга, неизвѣстнаго и скромнаго, чтобы онъ не обманулъ меня.

О, это не очень то любезный господинъ. Онъ такъ преспокойно и сказалъ мнѣ: *я никогда не вылечусь.* Но мое состояніе можетъ улучшиться настолько, что глухота будетъ выносимой; она и теперь выносима; можно надѣяться, что со временемъ она еще уменьшится.

Сегодня я впервые отважилась сказать прямо: господинъ докторъ, я глохну. До сихъ поръ я употребляла выраженія вродѣ: я плохо слышу, у меня шумъ въ ушахъ и т. п. Въ этотъ разъ я рѣшилась произнести это ужасное слово, и докторъ отвѣтилъ мнѣ рѣзко и грубо, какъ истый хирургъ.

Итакъ, я никогда не вылечусь... Это будетъ выносимо, но между мною и остальнымъ міромъ будетъ завѣса.

Шумъ вѣтра, плескъ воды, дождь, ударяющій о стекла оконъ... слова, слова, произносимыя вполголоса... я не буду слышать ничего этого!

Я страдаю въ томъ, что мнѣ всего нужнѣе, всего дороже.

Только бы оно не пошло дальше!

Пятница 17-го ноября. — Итакъ, я буду калѣкой, неполнымъ существомъ по сравненію съ кѣмъ бы то ни было. Я буду нуждаться въ помощи и содѣйствіи своихъ, въ деликатности чужихъ. Свобода, независимость — все кончено.

Мнѣ, такой гордой, придется краснѣть и наблюдать за собой каждую минуту.

Да, всѣ узнаютъ, или уже знаютъ это, всѣ, которымъ такъ хотѣлось оклеветать меня... Она глуха. Но, Боже мой, зачѣмъ это ужасное, возмутительное, страшное несчастье?

Вторникъ 21-ое ноября. — Со вчерашняго дня я работаю въ академіи, возвратившись къ самой полной простотѣ, не заботясь ни о выборѣ модели, ни о ея красотѣ, оставивъ всякія притязанія. Шесть мѣсяцевъ такой работы, говоритъ Жуліанъ, и вы сдѣлаете все, что захотите.

Они всѣ надоѣли мнѣ, я сама себѣ надоѣла! Я никогда не вылечусь. Чувствуете ли вы, сколько въ этомъ отчаяннаго, несправедливаго, ужаснаго!

Понимаете ли вы — на всю жизнь, до самой смерти!...

Это, конечно, повліяетъ на мой характеръ, на мой разсудокъ, не говоря уже о томъ, что у меня изъ-за этого появились сѣдые волосы.

Повторяю, я еще не вѣрю этому. Не можетъ быть, чтобы нельзя было ничего, ничего сдѣлать; чтобы это осталось навсегда; что я умру съ этой завѣсой между мной и остальнымъ міромъ и что никогда, никогда, никогда!..

Не правда ли, вѣдь нельзя вѣрить тому, что этотъ приговоръ такъ рѣшителенъ, такъ безвозвратенъ! И ни тѣни надежды, ни тѣни, ни тѣни! Меня это такъ раздражаетъ во время работы; я все опасаюсь, что не услышу того, что скажетъ модель или кто нибудь въ мастерской или что будутъ смѣяться ... или, наконецъ, будутъ говорить ради меня слишкомъ громко.

А съ моделью на дому! Что же, ей скажутъ просто, что ... что? Что я плохо слышу? Попробуйте. Такое признаніе въ своемъ уродствѣ, и въ такомъ унизительномъ, глупомъ, грустномъ уродствѣ.

Мнѣ все кажется, что я говорю о комъ то другомъ... Да и какъ убѣдиться въ реальности этого ужаснаго кошмара, этой безобразной, жестокой, возмутительной вещи!.. И это въ лучшее время жизни, въ молодости! Какъ увѣрить себя, что это былъ не дурной сонъ, что это возможно и останется навсегда?

9. Глухая, нѣмая, слѣпая.

Недоразвитіе психическихъ образовъ. Одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ и наглядныхъ примѣровъ недоразвитія чувственныхъ образовъ и вліяніе этого недочета на психическую жизнь представляютъ лица, утратившія въ раннемъ дѣтствѣ *зрѣніе и слухъ* и оставшіяся только при трехъ *остальныхъ* органахъ чувствъ. Но такъ какъ эти *остальные* органы относятся къ числу простѣйшихъ аппаратовъ воспріятія, то вся психическая жизнь у *глухихъ*,

слѣпыхъ, нѣмыхъ неминуемо становится недостаточной, узкой, односторонней. Психическая судьба такихъ субъектовъ печальна: они становятся идіотами, и только наиболѣе талантливые между ними пробили стѣны своей психической темницы и хотя косвеннымъ путемъ расширяли систему своихъ впечатлѣній и тѣмъ пополняли инвентарь своего замкнутаго духа. Наиболѣе замѣчательный примѣръ этого рода, когда либо описанный, представляетъ автобіографія *глухой, нѣмой, слѣпой* Елены Келлеръ. Елена потеряла разомъ слухъ и зрѣніе, перенеся инфекціонную болѣзнь, сопровождавшуюся приливомъ крови къ головѣ. Въ это время ей было полтора года. Очнувшись отъ лихорадочнаго бреда, бѣдное дитя жадно устремило свой взоръ на стѣнку, возлѣ которой находилась постель, чтобы увидѣть опять любимый свѣтъ... Мало по малу она привыкла къ своей слѣпотѣ и глухотѣ. То на рукахъ у матери, то держась за ея платье, Елена только осязаніемъ воспринимала и понимала внѣшній міръ, и хотя первоначально оставалось нѣкоторое воспоминаніе о свѣтѣ и звукахъ, но вскорѣ оно исчезло, и тогда въ душѣ и въ органахъ чувствъ наступилъ могильный мракъ и гробовая тишина, и началась томительная и монотонная работа ознакомленія съ предметами и движеніями посредствомъ осязающей руки, которая затѣмъ стала и орудіемъ показа для выраженія своего душевнаго состоянія и своихъ потребностей. Запахи и осязательныя движенія рукой были ея радостями, она любила духи, запахъ цвѣтовъ, и все осязала ... осязала. Это были ея забавы. Но скоро она стала понимать, что отличается отъ другихъ. Сидя между двухъ субъектовъ, она касалась ихъ губъ, и стала смутно догадываться, что они обмѣнялись мыслями. Иногда она сама неистово принималась двигать губами и руками, чтобы получить загадочный результатъ. Полный неуспѣхъ этого опыта повергалъ ее въ отчаяніе, и она неудержимо кричала, конечно, не слыша своего голоса. Елена дѣлала тысячи пробъ, чтобы вывести на просторъ свой замкнутый духъ, становилась передъ зеркаломъ, мылась и душилась, подражая взрослымъ. Между тѣмъ, съ каждымъ днемъ наростала потребность *высказаться*, но Елена чувствовала, что жесты — недостаточны для этого. Она впадала въ сильное возбужденіе и безпокойство, чувствуя, что ее точно какая то невѣдомая сила удерживаетъ связанной, и она безъ удержу горько плакала, томимая страшнымъ плѣномъ души. Только близость и ласки матери, которой она не видѣла и не слышала, смягчала горесть ея жизни. Проф. Александръ Грегемъ Белль, которому была показана дѣвочка на шестомъ году, первый проникъ въ глубину душевной драмы. Этотъ тонкій психологъ глубже другихъ вникъ въ душу и судьбу Елены: держа ее у себя на колѣняхъ, онъ ее ласкалъ, нѣжно забавляя *интеллектуальными играми*. Визитъ къ проф. Беллю, говоритъ въ своей біографіи Елена, былъ днемъ исхода ея души изъ египетскаго мрака: Белль, какъ бы чудодѣйственной рукой, коснулся ея души. Онъ подыскалъ для Елены учительницу миссъ Сюлливанъ... По необычному

движенію въ домѣ, Елена догадалась, что творится что то особенное. То былъ пріѣздъ къ нимъ миссъ Сюлливанъ. Миссъ стала учить смышленную Елену письму и чтенію, но та долго не могла понять, что это и къ чему все это служитъ? Душевный уровень Елены былъ весьма невысокъ, она была груба, капризна, подчасъ жестока, изнемогая подъ тяжестью своего, ей самой непонятнаго, несчастья. Подъ участливымъ и кроткимъ воспитаніемъ миссъ Сюлливанъ, Елена на восьмомъ году жизни впервые испытала чувство раскаянія, послѣ того, когда разбила куклу. Первые успѣхи въ развитіи этого сложнаго чувства были показателемъ и предвѣстникомъ грядущихъ перемѣнъ. Елена уже много писала, но не понимала смысла и значенія этого дѣла, которое ей казалось просто осязательной забавой, вродѣ процедуры пришиванія куклам пуговокъ, долженствовавшихъ играть роль глазъ. Около этого времени миссъ Сюлливанъ, гуляя съ Еленой, подвела ее къ струѣ воды, бившей фонтаномъ и нѣсколько разъ то подставляла руку дѣвочки подъ струю, то удаляла. Елена ничего не понимала, но ея вниманіе было возбуждено, и вотъ въ эту психологическую минуту миссъ Сюлливанъ быстрымъ движеніемъ своей руки написала на свободной рукѣ Елены слово: *вода*. Внезапно открылся духовный взоръ ребенка: дѣвочка поняла, что письмо—это способъ для выраженія мысли. Понявъ это, дѣвочка испытала безграничную радость и надежды: страшная темница духа была открыта, и тяжелыя оковы вдругъ спали, душа стала свободна. Дѣвочка стала жадно писать названія предметовъ. И вотъ, пользуясь минутой ея воодушевленія, миссъ Сюлливанъ написала на рукѣ Елены слова: «*я люблю Елену*». Дѣвочка выразила свое непониманіе. Въ отвѣтъ на это миссъ Сюлливанъ нѣжно прижала къ себѣ Елену, положивъ руку на ея сердце. Смыслъ этотъ былъ понятъ. Съ этого времени Елена жадно читала и писала. День или два спустя Елена украшала нашивками свою шляпу и среди этого дѣла запуталась, сдѣлавъ ошибку, которою нарушалась гармонія всей работы; она задумалась и напрягала вниманіе, обдумывая, какъ исправить дѣло. Въ эту минуту миссъ Сюлливанъ коснулась ея лба, а затѣмъ немедленно написала на ея рукѣ: «*думайте*». «Съ быстротою молніи я поняла въ этотъ моментъ, описываетъ Елена, что слово *думайте* какъ разъ обозначало то, что въ это время совершалось въ моемъ умѣ: отвлеченная идея стала мнѣ ясной».

Елена Келлеръ выучилась осязательно читать по выпуклому шрифту и писать. Она сдѣлала громадные успѣхи, будучи геніальной женщиной, выучилась говорить, хотя это было ей очень трудно, потому что она не слышала своего голоса и не видѣла своихъ движеній, но, осязая губы и грудную клѣтку говорящаго, она понимала рѣчь. Получивъ научную подготовку, она благодаря своей колоссальной настойчивости, выдержала экзаменъ и поступила въ университетъ, изучила исторію, географію, древніе языки, читала Гомера и другихъ авторовъ, выдержала экзамены. Присутствуя

на лекціяхъ, она не видѣла и не слышала своихъ профессоровъ но здѣсь оказала незамѣнимую услугу ея воспитательница миссъ Сюлливанъ, ставши *секретаремъ ея духа*: на лекціяхъ Сюлливанъ писала пальцемъ слушаемую рѣчь лектора на рукѣ Елены. Это былъ для Елены единственный способъ быстро читать всякаго рода книги и слушать разговоры, не прибѣгая къ медленному, томительному и дорогому пріему читать по выпуклымъ изданіямъ, которыя притомъ весьма немногочисленны и не могли бы удовлетворить любознательную душу Елены. Этотъ способъ чтенія записей на ея рукѣ былъ медленнѣе, чѣмъ чтеніе книгъ или слушаніе изучаемой рѣчи. Но желаніе быть образованнымъ человѣковъ и довести свое душевное развитіе до возможной высоты такъ одушевляло Елену Келлеръ, что она не рѣдко отказывалась отъ удовольствій, танцевъ, забавъ и даже сна и съ неописуемой настойчивостью предавалась занятіямъ. Она писала на пишущей машинкѣ, излагая свои собственныя мысли, а миссъ Сюлливанъ прочитывала ей написанное, переводя оригиналъ Елены записью на ея рукѣ. «Среди невѣроятныхъ трудностей моей жизни, пишетъ Елена, я похожа на человѣка съ завязанными глазами, который на ходу натыкается на препятствія, скользитъ, падаетъ... Я сержусь, но тотчасъ успокаиваюсь и продолжаю торопливо итти впередъ, мой энтузіазмъ растетъ, горизонты расширяются, борьба увѣнчивается успѣхомъ, я изучаю науки, я парю подъ небесами въ моихъ мечтахъ».

Въ психологическомъ отношеніи высокій интересъ представляетъ то, что Елена Келлеръ, изслѣдуя классическія статуи нѣжнымъ осязаніемъ своихъ пальцевъ, могла вѣрно опредѣлить не только мимику и выражаемыя ею экспрессіи, но даже *осязательно понимала* душевныя качества героевъ — смѣлость, ненависть, любовь и проч. съ тою же ясностью, какъ это ей давалось при осязаніи лица живыхъ людей. Лучшіе драматическіе артисты давали ей сеансы своей игры, и она понимала игру, нѣжно касаясь лица артистовъ. Великая женщина вкусила всю широту духовнаго развитія человѣка — науку, литературу, поэзію, драматическое искусство...

Она художественными чертами изобразила свое душевное состояніе. — «Признаюсь, говоритъ она, что иной разъ ледяной туманъ одиночества окружаетъ меня, душа моя возмущается и ропщетъ на неустранимость моего несчастія, и все таки мои уста отказываются произнесть жалобу и ропотъ. Вокругъ моей души — безмѣрное молчаніе. Но вдругъ внезапный свѣтъ надежды озаряетъ меня. Къ величайшему счастью моей жизни я отношу мое знакомство съ геніальными людьми, сочувствіе и участіе которыхъ давало мнѣ минуты высшаго счастья. Я непосредственно выслушала у Марка Твена нѣкоторыя изъ его лучшихъ произведеній, осязая его губы, когда онъ мнѣ читалъ. Понимая его слова, я въ тоже время чувствовала и его глубокія чувства... Я все шла впередъ, оставаясь счастливой и ясной среди глубокой ночи, которая меня окружаетъ».

Жизнеописаніе Елены Келлеръ, написанное въ состояніи величайшей субъективной проникновенности, представляетъ собою документъ неизмѣримой психологической важности. Прежде всего очевидно, что не смотря на отсутствіе двухъ важнѣйшихъ органовъ чувствъ и связанное съ этимъ полное отсутствіе *зрительныхъ и слуховыхъ образовъ, высшая духовная жизнь* можетъ развиться въ полномъ блескѣ: Елена Келлеръ стала *человѣкомъ* въ высшемъ смыслѣ этого слова — ея личности было доступно все, что возвышаетъ великаго человѣка надъ подобнымъ себѣ. Высшая жизнь — созданіе личности и даже то, что можно бы назвать *сверхъ-образами* не потерпѣло ущерба и развилось почти полностью. Елена даже имѣла отвлеченное пониманіе зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній относительно міра красокъ и области мелодіи и гармоніи. Въ этомъ играли роль, вѣроятно, синестезіи, а быть можетъ отчасти минимальнѣйшіе слѣды памяти свѣта и звуковъ до болѣзни. Елена научилась пользоваться пишущей машинкой и жадно пользовалась всякой минутой, чтобы записывать свои мысли, но ея рукопись перечитывалась для нея другими и передавалась ей письмомъ на ея рукѣ.

Таковъ сложный путь обмѣна *психическихъ образовъ,* при посредствѣ живого третьяго лица. Но развитіе *простѣйшей жизни* и жизни психическихъ образовъ пострадало до чрезвычайности. Великая Елена не смотря на свои дарованія, не могла стать ни ученымъ, ни художникомъ, ни артистомъ, ни техникомъ. Для всего этого у ней не доставало необходимаго психологическаго срока, такъ какъ мышленіе образами было усложнено и затруднено и совершалось окольными и косвенными путями, требовавшими большой затраты времени. Самое приспособленіе было для Елены затруднено, такъ какъ съ нею могли обмѣниваться мыслями только немногіе, умѣвшіе быстро писать на ея рукѣ, но такъ какъ подобнаго рода стенографовъ крайне мало, то Елена не могла иначе бесѣдовать съ людьми и обмѣниваться мыслями, какъ при посредствѣ *психологическаго сигналиста* или переводчика, которымъ все время служила для нея миссъ Сюлливанъ или тѣ, кто, подобно Сюлливанъ, были близки къ глухонѣмымъ и слѣпымъ. Миссъ Сюлливанъ исполняла свою роль съ *безграничнымъ терпѣніемъ,* какъ выражается Елена.

Вся высшая душевная жизнь и высшія формы мышленія были у Елены Келлеръ связаны съ матеріаломъ простѣйшихъ образовъ (осязанія, вкуса и обонянія), оттого ея образный языкъ отличается особыми формами и сравненіями. Вотъ образцы ея рѣчи: «Профессоръ читалъ лекцію, а миссъ Сюлливанъ непосредственно произносила его слова на моей рукѣ, и я съ высокимъ вниманіемъ слушала это рукой». «Касаясь лица и губъ Марка Твена, я читала моими пальцами произносимыя имъ слова». О подобныхъ воспріятіяхъ Елена съ психологической тонкостью замѣчаетъ: «Я не чувствовала каждаго рѣчевого движенія въ отдѣльности, но понимала всю ихъ сумму, такъ какъ вы (т. е. обладающіе зрѣніемъ и слу-

хомъ), читаете слова и понимаете ихъ смыслъ, не отдавая себѣ отчета въ каждой отдѣльной литерѣ читаемой фразы». Та же своеобразность воспріятія должна была имѣть мѣсто и при оріентированіи во внѣшнемъ мірѣ: Елена любила много ходить, кататься на лодкѣ, она тонко оцѣнивала близость берега по запаху растеній и травы, по свѣжести листвы, по варіаціямъ сопротивленія воздуха, какой отдѣлялъ ее отъ удаленныхъ предметовъ, и т. п. Съ особенной отчетливостью она отмѣчала ясный день и хмурое небо по степени инсоляціи и т. д. Ея жаждущая душа пользовалась тысячами невѣдомыхъ намъ воспріятій для пополненія инвентаря психическихъ образовъ. «Прямые пути въ область духа мнѣ закрыты, выражается объ этомъ Елена, и я должна итти туда жалкими окольными тропинками. И я съ жаромъ принялась за этотъ особый долгъ мой».

Всеобщая Психологія.

10. Впечатлительность и воспріимчивость талантливыхъ людей.

Великихъ людей по степени ихъ дарованія дѣлятъ на три группы: *1 - геніальные* люди или геніи, *2 - таланты* или талантливые люди, *3 - дарованія* или люди одаренные (люди съ Божьей искорй). Подъ именемъ генія или геніальности разумѣютъ необыкновенное, поражающее, всестороннее развитіе душевныхъ способностей, въ соединеніи со склонностью къ обобщенію и творческой дѣятельности. Продуктивность геніальныхъ людей объясняется не только размѣрами и силой ихъ умственныхъ способностей, но также и силою воли, которая даетъ имъ необходимую настойчивость для осуществленія ихъ предначертаній. *Талантъ* представляетъ собою нѣкоторыя свойства геніальности въ какой либо отдѣльной области духовной или физической дѣятельности. Меньшая творческая самобытность и отсутствіе всесторонности отличаетъ талантливость отъ геніальности. *Дарованіе* есть слабѣйшее проявленіе талантливости въ смыслѣ размѣровъ и круга духовной дѣятельности.

Геніальные люди не только *имѣютъ* великіе замыслы и намѣренія, но и *осуществляютъ* ихъ въ жизни. Этимъ геніальный человѣкъ отличается отъ обыкновенныхъ, нерѣдко одаренныхъ людей, которые также много постигаютъ въ жизни и намѣреваются осуществить постигаемое, однако же, въ дѣйствительности, не доводятъ своего собственнаго дѣла до его естественнаго конца, за отсутствіемъ силы воли и надлежащей глубины и законченности умственныхъ концепцій. Такимъ образомъ, исполненіе предначертаній и творческая способность возвышаютъ геній надъ талантомъ и дарованіемъ.

Среди своей расы великіе люди (поэты, художники, мыслители, ученые, моралисты) появляются непостоянно, а по временамъ, послѣ чего наступаетъ болѣе или менѣе значительная пауза, заполняемая появленіемъ

обыкновенныхъ людей и людей съ талантами и дарованіями. Но каждая раса время отъ времени, даетъ міру генія. Геніальность нерѣдко фиксирована въ извѣстной фамильной группѣ, такъ что черезъ нѣкоторые промежутки времени такая семья даетъ міру великаго человѣка, послѣ чего ея продуктивныя способности понижаются и она даетъ только людей обыкновенныхъ дарованій. Дѣти великихъ людей часто бываютъ самыми обыкновенными или оригиналами, но лишенными глубины и таланта. Геніальность одинаково появляется какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ поколѣніи. Нерѣдко появленіе генія предвѣщается или предваряется появленіемъ талантливыхъ и одаренныхъ натуръ, послѣ которыхъ непосредственно или вскорѣ рождается геній. На ряду съ семействами, дарящими міръ талантливыми людьми, существуютъ другія, которыя даже за долгій періодъ своей исторіи (нѣсколько столѣтій) давали только обыкновенныхъ людей; такъ что связь геніальности съ извѣстными родами и семействами очевидна, — что можетъ указывать на отдаленную, теряющуюся въ глубинѣ вѣковъ подготовку, закрѣпленную наслѣдственностью.

11. Впечатлительность и воспріимчивость у талантливыхъ людей такъ поразительно ярка, какъ у дѣтей и такъ велика, что ей почти границъ нѣтъ. Великіе люди, поэты и писатели хотятъ все видѣть собственными глазами, все слышать собственными ушами, ко всему коснуться своими руками, чтобы нерѣдко своею пытливостью изслѣдовать всякій предметъ и всякія явленія, готовы все воспринять, если возможно всѣми пятью органами чувствъ. Ихъ любознательность чрезвычайна и феноменальна: они готовы проникнуть вглубъ земли, спуститься на дно океана, пробраться въ лѣсную чащу, подняться на вершины горъ, извѣдать атмосферы высоты, приблизиться къ самому кратеру вулкана, посѣтить всѣ точки земного шара, наблюдать все, совершающееся въ природѣ, углубиться и вникнуть во всѣ чудеса вселенной. Они готовы все схватить своимъ *воспріятіемъ*. Все это дѣлается для удовлетворенія чувства интереса, которое у нихъ ненасытимо: они хотятъ все узнать, все разсказать. Эту всеобъемлющую *жажду и отзвуки изобразилъ поэтъ Пушкинъ въ стихотвореніи: Эхо.*

12. Э х о .

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,

И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

13. Зимній день.

Великолѣпенъ былъ видъ зимней природы. Морозъ выжалъ влажность изъ древесныхъ сучьевъ и стволовъ; и кусты и деревья, даже камыши и высокія травы опушились густымъ инеемъ, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая ихъ холоднымъ блескомъ алмазныхъ огней. Красны, ясны и тихи стояли короткіе зимніе дни, похожіе какъ двѣ капли воды, одинъ на другой.

И вотъ, наконецъ, пошли косички по небу, морозъ началъ сдавать, померкла ясность неба, потянулъ западный вѣтеръ и пухлая бѣлая туча, незамѣтно надвигаясь, заволокла со всѣхъ сторонъ горизонтъ. Какъ будто сдѣлавъ свое дѣло, вѣтеръ опять утихъ, и благодатный снѣгъ началъ прямо медленно большими клочьями опускаться на землю. Радостно смотрѣли крестьяне на порхающія въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, которыя кружась, опускались на землю. Снѣгъ началъ итти съ деревенскаго ранняго обѣда, шелъ безпрестанно, часъ отъ часу сильнѣе и гуще.

Я всегда любилъ смотрѣть на тихое паданіе или ощущеніе снѣга. Чтобы вполнѣ насладиться этою картиной, я вышелъ въ поле, и чудное зрѣлище представилось глазамъ моимъ: все безграничное пространство вокругъ меня представляло видъ снѣжнаго потока; будто небеса разверзлись, разсыпались снѣжнымъ пухомъ и наполнили весь воздухъ движеніемъ и выразительной тишиной. Настали длинныя зимнія сумерки; падающій снѣгъ начиналъ закрывать всѣ предметы и бѣлымъ мракомъ одѣвать землю. Я воротился домой, но не въ душную комнату, а въ садъ, и съ наслажденіемъ ходилъ по дорожкамъ, осыпаемый снѣжными хлопьями. Засвѣтились огоньки в крестьянскихъ избахъ, и блѣдные лучи легли поперекъ улицы; предметы смѣшались, утонули въ потемнѣвшемъ воздухѣ. Я вошелъ въ домъ, но тамъ долго стоялъ у окошка, стоялъ до тѣхъ поръ, покуда нельзя было различить опускающихся снѣжинокъ.

С. Аксаковъ.

14. Буря на морѣ.

Пароходъ, на которомъ я взялъ мѣсто до Гибралтара, долженъ былъ итти изъ Кадикса въ пять часовъ вечера; но море такъ взволновалось, что часъ, назначенный для отъѣзда, давно прошелъ, а на пароходѣ и огня не думали разводить. Всѣ пассажиры были уже на борту; но капитанъ гово-

рилъ, что ранѣе полуночи онъ не надѣется сняться съ якоря. На палубѣ вѣтеръ страшно свистѣлъ между снастями, собранными парусами и дулъ съ такой силой, что мой плащъ нисколько не защищалъ меня отъ его пронзительности. Я сошелъ въ залу: тамъ одинъ пассажиръ сѣлъ было за фортепіано, но качка заставляла вдругъ нападать на такіе неожиданно-дикіе аккорды, что онъ принужденъ былъ бросить играть Я взялъ было книгу, но движеніе корабля такъ качало лампу, что не было никакой возможности читать: глаза ломило отъ напряженія. Ничего другого не оставалось, какъ лечъ спать. У иныхъ уже начиналась морская болѣзнь. Волны бросали пароходъ во всѣ стороны; сотрясенія отъ якорной цѣпи были такъ сильны, что и спать не было возможности. Соскучась вертѣться на койкѣ, я снова одѣлся и пошелъ наверхъ. На палубѣ была мертвая тишина; огня въ машинѣ еще не разводили. Небо было совершенно ясно, вѣтеръ стихъ; но волненіе нисколько не уменьшалось: волны сверкали сильнымъ фосфорическимъ блескомъ, съ страшнымъ гуломъ ударяясь о стѣны Кадикса. Облокотясь на бортъ, долго смотрѣлъ я на темную фосфорически-сверкающую, суровую массу воды, уходившую въ темную даль; вдали кое-гдѣ виднѣлись въ разныя стороны качавшіяся мачты судовъ. На городскихъ часахъ пробило полночь.

Мнѣ становилось скучно и уныло на душѣ: нигдѣ ничтожность человѣческаго существованія предъ этой всеобъемлющей неодолимой жизнью природы не дѣлается такъ очевидною и ощутительною, какъ на морѣ... Вѣтеръ сталъ подниматься сырой и студеный; я опять сошелъ въ залу, и на этотъ разъ заснулъ. Меня разбудили стукъ поднимаемаго якоря и гулъ вырывающагося пара; было уже пять часовъ утра. На палубѣ все было въ движеніи: скоро пароходъ тронулся.

Попутный вѣтеръ, рѣзкій и пронзительный, дулъ въ наши паруса; море сильно волновалось, и не прошло получаса, какъ большая часть пассажировъ страдала морскою болѣзнью. Испытавъ уже нѣсколько бурь на морѣ, я привыкъ къ качкѣ корабля и не страдаю тошнотою. Между тѣмъ звѣзды понемногу скрывались, красноватая полоса на востокѣ становилась шире и пурпуровѣе, бѣлая пѣна волнъ покрылась нѣжнымъ розовымъ отливомъ; онъ постепенно становился гуще и гуще, и скоро перешелъ въ пурпуръ, по которому вдругъ пронесся блескъ... Солнце показалось. Хорошъ былъ въ эту минуту видъ сильно взволнованнаго моря. Пѣнившіеся верхи волнъ словно были изъ кипящаго золота; въ темныхъ углубленіяхъ между волнами сверкало голубое, пурпуровое, желтое пламя; въ эту минуту океанъ походилъ на необъятный котелъ съ кипящимъ, сверкающимъ разными цвѣтами металломъ. Капитанъ велѣлъ поднять большой парусъ, и пароходъ нашъ летѣлъ, врѣзываясь въ клубящуюся пѣну волнъ. Скоро послѣ полудня мы начали сворачивать изъ океана въ проливъ, и вдали завиднѣлись скалы Гибралтара. Небо было ярко и совершенно чисто; только надъ африканскимъ берегомъ лежала масса бѣлыхъ облаковъ.

Вдругъ эта масса начала расти съ необычайной быстротою и постепенно чернѣть. Вѣтеръ упалъ; волны,стремившіяся по его направленію въ одну сторону, стали перемѣшиваться, сшибаться одна съ другой, били въ одно время во всѣ стороны парохода: явно было, что вѣтеръ измѣнялся; не прошло десяти минутъ, какъ подулъ поминутно усиливающійся со стороны Африки; съ нимъ съ ужасающей быстротою неслась на насъ та бѣлая масса облаковъ, которая стала теперь грозною тучей. Я взглянулъ вверхъ: она была уже надъ нами и такъ черна, что дымъ парохода незамѣтенъ былъ на ней; вдругъ яркая молнія разрѣзала ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и громъ съ оглушительнымъ трескомъ разразился надъ нашими головами. Нѣсколько матросовъ бросились по веревочнымъ лѣстницамъ собирать паруса; другіе принялись ставить на мачтахъ громовые отводы; первый лейтенантъ самъ взялся за руль; къ нему на помощь бросились двое самыхъ сильныхъ матросовъ. Въ эту минуту послышалось глухое, быстро усиливавшееся шипѣніе; я взглянулъ направо: съ этой стороны моря быстро росъ надъ нами громадный валъ; гребень его становился все острѣе и прозрачнѣе; потомъ валъ вогнулся внутръ дугою и упалъ на пароходъ со страшною, оглушительною силою; за этимъ валомъ росъ другой еще выше и также опрокинулся; пароходъ тяжело опустился въ глубь, образовавшуюся между этими громадами, и тотчасъ же былъ снова поднятъ новымъ восходившимъ валомъ такъ высоко, что колеса едва касались воды, и съ нимъ снова полетѣлъ стремглавъ вглубь... Волны перебрасывались черезъ бортъ; пѣна, срываемая вѣтромъ съ вершинъ валовъ, разлеталась и падала бѣлымъ шипучимъ дождемъ.

Я уже былъ давно промоченъ насквозь и сошелъ внизъ. Стулья и столы тамъ были опрокинуты, лампы разбиты; въ этой зловонной духотѣ невозможно было дышать: кромѣ того, удары волнъ о борты парохода отдавались внизу, какъ удары таранновъ; пароходъ весь трещалъ и скрипѣлъ. Послѣ великолѣпнаго вида бурнаго моря не было возможности оставаться въ этой душной тюрьмѣ: здѣсь торжественность бури отдавалась только ударами волнъ, потрясшими все существо парохода, и тяжкимъ, зловѣщимъ скрипомъ массивнаго его корпуса; въ иную минуту точно онъ надламывался; въ койкѣ невозможно было лежать иначе, какъ держась обѣими руками за края ея, чтобы не быть выброшенному взмахами качки; буря отзывалась здѣсь уныло и грозно, лишенная величія своихъ стихій. На душѣ стало становиться тоскливо: я опять кое какъ вскарабкался по лѣстницѣ на палубу, обхватилъ обѣими руками одну изъ толстыхъ веревокъ снастей и предоставилъ волнамъ обливать меня, сколько имъ угодно. Туча все еще висѣла надъ нами, черная и крутящаяся; попрежнему яркая молнія безпрестанно вилась по ней; валы шли одинъ за другимъ горами; вся сторона къ Африкѣ была однимъ вьющимся мракомъ, а на противоположной сторонѣ, небо было чисто, ясно, спокойно, и испанскій берегъ ярко освѣщенъ былъ солнцемъ. Пароходъ нашъ какъ мячикъ, прыгалъ между

волнами, то сбрасываемый въ разверзавшуюся глубину, то взлетая на вершину валовъ; машина кряхтѣла и пыхтѣла, словно готовилась лопнуть; вся основа парохода дрожала и трещала. Узкость пролива удесятерила силу и напоръ валовъ: вѣтеръ съ визгомъ свистѣлъ между снастями; валы одинъ за другимъ съ оглушительнымъ гуломъ опрокидывались на палубу, громъ раздавался безумолку. Во всемъ этомъ было дикое уничтожающее величіе.

Между тѣмъ ближе и ближе выказывались передъ нами скалы Гибралтара. Капитанъ давно бросилъ свою сигару, самъ сталъ у рулевого колеса и отдавалъ приказанія за приказаніями. По всѣмъ движеніямъ экипажа замѣтно было, что пароходъ находился въ критическомъ положеніи; но тутъ буря стала утихать, черный цвѣтъ тучи измѣнился на блѣдно-сѣрый, и берегъ Африки обозначился. Англичане давно замѣтили опасное положеніе нашего парохода и безпрестанно дѣлали намъ сигналы со скалы Гибралтара, давая знать, какъ мы должны плыть. Въ эту минуту прибой волнъ къ скаламъ былъ удивительный, бѣлая пѣна взлетала къ самой вершинѣ маяка. Мы благополучно вошли въ безопасную гавань Гибралтара.

Боткинъ.

15. Юность.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ впечатлѣніе какой нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ — одинешекъ торчавшій среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною какъ снѣгъ новою церковью; рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города: — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія, и высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ,мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи, на уѣзную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, — и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши

съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчку въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь деревенскую зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, со своею, тогда, увы: вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность: моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! О, моя свѣжесть!

Гоголь.

16. Сила впечатлѣній дѣтства.

Въ серединѣ Великаго Поста, именно на средокрестной недѣлѣ, наступила сильная оттепель. Снѣгъ быстро началъ таять, и вездѣ показалась вода. Приближеніе весны въ деревнѣ производило на меня необыкновенное, раздражающее впечатлѣніе. Я чувствовалъ, никогда не испытанное мною, особаго рода волненіе. Много содѣйствовали тому разговоры съ отцомъ и Евсеичемъ, которые радовались веснѣ, какъ охотники, какъ люди, выросшіе въ деревнѣ и страстно любившіе природу. Они съ увлеченіемъ предавались удовольствію разсказывать мнѣ, какъ сначала обтаютъ горы, какъ побѣгутъ съ нихъ ручьи, какъ спустятъ прудъ, разольется полая вода, пойдетъ вверхъ по полямъ, какъ прилетитъ лѣтняя птица, запоютъ жаворонки, проснутся сурки, и начнутъ свистать; какъ зазеленѣютъ луга, одѣнется лѣсъ, кусты, и зальются, защелкаютъ въ нихъ соловьи... Заключенный въ домѣ, я слѣдилъ за каждымъ шагомъ весны. Въ каждой комнатѣ, чуть не на каждомъ окнѣ, были у меня замѣчены особенные предметы или мѣста, по которымъ я производилъ мои наблюденія: изъ новой горницы, т. е. изъ нашей спальни, съ одной стороны вид-

нѣлась Чиляевская гора, оголявшая постепенно свой крутой и круглый взлобокъ, съ другой — часть рѣки давно растаявшаго Бугуруслана, съ противоположнымъ берегомъ; изъ гостиной чернѣлись проталины на Кудринской горѣ, особенно около круглаго родниковаго озера, въ которомъ мочили коноплю; изъ залы стеклянѣлась лужа воды, подтоплявшая грачевую рощу; изъ бабушкиной и тетушкиной горницы видно было гумно на высокой горѣ. Шире, длиннѣе становились грязныя проталины, полнѣе наливалось озеро въ рощѣ, и уже показывалась вода между капустныхъ грядъ въ нашемъ огородѣ. Все замѣчалось мною точно и внимательно, и каждый шагъ весны торжествовалъ, какъ побѣда.

С. Аксаковъ.

17. Сила впечатлѣній у дѣтей.

Собираніе бабочекъ было однимъ изъ тѣхъ увлеченій моей ранней молодости, которое хотя не долго, но за то со всею силой страсти владѣло мною и оставило въ моей памяти глубокое, свѣжее до сихъ поръ впечатлѣніе. Я любилъ натуральную исторію съ дѣтскихъ лѣтъ; книжка на русскомъ языкѣ (которой названіе не помню), съ лубочными изображеніями звѣрей, птицъ и рыбъ, попавшаяся мнѣ въ руки еще въ гимназіи, съ благоговѣніемъ, отъ доски до доски была мною выучена наизустъ. Увидѣвъ, что въ книжкѣ нѣтъ того, что при первомъ взглядѣ было замѣчено моимъ дѣтскимъ пытливымъ вниманіемъ, я самъ пробовалъ описывать звѣрьковъ, птичекъ и рыбъ, съ которыми мнѣ довелось покороче познакомиться. Это были ребячьи попытки мальчика, которому каждое, пріобрѣтенное имъ самимъ знаніе казалось новостью, никому неизвѣстною, драгоцѣннымъ и важнымъ открытіемъ, которое надобно записать и сообщить другимъ. Съ умиленіемъ смотрю я теперь на эти двѣ тетрадки въ четвертку, изъ толстой синей бумаги, какой въ настоящее время и отыскать нельзя. На страничкахъ этихъ тетрадокъ дѣтскимъ почеркомъ и слогомъ описаны зайчикъ, бѣлка, болотный куликъ, плотичка и пескарь; очевидно, что мальчикъ — наблюдатель познакомился съ ними первыми. Вскорѣ я развлекся множествомъ другихъ, новыхъ и еще болѣе важныхъ интересовъ, которыми такъ богата молодая жизнь; развлекся — и пересталъ описывать своихъ звѣрьковъ, птичекъ и рыбокъ. Но горячая любовь къ природѣ и живымъ твореніямъ, населяющимъ Божій міръ, не остывала въ душѣ моей и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, обогащенный опытами охотничьей жизни страстнаго стрѣлка и рыбака, я оглянулся съ любовью на свое дѣтство — и попытки мальчика осуществилъ шестидесятилѣтній старикъ; вышли въ свѣтъ «Записки объ уженіи рыбы» и «Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи».

С. Аксаковъ.

18. Сила воспоминаній дѣтства.

Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшные мальчики были уже мужиками, а дѣвченки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «Какъ ты постарѣла!» И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «Какъ вы то, батюшка подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо: навстрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отрастившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому назадъ родился.

Пушкинъ.

19. Воспоминаніе (первые годы) Чичикова.

Не видѣлъ материнскихъ ласкъ, видѣлъ страданье отца, слышалъ его брюзжаніе. Зналъ житейскую грязь и безъидейность. Холодно-жосткое и грубо-житейское воспоминаніе Чичикова ослабило у него развитіе чувства (остановило его).

Жизнь при началѣ взглянула на него какъ то кисло непріютно, сквозь какое то мутное занесенное снѣгомъ окошко; ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; — отецъ больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ , надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: «Не лги, послушествуй старшихъ и носи добродѣтель въ сердцѣ»; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ; знакомый, но всегда суровый голосъ: «опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ, протянувшихся сзади пальцевъ, — вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память... На седьмомъ году помѣщенъ отцемъ въ школу. При разставаніи слезъ

не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходы и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ, водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали; а больше всего береги и копи копейку: эта вещъ надежнѣе всего на свѣтѣ. Товирищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ, но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Гоголь.

20. Вуколъ.

Вуколъ рано потерялъ мать, воспитывался у чужихъ.

У Тарантова родился сынъ. Дали ему имя Вуколъ. Вуколъ не обѣщалъ ничего краснваго въ своей особѣ: голова у него была большая, носъ плоскій, уши маленькія, туловище несоразмѣрно велико, а ножки коротенькія. Но при всемъ томъ онъ былъ ребенокъ здоровый. Что еще сказать о человѣкѣ, когда онъ только что явился на свѣтъ. Некрасивъ и здоровъ — вотъ и все... Будетъ ли онъ уменъ, добръ, счастливъ? — Богъ знаетъ... Станутъ бить его по головѣ — выростетъ дуракомъ, хотя-бъ и не родился имъ; будетъ воспитывать танцмейстеръ — выйдетъ изъ него кукла; откормятъ на краденныя деньги — отзовется и это.

Н. Помяловскій.

21. Сонъ Обломова.

Воспитаніе изнѣженно-небрежное привело Обломова къ недостаточному развитію у него воли.

Въ дѣтствѣ Обломовъ имѣлъ много забстливой опеки. Мало бѣгалъ, мало видѣлъ, много слышалъ.

Илья Ильичъ проснулся утромъ въ своей маленькой постелькѣ. Ему только семь лѣтъ. Ему легко, весело. Какой онъ хорошенькій, красненькій,

полный. Щечки такія кругленькія, что иной шалунъ надуется нарочно, а такихъ не сдѣлаетъ.

Няня ждетъ его пробужденія. Она начинаетъ натягивать ему чулочки; онъ не дается, шалитъ, болтаетъ ногами; няня ловитъ его, и оба они хохочутъ. Наконецъ, удалось ей поднять его на ноги; она умываетъ его, причесываетъ головку и ведетъ его къ матери.

Мать осыпала его страстными поцѣлуями, потомъ осмотрѣла его жадными, заботливыми глазами, не мутны ли глазки; спросила, не болитъ ли что нибудь; разспросила няньку, покойно ли онъ спалъ, не просыпался ли онъ ночью, не метался ли во снѣ, не было ли у него жару. Потомъ взяла его за руку и подвела его къ образу. Тамъ, вставъ на колѣни и обнявъ его одной рукой,подсказывала она ему слова молитвы.

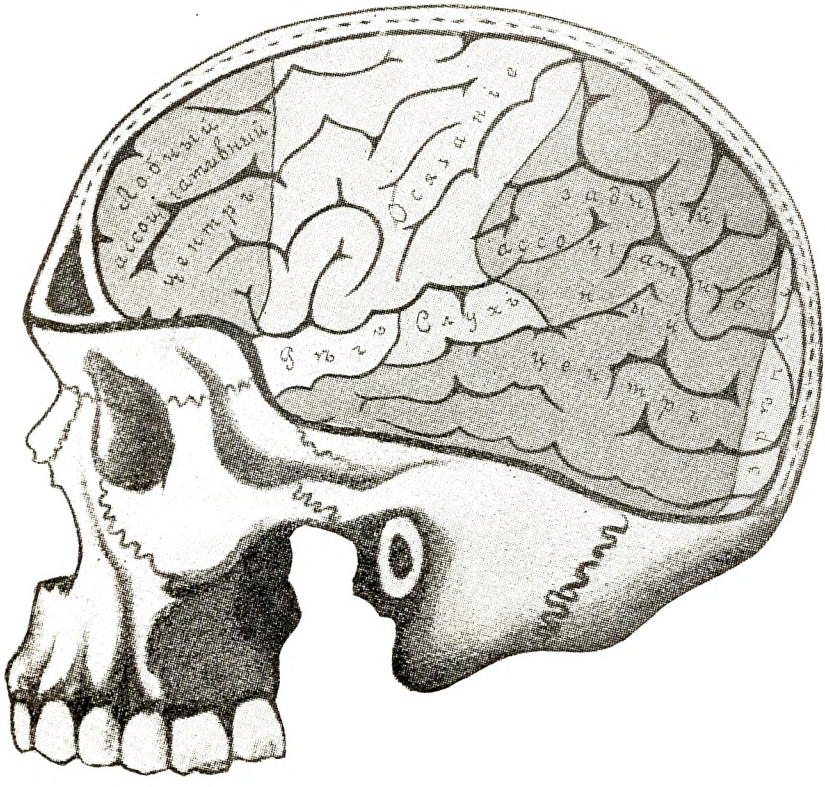
Мальчикъ разсѣянно повторялъ ихъ, глядя въ окно, откуда лилась въ комнату прохлада и запахъ сирени. — Мы, маменька, сегодня пойдемъ гулять? — вдругъ спрашивалъ онъ среди молитвы.— Пойдемъ, душенька,— торопливо говорила она, не отводя отъ иконы глазъ и спѣша договорить святыя слова. Мальчикъ вяло повторялъ ихъ, но мать влагала въ нихъ всю свою душу.

Потомъ шли къ отцу, потомъ къ чаю. Около чайнаго стола Обломовъ увидалъ у нихъ престарѣлую тетку, восьмидесяти лѣтъ, безпрерывно ворчавшую на свою дѣвченку, которая тряся отъ старости головой, прислуживала ей, стоя за ея стуломъ. Тамъ и три пожилыя дѣвушки, дальнія родственницы отца его, и немного помѣшанный деверъ его матери и помѣщикъ семи душъ Чекменевъ, гостившій у нихъ и еще какія то старушки и старики. Весь этотъ штатъ и свита дома Обломова подхватили Илью Ильича и начали осыпать его ласками и похвалами; онъ едва успѣвалъ утирать слѣды непрошенныхъ поцѣлуевъ. Послѣ того начиналось кормленіе его булочками, сухариками, сливочками.

Потомъ мать, приласкавъ его еще, отпускала гулять въ садъ, по двору, на лугъ, съ строгимъ подтвержденіемъ нянькѣ не оставлять ребенка одного, не допускать къ лошадямъ, къ собакамъ, къ козлу, не уходить далеко отъ дома, а главное не отпускать его въ оврагъ, какъ самое страшное мѣсто въ околодкѣ, пользовавшееся дурной репутаціей.

Тамъ нашли однажды собаку, признанную бѣшеною потому только, что она бросилась отъ людей прочь, когда на нее собрались съ вилами и топорами и исчезла гдѣ то за горой; въ оврагъ свозили падаль; въ оврагѣ предполагались и разбойники и волки, и разныя другія существа, которыхъ или въ томъ краю, или совсѣмъ на свѣтѣ не было.

Ребенокъ не дождался предостереженій матери: онъ уже давно на дворѣ. Онъ съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто въ первый разъ, осмотрѣлъ и обѣжалъ кругомъ родительскій домъ, съ покривившимися на бокъ воротами, съ сѣвшей на серединѣ деревянной кровлей, на которой росъ нѣж-



Изображеніе нервныхъ участковъ или полей на поверхности мозга.

ный зеленый мохъ, съ шатающимся крыльцомъ, разными пристройками и надстройками и запущеннымъ садомъ.

Ему страхъ хочется взбѣжать на огибавшую весь домъ висячую галлерею, чтобы посмотрѣть оттуда на рѣчку; но галлерея ветха, чуть чуть держится и по ней дозволяется ходить только «людямъ», а господа не ходятъ.

Онъ не внималъ запрещеніямъ матери, и уже направился было къ соблазнительнымъ ступенямъ, но на крыльцѣ показалась няня и кое какъ поймала его. Онъ бросился отъ нея къ сѣновалу, съ намѣреніемъ взобраться туда по крутой лѣстницѣ, и едва она поспѣла дойти до сѣновала, какъ уже надо было спѣшить разрушать его замыслы: влѣзть на голубятню, проникнуть на скотный дворъ и, чего Боже сохрани, въ оврагъ. — Ахъ ты, Господи, что за ребенокъ, за юла такая! Да посидишь ли ты смирно, сударь? Стыдно! Говорила нянька.

И цѣлый день и всѣ дни и ночи няни наполнены были суматохой, бѣготней: то пыткой, то живой радостью за ребенка, то страхомъ, что онъ упадетъ и расшибетъ носъ, то умиленіемъ отъ его непритворной дѣтской ласки, или смутной тоской за отдаленную его будущность. Этимъ только и билось сердце ея, этими волненіями подогрѣвалась кровь старухи и поддерживалась кое какъ и сонная жизнь ея, которая безъ того, можетъ быть, угасла бы давнымъ давно.

Гончаровъ.

22. Б. Сохраненіе впечатлѣній. Память. Воспоминаніе. Фантазія.

Полученныя внѣшнія впечатлѣнія хранятся въ памяти въ видѣ незримыхъ нервныхъ зарядовъ, которые легко могутъ быть воспроизведены памятью, при добавкѣ къ нимъ одной четверти заряда. Эта добавка называется напоминаніемъ и *воспоминаніемъ*. Память хранитъ впечатлѣнія въ видѣ *образовъ*, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д. Отсюда ясно, что память всегда бываетъ мѣстной, т. е. *зрительной, слуховой, осязательной, вкусовой, обонятельной, и общаго чувства.* На прилагаемомъ рисункѣ показано расположеніе участковъ памяти на поверхности мозга. Усиленіе дѣятельности этихъ участковъ приводитъ съ собою воспоминаніе образовъ.

Изображеніе нервныхъ участковъ или полей на поверхности мозга.

23. В. Психическіе или умственные образы.

Психическіе образы можно назвать, безъ преувеличенія, естественнымъ чудомъ природы — до такой степени поразителенъ самый фактъ ихъ созданія, существованія и дѣятельности. Образами, какъ рѣющими птицами постоянно наполненъ умъ. *Талантливый* человѣкъ и *обыкновен-*

ный тѣмъ между собою различаются, что у *перваго* такихъ птицъ въ умѣ много, какъ звѣздъ небесныхъ, и онѣ находятся въ постоянномъ движеніи, у второго ихъ мало, а не рѣдко до скудости мало. Въ этомъ мѣрило ума! Всякое движеніе, смѣна, наростаніе и убываніе образовъ въ умѣ, всякое появленіе и исчезаніе ихъ, называютъ *мыслью, ходомъ мыслей, мышленіемъ. Образы въ мышленіи* то ярко *свѣтятся,* то *угасаютъ,* то всплываютъ на поверхность или *утопаютъ* въ безднахъ психическаго океана, то *чувствуются и чуются,* то *затихаютъ и замираютъ* въ душѣ, — такими словами человѣкъ старается передать жизнь и судьбу психическихъ образовъ и постепенный переходъ отъ безсознательности къ сознанію и обратно. Совершеннаго исчезновенія образовъ изъ ума не бываетъ, а возможна только различная степень забыванія, о которой психологи выражаются такъ: исчезновеніе въ глубинахъ безсознательнаго океана или всплываніе на поверхность.

Психическіе образы одинаково создаются у талантливыхъ людей, у писателей и поэтовъ и у обыкновенныхъ смертныхъ, но талантливые люди и поэты обладаютъ сбразами въ большей степени, большей полнотѣ и лучше пользуются образной или поэтической рѣчью.

Такая рѣчь сильнѣе возбуждаетъ мысли, потому что всякій образъ, всякій намекъ на него, всякое мысленное подстрекательство *окрыляетъ память и фантазію* и разъ начавшійся пламень мысли разгорается далѣе. Мысль и рѣчь, содержащая малое количество образовъ мало и возбуждаетъ дальнѣйшее мышленіе, но если образовъ много, и если они заимствованы изъ различныхъ мѣстъ и областей памяти, то рѣчь становится образной и поэтической, хотя бы она была написана не стихотворне, какъ многіе изъ художественныхъ отрывковъ Тургенева въ такъ называемыхъ «стихотвореніяхъ» его. На упрощенныхъ примѣрахъ легко понять значеніе образовъ и отличіе поэтическаго языка отъ прозаическаго. Прозаическая фраза: «объявите ваше рѣшеніе ясно и опредѣленно», можетъ быть обращена въ фразу поэтическую: «объявите ваше рѣшеніе громогласно, отчеканивая каждый звукъ». Это уже будетъ образная рѣчь, потому что въ ней звуки человѣческаго голоса уподобляются силѣ и внезапности грома (громогласно), а самое произношеніе словъ сравнивается съ рѣзкой, стучащей чеканной работой монетнаго двора. Здѣсь фраза выражена не при помощи словесныхъ образовъ, но при помощи зрительныхъ и слуховыхъ образовъ. Если и самыя мысли касаются возвышеннаго предмета, то такая образная рѣчь можетъ быть признана за поэтическую, а не за прозаическую. Однако же, всякая образная рѣчь отъ частаго употребленія теряетъ отчасти свой образный оттѣнокъ, стираясь подобно монетѣ давняго чекана, и необходимо ее освѣжать и подновлять, чтобы придать прежнюю возбуждающую силу для ума. Напримѣръ: выраженіе: *безумство Донъ Кихота дошло здѣсь до послѣднихъ границъ,* въ сущности художественно т. е. образно, но отъ частаго употребленія

образъ сталъ обыкновеннымъ, слишкомъ ходячимъ и уже не можетъ будить мысль съ прежней силой. Оттого писатель Сервантесъ почувствовалъ необходимость подновить эту старую модель мысли, выразивши ее такими словами: «*безумство Донъ Кихота здѣсь не только дошло до послѣднихъ границъ, но даже выступило за нихъ на двойное разстояніе выстрѣла изъ аркебуза*». Такой простой добавкой устарѣлая образная рѣчь освѣжена и подновлена подъ перомъ геніальнаго испанскаго писателя, подобно старой монетѣ, которая тщательно промыта. Этотъ примѣръ показываетъ, что художественная рѣчь всегда должна быть свѣжей, острой, новой, оригинальной, чтобы производить свое дѣйствіе, т. е. будить идеи и мысли читателя. Великіе поэты знали тайну этихъ свойствъ ума и его органа — мозга, какъ показываетъ сравненіе приведеннаго рисунка мозговыхъ локализацій (размѣщеній) съ потокомъ поэтической мысли у Лермонтова въ произведеніи «Вѣтка Палестины».

Зрительные образы:
Скажи мнѣ вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла,
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

Осязательные образы:
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучь тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Слуховые образы:
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

Образы общаго чувства:
И пальма та жива ль понынѣ,
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Отъ общаго (физическаго) чувства поэтъ переходитъ къ воспоминанію чувствъ нравственныхъ, которыя, въ дальнѣйшихъ строкахъ его стихотворенія, становятся все болѣе и болѣе сложными (печаль грусть, благоговѣніе, покорность судьбѣ, миръ души). Все стихотвореніе носитъ возвышенный характеръ и въ тоже время весь строй его и вся послѣдовательность его образовъ совершенно точно соотвѣтствуютъ канвѣ мозговыхъ локализацій: поэтъ послѣдовательно и въ строгомъ порядкѣ взялъ аккорды на струнахъ почти всѣхъ центровъ своего несравненнаго нервно-психическаго органа, — и высокая художственность его произведенія стоитъ въ полной гармоніи съ идеальной тщательностью физіологической работы его мозга.

Въ психическомъ инвентарѣ имѣется наибольшее число зрительныхъ образовъ; другіе же образы (слуховые, осязательные и пр.) встрѣчаются въ меньшемъ количествѣ. Оттого сновидѣнія и сонныя грезы составлены въ наибольшемъ числѣ изъ зрительныхъ образовъ. Въ этомъ отношеніи высокій интересъ представляютъ изслѣдованія Рибо. Этотъ современный французскій мыслитель и министръ нашелъ, что наибольшей яркостью отличаются зрительные образы, потомъ слуховые, а наименьшей обонятельные, вкусовые, а особенно—образы боли. Образъ боли для насъ ясенъ, пока боль длится, а съ прекращеніемъ ея мы, стараясь вспомнить боль, вспоминаемъ въ дѣйствительности только аксессуары (положеніе нашего тѣла при боли, сжатіе челюстей и пр.), но не образъ самаго существа боли.

Яркое воспоминаніе образовъ имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ мысли и мышленія. Талантливые люди — поэты, художники отличаются тѣмъ, что у нихъ *образы* всегда ярки, отчетливы, сочны, а самое воспоминаніе и воспроизведеніе образовъ — работа легкая, тщательная, живая т.е. совершается со всѣми существенными вкладами и со всѣми ихъ аксессуарами: Яркое сознаніе въ себѣ психическихъ образовъ, которыми человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы переполненнымъ, способствовало болѣе всего возникновенію философской доктрины, называемой *интеллектуализмомъ* (раціонализмъ), которая придавала *уму и знаніямъ* первостепенное значеніе и ставила умъ выше воли и чувства, хотя это не можетъ быть признано правильнымъ.

24. Г. Фантазія (воображеніе). Мечтательность.

Фантазія, по опредѣленію Литтре, есть способность быстро вспоминать о чемъ либо и какъ бы видѣть предметы, которыхъ на самомъ дѣлѣ передъ взоромъ сейчасъ нѣтъ. Въ литературѣ и въ изящныхъ искусствахъ фантазія проявляетъ себя, какъ даръ, свойственный таланту, помнить образы предметовъ и сопоставлять ихъ на тысячу ладовъ.

25. Мечтанія Коли (за единицу и другія провинности гувернеръ заперъ Колю въ чуланъ и грозилъ наказать розгами). О чемъ я думалъ въ одиночествѣ.

Сначала внизу и вокругъ меня царствовала совершенная тишина, или по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось отъ слишкомъ сильнаго внутренняго волненія, но мало-по-малу я сталъ разбирать различные звуки. Я не плакалъ, но что то тяжелое, какъ камень, лежало у меня на сердцѣ. Мысли и представленія съ усиленной быстротой проходили въ моемъ разстроенномъ воображеніи.

а) То мнѣ приходитъ въ голову, что должна существовать какая нибудь неизвѣстная причина общей ко мнѣ нелюбви и даже ненависти. Въ то время я былъ твердо убѣжденъ, что всѣ, начиная отъ бабушки и до Филиппа-кучера, ненавидятъ меня и находятъ наслажденіе въ моихъ страданіяхъ. Я, должно быть, не сынъ моей матери и моего отца, не братъ Воледи, а несчастный сирота, подкидышъ, взятый изъ милости. Нелѣпая мысль эта не только доставляетъ мнѣ какое-то грустное утѣшеніе, но даже кажется совершенно правдоподобною. Мнѣ отрадно думать, что я несчастенъ не потому, что виноватъ, но потому, что такова моя судьба съ самаго моего рожденія. «Но зачѣмъ скрывать эту тайну, когда я самъ уже успѣлъ проникнуть ее?» — говорю я самъ себѣ: — Завтра пойду къ папѣ и скажу ему:

«Папа, напрасно ты отъ меня скрываешь тайну моего рожденія, я знаю ее». Онъ скажетъ: «Что же дѣлать, мой другъ, рано или поздно ты узналъ бы это; ты не мой сынъ, но я усыновилъ тебя, и ежели ты будешь достоинъ моей любви, то я никогда не оставлю тебя».— Я скажу ему: «Папа, хотя я не имѣю права называть тебя этимъ именемъ, но я теперь произношу его въ послѣдній разъ. Я всегда любилъ тебя и буду любить, никогда не забуду, что ты мой благодѣтель, но не могу больше оставаться въ твоемъ домѣ. Здѣсь никто не любитъ меня. С. Жеромъ поклялся въ моей погибели. Онъ или я должны оставить твой домъ потому, что я до такой степени ненавижу этого человѣка, что готовъ на все». Папа станетъ просить меня, но я махну рукой и скажу ему: «Нѣтъ, мой другъ, мой благодѣтель, мы не можемъ жить вмѣстѣ, а отпусти меня». И я, сидя на сундукѣ, въ темномъ чуланѣ,плачу навзрыдъ при этой мысли. Но вдругъ я вспоминаю постыдное наказаніе, ожидающее меня. Дѣйствительность представляется мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ и мечты мгновенно разлетаются.

б) То я воображаю себя уже на свободѣ, внѣ нашего дома. Я поступаю въ гусары и иду на войну. Со всѣхъ сторонъ на меня несутся враги, я размахиваю саблей и убиваю одного, другой взмахъ — убиваю другого, третьяго. Наконецъ, въ изнуреніи отъ ранъ и усталости, я падаю на землю и кричу: «Побѣда!» Генералъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: «Гдѣ онъ, нашъ, спаситель?» Ему указываютъ на меня, онъ бросается мнѣ на шею и съ радостными слезами кричитъ: «Побѣда!» Я выздоравливаю и, съ подвязанной чернымъ платкомъ рукою, гуляю по Тверскому бульвару. Я генералъ! Но вотъ Государь встрѣчаетъ меня и спрашиваетъ: «Кто этотъ израненный молодой человѣкъ?» Ему говорятъ, что это извѣстный герой Николай. Государь подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «Благодарю тебя. Я все сдѣлаю, что бы ты ни просилъ у меня». Я почтительно кланяюсь и, опираясь на саблю, говорю: «Я счастливъ, Великій Государь, что могъ пролить кровь за свое стечество, и желалъ бы умереть за него; но ежели ты такъ милостивъ, что позволяешь мнѣ просить тебя,

прошу объ одномъ: позволь мнѣ уничтожить врага моего, иностранца С. Жерома. Мнѣ хочется уничтожить врага моего. С. Жерома». Но вдругъ мнѣ приходитъ мысль, что съ минуты на минуту можетъ войти настоящій С. Жеромъ съ розгами, и я снова веду себя не генераломъ, спасающимъ отечество, а самымъ жалкимъ, плачевнымъ созданіемъ.

в) То мнѣ приходитъ мысль о Богѣ, и я дерзко спрашиваю Его, за что Онъ наказываетъ меня. «Я, кажется, не забывалъ молиться утромъ и вечеромъ; такъ за что же я страдаю?» То я воображалъ, что я непремѣнно умру и живо представлялъ себѣ удивленіе С. Жерома, находящаго въ чуланѣ вмѣсто меня безжизненное тѣло. Вспоминая разсказы Натальи Саввишны о томъ, что душа усопшаго до сорока дней не оставляетъ дома, я мысленно послѣ смерти ношусь невидимкой по всѣмъ комнатамъ бабушкинаго дома и подслушиваю искреннія слезы Любочки, сожалѣнія бабушки и разговоръ папы съ Августомъ Антонычемъ. «Онъ славный былъ мальчикъ», скажетъ папа со слезами. — «Да», скажетъ Жеромъ, «но большой повѣса». — «Вы должны уважать мертвыхъ», скажетъ папа: — «вы были причиной его смерти, вы запугали его, онъ не могъ перенести униженія, которое вы готовили ему... Вонъ отсюда, злодѣй!» И С. Жеромъ упадетъ на колѣни, будетъ плакать и просить прощенія. Послѣ сорока дней, душа моя улетаетъ на небо. Я вижу тамъ, что то удивительно прекрасное, и чувствую, что это моя мать. Это что то бѣлое окружаетъ, ласкаетъ меня. Но я чувствую безспокойство и какъ будто не узнаю ее. Мы вмѣстѣ съ ней летимъ все выше и выше. Тутъ я какъ будто просыпаюсь и нахожу себя опять на сундукѣ, въ темномъ чуланѣ, съ мокрыми отъ слезъ щеками, безъ всякой мысли твердящаго слова. И мы летимъ все выше и выше.

Л. Толстой.

26. Мечты Маріи Башкирцевой.

Будь я мужчиной, я покоряла бы Европу. Въ моей роли молодой дѣвушки я расходовалась только на безумныя словоизліянія и эксцентрическія выходки...

Бываютъ дни, когда наивно считаешь себя способной ко всему... Если бы хватало времени, я была бы скульпторомъ, писательницей, музыкантшей...

Какой то внутренній огонь пожираетъ васъ. А смерть ждетъ въ концѣ концовъ, неизбѣжная смерть, — все равно буду ли я горѣть своими неисполнимыми желаніями или нѣтъ.

Но если я ничто, если мнѣ суждено быть ничѣмъ, почему эти мечты о славѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сознаю себя? И что означаютъ эти вдохновенные порывы къ великому, къ величію, представлявшемуся мнѣ когда-то

въ формѣ богатствъ и титуловъ? Почему — съ тѣхъ поръ, какъ я была способна связать двѣ мысли, съ четырехъ лѣтъ, живетъ во мнѣ эта потребность въ чемъ то великомъ, славномъ. . . смутномъ, но огромномъ? . . . Чѣмъ я только не перебывала въ моемъ дѣтскомъ воображеніи! . . Сначала я была танцовщицей — знаменитой танцовщицей Петипа, обожаемой Петербургомъ. Каждый вечеръ я надѣвала открытое платье, убирала цвѣтами голову и съ серьезнѣйшимъ видомъ танцевала въ залѣ, при стеченіи всей нашей семьи. Потомъ я была первой пѣвицей въ мірѣ. Я пѣла, аккомпанируя себѣ на арфѣ, и меня уносили съ тріумфомъ... не знаю куда и кто. Потомъ я электризовала массы силой моего слова. . . Императоръ женился на мнѣ, чтобы удержаться на тронѣ; я жила въ непосредственномъ общеніи съ моимъ народомъ, я произносила передъ нимъ рѣчи, выясняя ему свою политику, и народъ былъ тронутъ мною до слезъ. . . Словомъ, во всемъ, во всѣхъ направленіяхъ, во всѣхъ чувствахъ и человѣческихъ удовлетвореніяхъ, я искала чего то неправдоподобно — великаго. . . И если это не можетъ осуществиться, лучше ужъ умереть.

М. Башкирцева.

27. Мечтательность, или свободныя мечты представляютъ собою простѣйшее проявленіе и самый элементарный періодъ психическаго прогресса. Мечтами обусловливается движеніе или потокъ мыслей, который выводитъ человѣка изъ бездѣятельнаго состоянія, какому онъ отдается при недостаткѣ настойчивыхъ впечатлѣній. Мечтательность получаетъ у человѣка незначительный толчекъ отъ какого либо инстинкта или чувства, но затѣмъ посредствомъ свободнаго безудержнаго мышленія, о которомъ говорятъ Л. Толстой и М. Башкирцева, человѣкъ завлекается и втягивается въ *мыслительную* работу, и это постепенно приводитъ къ *напряженію вниманія,* простая же мечтательность еще не сопровождается *вниманіемъ*. (Всеобщ. Психологія стр.575 и дал.).

Мечтательность у дѣтей сильна и безудержна и богата полетомъ фантазіи, которая рисуетъ міръ и явленія не въ ихъ реальныхъ рамкахъ, а въ *мысленныхъ* возможностяхъ, гдѣ животныя говорятъ, какъ люди, гдѣ ковры летаютъ, какъ птицы, гдѣ громоздкіе предметы, напр. шкафы прижимаютъ вора къ стѣнкѣ, гдѣ живительная и цѣлительная вода всегда къ услугамъ человѣка и совершаетъ чудеса и т. д.

Самая важность мыслить (вспомнить, представить) до такой степени возбуждаетъ все существо ребенка, что дитя неудержимо стремится охватить мыслью предметы, подобно тому, какъ хватаетъ ихъ рукою. Отсюда — порывъ и неудержимость дѣтской мысли, которая не хочетъ даже отличить возможность отъ дѣйствительности, считая все мыслимое достижимымъ на самомъ дѣлѣ.

28. Д. Дисциплинированное мышленіе.

Орудіемъ для воспитанія въ человѣкѣ упорядоченнаго или дисциплинированнаго мышленія взамѣнъ мечтаній служатъ: *сказка, басня, пѣсня.* Всѣ онѣ представляютъ собою мышленіе на *опредѣленную тему,* т. е. систематическое напряженіе ума. Такимъ образомъ *сказка, басня, пѣсня* являются прежде всего *методическимъ пріемомъ* для развитія упорядоченнаго мышленія. Жизненная важность и необходимость *такого* мышленія дѣлаетъ понятнымъ всеобщую распространенность сказокъ, басенъ и пѣсенъ во всемъ человѣческомъ родѣ. Въ дѣтствѣ отдѣльнаго человѣка и въ періодъ младенческаго состоянія человѣчества, сказка является важнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ развитія мышленія. Отсюда универсальная распространенность сказокъ, какъ естественнаго развитія ума и накопленіе мыслительнаго опыта. Такая точка зрѣнія на существо сказокъ указана была еще Платономъ, который совѣтывалъ матерямъ и кормилицамъ разсказывать дѣтямъ сказки и миѳы. Это было началомъ воспитанія. Но сказки имѣютъ и другое, болѣе широкое значеніе: содѣйствуя развитію личности, сказка воспитываетъ идеализмъ и чувство правды. Оттого ея значеніе далеко выходитъ за предѣлы интересовъ ума и мышленія.

Начиная со сказокъ, басенъ и пѣсень возникаетъ впервые живое преданіе, а затѣмъ и письменность, какъ новыя орудія человѣческаго прогресса, а затѣмъ возникаетъ и самое созданіе литературы, которая, постепенно совершенствуя человѣка, и сама развивается и совершенствуется въ своихъ формахъ и образцахъ творчества. Низшими членами этой вѣковой поступательной цѣпи являются: *Пѣсня, сказка, басня.* Сказка и басня развиваютъ *умъ и характеръ,* пѣсня дѣйствуетъ по преимуществу на *чувство и настроеніе,* закрѣпляя и развивая чувство и тѣмъ создавая основы будущихъ директивъ жизни, исходящихъ изъ чувства.

а) ПѢСНЯ.

Въ пѣснѣ должно отличать три стороны: музыкальную сторону, или мотивъ, скорость движенія или темпъ и наконецъ содержаніе или текстъ. Послѣдняя сторона имѣетъ болѣе историческое значеніе, двѣ первыхъ болѣе психологическое значеніе. Быстрота или скорость движенія звуковъ пѣсни рѣшаютъ вопросъ о харектерѣ *чувствъ,* лежащихъ въ основаніи: всѣ быстрыя движенія указываютъ на *радостныя чувства,* всѣ медленныя, тягучія — *на печальныя переживанія.* Это вполнѣ соотвѣтствуетъ физіологическимъ условіямъ нервно-мышечной работы и зависитъ отъ того, что всѣ радостныя чувства возбуждаютъ сердце, дыханіе и жизнь, а всѣ печальныя — угнетаютъ и убиваютъ. Примѣромъ первыхъ — радостныхъ можетъ служить арія «Ахъ ты, свѣтъ — Людмила!» «Славься, славься

нашъ русскій царь!» Примѣромъ медленнаго темпа служитъ: «Ахъ, подруженьки, мнѣ грустно»... Или темпъ веселой народной пѣсни: «Ахъ вы, сѣни мои сѣни» и грустной «Ахъ ты, ноченька»...

Пушкинъ говоритъ:

..... Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалостный напѣвъ.

Славянская грусть, говоритъ Додэ, заунывная, какъ и славянская пѣсня, звучитъ въ глубинѣ твореній славянскихъ писателей. Гоголь говоритъ: почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя (поэтъ обращается къ Россіи) тоскливая, несущаяся по твоей длинѣ и ширинѣ, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? *Что зоветъ и рыдаетъ* и хватаетъ за сердце? Какіе звуки *болѣзненно* лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца?

Пѣсня дѣйствуетъ на человѣческую жизнь въ противоположныхъ направленіяхъ. Это чувствуется непосредственно. Даже дитя отличаетъ это. Умныя животныя, какъ собака, опускаютъ хвостъ и принижаются отъ грозныхъ звуковъ, а дитя, даже неразумное, настораживается и можетъ заплакать отъ грубыхъ жесткихъ звуковъ, радуется и ободряется отъ радостныхъ; двухъ — четырехъ лѣтній ребенокъ можетъ улыбаться отъ рѣчей, которыхъ онъ совершенно не понимаетъ: на него дѣйствуютъ самые звуки, ихъ сила и темпъ и звуками можно успокоить разстроенное существо. На этомъ основано дѣйствіе колыбельныхъ пѣсень. Пѣсня такое же естественное явленіе, какъ рѣчь, какъ общеніе людей. Всѣ народы всѣхъ странъ міра звуками выражаютъ свои сильныя и внезапныя чувствованія. Пѣсня даже предшествуетъ рѣчи (проф. Снегиревъ) и появилась раньше ея и является первымъ поэтическимъ творчествомъ человѣка. (проф. Бодянскій).

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

29. Мимо моего садика,
Мимо моего зеленаго
Пролегала дороженька
Широкимъ не широкая
Только очень прибоиста:
Какъ по той дороженькѣ
Отъ матери ѣхала,
Горячо слезно плакала
Соловейку наказывала:
Ты лети соловеюшко
На родиму сторонушку,
Ты и сядь во зеленый садъ
На любимую яблоньку
Утѣшай мою матушку,
Чтобъ она, государыня,
Не тужила не плакала,
На чужихъ дѣтей глядючи
Ко своимъ примѣняючи.

30. Ахъ, ты поле мое поле чистое!
Ты раздольное мое широкое...
Ахъ, ты всѣмъ поле изукрашено,
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣтиками, василечками.
Ты однимъ, поле обезчещено;
Что средь тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ на ракитовомъ
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ онъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю
Подъ кустикомъ подъ ракитовымъ,
Что лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь:
Что не ласточкой, не касаточкой
Кругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается тутъ родная матушка
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родная сестра плачетъ, — какъ ручей течетъ,
Молодая жена плачетъ, какъ роса падетъ:
Красно солнышко взойдетъ, — росу высушитъ.

31. Какъ на дубочкѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Отколь ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ убилъ, убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова;
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Раскидалъ перья по чистому полю,
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубчикѣ,
По голубчикѣ мохноногонькомъ.
Какъ возговорилъ младъ ясенъ соколъ:
Ты не плачь, не плачь сиза голубушка,
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ:
Полечу-ли я на сине море,
Пригоню тебѣ голубей стадо;
Выбирай себѣ сизова голубя
Сизова голубя мохноногова.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:

Не лети соколъ на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь то будетъ мнѣ другой вѣнецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ.

32. Кольцо души — дѣвицы
Я въ море уронилъ;
Съ ея кольцомъ все счастье
Земное погубилъ.

Не въ добрый часъ я неводъ
Сталъ въ морѣ полоскать:
Кольцо юркнуло въ воду...
Искалъ... Но гдѣ искать?..

Мнѣ давъ, она сказала:
«Носи, не потеряй.
Пока кольцо съ тобою,
Меня своей считай».

Съ тѣхъ поръ мы, какъ чужіе:
Приду къ ней, не глядитъ,
Съ тѣхъ поръ мое все счастье
На днѣ морскомъ лежитъ.

О, вѣтеръ полуночный,
Проснись и будь мнѣ другъ:
Схвати со дна колечко
И выкати на лугъ.

Художественныя переживанія и тихая молитва земледѣльца.

33. Н и в а.

Нива, моя нива,
Нива золотая,
Зрѣешь ты на солнцѣ
Колосъ наливая.

По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ.

Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется...

Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.

Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую,
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую...

Ю. Жадовская.

34. Ясно солнышко
Закатилося;
Свѣтла мѣсяца
Не видать нигдѣ,
Часты звѣздочки
Въ тучи спрятались
И темнымъ — темна
Ночь осенняя.

Трудно въ свѣтѣ жить
Сиротинушкѣ
Безъ родимаго
Отца—батюшки,
Безъ родимыя
Своей матушки,
Безъ братьевъ, сестеръ...
Какъ есть круглому.

35. Слети къ намъ тихій вечеръ
На мирныя поля,
Тебѣ поемъ мы пѣсню,
Вечерняя заря.

Какъ тихо всюду стало,
Какъ воздухъ охладѣлъ,
И въ дальней рощѣ звонко
Ужъ соловей запѣлъ.

Темнѣетъ ужъ въ долинѣ
И ночи близокъ часъ:
На маковкѣ березы
Послѣдній лучъ угасъ.

Слети-жъ къ намъ тихій вечеръ
На мирныя поля,
Тебѣ поемъ мы пѣсню,
Вечерняя заря.

Многочисленныя колыбельныя пѣсни назначены,однѣ для дѣтей, другія для поддержки матерей въ ихъ трудномъ долгѣ ухода за дитятей.

36. Колыбельная тѣсня.

Спи, дитя мое, усни,
Сладкій сонъ къ себѣ мани.
Въ няньки я къ тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой,
Солнце скрылось подъ горой,
Вѣтеръ послѣ трехъ ночей
Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
А-ли звѣзды воевалъ,
А-ли волны все гонялъ?»

«Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;
Я дитя оберегалъ,
Колыбелечку качалъ».

А. Майковъ.

37. Казачья колыбельная тѣсня.

(*Слова для матери, звуки для ребенка*).

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки — баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки — баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;

Но отецъ твой — старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки — баю.

Самъ узнаешь — будетъ время —
Бранное житье:
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки — баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки — баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать:
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки — баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, молясь Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки — баю.

Лермонтовъ.

38. Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка,
Пашней — десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица — зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ...
Ну, тащися, сивка!
Я самъ — другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну, тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать — земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка
Вырастетъ и колосъ —
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы...
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну, тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю;
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

Кольцовъ.

39. Косарь.

Не возьму я въ толкъ
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня-ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая
Моей матушки.
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зарю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою.
Что работаю —
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день
Въ безталанный часъ
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
Прошлой осенью
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился.
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку —
Не возьму я въ толкъ
Не придумаю...
Я-ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачемъ слыветъ.
Пускай домъ его —
Чаша полная.
Я ее хочу
Я по ней крушусь.
Лицо бѣлое,
Заря алая —
Щеки полныя.
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума...
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала.
На отрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью...
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее
И прости — прощай
Село родное!
Не плачь Грунюшка:
Косой вострою
Не порѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости староста,
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ,
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хорошо стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ
Ковылемъ — травой
Разстилается...
Ахъ ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю — Черному

Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ — другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося...
Раззудись плечо!
Размахнись рука!
Ты пахни въ лицо
Вѣтеръ съ полудня.
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи коса,
Засверкай кругомъ,
Зашуми, трава,
Подкошенная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну молодецъ.
Нагребу копенъ, —
Намечу стоговъ,
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну —
Сберегу казну
Ворочусь въ село —
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной.

Кольцовъ.

40. У р о ж а й.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется.
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,
Напустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась —
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.
Ополчается —
Громомъ, бурею,
Огнемъ молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилася —
И разширилась,
И ударила
И пролилася
Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.
И съ горы небесъ
Глядитъ солнышко;
Напилась воды
Земля до сыта
На поля, сады,
На зеленые
Люди сельскіе
Не насмотрятся:

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою.
За одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.
А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали —
Богу — Господу
Помолилися:
Чѣмъ-свѣтъ, по полю
Всѣ разъѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкою,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...
Посмотрю, пойду
Полюбуюся,
Что Господь послалъ
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дремитъ колосомъ
Почти до земли.
Словно Божій гость
На всѣ стороны —
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ — лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается....
Люди семьями
Принялися жать
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Идетъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко стоятъ,
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени,
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божіей матери.

Кольцовъ.

41. Пѣсня бобыля. Трагизмъ одинокаго бѣдняка.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ — весь избытокъ...
Эхъ, живи — не тужи,
Умрешь — не убытокъ!
Богачу — дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ, веселится.

Онъ идетъ да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ:
Сторонись богачи —
Бѣднота гуляетъ!
Рожь стоитъ по бокамъ
Отдаетъ поклоны...
Эхъ, присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!
Ужъ ты плачь ли, не плачь,
Слезъ никто не видитъ,
Оробѣй, загорюй —
Курица обидитъ.
Ужъ ты сытъ ли, не сытъ,
Въ печаль не вдавайся;
Причешись, разпахнись,
Шути, улыбайся!
Поживемъ, да умремъ —
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ —
Пѣсенка допѣта.

Никитинъ.

42. б) Сказка.

Сказка представляетъ собою одинъ изъ самыхъ любимыхъ видовъ эпическаго творчества. Для дѣтей, для народа она не замѣнима, какъ цѣнный матеріалъ поученія и развитія. Образованные читатели также восхищаются искусственной сказкой, какъ показываетъ примѣръ сказокъ Андерсена, Пушкина, Гаршина и др.

43. Нужда.

Жили по разнымъ деревнямъ два брата: одинъ былъ богатый, а другой бѣдный. Вотъ у богатаго пришелъ праздникъ, бѣдный и пошелъ къ нему въ гости. Пришелъ и говоритъ: «Братецъ, у тебя сегодня праздникъ, хотя бы ты меня бражкой угостилъ». «Бражкой, говоритъ богатый, вотъ въ кадкѣ — пей, сколько хочешь». А въ кадкѣ то — была вода. Бѣдный братъ и напился воды. Пошелъ назадъ домой, да и поетъ пѣсни, слышитъ—съ нимъ кто то поетъ. Онъ и спрашиваетъ: «Кто же это поетъ?» Да я», говоритъ.— «Да кто ты?» «Я, говоритъ Нужда». «А ты куда идешь?» «Да я все съ тобой хожу». «Да я, говоритъ бѣдный, домой пришедши, буду умирать». «Ну, и я съ тобой!». Пришедши домой онъ сталъ дѣлать гробъ. Сдѣлалъ гробъ и говоритъ: «Нужда, а Нужда: полѣзай въ гробъ». Потомъ онъ ее спрашиваетъ: «Нужда, а Нужда, влѣзла что-ль?» — «Да я ужъ тутъ». Онъ понесъ ее на кладбище, закопалъ ее, и сталъ съ той поры богатѣть. Богатый братъ узналъ объ этомъ и позавидовалъ ему: «что говоритъ, такое? отчего это онъ разбогатѣлъ?» Вотъ онъ приходитъ къ нему и говоритъ: «Отчего ты, братъ, разбогатѣлъ?»«Помнишь, говоритъ бѣдный: я былъ у тебя на праздникѣ, ты меня водой — то угостилъ. Я воды — то напился и охмелѣлъ съ той воды. Пошелъ домой, сталъ пѣсни пѣть, слышу — со мной кто то поетъ-подпѣваетъ. Вотъ я спросилъ: кто это со мною поетъ? Кто то отвѣчаетъ: Я. — «Да ты кто?». — «Я — Нужда».

Тутъ богатый и спрашиваетъ его: «Да куда ты ее дѣлъ?». — «Я посадилъ ее въ гробъ и закопалъ». Богатого-то зависть и взяла; пошелъ онъ на кладбище, откопалъ нужду, да и говоритъ: «Нужда, ты тутъ?». «Ту-утъ, чуть ж-и-в-а», отвѣчала она. Вотъ онъ говоритъ: «Пойдемъ къ брату: онъ теперь разбогатѣлъ». Она говоритъ ему: «Нѣтъ, я лучше съ тобой пойду, а то онъ меня совсѣмъ заморилъ». И ушла съ нимъ. Богатый и обѣднѣлъ. А этотъ, который закопалъ Нужду, по милости Божіей, хорошо живетъ и теперь.

Народная сказка.

44. *Морозко.*

У мачехи была падчерица, да родная дочка; родная что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: «умница!», а падчерица какъ ни угождаетъ, ничѣмъ не угодитъ — все не такъ, все худо; а надо правду сказать, дѣвочка была золото: въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. — Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ, да затихнетъ, а сварливая баба расходится — не скоро уймешь: все будетъ придумывать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать. «Вези, старикъ, ее куда хочешь, чтобы глаза мои ее не видѣли, да не вези ее въ теплую хату, а вези на трескучій морозъ». Затужилъ, заплакалъ старикъ, да дѣлать нечего — посадилъ дочку въ сани, повезъ бездомную въ чистое поле, свалилъ на сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобы глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась, бѣдная, дрожитъ и тихонько молитву творитъ. Вдругъ слышитъ: невдалекѣ Морозко на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ да пощелкиваетъ. Вотъ очутился онъ на той соснѣ, подъ коей дѣвица сидитъ; пощелкиваетъ, потрескиваетъ, на красную дѣвицу поглядываетъ: «Дѣвица, а дѣвица, а я Морозъ красный носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ! Знать Богъ тебя по мою грѣшную душу принесъ». «Тепло ли тѣ дѣвица?» — «Тепло, батюшка Морозъ». Сталъ Морозко ниже спускаться, больше потрескивать, чаще пощелкивать, и опять спрашиваетъ дѣвицу: «Тепло-ли тѣ дѣвица, тепло ли тѣ красная?» «Дѣвица чуть духъ переводитъ, а опять отвѣчаетъ: «Тепло, батюшко, тепло, Морозъ». Пуще затрещалъ, сильнѣе защелкалъ Морозъ и снова спрашиваетъ: «Тепло ли тѣ дѣвица, тепло ли тѣ красная, тепло ли тѣ лапушка?» «А дѣвица чуть слышно отвѣчаетъ: «Тепло, голубчикъ, Морозъ». Полюбились Морозу ея ласковыя рѣчи, сжалился надъ ней, окуталъ ее шубами да теплыми покрывалами, принесъ ей сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго, а потомъ подарилъ ей платье, шитое серебромъ, да золотомъ. Надѣла она его и стала такая красавица, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки

справляетъ, блиновъ напекла. «Ступай, мужъ, вези, свою дочь хоронить». Поѣхалъ старикъ. А собачка подъ столомъ: «тявъ, тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ». — «Молчи, дура; на, блинъ, скажи: старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки везутъ». Собачка съѣла блинъ, да опять: «тявъ, тявъ! старикову дочь въ златѣ, въ серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ».

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, да тяжелый, идетъ падчерица — вся въ серебрѣ, да въ златѣ сіяетъ. Мачеха глянула и закричала: «Старикъ, запрягай лошадей, вези мою дочь поскорѣй, посади на то же поле, на то же мѣсто». Повезъ старикъ старухину дочку, посадилъ на то же поле, на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ — красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью и сталъ ее спрашивать: «Тепло ли тѣ дѣвица?» «Убирайся ты!» отвѣчала ему старухина дочь,—не видишь, что у меня руки и ноги замерзли». Попрыгалъ Морозко, да такъ ласковыхъ рѣчей не дождался, разсердился, да и заморозилъ дѣвицу.— «Старикъ, ступай лихихъ коней запрягай, мою дочку привези, да сундукъ не оброни!» говоритъ старуха. А собачка подъ столомъ: «Тявъ, тявъ! Старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной косточки везутъ». «Не ври! На, пирогъ, скажи: старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ». Растворилися ворота, выбѣжала старуха встрѣчать дочь, заплакала, заголосила, да поздно.

Народная сказка.

45. Аленькой цвѣточекъ.

(*Сказка ключницы Пелагеи*).

Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ жилъ — былъ богатый купецъ именитый человѣкъ. Много у него было всякаго богатства, дорогихъ товаровъ заморскихъ, жемчугу, драгоцѣнныхъ каменіевъ, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, всѣ три красавицы писаныя, а меньшая лучше всѣхъ; и любилъ онъ дочерей своихъ больше всего своего богатства, жемчуговъ, драгоцѣнныхъ камѳніевъ, золотой и серебряной казны — по той причинѣ, что онъ былъ вдовецъ, и любить ему было некого; любилъ онъ старшихъ дочерей, а меньшую дочь любилъ больше, потому что она была собой лучше всѣхъ и къ нему ласковѣе. Вотъ и собирается тотъ купецъ по своимъ торговымъ дѣламъ за море, за тридевять земель, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, и говоритъ онъ своимъ любезнымъ дочерямъ: «Дочери мои милыя, дочери мои хорошія, дочери мои пригожія, ѣду я по своимъ купецкимъ дѣламъ за тридевять земель, въ тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проѣзжу не вѣдаю, и наказываю я вамъ жить безъ меня честно и смирно, и коли вы будете безъ меня жить честно и смирно, то привезу вамъ такіе гостинцы, какихъ вы сами похочете, и

даю я вамъ сроку думать на три дня, и тогда вы мнѣ скажете, какихъ гостинцевъ вамъ хочется». Думали онѣ три дня и три ночи и пришли къ своему родителю; и сталъ онъ ихъ спрашивать, какихъ гостинцевъ желаютъ. Старшая дочь поклонилась отцу въ ноги, да и говоритъ ему первая: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вези ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни мѣховъ чернаго соболя, ни жемчуга бурмицкаго; а привези ты мнѣ золотой вѣнецъ изъ каменьевъ самоцвѣтныихъ, и чтобъ былъ отъ нихъ такой свѣтъ, какъ отъ мѣсяца полнаго, какъ отъ солнышка краснаго, и чтобы было отъ него свѣтло въ темную ночь, какъ среди дня бѣлаго». Честный купецъ призадумался и сказалъ потомъ: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая; привезу я тебѣ таковой вѣнецъ; знаю я за моремъ такова человѣка, который достанетъ мнѣ таковой вѣнецъ; а и есть онъ у одной королевишны заморскія, а и спрятанъ онъ въ кладовой каменной, а и стоитъ та кладовая въ каменной горѣ, глубиной на три сажени, за тремя дверьми желѣзными, за тремя замками нѣмецкими. Работа будетъ не малая, да для моей казны супротивнаго нѣтъ». Поклонилась ему въ ноги дочь средняя и говоритъ: «Государь ты мой, батюшка родимый! Не вези ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ мѣховъ соболя сибирскаго, ни ожерелья жемчуга бурмицкаго, ни золота вѣнца самоцвѣтнаго, а привези ты мнѣ тувалетъ изъ хрусталю восточнаго, цѣльнаго, безпорочнаго, чтобы глядя въ него, видѣла я всю красоту поднебесную, и чтобъ, смотрясь въ него, я не старилась и красота-бъ моя дѣвичья прибавлялася». Призадумался честной купецъ и подумавъ мало ли много ли времени, говоритъ ей таковыя слова: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебѣ таковой хрустальный тувалетъ; а есть онъ у дочери короля персидскаго, молодой королевишны, красоты несказанной, неписаной и негаданной, и стоитъ онъ на горѣ каменной, вышина той горы въ триста саженъ, за семью дверьми желѣзными, за замками нѣмецкими, и ведутъ къ тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоитъ по воину персидскому, день и ночь съ саблею наголо булатною, и ключи отъ тѣхъ дверей желѣзныихъ носитъ королевишна на поясѣ. Знаю за моремъ такова человѣка, и достанетъ онъ мнѣ таковой тувалетъ. Потяжеле твоя работа сестриной: да для моей казны супротивнаго нѣтъ». Поклонилась отцу въ ноги меньшая дочь и говоритъ таково слово: «Государь ты мой, батюшка родимый! Не вези ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ соболей сибирскихъ, ни ожерелья бурмицкаго, ни вѣнца самоцвѣтнаго, ни тувалета хрустальнаго, и привези ты мнѣ *аленькой цвѣточекъ*, котораго бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ». Призадумался честный купецъ крѣпче прежняго. Мало ли много ли времени онъ думалъ, доподлинно сказать не могу; надумавшись онъ цѣлуетъ, ласкаетъ и приголубливаетъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ таковыя слова: «Ну, задала ты мнѣ работу потяжеле сестриныхъ, коли знаешь что искать, то какъ не сыскать; а какъ найти то, чего самъ

не знаешь. Аленькій цвѣточекъ не хитро найти, да какъ же узнать мнѣ, что краше его нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. Буду стараться, а на гостинцѣ не взыщи». И отпустилъ онъ дочерей своихъ хорошіихъ, пригожіихъ въ ихніе терема дѣвичьи. Сталъ онъ собираться въ путь во дороженьку, въ дальніе края заморскіе. Долго ли много ли онъ собирался, я не знаю и не вѣдаю: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Поѣхалъ онъ въ путь, во дороженьку. Вотъ ѣздитъ честной купецъ по чужимъ сторонамъ заморскіимъ, по королевствамъ не виданнымъ;продаетъ онъ свои товары втридорога, покупаетъ чужіе втридешева; онъ мѣняетъ товаръ на товаръ и того сходнѣй, со придачею серебра да золота, золотой казной корабли нагружаетъ, да домой посылаетъ. Отыскалъ онъ завѣтный гостинецъ для своей старшей дочери; вѣнецъ съ камнями самоцвѣтными, а отъ нихъ свѣтло въ темную ночь, какъ бы въ бѣлый день. Отыскалъ завѣтный гостинецъ и для средней дочери: тувалетъ хрустальный, а въ немъ видна вся красота поднебесная и, смотрясь въ него, дѣвичья красота не старѣется, а прибавляется. Не можетъ онъ только найти завѣтнаго гостинца для меньшей любимой дочери, аленькаго цвѣточка, краше котораго не было бы на бѣломъ свѣтѣ. Находилъ онъ во садахъ царскихъ, королевскихъ и султановыхъ много аленькихъ цвѣточковъ такой красоты, что ни въ сказкѣ сказать ни перомъ написать; да никто ему поруки не даетъ, что краше того цвѣтка нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; да и самъ онъ того не думаетъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ — дорогою со своими слугами вѣрными, по пескамъ сыпучіимъ, по лѣсамъ дремучіимъ, и откуда ни возьмись, налетѣли на него разбойники, бусурманскіе, турецкіе, да индѣйскіе, нехристи поганые, и, увидя бѣду неминучую, бросаетъ честной купецъ свои караваны богатые, со прислугою своей вѣрною, и бѣжитъ въ темны лѣса. «Пусть — де меня растерзаютъ звѣри лютые, чѣмъ попасться мнѣ въ руки разбойничьи, поганыя, и доживать свой вѣкъ въ плѣну, во неволѣ». Бродитъ онъ по тому лѣсу дремучему, непроѣздному, непроходному, и что дальше идетъ, то дорога лучше становится, словно деревья передъ нимъ разступаются, а часть кусты раздвигаются. Смотритъ назадъ — руки не просунуть, смотритъ направо — пни, да колоды, зайцу косому не проскочить, смотритъ налѣво — а и хуже того. Дивуется честной купецъ, думаетъ, не придумаетъ, что съ нимъ за чудо совершается, а самъ все идетъ да идетъ: у него подъ ногами дорога торная. Идетъ онъ день отъ утра до веччера, не слышитъ онъ реву звѣринаго, ни шипѣнія змѣинаго, ни крику совинаго, ни голоса птичьяго: ровно около него все повымерло. Вотъ пришла и темная ночь; кругомъ его хоть глазъ выколи, а у него подъ ногами свѣтлехонько. Вотъ идетъ онъ, почитай, до полуночи, и сталъ видѣть впереди будто зарево, и подумалъ онъ: «Видно лѣсъ горитъ, такъ зачѣмъ же мнѣ туда итти на вѣрную смерть, не минучую?» Поворотилъ онъ назадъ — нельзя итти, направо, налѣво — нельзя итти; сунулся впередъ — дорога торная. «Дай постою на одномъ мѣстѣ, можетъ зарево

пойдетъ въ другую сторону, аль прочь отъ меня, аль потухнетъ совсѣмъ». Вотъ и сталъ онъ дожидаться, да не тутъ— то было: зарево точно къ нему на встрѣчу идетъ, и какъ будто около него свѣтлѣе становится; думалъ онъ, думалъ и порѣшилъ итти впередъ. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Перекрестился купецъ и пошелъ впередъ. Чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ свѣтлѣе становится, и стало, почитай, какъ бѣлый день, а не слышно шуму и треску пожарнаго. Выходитъ онъ подъ конецъ на поляну широкую, и посередь той поляны широкія стоитъ домъ не домъ, чертогъ не чертогъ, а дворецъ королевскій или царскій, весь въ огнѣ, въ серебрѣ и золотѣ и въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ, весь горитъ и свѣтитъ, а огня не видать: ровно солнышко красное, инда тяжело на него глазамъ смотрѣть. Всѣ окошки въ дворцѣ растворены, и играетъ въ немъ музыка согласная, какой никогда онъ не слыхивалъ. Входитъ онъ на широкій дворъ, въ ворота широкія растворенныя; дорога пошла изъ бѣлаго мрамора, а по сторонамъ бьютъ фонтаны воды, высокіе, большіе и малые. Входитъ онъ во дворецъ по лѣстницѣ устланной кармазиннымъ сукномъ, со перилами позолоченными; вошолъ въ горницу — нѣтъ никого; въ другую, въ третью — нѣтъ никого; въ пятую, десятую — нѣтъ никого; а убранство вездѣ царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустальи восточные, кость слоновая и мамонтовая. Дивится честный купецъ такому богатству несказанному, а вдвое того, что хозяина нѣтъ; не токомъ хозяйна и прислуги нѣтъ; а музыка играетъ не смолкаючи: и подумавъ онъ въ тѣ поры про себя: «Все хорошо, да ѣсть нечего», и выросъ передъ нимъ столъ, убранный, разубранный, въ посудѣ золотой да серебряной яства стоятъ сахарныя и вина заморскія, и питья медвяныя. Сѣлъ онъ за столъ безъ сумлѣнія; напился, наѣлся до сыта, потому, что не ѣлъ сутки цѣлыя; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того гляди, что языкъ проглотишь, а онъ, по лѣсамъ и пескамъ ходючи, крѣпко проголодался; всталъ онъ изъ-за стола, а поклониться некому, и сказать спасибо за хлѣбъ, за соль некому. Не успѣлъ онъ встать, да оглянуться, а стола съ кушаньемъ — какъ не было, а музыка играетъ неумолкаючи. Дивуется честной купецъ такому чуду чудному и такому диву дивному, ходитъ онъ по палатамъ изукрашеннымъ, да любуется, а самъ думаетъ: «Хорошо бы теперь соснуть, да всхрапнуть» — и видитъ: стоитъ передъ нимъ кровать рѣзная изъ чистаго золота, на ножкахъ хрустальныхъ, съ пологомъ серебрянымъ, съ бахромою и кистями жемчужными; пуховикъ на ней какъ гора лежитъ, пуху мягкаго лебяжьяго. Дивится купецъ такому чуду новому, новому и чудному; ложится онъ на высокую кровать, задергиваетъ пологъ серебрянный и видитъ, что онъ тонокъ и мягокъ, будто шолковый. Стало въ палатѣ темно, ровно в сумерки, и музыка играетъ будто издали, и подумалъ онъ: «Ахъ кабы мнѣ дочерей хоть во снѣ увидать», — и заснулъ тое-жъ минуточку:

Просыпается купецъ, а солнце уже взошло выше дерева стоячаго. Проснулся купецъ, а вдругъ опомниться не можетъ: всю ночь видѣлъ онъ

во снѣ дочерей своихъ любезныхъ, хорошіихъ и пригожіихъ, и видѣлъ онъ дочерей своихъ старшіихъ: старшую и середнюю, что онѣ веселымъ — веселехоньки, а печальная одна, дочь меньшая, любимая; что у старшей и у середней дочери есть женихи богатые, и что собираются онѣ выйти замужъ, не дождавшись его благословенія отцовскаго, меньшая же дочь любимая красавица писаная о женихахъ и слышать не хочетъ, покуда не воротится ея родимый батюшка; и стало у него на сердце радошно и не радошно. Всталъ онъ со кровати высокія, платье ему все приготовлено, и фонтанъ воды бьетъ въ чашу хрустальную; онъ одѣвается, умывается, и ужъ новому чуду не дивуется, чай и кофей на столѣ стоятъ, и при нихъ закуски сахарныя. Помолившись Богу, онъ накушался, и сталъ онъ опять по палатамъ ходить, чтобъ опять на нихъ полюбоваться, при свѣтѣ солнышка краснаго. Все показалось ему лучше вчерашняго. Вотъ видитъ онъ въ окна растворенныя, что кругомъ дворца разведены сады диковинные, плодовитые, и цвѣты цвѣтутъ красоты неописанной. Захотѣлось ему по тѣмъ садамъ прогулятися. Сходитъ онъ по другой лѣстницѣ изъ мрамора зеленаго, изъ малахита мѣднаго съ перилами позолоченными, сходитъ прямо въ зелены сады. Гуляетъ онъ и любуется: на деревьяхъ висятъ плоды спѣлы, румяные, сами въ ротъ такъ и просятся, инда, глядя на нихъ, слюнки текутъ; цвѣты цвѣтутъ распрекрасные, махровые, пахучіе, всякими красками расписанные; птицы летаютъ невиданныя — словно по бархату зеленому и пунцовому золотомъ и серебромъ выложенныя, пѣсни поютъ райскія; фонтаны воды бьютъ высокіе, инда глядѣть на нихъ въ вышину — голова запрокидывается; и бѣгутъ и шумятъ ключи родниковые по колодамъ хрустальнымъ. Ходитъ честной купецъ, дивуется: на всѣ такія диковинки глаза у него разбѣжались, и не знаетъ онъ, на что смотрѣть и кого слушать. Ходилъ онъ такъ долго -ли, мало-ли времени — скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. И вдругъ видитъ онъ: на пригорочкѣ зеленомъ цвѣтетъ цвѣтокъ, цвѣту алаго, красоты невиданной и неслыханной, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. У честного купца духъ занимается, подходитъ онъ ко тому цвѣтку, запахъ отъ цвѣтка по всему саду ровно струя бѣжитъ; затряслись руки и ноги у купца и возговорилъ онъ голосомъ радошнымъ: «Вотъ аленькой цвѣточекъ, какого нѣтъ краше на бѣломъ свѣтѣ, о какомъ просила меня дочь меньшая любимая!» И проговоривъ таковыя слова, онъ пошелъ и сорвалъ аленькой цвѣточекъ. Въ тое-жъ минуту, безо всякихъ тучъ, блеснула молнья и ударилъ громъ, инда земля зашаталась подъ ногами, — выросъ, какъ будто изъ земли передъ купцомъ звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, а такъ, какое то чудище, страшное и мохнатое,и заревѣлъ онъ голосомъ дикіимъ: «Что ты сдѣлалъ? Какъ ты посмѣлъ сорвать въ моемъ саду мой заповѣдной, любимый цвѣтокъ? Я хоронилъ его паче зѣницы ока моего, и всякой день утѣшался, на него глядючи: а ты лишилъ меня всей утѣхи въ моей жизни! Я хозяинъ дворца и сада, я принялъ тебя какъ

дорогого гостя и званаго, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ, а ты эндакъ-то заплатилъ за мое добро! Знай же свою участь горькую: умереть тебѣ за свою вину смертью безвременною»... И несчетное число голосовъ дикіихъ со всѣхъ сторонъ завопило: «Умереть тебѣ смертію безвременною». У честнаго купца отъ страха зубъ на зубъ не приходилъ; онъ оглянулся кругомъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ, изъ подъ каждаго дерева и куста, изъ воды, изъ земли, лѣзетъ къ нему сила нечистая и несмѣтная, все страшилища безобразныя. Онъ упалъ на колѣни передъ набольшимъ хозяиномъ, чудищемъ мохнатымъ, и возговорилъ голосомъ жалобнымъ: «Охъ ты гой еси, господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское: какъ возвеличить тебя — не знаю,не вѣдаю. Не погуби ты души моея христіанскія, за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы хорошія и пригожія, обѣщалъ я имъ по гостинцу привезть: старшей дочери самоцвѣтный вѣнецъ, средней дочери тувалетъ хрустальный, а меньшой дочери — аленькой цвѣточекъ, какого бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ, и подумалъ я, что такому хозяину богатому, славному и могучему, не будетъ жалко цвѣточка аленького, о какомъ просила моя меньшая дочь любимая. Каюсь я въ своей винѣ передъ твоимъ величествомъ. Ты прости мнѣ неразумному и глупому, отпусти меня къ моимъ дочерямъ любимымъ, подари мнѣ цвѣточекъ аленькой, для гостинца моей меньшей любимой дочери. Заплачу я тебѣ казны золотой, что потребуешь». Раздался по лѣсу хохотъ словно загремѣлъ громъ; и возговорить купцу звѣрь лѣсной, чудо морское. «Не надо мнѣ твоей золотой казны: мнѣ своей дѣвать некуда. Нѣтъ тебѣ отъ меня никакой милости, и разорвуть тебя мои слуги вѣрные на куски, на части мелкія. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимаго, награжу казной несчетною, подарю цвѣточекъ аленькой, коли дашь ты мнѣ слово честное, купецкое и запись своей руки, что пришлешь замѣсто себя одну изъ дочерей своихъ хорошіихъ, и пригожіихъ, я обиды ей никакой не сдѣлаю, а и она будетъ жить у меня въ чести и привольи, какъ самъ ты жилъ во дворцѣ моемъ. Стало скучно мнѣ жить одному, и хочу я залучить себѣ товарища». Такъ и палъ купецъ на сыру землю, горючими слезами обливается, и возговорилъ онъ голосомъ жалобнымъ: «Господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское. А и какъ мнѣ быть, коли дочери мои хорошія и пригожія по своей волѣ не похочутъ ѣхать къ тебѣ? Не связать же мнѣ имъ руки и ноги, да насильно прислать. Да и какимъ путемъ до тебя доѣхать? Я ѣхалъ къ тебѣ ровно два года, а по какимъ мѣстамъ, по какимъ путямъ, я не вѣдаю». Возговорилъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: «Не хочу я невольницы: пусть пріѣдетъ твоя дочь сюда по любви къ тебѣ, своей волею и хотѣніемъ; а коли дочери твои не поѣдутъ по своей волѣ и хотѣнію, то самъ пріѣзжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А какъ пріѣхать ко мнѣ — не твоя бѣда; дамъ я тебѣ перстень съ руки моей;

кто надѣнетъ его на правый мизинецъ, тотъ очутится тамъ, гдѣ пожелаетъ, во единое ока мгновеніе. Сроку тебѣ даю дома пробыть три дня и три ночи». Думалъ, думалъ купецъ думу крѣпкую, и придумалъ такъ: «Лучше мнѣ съ дочерьми повидаться, дать имъ свое родительское благословеніе, и коли онѣ избавить меня отъ смерти не похочутъ, то приготовиться къ смерти по долгу христіанскому, и воротиться къ лѣсному звѣрю, чуду морскому». Фальши у него на умѣ не было, а потому онъ разсказалъ, что у него было на мысляхъ... Звѣрь лѣсной, чудо морское и безъ того ихъ зналъ; видя его правду, онъ и записи съ него заручной не взялъ, а снялъ съ своей руки золотой перстень и подалъ его честному купцу. И только честной купецъ успѣлъ одѣть его на правый мизинецъ, какъ очутился онъ въ воротахъ своего широкаго двора; въ ту пору, въ тѣ же ворота въѣзжали его караваны богатые съ прислугою вѣрною, и привезли они казны и товаровъ втрое противу прежняго. Поднялся въ домѣ шумъ и гвалтъ, повскакали дочери изъ за пялецъ своихъ, а вышивали онѣ серебромъ и золотомъ ширинки шелковыя, почали онѣ отца цѣловать, миловать и разными именами называть, и двѣ старшія сестры лебезятъ пуще меньшей сестры. Видятъ онѣ, что отецъ какъ то не радошенъ, и что есть у него на сердцѣ печаль потаенная. Стали старшія дочери его допрашивать: не потерялъ ли онъ своего богатства великаго; меньшая же дочь о богатствѣ не думаетъ и говоритъ она своему родителю: «Мнѣ богатства твои не надобны, — богатство дѣло наживное, а открой ты мнѣ свое горе сердешное». И возговорилъ тогда честной купецъ своимъ дочерямъ родимыимъ, хорошіимъ да пригожіимъ: «Не потерялъ я своего богатства великаго, а нажилъ казны втрое — вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вамъ объ ней завтрашній день, а сегодня будемъ веселиться». Приказалъ онъ принести сундуки дорожные, желѣзомъ кованные; доставалъ онъ старшей дочери золотой вѣнецъ, золота аравійскаго, на огнѣ не горитъ, въ водѣ не ржавѣетъ, со камнями самоцвѣтными; достаетъ гостинецъ средней дочери, тувалетъ хрусталю восточнаго; достаетъ гостинецъ меньшей дочери, золотой кувшинъ съ цвѣточкомъ аленькимъ. Старшія дочери отъ радости рехнулися, унесли свои гостинцы въ терема высокіе, и тамъ на просторѣ ими досыта потѣшалися. Только дочь меньшая, любимая, увидавъ цвѣточекъ аленькой, затряслась вся и заплакала, точно въ сердце ее что ужалило. Какъ возговоритъ къ ней отецъ таковыя рѣчи: «Что же дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цвѣтка желаннаго? краше его нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ». Взяла дочь меньшая цвѣточекъ аленькой, ровно нехотя, цѣлуетъ руки отцовы, а сама плачетъ горючими слезами. Скоро прибѣжали дочери старшія, попытали онѣ гостинца отцовскіе и не могутъ опомниться отъ радости. Тогда сѣли они всѣ за столы дубовые, скатерти браныя, за яства сахарныя, за питія медвяныя; стали ѣсть, пить, прохлаждатися, ласковыми рѣчами утѣшатися. Ввечеру гости понаѣхали, и сталъ домъ у купца полнехонекъ дорогихъ

гостей, сродниковъ, угодниковъ, прихлебателей. До полуночи бесѣда продолжалася, и таковъ былъ вечерній пиръ, какого честной купецъ у себя на дому не видывалъ; и откуда что бралось, не могъ догадаться онъ, да и всѣ дивовалися и посуды золотой — серебряной, и кушаньевъ диковинныхъ, какихъ никогда въ дому и не видывали. Заутра позвалъ къ себѣ купецъ старшую дочь, разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-до-слова и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, къ чуду морскому.

Старшая дочь наотрѣзъ отказалася и говоритъ: «Пусть та дочь выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькой цвѣточекъ». Позвалъ къ себѣ честной купецъ другую дочь среднюю, разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-до-слова и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, чуду морскому. Средняя дочь наотрѣзъ отказалася и говоритъ: «Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькой цвѣточекъ». Позвалъ честной купецъ меньшую дочь, и сталъ ей все разсказывать, все отъ слова-до-слова, и не успѣлъ кончить рѣчи своей, какъ стала передъ нимъ на колѣни дочь меньшая, любимая, и сказала: «Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поѣду къ звѣрю лѣсному, чуду морскому и стану жить у него. Для меня досталъ ты аленькой цвѣточекъ и мнѣ надо выручить тебя». Залился слезами честной купецъ, обнялъ онъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ ей таковыя слова: «дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая! Да будетъ надъ тобою мое благословеніе родительское, что выручаешь ты своего отца отъ смерти лютыя, и по доброй волѣ своей и хотѣнію идешь на житье противное къ страшному звѣрю лѣсному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворцѣ, въ богатствѣ и привольѣ великіимъ; да гдѣ тотъ дворецъ — никто не знаетъ, не вѣдаетъ, и нѣтъ къ нему дороги ни конному, ни пѣшему, ни звѣрю прискучему, ни птицѣ перелетной. Не будетъ намъ отъ тебя ни слуха, ни вѣсточки, а тебѣ объ насъ и подавно. И какъ мнѣ доживать мой горькій вѣкъ, лица твоего не видаючи, ласковыхъ рѣчей твоихъ не слыхаючи; разстаюсь я съ тобой на вѣки вѣчные, ровно тебя живую въ землю хороню»! И возговоритъ отцу дочь меньшая любимая: «Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житье мое будетъ богатое, привольное; звѣря лѣсного, чуда морского я не испугаюся, буду служить ему вѣрою и правдою, исполнять его волю господскую, а можетъ онъ надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую, можетъ Богъ дастъ, я и вернусь къ тебѣ». Плачетъ рыдаетъ честной купецъ, таковыми рѣчьми не утѣшается. Прибѣгаютъ сестры старшія, большая и средняя, подняли плачь по всему дому: вишь больно имъ жалко меньшой сестры любимыя, а меньшая сестра и виду печальнаго не кажетъ, не плачетъ, не охаетъ, и въ дальній путь невѣдомый собирается. И береть съ собой цвѣточекъ аленькой въ кувшинѣ позолоченномъ. Прошолъ третій

день и третья ночь, пришла пора разставаться честному купцу, разставаться съ дочерью, любимою; онъ цѣлуетъ, милуетъ ее, горючими слезами обливаетъ и кладетъ на нее крестное благословеніе свое родительское. Вынимаетъ онъ перстень звѣря лѣсного, чуда морского изъ ларца кованаго, надѣваетъ перстень на правый мизинецъ меньшей любимой дочери — и не стало ее въ тое-жъ минуточку, со всѣми ея пожитками.

Очутилась она во дворцѣ звѣря лѣсного, чуда морского, во палатахъ высокіихъ, каменныхъ, на кровати изъ рѣзного золота, со ножками хрустальными, на пуховикѣ пуха лебяжьяго, покрытомъ золотой камкой; ровно она и съ мѣста не сходила, ровно она цѣлый вѣкъ тутъ жила, ровно легла почивать, да проснулася. Заиграла музыка согласная, какой сродясь она не слыхивала. Встала она со постели пуховыя и видитъ, что всѣ ея пожитки и цвѣточекъ аленькой въ кувшинѣ позолоченномъ тутъ же стоятъ раскладены и разставлены на столахъ малахита мѣднаго, и что въ той палатѣ много добра и скарба всякаго, есть на чемъ посидѣть — полежать, есть во что пріодѣться, есть во что посмотрѣться. И была одна стѣна вся зеркальная, другая стѣна золоченая, а третья стѣна вся серебряная, а четвертая стѣна изъ кости слоновыя, самоцвѣтными яхонтами вся разубранная; и подумала она: «должно быть это моя опочивальная». Захотѣлось ей осмотрѣть весь дворецъ, и пошла она осматривать всѣ его палаты высокія, и ходила она не мало времени, на всѣ диковинки любуючись; одна палата была краше другой, и всѣ краше того, какъ разсказывалъ честной купецъ, государь ея батюшка; взяла она изъ кувшина золоченаго любимый цвѣточекъ аленькой, сошла она въ зеленыи сады, и запѣли ей птицы свои пѣсни райскія, а деревья, кусты и цвѣты замахали своими верхушками, и ровно передъ ней преклонилися; выше забили фонтаны воды, и громчѣй зашумѣли ключи родниковые; и нашла она то мѣсто высокое, пригорокъ муравчатый, на которомъ сорвалъ честной купецъ цвѣточекъ аленькой, краше котораго нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. И вынула она тотъ аленькой цвѣточекъ изъ кувшина золоченаго, и хотѣла посадить на мѣсто прежнее; но самъ онъ вылетѣлъ изъ рукъ ея и приросъ къ стеблю прежнему, и расцвѣлъ краше прежняго. Подивилася она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цвѣточку аленькому завѣтному, и пошла назадъ въ палаты свои дворцовыя, и въ одной изъ нихъ стоитъ столъ накрытъ и только она подумала: «видно звѣрь лѣсной, чудо морское, на меня не гнѣвается, и будетъ онъ ко мнѣ господинъ милостивый», какъ на бѣлой мраморной стѣнѣ появилися словеса огненныя: «Не господинъ я твой, а послушный рабъ. Ты моя госпожа, и все, что тебѣ на умъ придетъ, исполнять я буду съ охотой». Прочитала она словеса огненныя и пропали они со стѣны бѣлой мраморной, какъ — будто ихъ никогда не бывало тамъ. И вспало ей на мысли написать письмо къ своему родителю и дать ему о себѣ вѣсточку. Не успѣла она о томъ подумать, какъ видитъ она: передъ нею,

бумага лежитъ, золотое перо со чернильницей. Пишетъ она письмо къ своему батюшкѣ родимому и сестрицамъ своимъ любезнымъ' «Не плачьте обо мнѣ, не горюйте, я живу во дворцѣ у звѣря лѣсного, чуда морского, какъ королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишетъ онъ ко мнѣ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными; и знаетъ все, что у меня на мысляхъ и тое-жъ минутою все исполняетъ, и не хочетъ онъ называться господиномъ моимъ, а меня называетъ госпожей своей». Не успѣла она письмо написать и печатью припечатать, какъ пропало письмо изъ рукъ и изъ глазъ ея, словно его тутъ и не было. Заиграла музыка пуще прежняго; на столѣ явились яства сахарныя, питья медвяныя, вся посуда золота червоннаго. Сѣла она за столъ веселехонька, хотя съ роду не обѣдала одна-одинешенька; ѣла она, пила прохлаждалася, музыкою забавлялася. Послѣ обѣда, накушамшись, она оночивать легла; заиграла музыка потише и подальше, по той причинѣ, чтобъ ей спать не мѣшать. Послѣ сна встала она веселешенька и пошла опять гулять по садамъ зеленымъ, потому, что не успѣла она до обѣда обходить и половины ихъ, наглядѣться на всѣ ихъ диковинки. Всѣ деревья, кусты и цвѣты предъ ней преклонялися, а спѣлые плоды — груши, персики и наливныя яблочки — сами въ ротъ лѣзли. Походивъ время не малое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокія, и видитъ она: столъ накрытъ и на столѣ яства стоятъ сахарныя и питья медвяныя, и все отмѣнныя. Послѣ ужина вошла она въ ту палату бѣломраморную, гдѣ читала она на стѣнѣ словеса огненныя, и видитъ она на той стѣнѣ, опять такія же словеса огненныя: «Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощеньемъ и прислугою?» И возговорила голосомъ радошнымъ молодая дочь купецкая, красавица писаная: «Не зови ты меня госпожей своей, а будь ты всегда мой добрый господинъ, ласковый и милостивый. Я изъ воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебѣ за все твое угощенье. Лучше твоихъ палатъ высокіихъ и твоихъ зеленыхъ садовъ не найти на бѣломъ свѣтѣ; то и какъ же мнѣ довольною не быть? Я сродясь такихъ чудесъ не видывала. Я отъ такого дива еще въ себя не приду, только боюся я почивать одна: во всѣхъ твоихъ палатахъ высокіихъ нѣтъ ни души человѣческой». Появилися на стѣнѣ словеса огненныя: «Не бойся моя госпожа прекрасная; не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая; и много въ палатахъ душъ человѣческихъ, а только ты ихъ не видишь и не слышишь, и всѣ онѣ вмѣстѣ со мной берегутъ тебя и день и ночь; не дадимъ мы на тебя вѣтру вѣнути, не дадимъ и пылинкѣ сѣсть». И пошла почивать въ оночивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видитъ: стоитъ у кровати ея дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая, и стоитъ чуть отъ страха жива, и обрадовалась она о госпожѣ своей и цѣлуетъ ея руки бѣлыя, обнимаетъ ея ноги рѣзвыя. Госпожа была ей также радошна, принялась ее распрашивать про батюшку родимаго, про сестрицъ своихъ старшіихъ, и про всю при-

слугу дѣвичью; опосля того принялась сама разсказывать, что съ нею въ это время приключилося; такъ и не спали онѣ до бѣлой зари.

Такъ и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякой день ей готовы наряды новые, богатые, а убранства такія, что имъ цѣны нѣтъ — ни въ въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать' всякой день угощенья и веселья новыя, отмѣнныя: катанье, гулянье съ музыкой на колесницахъ безъ коней и упряжи, по темнымъ лѣсамъ, а тѣ лѣса передъ ней разступалися и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую; и стала она рукодѣльями заниматься, рукодѣльями дѣвичьими, вышивать ширинки серебромъ и золотомъ и низать бахрамы частымъ жемчугомъ, стала посылать подарки батюшкѣ родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лѣсному звѣрю, чуду морскому, а и стала она день-ото-дня чаще ходить въ залу бѣломраморному говорить рѣчи ласковыя своему хозяину милостивому и читать на стѣнѣ его отвѣты и привѣты словесами огненными.

Мало-ли, много ли тому времени прошло, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,— стала привыкать къ своему житью — бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная; ничему ужъ не дивуется, не пугается; служатъ ей слуги невидимыя, подаютъ, принимаютъ, на колесницахъ безъ коней катаютъ, въ музыку играютъ и всѣ ея повелѣнія исполняютъ, и возлюбляла она своего господина милостиваго день-ото-дня, и видѣла она, что не даромъ онъ зоветъ ее госпожей своей, и что любитъ онъ ее пуще самого себя; и захотѣлось ей его голоса послушать, захотѣлось съ нимъ разговоръ повести, не входя въ палату бѣломраморную, не читая словесовъ огненныхъ. Стала она его о томъ молить и просить; да звѣрь лѣсной, чудо морское, не скоро на ея просьбу соглашается, испугаетъ ее своимъ голосомъ опасается, упросила она, умолила она своего хозяина ласковаго, и не могъ онъ ей супротивнымъ быть, и написалъ онъ ей въ послѣдній разъ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными: «Приходи сегодня во зеленый садъ, сядь во свою бесѣдку любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную и скажи такъ: говори со мной мой вѣрный рабъ». И мало спустя времячка, побѣжала молода дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила въ бесѣдку свою любимую листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную и садилась на скамью парчевую, и говоритъ она, задыхаючись — бьется сердечко у ней, какъ у пташечки пойманой — говоритъ таковыя слова: «Не бойся ты, господинъ мой добрый, ласковый, испугать меня своимъ голосомъ; опосля всѣхъ твоихъ милостей не убоюся я и рева звѣринаго, говори со мной не опасаючись. И услышала она, ровно кто вздохнулъ за бесѣдкою, и раздался голосъ страшный, дикой и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорилъ онъ еще вполголоса; вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхавъ голосъ звѣря лѣснаго, чуда морского, только со страхомъ своимъ совладала, и виду, что испу-

жалася, не показала, и скоро слова его ласковыя и привѣтливыя рѣчи умныя и разумныя стала слушать она и заслушалась, и стало у нея на сердцѣ радошно.

Съ той поры, съ того времячка, пошли у нихъ разговоры, почитай цѣлый день, во зеленомъ саду на гуляньяхъ, во темныхъ лѣсахъ на катаньяхъ, и во всѣхъ палатахъ высокіихъ. Только спроситъ молодая дочь купецкая, красавица писаная: «Здѣсь ли ты, мой добрый, любимый господинъ?» Отвѣчаетъ лѣсной звѣрь, чудо морское: «Здѣсь госпожа моя прекрасная, твой вѣрный рабъ, неизмѣнный другъ». И не пугается она его голоса и дикаго и страшнаго, и пойдутъ у нихъ рѣчи ласковыя, что конца имъ нѣтъ.

Прошло мало-ли много, времени — скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается — захотѣлось молодой дочери купецкой, красавицѣ писаной, увидѣть своими глазами звѣря лѣснаго, чуда морского, и стала она его о томъ просить и молить; долго онъ на то не соглашается, испугать ее опасается; да и былъ онъ такое страшилище, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; не токмо люди, звѣри дикіе его завсегда страшалися и въ свои берлоги разбѣгалися. И говоритъ звѣрь, чудо морское, таковыя слова: «Не проси, не моли ты меня, госпожа моя прекрасная, красавица ненаглядная, чтобъ показалъ я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. Къ голосу моему привыкла ты; мы живемъ съ тобой въ дружбѣ, согласіи другъ съ другомъ, почитай не разлучаемся и любишь ты меня за мою любовь къ тебѣ несказанную, а увидя меня страшнаго и противнаго, возненавидишь ты меня несчастнаго, прогонишь ты меня съ глазъ долой, а въ разлукѣ съ тобой я умру съ тоски. Не слушала рѣчей такихъ купецкая дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежняго, клясться, божиться и ротитися, что никакого на свѣтѣ страшилища не испугается, и что не разлюбитъ она своего господина милостиваго; и говоритъ ему таковыя слова: «Если ты старъ человѣкъ, будь мнѣ дѣдушка, если середовичъ — будь мнѣ дядюшка, если же молодецъ ты — будь мнѣ названый братъ и поколь я жива — будь мнѣ сердешный другъ. Долго, долго звѣрь лѣсной, чудо морское, не поддавался на такія слова, да не могъ просьбамъ и слезамъ своей красавицы супротивнымъ быть; и говоритъ ей таково слово: «Не могу я тебѣ супротивнымъ быть; по той причинѣ, что люблю тебя пуще самого себя, исполню я твое желаніе, хоша знаю, что погублю мое счастіе и умру смертію безвременной. Приходи во зеленый садъ, въ сумерки сѣрыя, когда сядетъ за лѣсъ солнышко красное, и скажи: «Покажися мнѣ вѣрный другъ», и покажу я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. А коли станетъ не въ моготу тебѣ больше у меня оставаться, не хочу я твоей неволи и муки вѣчныя: ты найдешь въ опочивальнѣ своей, у себя подъ подушкою, мой золотъ-перстень. Надѣнь его на правый мизинецъ — и очутишься ты у батюшки родимаго, и ничего

обо мнѣ николи не услышишь». Не убоялась, не устрашилася, крѣпко на себя понадѣявшись молода дочь купецкая, красавица писаная. Въ тѣ поры, не мѣшкая ни минуточки, пошла она во зеленый садъ дожидатися часу урочнаго, и когда пришли сумерки сѣрыя, опустилося за лѣсъ солнышко красное, проговорила она: «Покажись мнѣ мой вѣрный другъ!» и показался ей издали лѣсной звѣрь, чудо морское: онъ прошелъ только поперекъ дороги и пропалъ въ частыхъ кустахъ, и не взвидѣла свѣта молодая дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками, закричала источнымъ голосомъ и упала на дорогу безъ памяти. Да и страшенъ былъ звѣрь лѣсной, чудо морское: руки кривыя, на рукахъ когти звѣринные, ноги лошадиныя, спереди — сзади горбы великіе верблюжіе, весь мохнатый отъ верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, носъ крючкомъ, какъ у беркута, а глаза были совиные. Полежамши долго ли, мало ли времени, опамятовалась молода дочь купецкая, красавица писаная, и слышитъ: плачетъ кто-то возлѣ нея, горючими слезами обливается и говоритъ голосомъ жалостнымъ: «Погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мнѣ больше твоего лица распрекраснаго, не захочешь ты меня даже слышать, и пришло мнѣ умереть смертью безвременною». И стало ей жалко и совѣстно, и совладала она со своимъ страхомъ великіимъ, и съ своимъ сердцемъ робкіимъ дѣвичьимъ, и заговорила она голосомъ твердымъ: «Нѣтъ, не бойся ничего, мой господинъ добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшнаго, не разлучусь я съ тобой, не забуду твоихъ милостей; покажись мнѣ теперь же въ своемъ видѣ давнишнемъ: я только впервые испугалася». Показался ей лѣсной звѣрь, чудо морское, въ своемъ видѣ страшныимъ, противныимъ, безобразныимъ, только близко подойти къ ней не осмѣлился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темныя и вели бесѣды прежнія, ласковыя и разумныя, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная. На другой день увидала она звѣря лѣснаго, чуда морскаго, при свѣтѣ солнышка, и скоро страхъ ея совсѣмъ прошелъ. Тутъ пошли у нихъ бесѣды пуще прежняго; день деньской почитай не разлучалися, за обѣдомъ и ужиномъ яствами сахарными насыщалися, питьями медвяными прохлаждалися, гуляли по зеленымъ садамъ, безъ коней катался по темнымъ лѣсамъ.

И прошло тому не мало времени: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Вотъ однова и привидѣлось во снѣ молодой купецкой дочери, красавицѣ писаной, что батюшка ея нездоровъ; и напала на нее тоска неусыпная, и увидалъ ее въ той тоскѣ и слезахъ звѣрь лѣсной, чудо морское и вельми закручинился и сталъ спрашивать: отчего она во слезахъ? Разсказала она ему свой недоброй сонъ и стала просить у него позволенія: повидать своего батюшку родимаго и сестрицъ своихъ любезныхъ. И возговоритъ къ ней лѣсной звѣрь, чудо морское; «И зачѣмъ тебѣ мое позволеніе? Золотъ-перстень мой у тебя ле-

житъ, надѣнь его на правый мизинецъ — и очутишься въ дому у батюшки родимаго. Оставайся у него пока не соскучишься, а и только я скажу тебѣ: коли ты ровно черезъ три дня и три ночи не воротишься, то не будетъ меня на бѣломъ свѣтѣ, и умру я тою же минутою, по той причинѣ, что я люблю тебя больше, чѣмъ самаго себя, и жить безъ тебя не могу». Стала она завѣрять словами завѣтными и божбами и клятвами, что ровно за часъ до трехъ дней ночей воротится во палаты его высокія. — Простилась она съ хозяиномъ своимъ ласковымъ и милостивымъ, надѣла на правый мизинецъ золотъ-перстень — и очутилась на широкомъ дворѣ честнаго купца, своего батюшки родимаго. Идетъ она на высокое крыльцо его палатъ каменныхъ; набѣжала къ ней прислуга и челядь дворовая, подняли шумъ и крикъ; прибѣжали сестрицы любезныя и, увидѣвши ее, диву дались красотѣ ея дѣвичьей и ея наряду царскому, королевскому; подхватили ее подъ руки бѣлыя и повели къ батюшкѣ родимому; а батюшка нездоровъ лежалъ, нездоровъ и нерадошенъ, день и ночь ее вспоминаючи, горячими слезами обливаючись; и не вспомнился онъ отъ радости, увидавши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую, любимую, и дивился онъ красотѣ ея дѣвичьей, ея наряду царскому. Долго они цѣловалися, миловалися, ласковыми рѣчами утѣшалися. Разсказала она своему батюшкѣ родимому и своимъ сестрамъ старшіимъ, любезнымъ про свое житье бытье у звѣря лѣснаго, чуда морскаго, все отъ слова-до-слова, никакой крохи не скрываючи; и возвеселился честной купецъ ея житью богатому, царскому королевскому, и дивился онъ, какъ она привыкла смотрѣть на своего хозяина страшнаго, и не боится звѣря лѣснаго, чуда морскаго; самъ онъ объ немъ вспоминаючи, дрожкой — дрожалъ. Сестрамъ же старшіимъ,слушая про богатства несмѣтныя меньшой сестры и про власть ея царскую надъ своимъ господиномъ, словно надъ рабомъ своимъ, инда завистно стало. День проходитъ, какъ единый часъ, другой день проходитъ, какъ минуточка, а на третій день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшія, чтобы не ворачивалась она къ звѣрю лѣсному, чуду морскому: «Пусть—де околѣетъ, туда и дорога ему»... И прогнѣвалась на сестеръ старшихъ дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала имъ таковы слова: «Если я моему господину доброму и ласковому за всѣ его милости и любовь горячую, несказанную заплачу его смертью лютою, то не буду я стоить того, чтобы мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить, и стоитъ меня тогда отдать дикимъ звѣрямъ на разстерзаніе». И отецъ ея, честной купецъ, похвалилъ ее за такія рѣчи хорошія, и было положено, чтобы до срока ровно за часъ воротилась къ звѣрю лѣсному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая любимая. А сестрамъ то въ досаду было и задумали онѣ дѣло хитрое, дѣло хитрое и недоброе: взяли онѣ, да всѣ часы въ домѣ цѣлымъ часомъ назадъ поставили, и не вѣдалъ того честный купецъ, и вся его прислуга вѣрная, челядь дворовая. И когда пришолъ настоящій

часъ, стало у молодой купецкой дечери, красавицы писаной, сердце болѣть и щемить, ровно стало что-нибудь подмывать ее, и смотритъ она то-и-дѣло на часы отцовскіе, аглицкіе, нѣмецкіе — а все равно ей пускаться въ далній путь; а сестры съ ней разговариваютъ о томъ, о семъ распрашиваютъ, позадерживаютъ; однако сердце ея не вытерпѣло, простилась дочь меньшая, любимая, красавица писаная, со честнымъ купцомъ, батюшкой родимымъ, приняла отъ него благословенье родительское, простилась съ сестрами старшими, любезными, со прислугою вѣрною, челядью дворовою, и не дождавшись единой минуточки до часа урочнаго, надѣла золотъ-перстень на правый мизинецъ и очутилась во дворцѣ бѣлокаменномъ, во палатахъ высокіихъ звѣря лѣснаго, чудо морскаго, и, дивуючись, что онъ ее не стрѣчаетъ, закричала она громкимъ голосомъ: «Гдѣ же ты мой добрый господинъ, мой вѣрный другъ?. Что же ты меня не встрѣчаешь? Я воротилась раньше срока назначенаго цѣлымъ часомъ со минуточкою». Ни отвѣта, ни привѣта не было: тишина стояла мертвая: въ зеленыхъ садахъ птицы не пѣли пѣсни райскія, не били фонтаны воды, и не шумѣли ключи родниковые, не играла музыка во палатахъ высокіихъ. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной, почуяла она нѣшто недоброе, обѣжала она всѣ палаты высокія и сады зеленые, звала зычнымъ голосомъ своего хозяина добраго — нѣтъ нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта, и никакого гласа послушанія: побѣжала она на пригорокъ муравчатый, гдѣ росъ, красовался ея любимый цвѣточекъ аленькой, и видитъ она, что лѣсной звѣрь, чудо морское, лежитъ на пригоркѣ, обхвативъ аленькой цвѣточекъ своими лапами безобразными. И помѣтилось ей, что заснулъ онъ, ее дожидаючись, и спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная: онъ не слышитъ, принялась будить крѣпче схватила его за лапу мохнатую и видитъ, что звѣрь лѣсной, чудо морское бездыханенъ, мертвъ лежитъ... Помутилися ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя, пала она на колѣни, обняла руками бѣлыми голову своего господина добраго, голову безобразную и противную, и завопила источнымъ голосомъ: «Ты встань, пробудись мой сердешный другъ, я люблю тебя, какъ жениха желаннаго...» и только таковы словеса она вымолвила, какъ заблестѣли молньи со всѣхъ сторонъ, затряслась земля отъ грома великаго, ударила громова стрѣла каменная въ пригорокъ муравчатый, и упала безъ памяти молодая дочь купеческая, красавица писаная. Много ли мало ли времени она лежала безъ памяти— не вѣдаю, только очнувшись видитъ она себя во палатѣ высокой бѣломраморной, сидитъ она на золотомъ престолѣ со каменьями драгоцѣнными, и обнимаетъ ее принцъ молодой, красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою, въ одеждѣ златокованной; передъ ней стоитъ отецъ съ сестрами, а кругомъ на колѣньяхъ свита великая, всѣ одѣты въ парчахъ золотыхъ, серебряныхъ; и возговоритъ къ ней молодой принцъ,

красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою: «И полюбила ты меня, красавица, ненаглядная, въ образѣ чудища безобразнаго, за мою душу и любовь къ тебѣ; полюби же меня теперь въ образѣ человѣческомъ, будь моей невѣстой желанною. Злая волшебница прогнѣвалась на моего родителя покойнаго, короля славнаго и могучаго, украла меня еще малолѣтняго, и сатанинскимъ колдовствомъ своимъ, силой нечистою, оборотила меня въ чудовище страшное и наложила таковое заклятіе, чтобы жить мнѣ въ таковомъ видѣ безобразномъ, противномъ и страшномъ для всякаго человѣка, для всякой твари Божіей, пока найдется красная дѣвица, какого бы роду и званья не была она, и полюбитъ меня въ образѣ страшилища, и пожелаетъ быть моей женой законною, тогда колдовство все кончится, и стану я опять по прежнему человѣкомъ молодымъ и пригожіимъ; и жилъ я таковымъ страшилищемъ и пугаломъ ровно тридцать лѣтъ, и залучалъ я въ мой дворецъ заколдованный одиннадцать дѣвицъ красныхъ, а ты была двѣнадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудовище противное и безобразное, за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую, за любовь мою къ тебѣ несказанную, и будешь ты за то женой короля славнаго, королевою въ царствѣ могучіимъ».

Тогда всѣ тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честной купецъ далъ свое благословеніе дочери меньшой, любимой и молодому принцу — королевичу. И проздравили жениха съ невѣстою сестры старшія завистыя и всѣ слуги вѣрные, бояре великіе и кавалеры ратные, и нимало не медля принялись веселымъ пиркомъ да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама тамъ была, пиво, медъ пила, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

С. Аксаковъ.

46. Озеро-слободка.

Какъ-то по озеру съ удочкой ѣздилъ рыбакъ въ перелѣскѣ;
Рыба почти не ловилась, и сталъ онъ домой собираться.
Вдругъ и поймалась одна, да такая красивая рыбка
Что ни перомъ описать, ни въ словахъ разсказать не сумѣешь.
Чуть онъ въ ведерко успѣлъ перебросить вертлявую рыбку,
Тихо передъ нимъ поднялась надъ пучиною рыбка постарше, —
Блѣдная вся, будто кто испугалъ ее, вышла наружу
И человѣческимъ голосомъ вскрикнула такъ надъ водою:
«Гдѣ ты, дитя мое, гдѣ моя неразумная рыбка?
Стадо пора загонять, погляди, закатилось солнце...
Гдѣ ты, откликнись дитя! али хищная цапля рѣчная
Въ когти изъ волнъ подвхатила тебя моя рыбка родная!»

Долго сновала по озеру, въ страхѣ и въ трепетѣ, рыбка;
Долго рыбакъ, опустивши весло, съ челнока дивовался...
Взялъ на послѣдокъ ведро, привсталъ и откликнулся рыбкѣ:
«Вотъ твое дитятко, вотъ: ты возьми свою дочку, пожалуй,
Но уговоръ лучше денегъ: повѣдай по истинной правдѣ,
Что ты за диво сама и какіе края ваши воды?»
Быстро плеснувшись въ водѣ и уставя пугливые глазки,
Такъ начала говорить замирающимъ голосомъ рыбка:
«Охъ, человѣкъ, много лѣтъ той порѣ, какъ на этой полянѣ,
Вмѣсто воды, камышей и кустовъ, красовалась слободка,
Въ шумной слободкѣ жила на дворѣ на широкомъ молодка,
Много добра и богатства у ней по амбарамъ лежало,
Много далекихъ купцовъ и мірянъ къ ней во дворъ заѣзжало.
Разъ о полудни, она на крыльцѣ на тесовомъ сидѣла,
Дочь на рукахъ убаюкавъ, съ крыльца за ворота глядѣла.
Видитъ, идетъ отъ села человѣкъ, утомился бѣдняга —
Низко поклоны кладетъ у воротъ и у оконъ слободки:
Проситъ онъ ковшикъ студеной воды у ребятъ и у старшихъ...
Только не слышатъ ребята, играютъ себѣ по затишьямъ;
Старшіе-жъ, кто на гумнѣ, кто съ иглой, али съ пряжей усѣлся.
Вотъ подошелъ онъ ко мнѣ, говоритъ: «Твоя хижина съ краю,
Глушь за тобой и поля; я-жъ отъ жары изнываю'
Встань, захвати гдѣ нибудь мнѣ хоть каплю водицы студеной».
Умъ ли померкъ у меня, и теперь разгадать не умѣю;
Только въ отвѣтъ старику я промолвила такъ усмѣхаясь:
«Какъ, старина, разбудить, какъ покинуть мнѣ малую дочку?
Хочешь напиться, такъ вонъ, погляди, и ручей подъ горсю;
Полемъ успѣешь дойти и авось не умрешь по дорогѣ, —
Здѣсь же у насъ, въ слободѣ, ты и капли воды не отыщешь».
Странникъ поникъ головой и, какъ тѣнь отъ околицы вышелъ...
Вдругъ слышу я, въ тишинѣ, по околицѣ звуки несутся;
Точно посыпался градъ, али гдѣ-то западали зерна...
Вижу — и замеръ мой духъ: на столѣ самъ собой, за порогомъ,
Брызнулъ кувшинъ, а за нимъ у дверей изъ печурки плеснуло;
Возлѣ, изъ погреба, струйка воды, словно дымъ поднялася,
Миски, лоханки и ведра всплываютъ, несутся къ воротамъ;
Имъ же на встрѣчу, смотрю выбѣгаютъ другіе потоки,
Въ ближнихъ дворахъ та-же притча: всплываютъ шесты и заборы
И не опомнилась я, какъ кругомъ берега поднялися;
Зелено стало въ глазахъ, колыхаясь осѣла слободка;
Тамъ же вверху, какъ туманъ заходили студеныя волны...
Съ берега ухо наставь ты къ водѣ, тутъ сейчасъ и услышишь —

Какъ далеко — далеко подъ тобой, въ потопленной слободкѣ,
Вѣтеръ по кровлямъ шумитъ, словно плещутся мелкія струйки,
Куры кудахчутъ, пѣтухъ на гумнѣ заливается звонко...
И раздаются въ водѣ колокольные тихіе звуки,
Будто засохшій тростникъ отъ дуновенія вѣтра
Тихо звонитъ надъ водой, надъ пустыннымъ прибережьемъ
качаясь».
Рыбка замолкла, едва отливаясь на зыби стемнѣвшей...
Въ волны ей бросилъ рыбакъ цѣлыхъ сутокъ добычу обратно
И, привязавши челнокъ межъ осокой, обратно въ потемкахъ
Вышелъ на берегъ, безлюдный и дикій, съ пустыми руками.

Г. Данилевскій.

47. Старый домъ.

Это былъ очень старый домъ, выстроенный три столѣтія тому назадъ. День его закладки, въ вѣнкѣ изъ разныхъ тюльпановъ, красовался надъ дверью, а повыше вырѣзано было старинымъ шрифтомъ стихотвореніе. Этажъ громоздился надъ этажемъ и надъ каждымъ окномъ гримасничала вырѣзанная изъ дерева голова. По краю крыши шелъ желобъ, оканчивавшійся дракономъ, изъ пасти котораго должна была литься дождевая вода. Но такъ какъ драконъ проржавѣлъ, то вода лилась не изъ пасти, а изъ брюха. Остальные дома на улицѣ, новенькіе и чистенькіе, казалось, съ презрѣніемъ смотрѣли на своего дряхлаго сосѣда и какъ будто говорили: И чего эта развалина торчитъ тутъ; только загораживаетъ намъ видъ. Лѣстницы въ ней широкія какъ во дворцѣ и высокія, какъ на колокольнѣ. Двери желѣзныя съ мѣдными гвоздями, точно въ склепѣ. Фу, какая гадость.

Въ одномъ изъ красныхъ домовъ, какъ разъ напротивъ стараго дома, у окна сидѣлъ мальчикъ съ розовыми щечками и ясными глазками. Ему очень нравился старый домъ, какъ днемъ, при солнечномъ освѣщеніи, такъ и ночью, при свѣтѣ луны. Онъ срисовалъ деревянныя головы съ ихъ гримасами, желѣзныхъ солдатъ на дверяхъ съ алебардами, драконовъ съ водосточныхъ трубъ и другія украшенія стараго дома.

Въ старомъ домѣ жилъ старичекъ, носившій панталоны до колѣнъ, камзолъ съ большими мѣдными пуговицами и величественный парикъ. Онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ сношеній, кромѣ стараго служителя, который каждое утро приходилъ, чтобы убрать его комнаты и исполнять порученія. Иногда старикъ смотрѣлъ въ окно и мальчикъ ласково кивалъ ему головой. Старикъ кивалъ въ отвѣтъ, и такимъ образомъ старый и малый подружились, не сказавъ другъ другу ни слова.

Родители мальчика говорили: — «Какъ видно этотъ старикъ имѣетъ средства. Какъ жаль, что онъ такъ одинокъ». Мальчикъ слышалъ эти сло-

ва, и въ одно воскресенье, завернувъ что то въ бумагу, онъ укараулилъ стараго служителя и выбѣжалъ на улицу.

— «Послушай, отнеси вотъ это своему господину. У меня два оловянныхъ солдатика, такъ я дарю ему одного, чтобы ему не было такъ скучно».

Служитель съ удовольствіемъ исполнилъ порученіе мальчика и отнесъ оловяннаго солдатика въ старый домъ.

Нѣсколько дней спустя, мальчикъ получилъ приглашеніе посѣтить старый домъ, и съ позволенія родителей, отправился туда.

Мѣдныя гвозди на дверяхъ блестѣли, точно ихъ нарочно вычистили для этого дня. Литые трубачи надули щеки, какъ будто собирались затрубить: тра-та-та, идетъ маленькій гость.

Большая галлерея, въ которую вступилъ мальчикъ, увѣшена была портретами кавалеровъ въ военныхъ доспѣхахъ и дамъ въ парадныхъ платьяхъ. Галлерея выходила на обширный балконъ, правда не очень надежный, но за то живописно увитый зеленью и украшенный цвѣточными горшками съ ослиными ушами, вмѣсто ручекъ.

— «Я слышалъ, что ты всегда одинъ, — сказалъ мальчикъ, здороваясь съ хозяиномъ — потому мнѣ и захотѣлось послать солдатика, чтобы тебѣ не было такъ скучно».

— «Спасибо, но напрасно ты думаешь, что я одинъ. Меня посѣщаютъ воспоминанія; а вотъ теперь ты пришелъ. Я совсѣмъ не такъ жалокъ, какъ тебѣ кажется».

Старикъ взялъ съ полки книгу и сталъ показывать мальчику картинки. Тутъ были изображены процессіи, какихъ теперь не бываетъ. солдаты, одѣтые въ трефовые валеты, ремесленники съ присвоенными ихъ цеху знаменами. У портныхъ на знамени нарисованы были ножницы, поддерживаемыя львами, у сапожниковъ — орелъ безъ сапогъ, но съ двумя головами. Это потому, что сапожники должны были имѣть все вдвойнѣ, чтобы составилась пара.

Пока мальчикъ разсматривалъ картинки, старикъ вышелъ въ другую комнату и вернулся съ вареньемъ, яблоками и орѣхами. Какъ видно, въ старомъ домѣ не дурно можно было провести время.

Но оловянный солдатъ былъ иного мнѣнія.

— «Мнѣ низачто не вынести этой жизни», — говорилъ онъ, стоя на шкатулкѣ, куда его поставили, чтобы былъ на виду. — «Здѣсь такъ скучно, точно пустыня кругомъ. Для того кто привыкъ къ семейной жизни, попасть сюда — просто несчастье. Дни кажутся безконечными, а вечера и того больше. То-ли дѣло въ комнатѣ, гдѣ твой отецъ съ матерью такъ весело разговаривали, гдѣ вы такъ мило рѣзвились. Этого одинокаго старика никто не ласкаетъ, онъ никогда не смѣется, и навѣрно у него на Рождество не бываетъ елки. Это жилье похоже на могилу. Нѣтъ, мнѣ низачто не выдержать».

— «Не торопись жаловаться», — сказалъ мальчикъ. — «Мнѣ, такъ напротивъ, — здѣсь очень нравится, и притомъ старика посѣщаютъ воспоминанія».

— «Можетъ быть, но я ихъ не вижу и не знаю. Нѣтъ, мнѣ не вынести такой жизни».

— «Ты долженъ, однако, привыкнуть».

Полакомившись до сыта, мальчикъ вернулся домой вполнѣ довольный новымъ знакомствомъ. Онъ сталъ еще привѣтливѣе кланяться старику, когда видалъ его у окошка. Спустя нѣсколько времени онъ опять отправился въ старый домъ.

Тамъ все было по старому и трубачи на дверяхъ, и портреты по стѣнамъ.

Оловянный солдатъ жаловался пуще прежняго.

— «Не могу оставаться здѣсь», — говорилъ онъ — «Я плачу свинцовыми слезами, такая здѣсь тоска. Я бы предпочелъ идти на войну, рискуя лишиться руки или ноги; все таки было бы разнообразіе. Я теперь знаю, что значитъ «воспоминанія», которыя посѣщаютъ старика. Меня — мои тоже посѣщаютъ, но отъ этого мало утѣшенія. Я представляю себѣ вашу семью, какъ будто я васъ вижу. Я присутствую при утренней молитвѣ, при урокахъ музыки, и мнѣ кажется, что я еще состою въ числѣ твоихъ игрушекъ. Къ несчастью, это только «воспоминанія». Скажи-ка мнѣ, какъ поживаетъ твоя маленькая сестрица Маня; что подѣлываетъ мой пріятель оловянный солдатъ? Онъ счастливѣе меня. Охъ, не могу больше, не могу».

— «Ты мнѣ больще не принадлежишь, и я не могу взять назадъ то, что я подарилъ. Какъ хочешь, а ты долженъ оставаться здѣсь. Постарайся примириться съ твоею участью».

Старикъ принесъ мальчику картинокъ и колоду старинныхъ картъ съ позолотой, такихъ большихъ, какихъ не встрѣчается нынче. Потомъ онъ открылъ фортепіано, сыгралъ менуэтъ и сталъ мурлыкать старинную пѣсенку.

— «На войну, на войну!» — заоралъ солдатъ и бросился на полъ.

Старикъ и мальчикъ хотѣли его поднять, но нигдѣ не нашли.

Онъ провалился въ щель.

Наступила зима. Окна замерзли и не стало видно на улицу. Мальчикъ дулъ на стекло, чтобы расчистить хоть дырочку. Ему хотѣлось взглянуть на старый домъ. На большой лѣстницѣ лежалъ снѣгъ и всѣ рѣзныя украшенія были имъ покрыты. Никого не было у окна, да и не могло быть, такъ какъ старикъ умеръ.

Вечеромъ у дверей стараго дома остановились дроги, которыя должны были отвезти умершаго на кладбище, въ семейный склепъ. Никто не провожалъ гроба, такъ какъ всѣ друзья старика давно уже умерли. Только мальчикъ послалъ ему вслѣдъ воздушный поцѣлуй.

Нѣсколько дней спустя домъ продали. Мальчикъ сквозь оттаявшую отдушину въ стеклѣ видѣлъ, какъ уносили портреты кавалеровъ и дамъ, горшки съ ослиными ушами, старую мебель и фортепіано. Весною домъ былъ сломанъ.

— «Это старый хламъ», — говорили, и отъ стараго дома осталась только куча мусора.

— «Наконецъ то!» — самодовольно восклицали сосѣдніе дома.

Нѣсколько лѣтъ спустя на мѣстѣ стараго дома появился новый, большой и красивый, съ маленькимъ садикомъ, окруженный желѣзной рѣшеткой. Въ немъ жилъ нашъ старый знакомый, маленькій другъ прежняго владѣльца. Онъ выросъ, женился и теперь, стоя въ садикѣ возлѣ своей жены, смотрѣлъ, какъ она сажала цвѣты.

— «Ай!» — вскрикнула молодая женщина.

Изъ земли высунулось что-то острое и накололо ей руку. Какъ вы думаете, что это такое было? Ничто иное какъ тотъ самый оловянный солдатъ, котораго мальчикъ когда-то подарилъ старику. Онъ завалился въ кучу мусора, его перекладывали туда — сюда, и онъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и зарылся въ землѣ. Молодая женщина вытерла солдата сначала листомъ лопуха, потомъ носовымъ платкомъ — и солдатъ проснулся отъ долгаго тяжелаго сна.

— «Покажи мнѣ его», — сказалъ улыбаясь молодый человѣкъ. — «Нѣтъ, это не тотъ, хотя онъ очень напоминаетъ мнѣ исторію одного оловяннаго солдата, которымъ я игралъ въ дѣтствѣ».

И онъ разсказалъ женѣ о старомъ домѣ, объ одинокомъ старикѣ, котораго ему было такъ жаль, что онъ подарилъ ему своего солдатика, чтобы онъ не былъ такъ одинокъ.

У молодой женщины навернулись слезы.

— «Можетъ быть это и есть тотъ самый солдатикъ»,— сказала она. — «Во всякомъ случаѣ я его сохраню. Не можешь ли ты проводить меня на могилу старика?»

— «Къ сожалѣнію я не знаю, гдѣ эта могила и никто не можетъ намъ указать. Всѣ друзья старика умерли раньше его, я былъ еще ребенокъ, и никто не провожалъ бѣднягу къ мѣсту послѣдняго успокоенія».

— «Какъ тяжело быть одинокимъ».

— «Тяжело, конечно; но лучше быть одинокимъ, чѣмъ забытымъ», — подумалъ оловянный солдатъ.

Андерсенъ.

48. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;

Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ травою морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ —
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ не простою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь».
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила:
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ».
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
«Я сегодня поймалъ — было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой, въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась,
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ —
Такъ пустилъ ее въ синее море».
Старика старуха забранила:
— Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто;
Наше — то совсѣмъ раскололось. —
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;

Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня — рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто, —
Наше-то сосвѣмъ развалилось».
Отвѣчала золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто».
Воротился старикъ ко старухѣ —
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ,
Поклонись ей, выпроси ужъ избу».
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня — рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Избу проситъ, сварливая баба».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть, изба вамъ ужъ будетъ».
Пошелъ онъ къ своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ уже и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми воротами.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ, мужа ругаетъ:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,

Хочу быть столбовой дворянкой».
«Пошелъ старикъ къ синему морю; —
Не спокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня — рыбка!
Пуще прежняго саруха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ она быть крестьянкой,
Хочетъ быть столбовой дворянкой».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Воротился старикъ ко старухѣ,
Что-жь онъ видитъ? Высокій теремъ;
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги, —
Она бьетъ ихъ, за чупрынъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
«Здравствуй барыня-сударыня дворянка?»
Чай, теперь твоя душенька довольна?»
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.
Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась, —
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ;
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
«Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старикъ, взмолился:
«Что ты, баба белены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь —
Насмѣшишь ты цѣлое царство».
Осердилась наша старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?

Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, — поведутъ поневолѣ».
«Старичекъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня — рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ она быть дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»
Воротился старикъ ко старухѣ:
Что-жъ? Передъ нимъ царскія палаты!
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вокругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, — испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика взашей затолкали;
Въ дверяхъ — то стража подбѣжала:
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣхался:
«Подѣломъ тебѣ старый невѣжа!
Впредъ тебѣ, невѣжа, наука —
Не садись не въ свои сани!»
Вотъ недѣля, — другая проходитъ, —
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:

«Воротись, поклонися рыбкѣ. —
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ».
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ: на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня — рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобъ жить ей въ океанѣ-морѣ,
Чтобъ ты сама ей служила
И была-бъ у нея на посылкахъ».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
Долго ждалъ онъ у моря отвѣта;
И ушла въ глубокое море.
Не дождался, къ старухѣ воротился —
Глядь, опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

Пушкинъ.

49. в) Былина.

Близко къ пѣснѣ и сказкѣ стоитъ Былина; въ ней много фантастическаго. Этимъ она напоминаетъ сказку и пѣсню, но въ тоже время въ основаніи ея лежитъ дѣйствительность, т. е. то, что на самомъ дѣлѣ исторически *случилось и было* — отсюда и названіе былины (*быль, былое*). Въ былинахъ сказывается борьба народа то съ разбойниками первобытныхъ временъ, то съ язычествомъ. Въ этой борьбѣ герои былинъ — богатыри оказывались побѣдителями, благодаря своей физической или нравственной силѣ.

50. *Микула Селяниновичъ и Вольга Святославовичъ.*

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга ростѣть — матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой — рыбою ходить ему во глубокіихъ моряхъ.
Птицей — соколомъ летѣть подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ:
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,
Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
Сталъ Вольга ростѣть — матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ, безъ единаго,
Самъ Вольга во тридцатыихъ.
Жаловалъ его родной дядюшка,
Ласковый Владиміръ Стольно-Кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Со своей дружинушкой хороброю
Онъ ѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздолице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камушкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга до ратая
День съ утра до вечера,
Со своею дружинушкой хороброей,
А не могъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ до ратая доѣхати.
Оретъ на полѣ ратай, понукиваетъ
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшки по камушкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще третій день,

Третій день съ утра до побѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая!
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;
Въ край, куда онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великіе то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужки у ратая шелковые,
Говоритъ Вольга таковы слова:
«Божья ти помощь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Поди-тко Вольга Святославговичъ,
Со своей дружинушкой хороброю,
Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовати.
Далеко-ль Вольга, ѣдешь, путь держишь
Со своей дружинушкой хороброю?»
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Ко первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу къ Крестьяновцу».
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же Вольга Святославговичъ!
А недавно я былъ въ городни, третьева дни,
На своей кобылкѣ соловоей,
Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
Два мѣха соли по сороку пудъ.
И живутъ то мужики все разбойники,
Они просятъ грошовъ подорожныхъ;
А былъ я съ шалыгою подорожною,
Платилъ имъ гроши подорожные:
Который стоя стоитъ, тотъ и сядя сидитъ,
А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ».
Говоритъ Вольга таковы слова:
«Ай же оратай, оратаюшко,
Поѣдемъ со мной во товарищахъ!»
Этотъ оратай — оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,

Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
«Ай же Вольга Святославговичъ!
Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
А гля-ради мужика деревенщины:
Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнути
И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ?» —
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцевъ могучіихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучіихъ,
Пріѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,
Чтобы сошку изъ земельки повыдернули,
Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшниковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ,
Посылаетъ онъ всю дружину хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшниковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай — ораташко
На своей кобылѣ соловенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшниковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ — отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка то грудью пошла,
А Вольгинъ — отъ конь оставается.

Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивать:
«Постой-ка ты ратай — ратаюшко!
Этая кобылка конькомъ бы была,
За эту кобылку пятьсотъ бы дали.
Говоритъ оратай таковы слова:

«Глупый Вольга Святославговичъ.
Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
Эта кобылка конькомъ бы была —
За эту кобылку смѣты бы нѣтъ».
Говоритъ Вольга Святославговичъ:
«Ай же ты ратаю — ратаюшко.
Какъ то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
«Ай же ты Вольга Святославговичъ!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Двани надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужиковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

51. Илья Муромецъ и калики перехожіе.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью, про Муромца?
Илья Муроменъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года;
Пришли къ нему нища братія —
Самъ Іисусъ Христосъ, два апостола.
«Ты поди, Илья, принеси испить».
«Нища братія, я безъ рукъ, безъ ногъ!»

«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай».
Илья сталъ вставать — ровно встрепанный;
Онъ пошелъ — принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать,
Ему нищи отворачиваютъ,
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
«Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ».
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу».
Илья сталъ имъ поднашивать;
Они Ильѣ отворачиваютъ.
Выпивалъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
«Во мнѣ силушки половинушка».
Говорятъ калики перехожіе:
«Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смерть тебѣ на бою не писана.
Ты постой ка за вѣру христіанскую,
Бейся — ратися со всякимъ богатыремъ
И со всею поленицею удалою;
А только не выходи драться
Со Святогоромъ — богатыремъ:
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
Не ходи драться съ Самсономъ — богатыремъ;
У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Его любитъ матушка сыра — земля;
Не ходи еще на Вольгу Всеславьича:
Онъ не силою возьметъ,
Такъ хитростью — мудростью.
Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго,
Выходи въ раздолице чисто-поле...»
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья къ родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья.
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку все повыгрузилъ,
А самъ пошелъ домой.

52. Илья Муромецъ проситъ у родителей благословенія.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ.
Онъ проситъ себѣ благословеньица:
«Ой ты гой еси, родимый, милый батюшка!
Дай мнѣ свое благословеньице;
Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ,
Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Володиміра,
Послужить ему вѣрой — правдою,
Постоять за вѣру христіанскую».
Отвѣчаетъ старой хрестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ:
«Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ хрестьянина».
Поклонился Илья Муромецъ отцу до земли.
Самъ онъ сѣлъ на добра коня,
Поѣхалъ онъ въ чисто поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Пробиваетъ кожу до черна мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь отъ земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ — колодязь сталъ;
У колодязя срубилъ сырой дубъ,
У колодязя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имечко:
«Ѣхалъ тако то сильный, могучій богатырь,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ».
Въ третій скочилъ — подъ Черниговъ градъ.

53. Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ.

Ѣхалъ удалый по чисту полю,
Стоитъ столбъ бѣлодубовый
На столбѣ есть подпись подписана:
«Прямо ѣхать, — только пятьсотъ верстъ,

А наоколъ — то ѣхать, семьсотъ верстъ».
Смотритъ Илья на эту подпись-то;
«Какъ прямо ѣхать — живу не бывать;
Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному:
Сидитъ Соловей-Разбойникъ на семи дубахъ,
Захватываетъ воръ-собака на семи верстахъ».
Стоитъ Илья пораздумался:
Прямоѣзжая дорога переломана,
Калиновы мосточки переворочены:
Не честь мнѣ, хвала молодецкая,
Ѣхать той дороженькой окольноей,
А лучше поѣду дорожкой прямоѣзжеей».
Скоро спущался онъ на добра коня,
Рукою коня онъ повелъ,
А другой началъ мосты мостить,
Тѣ-ли мосточки калиновы:
Наладилъ онъ дорогу прямоѣзжую.
Пріѣзжаетъ Ильюша ко сырымъ дубамъ:
И наѣхалъ онъ, Илья Соловья-Разбойника.
И заслышалъ Соловей-Разбойникъ
Того ли топу коннаго
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія:
Засвисталъ соловей по-соловьиному.
А въ другой разъ зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А въ третьи зрявкнетъ — по звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился
И подалъ ведь на кукорачъ.
Говоритъ Илья Муромецъ — Ивановичъ:
«Ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ.
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли крику звѣринаго,
А звѣринаго крику туринаго!»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья-Разбойника:
И попалъ Соловью да въ правый глазъ.
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой земли. —

К. С. Аксаковъ такъ характеризуетъ былину Илья Муромецъ: «Въ былинѣ ясно выдается образъ богатыря: это неодолимая сила и спокой-

ствіе, отсутствіе всякаго раздраженія въ бою, но также отсутствіе всякаго тщеславія и похвальбы въ побѣдѣ. Постоянно и вездѣ представляетъ Илья полное и великое сочетаніе силы духовной и матеріальной. Всѣ подвиги Ильи степенны... Въ этомъ богатырѣ, не смотря на его страшную-внѣ всякаго соперничества — силу слышится еще болѣе силы духа. Это могучій, но кроткій богатырь-крестьянинъ. Полный неодолимой силы и непобѣдимой благости, онъ представляетъ собою живой образъ русскаго народа».

54. г) Басня.

Басня представляетъ собою краткій разсказъ, изображающій дѣйствительную жизнь подъ видомъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ предметовъ, которые дѣйствуютъ по человѣчески и ведутъ разговоръ. Современная басня уже значительно утратила свой первобытный характеръ поученія и морали, которая выступала въ началѣ или въ концѣ басни. Теперь на первый планъ выдвигается остроуміе, тонкость и мѣткость художественныхъ образовъ и рѣчей и читателю предоставляется самому догадываться о поученіи и морали, которая искусно скрыта за ширмами бойкихъ рѣчей, изысканнаго остроумія, игры словъ, тонкихъ намековъ, составляющихъ главное въ современной баснѣ. Великій русскій баснописецъ И. А. Крыловъ обладалъ всѣми необходимыми для его признанія качествами въ соединеніи съ личнымъ добродушіемъ, которое придаетъ его рѣчамъ живую подкупающую естественность и заставляетъ читателя невольно забывать придуманную басенную обстановку и видѣть въ ней только жизненный смыслъ разсказываемыхъ событій. Личный характеръ Крылова въ соединеніи съ его талантомъ придаютъ ему крупное значеніе въ ряду даже такихъ баснописцевъ, какъ Эзопъ, Федръ, Лафонтенъ. Не удивительно, что въ своемъ отечествѣ басни Крылова оцѣнены по достоинству, сдѣлались любимымъ чтеніемъ въ школѣ и во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Многія басни Крылова въ свое время отвѣчали на животрепетущія событія минуты. Но и за предѣлами своего времени, басни остались жизненными. Но особеннымъ достоинствомъ ихъ является народный языкъ и запечатлѣнная въ нихъ народная душа. Вся энциклопедія народной мудрости съ ея афоризмами, пословицами, поговорками, присловьями, созвучьями, мѣткими словечками вошла широкой струей въ составъ басень, но также вошла въ нихъ и народная смѣтливость и народная совѣсть съ ея прямодушіемъ, чистотой и безхитростностью.

Баснописецъ мыслитъ народной мыслю, живетъ народной мудростью, говоритъ народными образами и народной рѣчью. Положить границу между баснописцемъ и народомъ подъ часъ невозможно: одинъ переходитъ въ другого. Оттого мысли и слова Крылова усвоены русской рѣчью, и большая часть его выраженій вошли въ составъ живого русскаго языка,

которому до такой степени близки и сродны, что стали краткими и мѣткими формулами литературной и народной рѣчи, гдѣ одно слово или только намекъ на содержащую его басню, замѣняетъ цѣлыя выраженія и длинныя разсужденія. укорачивая тѣмъ размѣры разговора. Таковы выраженія: *Медвѣжья услуга, Демьянова уха, Васька слушаетъ да ѣстъ, Чтобы гусей не раздразнить, Слона то я и не примѣтилъ, Ларчикъ просто открывался, Знать Моська сильна, А только возъ и нынѣ тамъ, Тришкинъ кафтанъ, Рыльце въ пушку, Судъ осла.* Всѣми такими выраженіями, какъ сокращенными формулами замѣняются длинныя разсужденія. Эти формулы всякому понятны своимъ намекомъ на Крыловскую басню, или только на одно мѣткое словцо изъ нея. А такія выраженія, какъ превеликая скотина, медвѣжье ушко, денежный мѣшокъ, Парнасъ — стали типическими намеками на цѣлыя полныя мысли и ключемъ для умозаключеній. Что въ басняхъ Крылова принадлежитъ ему, кромѣ фабулы, а что заимствовано имъ изъ народной рѣчи, не всегда можно различить. Народная рѣчь усвоена Крыловымъ, а Крыловъ своимъ языкомъ и мыслью вошелъ въ русскую рѣчь — и все сплелось въ одно цѣлое. Стиль баснописца оригиналенъ, рѣчь точна, ясна, и по своему психологическиму составу *содержитъ много мышечно-осязательныхъ образовъ и образовъ общаго чувства.* Это придаетъ рѣчи своеобразную художественность, свидѣтельствующую о задушевности, простотѣ, естественности переживаній и автора и народа.

Басни: Музыканты, Ларчикъ, Парнасъ, Лягушка и волъ, Откупщикъ, Оселъ и соловей, Свинья, Квартетъ — содержатъ много такихъ образовъ и вопреки психологическимъ условіямъ изобилуютъ этими образами, вѣроятно за счетъ зрительныхъ и слуховыхъ умственныхъ картинъ и представленій. Образчикомъ могутъ служить такія выраженія: «Ахти, ребята, воръ! и вмигъ ворота на запоръ». «Хвать друга въ лобъ». «И ну, топорщиться, пыхтѣть и надуваться». «Вертитъ ларецъ со всѣхъ сторонъ и голову свою ломаетъ». «Я затяну, а вы не отставай». «Не жалѣя рыла, я тамъ изрыла весь задній дворъ». «Нести дичь». «Пустить за море синицу» (движеніе).

Обладая рѣдкимъ искусствомъ слова, мѣткостью и силой художественныхъ образовъ, Крыловъ имѣлъ цѣнный даръ — вникать въ смыслъ жизни и къ ней идейно относиться, не пропуская мимо вниманія возвышенные предметы: истину, правду, добродѣтель. Онъ отзывался на все великое смѣло, независимо, остро, и съ тою же остротой бичевалъ пороки общества. Это открываетъ новую черту въ баснописцѣ — высшую натуру и великую принципіальность его поэтическаго таланта. Наиболѣе идейными представляются слѣдующія басни:

Откупщикъ и сапожникъ, Мѣшокъ, Богачъ и поэтъ, Скупой, Рѣка и прудъ, Камень и червякъ, Парнасъ, Оселъ, Квартетъ, Синица, Оселъ и соловей, Пустынникъ и медвѣдь, Волкъ на псарнѣ, Паукъ и громъ.

55. Откупщикъ и сапожникъ.

Басня рисуетъ идеалъ радости, независимости духа и нравственной свободы, т. е. всего самого высокаго, чѣмъ можетъ дорожить человѣкъ въ жизни, и что достигается только возвышенной жизнью, но не можетъ быть куплено за деньги. Этимъ *земнымъ счастьемъ обладаетъ* сапожникъ, но его не имѣлъ откупщикъ, лишенный спокойствія совѣсти, радости и сна. За деньги откупщикъ пытается купить у бѣдняка то, чего ему не достаетъ. По собственному почину, откупщикъ предлагаетъ сосѣду сапожнику пятьсотъ рублей, чтобы онъ пересталъ весело пѣть, думая этимъ достигнуть покоя и сна. Получивъ неожиданно свалившіяся деньги, сапожникъ потерялъ радость, сонъ и спокойствіе духа. Это сразу открыло ему глаза и онъ немедленно приноситъ обратно пятьсотъ рублей, говоря: живи при своемъ богатствѣ, а мнѣ за пѣсни и за сонъ не надобенъ милліонъ.

Откупщикъ и сапожникъ.

Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
Про всякій день устраивалъ пиры, банкеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край.
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго-ль боится онъ суда,
Иль, просто труситъ раззориться:
Да только все ему не крѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда,
Богъ далъ ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ,
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утранней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобы отъ пѣнія его отвадить?
Велѣть молчать: такъ власти нѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ.

Придумалъ, наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
«Пріятель дорогой, здорово!»
— «Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово».
— «Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?»
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).
— «Дѣлишки, баринъ? Да не худо!»
— «Такъ оттого- то ты такъ веселъ, такъ поешь?»
Ты, стало, счастливо живешь?»
— «На Бога грѣхъ роптать, и что-жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй».
—«И деньги есть?»—«Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ,
За то нѣтъ лишнихъ и затѣй».
— «И такъ мой другъ, ты быть богаче не желаешь?»
— «Я этого не говорю,
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало».
— «Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;
Но все ужъ, коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства,
Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ:
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ты ихъ береги!
Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!» Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ — летомъ.
Примчалъ гостинецъ подъ полой,
И той же ночью въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ — и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);
Все подозрительно, и все его тревожитъ:

Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ;
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику,
И говоритъ: «спасибо на пріятствѣ!
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ и милліонъ».

56. Въ баснѣ *Мѣшокъ* изображенъ человѣкъ, который захотѣлъ достигнуть извѣстности, почета и значенія въ свѣтѣ не за свою совѣсть, не за добродѣтели и познанія, а въ расчетѣ на людскую слабость къ деньгамъ, на то, что кумиру богатства и золотому тельцу люди также готовы поклоняться, какъ уму, добру или чистой совѣсти.

М ѣ ш о к ъ .

Въ прихожей, на полу
Въ углу
Пустой мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ нерѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался
И, весь червонцами набитъ,
Въ окованномъ ларцѣ, въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ
И бережетъ мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;
А сверхъ того съ мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ,
А ежели мѣшокъ открытъ,
То всякій на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То, вѣрно ужъ его потреплетъ иль погладитъ.

Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести,
Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался.
Мѣшокъ заговорилъ и началъ вздоръ нести,
О всемъ и рядить онъ и судить:
И то не такъ
И тотъ дуракъ,
И изъ того то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его, разинувъ ротъ,
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ;
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долго-ль былъ мѣшокъ въ чести и слылъ съ умомъ,
И долго-ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы потаскали;
А тамъ онъ выброшенъ, и слуху нѣтъ о немъ.

Мы басней никого обидѣть не хотѣли;
Но сколько есть такихъ мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли,
Иль между игроковъ
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ пополамъ съ грѣхомъ, богаты стали,
Съ которыми теперь и графы и князья
Друзья,
Которые теперь съ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ запроста въ бостонъ!
Велико дѣло — милліонъ!
Однако-же друзья, вы столько не гордитесь
Сказать ли правду вамъ тишкомъ,
Не дай Богъ, если разоритесь
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ мѣшкомъ.

57. Богачъ и поэтъ. Въ баснѣ сопоставлено значеніе даровъ природы, т. е. ума и талантовъ, съ богатствомъ и сравнена судьба богача съ судьбою человѣка съ искрой Божіей. Поэтъ затѣялъ судъ съ богачемъ, умоляя Зевса вступиться за его судьбу. Оба вызваны на судъ Юпитера. По слѣдствію на судѣ выяснилось, что у поэта:

Ни ложки, ни угла и все имѣнье въ одномъ воображеньѣ;

Богачъ безъ всякихъ заслугъ и безъ ума, но окруженъ толпой поклонниковъ.

Одинъ и тощъ и худъ
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ
И спесью весь раздутъ.

Юпитеръ далъ на судѣ такое рѣшеніе: богачу даны блага земли только въ пожизненное владѣніе, но по скудости ума онъ не можетъ понять своего ничтожества — иначе онъ болѣе возропталъ бы на свою судьбу; поэта будутъ помнить многія поколѣнія, а богача забудутъ не только правнуки, но даже внуки.

Богачъ и поэтъ.

Съ великимъ богачемъ поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и спесью всесь раздутъ.
— «Умилосердуйся, Олимпа самодержецъ!
Тучегонитель, громовержецъ!»
Кричитъ поэтъ: — «чѣмъ я виновенъ предъ тобою,
Что съ юности терплю Фортуны злой гоненье?
Ни ложки, ни угла и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ?.
Межъ тѣмъ, когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ,
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ».
— «А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твои достигнутъ лиры звуки?»
Юпитеръ отвѣчалъ: «а про него
Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему-жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,
И если бы съ его умомъ была возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность —
Онъ болѣе-бъ тебя на жребій свой ропталъ».

58. Скупой. Въ этой баснѣ поэтъ показываетъ, что скупость и жажда золота лишаетъ человѣка свободы и независимости духа: онъ

впадаетъ въ рабство золотого тѣльца и служитъ ему, какъ кумиру, забывая себя. Басня заканчивается моралью:

Когда у золота скупой не ѣсть, не пьетъ,
Не домовому-ль онъ червонцы бережетъ.

Скупой.

Какой-то домовой стерегъ богатый кладъ,
Зарытый подъ землей: какъ вдругъ ему нарядъ,
Отъ демонского воеводы, —
Летѣть за тридевять земель на многи годы;
А служба такова: хоть радъ или не радъ,
Исполнить должно повелѣнье.
Мой домовой въ большомъ недоумѣньѣ,
Какъ безъ себя сокровище сберечь?
Кому его стеречь?
Нанять смотрителя, построить кладовыя:
Расходы надобны большія;
Оставить такъ его: такъ можетъ кладъ пропасть:
Нельзя ручаться ни за сутки;
И вырыть могутъ и украсть:
На деньги люди чутки.
Хлопочетъ, думаетъ и вздумалъ, наконецъ,
Хозяинъ у него былъ скряга и скупецъ.
Духъ взялъ сокровище, является къ скупому
И говоритъ: «Хозяинъ дорогой!
Мнѣ въ дальнія страны показанъ путь изъ дому;
А я всегда доволенъ былъ тобой:
Такъ на прощанье, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!
Пей, ѣшь и веселись
И трать ихъ безъ боязни!
Когда же придетъ смерть твоя,
То твой одинъ наслѣдникъ я:
Вотъ все мое условье;
А, впрочемъ, да продлитъ судьба твое здоровье!»
Сказалъ, и въ путь. Прошелъ десятокъ лѣтъ, другой.
Исправя службу, домовой
Летитъ домой
Въ отечески предѣлы.
Что-жъ видитъ? О, восторгъ. Скупой съ ключемъ въ рукѣ
Отъ голода издохъ на сундукѣ,

И всѣ червонцы цѣлы.
Тутъ духъ опять свой кладъ
Себѣ присвоилъ,
И былъ сердечно радъ,
Что стережъ для него ни денежки не стоплъ.

Когда у золота скупой не ѣстъ, не пьетъ —
Не домовому-ль онъ червонцы бережетъ?

59. Прудъ и рѣка. Новѣйшія наблюденія біологическихъ наукъ надъ жизнью показали, что всякій бездѣятельный органъ гибнетъ, если онъ неподвиженъ и не совершаетъ работы, согласно своему назначенію. Этотъ *законъ жизни* распространяется также на умъ и чувство: человѣкъ нравственно опускается, какъ только становится неподвиженъ. Крыловъ поясняетъ эту біологическую истину слѣдующей прекрасной и глубокомысленной басней:

Прудъ и рѣка.

— «Что это?» говоритъ рѣкѣ сосѣдній прудъ:
«Какъ на тебя не взглянешь,
А воды все твои текутъ.
Неужли — ты, сестрица, не устанешь?
Притомъ же, вижу я почти всегда
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужъ я не говорю про лодки, челноки;
Имъ счету нѣтъ. Когда такую жизнь ты бросишь?
Я право, высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ, какъ жребій мой пріятенъ.
Конечно, я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлый листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой нибудь гуслистъ,
Да это, право, все пустое!
Зато я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу, и въ нѣгѣ и въ покоѣ;
Не только что судовъ
Или плотовъ
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться:
Не знаю даже я каковъ тяжелъ челнокъ;
И много ежели случится,

Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.
Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась я смотрю на суету мірскую
И филосовствую сквозь сонъ».
«А, филосовствуя, ты помнишь ли законъ»,
Рѣка на это отвѣчаетъ:
«Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И если стала я великою рѣкой,
Такъ это отъ того, что кинувши покой,
Послѣдую сему уставу,
Зато по всякій годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу, и въ честь вхожу и въ славу,
И буду можетъ быть еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ,
И о тебѣ совсѣмъ исчезнетъ рѣчь».
Слова ея сбылись: она течетъ понынѣ
А бѣдный прудъ годъ отъ году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой
И наконецъ, совсѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его хотѣнія не станетъ.

60. Камень и червякъ. Эта столь же прекрасная, какъ и предыдущая басня, имѣетъ также высокое біологическое значеніе: она показываетъ, что для жизни нужна остановка работы и труда. Баснописецъ говоритъ въ ней языкомъ строгаго поученія людямъ.

Камень и червякъ.

«Какъ разшумѣлся здѣсь, какой невѣжа!»
Про дождикъ говоритъ, на нивѣ, камень лежа:
«А рады всѣ ему, пожалуй, посмотри.
И ждали такъ, какъ гостя дорогого;
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего-то шелъ часа два — три.
Пускай же обо мнѣ разспросятъ;

Такъ я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня не бросятъ;
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, правда, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ».
«Молчи:» сказалъ ему червякъ:
«Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ,
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты, на нивѣ сей пустое только бремя».

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ:
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ, нѣтъ.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ наиболѣе поучительныхъ басенъ — это басни гдѣ выведены на показъ животныя. Обладая великимъ художественнымъ орудіемъ психологическаго разбора свойствъ людей и животныхъ, баснописецъ ставитъ наряду двѣ психологіи — людей и животныхъ. Здѣсь кромѣ человѣка показаны слѣдующіе звѣри: *Левъ, орелъ*, какъ два царя, оселъ, обезьяна, слонъ, медвѣдь, лисица, волкъ, собака, овца, заяцъ, свинья, пѣтухъ, соловей, ворона, гусь, кукушка, лягушка, мышь, щука, змѣя, паукъ. Затѣмъ слѣдуютъ неодушевленные предметы. Съ эпической высоты художественнаго полета, баснописецъ своимъ орлино-телескопическимъ окомъ усматриваетъ тонко и просто общія свойства человѣка и животныхъ, чтобы указать человѣку тѣ точки, гдѣ онъ не умѣлъ подняться выше животнаго уровня своимъ умомъ или своими инстинктами. Рѣчь баснописца и особенности его краткаго, мѣткаго стиля такъ наглядо и понятно указываютъ сходство человѣческой и животной психологіи, что становится жалко своего брата-человѣка и невозможно протестовать, потому, что видѣнъ путь и кривая, по которой человѣкъ спустился со своей человѣческой высоты. Иронія животныхъ, простодушно и мѣтко критикующихъ человѣка, вводитъ читателя глубоко, реально въ психологическую сущность вещей. Наиболѣе мѣтки и написаны оригинально — блестящимъ языкомъ басни: Парнасъ, Оселъ, Квартетъ, Синица, Кукушка и Орелъ, Оселъ и Соловей, Кукушка и Пѣтухъ, Лягушка и Волъ, Зеркало и Обезьяна, Свинья. Всѣ эти басни отличаются высокимъ творчествомъ.

Басни *Парнасъ* и *Оселъ* могутъ быть поставлены на первомъ планѣ. Эти басни отличаются рѣдкими художественными достоинствами въ изображеніи свойствъ осла. Здѣсь въ обѣихъ басняхъ проведена не просто образная и иносказательная рѣчь, которая даетъ два значенія и два смысла: здѣсь совмѣщено нѣсколько *значеній и смысловъ*. Искусно играя *словами и смыслами*, баснописецъ достигаетъ необыкновеннаго комизма рѣчей и понятій, о которыхъ онъ, какъ верховный истолкователь

смысловъ, выражается такой фразой:

Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово.

61. Парнасъ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому то и Парнасъ тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъословъ.
Ослы, не знаю, какъ то знали,
Что прежде музы тутъ живали,
И говорятъ: «Недаромъ насъ
Пригнали на Парнасъ:
Знать, музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли».
«Смотрите-же», кричитъ одинъ: «не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо:
Прославимъ наше стадо.
И громче девяти сестеръ
Подымемъ музыку и свой составимъ хоръ.
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ».
Одобрили ослы ослово
Красно — хитро — сплетенно слово,
И новый хоръ пѣвцевъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

62. Такими же достоинствами игры нѣсколькихъ смысловъ отличается и басня *Оселъ*. Она весьма тонко оканчивается предостереженіемъ баснописца.

Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году
Какъ всѣ узнали, кто оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ
И на ослѣ ужъ возятъ воду.

И только послѣ этого у баснописца слѣдуетъ оффиціальная, такъ сказать, мораль басни, маскирующая собою истинную мораль, съ которою, за двѣ строки раньше, незамѣтно успѣлъ проскользнуть баснописецъ. Ясно, такимъ образомъ, что не смотря на красно-хитро-сплетенное слово осла, которое понравилось цѣлому обществу такихъ жеословъ, авторъ оселъ вскорѣ всѣми былъ распознанъ и всѣ начинаютъ относиться къ нему съ явнымъ презрѣніемъ и безъ всякой церемоніи. Осломъ, какъ извѣстно, люди называютъ того, кто, не смотря на высокость чина, глупъ, спесивъ, вздоренъ («дикъ») и кто въ нравственномъ отношеніи *превеликая скотина*. Не пройдетъ году, такого человѣка распознаютъ по существу и людское презрѣніе обезпечено ему. Лучше такому субъекту по совѣту басни не очень аффишировать себя, чтобы не узнали: кто имѣя у себя въ активѣ такія качества, какъ глупость, невѣжество, дикость и вздорность права — всякій такой *естественный* кандидатъ въ ослы — долженъ скинуть съ себя чванство и спесь и начать слушаться совѣтовъ добрыхъ людей, полагаясь на чужой умъ, чужой вкусъ, чужую совѣсть.

О с е л ъ .

Когда вселенную Юпитеръ населялъ
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но съ умыслу-ль, или имѣя дѣла бремя,
Въ такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошалъ:
И вылился оселъ, почти какъ бѣлка малъ,
Осла никто почти не примѣчалъ,
Хоть въ спеси никому оселъ не уступалъ.
Ослу хотѣлось бы повеличаться;
Но чѣмъ? Имѣя ростъ такой,
И въ свѣтѣ стыдно показаться.
Присталъ къ Юпитеру оселъ спесивый мой
И росту сталъ просить большого.
«Помилуй», говоритъ: «Какъ можно это снесть?
Львамъ, барсамъ и слонамъ вездѣ такая честь;
Притомъ съ великаго и до меньшого,
Все рѣчь о нихъ лишь, да о нихъ;
За что-жъ къ осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ никакихъ,

И объ ослахъ никто ни слова?
А если-бъ ростомъ я съ теленка только былъ,
То спеси бы со львовъ и съ барсовъ я посбилъ,
И весь бы свѣтъ о мнѣ заговорилъ».
Что день, то снова
Оселъ мой то-жъ Зевесу пѣлъ,
И до того онъ надоѣлъ,
Что, наконецъ, моленія ослова
Послушался Зевесъ:
И сталъ оселъ скотиной превеликой;
А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикой,
Что мой ушастый Геркулесъ
Пораспугалъ было весь лѣсъ.
«Что то за звѣрь? Какого роду?
Чай онъ зубастъ? Роговъ, чай нѣтъ числа?»
Ну, только и рѣчей пошло, что про осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали, кто оселъ:
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ
И на ослѣ ужъ возятъ воду.

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша;
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

63. Высоко художественной представляется басня *Квартетъ* по составу дѣйствующихъ лицъ, обѣщающему наивысшую дисгармонію дѣйствія, которую баснописецъ называетъ *затѣей*. Квартетъ затѣянъ проказницей Мартышкой, Осломъ, Козломъ, да косолапымъ Мишкой. Мартышка потому проказница, что она талантливый недоумокъ Божьяго міра, медвѣдь силенъ и добръ, готовъ въ товарищи, но не уменъ, а Козелъ прирожденный болванъ. Такая компанія очень подходитъ къ осламъ, которые любятъ играть роль, показать себя, вообще дѣйствовать. По множеству ослиныхъ недостатковъ ругательство осломъ встрѣчается чаще другихъ выраженій неудовольствія. Дикость и отсутствіе эстетики — главныя качества въ ослѣ животномъ и человѣкообразномъ, а опасность показаться осломъ удерживаетъ многихъ людей (не всѣхъ) отъ неосновательныхъ выступленій и дѣйствій.

К в а р т е т ъ .

Проказница — Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,

Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки — дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» Кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите!
Ты съ басомъ Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали квартетъ:
Онъ все таки на ладъ нейдетъ.
«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ оселъ. «Мы вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла, усѣлись чинно въ рядъ;
А всетаки, квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ раздоры
И споры —
Кому и какъ сидѣть?
Случилось соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
«Пожалуй, говорятъ: возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть?»
«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй».
Имъ отвѣчаетъ соловей:
«А вы, друзья, какъ не садитесь,
Все въ музыканты не годитесь».

64. Въ двухъ басняхъ: *Кукушка и Орелъ*, какъ и въ баснѣ объ *Ослѣ и Крестьянинѣ*, изображено честолюбіе и людское чванство. Баснописецъ сближаетъ чванную кукушку и осла со звонкомъ на шеѣ. Нельзя не сказать, что это сопоставленіе не только вѣрно, но и философски — глубокомысленно.

Кукушка и Орелъ.

Орелъ пожаловалъ Кукушку въ Соловьи.
Кукушка, въ новомъ чинѣ,

Усѣвшись важно на осинѣ,
Таланты въ музыкѣ своей
Высказывать пустилась;
Глядитъ: всѣ прочь летятъ.
Одни смѣются ей, а тѣ ее бранятъ;
Моя Кукушка огорчилась,
И съ жалобой, на птицъ, къ Орлу спѣшитъ она.
«Помилуй», говоритъ: «по твоему велѣнью,
Я соловьемъ въ лѣсу здѣсь названа;
А моему смѣяться смѣютъ пѣнью!»
«Мой другъ», Орелъ въ отвѣтъ: «Я царь, но я не Богъ;
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить,
Но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ».

65. Оселъ и Крестьянинъ.

Былъ у крестьянина оселъ
И такъ себя, казалось, смирно велъ,
Что мужику нельзя имъ было не хвалиться;
А чтобы онъ въ лѣсу пропасть не могъ,
На шею прицѣпилъ мужикъ ему звонокъ.
Надулся мой оселъ, сталъ важничать, гордиться
(Про ордена, конечно, онъ слыхалъ)
И думаетъ теперь большой онъ баринъ сталъ.
Но вышелъ новый чинъ ослу, бѣдняжкѣ, бокомъ.
(То можетъ не однимъ осламъ служитъ урокомъ)
Сказать вамъ должно напередъ:
Въ ослѣ не много чести было;
Но до звонка все счастливо сходило:
Зайдетъ ли въ рожь, въ овесъ иль въ огородъ,
Наѣстся до сыта и выйдетъ тихомолкомъ.
Теперь пошло инымъ все толкомъ:
Куда ни сунется мой знатный господинъ,
Безъ умолку звенитъ на шеѣ новый чинъ,
Глядитъ: хозяинъ, взявъ дубину,
Гоняетъ, то со ржи, то съ грядъ мою скотину;
А тамъ сосѣдъ, въ овсѣ услыша звукъ звонка,
Ослу коломъ ворочаетъ бока.
Ну такъ, что бѣдный нашъ вельможа
До осени зачахъ
И кости у Осла остались лишь, да кожа.
И у людей въ чинахъ,

Съ плутами то-жъ бѣда: пока чинъ малъ и бѣденъ,
То плутъ не такъ еще примѣтенъ;
Но важный чинъ на плутѣ, какъ звонокъ:
Звукъ отъ него и громокъ, и далекъ.

66. Русское «*Авось*» художественно изображено Крыловымъ въ баснѣ:

М е л ь н и к ъ .

У мельника вода плотину прососала,
Бѣда-бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати-ль? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день ото дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьетъ, какъ изъ ведра.
«Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться!»
А мельникъ говоритъ: «Далеко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды.
И ею мельница по весь мой вѣкъ богата».
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата.
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ;
Сталъ жерновъ. Мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь?
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
«Негодныя!» кричитъ: «хохлатки, дуры,
Я и безъ васъ воды не знаю гдѣ достать;
А вы пришли ее здѣсь вдосталь допивать».
И въ нихъ полѣномъ хвать!
Какое-жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье?
Безъ куръ и безъ воды пошелъ въ свое подворье.

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки берегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ.

Съ такою бережью диковинка-ль, что домъ,
Скорешенько пойдетъ вверхъ дномъ!

67. Слабое развитіе чувства чести и собственнаго достоинства и непониманіе этого чувства въ другомъ, изображено баснописцемъ въ баснѣ: «*Двѣ собаки*», въ видѣ роли одной изъ нихъ — ходить на заднихъ лапкахъ. Названіе роли стало нарицательнымъ для выраженія идеи униженія и самоуниженія.

Двѣ Собаки.

Дворовый вѣрный песъ
Барбосъ,
Который барскую усердно службу несъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластится, какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
«Ну что, Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?»
«На счастье грѣхъ роптать», Жужутка отвѣчаетъ:
«Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ;
Живу въ довольствѣ и въ добрѣ,
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ: а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?» — «Я, отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
Живу по прежнему, терплю и холодъ
И голодъ,
И, сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты Жужу въ случай попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?

Чѣмъ служишь ты?» — «Чѣмъ служишь? Вотъ прекрасно!»
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
«На заднихъ лапкахъ я хожу».

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

68. Высокая художественность басенъ Крылова еще ждетъ своего истолкованія. Но одна сторона, не разъясненная словарями, сейчасъ требуетъ нѣкотораго разъясненія. Дѣло идетъ о любимомъ выраженіи Крылова *затѣя* и производныхъ отъ этого слова. Оно употребляется Крыловымъ восемнадцать разъ. Наиболѣе ясное понятіе о словѣ даютъ басни: Квартетъ, Лягушка и Волъ, Синица, Муравей, Огородникъ и Философъ, Механикъ.

Затѣя проистекаетъ изъ трехъ составныхъ частей: 1) *Изъ воображенія,* дающаго *выдумку* и планъ дѣйствія, 2) изъ недостаточнаго ума и неглубокости обдумыванія — что приводитъ 3) къ дѣйствіямъ смѣло-рѣшительнымъ, но ненадежнымъ и сомнительнымъ (такъ, напримѣръ: усомнился огородникъ въ достоинствѣ затѣй философа). *Затѣя* представляетъ собою что то легкомысленное, ненадежное, рискованное, вообще лишенное положительности. По словопроизводству слово *затѣя* близко стоитъ къ корнямъ: *дѣйствовать, чинить* (дѣлать, начинать).

Басня *Квартетъ,* по составу своихъ исполнителей (Мартышка, Оселъ, Козелъ, Косолапый Мишка) показываетъ, что въ компанію внесено: легкомысліе подражательной обезьяны, дикость и глупость осла, грубость козла, умственная недалекость и большая физическая сила медвѣдя, — для *затѣи самое подходящее товарищество.* Баснописецъ былъ проницательнымъ психологомъ: лучшаго состава музыкальной компаніи не придумать. Затѣя и похвальба зажечь море не уступаетъ затѣѣ сыграть Квартетъ, но по своей неподражаемости она требовала единоличнаго авторства смѣло-глупой синицы.

69. Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу, увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться —
Она завистлива была —
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри ка, квакушка, что буду-ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, какова?
Пополнилась-ли я?» — «Все то-жъ».

Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и — околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ.
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

70. *С и н и ц а.*

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь,
Разславилась, тотчасъ, о томъ по свѣту рѣчь
Страхъ объялъ жителей нептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы,
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ, съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой.
Какой де откупщикъ и самый тароватый
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
«Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»
Не тутъ-то: «Море не горитъ».
«Кипитъ ли хоть?» — «И не кипитъ».
И чѣмъ же кончились *затѣи* величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;
Надѣлала синица славы
А море не зажгла.

Промолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица,
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

71. Муравей.

Какой то муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано, ни въ древни времена:
Онъ даже (говоритъ историкъ вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна;
Притомъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣ-бъ не завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу
Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву;
Но этотъ муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
И ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спѣсиво всползъ,
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но ахъ, какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно:
У всякого забота тамъ своя.
Мой муравей, то взявъ листокъ, потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ:
Никто не видитъ муравья.
Уставши, наконецъ, тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у воза хозяйскаго лежалъ:
«Не правда-ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ!
Возможно-ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянись я цѣлый часъ,
А кажется у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ».
И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ;
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

72. Огородникъ и Философъ.

Весной въ своихъ садахъ такъ рылся огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ:
Мужикъ ретивый былъ работникъ
И дюжъ и свѣжъ на взглядъ;
Подъ огурцы одни онъ взрылъ полсотни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великій Краснобай, названный другъ природы,
Недоученый философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды;
Однако-жъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить,
И тоже огурцы садить;
А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
«Сосѣдъ, какъ хочешь ты, потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду;
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говорить, и я тому дивился,
Что огородишко твой кое-какъ идетъ.
Какъ ты еще не раззорился?
Ты, чай, вѣдь никакимъ наукамъ не учился?»
«И некогда», сосѣда былъ отвѣтъ.
Прилежность, навыкъ рукъ —
Вотъ всѣ мои тутъ и науки;
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ».
«Невѣжа! Возставать противъ наукъ ты смѣешь?»
«Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво словъ:
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ».
«А вотъ увидишь ты, лишь лѣта-бъ намъ дождаться!»
«Но, баринъ, не пора-ль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой что посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ».

«Да я не взрылъ за недосугомъ;
Я все читалъ
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой илъ плугомъ?
Но время не уйдетъ».
«Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ»,
Послѣдній отвѣчалъ, — и тутъ же съ нимъ разстался,
Взявъ заступъ свой;
А философъ пошелъ домой.
Читалъ, выписывалъ, справлялся,
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ,
Въ журналахъ новость онъ найдетъ:
Все перероетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У огородника взошло все и поспѣло:
Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло;
А философъ
Безъ огурцовъ.

73. Механикъ.

Какой то молодецъ купилъ огромный домъ:
Домъ, правда, дѣдовскій, но строенный на славу:
И прочность и уютъ — все было въ домѣ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ ему по нраву,
Да только то бѣды
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды.
Ну что-жъ, онъ думаетъ: въ своемъ добрѣ я властенъ:
Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевезть.
(Какъ видно молодецъ механикой былъ страстенъ),
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье,
А тамъ уже изладя на каткахъ
Я воротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще, чего не видано на свѣтѣ:
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыку съ пріятелями въ немъ

Пируя за большимъ столомъ,
На новоселье я поѣду, какъ въ каретѣ».
Плѣняся глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотчасъ механикъ мой:
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ нимало не берегъ,
Однако-жъ дома онъ перетащить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

Как много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй.

74. Люди, которые не уважаютъ *истины* и для которыхъ солгать, все равно, что воды испить, представлены въ баснѣ *Кукушка и Пѣтухъ*. Мораль этой басни сдѣлалась любимымъ афоризмомъ и ходкой пословицей языка, а самая басня стала живымъ укоромъ лгущему человѣчеству.

Кукушка и Пѣтухъ.

«Какъ милый Пѣтушекъ, поешь ты громко, важно!»
«А ты, Кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всемъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!»
«Тебя, мой куманекъ, вѣкъ слушать я готова».
«А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я, недождусь,
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берется голосокъ,
И чистъ и нѣженъ и высокъ...
Да вы ужъ родомъ такъ: собою невелички,
А пѣсни, что твой соловей».
«Спасибо кумъ; зато по совѣсти моей,
Поешь ты лучше райской птички:
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ я».
Тутъ, воробей, случась, промолвилъ имъ: «Друзья,
Хоть вы охрипнете, хваля другъ дружку,
Все ваша музыка плоха»...

За что-же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

75. Классическій общечеловѣческій грѣхъ, возрастающій въ обществѣ геометрической прогрессіей — воровство прямое и не прямой видъ его, именуемый совмѣстительствомъ и т. под., изображены въ басняхъ *Пастухъ* и *Крестьянинъ и Собака*, съ тѣми-же классическими оправданіями, какія обыкновенно слышатся въ жизни.

Пастухъ.

У Саввы пастуха (онъ барскихъ пасъ овецъ)
Вдругъ убывать овечки стали.
Нашъ молодецъ
Въ кручинѣ и печали:
Всѣмъ плачется, пускаетъ толкъ,
Что страшный показался волкъ;
Что началъ онъ овецъ таскать изъ стада
И безпощадно ихъ деретъ.
«И не диковинка», твердитъ народъ:
«Какая отъ волковъ овцамъ пощада!»
Вотъ волка стали стеречи.
Но отчего у Саввушки въ печи,
То щи съ бараниной, то бокъ бараній съ кашей?
(Изъ поваренковъ за грѣхи,
Въ деревню онъ былъ сосланъ въ пастухи;
Такъ кухня у него немножко схожа съ нашей).
За волкомъ поиски; клянетъ его весь свѣтъ;
Обшарили весь лѣсъ, а волка слѣду нѣтъ.
Друзья, пустой вашъ трудъ: на волка только слава,
А ѣстъ овецъ-то Савва.

76. Крестьянинъ и Собака.

У мужика, большого эконома,
Хозяина зажиточного дома,
Собака нанялась и дворъ стеречь,
И хлѣбы печь,
И сверхъ того полоть и поливать разсаду.
Какой же выдумалъ онъ вздоръ,
Читатель говоритъ: тутъ нѣтъ ни складу,
Ни ладу.
Пускай бы нанялась стеречь ужъ дворъ;
Да видано-ль, чтобъ гдѣ собаки хлѣбъ пекали
Или разсаду поливали?
Читатель, я бы былъ неправъ кругомъ,

Когда сказалъ бы да; да дѣло здѣсь не въ томъ,
А въ томъ, что нашъ Барбосъ за все за это взялся,
И вымолилъ себѣ онъ плату за троихъ;
Барбосу хорошо, что нужды до другихъ.
Хозяинъ между тѣмъ на ярмарку собрался,
Поѣхалъ, погулялъ, пріѣхалъ и назадъ,
Посмотритъ — жизни сталъ не радъ;
И рветъ и мечетъ онъ съ досады:
Ни хлѣба дома, ни разсады,
А сверхъ того къ нему на дворъ
Залѣзъ и клѣть его обкралъ начисто воръ.
Вотъ на Барбоса тутъ посыпалось руганье;
Но у него на все готово оправданье:
Онъ за разсадою печь хлебъ никакъ не могъ:
Разсадникъ отъ того лишь только не удался,
Что, сторожа вокругъ двора, онъ сталъ безъ ногъ;
А вора онъ затѣмъ не устерегъ,
Что хлѣбы печь тогда сбирался.

77. Объ особыхъ достоинствахъ басенъ Крылова.

Къ числу несравненныхъ достоинствъ Крылова принадлежитъ глубокое знакомство его съ языкомъ, которое сближаетъ его съ первоклассными поэтами. Знаменитый баснописецъ былъ истиннымъ художникомъ слова: подобно талантливому музыканту, вѣрно чующему высоту, силу и тембръ звуковъ, Крыловъ вѣрно и мѣтко чувствовалъ *психологію слова*, т. е. его значеніе, смыслъ и самый замыселъ созданія слова. Въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ себѣ равныхъ творцовъ: мѣткость, краткость слова въ соединеніи съ творческой безискусственностью и пластичностью — достигаютъ у него большей высоты. Заучиваніе наизусть басенъ Крылова чрезвычайно полезно: оно можетъ послужить истиннымъ лекарствомъ, устраняющимъ столь частый у дѣтей и въ школѣ порокъ отдѣленія или отщепленія звуковъ слова отъ его значенія. Большая часть современныхъ христоматій испещрены объяснительными словами: такъ много словъ оказывается непонятными дѣтямъ, являясь для ихъ ума звенящей мѣдью, а не живымъ словомъ, которое *намекаетъ и будитъ мысли съ* ихъ умственными образами. Объ этомъ поркѣ современные психологи говорятъ: мы всѣ съ дѣтства «*отравлены словами*», т. е. употребляемъ слова, не соединяя съ ними ихъ значенія и смысла. Крыловъ обладаетъ творческимъ даромъ — такъ спаивать *звукъ со смысломъ*, что *оба* становились чѣмъ то единымъ и цѣльнымъ. Онъ вносилъ темпъ или быстроту совершающихся событій въ самое теченіе звуковъ. Такъ въ словахъ «булыжникъ въ лапы сгребъ», «хвать друга камнемъ въ лобъ» чувствуется быс-

трота потока событій. То же чувствуется въ словахъ: Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!» и въ мигъ ворота на запоръ. Или: «онѣ чтобъ на утекъ». Или: «ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься и кусаться; кричатъ, визжатъ — веселье хоть куда!» Въ этихъ фразахъ, въ самомъ выборѣ и потокѣ словъ чувствуется быстрота движенія, соотвѣтствующая быстротѣ событій и мыслей. Наоборотъ, слова: «и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ», благодаря однообразному стеченію слоговъ со звуками О (по-во-локъ) самое произнесеніе слова даетъ впечатлѣніе чего то медленнаго, тягучаго. Подобная же медленность рѣчей чувствуется въ составѣ и теченіи словъ: «оселъ, уставясь въ землю лбомъ, изрядно, говоритъ, сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно». Въ медленности этого теченія ословыхъ словъ чувствуется надутая авторитетность и важность ослинаго сужденія.

78. *Пустынникъ и Медвѣдь.*

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко не пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій;
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: «А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
—«Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова».
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ — поклонъ.
Сосѣдъ протягиваетъ лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,

И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ.
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки томится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ и по горамъ.
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла —
Онъ друга сбмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «Молчи-жъ, ужъ я тебя, вструху!».
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ надолго тамъ остался.

79. Волкъ на псарнѣ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ свчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ,
Почуя сѣрого такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку.
Псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!»
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
«Огня» кричатъ «огня». Пришли съ огнемъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ,
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ, наконецъ,
Ему разчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: «Друзья, къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ.
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...» — «Послушай-ка, сосѣдъ,»
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой».
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

80. Обезьяны.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ ума того сыскать,
А безъ ума перенимать

И Боже сохрани, какъ худо.
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.

Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ право нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ,
Ужъ мы-ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ:
Авось, уйдетъ, тогда мы тотчасъ»... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти имъ оставилъ...
—«Что-жъ», говорятъ онѣ: «и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться и завиваться:
Кричатъ, визжатъ — веселье хоть куда.
Да вотъ бѣда
Когда пришло изъ сѣти выбираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И, видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ — чтобъ на утекъ,
Да ужъ никто распутаться не могъ.
И всѣхъ ихъ побрали руками.

81. Волкъ и Ягненокъ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.
Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «Какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!»
— «Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу».
—«Поэтому я лгу!
Негодный! Слыхана-ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!»
— «Помилуй, мнѣ отъ роду нѣтъ и году»,
Ягненокъ говоритъ. — «Такъ это былъ твой братъ».
— «Нѣтъ братьевъ у меня». — «Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ, кто нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи, —
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи».
— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ?» — «Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать»
Сказалъ, и въ темный лѣсъ ягненка поволокъ.

82. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: «Послушай-ка, дружище.
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое послушавъ пѣнье,
Велико-ль подлинно твое умѣнье».
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада;
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
«Изрядно», говоритъ, «сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ;
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился».
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

83. Яркимъ примѣромъ искусства Крылова выражать потокъ временъ и событій потокомъ словъ, можетъ служить басенка-игрушка *Паукъ и Громъ*, гдѣ баснописецъ, подобно композитору, изображаетъ рѣчами, какъ нотами, темпъ и значеніе, и даже самую психологію событій у паука, который обладаетъ только двумя чувствами: *страхомъ и гнѣвомъ*. Это далеко выходитъ за предѣлы *звукоподражанія*. Это истинная прикладная психологія въ рукахъ поэта.

Паукъ и Громъ.

Передъ окномъ
Былъ домъ,
Ударилъ громъ
И со стѣны Паукъ
Вдругъ — стукъ,
Упалъ — лежитъ,
Разинулъ ротъ, оскалилъ зубы
И шопотомъ сквозь зубы
Вотъ что кричитъ:
«Когда-бъ осломъ
Я созданъ былъ Зевесомъ
Ходилъ бы лѣсомъ.
Меня бы Громъ,
Тряся окномъ,
И домъ
Съ стѣны не могъ стряхнуть.

Насъ чаще съ высоты стараются сопхнуть.

И. А. Крыловъ.

84. *Оселъ и Лошадь.*

По рельсамъ чугуннымъ, какъ молньи полетъ, несется вагонъ за вагономъ,
И воздухъ наполненъ кругомъ и дымомъ, и свистомъ, и стономъ,
На скотномъ дворѣ у забора оселъ и бѣлая лошадь стояли:
Оселъ преспокойно глоталъ волчецы, но лошадь, въ глубокой печали,
На поѣздъ взглянула, и долго въ испугѣ потомъ тряслось ея тѣло.
И молвила: «О страшное, страшное дѣло!
Не будь ужъ природой самой я въ бѣлую кожу одѣта,
Заставила-бъ вѣрно меня посѣдѣть картина ужасная эта!
Страшнѣйшіе, злые удары судьбы грозятъ лошадиной породѣ!
Я лошадь, но въ книгѣ судьбы читаю о нашей невзгодѣ:
Своей конкуренціей насъ, лошадей, убьютъ паровыя машины:
Теперь ужъ всѣ люди начнутъ прибѣгать къ услугамъ желѣзной скотины, .
Коль скоро пойметъ человѣкъ, что безъ насъ онъ можетъ легко обходиться.
Прощай наше сѣно, прощай нашъ овесъ, прійдется намъ пищи лишиться.
Душа человѣка какъ камень, и даромъ не дастъ ни крошечки хлѣба.
Увы! изъ конюшенъ повыгонятъ насъ и мы околѣемъ, о небо!
Мы лгать не умѣемъ, какъ люди,
И взаймы давать мы не можемъ;
Мы льстить не умѣемъ, какъ люди и псы,
О небо! Мы всѣ околѣемъ».
Такъ лошадь стонала. Оселъ же потряхивалъ тихо ушами
И въ самомъ блаженномъ покоѣ души себя угощалъ волчецами.
Окончивъ, онъ хвостъ облизалъ и молвилъ съ спокойною миной:
«Ломать головы не хочу я надъ тѣмъ, что будетъ съ породой ослиной.
Я знаю, что вамъ, горделивымъ конямъ, прійдется покончить ужасно.
Для насъ же, смиренныхъ и тихихъословъ, на свѣтѣ вполнѣ безопасно.
Какихъ бы хитрѣйшихъ, мудреныхъ машинъ не выдумалъ умъ человѣка

Все будутъ въ довольствіи жить на землѣ ослы до скончанія вѣка».

Вѣкъ рыцарей въ могилѣ схороненъ,
И гордый конь на голодъ обреченъ;
Оселъ же будетъ неизмѣнно
Всегда имѣть овесъ и сѣно!

(*Авторъ неизвѣстенъ*).

85. д) *Притча.*

Притча представляетъ собою краткій аллегорическій разсказъ. По своей иносказательности она должна занять мѣсто между сказкой и басней, какъ заключающая другой смыслъ и иное содержаніе, кромѣ непосредственнаго, представляемаго словами. Объ этомъ второмъ смыслѣ слушатель долженъ догадаться и, разъ онъ этого достигъ, поученіе, скрытое въ притчѣ, сильнѣе дѣйствуетъ на умъ подобно неожиданности, подобно новости или откровенію. Тогда и самое пониманіе существа дѣла становится яснымъ, точнымъ, красочнымъ, какъ говорятъ теперь. Получили всемірную извѣстность Евангельскія притчи, имѣющія цѣлью раскрыть и разъяснить человѣку его нравственный долгъ.

Евангельскія притчи отличаются простотой, художественностью и философскимъ складомъ мысли. Притомъ имъ свойственна литературная обработанность и творецъ ихъ не безъ основанія совѣтовалъ слушателямъ помнить его *слова,* т. е. самыя выраженія, потому, что эти выраженія кратки, точны, художественны и содержатъ въ себѣ воспитательную силу для ума и чувства.

И пришли матерь и братья Его и, стоя внѣ *дома,* послали къ Нему звать Его.

Около Него сидѣлъ народъ. И сказали Ему: вотъ матерь Твоя и братья Твои, и сестры Твои, внѣ *дома,* спрашиваютъ Тебя.

И отвѣчалъ имъ: кто матерь Моя и братья Мои?

И обозрѣвъ сидящихъ вокругъ себя, говоритъ: вотъ Матерь Моя и братья Мои.

Ибо кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ Мнѣ братъ, и сестра, и матерь.

Глава 4.

И опять началъ учить при морѣ и собралось къ Нему множество народа, такъ что Онъ вошелъ въ лодку, и сидѣлъ на морѣ, а весь народъ былъ на землѣ у моря.

И училъ ихъ притчами много, и въ ученіи своемъ говорилъ имъ.

Слушайте: вотъ вышелъ сѣятель сѣять.

И когда сѣялъ, случилось, что иное упало при дорогѣ; и налетѣли птицы и поклевали то.

Иное упало на каменистое *мѣсто,* гдѣ немного было земли; и скоро взошло потому, что земля была не глубока.

Когда же взошло солнце, увяло, и, какъ не имѣло корня, засохло.

Иное упало въ терніе, и терніе выросло, и заглушило сѣмя, и оно не дало плода.

И иное упало на добрую землю, и дало плодъ, который взошелъ, и выросъ, и принесло иное тридцать, иное шестьдесятъ, а иное сто.

И сказалъ имъ: кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!

Когда же остался безъ народа, окружающіе Его вмѣстѣ съ двѣнадцатью спросили Его о притчѣ.

И сказалъ имъ: вамъ дано знать тайны Царствія Божія, а тѣмъ внѣшнимъ все бываетъ въ притчахъ.

Такъ что они своими глазами смотрятъ и не видятъ, своими ушами слышатъ, и не разумѣютъ; да не обратятся, и прощены будутъ имъ грѣхи.

И говоритъ имъ: не понимаете этой притчи? Какъ же вамъ уразумѣть всѣ притчи?

Сѣятель слово сѣетъ:

Посѣянное при дорогѣ означаетъ тѣхъ, въ которыхъ сѣется слово, но къ *которымъ,* когда услышатъ, тотчасъ приходитъ сатана, и похищаетъ слово, посѣянное въ сердцахъ ихъ.

Подобнымъ образомъ и посѣянное на каменистомъ *мѣстѣ* означаетъ тѣхъ, которые, когда услышатъ слово, тотчасъ, съ радостью принимаютъ его;

Но не имѣютъ въ себѣ корня, и непостоянны, потомъ, когда настанетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ соблазняются.

Посѣянное въ терніи означаетъ слышащихъ слово.

Но въ которыхъ заботы вѣка сего, обольщеніе богатствомъ и другія пожеланія, входя въ нихъ, заглушаютъ слово, и оно бываетъ безъ плода.

А посѣянное на доброй землѣ означаетъ тѣхъ, которые слушаютъ слово, и принимаютъ его, и приносятъ плодъ одинъ въ тридцать, другой въ шестьдесятъ, иной во сто кратъ.

И сказалъ имъ: для того ли приносится свѣча, чтобы поставить ее подъ сосудъ, или подъ кровать? Не для того ли, чтобы поставить ее на подсвѣчникѣ?

Нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ; и ничего не бываетъ потаеннаго, что не вышло бы наружу.

Если кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ.

И сказалъ имъ: замѣчайте, что слышите. Какою мѣрою мѣрите, такою отмѣрено будетъ вамъ и прибавлено будетъ вамъ слушающимъ.

Ибо, кто имѣетъ, тому дано будетъ; а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ.

И сказалъ: Царствіе Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю;

И спитъ, и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ.

Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ;

Когда же созрѣетъ плодъ, немедленно посылаетъ серпъ, потому что настала жатва.

И сказалъ: чему уподобимъ Царствіе Божіе? или какою притчею изобразимъ его?

Оно какъ зерно горчичное, которое когда сѣется въ землю, есть меньше всѣхъ сѣмянъ на землѣ.

А когда посѣяно, всходитъ, и становится больше всѣхъ злаковъ и пускаетъ большія вѣтви, такъ что подъ тѣнью его могутъ укрываться птицы небесныя.

И таковыми многими притчами проповѣдовалъ имъ слово, сколько они могли слышать.

Безъ притчи же не говорилъ имъ, а ученикамъ наединѣ изъяснялъ все.

86. е) Элегія.

По своему существу элегія есть *дума,* или *раздумье,* притомъ, дума печальная: «Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья, тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ, когда-жъ минуете?» — элегически спрашиваетъ поэтъ Плещеевъ: Но объ чемъ раздумье? и отчего печаль? Какія мысли и переживанія лежатъ въ основѣ того самочувствія, которое требуетъ для своего выраженія элегическихъ формъ поэзіи? Въ основѣ элегіи лежитъ *печаль,* т. е. чувство допускающее частицу отрады и надежды, но не тоска, не отчаяніе — чувства мрачныя и безнадежныя, способныя остановить всякую жизнь и мысль. Только у двухъ поэтовъ (Полежаева и отчасти Лермонтова) элегія отзывается тоской, но и эта личная тоска обоихъ не останавливаетъ у нихъ потока духовной жизни. Лермонтовъ говоритъ:

Опять явилось вдохновенье
Въ душѣ безжизненной моей
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.

Ясно, что пока возможно *пѣснопѣнье* — это еще только тяжелый видъ печали, но не то мрачное чувство, которое называется *тоской.* Только печаль и ея слабѣйшая степень — грусть является законной составной

частью элегіи. По точному понятію Элегія есть печальная дума или печальное раздумье. Но объ чемъ раздумье?

Въ своихъ элегическихъ увѣщаніяхъ поэтъ Тиртей восхваляетъ *долгъ* храбраго и выражаетъ чувство грусти предъ фактомъ смерти въ бою. Почти тоже говоритъ Солонъ. Мимнермъ жалуется на краткость жизни, на скорую старость и смерть. Элегіи Жуковскаго проникнуты скорбью о смерти.

Элегія возникла повидимому на востокѣ, потомъ явилась въ Греціи и Римѣ. Въ историческомъ порядкѣ, Элегія появилась послѣ сказки, басни и греческой эпопеи, но раньше другихъ формъ художественнаго творчества, раньше романа, разсказа, баллады, поэмы. Ранее появленіе Элегіи соотвѣтствуетъ раннему возникновенію на горизонтѣ человѣческаго сознанія такъ называемыхъ «*конечныхъ вопросовъ жизни*», выдвинутыхъ и разработанныхъ философіей, преимущественно греческой. Конечные вопросы касаются проблемы происхожденія міра и человѣка, обнимаютъ будущность и включаютъ въ себя, какъ цѣли человѣческой жизни, такъ и чувства благоговѣнія и нравственнаго долга. Всѣ эти вопросы получили широкое развитіе у греческихъ философовъ, Пиѳагора, Сократа, Платона и др. и естественнымъ образомъ вызвали въ человѣчествѣ то раздумье и ту элегическую грусть, которая составляетъ сущность этихъ новыхъ поэтическихъ переживаній, которыя потребовали для себя и соотвѣтственныхъ новыхъ формъ поэтическаго творчества. Элегическая поэзія даетъ эти художественныя формы въ отвѣтъ на умственный прогрессъ, созданный философіей и науками. Элегія появилась не раньше того историческаго періода, когда міръ былъ озаренъ великими мыслями Пиѳагора, Сократа, Платона и тѣхъ Леонидовъ, которые въ Ѳермопилахъ показали на дѣлѣ силу и величіе уже создавшагося человѣческаго долга. Въ этотъ періодъ человѣкъ призадумался надъ собою и надъ міромъ, въ которомъ до того времени жилъ съ младенческимъ простодушіемъ. Раньше не замѣчалось такой сознательности.

То, что пережилъ Сократъ и другіе философы въ своей философіи и въ своей жизни, то стали переживать поэты и то же пережилъ въ наши дни великій русскій поэтъ Пушкинъ. Подобно Сократу, Пушкинъ въ своемъ художественномъ творчествѣ пошелъ по пути глубокаго проникновенія въ тайны жизни, и это проникновеніе должно было неминуемо встрѣтиться съ конечными вопросами и неминуемо выразиться и выразилось задушевной элегіей. «Брожу — ля я вдоль улицъ шумныхъ»... Мысль о краткости жизни, о философскомъ переживаніи смерти, о долгѣ предъ собою, предъ природою, предъ жизнью сразу ввели свѣтлаго и жизнерадостнаго поэта во всѣ глубины біологическаго реализма и равнодушія природы къ индивидуальному существованію. Можно бы сказать, что поэтъ, съ философской твердостью и спокойствіемъ подвергъ свое тѣло и свою жизнь процессу почти анатомическаго вскрытія. Не смотря на исключительную жизнерадостость, которая отличаетъ поэта, и на его

кажущуюся беззаботность, онъ вдругъ создалъ одну изъ глубокихъ элегій на матеріалы «конечныхъ вопросовъ». Онъ глубоко проникся этими вопросами и прочувствовалъ ихъ всею силою своего художественнаго таланта. Скромно называя эти вопросы своими «мечтами», онъ переживаетъ ихъ со всею философскою глубиною.

Главная мечта поэта — это мысль о концѣ жизни.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Близость часа, о которомъ поэтъ себѣ говоритъ, такъ велика, что старый дубъ несомнѣнно переживетъ его, какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ. Ласкаетъ ли поэтъ младенца, едва начинающаго жить, онъ уже говоритъ ему: прости, тебѣ я мѣсто уступаю. Старый мощный дубъ и нѣжный младенецъ одинаково напоминаютъ задумавшемуся поэту узкіе предѣлы человѣческой жизни, и поэтъ дважды приводитъ себѣ на память мысли о *тлѣніи,* какъ неизбѣжномъ, недалекомъ концѣ столь эфемернаго существованія. Для этого конца готовы, точно на выборъ, многіе пути загадочнаго quo modo.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли? Въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

Не покидая темы о подробностяхъ конца жизни, поэтъ особенно останавливается на моментѣ, когда произойдетъ это печальное торжество смерти надъ жизнью. Въ продолженіе годового срока поэтъ каждый день и каждую минуту внимательно слѣдуетъ своей острой мыслью, чтобы угадать, не является ли именно данная минута началомъ того послѣдняго годового срока, когда ему еще дано будетъ наслаждаться жизнью. Сократу приходилось ждать періодъ сорока семи дней, съ наступленіемъ котораго должна была окончиться его жизнь, согласно постановленному надъ нимъ смертному приговору. Пушкинъ переживалъ предположительно назначенный имъ себѣ годичный срокъ въ ежедневномъ ожиданіи минуты смертнаго часа. Наиболѣе поучительную подробность этихъ элегическихъ переживаній составляетъ то, что, будучи жизнерадостнымъ и находясь въ цвѣтѣ лѣтъ, испытывая всю сладость бытія, поэтъ, тѣмъ не менѣе, готовъ былъ укоротить программу жизни до размѣровъ *мыслить и страдать,* только бы продлилась хоть такая жизнь. Вотъ въ такой сильной мѣрѣ поэту цѣнна и дорога была психическая сторона человѣческаго существованія! Ту же грустную перспективу краткосрочности жизни глубоко-элегически переживалъ Пушкинъ и въ своемъ процессѣ психоло-

гической идеализаціи жизни, когда онъ пытался напередъ вообразить себѣ часть посмертныхъ событій. Это онъ дѣлалъ, подобно всѣмъ людямъ, силою мысли и представленія. Для этого онъ старался ярко чувствовать тлѣніе и столь же ярко видѣть у своего гробового входа молодую жизнь. Столь же живо было почувствовано имъ въ эти минуты равнодушіе природы. Все это была предварительная и предвѣщательная работа живого воображенія, рисовавшаго поэту посмертную жизнь по его художественному вызову. Все это указываетъ на глубину элегическаго настроенія, переживаемаго поэтомъ при сознаніи краткости жизни и при восчувствованіи величайшей цѣнности этого краткаго дара. У Пушкина глубокая элегія возникаетъ отъ сознанія, что смертью порывается жизнь, художественное значеніе которой онъ понималъ болѣе другихъ. На примѣрѣ элегіи «Брожу ли я» можно понять, въ какой мѣрѣ способна трогать человѣка мысль о смерти, о цѣли существованія на землѣ и другіе конечные и смежные съ ними вопросы, выраженные ли ясно въ видѣ формулированныхъ вопросовъ или облеченные въ форму чувствъ и настроеній. Безъ сомнѣнія у философовъ, какъ Сократъ и Платонъ, или у великихъ художниковъ, какъ Пушкинъ, конечные вопросы выражены языкомъ *ума* и даже *слова,* но у многихъ они остаются и даже переживаются чувствомъ, волей и т. д., и не столь ясно предстоятъ предъ сознаніемъ. Во всякомъ случаѣ эти вопросы принадлежатъ къ сильнѣйшимъ переживаніямъ и способны вызвать великое и величественное настроеніе, которое и замѣчается въ большей части элегій.

У Лермонтова въ его произведеніи: «Выхожу одинъ я на дорогу» настроеніе поэта болѣе напоминаетъ *идиллію.* Несомнѣнно, половина творенія есть элегія, но вторая безспорно мечтательная идиллія (элегическое предчувствіе смерти). За годъ до своей смерти Пушкинъ, въ художественномъ проникновеніи событій жизни, предчувствовалъ свое будущее, какъ видно изъ напечатаннаго въ 1836-мъ году стихотворенія:

87. К ъ ж е н ѣ.

Пора мой другъ, пора! покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія. А мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь — все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть *покой и воля.*
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальную трудовъ и чистыхъ нѣгъ...

Ясно, что въ своихъ элегическихъ «мечтахъ», написанныхъ пятнадцать лѣтъ назадъ, онъ предусмотрѣлъ возможность событій и къ смерти былъ готовъ.

88. Смерть Пушкина. Жизнь великаго поэта внезапно оборвалась въ самую важную минуту его духовнаго существованія. Торжественная тайна смерти наступила внезапно. Врата вѣчности вдругъ широко открылись. Поэтъ не замедлилъ... Онъ спокойно обратился въ ту сторону и безтрепетно посмотрѣлъ во всѣ глаза. Величіе его смерти подчеркнуло его великую натуру больше, чѣмъ вся его жизнь, бѣдная счастіемъ, но богатая подвигомъ.

Привезенный съ дуэли раненнымъ домой, онъ обратился наединѣ къ д-ру Шольцу съ вопросомъ: «что вы думаете о моемъ положеніи? Скажите откровенно».

— Не могу отъ васъ скрыть, сказалъ докторъ, вы въ опасности.

— Скажите лучше: умираю.

— Считаю долгомъ не скрыть и того.

— Благодарю васъ, вы поступили со мною, какъ честный человѣкъ.

Съ этой минуты и до послѣдняго вздоха поэтъ не думалъ о себѣ, хотя его страданія были невыразимо тяжки... Сорокъ пять часовъ прошли въ мукахъ и ожиданіи конца жизни.

Жуковскій, не отходившій отъ умирающаго, пишетъ его отцу:

«Увѣряю тебя, что никогда на его лицѣ не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственной его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось въ немъ съ прикосновеніемъ смерти».

— «Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина», элегически говорилъ Жуковскій.

89. Элегическій визитъ врача и послѣдніе дни чахоточной артистки.

Какъ всегда, грузно опершись скрещенными руками на толстую палку и положивъ на нихъ толстый жирный подбородокъ, докторъ сидѣлъ по одну сторону широко раскрытаго въ садъ окна. По другую, въ креслѣ, обложенная бѣлыми подушками, сидѣла больная и тихо, торопливо, точно спѣша высказать что то неизмѣримо важное, говорила:

— Какой вечеръ докторъ!.. Какъ хорошо!.. Мнѣ бы хотѣлось умереть именно въ такой вечеръ... Я больше всего боюсь что умру ночью... Страшно будетъ, докторъ!.. Вѣдь тамъ въ могилѣ будетъ темно, темно... Мнѣ уже смѣшно чего нибудь желать, не правда ли, а все таки хотѣлось бы, чтобы послѣднее, что я буду видѣть, было бы вотъ такое тихое, погасающее небо. Какъ-то легче будетъ: день потихоньку умираетъ, небо темнѣетъ, ну, и я умру... Я уже примирилась съ этой мыслью, докторъ, вы не бойтесь, милый, я не буду плакать, какъ въ прошлый разъ. Зачѣмъ плакать, когда этимъ все равно не поможешь! Мнѣ только страшно: мнѣ все представляется, какъ меня отнесутъ на кладбище и зароютъ...

Потомъ всѣ уйдутъ по домамъ, а я останусь одна, совсѣмъ одна. Прійдетъ ночь, кресты будутъ стоять кругомъ, можетъ быть подымется вѣтеръ, а вокругъ будетъ темно... Страшно докторъ! Я, конечно, знаю, что ничего не буду чувствовать тогда, но теперь мнѣ страшно... Докторъ, вы такой милый, добрый!.. Обѣщайте мнѣ, что когда всѣ уйдутъ, вы останетесь на кладбищѣ и немного посидите со мной... Обѣщаете? Если я буду знать, что вы это сдѣлаете, мнѣ не такъ страшно будетъ.

— Я посижу — сказалъ докторъ глухо.

— Ну, спасибо! Я знаю, докторъ, что вы не такъ скоро забудете меня, какъ другіе... Будетъ! Я все болтаю, все болтаю, а вы, докторъ, должно быть устали, да и тяжело вамъ слушать мою болтовню. Идите, милый, я можетъ быть скоро засну. Идите.

Докторъ Арнольди тяжело всталъ.

— Заходите же ко мнѣ. Я знаю, что вы меня больше не лечите... гдѣ ужъ тутъ, а такъ заходите, милый докторъ!

Докторъ Арнольди огромными пухлыми пальцами взялъ протянутую ему легкую, слабую руку и вдругъ, наклонившись всѣмъ своимъ неповоротливымъ грузнымъ тѣломъ, поцѣловалъ бѣдные умирающіе пальчики.

Больная не удивилась, только улыбнулась ласково и печально.

— За что?.. Ну, идите милый... Богъ съ вами!

М. Арцыбашевъ.

90. Элегія и біологія. Наука о жизни — біологія и элегія соприкасаются между собою: первая излагаетъ законы жизни, вторая вздыхаетъ о нихъ. Они неумолимы и равнодушны, какъ говоритъ Пушкинъ. И Пушкинъ, и Лермонтовъ не безъ основанія говорятъ о равнодушіи природы:

И жизнью вѣчно — молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

М. Лермонтовъ.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Пушкинъ.

Не краткой, эфемерной, но вѣчной или по крайней мѣрѣ долгой, мафусаиловской жизни, если она возможна, жаждалъ бы человѣкъ, но біологія, съ научной объективностью и точностью говоритъ, что необыкновенно сложная организація человѣка и сложная дѣятельность не допус-

каетъ долгаго сохраненія силъ. Жизни положенъ предѣлъ по самой сущности вещей. Но какова бы ни была философія у живого существа, его жизнерадость и жажда жизни оказывается тѣмъ выше, чѣмъ развитѣе самая жизнь, особенно въ юные годы. Оттого похоронные вопли никогда не умалятся на землѣ, слезы печали не изсякнутъ, элегія не прекратится, но разширится. Она всегда будетъ выражать жалобу, ибо утрата жизни навсегда останется тяжелой утратой для живыхъ и тяжкимъ долгомъ для умирающаго, какъ говоритъ Литтре — *послѣднимъ долгомъ человѣка.* Элегія, вздыхая, оплакиваетъ не только смерть, но и все, что приводитъ къ ней прямо или косвенно — ошибки жизни, невѣрный планъ ея, разстроенное здоровье, недостигнутыя цѣли существованія и все прочее, чѣмъ подкашивается жизнерадость и энергія, и что ведетъ къ утратѣ живыхъ силъ и утомленію организма. Элегія неизбѣжна, потому что она есть невольный вздохъ, невольный отвѣтъ на утрату величайшей цѣнности на землѣ. Эта и близкія къ ней утраты не родятъ однако *тоски*, а только *печаль,* т. е. чувство, содержащее въ себѣ частицы отрады, надежды и даже маленькую дозу радости, — радости отъ того, что человѣкъ *былъ* и оставилъ по себѣ слѣдъ опыта жизни, опыта, хотя печальнаго, но за то поучительнаго въ окончательномъ выводѣ. Элегія научаетъ человѣка искусству жизни: она уже поднялась на степень важной составной части художественнаго творчества. Самая жалоба на краткость жизни возбуждаетъ стремленіе къ охранѣ и улучшенію жизни въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ и къ возвышенію самой идеи въ воззрѣніяхъ человѣчества.

91. Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей—нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю —
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину,
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. Пушкинъ.

92. Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу,
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха,пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.
Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду-ль чего? Жалѣю ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.
Я ищу свободы и покоя;
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы:
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;
Чтобъ, всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

М. Лермонтовъ.

93. Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ,
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ.
Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ:
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ,
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ.

Козловъ.

94. Вырыта заступомъ яма глубокая.

Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь молчаливая;
Горько она, моя бѣдная, шла
И какъ степной огонекъ замерла.
Что же? усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится, —
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!.
Вотъ она слышится пѣснь беззаботная.
Гостья погоста, пѣвунья залетная
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается:
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише! — о жизни покончень вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!

Никитинъ.

95. Внимая ужасамъ войны...

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самаго героя...
Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ!
Но гдѣ то есть душа одна:
Она до гроба помнить будетъ!
Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы,
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы:
То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей...

Н. Некрасовъ.

96. ж) И д и л л і я.

Идиллія имѣетъ скорѣе историческое, чѣмъ дѣловое (прагматическое) значеніе. Она возникла еще въ древности, въ классическія времена и вызвана всеобщимъ недовольствомъ жизнью, стремленіемъ найти новое содержаніе и новыя формы человѣческаго существованія, отыскать новые пути и новыя направленія высшей жизни и высшихъ сторонъ ея. Утомленіе монотоннымъ содержаніемъ и устарѣлыми, архаическими формами было всеобщимъ. Жажда истины, идей новой религіи, наукъ и обновленной жизни оставалась глубокой и неудовлетворенной. Первыя попытки отысканія новыхъ путей выразились стремленіемъ къ простой, естественной жизни, къ пастушескому быту, къ сельскому и земледѣльческому укладу и строю, въ деревняхъ, ближе къ природѣ, гдѣ меньше уклоненій отъ естественности, меньше преступленій и пороковъ. Такова была долго державшаяся художественная идиллія.

97. Лѣтній вечеръ.

Знать солнышко утомлено:
За горы прячется оно,
Лучъ погасаетъ за лучомъ
И алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой,
Пора ему и отдохнуть:
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь,
Вездѣ работа на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.
Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу-работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставъ про рѣзвыхъ мотыльковъ.
Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ,
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;

Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.
И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями прикрыть
И колосъ зрѣлостью налить.
А если жаръ для стадъ жестокъ —
И тучку темную скопи
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.
А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣно въ копны собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.
Итакъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!
И вотъ сошло, и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя вслѣдъ...
Гляди, гляди, въ томъ пользы нѣтъ.
Сейчасъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.
Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди, что заблеститъ —
Давно за горкой онъ сидитъ.
Но что-жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнца переждать.
Вставай, вставай! уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ, въ домъ глядитъ
И блѣдно зелень серебритъ.
И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни:
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ по горамъ
Все спитъ... пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

98. О необходимости отдыха.

Жуковскій поддерживалъ и творилъ такія формы идиллій, но Пушкинъ и Лермонтовъ совершали крутой уклонъ отъ такого направленія, намѣтивъ новыя стороны творчества и жизни и въ этомъ величайшая заслуга обоихъ писателей.

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть *покой и воля.*
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ...

Изъ приведеннаго отрывка стихотворенія видно, что поэтъ придаетъ большое значеніе *утомленію*, какъ обыкновенному и самому естественному проявленію жизни. Утомленіе не только приводитъ къ монотонности и рутинѣ всѣ явленія жизни, но и помрачаетъ ясность и силу психичес-

кихъ переживаній и возможность новыхъ путей жизни и новыхъ направленій. Стало ясно, что самая интенсивность и бѣгъ жизни — явленіе противуестественное и потому зловѣщее. Утомленный человѣкъ, какъ бѣлка въ колесѣ, топчется на мѣстѣ и своей утомленной головой и глазами не видитъ новыхъ путей и не чуетъ своею душой новыхъ потоковъ жизни и новыхъ глубокобьющихъ ключей живой воды.

Оба величайшіе поэты Лермонтовъ и Пушкинъ впервые съ совершенной ясностью оцѣнили значеніе низшихъ чувствъ въ процессѣ мысли и жизни. Для того, чтобы художественная и всякаго рода высшая жизнь неускоснительно и безпрепятственно шла впередъ по пути преуспѣянія и прогресса, необходимо, чтобы низшая жизнь, въ особенности низшія чувства, были задержаны и застопорены. Этому содѣйствуетъ не пастушеская или деревенская жизнь, не идилліи и буколики, но отдыхъ, покой и безпрепятственный потокъ высшей жизни. Эта здоровая гигіена духа и есть то новое, что съ успѣхомъ замѣняетъ идиллическіе рецепты врачевателей буколистовъ и симплицистовъ. Низшія чувства будутъ предметомъ научнаго и художественнаго изученія во второмъ отдѣлѣ Психологической Христоматіи. Здѣсь же только кратко указывается, что самая низшая ступень чувства и жизни занята *гнѣвомъ, страхомъ, тоскою* и освобожденіе жизни отъ господства этихъ чувствъ есть первый шагъ внутренней свободы и самообладанія независимо отъ того, живетъ ли человѣкъ въ городѣ или деревнѣ, пасетъ ли стада, или совершаетъ труднѣйшую изъ работъ — работу художественнаго или научнаго творчества.

99. з) О новыхъ формахъ поэтическаго творчества.

Прежде чѣмъ перейти ко второму Отдѣлу Христоматіи — Христоматіи *Чувства*, умѣстно остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся сущности художественнаго творчества и самыхъ формъ его.

Художественное творчество и его формы — это два процесса, которые развиваются совмѣстно и рядомъ. По мѣрѣ того, какъ множатся все новыя и новыя художественныя произведенія, развиваются и новыя формы поэзіи, въ которыя лучше и естественнѣе укладывается самый матеріалъ. Не боясь вульгарности сравненія, можно сказать, что новымъ художественнымъ пьесамъ заготовляется своевременно новая оболочка или футляръ. Такой оболочкой для творческихъ произведеній начинающейся поэзіи являются: *Сказка, Пѣсня, Басня.* Эти начальныя формы сохраняютъ до сего дня свою жизненность, но къ нимъ постоянно прибавляются пристройки или возводятся новыя зданія, создаваемыя жизнью, которая выражаетъ психологическую заботливость о томъ, чтобы какъ можно лучше развивался *умъ человѣка, его Чувство, Воля* и *Личность.* Для развитія *Низшаго Психизма* необходимы болѣе физіологическія, нежели твор-

ческія условія: той и другой сторонѣ условій будетъ удѣлено Христоматіей вниманіе.

Ходъ развитія самыхъ формъ творчества (обложки) былъ таковъ.

Три изначальныя формы творчества: Сказка, Пѣсня, Басня сосредоточивали въ себѣ первое время всю поэзію. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилась *Эпопея* (Древнихъ Грековъ). Она была повѣствованіемъ о важныхъ событіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе весь народъ. Это была своего рода художественная *Памятная Записка* для народнаго ума, естественно содержавшая въ себѣ и *Программу* дальнѣйшихъ переживаній, такъ какъ сама жизнь есть непрерывность или переходъ отъ одного шага къ слѣдующему. Программа будущихъ переживаній становится такимъ образомъ существенной частью человѣческой жизни и охватываетъ собою умъ, чувство, волю и Личность людей, объединяя ихъ и создавая общій *Психизмъ*. Такой реализованный психизмъ, заканчивающійся общимъ движеніемъ и дѣйствіемъ, непрерывно запечатлѣвается въ текущей *Письменности* и содержитъ въ себѣ программу дальнѣйшихъ очередныхъ шаговъ. Шаги эти не только записаны въ художественныхъ произведеніяхъ, но біологически запечатлѣны во всемъ существѣ человѣка. Художественное Творчество также необходимо, какъ самая жизнь и составляетъ часть ея. Записанное *психическое* творчество не вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительнымъ и требуетъ постоянныхъ поправокъ, какъ самыхъ переживаній, такъ и Записей ихъ или Программы.

Эпопея Грековъ путемъ просвѣщенія перешла къ народамъ Европы, удерживалась у нихъ нѣкоторое время, какъ художественный образецъ, затѣмъ замѣнена ложно-классической, а потомъ и совершенно оставлена Байрономъ по новымъ образцамъ, соотвѣтственно требованіямъ времени. Современная поэма представляетъ собою художественную попытку нарисовать психическій шагъ даннаго времени въ его лучшихъ или его худшихъ («Мертвыя души») образцахъ или въ тѣхъ и другихъ (Лермонтовъ: «Пѣсня про Царя Ивана Васильевича»). Такимъ образомъ поэма есть всеобщая психологическая ревизія человѣчества данной эпохи или ревизія въ данномъ обществѣ и народѣ. Психологическая ревизія дѣлается поэтомъ при посредствѣ художественнаго анализа, раскрывающаго передъ его окомъ *качество, глубину* и *силу* психическихъ переживаній. На основаніи такого изученія отдѣльныхъ человѣческихъ экземпляровъ, суммированія и обобщенія художественныхъ наблюденій, поэтъ выноситъ рядъ убѣжденій, которыя позволяютъ ему построить для читателя извѣстную художественную фабулу на тему о томъ, какъ дѣйствовали бы люди данной эпохи, въ извѣстныхъ конкретныхъ условіяхъ. Тогда возможно созданіе такой поэмы, какъ «*Чайльдъ Гарольдъ*», какъ «*Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова*». Для созданія поэмы необходима громадная творческая работа, широкое художественное развитіе и творческое дарованіе автора, который умѣетъ свя-

зать свой матеріалъ, вставить его въ условія эпохи, среды, господствующихъ общественныхъ теченій и тѣмъ органически вставить свою фабулу на пути пониманія людей въ центрѣ ихъ возбужденной мысли. Такимъ образомъ условія созданія поэмы весьма сложны и доступны только талантливѣйшимъ писателямъ. Оттого поэмы стали рѣдкими литературными новинками и уступаютъ мѣсто другимъ художественнымъ формамъ и болѣе всего *роману*, который становится господствующей формой современнаго творчества. Какъ творческая *форма*, романъ проще по своей художественной конструкціи. Онъ представляетъ собою менѣе сложное литературное произведеніе, включаетъ въ себя менѣе широкій кругъ наблюденій, отличается меньшей обработанностью и стройностью частей въ сравненіи съ поэмой. Различіе между поэмой и романомъ касается такимъ образомъ не столько существа дѣла, сколько степени обработанности матеріала, который въ поэмѣ отличается наивысшими достоинствами, благодаря высшей творческой одаренности поэта, большой широтой круга наблюденій и глубиной психологической обработки художественнаго матеріала. Какъ положительныя, такъ и отрицательныя явленія жизни могутъ послужить предметомъ поэмы, если имъ придана талантомъ автора глубокая художественная разработка, если благодаря этой разработкѣ они стали *перломъ созданія*, какъ выражается Гоголь (Мертвыя Души) и черезъ нихъ наиярче раскрыта истина личности и жизни человѣческой.

Романъ сталъ наиболѣе распространенной формой поэтическаго разсказа, охватывающаго не всю жизнь общества, а только часть ея. Поэтому по роману нельзя составить себѣ такого ясного понятія о всѣхъ сторонахъ психической жизни, какъ по поэмѣ. Французскіе психологи, разбирая сочиненія Шекспира, большая часть которыхъ обладаетъ достоинствами поэмъ, могли найти въ нихъ отвѣты почти на всѣ вопросы касательно состоянія того или другого душевнаго акта, напр., до какой высоты и размѣровъ въ эпоху Шекспира достигло чувство гнѣва, негодованія, жалости, благоговѣнія, ревности; какъ выражалась воля той эпохи, въ ея исполнительныхъ и задерживающихъ фазахъ; какъ далеко проникалъ умственный анализъ; какъ выражалось вниманіе; какіе новые оттѣнки намѣчались, какъ зачатокъ будущаго прогресса въ томъ или иномъ психическомъ актѣ и т. под. На всѣ такіе вопросы психическаго инвентаря и жизни можно находить отвѣты у Шекспира, изучившаго и записавшаго жизнь по самымъ широкимъ обхватамъ дѣйствительности. Романъ, какъ поэтическая форма, такой программы не содержитъ въ себѣ, но болѣе скромную по масштабу, какъ въ отношеніи къ размѣрамъ изслѣдуемыхъ областей жизни или круговъ ея, такъ и въ отношеніи глубины и формы психологическаго анализа.

Повѣсть и разсказъ имѣютъ тѣ же задачи, что и романъ, отличаясь отъ него размѣрами описываемого круга явленій жизни и самой даже

объемной разницей. *Повѣсть* дробнѣе романа. Разсказъ дробнѣе повѣсти. Еще дробнѣе очеркъ, сцена.

Романъ сталъ наиболѣе распространенной формой разсказа по относительной доступности его силамъ большинства писателей и по наибольшей естественности его, такъ какъ онъ записываетъ явленія и событія жизни почти въ порядкѣ протокольнаго наблюденія ихъ. Творчеству въ *романѣ* предоставленъ просторъ и свобода во всѣхъ отношеніяхъ. Замѣчательно, что сама жизнь остановилась на *романѣ* и его дробныхъ частяхъ въ силу ихъ естественности, психологической протокольности и безъискуственности, которою болѣе всего обезпечивается жизненная и психологическая правда.

100. и) Баллада.

Изъ недавнихъ формъ поэзіи привлекаетъ къ себѣ вниманіе Баллада. Это новѣйшая форма, обязанная своимъ возсозданіемъ изъ старинныхъ формъ генію Байрона. Она такъ полюбилась поэтамъ и писателямъ, что вслѣдъ за Байрономъ стали писать баллады у насъ Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ и др.

Баллада близка къ сказкѣ по преобладанію фантастичности содержанія при спокойномъ эпическомъ изложеніи. Она какъ бы не соотвѣтствуетъ нашему вѣку и потому сюжеты ея взяты изъ области преданій, суевѣрій, повѣрій.

Естественно возникаетъ вопросъ, *какъ, зачѣмъ, почему* великій талантъ Байрона остановился на этомъ родѣ творчества, увлекшемъ за собою многихъ геніальныхъ послѣдователей въ ту пору, когда жизнь стала реальной, ища естественныхъ явленій въ творчествѣ, а не чудеснаго и предразсудочнаго. Загадка разъясняется тѣмъ, что баллада возбуждаетъ и поддерживаетъ своимъ содержаніемъ чувство *страха* и острой печали. Психологическая и педагогическая культура требуетъ, однакоже, подавленія страха и гнѣва, какъ опасныхъ и вредныхъ для человѣка эмоцій и стремится или совершенно ослабить ихъ, или преобразовать въ прогрессивныя и полезныя состоянія. Но въ этомъ своемъ стремленіи культура духа перешла необходимыя границы прогресса жизни: извѣстное расположеніе къ страху все еще необходимо для преобразованія въ *боязнь* и *опасеніе,* какъ весьма полезныя состоянія. Благотворное расположеніе къ страху и печали художественно поддерживается *балладой,* которая, передавая страшные разсказы, пугающіе вымыслы, неожиданныя событія, полныя ужаса и печали, можетъ быть *физіологически* полезна организму, принося ему необходимые физіологическіе заряды, которые одновременно и *пугаютъ* и *настораживаютъ* человѣка. Такими впечатлѣніями богата баллада и въ этомъ ея художественное значеніе. Байронова баллада возникла въ ту пору, когда успѣхъ естествознанія и медицины въ концѣ

18-го вѣка освободилъ людей отъ многихъ суевѣрій, предразсудковъ и страховъ. Художественная баллада своимъ явно неправдоподобнымъ содержаніемъ успокоительно возбуждаетъ умъ и вниманіе и въ то же время чисто физически наводитъ страхъ, раскрывая глаза, захватывая дыханіе, поднимая дыбомъ волосы, нагоняя дрожь по всему тѣлу и доводя человѣка до неподвижности ужаса и непроизвольныхъ иннерваціи и т. д. Этотъ паническій страхъ, соединенный со всеисцѣляющимъ анализомъ возбужденнаго ума, дѣлаетъ балладу высоко культурнымъ поэтическимъ произведеніемъ, подобно *хохоту,* который, давая колоссальный разрядъ нервныхъ силъ, благотворно дѣйствуетъ на организмъ своимъ физіологическимъ и психологическимъ составомъ (Спенсеръ).

101. Утопленникъ.

(Страхъ вида мертвеца).

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! Наши сѣти
Притащили мертвеца».
—«Врите, врите, бѣсенята»,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
—«Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!
Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ; ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?» — «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ, —
Мужику какое дѣло!
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло

Въ воду за ноги тащитъ.
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.
Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ не болтайте,
А не то поколочу».
Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка,
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ, вдругъ онъ внемлетъ,
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
«Кто тамъ?» — «Эй, впусти, хозяинъ!»
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты бродишь ночью, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Въ домѣ тѣсно и темно».
И лѣнивою рукою
Поднимаетъ онъ окно.
Изъ за тучъ луна катится —
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,

И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Пушкинъ.

102. Воздушный Корабль.

(Печаль, страхъ неизвѣстности, одиночества и бездѣлья).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели
И бури ему нипочемъ.
Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ,
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.
И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа

И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.
И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Иные ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына —
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ...
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный,

Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

103. Лѣсной Царь.

(Страхъ неизвѣстности. Печаль. Тоска).

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ:
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

«Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?»
«Родимый, Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ.
Онъ въ темной коронѣ съ густой бородой».
«О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой».
«Дитя, оглянися, младенецъ ко мнѣ!
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои».
«Родимый, Лѣсной Царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ».
«О, нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты;
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы».
«Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать;
Играя, летая, тебя усыплять».
«Родимый, Лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей».
«О, нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ,
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ».
«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, Лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ; мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать».
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ — летитъ:
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ.
Ѣздокъ погоняетъ, Ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

104. Василій Шибановъ.

(Мучительная печаль, вызываемая разсказомъ о страданіи).

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ,
Съ нимъ Васька Шибановъ стремянный.
Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ.
Какъ быть среди ночи туманной?
Но, рабскую вѣрность Шибановъ храня,
Своево отдаетъ воеводѣ коня:
«Скачи, князь, до вражьяго стану,
Авось я пѣшой не отстану».

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ
Опальный сидитъ воевода;
Стоятъ въ отдаленьи литовцы кругомъ, —
Безъ шапокъ толпятся у входа;
Всякъ русскому витязю честь воздаетъ;
Не даромъ дивится литовскій народъ,
И ходятъ ихъ головы кругомъ:
«Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ».
Но князя не радуетъ новая честь,
Исполненъ онъ желчи и злобы;
Готовится Курбскій царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы;
«Что долго въ себѣ я таю и ношу
То все я пространно царю напишу:
Скажу напрямикъ, безъ изгиба,
За всѣ его ласки спасибо».

И пишетъ бояринъ всю ночь напролетъ,
Перо его местію дышетъ,
Прочтетъ — улыбнется, и снова прочтетъ,
И снова безъ отдыха пишетъ;
И злыми словами язвитъ онъ царя,
И вотъ ужъ, когда занялася заря,
Поспѣло ему на отраду
Посланіе, полное яду.

Но кто-жъ, дерзновенныя князя слова
Отвезть Іоанну возьмется?
Кому не люба на плечахъ голова,
Чье сердце въ груди не сожмется?
Невольно на князя сомнѣнья нашли...

Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли:
«Князь, служба моя не нужна-ли?
Вишь наши меня не догнали!»

И въ радости князь посылаетъ раба,
Торопитъ его въ нетерпѣньи:
«Ты тѣломъ здоровъ и душа не слаба,
А вотъ и рубли въ награжденье!»
Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро!
Тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро,
А я передамъ и за муки
Письмо твое въ царскія руки».

Звонъ мѣдный несется, гудетъ надъ Москвой,
Царь въ смирной одеждѣ трезвонитъ;
Зоветъ ли обратно онъ прежній покой,
Иль совѣсть навѣки хоронитъ?
Но часто и мѣрно онъ въ колоколъ бьетъ,
И звону внимаетъ московскій народъ,
И молится, полный боязни,
Чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема —
Звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый,
Звонитъ всей опрични кромѣшная тьма.
И Васька Грязной и Малюта,
И тутъ же, гордяся своею красой,
Съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой,
Любимецъ звонитъ Іоанновъ,
Отверженный Богомъ Басмановъ.

Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ,
И съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье —
Вдругъ ѣдетъ Гонецъ, раздвигая народъ,
Надъ шапкою держитъ посланье.

И спрянулъ съ коня онъ поспѣшно долой,
Къ царю Іоанну подходитъ пѣшой
И молвитъ ему, не блѣднѣя:
«Отъ Курбскаго, князя Андрея!»
И очи царя загорѣлися вдругъ:

«Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихова?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслухъ
Посланье отъ слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкій гонецъ!»

И въ ногу Шибанова острый конецъ
Жезла своего онъ вонзаетъ,
Налегъ на костыль и внимаетъ:

«Царю, прославляему древле отъ всѣхъ,
Но тонущу въ сквернахъ обильныхъ!
Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ
Побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?
Отвѣтствуй, не ими ль средь тяжкой войны,
Безъ счету твердыни враговъ сражены?
И кто имъ бысть вѣрностью равенъ?
Безумный! Иль мнишись безсмертнѣе насъ,
Въ небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Пріидетъ возмездія часъ,
Писаніемъ намъ предреченный.
И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ
За тя аки воду, ліяхъ и ліяхъ,
Съ тобой предъ Судьею предстану!»

Такъ Курбскій писалъ къ Іоанну.
Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги
Кровь алымъ струилася токомъ,
И царь на спокойное око слуги
Взиралъ испытующимъ скомъ.
Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ;
Былъ мраченъ владыки загадочный взглядъ,
Какъ будто исполненъ печали;
И всѣ въ ожиданьи молчали.
И молвилъ такъ царь: «Да, боярипъ твой правъ.
И нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной.
Кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ,
Я песъ недостойный и смрадный.

Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ,
И много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ,
Что выдалъ тебя за безцѣнокъ.
Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ».
Пытаютъ и мучатъ Гонца палачи,
Другъ другу приходятъ на смѣну:
«Товарищей Курбскаго ты уличи,
Открой ихъ собачью измѣну!»

И царь вопрошаетъ: «Ну, что-же, гонецъ?
Назвалъ ли онъ князя друзей, наконецъ?»
«Царь, слово его все едино:

Онъ славитъ своово господина». —
День меркнетъ; приходитъ ночная пора,
Скрипятъ у застѣнка ворота,
Заплечные входятъ опять мастера,
Опять зачалася работа.

«Ну, что же, назвалъ ли злодѣевъ гонецъ?»
«Царь, близокъ ему ужъ приходитъ конецъ,
Но слово его все едино:
Онъ славитъ своово господина».
«О князь! ты, который предать меня могъ
За сладостный мигъ укоризны,
О, князь! я молюсь, да проститъ тебѣ Богъ
Измѣну твою предъ отчизной.
Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ.
Но въ сердцѣ любовь и прощенье
Помилуй..... мои прегрѣшенья...

Услышь меня, Боже, въ предсмертный мой часъ,
Прости моего господина.
Языкъ мой нѣмѣетъ и взоръ мой угасъ.
Но слово мое все едино:
За Грознаго, Боже, Царя я молюсь,
За нашу святую великую Русь,
И твердо жду смерти желанной».
Такъ умеръ Шибановъ стремянный.

Гр. А. Толстой.

105. і) Поэма.

Пѣсня про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.

Пѣсня избрана въ Христоматію для образца поэмы только благодаря ея небольшому объему. Но, не смотря на свою краткость, она обладаетъ достоинствами Поэмы, что и удостовѣрено В. Бѣлинскимъ въ свое время. Въ соотвѣтствіи съ требованіями полной психологической ревизіи русской жизни, въ своей поэмѣ Лермонтовъ даетъ поистинѣ исчерпывающее изслѣдованіе избраннаго предмета. Онъ описываетъ основныя черты взятыхъ имъ для ревизіи природныхъ *русскихъ* съ данными, касающимися происхожденія и антропологической природы и прецедентовъ у своихъ героевъ, даетъ указанія на обычаи среды и общества и на самый

бытъ. Особенно тонка и глубока психологическая характеристика.

Всѣ событія, явленія, переживанія поименованы у поэта подлиннымъ краткимъ, мѣткимъ языкомъ съ Крыловской точностью выраженій. Все отъ перваго до послѣдняго душевного признака у героевъ Поэмы носитъ печать глубокихъ переживаній и знаки силы и размаха мощной жизни, окрашенной въ яркіе цвѣта человѣческаго избранничества, отмѣченнаго выдающимся прогрессомъ жизни. Здѣсь и колоссальная, скрытая физическая сила и увѣренное въ себѣ искусство управлять этимъ всесокрушающимъ природнымъ орудіемъ, требующимъ не болѣе двухъ — трехъ минутъ предварительныхъ пробъ — (могутныя плечи распрямливаетъ — говоритъ поэтъ о героѣ). Таковъ уже низшій психизмъ! Въ свою очередь всѣ высшіе душевные акты запечатлѣны исключительной простотой и величіемъ, имѣющимъ притомъ всѣ качества вновь нарожденнаго, впервые показываемаго психическаго образца. Поэтомъ начертано съ особенною яркостью вліяніе высшаго психизма на низшій въ минуты идейнаго возбужденія, когда человѣкъ рѣшается «постоять за правду до послѣднева». Въ эти особенныя минуты вполнѣ наглядна цѣльность сложной организаціи жизни, начиная съ глубокихъ актовъ воли и кончая мельчайшими подробностями подчиненныхъ волѣ механизмовъ жизни. Въ этомъ сложномъ цѣломъ безраздѣльно все подчинено волѣ; но *истина и правда* поставлены на вершинѣ души, и тамъ скрытъ таинственный ключъ этой непоказной и скромной, но сильной жизни. Своимъ культомъ истины и правды Калашниковъ, этотъ носитель крупной индивидуальности, можетъ быть даже повредилъ своей защитѣ предъ царемъ своимъ отвѣтомъ на прямой вопросъ царя: «*вольной волею иль нехотя*» онъ убилъ на смерть Кирибѣевича. Но даже и въ этотъ житейски-соблазнительный моментъ, Калашниковъ не отступилъ отъ *истины и правды*, сказавши: «я убилъ его вольной волею, а за что про что — не скажу никому, скажу только Богу единому». Хотя это признаніе было противъ интересовъ защиты — во вредъ имъ, но за то этимъ обезпечена была не только истина и правда, но цѣльность души, т. е. совмѣстное напряженіе высшаго и низшаго психизмовъ, а это болѣе всего обезпечивало *побѣду* надъ ненавистнымъ Кирибѣевичемъ, хотя и не гарантировало Калашникову сохраненіе жизни.

Языкъ Поэмы и изображеніе *экспрессій*, составляющихъ психологическій узелъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ живописуемымъ фактамъ. По глубинѣ психологической работы Лермонтовъ не уступаетъ здѣсь Шекспиру и никѣмъ кромѣ Пушкина онъ не былъ превзойденъ въ своей «Пѣснѣ». Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи поэма Лермонтова еще будетъ предметомъ разбора по вопросу объ *экспрессіяхъ*. Показанныя Лермонтовымъ экспрессіи составляютъ ту важнѣйшую художественную новость, въ которой поэтъ достигаетъ наибольшей высоты, живописуя изображаемую жизнь и тѣмъ обосновывая свои сужденія на безспорныхъ, объективныхъ психологическихъ документахъ. Сказаннаго совершенно достаточно для

обстоятельнаго сужденія о достинствахъ «Пѣсни», какъ поэмы. Герои «Пѣсни» живутъ и дѣйствуютъ на основаніи идейныхъ чувствъ и возвышеннѣйшихъ принциповъ жизни. Хотя купецъ Калашниковъ встрѣтилъ запоздавшую жену грознымъ окрикомъ неудовольствія и угрозъ, но онъ же первый, — безъ дальнѣйшихъ разспросовъ уразумѣлъ сущность своего и ея несчастья и немедленно всталъ на ея защиту и пошелъ на смерть за ея честь. Елена Дмитріевна хотя и повалилась въ ноги мужу, но это не было обезличеніе и рабская покорность забитаго существа, а колѣнопреклоненная мольба предъ мужемъ, которому она боялась причинить даже тѣнь огорченія. Ея духовная свобода и вѣра въ *его и свое* нравственное достоинство даетъ ей право смѣло просить его защиты и надѣяться на эту защиту. Не напрасна была ея вѣра въ него: онъ сразу показалъ, что онъ *человѣкъ долга,* пославъ немедленно за двумя меньшими братьями, и объявилъ имъ свое безповоротное рѣшеніе о задуманной смертельной мести врагу своего счастья и своей семейной чести. Съ этой минуты онъ живетъ только идеей *праведнаго гнѣва.* Все это идейно и возвышенно у него и у *нея*: оба новые люди.

106. П ѣ с н я
про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебрянномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.

Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго, —
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ, —
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ, звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется.
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:

«Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя, — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову...
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ клонится».

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая,
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.
Какъ я сяду-поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную, —
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно, будто лебедушка,
Смотритъ сладко, какъ голубушка,
Молвитъ слово — соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;

Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...»

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстень ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленой покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся».

«Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица

Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...»

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо —
Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя —
Чай забѣгались, заигралися,

Спозаранку спать уложилися?»
— «Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать —
А по сю пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачемъ плачутъ, все не унимаются».

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу —
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ — въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ — сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ жена, жена, шаталася?
На какомъ дворѣ , на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Чай, съ сынками все боярскими?..
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила»...

И услышавъ то, Алена Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,

Горько — горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.

— «Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи — будто острый ножъ:
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинешенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ,
Оглянулася — человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной . . . —
Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
И цалуя все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе! —
И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные . . .
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали . . .
Какъ изъ рукъ его я рванулася

И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ — твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную . . .
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
Ты не дай меня свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ вѣсти,
А меньшой мой братъ — дитя малое,
Дитя малое, неразумное . . .»

Говорила такъ Алена Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»
«Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!

Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!»

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты намъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!»

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица, глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается..
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебрянную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.

И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего, батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершись въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ борецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:

«Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего, батюшку».

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны, —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ. .

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться».

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честного отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди:
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ--подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется,
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,

Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
— «Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью . . .»
— «Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью. . .»

Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,

Съ большимъ топоромъ навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалого бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:

«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою,
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ — пріосанится,
Пройдетъ дѣвица — пригорюнится,
А пройдутъ гусляры — споютъ пѣсенку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте;
Каждому правдою и честью воздайте.
Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

Лермонтовъ.

107. к) Повѣсть. Разсказъ. Сцена.

Повѣсть Гоголя «Мертвыя Души», названная Поэмой у самого автора, основана, подобно Лермонтовской Пѣснѣ, на объективныхъ документахъ психологическаго изученія, но документы эти носятъ не экспрессивный характеръ, какъ у Лермонтова, а *иной*, который можно было бы назвать слѣдственнымъ или слѣдовательскимъ. Онъ состоитъ въ психологическомъ сопоставленіи событій и въ нравственно-художественной оцѣнкѣ ихъ. Талантъ Гоголя заключается въ глубинѣ его психологической проницательности, которая достигла степени почти безошибочнаго ясновидѣнія. Тѣхъ людей, которыхъ другіе находили *милыми*, порядочными, корректными, Гоголь смѣло называлъ *ворами*, подобно тому слѣдователю, который тщательно изучивъ тысячи косвенныхъ уликъ, прямо говоритъ задержанному лицу: я обвиняю васъ въ убійствѣ; или подобно Андерсеновскому ребенку называетъ съ дѣтской рѣшительностью *голымъ* того показываемаго субъекта, о которомъ всѣ лишены мужества сказать это. Гоголь зналъ человѣческое сердце, зналъ человѣка насквозь, не на основаніи того что этотъ человѣкъ говоритъ или показываетъ, а въ силу дѣйствительнаго проникновеннаго знанія, которое требовало лишь ничтожныхъ добавленій наблюдательности, вѣрно ведомой художественной фантазіей, которая была жива и всегда шла на встрѣчу фактамъ, — что художественно передано въ началѣ шестой главы «Мертвыхъ Душъ» *). Геніальный писатель былъ безгранично догадливъ въ чутьѣ истины. Самое выраженіе догадливъ не вполнѣ передаетъ истину: не то, что онъ догадывается объ истинѣ, — онъ ее зналъ.

...Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку;Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, что называютъ второстепенныя, или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ, но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, не смотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, не много времени и мѣста, потому, что не много нужно прибавить къ тому, что уже читатель знаетъ, то-есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчалива-

---

*) Стр. 29, «Юность».

го, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ: если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше само чтеніе, или лучше сказать, процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно ему было только пристроить гдѣ нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только помарщивался, да встряхивалъ головою, приговаривая: «Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь что-ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню». На что Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ: или подходилъ со щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто прибиралъ что нибудь. Что думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ быть, онъ говорилъ про себя: «И ты, однакожъ, хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и тоже...». Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что думаетъ — дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе.

...Подъѣзжая ко двору Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоповомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

«Павелъ Ивановичъ!» вскричалъ онъ, наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. «Насилу вы таки насъ вспомнили!»

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіе котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какъ нибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры боль-

шаго размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно — черные палящія глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый, какъ огонь, плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей, — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: люди такъ себѣ, ни то, ни се, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ, по словамъ пословицы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его не были лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезчуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ не можешь не сказать: «Какой пріятный и добрый человѣкъ». Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: «Чортъ знаетъ, что такое!» и отойдешь подальше; если-жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякого есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая ему назначена; пятый съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтиться на гуляньи съ флигель-адьютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное — заломить уголъ какому нибудь бубновому тузу, или двойкѣ, тогда какъ рука седьмого такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ; словомъ — у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частью размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ то само собою. Когда приказчикъ говорилъ: «хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать», «да, не дурно», отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣй-

шимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. «Да, именно не дурно», повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: «Баринъ позволь отлучиться на работу, подать заработать»,—«ступай», говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или черезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы, и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами.

...Лицо Ноздрева, вѣрно, ужъ сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дружеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ ужъ въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался онъ домой иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего страннѣе, что можетъ только на одной Руси случиться, онъ черезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что нибудь да будетъ такое, чего съ другими никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ что, наконецъ, самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе, наконецъ, всѣ отходятъ, произнесши: «Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули лить». Есть люди имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностью, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ смотришь, тутъ же передъ вашими глазами и нагадитъ вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстраивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по дружески и даже говорилъ: «Вѣдь ты такой подлецъ, — никогда ко мнѣ не заѣдешь». Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то-есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду — насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ — съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся

въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого нибудь пріятеля, чтобы воспользоваться его экипажемъ. Вотъ каковъ былъ Ноздревъ!

...Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла мысли Чичикова и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика: два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла — одно темнѣе, другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темносѣрыми или, лучше, дикими стѣнами, — домъ въ родѣ тѣхъ, какіе у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ — удобства, и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянной рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тожъ срублены были на диво: не было кирпичныхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ сдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы, да на корабли. Словомъ, все на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ то крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское, въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское — круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, красу и потѣху ухватистаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихострунаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ, съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: «Прошу!» и повелъ его во внутреннія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь и

вкось и наступалъ безпрестанно на чужія ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ сказавши: «живетъ!». Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича; держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе, и въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: «Медвѣдь! совершенный медвѣдь!»

...Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, — видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину — ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно, для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура — баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ, на головѣ колпакъ, — какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Ой, баба!» подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: «Ой, нѣтъ». —«Конечно, баба!» — наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому-что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у нея за поясомъ ключамъ и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

— «Послушай, матушка», сказалъ онъ, выходя изъ брички: «что баринъ?..»

—«Нѣтъ дома», прервала ключница, не дожидаясь окончанія воп-

роса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: «А что вамъ нужно?»

—«Есть дѣло».

— «Идите въ комнаты!», — сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ, наконецъ, очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и рядомъ съ нимъ часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ, позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣсного орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ можетъ быть ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ, длинный пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубѣе и что недостойно лежать на столахъ. Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякого касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребываніе старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсмат-

ривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ, послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

«Что-жъ баринъ? У себя, что-ли?»

«Здѣсь хозяинъ», сказалъ ключникъ.

«Гдѣ-же?» повторилъ Чичиковъ.

«Что, батюшка, слѣпы, что ли?» сказалъ ключникъ. «Эхва! А вѣдь хозяинъ-то я!»

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-под высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя было докопаться изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади вмѣсто двухъ болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго, гдѣ нибудь у церковныхъ дверей, то вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча съ лишнимъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого столько хлѣба — зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ — вы-

дѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной.

Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое,точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной бересты и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, — все тащилъ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вотъ уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу; случилось проѣзжему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ, и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ!

...Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своей дѣйствительностью, приближется къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія; который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не спускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои, далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди нихъ, какъ въ родной семьѣ, а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жиз-

ни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкой силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи.

Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ, къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченіемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнце и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха. Не признаетъ сего современный судъ и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы. И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками...

...Какое странное и манящее и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осеннія листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся: и «Не бѣлы снѣги!», и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши въ углу своего сосѣда. Проснулся — пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви со старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома, сіянье мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ одинешенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брезжитъ огонекъ: мѣщанинъ-ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь-ли возится въ печуркѣ, — что до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся... Но дышитъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься, и храпишь и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ уголъ сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро: на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель... Какой славный холодъ, какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ!.. Толчокъ и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. «Полегче! легче!» слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже, какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!

...Зеленыя, желтыя и свѣже разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! Вижу тебя, изъ моего чуднаго прекрасного далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ, не развесе-

лять, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ; не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

...Селифанъ пріободрился и отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши сверху кнутомъ на всѣхъ, промолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли, какъ пухъ, легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: «эхъ! эхъ! эхъ!» плавно подскакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «чортъ побери все!» его ли душѣ не любить ея? Ея ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное? Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣ-

ихъ сторонъ лѣсъ съ темными стрѣлами елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканіи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ, тройка, птица-тройка! кто тебя выдумалъ? Знать у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чертъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая, необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо говоритъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда же несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

Н. В. Гоголь.

108. На ворѣ шапка горитъ.

Московскій митрополитъ Платонъ Левшинъ строилъ себѣ скитъ въ трехъ верстахъ отъ Троицко-Сергіевой лавры. У Платона работало нѣсколько плотничьихъ артелей. Разъ въ одной изъ нихъ случилось неслыханное преступленіе: у одного плотника украли топоръ. Не только онъ остался безъ рукъ, но и въ артели одной силой на цѣлый топоръ стало меньше.

Рабочіе пробовали жаловаться и обиняками и напрямки; гадали

такъ и этакъ, — ничего не выходитъ.

Вдругъ одного изъ нихъ осѣнило:

— Пойдемъ, ребята, ко владыкѣ: онъ до всякой нашей работы доходчивъ и къ намъ ласковъ, надо полагать, всему обученъ. Попросимъ указать.

Отправили къ владыкѣ двоихъ.

— Такъ и такъ владыко святый: сблудилъ кто-то одинъ, а всѣмъ погибать. Приходится артель разбивать и расходиться всѣмъ въ свою сторону по своимъ домамъ. Яви намъ милость, — укажи вора: мы его озорника сейчасъ изъ артели выкинемъ.

— Да вѣдь я не колдунъ, гадать не умѣю.

—Отгадай на чемъ знаешь, какъ самъ можешь: мы тебя неволить не смѣемъ.

— Я вѣдь могу одной только святой молитвой.

— Для насъ все едино: кладемъ на твое произволеніе. Помогай ради Бога.

— Приходите ужо въ келью. Да чтобы всѣ были на лицо. Вся артель полностью.

Такъ и сдѣлали: всѣ пришли до послѣдняго.

— Всѣ ли собрались? — спросилъ Платонъ.

— Всѣ, — отвѣтили ему.

— Помолимся Господу, попросимъ его святой милости. Становитесь, друзья, и слушайте меня, и повторяйте про себя слова молитвы.

— Вотъ такъ-то, — сказалъ владыка, когда всѣ установились плотно, плечо-о-плечо, и повыступилъ только на шагъ впередъ староста.

— Начинаю! — и повернулся въ передній уголъ къ иконамъ.

Началъ митрополитъ Платонъ читать молитву тѣмъ основательно звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, который глубоко западалъ въ душу и нравился всѣмъ.

Прочитавши молитву, онъ поспѣшилъ удостовѣриться: спросилъ, не оборачиваясь лицомъ назадъ:

— Молитесь ли братіе?

— Всѣ до единаго молимся Богу чудесно, — отвѣчали ему сдержанными, робкими и дрожащими голосами костромскіе простаки.

— Всѣ вы молитесь, — а воръ-то молится ли?

— Молюсь, — проговорилъ онъ чуть слышно и смиренно.

С. Максимовъ.

109. Живыя мощи.

На слѣдующій день я проснулся ранехонько. Солнце только что встало; на небѣ не было ни одного облачка; все кругомъ блестѣло сильнымъ двойнымъ блескомъ молодыхъ утреннихъ лучей и вчерашняго лив-

ня. Пока мнѣ закладывали таратайку, я пошелъ побродить по небольшому нѣкогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всѣхъ сторонъ обступившему флигелекъ своей пахучей, сочной глушью. Ахъ, какъ было хорошо на вольномъ воздухѣ, подъ яснымъ небомъ, гдѣ трепетали жаворонки, откуда сыпался серебристый бисеръ ихъ звонкихъ голосовъ! На крыльяхъ своихъ они, навѣрно, унесли капли росы и пѣсни ихъ казались орошенныя росою. Я даже шапку снялъ съ головы и дышалъ радостно, — всею грудью... На склонѣ неглубокаго оврага, возлѣ самаго плетня, виднѣлась пасѣка; узенькая тропинка вела къ ней, извиваясь змѣйкой между сплошными стѣнами бурьяна и крапивы, надъ которыми высились, Богъ вѣдаетъ откуда занесенные, остроконечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинкѣ, дошелъ до пасѣки. Рядомъ съ нею стоялъ плетеный сарайчикъ, такъ называемый омшаникъ, куда ставятъ ульи на зиму. Я заглянулъ въ полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнетъ мятой, мелиссой. Въ углу приспособлены подмостки, и на нихъ, прикрытая одѣяломъ, какая-то маленькая фигура... И пошелъ было прочь...

— Баринъ, а баринъ! Петръ Петровичъ! — послышался мнѣ голосъ, слабый, медленный и сиплый какъ шелестъ болотной осоки.

Я остановился.

— Петръ Петровичъ. Подойдите пожалуйста — повторилъ голосъ.

Онъ доносился до меня съ тѣхъ замѣченныхъ мною подмостковъ. Я приблизился и остолбенѣлъ отъ удивленія. Передо мною лежало живое человѣческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая, — ни дать ни взять икона старинаго письма; носъ узкій какъ лезвіе ножа; губъ почти не видать, — только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами, какъ палочками, двѣ крошечныхъ руки, тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металическимъ его щекамъ, я вижу — силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, баринъ? — прошепталъ опять голосъ; онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да гдѣ узнать! Я — Лукерья... Помните, что хороводы у матушки вашей на Спасскомъ водила... помните, я еще запѣвалой была?

—Лукерья! — воскликнулъ я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, баринъ. Я — Лукерья.

Я не зналъ, что сказать и, какъ ошеломленный, глядѣлъ на это темное неподвижное лицо съ устремленными на меня свѣтлыми и мертвыми

глазами. Возможно ли? Эта мумія — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворнѣ, — высокая, полная, бѣлая, румяная, — хохотунья, плясунья, пѣвунья. Лукерья, умница Лукерья.

— Помилуй, Лукерья — проговорилъ я наконецъ, — что это съ тобой случилось?

— А бѣда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, баринъ, не погнушайтесь несчастьемъ моимъ, — сядьте на кадушечку, поближе, а то вамъ меня не слышно будетъ... вишь, я какая голосистая стала... Ну, ужъ и рада же я, что увидила васъ! Какъ это вы въ Алексѣевку попали?

Лукерья говорила тихо и слабо, но безъ останевки.

— Меня Ермолай — охотникъ сюда завезъ. Но разскажи же ты мнѣ...

— Про бѣду то мою разсказать? Извольте, баринъ. Случилось это со мной ужъ давно, лѣтъ шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василія Полякова — помните, такой изъ себя статный былъ, кудрявый — еще буфетчикомъ у матушки у вашей служилъ? Да васъ уже тогда въ деревнѣ не было: въ Москву уѣхали учиться. Очень мы съ Василіемъ слюбились; изъ головы онъ у меня не выходилъ; а дѣло было весною. Вотъ разъ ночью... ужъ и до зари недалеко... а мнѣ не спится; соловей въ саду таково удивительно поетъ сладко... Не вытерпѣла я, встала и вышла на крыльцо его слушать. Заливается онъ, заливается.... и вдругъ мнѣ почудилось: зоветъ меня кто-то Васинымъ голосомъ, тихо такъ: — Луша!.. Я глядь въ сторону, да, знать, съ просонья оступилась, такъ прямо съ рундука и полетѣла внизъ да о землю хлопъ! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и къ себѣ въ комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — въ утробѣ — порвалось... Дайте духъ перевести... съ минуточку... баринъ...

Лукерья умолкла, а я съ изумленіемъ глядѣлъ на нее. Изумляло меня собственно то, что она разсказъ свой вела почти весело, безъ оховъ и вздоховъ, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участіе.

— Съ самаго того случая, — продолжала Лукерья — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мнѣ стало ходить, а тамъ уже полно и ногами владѣть; ни стоять, ни сидѣть не могу: все бы лежала. И ни пить, ни ѣсть не хочется; все хуже и хуже: Матушка ваша по добротѣ своей и лѣкарямъ меня показывала и въ больницу посылала. Однако облегченья мнѣ никакого не вышло. И ни одинъ лекарь даже сказать не могъ, что за болѣзнь у меня такая. Чего они со мной только не дѣлали, желѣзомъ раскаленнымъ спину жгли, въ колотый ледъ сажали и все ничего. Совсѣмъ я окостенѣла подъ конецъ... Вотъ и порѣшили господа, что лечить меня больше нечего, а въ барскомъ домѣ держать калѣкъ неспособно... ну и прислали меня сюда — потому тутъ у меня родственники есть. Вотъ я и живу, какъ видите.

Лукерья опять умолкла и опять силилась улыбнуться.

— И такъ ты все лежишь да лежишь? — спросилъ я опять.

— Вотъ такъ и лежу, баринъ, седьмой годокъ. Лѣтомъ — то я здѣсь лежу въ этой плетушкѣ, а какъ холодно станетъ — меня въ предбанникъ перенесутъ. Тамъ лежу.

— Кто же за тобою ходитъ? Присматриваетъ кто?

— А добрые люди здѣсь есть тоже. Меня не оставляютъ. Да и ходьбы за мной немного. Ѣсть — то почитай что не ѣмъ ничего, а вода — вонъ она въ кружкѣ — то: всегда стоитъ припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки — то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще дѣйствовать можетъ. Ну, дѣвочка тутъ есть, сиротка; нѣтъ — нѣтъ — да и навѣдается, спасибо ей. Сейчасъ тутъ была... Вы ея не встрѣтили? Хорошенькая такая, бѣленькая. Она цвѣты мнѣ носитъ; большая я до нихъ охотница, до цвѣтовъ — то. Садовыхъ у насъ нѣтъ, — были да перевелись. Но вѣдь и полевые цвѣты хороши: пахнутъ еще лучше садовыхъ. Вотъ хоть бы ландышъ... на что пріятнѣе!

— И не скучно, не жутко тебѣ, моя бѣдная Лукерья?

— А что будешь дѣлать? Лгать не хочу — сперва очень тошно было; а потомъ привыкла, обтерпѣлась — ничего; инымъ еще хуже бываетъ.

— Это какимъ образомъ?

— А у иного и пристанища нѣтъ. А иной слѣпой или глухой. А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землею роется я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый. Гречиха въ полѣ зацвѣтаетъ или липа въ саду — мнѣ и сказывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить — многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человѣкъ очень легко согрѣшить можетъ; а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ. Намеднись отецъ Алексѣй, священникъ, сталъ меня причащать, да и говоритъ: «Тебя молъ, исповѣдывать нечего, развѣ ты въ твоемъ состояніи согрѣшить можешь?» — Но я ему отвѣтила: «А мысленный грѣхъ, батюшка?» «Ну, говоритъ — а самъ смѣется, — это грѣхъ не великій».— Да я должно быть и этимъ самымъ мысленнымъ грѣхомъ не больно грѣшна, — продолжала Лукерья — потому я такъ себя пріучила: не думать, а пуще того не вспоминать. Время скорѣй проходитъ.

Я, признаюсь, удивился.

Ты все одна да одна, Лукерья: какъ же можешь помѣшать, чтобы мысли тебѣ въ голову не шли. Или ты все спишь?

— Ой, нѣтъ, баринъ. Спать — то я не всегда могу. Хоть большихъ болей у меня и нѣтъ, а ноетъ у меня въ самомъ нутрѣ, и въ костяхъ тоже; не даетъ спать, какъ слѣдуетъ. Нѣтъ, а такъ лежу я себѣ, — лежу — полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тутъ. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасѣкѣ жужжатъ да гудятъ; голубь на крышу сядетъ

и заворкуетъ; курочка — насѣдочка зайдетъ съ цыплятами крошекъ поклевать, а то воробей залетитъ или бабочка — мнѣ очень пріятно. Въ позапрошломъ году такъ даже ласточки вонъ тамъ въ углу гнѣздо себѣ свили и дѣтей вывели. Ужъ какъ же оно было занятно! Одна влетитъ, къ гнѣздышку припадетъ, дѣтокъ накормитъ — и вонъ. Глядишь — ужъ на смѣну ей другая. Иногда не влетитъ, только мимо раскрытой двери пронесется, а дѣтки тотчасъ ну пищать да клювы разѣвать... Я ихъ и на слѣдующій годъ поджидала, да ихъ, говорятъ, одинъ здѣшній охотникъ изъ ружья застрѣлилъ.И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какіе вы, господа охотники, злые!

— Я ласточекъ не стрѣляю — поспѣшилъ я замѣтить.

— А то разъ, — начала опять Лукерья — вотъ смѣху — то было! Заяцъ забѣжалъ, право! Собаки что-ли за нимъ гнались — только онъ прямо въ дверь какъ прикатитъ!.. Сѣлъ близехонько и долго — таки сидѣлъ, — все носомъ водилъ и усами дергалъ — настоящій офицеръ! И на меня смотрѣлъ, Понялъ, значитъ, что я ему не страшна. Наконецъ, всталъ, прыгъ — прыгъ и къ двери, на порогѣ оглянулся — да и былъ таковъ! Смѣшной такой.

Лукерья взглянула на меня..., — аль, молъ, не забавно? Я въ угоду ей посмѣялся. Она покусала пересохшія губы.

— Ну, зимою конечно, мнѣ хуже; потому — темно; свѣчку зажечь жалко, да и къ чему? Я хоть грамотѣ знаю и читать завсегда охота была, но что читать? Книгъ здѣсь нѣтъ никакихъ, да хоть бы и были, какъ я буду держать ее, книгу-то? Отецъ Алексѣй мнѣ для разсѣянности принесъ календарь; да видитъ, что пользы нѣтъ, взялъ да унесъ опять. Однако хоть и темно, а все слушать есть что: сверчокъ затрещитъ, али мышь гдѣ скрестись станетъ. Вотъ тутъ то хорошо не думать!

— А то я молитвы читаю — продолжала, отдохнувъ немного, Лукерья. — Только не много я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чемъ я его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, что мнѣ надобно. Послалъ Онъ мнѣ крестъ — значитъ, меня Онъ любитъ. Такъ намъ велѣно это понимать. Прочту Отче Нашъ, Богородицу, акафистъ Всѣмъ Скорбящимъ, — да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего...

— Вотъ вы баринъ, спрашивали меня, заговорила опять Лукерья — сплю ли я? Сплю я точно рѣдко, но всякій разъ сны вижу, хорошіе сны. Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во снѣ здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я — протянуться хочу хорошенько — анъ я вся какъ скованная... Только вотъ бѣда моя: случается, цѣлая недѣля пройдетъ, а я не засну ни разу. Въ прошломъ году барыня одна проѣзжала, увидѣла меня да и дала мнѣ скляночку съ лекарствомъ противъ безсонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мнѣ помогало,

я и спала; только теперь давно та скляночка выпита. Не знаете-ли, что это было за лекарство, и какъ его получить?

Проѣзжавшая барыня очевидно дала Лукерьѣ опіума. Я обѣщался доставить ей такую скляночку и опять—таки не могъ не подивиться вслухъ ея терпѣнію.

— Эхъ, баринъ! — возразила она. — Что вы это! Какое такое терпѣніе?. Вотъ Симеона Столпника терпѣніе точно было великое: тридцать лѣтъ на столбу простоялъ. А другой угодникъ себя въ землю зарыть велѣлъ по самую грудь, и муравьи ему лицо ѣли... А то вотъ еще мнѣ сказывалъ одинъ начетчикъ: была нѣкая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всѣхъ жителей они мучили и убивали; и что ни дѣлали жители, освободить себя никакъ не могли. И проявись тутъ между жителями святая дѣвственница; взяла она мечь великій, латы на себя возложила двухпудовыя, пошла на агарянъ и всѣхъ ихъ прогнала за море. А только, прогнавши ихъ, говоритъ имъ: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обѣщаніе, чтобы мнѣ огненною смертью за свой народъ помереть. И агаряне ее взяли и сожгли, а народъ съ той поры навсегда освободился. Вотъ это подвигъ! А я что!

— Я сталъ прощаться съ нею, повторилъ ей мое обѣщаніе прислать ей лекарство, попросилъ ее еще разъ хорошенько подумать и сказать мнѣ, не нужно ли ей чего.

— Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу — съ величайшимъ усиліемъ, но умиленно произнесла она. — Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы баринъ матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные, хоть бы малость оброку съ нихъ сбавила. Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна.

Я далъ Лукерьѣ слово исполнить ея просьбу и подходилъ уже къ дверямъ... она подозвала меня опять.

— Помните, баринъ, сказала она, и чудное что-то мелькнуло въ ея глазахъ, и на губахъ, — какая у меня была коса? Помните — до самыхъ колѣнъ? Я долго не рѣшалась... Эдакіе волосы. Но гдѣ же ихъ было расчесывать? Въ моемъ — положеніи!.. Такъ ужъ я ихъ обрѣзала... Да... Ну простите, баринъ! Больше не могу...

Въ тотъ же день, прежде чѣмъ отправиться на охоту, былъ у меня разговоръ о Лукерьѣ съ хуторскимъ десятскимъ. Я узналъ отъ него, что ее въ деревнѣ прозывали «Живыя Мощи», что, впрочемъ, отъ нея никакого не видать безпокойства: ни ропота отъ нея не слыхать, ни жалобъ. «Сама ничего не требуетъ, а напротивъ за все благодарна; тихоня, какъ есть тихоня, такъ сказать надо, Богомъ убитая», — такъ заключилъ десятскій. — «Стало быть, за грѣхи; но мы въ это не входимъ. А чтобы, напримѣръ, осуждать ее — нѣтъ, мы не осуждаемъ. Пущай ее».

Нѣсколько недѣль спустя я узналъ, что Лукерья скончалась. Смерть

пришла таки за ней... и... «послѣ Петровокъ», какъ объ этомъ ей было возвѣщено во снѣ. Разсказывали, что въ самый день кончины она все слышала колокольный звонъ, хоть отъ Алексѣевки до церкви считаютъ пять верстъ слишкомъ, и день былъ будничный. Впрочемъ Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а «сверху». Вѣроятно, она не посмѣла сказать: съ неба.

И. Тургеневъ.

110. Энциклопедія или Сборникъ Народной Мудрости.

л) Народное мудрословіе.
(*Народная жизнь, выраженная словомъ*).

Отъ незапамятныхъ временъ хранятся въ народной памяти: поговорки, пословицы, загадки, замѣтки и т. п. Это не просто старый узелъ, гдѣ все свалено. Народная память не только хранитъ эту старину, но и пользуется ею для краткаго и подчасъ мѣткаго совѣта, указанія, припоминанія. Въ послѣднее время Психологи въ своихъ лабораторныхъ опытахъ стали прибѣгать къ этому матеріалу для вывода при его посредствѣ *безсловной* мысли. Это придаетъ матеріалу цѣнность.

Народная мудрость содержится въ поговоркахъ, пословицахъ и аѳоризмахъ и нѣкоторыхъ другихъ формахъ рѣчи: присловьяхъ, особенностяхъ, особяхъ (Даль), своеобразностяхъ.

Поговорка есть складная, краткая рѣчь, ходячая въ народѣ, но еще не составляющая полной пословицы: Это поученіе или изреченіе въ принятыхъ ходячихъ *мѣткихъ* выраженіяхъ. Изъ поговорокъ составляется полная пословица, созидаясь и слагаясь временемъ и народной мудростью. Поговорка является нравственной потребностью народнаго духа. Она только цвѣтокъ, а пословица ягодка. Такъ опредѣляется ихъ взаимное отношеніе тою же пословицею. Поговорка есть соль слова: для поговорки мужикъ въ Москву пошелъ, изъ поговорки слова не выкинешь. Еще важнѣе по своему значенію пословица. Она есть краткое поученіе въ видѣ притчи, иносказанія, житейскаго приговора, она — ходячій умъ народа. Неизвѣстный авторъ стариннаго мудрословія говоритъ (Харьковъ 1817 г.), что пословица это быль не быль, сказка не сказка, а сущая правда. Эта сущая правда содержится въ поученіи, свободной критикѣ, въ дидактическомъ строѣ пословицы.

Загадка есть что нибудь загадочное, сомнительное, неизвѣстное, возбуждающеее любопытство, иносказанье, содержащее намекъ на предметъ, окольная рѣчь, обинякъ, предлагаемые для отгадки.

Изъ приведенныхъ опредѣленій ясно, что въ пословицахъ, поговоркахъ и загадкахъ заключаются своего рода миніатюрныя, поэтическія произведенія, не писанныя, а изустныя, въ качествѣ живой традиціи, мѣткой,

разумной и нравственно-поучительной. Слѣдовательно пословицы и загадки имѣютъ свойства произведеній, богатыхъ чувствами эстетическими, нравственными, интеллектуальными (чутьемъ красоты, истины и правды). Надо пословицей къ случаю, умѣючи пользоваться. Не должно упускать случая пословицей вопросъ задать. Отъ пословицы рѣчь становится болѣе мѣткой, показной, убѣдительной. Пословица сама о себѣ говоритъ: пословица во вѣкъ не сломится, пословица не даромъ молвится; добрая пословица не въ бровь, а прямо въ глазъ; отъ пословицы не уйдешь. Окрѣпшая пословица становится прочнымъ достояніемъ народнаго духа, переходитъ въ простые обороты рѣчи, какъ необходимое присловье, поясненіе, поученіе.

---

1. Съ Бога начинай, Господомъ кончай.
2. Въ бѣдѣ не унывай, на Бога уповай.
3. На Бога надѣйся, и самъ не плошай.
4. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.
5. Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.
6. Безъ Бога ни до порога.
7. За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадетъ.
8. Не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ.
9. Дай Богъ покой, да хлѣбъ святой.
10. Гласъ народа — гласъ Божій.
11. Смѣлымъ Богъ владѣетъ.
12. На начинающаго Богъ.
13. Богъ далъ день, дастъ и пищу.
14. Богъ далъ, Богъ и взялъ.
15. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.
16. У Бога всего много.
17. На кого Богъ, на того и люди.
18. Богъ видитъ, кто кого обидитъ.
19. Береженого и Богъ бережетъ.
20. Богъ до людей какъ отецъ до дѣтей.
21. Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью.
22. Богу молиться всегда пригодится.
23. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.
24. Если бы не Богъ, кто бы намъ помогъ.
25. Гдѣ любовь — тамъ и Богъ, да тишь, да гладь, да Божья благодать.
26. Другъ о другѣ, а Богъ о всѣхъ.
27. Кто рано встаетъ, тому Богъ подаетъ.
28. Добрая совѣсть — гласъ Божій.
29. За терпѣнье Богъ даетъ спасенье.
30. Дѣлай благо, бѣгай злаго — спасенъ будешь.
31. Правда свѣтлѣй солнца.

32. Правда живетъ у Бога.
33. Правда не рѣчиста; на правдѣ мало словъ: либо да, либо нѣтъ.
34. Все минется, одна правда останется.
35. Правда и со дна моря взойдетъ.
36. Хлѣбъ соль ѣшь, да правду рѣжь.
37. Правда глаза колетъ.
38. Всякъ правду любитъ, да не всякъ ее скажетъ.
39. Гдѣ видѣнъ путь прямой, тамъ не ѣзди по кривой.
40. Что на умѣ, то и на языкѣ.
41. Хоть голъ — да правъ.
42. Сказано — сдѣлано.
43. Кривдой весь свѣтъ обойдешь, да назадъ не вернешься.
44. Красно поле рожью, а рѣчь ложью.
45. Ври, да знай мѣру.
46. Не всякому слуху вѣрь.
47. Не ищи правды въ другихъ, коли въ тебѣ ея нѣтъ.
48. Въ комъ нѣтъ добра, въ томъ правды мало.
49. Когда деньги говорятъ, тогда правда молчитъ.
50. Правду говорить — себѣ досадить.
51. Дракою да бранью правъ не будешь.
52. Давши слово крѣпись, а не давши держись.
53. Вѣкъ живи, вѣкъ учись.
54. Ученье свѣтъ — неученье тьма.
55. Учись смолоду, не умрешь съ голоду.
56. Дѣло мастера боится.
57. Ученаго учить только портить.
58. Учись доброму, такъ и худое на умъ не пойдетъ.
59. Сколько головъ, столько умовъ.
60. Умъ хорошо, а два лучше.
61. Слушай людей, а свой толкъ имѣй.
62. По платью встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ.
63. На большомъ мѣстѣ сидѣть, много ума имѣть.
64. Умъ разумомъ крѣпокъ.
65. Умъ просторъ любитъ.
66. Дуракамъ законъ не писанъ.
67. Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ.
68. Пошли дурака Богу молиться, онъ и лобъ расшибетъ.
69. Дуракъ камень броситъ и умный не достанетъ.
70. Дуракъ красному радъ.
71. Дурака учить, что мертваго лечить.
72. Услужливый дуракъ опаснѣе врага.
73. Съ дуракомъ связаться — ума не набраться.
74. У дурака дурацкая рѣчь.

75. Глупому сыну и отцовское богатство не въ помощь.
76. Счастье безъ ума дырявая сума, гдѣ пойдешь, тамъ и сгубишь.
77. Когда у кого голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста.
78. Терпѣнье и трудъ все перетрутъ.
79. Работа да руки, надежныя поруки.
80. Безъ труда не вынешь и рыбки изъ пруда.
81. Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи.
82. Доброе дѣло питаетъ и душу и тѣло.
83. Дѣлу время, а потѣхѣ часъ.
84. Паши не лѣниво проживешь счастливо.
85. Когда станешь пахать — будешь богатъ.
86. Ремесло золотой кормилецъ.
87. И то ремесло, кто умѣетъ сдѣлать весло.
88. Трудовыя деньги кормятъ до вѣка.
89. Въ рабочемъ домѣ густо, а въ лѣнивомъ пусто.
90. Жить весело, а ѣсть нечего.
91. Нынѣ гуляшки, завтра гуляшки — находишься безъ рубашки.
92. Частыя пирушки изведутъ и полушки.
93. Возлюби трудъ, храни умѣренность, богатъ будешь.
94. Копеечка рубль бережетъ.
95. Будетъ въ амбарѣ рожъ, будетъ въ карманѣ грошъ.
96. Береги копеечку про черный день.
97. Запасливый богаче богатаго.
98. Кто запасливъ, тотъ и счастливъ.
99. Деньги счетъ любятъ.
100. Собирай по ягодкѣ — наберешь кузовокъ.
101. Золотой ключикъ всѣ двери отворяетъ.
102. Бѣдный не боится разсориться.
103. Съ міру по ниткѣ — бѣдному рубашка.
104. Лучше свое латаное, чѣмъ чужое хватаное.
105. Голь на выдумки хитра.
106. Нищета не отнимаетъ ни чести, ни ума.
107. Бѣдность не порокъ.
108. Пришла бѣда — отворяй ворота.
109. Отъ бѣды не уйдешь.
110. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ.
111. Не то бѣда, когда во ржи лебеда, а то бѣда, когда ни ржи ни лебеды.
112. Ѣздить моремъ — не брезговать горемъ.
113. Внизъ вода несетъ, а вверхъ бѣда везетъ.
114. Гдѣ вода, тамъ и бѣда.
115. Бѣда у кого въ дорогѣ лошадь худа.
116. Чужую бѣду — рукой разведу, а къ своей ума не приложу.
117. Бѣда придетъ — умъ за разумъ зайдетъ.

118. Пьяному и море по колѣно.
119. Что у трезвого на умѣ, то у пьянаго на языкѣ.
120. Пьяницѣ и капля дорога.
121. Пить до дна не видать добра.
122. Вино уму не товарищъ.
123. Выпьемъ много вина — поубавится ума.
124. Пей, да ума не пропей.
125. Кто пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ.
126. Пей за столомъ, да не пей за столбомъ.
127. Воздержанно пей, да мало ѣшь — здоровъ будешь.
128. Кто чарку допиваетъ тотъ вѣку не доживаетъ.
129. Не тотъ виноватъ, кто пьетъ, а кто подноситъ.
130. Съ хмѣлемъ спознаться съ честью разстаться.
131. На что и кладъ, когда въ семьѣ ладъ.
132. Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.
133. Любовь да совѣтъ, такъ и нужды нѣтъ.
134. Кто родителей почитаетъ, тотъ во вѣкъ не погибаетъ.
135. Домомъ жить, не разиня ротъ ходить.
136. Будь мужъ главою, а жена душою.
137. Добрая жена домъ бережетъ, а плохая своимъ рукавомъ разнесетъ.
138. Хозяйкою домъ стоитъ.
139. Шей шубу теплѣе, а жену выбирай добрѣе.
140. Злая жена — та же змѣя.
141. Изъ лѣсу выживаетъ змѣя, а изъ дому жена.
142. Выбирай жену не въ хороводѣ, а въ огородѣ.
143. Выбирай жену и глазами и ушами.
144. На хорошую глядѣть хорошо, а съ умною жить хорошо.
145. Не торопись жениться, чтобы потомъ на себя не сердиться.
146. Замужъ выходи — въ оба гляди.
147. При солнышкѣ тепло, при матери добро.
148. Каждой матери свое дитя мило.
149. Умный сынъ гордость отца, глупый — горе матери.
150. Малыя дѣтки — малыя бѣдки, большія дѣтки — большія бѣдки.
151. Съ дѣтьми горе, а безъ нихъ вдвое.
152. Чѣмъ бы дитя не тѣшилось — лишь бы не плакало.
153. Родители берегутъ дочь до вѣнца, а мужъ до конца.
154. Дитя, хоть и криво, да отцу и матери мило.
155. Не доглядишь окомъ — заплатишь бокомъ.
156. Для глухихъ двухъ обѣденъ не служатъ.
157. На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ
158. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить.
159. Куй желѣзо, пока горячо.
160. Дорого яичко въ Христовъ день.

161. Всякому овощу свое время.
162. Поспѣшишь людей насмѣшишь.
163. Не зная броду, не суйся въ воду.
164. Слышитъ звонъ, да не знаетъ гдѣ онъ.
165. Живи просто, проживешь лѣтъ до сто.
166. Тише ѣдешь — дальше будешь.
167. Не надѣйся, Романъ, на чужой карманъ.
168. Чужими руками жаръ загребать.
169. На чужой каравай рта не разѣвай.
170. Въ чужія сани не садись.
171. Съ чужого коня и средь грязи долой.
172. Рѣчь серебро, а молчанье золото.
173. Не ножа бойся, а языка.
174. Слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь.
175. Что написано перомъ — того не вырубишь и топоромъ.
176. Не все то золото, что блеститъ.
177. Съ волками жить, по волчьи выть.
178. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.
179. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.
180. Семь разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь.
181. Не плюй въ колодецъ, пригодится воды напиться.
182. Долгъ платежомъ красенъ.
183. Нашла коса на камень.
184. Что съ воза упало, то пропало.
185. Нѣтъ худа безъ добра.
186. Большому кораблю большое и плаванье.
187. Всякъ молодецъ на свой образецъ.
188. Какъ проживешь, такъ и прослывешь.
189. Какъ аукнется, такъ и откликнется.
190. Что посѣешь, то и пожнешь.
191. Заварилъ кашу, такъ и расхлебывай.
192. Не рой ямы другому, самъ въ нее попадешь.
193. Жизнь пережить не поле перейти.
194. Не въ коня кормъ.
195. Насильно милъ не будешь.
196. Кончилъ дѣло — гуляй смѣло.
197. Отъ сумы, да отъ тюрьмы не отрекайся.
198. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.
199. Не все коту масленица, придетъ и великій постъ.
200. На людяхъ и смерть красна.
201. Перемелется — мука будетъ.
202. Первый блинъ комомъ.
203. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

204. Лучше синица въ рукахъ, чѣмъ соколъ въ облакахъ
205. Старый другъ лучше новыхъ двухъ.
206. Для милого дружка и сережка изъ ушка.
207. Ѣшь пирогъ съ грибами, держи языкъ за зубами.
208. Кто много говоритъ, тотъ мало дѣлаетъ.
209. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.
210. Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.
211. Руби дерево по себѣ.
212. У лѣнивой пряхи и про себя нѣтъ рубахи.
213. Золото огнемъ искушается, а человѣкъ напастями.
214. Конь на четырехъ погахъ да спотыкается.
215. Всякъ куликъ свое болото хвалитъ.
216. Своя рубашка къ тѣлу ближе.
217. Каждому своя обида горька.
218. Снявши голову по волосамъ не плачутъ.
219. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.
220. Нѣтъ худа безъ добра.
221. Нѣтъ дыма безъ огня.
222. На безрыбьи и ракъ рыба.
223. На безлюдьи и Ѳома человѣкъ.
224. Мягко стелетъ да жестко спать.
225. Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ.
226. Кто старое вспомянетъ тому глазъ вонъ.
227. Свѣтъ не клиномъ сошелся.
228. Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ.
229. Отъ добра добра не ищутъ.
230. На ворѣ шапка горитъ.
231. Богъ шельму мѣтитъ.
232. Другихъ не суди, на себя погляди.
233. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ.
234. На зеркало неча пенять, коли рожа крива.
235. Всякъ Еремѣй про себя разумѣй.
236. По Сенькѣ и шапка.
237. Мели Емеля, твоя недѣля.
238. Изъ молодыхъ, да ранній.
239. Велика Федора, да дура.
240. Малъ золотникъ, да дорогъ.
241. Сытый голоднаго не разумѣетъ.
242. И сквозь золото слезы льются.
243. Волосъ дологъ, а умъ коротокъ.
244. Пѣшій конному не товарищъ.
245. Знай себя и будетъ съ тебя.
246. Худой миръ лучше доброй ссоры.

247. Умрешь — ничего съ собой не возьмешь.
248. Горбатаго могила исправитъ.
249. Не всякому чернецу въ игуменахъ быть.
250. Порядкомъ домъ стоитъ, а непорядкомъ содомъ.
251. Поля хранятся огородою, а люди добрымъ воеводою.
252. Безъ хозяина домъ сирота.
253. Гдѣ царь, тамъ безопасенъ и овчарь.
254. Милуетъ царь, да не жалуетъ псарь.
255. Гдѣ твердъ законъ, тамъ всякъ уменъ.
256. Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы.
257. Ласковое слово, что весенній день.
258. Конецъ дѣлу вѣнецъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ ХРИСТОМАТІИ.

ЧУВСТВО.

111. А. ЧУВСТВО И ЕГО ЖИЗНЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

Чувство имѣетъ большое значеніе въ экономіи и психологіи жизни. Оно имѣетъ своею цѣлью охраненіе жизни и служитъ источникомъ своеобразныхъ переживаній, необходимыхъ жизни, а въ поэзіи и творчествѣ оно выражается созданіемъ *лирическихъ* произведеній, въ которыхъ авторъ-художникъ описываетъ собственное *самочувствіе*. Эти переживанія талантливыхъ и геніальныхъ людей полны глубочайшаго поученія, содержа въ себѣ безграничный источникъ своеобразнаго анализа, раскрывающаго свойства жизни и ея эволюцію въ самыхъ тонкихъ проникновенныхъ формахъ. Сказанное относится къ чувству, эмоціямъ и настроеніямъ.

Сравнивая между собою умъ и чувство, можно провести между ними слѣдующія раздѣлительныя черты. Въ умѣ и познаніи нѣчто въ буквальномъ смыслѣ слова вступаетъ въ организмъ изъ внѣшняго міра черезъ органы чувствъ и проводящіе пути. Въ чувствѣ же лишь нѣчто незначительное входитъ изъ внѣшняго міра, главная же сущность состоитъ въ трепетной реакціи организма на совершающуюся въ нервной системѣ работу: чувство это сейсмографъ или контрольный аппаратъ для опредѣленія того, какъ нервная работа отражается на нервной системѣ и на самомъ процессѣ жизни. При всякомъ внѣшнемъ воздѣйствіи на живой организмъ, при свѣтѣ, звукѣ, прикосновеніи, запахѣ, вкусѣ важныя для жизни функціи подвергаются нѣкоторымъ пертурбаціямъ и нарушеніямъ. Эти нарушенія могутъ быть слабы, едва замѣтны; то наоборотъ, — пертурбаціи бываютъ выражены столь рѣзко, что наносятъ вредъ здоровью и угрожаютъ самой жизни организма. Въ такомъ случаѣ онѣ пріобрѣтаютъ уже самостоятельное значеніе и начинаютъ занимать господствующее мѣсто среди душевныхъ состояній. Въ зависимости отъ ихъ силы устанавливается и самая классификація ихъ. Въ случаѣ слабыхъ пертурбацій все явленіе относится къ актамъ *умственнымъ* или познавательнымъ, въ случаѣ же сильныхъ — къ *чувствамъ*. Принципіальной границы здѣсь нѣтъ. Такимъ образомъ, существеннымъ

признакомъ чувства является его *отношеніе* къ жизни. На этомъ отношеніи даже основано раздѣленіе чувствъ на двѣ категоріи. Одни чувства *пріятны* и содѣйствуютъ жизни, другія, наоборотъ, — *непріятны,* вредятъ жизни, почему даже называются *мертвящими, убійственными.* Естественно, что своеобразный анализъ, который раскрываетъ свойства внѣшнихъ впечатлѣній въ смыслѣ ихъ значенія для жизни, представляетъ собою столь же важную сторону *познанія,* какъ и другой анализъ, раскрывающій свойства самыхъ предметовъ безъ отношенія ихъ къ жизни. Хотя познаніе красокъ, звуковъ имѣетъ также отношеніе къ жизни, но только — косвенное и отдаленное; познаніе же яда или боли имѣетъ непосредственное жизненное значеніе, затрагиваетъ вопросъ о самомъ продолженіи жизни. Перваго рода познаніе реализируется умомъ, второе — чувствомъ. Первому познанію даютъ еще наименованіе *объективнаго* анализа, второму — *субъективнаго.*

Весь циклъ человѣческихъ чувствъ, начиная съ низшихъ и кончая самыми высокими, можетъ быть раздѣленъ на четыре категоріи:

1. Физическія или низшія чувства (образы): боль, голодъ и пр.
2. Чувства (образы) первобытной давности: гнѣвъ, страхъ, радость.
3. Чувства новѣйшей формаціи (эмотивные образы), напр. надежда, благоговѣніе и пр.
4. Высшія чувства.

Высшія чувства (образы) подраздѣляются на *эстетическія* чувства, *интелектуальныя* и *нравственныя.* Высшія чувства доступны даже животнымъ (любовь къ музыкѣ у птицъ, кротость у слона, вѣрность собаки, интеллектуальный интересъ у попугая, у обезьянъ и проч.). У человѣка всѣ виды чувства поднялись на недосягаемую высоту, какъ въ своемъ развитіи, такъ и въ своемъ значеніи для расширенія психизма.

Древнѣйшія или *низшія чувства.* Къ нимъ относятся: гнѣвъ, страхъ удовольствіе, какъ сказано выше. У животныхъ, даже лишенныхъ сознанія и воли (удаленіемъ большаго мозга), эти *первобытныя* формы чувства могутъ быть наблюдаемы во всей ихъ подлинности и неприкосновенности. Такъ какъ при этомъ у животныхъ не уничтожаются органы экспрессій (*бугровыя тѣла мозга*), то мимика и физіогномика и всѣ вообще выразительныя движенія остаются нетронутыми, и картина первобытнаго чувства выступаетъ въ своемъ полномъ и естественномъ нарядѣ. Куры, голуби, кролики, морскія свинки, собаки и кошки одинаково и съ машинообразностью проявляютъ первобытныя чувства. При поглаживаніи спины (пріятное впечатлѣніе), птицы (голуби) воркуютъ, морская свинка хрюкаетъ, кошка мурлыкаетъ, собака двигаетъ хвостомъ изъ стороны въ сторону. Въ гнѣвѣ, вызванномъ болевыми раздраженіями, собака рычитъ и кусается (кусаетъ палочку, которою ея касаются), кро-

ликъ топаетъ передней ногой, кошка гнѣвно мяукаетъ, оскаливаетъ зубы. Въ страхѣ (для вызова страха у животныхъ и птицъ ихъ внезапно схватывали физіологи или дули имъ въ лицо, или пугали сильнымъ звукомъ) животныя убѣгаютъ, прячутся, дрожатъ, съеживаются, прячутъ уши и пр. Проявленія чувствъ въ этихъ случаяхъ типичны, однообразны, совершенно наглядны для наблюдателя и сказываются тѣми же знаками, какъ и у человѣка; въ особенности характерно при этомъ, что въ голосѣ животнаго звучатъ модуляціи, свойственныя каждому чувству (рычаніе, мурлыканье, мяуканье, воркованье и пр.), дающія возможность узнать чувство по издаваемому голосу и сравнить этотъ признакъ съ другими знаками того же чувства, чтобы тѣмъ установить безспорное распознаваніе явленія, т. е. различіе удовольствія, страха или гнѣва. Начинаясь этими простѣйшими формами всѣ чувства развиваются впередъ, чтобы играть свою высокую роль показателя и регулятора жизни. Развитое чувство становится тонкимъ показателемъ и руководителемъ жизни.

Сравненіе чувства и познанія показываетъ, что познаніе, будучи яснымъ и болѣе конкретнымъ *предусмотрѣніемъ* событій, значительно уступаетъ чувству, которое, хотя и является неяснымъ общимъ *предчувствіемъ,* но зато обладаетъ большой непогрѣшимостью и задолго — гораздо раньше, чѣмъ познаніе, открываетъ намъ грядущее. Чувство вѣрно указываетъ пути тамъ, гдѣ познаніе безсильно дать хотя бы малѣйшій намекъ: тактомъ, совѣстью, нравственнымъ чутьемъ мы рѣшаемъ безошибочно важнѣйшіе вопросы жизни, въ особенности направленія жизни. Проф. Моссо, бывшій ученикъ проф. Людвига, занимавшійся изслѣдованіями чувства на самомъ себѣ посредствомъ плетисмографа и другихъ точныхъ приборовъ, разсказываетъ, что когда Людвигъ входилъ въ лабораторію во время опыта, кровообращеніе иначе измѣнялось у него, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда входили другіе; по этимъ измѣненіямъ Моссо опредѣлялъ приближеніе Людвига раньше, чѣмъ у него могло возникнуть въ умѣ конкретное представленіе (узнаваніе). Такимъ образомъ благоговѣніе, которое Моссо питалъ къ своему учителю, вызывало у него измѣненіе кровообращенія и дыханія, и на точныхъ приборахъ Моссо могъ объективнымъ образомъ изучить проявленіе возвышеннаго чувства, наполняющаго его душу. Это *предваряющее познаніе* составляетъ характеристическую особенность чувства и лежитъ въ основѣ такта и нравственнаго чутья. Хотя это познаніе *смутно, безотчетно,* но оно *достовѣрно, тонко* и *предупредительно.* Въ послѣднемъ свойствѣ содержится условіе особеннаго, благодѣтельнаго воздѣйствія чувства на другіе психическіе процессы, т. е. на умъ и волю: чувство даетъ этимъ актамъ *поощреніе* и *поддержку,* или наоборотъ — *предостерегаетъ* отъ нихъ и *мѣшаетъ* имъ. Благодаря этому, самые зародыши мыслей и зачатки намѣреній и рѣшеній могутъ быть или поддержаны и подкрѣплены чувствомъ, или ослаблены и подавлены: чувство то раздуваетъ вспыхивающую

въ душѣ искру, то холодитъ и гаситъ ее. Чувство и его развитіе стало поэтому на высоту первостепеннаго жизненнаго требованія, и, если мы развиваемъ умъ, то чувство культивируемъ по глубокому запросу нашего духа. Великіе люди ищутъ силы чувствъ и одушевленія, страшатся безцвѣтнаго существованія, жаждутъ вдохновенія и тяжко страдаютъ, какъ Лермонтовъ, когда вдохновеніе падаетъ и когда поэтъ своимъ художественнымъ чутьемъ опредѣляетъ пониженіе физіологической возбудимости въ своихъ высшихъ нервныхъ центрахъ. Такое состояніе изображено Лермонтовымъ въ посвященіи къ первому очерку поэмы «Демонъ».

«Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я:
Мнѣ впечатлѣніе не ново».

Таковы же и слѣдующія строки Полежаева:

«Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій
И умираю ночь и день».

Развитіе или эволюція чувства показываетъ весь сложный путь, характеризующій жизнь. Во всей природѣ — однѣ и тѣ же проявленія чувства и законы его развитія. У человѣка они достигаютъ своей высоты и верховенства.

112. а) Гнѣвъ.

Состояніе гнѣва. Одна талантливая артистка, изображая на сценѣ гнѣвъ, разрываетъ въ припадкѣ этого чувства носовой платокъ, который у нея въ рукахъ, и съ ожесточеніемъ бросаетъ отъ себя кусочки. Такая страсть разрушенія типична для гнѣва.

У Башкирцевой находимъ слѣдующее описаніе гнѣва:

«Я спускаюсь въ свою лабораторію, и, о — ужасъ, — всѣ мои склянки, баллоны, всѣ мои соли, всѣ мои кристаллы, всѣ мои кислоты, всѣ мои трубочки откупорены и свалены въ грязный ящикъ въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ. Я прихожу въ такую ярость, что сажусь на полъ и начинаю окончательно разбивать вещи, испорченныя только на половину. То, что уцѣлѣло, я не трогаю — я никогда не забываюсь. — А! Вы думали, что Мери уѣхала, такъ ужъ она и умерла! Можно все перебить, все разбросать, кричала я, разбивая склянки». Тетя сначала молчала, потомъ сказала:

— Что это? Развѣ ты барышня! это какое то страшилище, ужасъ что такое.

И среди моей злобы я не могу удержаться отъ улыбки. Потому что въ сущности — все это дѣло внѣшнее, не затрагивающее глубины моей души».

113. Гнѣвная вспышка раздражительнаго человѣка.

Вдругъ онъ бѣшено закричалъ:

— Павелъ, стой! Не видишь, дуракъ, отстали... подождать надо.

Тройка, взрывая землю и садясь, остановилась. Хоромъ завопили и долго не могли успокоиться обиженные бубенчики. Отъ лошадей столбомъ валилъ паръ, уже розовый отъ зари.

Сзади поспѣвали два другіе экипажа, уже слышны были крики и кто то, красный въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца, махалъ фуражкой.

Экипажи налетѣли сзади, сцѣпились колесами и стали. Всѣ громко заговорили, закричали, засмѣялись. Стало вдругъ весело и легко опять. Усталость мгновенно исчезла. Яркое свѣжее утро вошло въ души молодой удалью.

Только рыжій батюшка, совершенно измученный, съ повисшими размокшими кудрями, брюзжалъ и жаловался.

— Напрасно поѣхали... И попадья будетъ безпокоиться... Богъ знаетъ, что выдумали... вовсе даже не остроумно.

— Что? — спросилъ Арбузовъ, тяжело поворачивая къ нему мрачные, жгучіе глаза.

— Напрасно, говорю, поѣхалъ я... и попадья...

— А, попадья?.. бѣшено заоралъ Арбузовъ, наливъ кровью воспаленные бѣлки, — а какого чорта ты ввязался?.. Попадья? Ну, и ступай къ попадьѣ... Пошелъ, вылазь.

Батюшка испугался и обидѣлся.

— Да что жъ я... я только говорю...

— А, говоришь? съ непонятной злобой оралъ Арбузовъ, не слушая.

— Ну, и ступай... маршъ... Павелъ, гони его въ шею.

— Вы позвольте, съ духовнымъ лицомъ так об...

— Я тебѣ говорю, — бѣшено не крикнулъ, а взвизгнулъ Арбузовъ и поднялъ нагайку.

Батюшка поблѣднѣлъ и смиренно, безпомощно оглядываясь на всѣхъ умоляющими глазами, полѣзъ изъ экипажа и остановился на краю дороги.

— Павелъ, трогай, — крикнулъ Арбузовъ.

— Ну, что ты дѣлаешь, — недовольно заговорилъ Михайловъ.

— Купеческое самодурство... брезгливо пробормоталъ Чижъ.

Арбузовъ мрачно и какъ будто выжидающе смотрѣлъ на Михайлова.

— А кто не хочетъ... медленно, грозно проговорилъ онъ,

И всѣ замолчали. Только докторъ Арнольди быстро взглянулъ на Арбузова и Михайлова своими умными глазами, да Наумовъ равнодушно пожалъ плечами. Остальные смотрѣли въ сторону.

Лошади тронулись. Рыжій батюшка столбомъ стоялъ у края дороги и съ полнымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ, какъ удалялись экипажи и таяли въ яркомъ свѣтѣ восходящаго солнца.

Арцыбашевъ. «*У послѣдней черты*».

114. Гнѣвъ, въ качествѣ чувства большой біологической давности, имѣетъ множество формъ и варьяцій; изъ нихъ основными слѣдуетъ признать: *ярость, гнѣвъ, ненависть, негодованіе.*

Ярость есть высшая, животная форма *гнѣва,* а *негодованіе* есть наиболѣе смягченное и очеловѣченное проявленіе этого чувства. Физіономическія черты всѣхъ многочисленныхъ проявленій гнѣва въ существенномъ сходны.

Гнѣвъ выражается: 1) напряженностью всѣхъ мышцъ тѣла (въ частности сжатіемъ кулаковъ и зубовъ); 2) усиленной дѣятельностью сердца; 3) краснотой лица (разслабленіе сосудистыхъ мышцъ); 4) налитіемъ глазъ кровью и выпячиваньемъ ихъ; 5) блескомъ глазъ; 6) усиленнымъ, но затрудненнымъ дыханіемъ; 7) напряженіемъ вниманія (односторонним).

Всѣ эти физіологическія черты художественно переданы у Шекспира въ слѣдующихъ словахъ:

«Но звукъ трубы воинской услыхавъ,
Должны тотчасъ вы въ тигровъ превратиться,
Кровь взволновать и жилы натянуть,
Скрыть кроткій нравъ подъ маскою свирѣпой
И страшный видъ придать своимъ глазамъ,
Изъ впадинъ пусть они глядятъ, какъ пушки
Изъ амбразуръ, и пусть чело надъ ними
Нависнетъ такъ же грозно, какъ скала,
Подмытая прибоемъ океана.
Со сдержаннымъ дыханьемъ, стиснувъ зубы
И расширяя ноздри, вы должны
Теперь собрать всѣ силы духа
И ихъ поднять до крайней высоты».

Король Генрихъ. (Дѣйствіе III сц. 1).

Всѣ проявленія гнѣва соотвѣтствуютъ акту нападенія, злобности, враждебности, или стремленію напасть. Блескъ глазъ, краснота лица и глазъ и напряженіе произвольныхъ мышцъ соотвѣтствуютъ степническому аффекту; усиленіе дѣятельности сердца соотвѣтствуетъ напряженію мышцъ

и силы чувства; возбужденіе вниманія является одностороннимъ душевнымъ актомъ, направленнымъ на осуществленіе нападенія, какъ въ слѣдующемъ описаніи: «горятъ очи его соколиныя, на опричника смотрятъ пристально» (Лермонтовъ), или — «устремилъ взоръ, какъ бы ища мѣста, гдѣ бы покрѣпче ударить» (Л. Толстой). Примѣромъ художественнаго воспроизведѣнія гнѣва можетъ служить картина В. Н. Бакшеева: «Житейская проза», гдѣ глава семейства изображенъ гнѣвнымъ. Онъ полонъ злобы и гнѣвнаго раздраженія, что сказывается у него въ общемъ напряженіи всѣхъ мышцъ тѣла и лица, въ особенности же въ рѣзкомъ сокращеніи мышцъ злобы, придающей бровямъ косое положеніе съ пониженіемъ внутреннихъ угловъ ихъ. Это самый типическій признакъ злости, злобнаго характера и настроенія. Но въ данномъ случаѣ гнѣвъ и злобность выражаются кромѣ того неподвижнымъ устремленіемъ глазъ на объектъ гнѣва, — каковымъ въ эту минуту является дочь. Это устремленіе взора носитъ такой характеръ, какъ будто этимъ взоромъ намѣчается мѣсто, гдѣ ищутъ покрѣпче ударить.

Драка представляетъ собою реализованный гнѣвъ и фактическое нападеніе.

Споръ есть раздраженный, нерѣдко гнѣвный, обмѣнъ мыслей.

Угроза есть преднамѣренный показъ гнѣва и враждебности.

Ненависть есть длительный хроническій гнѣвъ, но выраженный въ слабѣйшей степени, при которомъ уже нѣтъ *двигательной* или *физической аггресивности,* т. е. драки, споровъ и проч., а существуетъ только аггресивность психическая, выражающаяся местью, враждой, злорадствомъ, злопамятностью.

Негодованіе стоитъ въ нравственномъ смыслѣ выше ненависти. Подобно гнѣву, оно есть чувство *отвѣтное,* но въ то время, какъ гнѣвъ и злоба являются отвѣтомъ на физическое нападеніе или насиліе, негодованіе есть благородный отвѣтъ на оскорбленіе: негодовать — значитъ быть недовольнымъ, роптать, изъявлять съ сердцемъ презрѣніе и жалобу.

Существенное *различіе* между *негодованіемъ* и *ненавистью* состоитъ въ томъ, что въ негодованіи враждебность направлена на неодобрительные поступки и дѣйствія другаго лица, а не на самую личность его, какъ въ ненависти. Въ этомъ смыслѣ негодованіе въ этическомъ отношеніи занимаетъ высшій рангъ по сравненію съ ненавистью.

Недовольство есть слабѣйшая форма негодованія или ненависти.

Досада есть ненависть или гнѣвъ, который не могъ быть реализованъ, и, оставаясь внутреннимъ состояніемъ, томитъ человѣка и причиняетъ ему непріятное самочувствіе.

Исчисленныя чувства могутъ быть расположены въ слѣдующемъ психологическомъ порядкѣ, считая отъ низшихъ чувствъ къ высшимъ: злость, злоба, злобность, гнѣвъ, досада, ненависть, недовольство, негодованіе, укоръ, упрекъ.

Укоръ и *укоризна* есть сужденіе, обвиненіе или порицаніе лица или поступка, но безъ примѣси чувства негодованія, а напротивъ, въ соединеніи съ любовью или благосклонностью къ самой личности.

Упрекъ — частичная или слабѣйшая форма укора.

Наконецъ, къ чувству негодованія и укора примыкаетъ *праведный гнѣвъ*. Это душевное состояніе принадлежитъ къ столь опредѣленнымъ душевнымъ актамъ, что оно издавна общеизвѣстно въ человѣчествѣ и было предметомъ многочисленныхъ изображеній и излюбленной психологической темой художниковъ. Оно какъ бы является регуляторомъ и нормой *допустимаго* враждебнаго отношенія человѣка къ ближнему.

Поэтическое изображеніе «Праведнаго гнѣва» находимъ у Лермонтова въ слѣдующихъ строкахъ изъ «Пѣсни про Купца Калашникова»:

«Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!»

. . . . . .

«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего, батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;

. . . . . .

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны, —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,

На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Лермонтовъ.

Изобразивъ *праведный гнѣвъ* Калашникова, поэтъ предоставляетъ своему герою *ждать* нападенія, а не *первому* наносить ударъ.

Таковъ циклъ развитія гнѣва отъ его первобытныхъ формъ до сложныхъ и наиболѣе прогрессивныхъ.

115. б) Страхъ.

Страхъ идетъ, какъ и гнѣвъ, тѣмъ же путемъ эволюціи, начинаясь стихійными формами и восходя до боязни и до дальнѣйшихъ формъ предусмотрѣнія и самоохраны, безстрашія и мужества.. Въ *страхѣ, боязни* и *опасеніи* рѣчь идетъ объ удаленіи себя отъ боли, бѣды, опасности. Страхъ есть собственно ожиданіе близкаго страданія и боли. *Ужасъ* — *высшая* степень страха. *Боязнь* и *опасеніе* — ожиданіе отдаленныхъ бѣдствій. Въ боязни, какъ въ страхѣ, человѣкъ желаетъ отдалить отъ себя опасныя событія:

«Она (Ада) предчувствовать страшится
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бы»...

Лермонтовъ.

116. Художественное описаніе страха находимъ у Лермонтова, гдѣ изображена лошадь, чующая страхъ всадника и какъ грамофонъ отражающая на себѣ его чувства.

Страхъ у лошади.

Всадникъ везетъ подъ буркою только что отрубленную голову женщины и самъ неописуемо волнуется пережитымъ сейчасъ ужаснымъ событіемъ. Все это передается коню, который, чуя своимъ обоняніемъ запахъ теплой крови, тѣмъ острѣе воспринимаетъ волненіе всадника путемъ исходящихъ отъ него многочисленныхъ экспрессій (нервныя движенія, бой трепетнаго сердца, измѣненное дыханіе и т. под.). Всѣ эти процессы будутъ разъяснены въ отдѣлѣ «Низшій Психизмъ», здѣсь замѣтимъ только, что цитата, приведенная изъ Лермонтова, показываетъ, что геніальный

поэтъ предчувствовалъ психологическія факты, значеніе и самое существованіе которыхъ стало извѣстно только семьдесятъ лѣтъ спустя. Такихъ художественныхъ откровеній и проникновеній у Лермонтова можно встрѣтить не одно. Въ этомъ сказываются Шекспировскія особенности его таланта.

Хаджи готовый убить Леилу.

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.
«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокій, не видать!..
Ахъ!.. Боже!.. Ай!.. дай подождать!..
Хотъ часъ одинъ... одно мгновенье!»

Убійство.

Блеснула шашка... Разъ и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвее
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.

Страхъ коня.

Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила;
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака,
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.

Ручей катится мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни;
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ!..
То змѣй блистаетъ чешуей!..
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ
Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышешь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребритъ,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ;
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джематскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вкругъ тебя столпятся...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться,
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалека,
Что мы съ тобою — дѣти рока!..»

117. Страхъ у собаки. Безсловная, недоумѣнная мысль испуганной собаки, вызванная завываніемъ бури. Собака пристально смотритъ въ глаза человѣку, улавливая выраженіе его глазъ и лица, т. е. спрашиваетъ глазами. Вопросительную мысль собаки можно передать словами: «что тамъ на дворѣ дѣлается». (Сравните страхъ лошади, — п. 116).

Собака.

Насъ двое въ небольшой комнатѣ: собака моя и я... На дворѣ воетъ страшная буря.

Собака сидитъ передо мною — и смотритъ мнѣ прямо въ глаза.

И я тоже гляжу ей въ глаза.

Она словно *хочетъ сказать* мнѣ что-то. Она нѣмая,*она безъ словъ,* она сама себя не понимаетъ — но я ее понимаю.

Я понимаю, что въ это мгновенье и въ ней, и во мнѣ живетъ одно и то же чувство, что между нами нѣтъ никакой разницы. Мы тождественны; въ каждомъ изъ насъ горитъ и свѣтится тотъ же трепетный огонекъ.

Смерть налетитъ, махнетъ своимъ холоднымъ, широкимъ крыломъ...

— И конецъ.

Кто потомъ разберетъ, какой именно въ каждомъ изъ насъ горѣлъ огонекъ?

Нѣтъ! это не животное и не человѣкъ мѣняются взглядами...

Это двѣ пары одинаковыхъ глазъ устремлены другъ на друга.

И въ каждой изъ этихъ паръ, въ животномъ и человѣкѣ, одна и таже мысль жмется пугливо къ другой.

И. С. Тургеневъ.

Такъ какъ собака — безсловное животное, то свою безсловную краткую мысль она передала *глазами,* т. е. неподвижнымъ устремленіемъ взора, сосредоточеннымъ на глазахъ и на лицѣ человѣка, въ ожиданіи экспрессій, появленія которыхъ собака ждетъ. Такая терминологія введена въ широкое употребленіе и удачно примѣняется Львомъ Толстымъ, который очень распознаетъ и разъясняетъ безсловный языкъ экспрессій.

118. Страхъ темноты и тишины отъ недочета зрительныхъ и звуковыхъ впечатлѣній.

Лѣсъ все чаще и гуще покрывалъ пространство; въ воздухѣ уже повѣяло прохладой; сквозь нависшія тучи лѣса виднѣлись небеса, которыя начинали окрашиваться розовымъ цвѣтомъ послѣднихъ лучей солнца. Сильная усталость показывала мнѣ, что пройденный мною путь великъ, а лѣсъ былъ теменъ, какъ ночь.

«Ау!» закричалъ я Семенычу и прислушался. Отвѣта не было. Я опять остановился и громко крикнулъ: «ау!». Лѣсное эхо прокатилось подъ сводами деревьевъ, и, когда послѣдніе его отголоски стихли въ воздухѣ, изъ дальней-дальней стороны лѣса тихо, чуть слышно, поднялся голосъ и замеръ въ глубинѣ темнаго пространства.

Ясно, что старикъ былъ далеко. Я бросился на голосъ. Сухія вѣтки и ломъ хрустѣли подъ ногами, лѣсъ становился такъ густъ и теменъ, что трудно было видѣть. Удваивая шаги, я пробрался сквозь чащу, перелѣзалъ валежникъ, шелъ долго, шелъ неутомимо, наконецъ остановился и аукнулся снова. Когда смолкло эхо, я весь обратился въ вслухъ, но отвѣтомъ было мертвое молчаніе. Я собралъ всѣ свои силы и крикнулъ: «ау!»; громко аукнулось за мною эхо и болѣе ничего. Мрачный и дремучій лѣсъ обступилъ меня кругомъ, и на небольшомъ клочкѣ неба, который видѣнъ былъ сквозь сосны, мигала серебристая звѣздочка.

Проживъ большую часть жизни въ городѣ, я разумѣется, не имѣлъ никакой опытности для деревенской жизни, а особенно для такаго положенія, въ которомъ находился теперь. Самая охота была не больше какъ шалость. Да и кому бы то ни было пріятно ли остаться въ дремучемъ лѣсу на ночь безъ всякой надежды выбраться? Даже собака, привыкшая больше къ старику, чѣмъ ко мнѣ, въ послѣднее время исчезла и не возвращалась. Это мнѣ окончательно подтвердило, что Григорій разошелся со мною, т. е. или самъ заблудился, или слишкомъ далеко отошелъ отъ меня. Мнѣ стало ясно, что я ошибся въ направленіи, зашелъ въ рамень и въ этомъ дремучемъ лѣсу, гдѣ по выраженію Григорія и днемъ солнышко не свѣтитъ, долженъ буду оставаться одинъ на всю ночь. Признаюсь, когда въ первый разъ мысль эта обрисовалась въ моей головѣ, холодный потъ выступилъ у меня на лбу, и сердце замерло. Я собралъ послѣднія силы и бросился впередъ, чтобы, пользуясь слабымъ свѣтомъ сумерокъ, найти хоть какую нибудь тропу и быть можетъ выбраться. Черныя лапы елей били меня по лицу, можжевельникъ обдиралъ платье и руки, каждый сукъ, ломавшійся подъ ногами, будилъ ночное эхо. Мнѣ пришло на мысль испытать послѣднее средство: выстрѣлами подозвать къ себѣ моего товарища. Но едва только мелькнула спасительная мысль въ головѣ, какъ тотчасъ же я долженъ былъ отказаться отъ нея: оказалось, что рога съ порохомъ не было на мнѣ. Пробираясь сквозь чащу, я вѣроятно обронилъ его и остался съ однимъ только зарядомъ, который былъ въ ружьѣ. Естественно, что нельзя было тратить напрасно эту единственную защиту въ случаѣ опасности. Черезъ нѣсколько шаговъ медленнаго пути я долженъ былъ совсѣмъ остановиться: дорогу пересѣкъ оврагъ, дно котораго чернѣло, но что тамъ было — лѣсъ, валежникъ или вода, — нельзя было видѣть; наступившая ночь все покрыла своимъ мракомъ. Въ страшномъ изнеможеніи и въ полномъ отчаяніи я упалъ на сырую землю.

Не знаю, долго ли я лежалъ такимъ образомъ; не знаю, былъ ли я въ безпамятствѣ или спалъ послѣ сильной усталости. Будь все спокойно и тихо вокругъ, можетъ быть я пролежалъ бы такъ и до утра; но въ томъ то и дѣло, что въ этомъ дремучемъ, повидимому совершенно молчаливомъ лѣсу, куда рѣдко попадаетъ человѣкъ, ни минуты не было спокойно. Я лежалъ еще въ совершенномъ безпамятствѣ, какъ вдругъ надъ головою моею раздался пронзительный крикъ птицы, вѣроятно схваченной какимъ нибудь звѣремъ. Тихій лѣсъ внезапно огласился этими криками, такъ что въ ужасѣ я вскочилъ на ноги. Молчаніе водворилось снова, но не надолго. Возлѣ меня кто то шелевился. Посреди тишины, на ломкой почвѣ лѣса слышался шелестъ; былъ ли то шагъ какого нибудь звѣря, птицы, змѣи, во всякомъ случаѣ положеніе было невыносимо. Эта приводящая въ отчаяніе неизвѣстность положенія была мучительна: я рѣшился по крайней мѣрѣ голосомъ отогнать невидимое и кашлянулъ. Боже мой, какъ страшенъ показался мнѣ собственный голосъ. Какъ сердито повторило его эхо! Но вдругъ невдалекѣ отъ меня въ оврагѣ послышался шумъ, который привелъ меня въ совершенный ужасъ. Тамъ ворочалось какое то огромное животное; оно то тяжело дышало, то стонало очевидно могучей грудью. Разумѣется, мнѣ припомнились разсказы Семеныча о медвѣжьихъ охотахъ на рамени, и я долженъ былъ рѣшительно предпринять что нибудь для собственной безопасности. Конечно другаго нельзя было придумать ничего, какъ взлѣзть на дерево, что я и сдѣлалъ. Ощупью нашелъ я огромную сосну, сучья которой едва могъ достать руками, взлѣзъ на ея смолистыя вѣтви и, выбравъ сколько возможно поудобнѣе мѣсто, сѣлъ такъ, что можно было прислониться къ дереву. Лѣсъ снова повелъ свои рѣчи. Страшный храпъ звѣря и его ворчаніе то замолкали, то вдругъ потрясали воздухъ. Посреди глубокой тишины внезапно раздался трескъ падающаго дерева: одряхлѣвшее и уже сгнившее на корню сно падало отъ собственной тяжести, какъ будто нарочно выбравъ для своей смерти эту торжественную минуту ночи. Испуганныя птицы вскрикивали въ разныхъ мѣстахъ разными голосами, и снова все умолкло. Чьи-то явные шаги хрустѣли внизу лѣса: осторожно, молчаливо, мѣрно шелъ кто-то подъ вѣтвями, но кто — незвѣстно. Лѣсъ точно испугался невѣдомаго пришельца и смолкъ въ гробовую тишину. Неизвѣстный шелъ, мракъ застилалъ все. Шаги медленно проходили, сердито молчалъ надъ нимъ лѣсъ, и опять все утихало. Только величавый шумъ, подобный шуму морскихъ волнъ, вдругъ проносился сверху: это порывъ вѣтра прошелъ по громаднымъ деревьямъ и покачалъ ихъ вѣковыя вершины. Признаюсь, каждый трескъ сука, каждый крикъ птицы наводилъ ужасъ на непривычное сердце. Всѣ эти звуки, совершенно обыкновенные днемъ, были совсѣмъ иные ночью въ глубинѣ рамени, въ этомъ страшномъ глухомъ уединеніи. И вой звѣря и стонъ вѣтра и трепетъ листа какъ то иначе звучали — отчего? — Отъ сумрака ночи или отъ испуганнаго вообра-

женія — не знаю. Тоска овладѣла сердцемъ; мракъ томилъ глаза, хотѣлось что нибудь увидѣть, успокоить глазъ на чемъ нибудь знакомомъ. Кругомъ мракъ. Я взглянулъ на небо; часть его была видна сквозь сосновыя лапы, но и тамъ было неспокойно: густыя тучи безпрестанно закрывали его поверхность; то мохнатымъ звѣремъ, то неуклюжимъ великаномъ ползли онѣ по этому пространству и безпрестанно закрывали свѣтившіяся звѣздочки.

Но къ какому положенію не привыкнетъ человѣкъ, какія силы не покоритъ эта сильнѣйшая изъ всѣхъ силъ вселенной! По истеченіи времени, не знаю какого, не такъ уже сильно пугали меня храпъ и стоны звѣря, шелестъ оборвавшейся бѣлки и вообще этотъ ночной ходъ природы, той же самой благодатной природы, которая такъ весело сіяетъ днемъ. Привыкъ нѣсколько глазъ къ этой безпредметной темнотѣ, освоилось ухо съ страшнымъ молчаніемъ. Тучи перестали ползать по небу. Лѣсъ былъ также теменъ, но какъ будто побѣлѣе стали небеса. На темныхъ пространствахъ лѣса стало что-то обозначаться; одно было черно какъ ночь, другое уже не такъ черно. Будто головы огромныхъ звѣрей выставились вокругъ и качали косматыми гривами. Небесный клочекъ сдѣлался еще бѣлѣе. Кто-то свистнулъ въ тишинѣ, смолкъ и опять свистнулъ. Въ лѣсу показались неясныя краски, на небесахъ утренняя синева. Послышался иной свистъ въ другомъ мѣстѣ, потомъ въ третьемъ. Бѣлыя, легкія облачка заалѣли. Лѣсъ уже пѣлъ тысячами голосовъ — въ вѣтвяхъ, въ травѣ, въ воздухѣ. Звѣрь стоналъ въ оврагѣ. Облака вспыхнули огнемъ и улетѣли. Въ сосновыя вѣтви проскользнулъ лучъ великаго свѣтила и заигралъ въ слезкѣ росы, лежавшей на листикѣ травки. Подскочилъ заяцъ и сталъ глодать молодую осину; но увидѣвъ меня умчался въ чащу. Что-то брякнуло вдали, что-то похожее на человѣческій голосъ коснулось уха. Я притаилъ дыханіе и слушалъ. Лучи солнца засвѣтились пятнами на зеленой травкѣ, и благотворная теплота разлилась постепенно.

Осмотрѣвъ ружье я пошелъ къ оврагу, въ которомъ теперь все молчало. Непроходимо ломкій валежникъ покрывалъ его дно, чернымъ звѣремъ глядѣлъ оттуда пень, покрытый черноземомъ. Но гдѣ же тотъ, который пугалъ въ молчаніи ночи? А, вотъ онъ! Звѣрь этотъ смотрѣлъ на меня вовсе не грозно, съ мольбой о спасеніи: это была лошадь, завалившаяся въ ломъ и почти издыхающая. Не имѣя силъ помочь ей, я отвернулся и пошелъ по лѣсу. Что-то опять прозвонило вдали; смолкло — кажется пѣсня. Да, это пѣсня! Ближе, яснѣе сердце забилось живѣе, пѣсня звучала сильнѣе, все ближе, можно было различить и напѣвъ пѣсни. Я бросился на голосъ, и скоро межъ деревъ замелькалъ кто-то. По довольно торной дорогѣ верхомъ на лошади ѣхалъ молодой парень.

Разумѣется, что съ этимъ всадникомъ я выбрался изъ лѣсу.

Дмитріевъ.

119. Страхъ тишины и неизвѣстности синестетическаго происхожденія.

С т а р у х а .

Я шелъ по широкому полю одинъ.

И вдругъ мнѣ почудились легкіе, осторожные шаги за моей спиной... Кто-то шелъ по моему слѣду.

Я оглянулся и увидалъ маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную въ сѣрыя лохмотья. Лицо старушки одно виднѣлось изъ подъ нихъ: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошелъ къ ней... Она остановилась.

— Кто ты? Что тебѣ нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвѣтила. Я наклонился къ ней и замѣтилъ, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, бѣловатой перепонкой или плевой, какая бываетъ у иныхъ птицъ, онѣ защищаютъ ею свои глаза отъ слишкомъ яркаго свѣта.

Но у старушки та плева не двигалась и не открывала зеницъ, изъ чего я заключилъ, что она слѣпая.

— Хочешь милостыни? — повторилъ я свой вопросъ. — Зачѣмъ ты идешь за мною? Но старушка по прежнему не отвѣчала, а только съежилась чуть — чуть.

Я отвернулся отъ нея и пошелъ своей дорогой.

И вотъ опять слышу я за собой тѣ же легкіе, мѣрные, словно крадущіеся шаги.

Опять эта женщина! — подумалось мнѣ: что она ко мнѣ пристала? Но я тутъ же мысленно прибавилъ: вѣроятно она со слѣпу сбилась съ дороги, идетъ теперь по слуху за моими шагами, чтобы вмѣстѣ со мною выйти въ жилое мѣсто. Да, да; это такъ.

Но странное безпокойство понемногу овладѣло моими мыслями: мнѣ начало казаться, что эта старушка не идетъ только за мною, но что она направляетъ меня, что она меня толкаетъ то направо, то налѣво, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако я продолжаю идти..... но вотъ впереди, на самой моей дорогѣ, что-то чернѣетъ и ширится..... какая-то яма..... «Могила!» — сверкнуло у меня въ головѣ. Вотъ куда она толкаетъ меня!

Я круто поворачиваю назадъ. Старуха передо мной..... но она видитъ. Она смотритъ на меня большими, злыми, зловѣщими глазами..... глазами хищной птицы... Я надвигаюсь къ ея лицу, къ ея глазамъ... Опять та же тусклая плева, тотъ же слѣпой и тупой обликъ...

«Ахъ», думаю я..., «эта старуха — моя судьба. Та судьба, отъ которой не уйти человѣку».

«Не уйти, не уйти! — Что за сумашествіе!.. Надо попытаться». И я бросаюсь въ сторону по другому направленію.

Я иду проворно... Но легкіе шаги попрежнему шелестятъ за мною, близко, близко... И впереди опять темнѣетъ яма.

Я опять поворачиваю въ другую сторону... И опять тотъ же шелестъ сзади, и то же грозное пятно впереди.

И куда не мечусь, какъ заяцъ на угонкахъ..... все то же, то же.

Стой, думаю я. — Обману же я ее. Не пойду я никуда, — и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоитъ позади въ двухъ шагахъ отъ меня. Я ея не слышу, но чувствую, что она тутъ.

И вдругъ я вижу: то пятно, что чернѣло вдали, плыветъ, ползетъ само ко мнѣ.

Боже! Я оглядываюсь назадъ... Старуха смотритъ прямо на меня, и беззубый ротъ скривленъ усмѣшкой.

— Не уйдешь.

И. С. Тургеневъ.

120. Проявленія страха имѣютъ слѣдующіе виды:

Опасеніе — конкретный случай боязни, и ему свойственна та же физіогномика, что и страху.

Тревога представляетъ собою острое опасеніе или боязнь, стоитъ между страхомъ и боязнью.

Осмотрительность и осторожность, какъ показываютъ самыя наименованія, являются частными сторонами или проявленіемъ боязни или опасенія и обозначаютъ: *первая* — наличность осмотра, т. е. зрительнаго вниманія, *а вторая* — наличность охраны, обереганія. То же обозначаетъ и *предосторожность* (сторожъ, стража, охрана и др.)

Трусость, трепетъ, дрожь, пугливость, робость, боязнь, опасеніе представляютъ различныя состоянія страха; изъ нихъ первыя три указываютъ на физическій признакъ страха — дрожаніе, три остальныя — на душевное состояніе. Трусость есть малодушный страхъ, соединенный съ умственной спутанностью и растерянностью, при которой человѣкъ не удаляется отъ опасности, не спасается, но остается на мѣстѣ, съеживается въ «комокъ» въ ожиданіи бѣды.

Описаніе страха въ его сильныхъ проявленіяхъ сдѣлано французскимъ врачемъ (Laborde) изъ наблюденій надъ несчастными, идущими на казнь. *Мертвенная блѣдность и безсиліе* составляютъ главнѣйшія черты душевнаго состоянія человѣка, ожидающаго близкой, насильственной смерти.

Чувство страха и всѣ другія чувства, хотя они представляютъ собою чувственные или эмотивные образы, но происходятъ не такъ, какъ воз-

никаютъ зрительные, слуховые и другіе умственные образы предметовъ, т. е. въ зависимости, полностью отъ полученныхъ внѣшнихъ впечатлѣній. Страхъ можетъ вспыхнуть и синестетически, какъ выражаются психологи, и на этомъ послѣднемъ способѣ основывается чуткость чувствъ. Зависитъ чуткость частью отъ внѣшнихъ впечатлѣній, частью же отъ воспоминаній и отъ внутреннихъ впечатлѣній, которыми синестетически подкрѣпляется получаемое извнѣ впечатлѣніе. Типическимъ примѣромъ *синестетическаго* возникновенія и разрастанія чувства могутъ служить: страхъ, отвращеніе, чувственность. Въ состояніи страха даже отъ ничтожнаго шороха, отъ крохотнаго внѣшняго толчка чувство разрастается въ сильный неудержимый взрывъ, какъ будто ничтожное, внѣшнее впечатлѣніе коснулось какаго то аккумулятора чувства и вызвало взрывъ на подобіе взрыва у электрической рыбы. Подобнымъ образомъ въ состояніи тошноты ничтожный дурной запахъ, иногда даже зрительное впечатлѣніе переполняютъ синестетическое напряженіе и доводятъ незначительную вначалѣ тошноту до рвоты. Отъ ничтожной внѣшней искры зажигаются синестетическіе пожары. На это расчитываютъ и этимъ злостно пользуются художественные порнографисты. Но въ рукахъ такаго цѣломудреннаго писателя, какъ Гоголь *), тотъ же художественный пріемъ обращенъ въ иную сторону на дѣло вызова чувства *стыда,* и это чувство подобно чарующему дѣйствію лѣкарственнаго напитка вызываетъ синестетическій подъемъ всѣхъ высшихъ чувствъ на идеальную высоту жизни. Такое чувство психизма не доступно для системы *ассоціацій,* но дается *синестезіями,* которыя кладутся въ основу художественныхъ пріемовъ творчества. Въ этомъ различіе между умственными образами, связываемыми ассоціаціями и эмотивными образами, связываемыми двояко: и ассоціативно и синестетически.

Это двоякое происхожденіе чувства страха передано хорошо въ разсказѣ Леонида Андреева: «Воръ».

121. На ворѣ шапка горитъ. («*Воръ*»).

(*Страхъ синестетическаго и ассоціативнаго происхожденія.*)

Ѳеодоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи, собрался въ гости къ своей прежней знакомой, жившей верстъ за семьдесятъ отъ Москвы. На вокзалѣ онъ сидѣлъ въ буфетѣ перваго класса, ѣлъ пирожки и пилъ пиво, и ему прислуживалъ человѣкъ во фракѣ, а потомъ, когда всѣ двинулись къ вагонамъ, вмѣшался въ толпу и, какъ то нечаянно подчинясь общему возбужденію, вытащилъ кошелекъ у сосѣда, пожилаго господина. Денегъ у Юрасова было достаточно, даже много, и эта случайная, необдуманная кража могла только повредить ему. Такъ оно и слу-

*) *Всеоб. Психол. Сикорскаго.*

чилось. Господинъ, кажется, замѣтилъ покражу потому, что очень пристально и странно взглянулъ на Юрасова и хотя не остановился, но нѣсколько разъ оглянулся на него. Второй разъ Юрасовъ увидѣлъ господина уже изъ окна вагона. Очень взволнованный и растерянный, со шляпой въ рукѣ, господинъ быстро шелъ по платформѣ и заглядывалъ въ лица, смотрѣлъ назадъ и кого то искалъ въ окнахъ вагона. Къ счастью пробилъ третій звонокъ, и поѣздъ тронулся. Юрасовъ осторожно взглянулъ: господинъ все еще со шляпой въ рукахъ стоялъ въ концѣ платформы и внимательно осматривалъ пробѣгающіе вагоны, точно отсчитывая ихъ; и въ его толстыхъ ногахъ, разставленныхъ неловко, какъ попало, чувствовалась все та же растерянность и удивленіе. Онъ стоялъ, а ему, вѣроятно, казалось, что онъ ѣдетъ: такъ смѣшно и необыкновенно были разставлены его ноги...

Сосчитавъ въ уборной украденныя деньги — ихъ оказалось двадцать четыре рубля съ мелочью — Юрасовъ брезгливо повертѣлъ въ рукахъ кошелекъ: былъ онъ старый, засаленный и плохо закрывался, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него пахло духами, какъ будто очень долго онъ находился въ рукахъ женщины. Этотъ запахъ, немного нечистый, но возбуждающій, пріятно напомнилъ Юрасову ту, къ которой онъ ѣхалъ, и улыбнувшись, веселый, безпечный, расположенный къ дружелюбной бесѣдѣ, онъ пошелъ въ вагонъ. Теперь онъ старался быть какъ всѣ, вѣжливымъ, приличнымъ, скромнымъ; на немъ было надѣто пальто изъ настоящаго англійскаго сукна и желтые ботинки, и онъ вѣрилъ въ нихъ, въ пальто и въ ботинки, и былъ убѣжденъ, что всѣ принимаютъ его за молодаго нѣмца бухгалтера изъ какаго нибудь солиднаго дома...

— Это мѣсто свободно? — вѣжливо освѣдомился онъ, хотя сразу видно было, что мѣсто свободно, такъ какъ на двухъ диванчикахъ сидѣло только двое, отставной офицеръ, старичекъ, и дама съ покупками повидимому дачница. Никто ему не отвѣтилъ, и съ изысканной аккуратностью онъ опустился на мягкія пружины дивана, осторожно вытянулъ длинныя ноги въ желтыхъ ботинкахъ и снялъ шляпу. Потомъ дружелюбно оглядѣлъ старичка офицера и даму и положилъ на колѣно свою широкую бѣлую руку такъ, чтобы сразу замѣтили на мизинцѣ перстень съ огромнымъ брилліантомъ. Брилліантъ былъ фальшивый и сверкалъ старательно и голо, и всѣ дѣйствительно замѣтили, но ничего не сказали, не улыбнулись и не стали дружелюбнѣе. Старикъ перевернулъ газету на новую страницу, дама молоденькая и красивая уставилась въ окно. И уже со смутнымъ предчувствіемъ, что онъ открытъ, что его опять почему то не приняли за молодого нѣмца, Юрасовъ тихонько спряталъ руку, которая показалась ему слишкомъ бѣлою, и вполнѣ приличнымъ голосомъ спросилъ:

— На дачу изволите ѣхать?

Дама сдѣлала видъ, что не слышитъ и что она очень задумалась. Юрасовъ хорошо зналъ это противное выраженіе лица, когда человѣкъ

безуспѣшно и злобно прячетъ насторожившееся вниманіе и становится чужимъ, мучительно чужимъ. И отвернувшись, онъ спросилъ у офицера:

— Будьте любезны справиться въ газетѣ, какъ стоятъ Рыбинскія? Я что то не припомню.

Старикъ медленно отложилъ газету и сурово оттянувъ губы къ низу, уставился на него подслѣповатыми, какъ будто обиженными глазами.

— Не знаю — сердито буркнулъ онъ. — Не знаю. Ничего тутъ нѣтъ такаго. Не понимаю, о чемъ только люди спрашиваютъ.

И уже снова, взявшись за газетный листъ, нѣсколько разъ опускалъ его, чтобы взглянуть сердито на надоѣдливаго господина. И тогда всѣ люди въ вагонѣ показались Юрасову злыми и чуждыми, и странно стало, что онъ сидитъ на мягкомъ пружинномъ диванѣ, и съ глухой тоской и злобой вспомнилось, какъ постоянно и всюду среди порядочныхъ людей онъ встрѣчалъ эту, иногда затаенную, а часто открытую, прямую вражду. На немъ пальто изъ настоящаго англійскаго сукна и желтыя ботинки и драгоцѣнный перстень, а они какъ будто не видятъ этого, а видятъ что то другое, свое, что онъ не можетъ найти ни въ зеркалѣ, ни въ сознаніи. Въ зеркалѣ онъ такой же, какъ всѣ и даже лучше. На немъ не написано, что онъ крестьянинъ Ѳеодоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи, а не молодой нѣмецъ Генрихъ Вальтеръ. И это неуловимое, непонятное, предательское, что видятъ въ немъ всѣ, а только онъ одинъ не видитъ и не знаетъ, будитъ въ немъ обычную глухую тревогу и страхъ. Ему хочется бѣжать, и, оглядываясь подозрительно и остро, совсѣмъ теперь не похожій на честнаго нѣмца — бухгалтера, онъ выходитъ большими и сильными шагами.

— Слушайте, кондукторъ, отчего не идетъ поѣздъ?

Юрасовъ замедляетъ шаги и вслушивается. Кондукторъ сзади равнодушно отвѣчаетъ:

— Стоитъ, стало быть, есть причина. Машинистъ танцевать пошелъ.

Пассажиръ смѣется, и Юрасовъ идетъ дальше. На обратномъ пути онъ слышитъ, какъ два кондуктора говорятъ:

— Будто — онъ въ этомъ поѣздѣ.

— А кто же его видѣлъ?

— Да никто не видалъ. Жандармъ сказывалъ.

— Вретъ твой жандармъ, вотъ что. Тоже не глупѣе его люди...

Бьетъ звонокъ, и Юрасовъ одну минуту въ нерѣшимости...

Быстро прошелъ кондукторъ съ фонаремъ и скрылся за слѣдующей дверью. Ни его шаговъ, ни даже хлопанья двери не было слышно за грохотомъ поѣзда, но вся его смутная, расплывчатая фигура съ торопливыми, наступающими движеніями произвела впечатлѣніе мгновеннаго, рѣзко оборваннаго крика. Юрасовъ похолодѣлъ, что то быстро соображая, — и какъ огонь вспыхнула въ его мозгу, въ его сердцѣ, во всемъ тѣлѣ одна огромная и страшная мысль: его ловятъ. О немъ телеграфи-

ровали, его видѣли, его узнали и теперь ловятъ по вагонамъ. Тотъ «онъ», о которомъ такъ загадочно говорили кондуктора, есть именно Юрасовъ; и такъ страшно узнать и найти себя въ какомъ то безличномъ «онъ», о которомъ говорятъ посторонніе незнакомые люди.

И теперь они продолжаютъ говорить о «немъ», ищутъ «его». Да, тамъ отъ послѣдняго вагона идутъ, онъ чувствуетъ это чутьемъ опытнаго звѣря. Трое или четверо съ фонарями, они разсматриваютъ пассажировъ, заглядываютъ въ темные углы, шепчутся между собою — и шагъ за шагомъ съ роковою поспѣшностью, съ безпощадной неизбѣжностью приближаются къ нему, Юрасову, къ тому, кто стоитъ на площадкѣ и прислушивается, вытянувъ шею. И поѣздъ несется съ свирѣпой быстротой, и колеса уже не поютъ и не говорятъ. Они кричатъ желѣзными голосами, они шепчутся потаенно и глухо, они визжатъ въ дикомъ упоеніи злобою — остервенѣлая стая разбуженыхъ псовъ.

Юрасовъ стискиваетъ зубы и, принуждая себя къ неподвижности, соображаетъ; спрыгнуть при такой быстротѣ нельзя, до ближайшей остановки еще далеко; нужно пройти на передъ поѣзда и тамъ ждать. Пока они обыщутъ всѣ вагоны, можетъ что нибудь случиться — та же остановка или замедленіе хода, и онъ соскочитъ. И въ первую дверь онъ входитъ спокойно, улыбаясь, что бы не казаться подозрительнымъ, держа на готовѣ изысканно вѣжливое и убѣдительное «пардонъ», — но въ полутемномъ вагонѣ третьяго класса людно, такъ перепутано все въ хаосѣ мѣшковъ, сундуковъ, отовсюду протянутыхъ ногъ, что онъ теряетъ надежду добраться до выхода и теряется въ чувствѣ новаго неожиданнаго страха. Какъ пробраться сквозь эту стѣну? Люди спятъ, но ихъ цѣпкія ноги отовсюду тянутся къ проходу, и загораживаютъ его: онѣ выходятъ откуда — то снизу, онѣ свисаютъ съ полокъ, задѣвая голову и плечи, онѣ перекидываются съ одной лавочки на другую — вялыя, какъ будто податливыя и страшно вражебныя въ своемъ стремленіи вернуться на прежнее мѣсто, принять прежную позу. Какъ пружины онѣ сгибаются и выпрямляются вновь грубо и мертво толкая Юрасова, наводя на него ужасъ своимъ безсмысленнымъ и грознымъ сопротивленіемъ... Наконецъ онъ у двери...

Улучивъ минуту, Юрасовъ спрыгиваетъ съ поѣзда на ходу и разбивается до безпамятства...

Леонидъ Андреевъ.

122. Печаль. Упадокъ духа.

Этимъ состояніямъ свойственны и общее безсиліе (слабость мышцъ), блѣдность, согнутое туловище, осунувшееся лицо, опустившаяся голова и руки, медленный темпъ движеній, трудное дыханіе, замедленныя движенія глазъ, отсутствіе блеска ихъ и вообще матовый видъ роговой оболочки

(кромѣ момента слезъ). Наряду съ исчисленными явленіями въ печали замѣчается общій острый упадокъ явленій жизни, зависящій отъ слабости сердца. Всѣ эти признаки видимъ на картинѣ В. Васнецова: «Аленушка». Полуоткрытый ротъ, широкіе глаза зависятъ не только отъ измѣненія въ мимикѣ, но также отъ упадка дѣятельности сердца; сложенныя руки Аленушки упали бы, если бы не были сложены. Такой видъ называется вообще «*убитымъ*» въ силу замѣтнаго, бросающагося въ глаза упадка силъ (при упадкѣ сердца и разстройствѣ кровообращенія). *Убитый видъ* дается тремя главными моментами: *слабостью мышцъ, общей блѣдностью и впалыми глазами.* Медленное движеніе глазъ и другихъ частей тѣла зависитъ въ состояніи *печали* не только отъ слабости мышцъ туловища и сердца, но также отъ пониженія быстроты психическихъ процессовъ, вызваннаго этимъ чувствомъ.

Чувство печали имѣетъ много градацій и по *силѣ* и по *направленію,* въ какомъ оно претерпѣваетъ свои естественныя превращенія. Сильная, острая печаль характеризуется приливомъ и отливомъ чувства и въ моменты наростанія заставляетъ печалящагося «ломать руки», «скрежетать зубами», дѣлать безпокойныя движенія и жесты. Эти проявленія напоминаютъ собою реакцію острой физической боли и соотвѣтствуютъ такому же характеру чувства.

Къ категоріи печали относятся слѣдующія частныя состоянія: *скорбь, горе, туга, жаль, кручина, сокрушеніе, боль и болѣзнь, хворь, немочь.*

Нѣкоторыя изъ этихъ понятій весьма близки къ понятію — печаль (такъ, напримѣръ, почти тождественна съ печалью скорбь); однако же существуютъ нѣкоторые оттѣнки въ значеніи.

Печаль относится къ исключительно душевнымъ состояніямъ — это боль души (Влад. Даль).

Грусть — слабѣйшая степень печали. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ изображеній тихой грусти находимъ у Пушкина въ общеизвѣстномъ любимомъ произведеніи: «*Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*»...

Скорбь обозначаетъ не только душевное, но также и тѣлесное состояніе, т. е. болѣзнь, хворь, скорбь въ костяхъ, скорбный листъ — (Влад. Даль).

Горе — это конкретное событіе или обстоятельство, вызывающее печаль, и потому это понятіе синонимично съ понятіемъ: бѣда, бѣдствіе, несчастіе, напасть, тоска, печаль, кручина (Влад. Даль).

Кручина — что крутитъ человѣка — обозначаетъ собою и состояніе духа и въ то же время условіе или причину, вызывающую такое состояніе (Влад. Даль).

Умиленіе — это печаль, уже начинающая переходить въ надежду.

Хотя вообще чувство печали устойчиво и длительно, но тѣмъ не менѣе оно видоизмѣняется въ двухъ направленіяхъ: то оно движется по направленію къ тяжелой печали и безнадежности, отчаянію, тоскѣ, то

идетъ по противоположному пути, чтобы обратиться въ умиленіе и успокоеніе. Печаль или душевная боль, какъ въ объективномъ изслѣдованіи такъ и въ изобразительномъ описаніи и въ самочувствіи великихъ людей является состояніемъ острымъ, рѣзкимъ, мучительнымъ. Хотя однако же печаль и даетъ рядъ крайне тяжелыхъ впечатлѣній, она не уничтожаетъ физіологическихъ функцій, не лишаетъ человѣка способности чувствовать, мыслить, дѣйствовать, проливать слезы; она измѣняетъ правильность дыхательныхъ отправленій, нарушаетъ дыхательный ритмъ, но не тормозитъ, не подавляетъ и не уничтожаетъ самой функціи дыханія. Совершенно иначе дѣйствуетъ *тоска;* она задерживаетъ, угнетаетъ и пріостанавливаетъ всѣ физіологическія функціи и всѣ проявленія жизни, какъ то: дыханіе, движеніе, отдѣленія и выдѣленія. Она производитъ такое же дѣйствіе и на психическія отправленія — на мысль, волю и чувство: она не просто нарушаетъ ихъ правильность, но тормозитъ и убиваетъ. Тоска является неподвижнымъ тяжелымъ убійственнымъ аффектомъ, переходящимъ въ отчаяніе. Человѣческій языкъ называетъ тоску смертельнымъ — убійственнымъ чувствомъ. Въ тоскѣ самая способность мыслить, желать и даже чувствовать страданіе — убита или уничтожена; потому что тоскою уничтожаются и подавляются всѣ органическія явленія въ самыхъ своихъ основаніяхъ: тоска есть чувство гнетущее: убійственное, мертвящее. Въ тоскѣ человѣкъ ждетъ только своего конца, своей гибели, своего разрушенія и полнаго уничтоженія. Художественное изображеніе печали находимъ въ стихотвореніи Лермонтова: «Мцыри» и таковое же изображеніе тоски содержится въ стихотвореніи Полежаева: «Цѣпи».

123. Печаль.

М ц ы р и .

Когда я стану умирать —
И вѣрь, тебѣ не долго ждать —
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста....
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ

Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ-полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..

Лермонтовъ.

124. Тяжелая печаль, близкая къ тоскѣ и отчаянію.

Вечерняя заря.

Я встрѣчаю зарю
И печально смотрю,
Какъ кропинки дождя
По эфиру летя,
Благотворно живятъ
Попираемый прахъ,
И кипятъ и блестятъ
Въ серебристыхъ звѣздахъ
На увядшихъ листахъ
Пожелтѣвшихъ луговъ,
Сила горней росы,
Какъ божественный зовъ,
Ихъ младыя красы
И крѣпитъ и раститъ.
Что-жъ кропинки дождя,
Вашъ бальзамъ не живитъ
Моего бытія?
Что въ вечерней тиши,
Какъ пріятный обманъ,
Не исцѣлитъ онъ ранъ
Охладѣлой души?
Ахъ не цвѣтъ полевой
Жжетъ полдневной порой,
Разрушительный зной
Сокрушаетъ тоска
Молодого пѣвца,
Какъ въ землѣ мертвеца
Гробовая доска...
Я увялъ — и увялъ
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!
И я жилъ — но я жилъ
На погибель свою,
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою.
Не разцвѣлъ — и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла:
Миръ души погребла
Въ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она.
Я надежду имѣлъ
На испытныхъ друзей;
При невзгодѣ моей,
Всѣмъ постылый, чужой
Никого не любя,

Въ мірѣ странствую я,
Какъ вампиръ гробовой.
Мнѣ противно смотрѣть
На блаженство другихъ.
И въ мученіяхъ злыхъ,
Не сгораючи тлѣть...
Не кропите жъ меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвѣтъ полевой,
Не губительный зной
Пролетѣлъ надо мной.
Я увялъ и увялъ,
Навсегда, навсегда!
И блаженства не зналъ
Никогда, никогда!

А. Полежаевъ.

125. Тоска.

Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И факелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ.
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья,
И ты, священная свобода —
Все, все погибло для меня.
Безъ чувства жизни, безъ желаній
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій —
И умираю ночь и день.

А. Полежаевъ.

126. г) Экспрессія тоски. Физическое безсиліе, согнутость. Бѣдность тѣла и холодъ.

Тоска.

(*Печаль, близкая къ тоскѣ и отчаянію*).

«*Кому повѣмъ печаль мою?*»

Вечерніе сумерки. Крупный мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только что зажженныхъ фонарей и тонкимъ, мягкимъ пластомъ ложится на крыши, лошадиныя спины, плечи, шапки. Извозчикъ Іона Потаповъ весь бѣлъ, какъ привидѣніе: онъ согнулся, насколько только возможно согнуться живому тѣлу, сидитъ на козлахъ и не шевелится. Упади на него цѣлый сугробъ, то и тогда бы, кажется, онъ не нашелъ нужнымъ стряхивать съ себя снѣгъ... Его лошаденка тоже бѣла и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью и палкообразной прямизною ногъ она даже

вблизи похожа на копѣечную пряничную лошадку. Она, по всей вѣроятности, погружена въ мысль. Кого оторвали отъ плуга, отъ привычныхъ сѣрыхъ картинъ и бросили сюда въ этотъ омутъ, полный чудовищныхъ огней неугомоннаго треска и бѣгущихъ людей, тому нельзя не думать...

Іона и его лошаденка не двигаются съ мѣста уже давно. Выѣхали они со двора еще до обѣда, а почина все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ на городъ спускается вечерняя мгла. Блѣдность фонарныхъ огней уступаетъ свое мѣсто живой краскѣ, и уличная суматоха становится шумнѣе.

— Извозчикъ, на Выборгскую! — слышитъ Іона — Извозчикъ! — Іона вздрагиваетъ и сквозь рѣсницы, ослѣпленныя снѣгомъ, видитъ военнаго въ шинели съ капюшономъ. — На Выборгскую — повторяетъ военный. — Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

Въ знакъ согласія Іона дергаетъ вожжи, отчего со спины лошади и съ плечъ сыплются пласты снѣга... Военный садится въ сани. Извозчикъ чмокаетъ губами, вытягиваетъ по лебединому шею, приподнимается и больше по привычкѣ, чѣмъ по нуждѣ, машетъ кнутомъ. Лошаденка тоже вытягиваетъ свою шею, кривитъ свои палкообразныя ноги и нерѣшительно двигается съ мѣста...

— Куда прешь лѣшій! — на первыхъ же порахъ слышитъ Іона возгласы изъ темной, движущейся взадъ и впередъ массы. — Куда черти несутъ? Права держи!

— Ты ѣздить не умѣешь. Права держи! — сердится военный.

Бранится кучеръ съ кареты, злобно глядитъ и стряхиваетъ съ рукава снѣгъ прохожій, перебѣгавшій дорогу и налетѣвшій плечемъ на морду лошаденки. Іона ерзаетъ на козлахъ, какъ на иголкахъ, тыкаетъ въ стороны локтями и водитъ глазами, какъ угорѣлый, словно не понимаетъ, гдѣ онъ и зачѣмъ здѣсь.

— Какіе всѣ подлецы! — острить военный — такъ и наровятъ столкнуться съ тобой или подъ лошадь попасть. Это они сговорились.

Іона оглядывается на сѣдока и шевелитъ губами... Хочетъ онъ, повидимому, что-то сказать, но изъ горла не выходитъ ничего, кромѣ сопѣнья.

Іона кривитъ улыбкой ротъ, напрягаетъ свое горло и сипитъ.

— А у меня, баринъ тово... Сынъ на этой недѣлѣ померъ.

— Гм... Отчего онъ умеръ? — Іона оборачивается всѣмъ туловищемъ къ сѣдоку и говоритъ.

— А кто-же знаетъ! Должно отъ горячки... Три дня полежалъ въ больницѣ и померъ... Божья воля.

— Сворачивай, дьяволъ! раздается въ потемкахъ. — Повылазило, что-ли, старый песъ. Гляди глазами..

— Поѣзжай, поѣзжай..... — говоритъ сѣдокъ.

— Эдакъ мы и дозавтра не доѣдемъ. Погони-ка. — Извозчикъ онять вытягиваетъ шею, приподнимается и съ тяжелой граціей взмахиваетъ

кнутомъ. Нѣсколько разъ потомъ онъ оглядывается на сѣдока. Но тотъ закрылъ глаза и, повидимому, не расположенъ слушать. Высадивъ его на Выборгской, остановился у трактира, сгибается на козлахъ и опять не шевелится... Мокрый снѣгъ опять краситъ набѣло его и лошадку.

Проходитъ часъ, другой...

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходятъ трое молодыхъ людей: двое изъ нихъ высоки и тонки, третій малъ и горбатъ.... — Извозчикъ, къ Полицейскому мосту! — кричитъ дребезжащимъ голосомъ горбачъ... Троихъ двугривенный. Іона дергаетъ вожжи и чмокаетъ. Двугривенный — цѣна не сходная, но ему не до цѣны... Что рубль, что пятакъ для него все равно, были бы только сѣдоки... Молодые люди, толкаясь и сквернословя, подходятъ къ санямъ и всѣ трое сразу лѣзутъ на сидѣнье.

Начинается рѣшеніе вопроса: кому двумъ сидѣть, а кому третьему стоять.

Послѣ долгой перебранки, капризничанья, попрековъ, приходятъ къ рѣшенію, что стоять долженъ горбачъ, какъ самый маленькій.

— Ну, погоняй! — дребезжитъ горбачъ, устанавливаясь и дыша въ затылокъ Іоны. — Лупи! Да и шапка же у тебя, братецъ. Хуже во всемъ Петербургѣ не найти... Гы...ы...ы... — хохочетъ Іона. — Кака есть... — Ну ты, какая есть, погоняй! Эдакъ ты всю дорогу будешь ѣхать! Да? А по шеѣ? — Голова трещитъ... — говоритъ одинъ изъ длинныхъ. — Вчера у Дукмасовыхъ мы вдвоемъ съ Васькой четыре бутылки коньяку выпили. — Не понимаю, зачѣмъ врешь? — сердится другой длинный. — Врешь, какъ скотина.— Накажи меня Богъ, правда... — Это такая же правда, какъ то, что вошь кашляетъ...

— Гы...ы... — ухмыляется Іона.— Ве-еселые господа.

— Тьфу, чтобъ тебя черти... — возмущается горбачъ. — Поѣдешь ты, старая холера или нѣтъ? Развѣ такъ ѣздятъ. Хлобысни-ка ее кнутомъ.

— Ну, чортъ! Но! Хорошенько ее!

Іона чувствуетъ за своей спиной вертящееся тѣло и голосовую дрожь горбача. Онъ слышитъ обращенную къ нему ругань, видитъ людей, и чувство одиночества начинаетъ мало по малу отлегать отъ груди. Горбачъ бранится до тѣхъ поръ, пока не давится вычурнымъ, шести этажнымъ ругательствомъ и не разражается кашлемъ. Длинные начинаютъ говорить о какой-то Надеждѣ Петровнѣ. Іона оглядывается на нихъ. Дождавшись короткой паузы, онъ оглядываается еще разъ, бормочетъ:

— А у меня на этой недѣлѣ... тово... сынъ померъ.

— Всѣ помремъ... — вздыхаетъ горбачъ, вытирая послѣ кашля губы.

— Ну, погоняй, погоняй! Господа, я рѣшительно не могу дальше такъ ѣхать.

— Когда онъ насъ довезетъ?

— А ты его легонько подбодри — въ шею.

— Старая холера, слышишь? Вѣдь шею накостыляю... Съ вашимъ братомъ церемониться, такъ пѣшкомъ ходить... Ты слышишь, Змѣй-Горынычъ! Или тебѣ плевать на наши слова? — И Іона больше слышитъ, чѣмъ чувствуетъ звуки подзатыльника.

— Гы... гы... смѣется онъ. — Веселые господа... дай Богъ здоровья!

— Извозчикъ. Ты женатъ? — спрашиваетъ длинный.

— Я-то, Гы... гы... веселые господа. Теперь у меня одна жена — сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то есть. Сынъ-то вотъ померъ, а я живъ... Чудное дѣло, смерть дверью обозналась... Замѣсто того, чтобы ко мнѣ идтить, она къ сыну...

И Іона оборачивается, чтобы разсказать, какъ умеръ его сынъ, но тутъ-же горбачъ легко вздыхаетъ и заявляетъ, что слава Богу, они наконецъ пріѣхали. Получивъ двугривенный, Іона долго глядитъ вслѣдъ гулякамъ, изчезающимъ въ темномъ подъѣздѣ. Опять онъ одинокъ и опять наступаетъ для него тишина... Утихшая на недолго тоска появляется вновь и распираетъ грудь еще съ большей силой. Глаза Іоны тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, снующимъ по обѣ стороны улицы: не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который выслушалъ бы его. Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границъ... Лопни грудь Іоны и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется,весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе ея не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупку, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ.

Іона видитъ дворника съ кулькомъ и рѣшаетъ заговорить съ нимъ.

— Милый, который теперь часъ будетъ? — спрашиваетъ онъ.

— Десятый... Чего же сталъ здѣсь? Проѣзжай!

Іона отъѣзжаетъ на нѣсколько шаговъ, изгибается и отдается тоскѣ. Обращаться къ людямъ онъ считаетъ уже безполезнымъ. Но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ выпрямляется, встряхиваетъ головой, словно почувствовалъ острую боль и дергаетъ вожжи. Ему невмоготу.

— «Ко двору», — думаетъ онъ. — «Ко двору».

И лошаденка, точно понявъ его мысль, начинаетъ бѣжать рысцой. Спустя часъ, полтора, Іона сидитъ уже около большой грязной печи. На печи, на полу, на скамьяхъ храпитъ народъ. Въ воздухѣ «спираль» и духота... Іона глядитъ на спящихъ, почесывается и жалѣетъ, что такъ рано вернулся домой — «И на овесъ не выѣздилъ», — думаетъ онъ — «Оттого-то вотъ и тоска. Человѣкъ, который знающій свое дѣло... который и самъ сытъ, и лошадь сыта завсегда покоенъ».

Въ одномъ изъ угловъ поднимается молодой извозчикъ, сонно крякаетъ и тянется къ ведру съ водой.

— Пить захотѣлъ? — спрашиваетъ Іона.

— Стало быть, пить.

— Такъ... На здоровье... А у меня, братъ, сынъ померъ... Слыхалъ?... На этой недѣлѣ въ больницѣ... Исторія.

Іона смотритъ, какой эффектъ произвели его слова, но не видитъ ничего. Молодой укрылся съ головой и уже спитъ. Старикъ вздыхаетъ и чешется... Какъ молодому хотѣлось пить, такъ ему хочется говорить. Скоро будетъ недѣля, какъ умеръ сынъ, а онъ еще путемъ не говорилъ ни съ кѣмъ. Нужно поговорить съ толкомъ, съ разстановкой... Надо разсказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что говорилъ передъ смертью, какъ умеръ... Нужно описать похороны и поѣздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ оставалась дочь Анисья. И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чемъ онъ можетъ теперь поговорить? Слушатель долженъ охать, вздыхать, причитывать... А съ бабами говорить еще лучше. Тѣ хоть и дурье, но ревутъ отъ двухъ словъ.

— «Пойти лошадь поглядѣть», — думаетъ Іона — «Спать всегда успѣешь... Небось выспишься».

Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ... Про сына, когда онъ одинъ, не можетъ думать... Поговорить съ кѣмъ нибудь о немъ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко...

— Жуешь? — спрашиваетъ Іона свою лошадь, видя ея блестящіе глаза, — Ну, жуй, жуй!.. Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будешь... Да... Старъ ужъ я сталъ ѣздить... Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ. Жить бы только...

Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ-то братъ, кобылочка.... Нѣту Кузьмы Іоныча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Теперь, скажемъ, у тебя жеребеночекъ и ты этому жеребеночку родная мать.... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь жалко.

Лошаденка ждетъ, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина.

Іона увлекается и разсказываетъ ей все...

А. Чеховъ.

127. Глубокая печаль.

(*Глубокое чувство виновности и печали, по временамъ тоски. Утомленіе умственной работой и жизнью большого города, безъ семейной обстановки*).

(*На почвѣ тяжелой печали и тоски возможна мысль о самоубійствѣ*).

Къ врачу обратилась дѣвушка, лѣтъ 15-16, курсистка, и заявивъ, что она не больная, а кандидатка въ самоубійцы, разсказала слѣдующее:

Происходя изъ бѣднаго семейства, не окончивъ гимназіи, почувство-

вала потребность учиться дальше, пріѣхала въ Кіевъ на курсы. Такъ какъ среди современной молодежи, особенно женской, потребность высшаго образованія чувствуется не только какъ интеллектуальный, но гораздо болѣе, какъ нравственный долгъ, то и молодая дѣвушка была подъ тѣми же наитіями, это было для нея прежде всего нравственнымъ долгомъ, который не допускалъ ни отмѣны, ни промедленія, ни отдыха. Не помнится, на какихъ курсахъ она училась. Но работала она много, стараясь наверстать и пробѣлы первоначальной обстановки. Питалась она недостаточно, отдыхала недостаточно, не имѣла удобствъ жизни. Къ этому присоединялись заботы и тяжелое чувство озабоченности по пріисканію заработка. Обычный циклъ условій. Заработки не давались. Мысль о взносѣ платы за ученіе тревожила и страшила. Спокойствія души при такихъ условіяхъ не было, успѣхи также не были ни своевременны, ни обезпечены. Молодая дѣвушка все относила то къ недостатку энергіи, то къ недостаточной выработкѣ характера, то къ своей неумѣлости — и себя, одну себя считала во всемъ виноватой. Она такъ въ этомъ утвердилась, что въ своемъ боязливомъ и торопливомъ мышленіи не брала въ расчетъ всѣхъ причинъ и условій, но сузилась и замкнулась въ одномъ чувствѣ личной виновности. Къ этому скоро прибавилось чувство *гнѣва* и раздраженія противъ этого единственнаго, казалось ей виновника ея бѣдъ и жизненныхъ неудачъ.

«Такъ нечего и церемониться съ такимъ существомъ» — неожиданно промелькнуло однажды въ ея душѣ. Эта логика: «виновный долженъ получить возмездіе» окрѣпла въ ея сознаніи, и опасность катастрофы становилась все болѣе и болѣе возможной. Односторонность въ работѣ сознанія сдѣлалась особенно слѣпой съ того момента, когда на горизонтахъ настроенія утвердилось чувство *гнѣва* и его дѣтище *месть*. *Гнѣвъ* особенно опасенъ тѣмъ, что это чувство — не пассивное, какъ тоска, а, напротивъ, — активное, способное къ опаснымъ и страстнымъ проявленіямъ.

По складу своего характера, молодая дѣвушка не обладала сколько нибудь значительной волей или дисциплинированной мыслью (и училась-то она немного). При такихъ условіяхъ, ея чувства не были сдерживаемы или обуздываемы волей и не подвергались сколько нибудь серьезной умственной обработкѣ, и потому, естественно становились острыми и порывистыми и оставляли опасный слѣдъ въ эмоціональной памяти. *Винзность и мщеніе* стали почти безраздѣльно господствовать въ душѣ. Но по природной добротѣ этого существа, чувство *виновности,* а не *гнѣвъ* наиболѣе овладѣло ею: она мучилась воображенными своими провинностями, часто дѣтски наивными, однако же настолько жестокими, что мщеніе стояло въ душѣ наготовѣ. Въ такомъ состояніи она обратилась къ врачу-психіатру.

Ея мысль оказалась односторонней и упорной: она думала объ отрав-

леніи, другіе виды самоубійства не занимали ея ума: то муки виновности, то перспектива и детали отравленія.

Она торопливо и наскоро описала свое душевное состояніе и сейчасъ перешла къ процедурѣ лишенія себя жизни.

— Я все обдумала, г. профессоръ, я не буду стрѣляться, чтобы не испугать квартирной хозяйки, да у меня и руки не твердыя: я просто выпью что нибудь и конецъ. Мнѣ все равно, чѣмъ отравиться: больше или меньше мученій — все едино, и такъ мучительно.

— Я запрусь въ одной комнатѣ — заключила она, — а на утро они меня найдутъ застывшей.

Я попытался сдѣлать нѣкоторыя возраженія, но у нея все было, дѣйствительно, такъ обдумано, что многіе отвѣты уже были готовы. Убѣждать ее было безполезно. Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей стало ясно, что это — альтруистъ, человѣкъ совѣсти и долга, и я попытался, нельзя ли на этомъ полѣ что нибудь сдѣлать. Необходимо было, притомъ, и спѣшить, потому что въ ея душѣ все такъ было готово, что несчастье стояло тутъ рядомъ, какъ смерть за плечами. Покойный проф. Балинскій (знаменитый русскій психіатръ) предостерегалъ своихъ учениковъ (я имѣлъ счастье быть его ученикомъ), совѣтуя зорко и бдительно стоять на стражѣ, быть внимательнымъ и не медлить, чтобы не пришлось черезъ день прочесть въ газетахъ о самоубійствѣ и не испытать чувства вины за судьбу человѣка, который обращался къ вамъ и искалъ вашей помощи, но вы не были поспѣшны и осторожны. Близкія къ самоубійству или душевной болѣзни лица не рѣдко обращаются къ психіатру, часто имѣя въ виду вовсе не *пользоваться* совѣтомъ, но обращаются во исполненіе какого-то смутно-сознательнаго долга. Я подумалъ объ этомъ и повелъ такой разговоръ съ юной посѣтительницей.

— Послушайте, вы такъ подробно обдумали вашъ нехорошій поступокъ, что мнѣ даже не приходится говорить (а я это имѣлъ въ виду) — говоритъ о томъ, что вы избрали самый мучительный способъ смерти: ядъ — отвратительное убійство. Больше я вамъ ничего не скажу. Только отвѣчайте мнѣ на нѣкоторые вопросы:

— Вы писали письмо вашей мамѣ?

Она чуточку смутилась морально, однако, сейчасъ же нашла отвѣтъ въ той кучѣ мелкихъ соображеній, которыя въ качествѣ легкихъ возраженій прошли черезъ ея голову, уже въ ту пору, когда вопросъ былъ рѣшенъ.

— Нѣтъ. Я мамѣ не писала, что же мучить бѣдную маму. Прочитаетъ она въ газетахъ, хозяйка ей напишетъ... Ну... поплачетъ, поплачетъ и успокоится. Что же дѣлать?

— Все-таки лучше мамѣ написать. Она ежедневно будетъ много разъ читать и перечитывать ваше письмо, обливая его горючими слезами. — «Бѣдная моя»... (Какъ васъ звать?—Екатерина). «Бѣдная моя Катенька».

— скажетъ мама, ни въ чемъ она, малютка не виновна... я виновата въ ея смерти: мало ей писала, не дала ей воспитанія и проч и проч. Не она самоубійца, скажетъ мама, это я ея убійца. И пойдетъ мама плакать, горевать, убиваться, молиться и коротать жизнь, которая покажется долгой, долгой, тяжкой и мучтельной. Мама скажетъ: зачѣмъ я раньше не умерла?

— И знаете-ли, это будетъ правда: все-таки, по великому уложенію природы старые должны умирать раньше, а молодые послѣ, хотя вы и дѣлаете наоборотъ.

— Напишите вашей мамѣ, — продолжалъ я, хоть письменно проститесь съ нею. Станете писать письмо — и у васъ, вѣроятно, слезы польются изъ глазъ, закапаютъ письмо, мама замѣтитъ это, будетъ покрывать эти мѣста слезами и поцѣлуями и сольются ваши слезы съ ея слезами въ одно общее море слезъ, тогда и въ микроскопъ не разпознать, гдѣ слезы матери, гдѣ дочери, и въ лабораторіи не разыщешь, гдѣ больше горечи и соли, гдѣ меньше. И вновь, и вновь, пуще и пуще будетъ горевать мама, оттого, что примѣшала свои слезы къ вашимъ и не оставила нетронутыми ваши слезинки, этотъ послѣдній слѣдъ и послѣдній свидѣтель вашей безвременно погибшей жизни и вашей дочерней любви... — знаете-ли, умирая всѣ пишутъ матерямъ, напишите и вы. Когда рождала васъ мама, тогда мучилась, а теперь и больше мукъ придется ей принять и дольше придется страдать.

— Непремѣнно напишите, настаивалъ я, не забудьте вашу бѣдную маму, вспомните о ней. — Вотъ вы о квартирной хозяйкѣ такъ подумали, боитесь выстрѣломъ напугать ее, подумайте и о мамѣ. — Послушайте меня, не забудьте вашу маму. Вѣдь вы у нея отнимаете дочь; жестоко и несправедливо отнимаете. Уже это тяжело. Да еще въ свѣтѣ будутъ говорить: «семейная среда заѣла ее» (то есть васъ — то) и будетъ ваша мама безъ вины виноватой. Ударъ будетъ двойной, отъ *свѣта и отъ васъ*...

Выслушанными словами молодая дѣвушка нисколько не была тронута. Было ясно, что слова не доходятъ до ея окаменѣлаго сердца. Я только въ эту минуту понялъ, какъ велика и непосредственна опасность, которою она окружена, и какъ настойчивы должны быть попытки — пробудить ее отъ нравственной летаргіи.

Не смотря на всѣ старанія вызвать движеніе чувства въ душѣ молодой дѣвушки, она оставалась въ фактическомъ безчувствіи и воспринимала впечатлѣнія только ледянымъ умомъ. Оттого она продолжала пребывать во власти убійственнаго рѣшенія. Но и оставлять все in statu quo, хотя бы даже на самое короткое время, значило цѣликомъ отдаться во власть безнадежной случайности. Обращаться къ посторонней помощи, напримѣръ, къ роднымъ, къ знакомымъ, къ ея товарищамъ — этотъ внѣшній путь былъ бы своего рода раскрытіемъ тайны, и какъ я въ томъ убѣдился на бывшихъ примѣрахъ, имѣетъ свои роковыя опасности, а мать

ея была далеко. Остался все- таки одинъ вѣрный путь, — путь психологической борьбы и психической терапіи.

Еще разъ я пытался говорить, обращаясь уже не къ *чувству* вообще, которое было въ параличѣ, а къ *чувству долга,* которое оставалось не только не пораженнымъ, но изощреннымъ у этого чистаго, добраго, идеальнаго отъ природы существа. По руслу этого чувства еще можно было надѣяться проникнуть въ ея душу: всѣ же другіе входы туда были наглухо заколочены.

Ея стремленіе *наказать* себя, *отомстить* себѣ за свои вины стояло неумолимо.. Оно-то — чувство виновности — и было той страшной заразой, которая грозила смертью. Но это стремленіе всецѣло вытекало изъ крайне строго понятаго долга и изъ колоссальныхъ преувеличеній и пристрастій въ оцѣнкѣ своихъ недостатковъ. На этой почвѣ можно было надѣяться на успѣхъ нравственнаго воздѣйствія. И только на этой почвѣ. На эту почву я сталъ.....

.....

— Послушайте — еще одинъ вопросъ. — Вы для чего собственно обратились ко мнѣ? Вы съ кѣмъ — нибудь уже говорили о вашихъ нехорошихъ намѣреніяхъ.

Я каждый разъ говорилъ слово: *нехорошихъ,* чтобы не оставлять въ ней никакого сомнѣнія относительно того, что при всей проявленной мною благосклонности и благожелательности, я рѣшительно порицаю ея мысль о самоубійствѣ. На мой прямо предложенный вопросъ она отвѣчала:

— Нѣтъ. Я никому ничего не говорила. Вамъ, первому, я открываю свою роковую тайну.

— А для чего же я долженъ знать такія тайны? — ласково спросилъ я, идя навстрѣчу ея довѣрію.

Она затруднилась отвѣтить сразу. Видно, что съ ясностью она и сама не понимала, зачѣмъ обратилась къ доктору, хотя въ глубинѣ души, какъ выяснилось, она смутно чувствовала, что этотъ шагъ необходимъ и *обязателенъ.*

— Какъ сказать... Вы же психіатръ... ученый профессоръ...

Она опять затруднилась уразумѣть и то передать словами, что происходило въ глубинѣ ея души и что привело ее ко мнѣ.

— Я хотѣла — заговорила она съ нѣкоторымъ пробужденіемъ чувства, чтобы хотя одна живая душа знала мое несчастье... «не убійца же я какая нибудь, подлая, чтобы затаить всю душу».

— Вы хотѣли исполнить послѣдній долгъ человѣка... Хотѣли открыть тяжелую истину, — сказалъ я, и не ожидая ея отвѣта, продолжалъ: — Въ *этомъ* вы поступаете правильно. Надлежитъ исполнять долгъ всю жизнь и также исполнять его въ послѣдній разъ.

— Вы понимаете, конечно, что такое долгъ! — сказалъ я скорѣе въ формѣ утвержденія, а не въ формѣ вопроса, и видя на лицѣ ея знакъ

согласія, пояснилъ свою мысль: *долгъ* — это то, что *должно* дѣлать...

Послѣ небольшого эмотивнаго раздумья я обратился къ ней:

— У меня къ вамъ есть небольшая просьба... Исполните ее. Если обѣщаете исполнить, я скажу. Если не обѣщаете, просьба предъявлена не будетъ.

По лицу дѣвушки и по всей ея внѣшности было видно, что фанатическая рѣшимость дрогнула въ ея душѣ, уступая мѣсто разуму, волѣ и *готовности долга.* Пользуясь этой зарей перемѣны въ настроеніи, я твердымъ голосомъ, не допускавшимъ отказа, сказалъ.

— Я прошу у васъ *только одного:* въ теченіи цѣлой недѣли не думать о самоубійствѣ и всѣми силами отъ того удерживаться. А черезъ недѣлю пожалуйте ко мнѣ.

Чтобы укрѣпить ослабѣвшую волю страдалицы, охваченной фанатизмомъ убійства (она едва — едва, но все-таки протестовала противъ этого фанатизма, произнося фразу: «не убійца же я какая нибудь подлая»), чтобы укрѣпить ея волю, я просилъ ее дать положительное завѣреніе въ томъ, что она исполнитъ мою просьбу. Она убѣжденно съ чувствомъ долга дала обѣщаніе.

— Посмотрите внимательно *туда.* — Я показалъ образъ Христа — работы нѣмецкаго художника Гофмана: — Онъ будетъ свидѣтелемъ моей *просьбы* и вашего обѣщанія.

Она вдумчиво взглянула на художественно-исполненный образъ, который находился передъ ея взоромъ. Экспрессія, какую далъ художникъ Христу на этомъ образѣ, содержала выраженіе *упрека,* соединеннаго съ *величайшей любовью,* соотвѣтственно евангельскому тексту: «сколько Я хотѣлъ собрать васъ, какъ горлица собираетъ птенцевъ подъ свое крыло... но вы не захотѣли».

Мы разстались. По выраженію уходящей фигуры, которую я провожалъ глазами, я замѣтилъ, что кора дикой жестокой рѣшительности пробита: но я боялся рецидивныхъ явленій, и это оправдалось.

Черезъ недѣлю она явилась. Въ ея фигурѣ и лицѣ было недовольство и то же въ тонѣ рѣчей и голосѣ.

— Я съ трудомъ сдержала данное обѣщаніе...

Я перебилъ ее твердымъ замѣчаніемъ, что всякій долгъ исполняется не легко, не безъ *труда* и требуетъ усилій, но исполненный долгъ оставляетъ въ душѣ доброе чувство и прибавку воли, а это достаточная награда за сдѣланныя усилія.

— Но это требуетъ нечеловѣческихъ усилій, оправдывалась она.

— Но вы ихъ, все же, сдѣлали. И я вижу, что сегодня вы добрѣе душой, чѣмъ недѣлю тому назадъ.

— Я этого не замѣчаю въ себѣ, — сказала она.

— А я *замѣчаю,* и повѣрьте что это имѣетъ большее значеніе, чѣмъ то, что вы не *замѣчаете.*

— Я все таки остаюсь при своемъ. Я дальше сдерживать себя не могу и не буду.

— Это «не могу» и «не буду» я слышалъ и недѣлю тому назадъ, но оно не оказалось правдой. Сдерживать себя вы *можете* и *должны*.

— Боже мой! Что мнѣ дѣлать? — произнесла она въ состояніи колеблющейся воли и проблеска добрыхъ чувствъ, которыя, однако-жъ, слабо озарили ея лицо, расходуясь почти сполна на борьбу съ роковымъ стремленіемъ къ самоубійству.

Моментъ былъ трудный и, быть можетъ, болѣе трудный для меня, чѣмъ для моей собесѣдницы. Опасность положенія я чувствовалъ со всею ясностью. Чувствовалась и нравственная отвѣтственность за чужое дитя, которое, по слѣпому случаю, безпомощно упало на мои руки... Быть можетъ, еще удастся удержать ея убійственную руку... Но можетъ случиться также, что ночной мракъ, даль родной матери и заготовленный ядъ скажутъ свое послѣднее слово... Послѣ небольшой наступившей паузы, я ласково сказалъ:

— Послушайтесь меня, дитя. (Тутъ я спохватился...) — Простите за послѣднее, услышанное вами слово, которое вырвалось изъ души, какъ невольная материнская ласка, когда, за отсутствіемъ здѣсь вашей мамы, охранять васъ приходится чужому, а не родному оку. Послушайте моего совѣта. Вы взрослая дѣвушка, хотя я васъ и назвалъ *иначе*, и какъ *взрослая*, вы должны уже умѣть признавать и нравственный долгъ, и его безусловную обязательность. Жизнь есть жизнь, а смерть есть смерть, и ихъ необходимо держать въ памяти, но — каждую въ особомъ ящикѣ, и подъ замкомъ. Но держать ихъ близко, какъ вы дѣлаете, — это несовмѣстимо съ долгомъ. Долгъ и выше жизни, и выше смерти. Первый долгъ — это сама жизнь, послѣдній — смерть. Исполните оба по очереди.

Едва она произнесла свои первые отвѣтные слова тѣмъ же опаснымъ, зловѣщимъ тономъ, я быстро всталъ съ мѣста — это былъ невольный знакъ того, что я *желаю, требую, настаиваю на своемъ* и ни на шагъ *не могу* отступить... Встрѣтившись неожиданно съ непреклонной твердостью духа, молодая дѣвушка вдругъ расплакалась и пала предо мною на колѣни. Закрывъ лицо руками и не переставая тихо лить слезы, она склонилась ко мнѣ головой и начала *умолять*, чтобы я *позволилъ* ей лишить себя жизни. Она безсильно оставалась въ той же позѣ... Я ласково взялъ ее за руки и посадилъ... Послѣ короткой паузы я обратился къ ней:

— Дитя мое! — сказалъ я съ нѣжной твердостью. — Вы сами не знаете, чего просите. Развѣ врачъ можетъ дать свое согласіе на отнятіе у человѣка жизни, чего вы такъ настойчиво домогаетесь отъ меня. Медицина и врачи стремятся сохранить и продлить человѣческую жизнь, а не разрушать ее. Это принципъ медицины. Ни одинъ врачъ въ мірѣ не могъ бы дать вамъ иного отвѣта.

— Но для меня *жить*, — что-то ужасное. Это невозможность! — повторяла она, но уже, видимо побѣжденная.

Съ молящимъ взоромъ, все еще оставаясь въ борьбѣ чувствъ, и не переставая тихо плакать, она сказала:

— Не требуйте отъ меня, профессоръ, того, что для меня невозможно.

— Невозможнаго — *что выше вашихъ силъ*, я не требую, но одну *недѣлю* жизни, это возможно, — сказалъ я со спокойнымъ, но глубокимъ убѣжденіемъ.

— Я попробую — *изо всѣхъ своихъ послѣднихъ силъ попробую* — сказала она съ видимымъ напряженіемъ воли — воли еще юной и неокрѣпшей, но уже ослабленной страданіями.

— Меня радуетъ ваше обѣщаніе напрячь свои послѣднія силы. Въ свою очередь, и я вамъ обѣщаю, что за эту недѣлю и силы организма, и силы воли у васъ получатъ прибавку. То, что вы расплакались, — не плохой знакъ. Я даже радуюсь, что могъ васъ растрогать до слезъ.

Я позвонилъ прислугѣ и сказалъ дать барышнѣ умыться, потому, что у нея разболѣлась голова, а ей сказалъ:

— Вымойте хорошенько ваше лицо и черезъ недѣлю приходите.

Мы простились. Успѣхъ психологическаго леченія обозначился. Печать мрачной убитости и холодныхъ, жестокихъ фанатическихъ напряженій, — эта печать стала, видимо, меньше. Духъ получилъ свою свободу отъ гнета тяжкаго, густого, чернаго налета пессимизма. Особенно благопріятнымъ знакомъ былъ свободный, искренній потокъ слезъ: смѣна эмоцій начинала вступать въ свои естественные пути.

Черезъ недѣлю новое свиданіе. Общее впечатлѣніе было благопріятно. Однако-жъ, опасное зло еще не исчезло. Оно еще оставалось въ душѣ, сказываясь и рецидивными мыслями, и тяжкими сомнѣніями, но возможность возстановленія потрясенной души была уже безспорно достигнутой.

— Я снова пришла къ вамъ, тихо заговорила она, уже полная кротости и добрыхъ чувствъ, но еще сомнѣвающаяся и нерѣшительная, выбитая изъ колеи жизни. На поверхности ея души еще держались пережитыя эмоціи.

— Я боюсь, г. профессоръ, что вы потребуете отъ меня еще одну недѣлю.

—Одну *недѣлю?*.. — Одинъ *годъ*, — твердо сказалъ я. — Вы прожили *двѣ* недѣли, можете прожить и *двадцать двѣ* и *дважды двадцать двѣ*. Ничего невозможнаго я не требую отъ васъ. И это будетъ самый дорогой подарокъ для вашей бѣдной мамы, которой я написалъ подробно о постигшихъ васъ бѣдствіяхъ и отъ которой получилъ это письмо. Прочтите его.

Она жадно впилась въ родныя строки, и теперь видно было, что тя-

желый кошмаръ, омрачившій, было, ея душу, исчезъ, и она теперь имѣетъ силы радоваться, волноваться, надѣяться, любить свою маму, о которой она совсѣмъ, было, забыла, если не своей памятью, то своими чувствами. Но въ минуту чтенія письма она была полна самыхъ пламенныхъ, всепроницающихъ, свободно горѣвшихъ дочернихъ эмоцій. Зная содержаніе письма, я слѣдилъ взоромъ, какія чувства и какое состояніе духа вызывалось у читавшей тѣми или другими мѣстами письма. Начиналось письмо словами: «нѣтъ у меня, дорогой профессоръ, ни столько словъ, ни столько слезъ, чтобы выразить вамъ мои чувства за спасеніе моей единственной и безконечно дорогой для меня дочери, для которой вы стали ангеломъ-хранителемъ. Только вамъ мы обѣ обязаны счастіемъ жить, любить и поддерживать одна другую»... и т. д.

— А я-то васъ и не поблагодарила, *дорогой профессоръ*, повторяла она слова матери, за ваши заботы.

— Вы поблагодарили, сказалъ я, поблагодарили тѣмъ, что послушали меня и поправились. Теперь, поѣзжайте съ мамой домой. Она, вѣдь пріѣзжаетъ на-дняхъ. Нигдѣ вамъ не будетъ такъ хорошо, какъ у мамы; тамъ расправятся смятые и растрепанные бурей жизни листочки вашей души и опять полетитъ свободно ваше существо. Теперь уже придете ко мнѣ вмѣстѣ съ мамой.

Мы простились.

Какъ ни стихла, казалось, легко, страшная буря или ураганъ, налетѣвшій на юную душу, но за наступившимъ психологическимъ просвѣтленіемъ еще долго (нѣсколько мѣсяцевъ) оставались тяжелые нервныя разстройства. Полное возстановленіе здоровья потребовало еще долгаго срока. Но это самый обычный ходъ событій. Многіе случаи этого рода оканчиваются удавшимися или неудавшимися попытками самоубійства. Предупрежденіе самыхъ попытокъ въ высшей степени важно для полнаго выздоровленія. Сдѣланныя попытки на самоубійство, даже нисколько не повредившія здоровью, все таки оставляютъ надолго дурной слѣдъ — слѣдъ излома души.

На почвѣ печали и тоски возможно самоубійство.

И. Сикорскій.

128. Путь развитія чувства. Приведенные примѣры гнѣва, страха, тоски показываютъ, что даже эти низшія и древнѣйшія чувства полны прогресса и проникновенныхъ откровеній. Но затѣмъ, въ области высшихъ и сложнѣйшихъ чувствъ, тонкость и глубина анализа достигаетъ почти пророческой силы. Вотъ почему настроеніямъ, эмоціямъ и нравственному чутью принадлежитъ высокая роль *ментора* жизни, а соотвѣтственно тому лирическая поэзія пріобрѣтаетъ значеніе любимѣйшаго и увлекательнѣйшаго рода поэзіи. Путь, какому слѣдуютъ всѣ видоизмѣненія и

вся эволюція чувства въ произведеніяхъ писателей и поэтовъ, состоитъ въ слѣдующемъ: 1) сильныя и острыя чувства переходятъ въ медленныя, 2) слабѣйшія чувства задерживаются всецѣло, 3) низшія чувства и эмоціи преобразовываются въ высшія. Великіе люди, подобно обыкновеннымъ, идутъ по той же дорогѣ, и, если обладаютъ поэтическимъ талантомъ, то оставляютъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ слѣдъ своихъ переживаній, столь трогательныхъ и поучительныхъ. Ихъ произведенія полны глубокаго психологическаго опыта, гдѣ они показываютъ себя, какъ люди радующіеся или страдающіе, труждающіеся и обремененные, подающіе человѣчеству примѣръ геніальныхъ усилій и напряженій. Ихъ литературныя произведенія пріобрѣтаютъ, въ этомъ случаѣ, значеніе не только художественныхъ твореній, но и поучительнаго личнаго опыта жизни. Изслѣдованія лирическихъ произведеній показываютъ, что у нихъ *страхъ* и *гнѣвъ*, какъ эмоціи низшаго біологическаго ранга большею частью вполнѣ подавляются или задерживаются, злая печаль и тоска преобразовываются въ высшія формы умиленія и грусти, и выступаютъ новые представители эмоціональнаго прогресса: *жалость* (симпатія), *стыдъ* и *благоговѣніе*. Такова прогрессивная программа жизни чувства. Лермонтовъ такъ ее изображаетъ въ стихотвореніи «Не вѣрь себѣ»:

Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Поэтъ даже показываетъ путь и пріемы, какими онъ достигъ высшихъ психологическихъ успѣховъ въ осуществленіи начертанной имъ программы. Онъ началъ съ того, что установилъ миръ въ своей *волнующейся*, или, какъ онъ выражается, *мятежной* душѣ. Для этого онъ прибѣгъ къ усиліямъ воли и самообладанія и обратился къ помощи тонкаго анализа ума, напоминая себѣ образъ солдата, стоящаго на часахъ, и образъ терпѣнія на крестѣ («Вѣтка Палестины»). Онъ успокаиваетъ свою взволнованную душу этими возвышенными образами и высокими идеями, особенно, идеей о *мирѣ*. Поэтъ зналъ уже высокую цѣну смиренія, т. е. *замиранія, внесенія мира въ душу*, и говоритъ: «Когда волнуется желтѣющая нива и свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка... тогда *смиряется* души моей тревога, тогда расходятся морщины на челѣ, и счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога».

Подобно Лермонтову и Пушкинъ нерѣдко употребляетъ слово *мятежный* и знаетъ также цѣну внутренняго мира: — «покоя сердце про-

ситъ», «на свѣтѣ счастья нѣтъ», «а есть покой и воля» — говоритъ онъ. Такимъ образомъ оба великіе поэта испытывали тоску и печаль и выражали почти въ равной степени элегическія жалобы: ихъ великій талантъ только придалъ художественную остроту и силу ихъ чувствамъ. Печаль и ея возвышеннѣйшіе исходы въ умиленіе и слезы — самыя обычныя переживанія обоихъ поэтовъ.

129. Грусть.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердцѣ грусть;
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Лермонтовъ.

130. Печаль.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино — печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о, други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья.
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть, на мой закатъ печальный,
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Пушкинъ.

Слѣдовательно, изъ низшихъ, первобытныхъ чувствъ *гнѣва, страха* и *печали* (страданія) первыя два подавлялись поэтами, или полностью преобразовывались въ другія чувства, печаль же всецѣло не покидала ихъ, но часто оставалась, служа тою цѣлительной эмоціей, черезъ посредство которой разрѣшается тяжелое, внутреннее, иногда убійственное напряженіе. Другіе поэты: Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, испытывали то же. Некрасовъ говоритъ:

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебя мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.

131. Міровая скорбь.

На этой повторяемости почти тождественныхъ жалобъ у поэтовъ и писателей основана идеологія такъ называемой *міровой скорби,* какъ попытка выяснить причины этого всеобщаго явленія, замѣченнаго, притомъ, во всѣхъ странахъ міра. Кромѣ психологическихъ причинъ, какъ то принято думать, міровая скорбь не лишена физіологической причинности. Творческая дѣятельность представляетъ собою ту сложнѣйшую физіологическую работу, какая совершается, какъ бы за счетъ обыденнаго существованія человѣка и не остается безъ вреда для физическаго здоровья. Печаль, съ ея исходами, есть тотъ предохранительный клапанъ, которымъ уменьшается физіологическій нажимъ на силы организма. Міровые поэты, какъ Байронъ, Лермонтовъ, заплатили тяжелую дань чувству міровой скорби. Переводчикъ Лермонтова поэтъ Боденштедтъ называетъ даже всю поэзію Лермонтова *драгоцѣнными слезами,* которыя приносили нашему поэту утѣшеніе при жизни и дали вѣнецъ славы по смерти. Такимъ образомъ міровая скорбь имѣетъ, вѣроятно, и нравственныя, и физіологическія причины и, представляя собою законное и неизбѣжное явленіе — явленіе эволюціи жизни, сказывается тѣмъ рѣзче, чѣмъ напряженнѣе идетъ жизненный процессъ. Въ то время, какъ *гнѣвъ* представляетъ собою прирожденный *инстинктъ нападенія и разрушенія,* а *страхъ* подобный же инстинктъ удаленія отъ опасности, т. е. оба чувства благопріятствуютъ *движенію* и дѣйствію даже въ праведномъ гнѣвѣ, наоборотъ, печаль содѣйствуетъ мысли и размышленію, но не движенію или дѣйствію. Оттого печаль въ эволюціонномъ смыслѣ болѣе предрасполагаетъ къ мышленію, а выражаясь жалобами и слезами, поощряетъ систему чувствъ, эмоцій, настроеній, т. е. въ окончательномъ выводѣ: печаль культурнѣе гнѣва и *страха.* Міровая скорбь, какъ выраженіе страданія приноситъ съ собою широкое культурное дѣйствіе смягченія нравовъ и поощряетъ лиризмъ, столь благотворный для нравственной эволюціи отдѣльныхъ лицъ и общества.

Чувство міровой скорби возникло не въ Россіи. Лермонтовъ отчасти самостоятельно, но главнымъ образомъ подъ вліяніемъ англійскаго поэта Байрона усвоилъ себѣ чувство міровой скорби. Отчасти также испыталъ на себѣ дѣйствіе Байрона и Пушкинъ. Байронъ исходилъ изъ убѣжденія, что въ строѣ міровой жизни нѣтъ гармоніи и порядка. Онъ вѣрилъ, подобно Руссо, въ исцѣляющую силу природы, но скептически относился къ нравственному значенію культуры, созданной человѣкомъ. Байронъ сильно укрѣпилъ въ поэзіи направленіе міровой скорби и стремился къ художественному созданію новаго *идеальнаго будущаго*, такъ какъ усматривалъ въ идеализмѣ естественный выходъ изъ мрачной дѣйствительности и неразлучной съ нею скорби. Такимъ образомъ лиризмъ сталъ побудителемъ и естественнымъ мостомъ къ идеальной дѣйствительности — въ этомъ его новая великая заслуга. Міровая скорбь глубоко отразилась у Лермонтова и также вызвала у него глубокое стремленіе къ творческой идеализаціи, какъ къ естественному успокоенію чувства скорби. Направленіе міровой скорби сказалось въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ Лермонтова, отчасти и у Пушкина.

132. Лирическій идеализмъ.

Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Нѣтъ! весь я не умру: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ;
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна!
Обиды не страшись, не требуй и вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Пушкинъ.

133. Печальный лиризмъ поэта.

Я жить хочу! Хочу печали,
Любви и счастію на зло:
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ:
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?
Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ;
Онъ покупаетъ неба звуки, —
Онъ даромъ славы не беретъ.

Лермонтовъ.

134. Страхъ. Тоска.

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной.
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла;
Начать готовъ я жизнь другую.
Молчу и жду... Пора пришла...
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:

Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

Лермонтовъ.

135. Тяжелая печаль.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья, —
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей, —
Утесъ гранитный не повалитъ.

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

Лермонтовъ.

136. Тяжелая печаль. Мірская скорбь.

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ: ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. — Настанетъ часъ кровавый...
И я паду — и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній, —
И я погибну, безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;

Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый...
Пускай! я имъ не дорожилъ!
.....

Лермонтовъ.

137. Печаль. Міровая скорбь.

Тучи.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную,
Кто же васъ гонитъ: судьбы-ли рѣшеніе?
Зависть-ли тайная? Злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя....
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Лермонтовъ.

138. О міровой скорби.

Въ міровой скорби сказалась та сила чувства и то разнообразіе скорбныхъ переживаній, которыя не могутъ быть просто случайностью или гомерическимъ заблужденіемъ всего человѣчества. Если допустить двойную причинность міровой скорби, о чемъ было выше сказано, то можно видѣть въ ней первый подготовительный періодъ тѣхъ глубокихъ художественныхъ настроеній, которыя впослѣдствіи находятъ себѣ примѣненіе во многихъ высшихъ чувствахъ. Міровая скорбь служитъ какъ бы рядомъ готовыхъ ассигнованій, которыя живой природой черпаются изъ фонда эмоціональныхъ запасовъ и употребляются на созданіе многихъ высшихъ чувствъ.

139. О «Новыхъ людяхъ» у Арцыбашева.

Въ наши дни возникла попытка создать счастье и повести жизнь на *иныхъ* началахъ, но не на тѣхъ, которыя завѣщаны Лермонтовымъ, Пуш-

кинымъ, Владиміромъ Соловьевымъ и другими русскими писателями и поэтами. Неталантливые герои талантливаго М. Арцыбашева отвергли *стыдъ, жалость, благоговѣніе,* какъ устарѣлые идеалы и стали жить по новому. Съ первыхъ же моментовъ новой жизни, среди маленькой колоніи новаторовъ развилась *тоска,* возгорѣлся *гнѣвъ, страхъ* и *жестокость,* а въ заключеніе вспыхнула злокачественная мѣстная эпидемія самоубійствъ, грозившая истребить въ конецъ этотъ немногочисленный поселокъ людей, считавшихъ себя идейно обновленнымъ населеніемъ. Даровитый бытописатель этого «неблагополучнаго мѣста», М. Арцыбашевъ, въ своей лѣтописи, на каждой страницѣ, по нѣсколько разъ, настойчиво повторяетъ стереотипную фразу о тоскѣ, гнѣвѣ и страхѣ, неудержимо охватившемъ *новыхъ людей* — взамѣнъ мира и счастія, столь свойственнаго всякимъ прозелитамъ. Въ художественномъ изображеніи Арцыбашева опытъ новой жизни оказался истиннымъ доказательствомъ отъ противнаго: попытка новыхъ людей — поколебать идеалы Пушкина, Лермонтова и другихъ только подтвердила ихъ и укрѣпила. Арцыбашевъ въ романѣ «У послѣдней черты» такъ описываетъ состояніе студента Чижа: — «злоба душила его, и хуже всего было то, что злоба была безпредметной... Что-то давило его, становилось между нимъ и солнцемъ, вмѣсто будущаго показывало какую-то сѣрую пустоту и вызывало въ немъ постоянную нервную злость, источающую ядъ на все окружающее».

140. Б. Высшія чувства и эмоціи.

Впереди и выше гнѣва, страха, печали, тоски стоятъ высшія чувства, которыя общеизвѣстны, какъ основа высшихъ идеаловъ человѣчества. Ученіе о нихъ разработано систематически Владиміромъ Соловьевымъ въ его сочиненіи «Нравственная философія» или «Оправданіе добра» (Москва, 1889 г. изд. II.). Высшихъ чувствъ по Соловьеву три:

I. Жалость (симпатія или состраданіе).
II. Стыдъ.
III. Благоговѣніе.

Эти чувства, объединяясь между собою, особенно съ *печалью,* даютъ многочисленный рядъ нравственныхъ совершенствъ, ставшихъ необходимыми для жизни въ ея индивидуальномъ и наслѣдственномъ преуспѣяніи. Произведенія поэтовъ и писателей богаты образцами этихъ совершенствъ въ ихъ творческихъ и личныхъ переживаніяхъ. Въ нихъ заключается художественная прелесть и высокое назиданіе всѣхъ возрастовъ.

141. а) Жалость. Симпатія. Сочувствіе. Состраданіе.
(Къ человѣку, къ живой природѣ, ко всему, что дорого человѣку).

Это первое изъ возвышенныхъ чувствъ дѣлаетъ для человѣка воз-

можнымъ чувствованіе и пониманіе *другого,* какъ *самого себя.* Отсюда чувство *жалости* и *состраданія,* т. е. чувствованіе чужого горя и чужихъ бѣдъ, какъ нашихъ собственныхъ. Художественное изображеніе этого состоянія находимъ у Полежаева въ стихотвореніи:

142. Ночь на Кубани.

Какъ братъ къ потерянному брату,
Съ улыбкой нѣжной подойдетъ,
Слезу страдальную прольетъ,
И раздѣлитъ мою утрату...
. . . . . .
Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ поймет того,
Чье сердце червь могильный гложетъ.
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ бури
Душа унылая моя...
Въ одномъ изъ насъ сольются оба,
И пусть тогда вражда и злоба
И мечъ и заступъ гробовой
Гремятъ надъ нашей головой.

Полежаевъ.

143. Жалость — терминъ Лермонтова, усвоенный и Владиміромъ Соловьевымъ.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется,
И жалость не погибла въ ней!

Лермонтовъ.

144. Слабо выраженное чувство жалости — почти иронія.

Завѣщаніе.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,

Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри-жъ... Да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто-бы ни спросилъ, —
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лѣкаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва-ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было-бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалѣй —
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!..

Лермонтовъ.

145. Состраданіе.

Грѣшница.

И говорятъ Ему: «Она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое».
И на лукавое воззванье,

Храня глубокое молчанье
Онъ нѣчто — грустенъ и унылъ —
Перстомъ Божественнымъ чертилъ,
И, наконецъ, сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ, праведный, гдѣ онъ,
Кто первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?» —
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ
Сокрылись дѣти ухищренья
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «Покинь свою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорный:
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: — Никто, Учитель!
«И такъ, и Я твоей души
Не осужу» — сказалъ Спаситель: —
«Иди въ свой домъ, и не грѣши».

Полежаевъ.

146. Два богача. (*Благотворители*).

Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшильда, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе сирыхъ — я хвалю и умиляюсь.

Но и хваля и умиляясь, не могу не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой раззоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку — говоритъ баба — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, — не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко Ротшильду до этого мужика.

И. С. Тургеневъ.

147. Самая крупная жертва — наивысшее состраданіе.

И сѣлъ Іисусъ противъ сокровищницы и смотрѣлъ, какъ народъ кладетъ деньги въ сокровищницу. Многіе богатые клали много.

Пришедши же, одна бѣдная вдова положила двѣ лепты, что составляетъ кодрантъ.

Подозвавъ учениковъ Своихъ, Іисусъ сказалъ имъ: — Истинно говорю вамъ, что эта бѣдная вдова положила больше всѣхъ, клавшихъ въ сокровищницу.

Ибо всѣ клали отъ избытка своего; а она отъ скудости своей положила все, что имѣла, все пропитаніе свое.

Евангѣ. Марка, гл. 12, ст. 41—44.

148. Состраданіе.

Послѣ обѣда на длинныхъ крестьянскихъ роспускахъ отправились мы съ отцомъ въ поле. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей. Вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ. Мы остановилось, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ какимъ-то добрымъ голосомъ: — «Богъ на помочь». Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ и низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ отцомъ и мною. — «Жните съ Богомъ», — сказалъ отецъ. Въ одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ. Шумъ отъ рѣзки жесткой соломы еще звучнѣе, сильнѣе разносился по всему полю. Я стоялъ въ какомъ то оцѣпенѣніи. Вдругъ плачъ ребенка обратилъ на себя мое вниманіе. Я увидѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ, между трехъ палочекъ, связанныхъ кверху и воткнутыхъ въ землю висѣли люльки. Молодая женщина воткнула серпъ въ связанный ею снопъ, подошла не торопясь, взяла на руки плачущаго младенца и тутъ же начала его цѣловать, ласкать и кормить его. Ребенокъ скоро заснулъ. Мать положила его въ люльку, взяла серпъ и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, чтобы догнать своихъ подругъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, охватило мою душу.

Аксаковъ.

149. Состраданіе любящаго супруга.

М а ш а .

Проживая много лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, я, всякій разъ какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно я любилъ бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными, подгородними крестьянами, прибывшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой — въ надеждѣ и самимъ прокормиться и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ однажды нанялъ я такого извозчика... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ — молодцомъ: глаза голубые, щеки румяныя, русые волосы вьются колечками изъ-подъ надвинутой на самыя брови заплатанной шапченки. И какъ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что братъ? — спросилъ я его. — Отчего ты не веселъ? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣтилъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть — промолвилъ онъ, наконецъ. — Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ... Жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ, только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая, здоровая... Въ одинъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ! — тяжело вздохнулъ бѣднякъ. — И какъ же дружно мы жили съ ней. Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее значитъ, уже похоронили, — сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Пріѣхалъ, а ужъ за полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился на середкѣ и говорю такъ то тихонько: — «Маша! а Маша!» Толко сверчекъ трещитъ. Заплакалъ я туточка, сѣлъ на избяной полъ — да ладонью по землѣ, какъ хлопну. Ненасытная, говорю, утроба... Сожрала ты ее... сожри-жъ и меня! — Ахъ, Маша!

— Маша! — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ. И не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, сбросилъ въ сторону, повелъ плечами и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пятиалтынный. Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку, и поплелся шажкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январскаго мороза.

Тургеневъ.

150. Состраданіе ребенка къ животному.

Перепелка.

Однажды мы съ отцомъ отправились на охоту — подъ самый Петровъ день. Мы пошли въ мелкіе дубовые кустики, возлѣ ржаного поля, гдѣ всегда

попадались перепела. Косить тамъ было неудобно, и трава долго стояла нетронутой. Цвѣтовъ тамъ росло много: журавлиннаго горошку, кашки, колокольчиковъ, незабудокъ, полевыхъ гвоздикъ. Когда я ходилъ туда съ сестрой или горничной, то всегда набиралъ ихъ цѣлую охапку, но когда я ходилъ съ отцомъ, то цвѣтовъ не рвалъ, я находилъ это занятіе недостойнымъ охотника.

Вдругъ Трезоръ сдѣлалъ стойку; отецъ мой закричалъ: — «пиль» — изъ подъ самаго носа Трезора выскочила перепелка и полетѣла. Только полетѣла она очень странно: кувыркалась, вертѣлась, падала на землю — точно она была раненая, или крыло у ней надломилось. Трезоръ со всѣхъ ногъ бросился за нею — онъ этого не дѣлалъ, когда птица летѣла, какъ слѣдуетъ... Отецъ даже выстрѣлить не могъ: онъ боялся, что зацѣпить дробью собаку. И вдругъ смотрю: Трезоръ наддалъ — и цапъ. Схватилъ перепелку, принесъ и подалъ ее отцу. Отецъ взялъ ее и положилъ на ладонь, брюшкомъ кверху. Я подскочилъ. — «Что это, — говорю, — она раненая была?»

— «Нѣтъ», — отвѣтилъ мнѣ отецъ.— «она не была раненая: а у ней должно быть, здѣсь близко гнѣздо съ маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что ее легко поймать».

— «А для чего же она это дѣлаетъ?» — спросилъ я.

—«А для того, чтобы отвести собаку отъ своихъ маленькихъ. Потомъ бы она хорошо полетѣла. Только на этотъ разъ она не разочла: ужъ слишкомъ притворилась — и Трезоръ ее поймалъ».

— «Такъ она не раненая?» — спросилъ я опять.

— «Нѣтъ... Но живой ей не быть... Трезоръ ее, должно быть, давнулъ зубами».

Я пододвинулся ближе къ перепелкѣ. Она неподвижно лежала на ладони отца, свѣсивъ головку и глядѣла на меня сбоку своимъ каримъ глазкомъ. И мнѣ вдругъ такъ жаль ее стало. Мнѣ показалось, она глядитъ на меня и думаетъ: «за что я умирать должна? За что? Вѣдь я свой долгъ исполняла: маленькихъ своихъ старалась спасти, отвести собаку подальше, — и вотъ попалась. Бѣдняжка я. Бѣдняжка. Несправедливо это. Несправедливо».

— «Папаша», — сказалъ я: — «Да можетъ быть, она не умретъ»... и хотѣлъ погладить перепелочку по головочкѣ.

Но отецъ сказалъ мнѣ: — «Нѣтъ. Вотъ посмотри: у ней сейчасъ лапки вытянутся, она вся затрепещетъ, и закроются ея глаза».

Такъ оно точно и случилось. Какъ только у ней закрылись глаза, я заплакалъ.

— «Чему ты?» — спросилъ отецъ.

— «Жаль мнѣ ее», — сказалъ я. — «Она долгъ свой исполняла, а ее убили. Это несправедливо».

— «Она хитрить хотѣла», — отвѣтилъ мнѣ отецъ. — «Только Трезоръ ее перехитрилъ».

— «Злой Трезоръ», — подумалъ я, да и самъ отецъ показался мнѣ на этотъ разъ не добрымъ... Какая же тутъ хитрость. Тутъ любовь къ дѣтенышамъ, а не хитрость. Если ей приказано притвориться, чтобы дѣтей своихъ спасать, — такъ не слѣдовало Трезору ее поймать».

Отецъ хотѣлъ было сунуть перепелку въ ягташъ, но ее я у него выпросилъ, положилъ бережно въ обѣ ладони, подышалъ на нее... не очнется-ли она. Однако она не шевелилась.

— «Напрасно, братъ», — сказалъ отецъ: — «ее не воскресишь. Вишь головка у ней болтается».

Я тихонько приподнялъ ее за носикъ, но, только я отнялъ руку — головка опять упала.

— «Тебѣ все жаль?» — спросилъ отецъ.

— «А кто же маленькихъ кормить будетъ?» спросилъ я въ свою очередь.

Отецъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— «Не безпокойся», — говоритъ, — «самецъ-перепелъ, отецъ, ихъ выкормитъ. Да вотъ постой», — прибавилъ онъ, — «никакъ Трезоръ опять стойку дѣлаетъ. Ужъ это не гнѣздо-ли? Гнѣздо и есть».

И точно: въ травѣ, въ двухъ шагахъ отъ Трезоровой морды, тѣсно, рядышкомъ лежали четыре птенчика; прижались другъ къ дружкѣ, вытянули шейки — и всѣ такъ скоро, въ одинъ разъ, дышатъ... точно дрожатъ. А уже оперились; пуху на нихъ нѣтъ — только хвостики очень короткіе...

— «Папа! папа!» — закричалъ я благимъ матомъ. — «Отзови Трезора, а то онъ ихъ тоже убьетъ».

Отецъ крикнулъ на Трезора и, отойдя немного въ сторону, присѣлъ подъ кустикъ, чтобы позавтракать. А я остался возлѣ гнѣзда, не хотѣлъ завтракать. Вынулъ чистый платокъ, положилъ на него перепелку... «Смотрите, молъ, сиротки: вотъ ваша мать. Она собой для васъ пожертвовала». Птенчики попрежнему дышали скоро, всѣмъ тѣломъ. Потомъ я подошелъ къ отцу.

— «Можешь ты мнѣ подарить эту перепелочку?» — спросилъ я его.

— «Изволь. Но что ты хочешь съ нею сдѣлать?»

— «Я хочу ее похоронить».

— «Похоронить?»

— «Да, возлѣ ея гнѣздышка. Дай мнѣ твой ножъ, я ей могилочку вырою».

Отецъ удивился. — «Чтобы дѣтки къ ней на могилку ходили?» — спросилъ онъ.

— «Нѣтъ», — отвѣтилъ я: — «а такъ... мнѣ хочется. Ей будетъ тутъ хорошо лежать, возлѣ своего гнѣзда».

Отецъ ни слова не промолвилъ, досталъ и подалъ мнѣ ножъ. Я тотчасъ же вырылъ ямочку; поцѣловалъ перепелочку въ грудку, положилъ ее въ ямочку и засыпалъ землею. Потомъ я тѣмъ-же ножемъ срѣзалъ двѣ вѣтки, очистилъ отъ коры, сложилъ ихъ крестомъ, перевязалъ былинкой и воткнулъ въ могилку. Скоро мы съ отцомъ пошли дальше. Но я все оглядывался... Крестъ былъ бѣленькій и далеко виднѣлся.

А ночью мнѣ приснился сонъ: будто я въ небѣ; и что же? На небольшомъ облачкѣ сидитъ моя перепелочка, только тоже вся бѣленькая, какъ тотъ крестикъ. И на головкѣ у ней маленькій золотой вѣнчикъ: и будто это ей въ награду за то, что она за своихъ дѣтей пострадала.

Дней черезъ пять мы съ отцомъ пришли опять на то же мѣсто. Я и могилку нашелъ по кресту, который хоть и пожелтѣлъ, но не свалился. Однако гнѣзышко было пусто, птенчиковъ — ни слѣда. Мой отецъ увѣрилъ, что старикъ, ихъ отецъ, увелъ ихъ; и когда въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда вылетѣлъ изъ-подъ куста старый перепелъ, онъ его стрѣлять не сталъ... Я и подумалъ: — «Нѣтъ. Папа добрый!»

Но вотъ, что удивительно: съ того дня пропала моя страсть къ охотѣ. и я уже не думалъ о томъ времени, когда отецъ подаритъ мнѣ ружье.

И. С. Тургеневъ.

151. Художественное собользнованіе живой неодушевленной природъ.

Смерть дерева.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, неосвѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими лучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревъ или шелеста на землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ въ опушкѣ лѣса. И снова послышался звукъ и равномѣрно сталъ повторяться внизу, около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала; сочныя листья ея зашептали что-то и малиновка сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше; сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево; послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтки, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія,

со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ; роса, блестя, заиграла по зелени; прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что то счастливое; сочные листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

Гр. Л. Толстой.

152. Идейное состраданіе гибели жизни.

Смерть дерева.

Изъ всего растительнаго царства дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участіе. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и, наконецъ, многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду... но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ... Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большого подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содраганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится, затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и, наконецъ, начинаетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающей быстротой и шумомъ, подобно шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю...Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка.

С. Аксаковъ.

153. Художественное состраданіе гибели жизней.

Рубка лѣса.

Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!
Тамъ изъ-за старой нахмуренной ели

Красныя грозди калины глядѣли,
Тамъ поднимался дубокъ молодой,
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной,
По низу всякіе звѣри таились.

Вдругъ мужики съ топорами явились —
Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ — и вонъ побѣжалъ;
Въ темную нору забилась лисица;
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица.
Въ недоумѣньи тащатъ муравьи
Что ни попало въ жилища свои.

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился:
Съ трескомъ ломали сухой березнякъ.

Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ;
Старую сосну сперва подрубали,
И подъ арканомъ ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.

Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.
Много тутъ было печальныхъ картинъ,
Стономъ стонали верхушки осинъ;
Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы
И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной.
Кончились поздно труды роковые.

Вышли на небо свѣтила ночныя,
И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна.

Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;
Жалобно листья шумѣли кругомъ.

Такъ послѣ битвы, во мракѣ ночномъ,
Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ:
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,
Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ.
Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;
Низко летали, вились колесомъ

Совы, шарахались о земь крыломъ;
Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала.

Некрасовъ.

154. Идейное состраданіе раненному дереву.

Острою сѣкирою.

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй:
Рана не смертельна, вылѣчишься къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрана, —
Лишь больное сердце не залѣчитъ раны.

А. К. Толстой.

155. Идейное состраданіе вызванное мыслью о страданіи человѣка.

У т е с ъ .

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана;
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

Лермонтовъ.

156. О т ч и з н а .

Прекрасны вы, поля земли родной.
Еще прекраснѣй ваши непогоды;
Зима сходна въ ней съ первою зимой,
Какъ съ первыми людьми страны моей народы...
Взгляните, какъ туманъ здѣсь одѣваетъ небосводы,
И степь раскинулась лиловой пеленой,
Какъ будто такъ она свѣжа и такъ родна съ душой,
Какъ будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда,
Но этотъ снѣгъ, летучій, серебристый
И для страны порочной слишкомъ чистый,
Не веселитъ мнѣ сердца никогда,
Его одеждой хладной, неизмѣнной
Сокрыта отъ очей могильная гряда
И позабытый прахъ, — но мнѣ, но мнѣ безцѣнный.

Лермонтовъ.

157. Сочувствіе и состраданіе родной природѣ, родному человѣку, родной психологіи.

О т ч и з н а .

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ее разсудокъ мой!
Ни слова, купленныя кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень;
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.

Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужиковъ.

Лермонтовъ.

158. К о л о к о л а .

Несется благовѣстъ... Какъ грустно и уныло
На сторонѣ чужой звучатъ колокола.
Опять припомнился мнѣ край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.
Я вижу сѣверъ мой съ его равниной снѣжной
И словно слышится мнѣ нашего села
Знакомый благовѣстъ... И ласково и нѣжно
Съ далекой родины гудятъ колокола.

К. Р.

159. Идейное состраданіе состоянію одиночества.

С о с н а .

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.
И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Лермонтовъ.

160. б) С т ы д ъ .

Главнѣйшія движенія и экспрессіи, вытекающія изъ стыда, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ желаніи спрятать лицо, закрывъ его руками, или обративъ его книзу, или въ сторону, 2) въ желаніи спрятать совершенно, «провалиться сквозь землю», 3) глаза у стыдящагося человѣка устремляются въ сторону или подвергаются безпокойному движенію, чтобы избѣгнуть людского взора, который чувствуется, какъ проникающій, пронизывающій. Со стыдомъ неразлучны: *нерѣшительность, колебаніе, робость, конфузливость* — стыдъ до такой степени является положительнымъ и важнымъ чувствомъ, что отсутствіе его или слабое развитіе составляетъ нравственный недостатокъ.

Самымъ важнымъ внѣшнимъ знакомъ стыда является краска стыда, т. е. быстрое наполненіе сосудовъ кожи посредствомъ дѣйствія сосудорасширяющихъ нервовъ. Покраснѣніе кожи выражено на лицѣ, на лбу, на

ушахъ и шеѣ, т. е. на тѣхъ частяхъ, которыя открыты и доступны взору наблюдателя. Ближайшимъ условіемъ, вызывающимъ краску стыда является мысль о томъ, что на насъ смотрятъ и замѣчаютъ наши физическіе или нравственные недостатки. Краснѣніе непроизвольно: стремленіе задержать его только усиливаетъ процессъ. Краснѣть можетъ всякая часть тѣла, на которую смотрятъ. Люди, лишенные стыда, не краснѣютъ, самыя маленькія дѣти также не краснѣютъ потому, что ихъ мысль и способность представленія слабо работаютъ. Женщины краснѣютъ больше мужчинъ. Вторымъ знакомъ стыда является скрываніе глазъ и лица отъ чужого взгляда: стыдящійся потупляетъ взоръ, смотритъ въ сторону или закрываетъ лицо руками. Третій знакъ стыда состоитъ въ стремленіи бѣжать, удалиться отъ людей, запрятаться, провалиться сквозь землю. Стыдъ и уваженіе къ другому стало для человѣка нравственно обязательнымъ и необходимымъ въ присутствіи другого (приличіе — что при лицѣ). Приличіе сказывается въ рѣчахъ, голосѣ, манерахъ, костюмѣ. Отсутствіе стыда и приличія даетъ человѣку печать пошлости, грубости, нахальства. Такимъ образомъ стыдъ и приличіе, подобно добротѣ и вѣжливости, стали необходимыми чертами порядочности, а извѣстная степень приличія сдѣлалась предѣломъ минимальныхъ размѣровъ нравственности. Просвѣчивающійся слѣдъ или обликъ стыда придаетъ человѣку, а особенно женщинѣ милый и симпатичный оттѣнокъ, а въ соединеніи съ добротой, — печать нравственной прелести и идеальности.

Стыдъ даетъ множество психологическихъ варьянтовъ, каковы: *стыдливость, непорочность, нравственная наивность, невинность, цѣломудренность, скромность, смущеніе, застѣнчивость, сдержанность, нравственная чистота, чувство чести, чувство достоинства, благородство души* и много другихъ, еще не вполнѣ обособившихся качествъ. Три послѣдніе члена перечисленнаго ряда указываютъ на всю важность чувства стыда, изъ котораго они исходятъ.

161. Внезапный актъ идеальнаго состраданія. Немедленное затѣмъ покраснѣніе, вызванное мыслью, что это могло быть замѣчено другими.

Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усиливался нагнуться, чтобы его поднять: больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести; потомъ ужасно *покраснѣла,* оглянулась на галлерею и, убѣдившись, что ея маменька ничего не видѣла, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда

Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галлереи съ матерью и франтомъ, но проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный, даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, они не скрылись за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу: она вбѣжала въ ворота одного изъ лучшихъ домовъ Пятигорска. За нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

— «Ты видѣлъ? — сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку, — это просто ангелъ».

— «Отчего?» — спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

— «Развѣ ты не видѣлъ?»

— «Нѣтъ видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Если бъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступалъ на прострѣленную ногу».

— «И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?»

— «Нѣтъ».

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось побѣсить его.

Лермонтовъ.

162. Мысль, что догадка вѣроятна.

— «Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты...»

— «Помилуй! Да этакъ ты гораздо интереснѣй. Ты просто не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ».

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

— «Какой вздоръ!» — сказалъ онъ.

— «Я увѣренъ, — продолжалъ я, — что княжна въ тебя влюблена».

Онъ *покраснѣлъ* до ушей и надулся.

О, самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ...

— «У тебя все шутки, — сказалъ онъ, показывая, будто сердится,— во первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...»

— «Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ».

Лермонтовъ.

163. Покраснѣніе при мысли, что знаютъ ея тайну и думаютъ объ этомъ. Нахмуриваніе (недовольство на себя) при мысли, что она выдала свое состояніе, не удержавъ краски стыда.

Въ гостинную входила Анна. Какъ всегда, держась чрезвычайно прямо не измѣняя направленія взгляда, она сдѣлала своимъ быстрымъ твердымъ и легкимъ шагомъ, отличавшимъ ее отъ походки другихъ свѣтскихъ женщинъ, тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки, пожала ей руку, улыбнулась и съ этою улыбкой оглянулась на Вронскаго Вронскій низко поклонился и подвинулъ ей стулъ.

Она отвѣчала только наклоненіемъ головы, *покраснѣла и нахмурилась.* Но тотчасъ же, быстро кивая знакомымъ и пожимая протягиваемыя руки, она обратилась къ хозяйкѣ.

Л. Толстой.

164. Стыдъ и совѣсть.

Привязанность, близость, ласка, любовь, начинаясь очевидными физическими корнями (*приближеніе, прикосновеніе* къ другому лицу) поднимаются на недосягаемую высоту идеальныхъ чувствъ въ душевной *ласковости, любви, нравственной близости, нравственной теплотѣ, мягкости, отзывчивости, усердіи, жалости, добротѣ, милосердіи.* На стражѣ всего этого сложнаго прогресса жизни стоитъ чувство *стыда.*

Чувство стыда незнакомое животнымъ и свойственное только человѣку, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ нервно-психической эволюціи. Начинаясь реакціей или борьбой высшей жизни съ низшей (идейной съ физической), чувство стыда обозначаетъ собою начало самостоятельности высшей жизни. Такой подъемъ и такой крупный шагъ былъ необходимъ не въ интересахъ развитія высшей жизни на развалинахъ низшей, не въ цѣляхъ уничтоженія физіологическихъ функцій и господства чисто психическихъ отправленій (какъ иногда крайнія ученія готовы были допускать), но въ видахъ перевѣса или преобладанія высшей жизни надъ низшей потому, что при такомъ только ихъ взаимномъ соотношеніи, *вся* вообще *нераздѣлимая и нерасчленимая* жизнь обезпечена лучше въ отношеніи своей будущности. Только при перевѣсѣ высшей жизни надъ низшей — низшая — физическая жизнь можетъ быть надежнѣе, вѣрнѣе сохранена. Чувство стыда начинается элементарнѣйшими проявленіями прикрытія своей наготы, отдѣленія своей близости словомъ отстраненія низшей физической жизни отъ границъ высшей; но затѣмъ чувство стыда постепенно поднимается на высоту *цѣломудрія, чи-*

стоты, чувства чести, благородства души и сознанія нравственнаго достоинства и неприкосновенности, наконецъ, при посредствѣ чувства стыда происходитъ и подъемъ всего психофизическаго существа человѣка на высоту *нравственнаго величія.* Такимъ образомъ указанный циклъ развитія чувствъ, начинающійся элементарнымъ проявленіемъ стыда, принялъ въ человѣческомъ родѣ такіе широкіе размѣры, какихъ быть можетъ, не приняли другія паралельныя стороны жизни. Путемъ сложной дифференцировки чувство стыда поднялось до высоты *чувства совѣсти.* Совѣсть не безъ основанія, ставится рядомъ съ чувствомъ стыда — таково самое естественное сопоставленіе. Но стыдъ представляетъ собою чувство, которое вызывается конкретными условіями, совѣсть же остается началомъ (или состояніемъ) *перманентнымъ,* какимъ-то длительнымъ, неувядающимъ *синэстезомъ,* остающимся постоянно въ душѣ, не ожидая повода для своего возникновенія. Психологическая школа сенсуалистовъ приписываетъ совѣсти эмпирическое происхожденіе: совѣсть, будто бы, есть плодъ опыта. Но, безъ сомнѣнія, такое объясненіе недостаточно и неполно: совѣсть, являясь нравственнымъ самочувствіемъ, есть прирожденный плодъ нравственнаго развитія человѣчества и соотвѣтствуетъ не личному опыту индивидуума, но вѣковому нравственному опыту поколѣній. Оттого и въ индивидуальной жизни совѣсть развивается и наростаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ это возможно было бы при чистомъ опытѣ. Помощью совѣсти, какъ качества, связаннаго съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ, распознаніе *добра и зла, должнаго и недолжнаго, полезнаго и вреднаго* для жизни (въ высшемъ смыслѣ этого слова) совершается съ такою быстротою, съ какою новорожденный узнаетъ материнское молоко, или птенецъ — тревожный зовъ насѣдки. Словомъ, *совѣсть есть унаслѣдованный нравственный опытъ человѣчества,* закрѣпленный въ самой нервно-психической организаціи по крайней мѣрѣ, физіологически. Во всякомъ случаѣ, совѣсть обладаетъ необыкновенно тонкимъ аналитическимъ началомъ и дѣйствуетъ во многихъ случаяхъ помимо или раньше сколько — нибудь серьезнаго индивидуальнаго опыта. (Опытъ имѣлъ мѣсто въ предшествующихъ поколѣніяхъ). На примѣрѣ совѣсти можно видѣть, до какой высоты уже доведена нервно-психическая организація. Въ совѣсти чувство заходитъ далеко за предѣлы опыта, во всякомъ случаѣ, несравненно дальше, чѣмъ *представленіе и отвлеченная мысль* — въ дѣлѣ познанія. Таково значеніе стыда въ общемъ составѣ: *стыдъ и совѣсть.*

Рядомъ со стыдомъ и *совѣстью* стоитъ *раскаяніе.* Оно выступаетъ съ полною яркостью и силою въ произведеніяхъ всѣхъ поэтовъ и писателей, даже у такихъ реалистовъ, какъ М. Арцыбашевъ. Это показываетъ, что *раскаяніе* является естественной составною частью человѣческаго прогресса, безъ которой было бы невозможно и самое усовершенствованіе индивидуальной и общественной жизни.

165. Раскаяніе.

Раскаяніе принадлежитъ къ числу самыхъ естественныхъ душевныхъ состояній: оно является болѣе или менѣе тягостной, подчасъ мучительной душевной реакціей и состоитъ въ искреннемъ, полномъ *стыда и печали* признаніи своихъ нравственныхъ ошибокъ или неисполненнаго долга. Такимъ образомъ, въ основѣ раскаянія лежитъ глубокое чувство *нравственнаго самосохраненія:* кающійся сожалѣетъ о томъ, что совершилось, или о томъ, чему слѣдовало-бы совершиться, но что было упущено и не осуществилось, по винѣ его личности. Очевидно, что чувство раскаянія является такимъ же охранителемъ *въ нравственной жизни,* какимъ чувство боли въ физической. Въ этомъ кроется глубокая причина, опредѣляющая важность и необходимость этого чувства въ душевномъ строѣ: оно является не только чувствомъ охранительнымъ, способнымъ возстановить въ душѣ нарушенное единство, но подобно стыду, оно содѣйствуетъ нравственному прогрессу, направляя человѣка на новые пути. Раскаяніе послужило темой многочисленныхъ художественныхъ и поэтическихъ произведеній, наравнѣ съ другими важнѣйшими чувствами и душевными состояніями. Изображеніе глубочайшихъ, трагическихъ формъ раскаянія встрѣчаемъ у Лермонтова, а также у Пушкина, Полежаева и др.

По своему психологическому составу раскаяніе, подобно чувству стыда, *богато умственнымъ анализомъ* и потому относится къ числу озаряющихъ человѣка чувствъ; и если нѣкоторыя чувства называются безплодными, то раскаяніе, наоборотъ, богато плодотворными послѣдствіями. Ближайшія изъ этихъ послѣдствій состоятъ въ аналитическомъ и эмотивномъ переживаніи прошедшаго, соединеніемъ съ идеальной организаціей будущаго и въ частности, — будущаго долга. Съ этой точки зрѣнія раскаяніе можно уподобить *мукамъ рожденія нравственнаго долга* (Гефдингъ).

Раскаяніе, собственно говоря, есть особый *видъ печали, вызванной* нашими ошибками и состояніями (Литтре), но эта печаль осложнена и другими чувствами и состояніями, а именно: сочувствіемъ, сожалѣніемъ, стыдомъ, иногда гнѣвомъ, *мольбой* и пр. Психологическій путь, какому слѣдуетъ раскаивающійся или кающаяся душа состоитъ въ слѣдующемъ: человѣкъ то *печалится* и горюетъ подъ бременемъ сознанія своихъ ошибокъ, то впадаетъ въ *неудовольствіе, досаду, гнѣвъ,* противъ себя и противъ другихъ, даже противъ неодушевленныхъ предметовъ, съ которыми связаны были его ошибки, то *стыдится* своего поведенія и ошибокъ; то сознаетъ свою нравственную безпомощность и обращается съ мольбой, ищетъ помощи. Виды и формы раскаянія художественно представлены великимъ русскимъ художникомъ Ивановымъ въ его извѣстной картинѣ: «*Явленіе Христа Народу*».

166. Воспоминаніе.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Пушкинъ.

167. Отреченіе и раскаяніе Апостола Петра.

31. И сказалъ Господь: Симонъ! Симонъ! се, сатана просилъ, чтобы сѣять васъ, какъ пшеницу.

32. Но Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты нѣкогда, обратившись утверди братьевъ твоихъ.

33. Онъ отвѣчалъ Ему: Господи! съ Тобою я готовъ и въ темницу и на смерть идти.

34. Но Онъ сказалъ: говорю тебѣ, Петръ, не пропоетъ пѣтухъ сегодня, какъ ты трижды отречешься, что не знаешь Меня.

39. И вышедъ пошелъ по обыкновенію на гору Елеонскую; за Нимъ послѣдовали и ученики Его.

40. Пришедъ же на мѣсто, сказалъ имъ: молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе.

. . . . . .

54. Взявши Его, повели и привели въ домъ первосвященника. Петръ же слѣдовалъ издали.

55. Когда они развели огонь среди двора и сѣли вмѣстѣ, сѣлъ и Петръ между ними.

56. Одна служанка, увидѣвши его, сидящаго у огня и всмотрѣвшись въ него, сказала: и этотъ былъ съ Нимъ.

57. Но онъ отрекся отъ Него, сказавъ женщинѣ: я не знаю Его.

58. Вскорѣ потомъ другой, увидѣвъ его, сказалъ, и ты изъ нихъ, но Петръ сказалъ этому человѣку: нѣтъ.

59. Прошло съ часъ времени, еще нѣкто настоятельно говорилъ: точно и этотъ былъ съ Нимъ, ибо онъ Галилеянинъ.

60. Но Петръ сказалъ тому человѣку: не знаю, что ты говоришь. И тотчасъ, когда еще говорилъ онъ, запѣлъ пѣтухъ.

61. Тогда Господь, обратившись, взглянулъ на Петра, и Петръ вспомнилъ Слово Господа, какъ Онъ сказалъ ему: прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, отречешься отъ меня трижды.

62. И вышедъ вонъ, горько заплакалъ.

Евангѣ. Луки, глава 22.

168. Отъѣздъ Ростовыхъ изъ Москвы.

(*«Война и Миръ»*).

Въ девять часовъ проснулась графиня, и Матрена Тимофѣевна, бывшая ея горничная, исполнявшая въ отношеніи графини должность шефа жандармовъ, пришла доложить своей бывшей барышнѣ, что Марья Карловна очень обижены и что барышнинымъ лѣтнимъ платьямъ нельзя остаться здѣсь. На разспросы графини, почему мадамъ Шоссъ обижена, открылось, что ея сундукъ сняли съ подводы, и всѣ подводы развязываютъ, добро снимаютъ и набираютъ съ собой раненыхъ, которыхъ графъ по своей простотѣ приказалъ забирать съ собой. Графиня велѣла попросить къ себѣ мужа.

— Что это, мой другъ, я слышу, вещи опять снимаютъ?

— Знаешь, дружокъ, я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать... Графинюшка... ко мнѣ приходилъ офицеръ, просятъ, чтобы дать нѣсколько подводъ подъ раненыхъ. Вѣдь, это все дѣло наживное, а каково имъ оставаться, подумай. Право, у насъ на дворѣ, сами мы ихъ зазвали, офицеры тутъ есть... Знаешь, думаю, право, дружокъ мой, вотъ... пускай ихъ свезутъ... куда-же торопиться? — Графъ робко сказалъ это, какъ онъ всегда говорилъ, когда дѣло шло о деньгахъ. Графиня-же привыкла къ этому тону, всегда предшествовавшему дѣлу, раззорявшему дѣтей, какъ какая-нибудь постройка галлереи, оранжерей, устройство домашняго театра или музыки, и привыкла и долгомъ считала всегда противоборствовать тому, что выражалось этимъ робкимъ тономъ.

Она приняла свой покорно-плачевный видъ и сказала мужу.

— Послушай, графъ, ты довелъ до того, что за домъ ничего не даютъ, а теперь и все наше — дѣтское — состояніе погубить хочешь. Вѣдь ты самъ говоришь, что въ домѣ на 100 тысячъ добра. Я, мой другъ, не согласна и не согласна. Воля твоя. На раненыхъ есть правительство. Они знаютъ. Посмотри вонъ, напротивъ, у Лопухиныхъ еще третьяго дня

все до-чиста вывезли. Вотъ какъ люди дѣлаютъ. Одни мы дураки. Пожалѣй хоть не меня, такъ дѣтей.

Графъ замахалъ руками и, ничего не сказавъ, вышелъ изъ комнаты.

— Папа, о чемъ вы это? — сказала ему Наташа вслѣдъ за нимъ вошедшая въ комнату матери.

— Ни о чемъ. Тебѣ что за дѣло? — сердито проговорилъ графъ.

— Нѣтъ, я слышала, — сказала Наташа. — Отчего же маменька не хочетъ?

— Тебѣ что за дѣло? — крикнулъ графъ.

Наташа вышла вмѣстѣ съ отцомъ и, какъ будто съ трудомъ соображая что то, сначала пошла за нимъ, а потомъ побѣжала внизъ.

На крыльцѣ стоялъ Петя, занимавшійся вооруженіемъ людей, которые ѣхали изъ Москвы. На дворѣ все также стояли заложенныя подводы. Двѣ изъ нихъ были развязаны, и на одну изъ нихъ влѣзалъ офицеръ, поддерживаемый деньщикомъ.

— Ты знаешь за что? — спросилъ Петя Наташу (Наташа поняла, что Петя разумѣлъ, за что поссорились отецъ съ матерью). Она не отвѣчала.

— За то, что папенька хотѣлъ отдать всѣ подводы подъ раненыхъ, — сказалъ Петя. — Мнѣ Васильичъ сказалъ. По моему...

— По моему, — вдругъ закричала почти Наташа, обращая свое озлобленное лицо къ Петѣ, — по моему это такая гадость, такая мерзость, такая... я не знаю. Развѣ мы нѣмцы какіе нибудь... Горло ея задрожало отъ судорожныхъ рыданій, и она, боясь ослабить и выпустить даромъ зарядъ своей злобы, повернулась и стремительно бросилась по лѣстницѣ.

Бергъ сидѣлъ подлѣ графини и родственно почтительно утѣшалъ ее. Графъ съ трубкой въ рукахъ ходилъ по комнатѣ, когда Наташа, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, какъ буря, ворвалась въ комнату и быстрыми шагами подошла къ матери.

— Это гадость! Это мерзость! — закричала она: — Это не можетъ быть, чтобы вы приказали.

Бергъ и графиня недоумѣвающе и испуганно смотрѣли на нее. Графъ остановился у окна, прислушиваясь.

— Маменька, это нельзя, посмотрите, что на дворѣ! — закричала она, — они остаются.

— Что съ тобой? Кто они? Что тебѣ надо?

— Раненые, вотъ кто! Это нельзя, маменька, это ни на что не похоже... Нѣтъ, маменька, голубушка, это не то, простите, пожалуйста, голубушка... Маменька, ну что намъ, то что мы увеземъ, вы посмотрите только, что на дворѣ... Маменька... Это не можетъ быть!

Графъ стоялъ у окна и, не поворачивая лица, слушалъ слова Наташи. Вдругъ онъ засопѣлъ носомъ и приблизилъ свое лицо къ окну.

Графиня взглянула на дочь, увидала ея пристыженное за мать лицо, и увидѣла ея волненіе, поняла, отчего мужъ теперь не оглядывается на нее, и съ растерянным видомъ оглянулась вокругъ себя.

— Ахъ, да дѣлайте, какъ хотите. Развѣ я мѣшаю кому-нибудь? — сказала она, еще не вдругъ сдаваясь.

— Маменька, голубушка простите меня!

Но графиня оттолкнула дочь и подошла къ графу.

— Другъ мой, ты распорядись, какъ надо... Я вѣдь не знаю этого, — сказала она, виновато опуская глаза..

— Яйца... яйца курицу учатъ... — сквозь счастливыя слезы проговорилъ графъ и обнялъ жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо.

Л. Толстой.

169. в) Благоговѣніе.

Благоговѣніе стоитъ выше жалости и стыда, какъ по своему объему, такъ и по содержанію. Въ жалости (симпатіи) содержатся всѣ степени, виды и качества *сочувствія*: здѣсь и состраданіе, и соболѣзнованіе, и сорадованіе, и, вообще, сочувствіе (со-чувствіе). Въ стыдѣ уже явно выступаетъ, кромѣ чувства — умственный анализъ, — умственное углубленіе и проникновенность: въ стыдѣ умъ и чувство, объединившись работаютъ совмѣстно, руководимые эмотивно-обостренной умственной догадливостью. Это проявляется съ особенной силой въ ближайшихъ производныхъ стыда, напр. въ раскаяніи, гдѣ присоединеніе печали къ стыду умножаетъ силу и размѣры проникновенности. Еще далѣе идетъ психологическое усложненіе въ чувствѣ благоговѣнія: здѣсь, кромѣ элементовъ чувства и ума, ясно выступаетъ участіе воли. Оно вноситъ въ общую сумму внутренняго напряженія сильное расположеніе къ дѣйствію, къ стремленіямъ, къ самообладанію, къ долгу. Въ благоговѣніи чувствуются художественно объединенные элементы страха, симпатіи, удивленія, преклоненія и долга. Все это показываетъ, что благоговѣніе относится къ активнымъ (дѣятельнымъ) состояніямъ, богатымъ волей и чувствами, и располагаетъ къ молитвѣ и молитвеннымъ настроеніямъ: почти всѣ поэты писали молитвенныя произведенія. Здѣсь уже начинается область тѣхъ возвышенныхъ психологическихъ совершенствъ и тѣхъ нравственныхъ достоинствъ, которыя находятся въ состояніи непрерывнаго усовершенствованія и прогрессивныхъ измѣненій, а потому лишены законченности и все время находятся подъ огнемъ вдохновенія. Художники слова нерѣдко изыскиваютъ описательныя выраженія или поясняютъ душевныя состоянія многими словами, напримѣръ, радостное чувство, восторженная любовь, торжествующая, благоговѣйная любовь и т. д.

Благоговѣніе выражается внезапнымъ общимъ возбужденіемъ сосудистой иннервацiи, которая своей тонкой игрой вызываетъ то трепетъ, то поблѣднѣніе и похолодѣніе кожи, то жаръ и приливъ, то безпрерывную смѣну обоихъ. Все это выражено ясно, но весьма нѣжно, однако замѣтно для наблюдателя по смѣнѣ поблѣдненія и покраснѣнія и чувствуется субъективно въ видѣ стремленій, то стоять прямо съ напряженіемъ мышцъ тѣла, то преклоняться, пасть на колѣни, умолкнуть, или напротивъ, говорить оживленно, безпрерывно испытывая приливъ и смѣну все новыхъ и новыхъ переживаній и внутреннихъ движеній — возбужденныхъ упоительныхъ, трепетныхъ, полныхъ восторженности и счастья при усиленномъ и легкомъ дыханіи. Для всѣхъ *художниковъ слова* это возвышенное состояніе видимо замѣчено многими. Особенно ясновидящими являются: Тургеневъ, Л. Толстой и Лермонтовъ. Они читаютъ человѣческое лицо и внѣшность, какъ открытую книгу и даютъ читателю объективныя замѣтки и штрихи, выводя на свѣтъ безчисленныя комбинаціи экспрессій и наружныхъ знаковъ, какими проявляются благоговѣйныя переживанія во внѣшности. Все это, какъ сказано выше, процессъ въ ходу, все движется, все незакончено, все держится на высокихъ нотахъ вдохновенія, восторженности творчества, все ново въ душѣ и оригинально. Все это чувствуется, какъ жизнь, какъ счастье, какъ особенное переживаніе, предъ которымъ все другое кажется стоящимъ ниже, будничнымъ, малымъ и мелкимъ, не стоющимъ того возбужденія и того вниманія, какимъ полонъ человѣкъ въ ту минуту. Всѣмъ вѣдомы эти факты. Всякій часто или нечасто переживалъ это въ своей жизни и вѣрная память хранитъ эти минуты и содержащееся въ нихъ самочувствіе. Этимъ активнымъ состояніямъ новѣйшіе психологи всѣхъ странъ придаютъ высшую оцѣнку и значеніе и называютъ ихъ различными наименованіями; но всѣ согласны въ томъ, что эти высокія переживанія относятся къ состояніямъ воли, къ движенію, къ напряженію и содержатъ въ себѣ множественный составъ: тамъ можно найти кромѣ воли и зачатки многихъ чувствъ и проникновенные умственные акты, но все это объединено волею и выступаетъ подъ общей печатью творческой воли. Это новый вопросъ въ психологіи, которому дано названіе: *цѣнностей.* Сюда относятся: цѣли *жизни, стремленія жизни, дѣятельные принципы, живыя убѣжденія* и т. д. Все это объединено въ новой психологіи однимъ терминомъ: *сознаніе воли или чувствованіе въ себѣ воли. Воля* существеннымъ образомъ входитъ въ состояніе или въ составъ *благоговѣнія.* Такимъ образомъ, безспорно, что благоговѣніе есть дѣятельное или волевое начало, содержащее въ себѣ множество объединенныхъ частей ума и чувства и является для нихъ сложнымъ *цѣлымъ,* которое ихъ соединяетъ въ единый гармоническій составъ и кладетъ свою печать величія, высоты и достоинства. Къ сожалѣнію, прекрасный терминъ *достоинство,* обозначающій кратко обладаніе высшими чувствами съ благоговѣніемъ во главѣ, замѣняется иной разъ, въ ходячемъ языкѣ терминомъ *гордость.*

Это представляется глубоко ошибочнымъ, а выраженіе *благородная гордость* даже лишено психологической здравости, такъ какъ словомъ гордость обозначается только сумма внѣшнихъ качествъ, пытающихся подражать достоинству. Выраженіе *достоинство* есть упрочившійся давній терминъ психологовъ и физіогномистовъ и не долженъ быть смѣшиваемъ съ гордостью. Важнѣйшимъ дѣломъ, дѣйствіемъ и проявленіемъ благоговѣнія, является любовь. Терминъ *любовь* часто соединяется въ человѣческомъ языкѣ съ терминомъ: *вѣра и надежда,* подъ общимъ именемъ богословскихъ добродѣтелей, потому, что эти добродѣтели были долго предметомъ анализа, преимущественно анализа христіанскихъ богослововъ. Эти три, столь близкія человѣку переживанія, относятся психологически къ состояніямъ *воли,* въ нихъ въ меньшей степени выраженъ умственный и эмоціональный элементъ, чѣмъ волевой: вѣра есть живая дѣятельная увѣренность въ фактахъ, равная знанію; надежда — дѣятельное желаніе, хотѣніе и стремленіе, любовь — есть самый дѣятельный порывъ, стремленіе и исполненіе высшихъ благоговѣйныхъ задачъ жизни. Изъ трехъ богословскихъ добродѣтелей, любовь вызвала по своему содержанію самую обширную литературу, особенно художественную. Апостолъ Павелъ, сравнивая три богословскихъ добродѣтели между собою, поетъ состоянію или чувству христіанской любви такой высоко художественный гимнъ.

170. Посланіе къ Коринфянамъ.

1. Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я — мѣдь звенящая, или кимвалъ звучащій.

2. Если имѣю *даръ* пророчества, и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что *могу* и горы переставить, а не имѣю любви, то я ничто.

3. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ въ томъ никакой пользы.

4. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится.

5. Не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла.

6. Не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ.

7. Все покрываетъ, всему вѣритъ, на все надѣется, все переноситъ.

8. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится.

9. Ибо мы отчасти знаемъ, и отчасти пророчествуемъ.

10. Когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится.

11. Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по мла-

денчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое.

12. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицемъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно, какъ я познанъ.

13. А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше.

(*Посланіе къ Коринфянамъ, гл. 13.*).

171. Художественное предчувствіе историческихъ событій въ благоговѣйномъ настроеніи, полное величія и загадочности.

Споръ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.

«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
«Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!

Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;

И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.

Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ, —
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»

—Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.

Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;

И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.

Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.

Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня...
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня! —

«Не хвалясь еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;

И туда въ недоумѣньи
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ страшное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.

Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;

Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ въ степи ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;

Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамена,
Въ барабаны бьютъ;

Батареи мѣднымъ строемъ
Между нихъ гремятъ;
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.

И, испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.

Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленно, какъ тучи,
Прямо на Востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полонъ черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый —
И не счелъ враговъ.

Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Пламя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ —
И навѣкъ затихъ.

Лермонтовъ.

172. Благоговѣйныя, возвышенныя переживанія.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла,
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Лермонтовъ.

173. Возвышенныя переживанія, навѣваемыя историческими событіями.

Гробу Кутузова.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...

Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатериненскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ...

Пушкинъ.

174. Границы художественныхъ переживаній поэта

Мой домъ.

Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ;
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ живетъ,
Но для поэта онъ не тѣсенъ.

До самыхъ звѣздъ онъ кровлей досягаетъ,
И отъ одной стѣны къ другой —
Далекій путь, который измѣряетъ
Жилецъ не взоромъ, но душой.

Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка —
Святое вѣчности зерно:
Пространство безъ границъ, теченье вѣка
Объемлетъ въ краткій мигъ оно.

И Всемогущимъ мой прекрасный домъ
Для чувства этого построенъ, —
И осужденъ страдать я долго въ немъ,
И въ немъ лишь буду я спокоенъ. —

Лермонтовъ.

175. Возвышенныя переживанія.

З в ѣ з д ы .

Въ часъ полночный близь потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.
Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь — мыслью звѣзды водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли,
Вновь вглядись — другія всходятъ,
Вновь вглядись — и тамъ вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Хомяковъ.

176. Отрада, даваемая надеждой.

Н а д е ж д а .

Есть птичка рая у меня:
На кипарисѣ молодомъ
Она сидитъ во время дня,

Но пѣть никакъ не станетъ днемъ.
Лазурь небесъ — ея спина,
Головка — пурпуръ, на крылахъ
Пыль золотистая видна,
Какъ отблескъ утра въ облакахъ.
И только что земля уснетъ,
Одѣта мглой ночной тиши,
Она на вѣткѣ ужъ поетъ
Такъ сладко, сладко для души,
Что поневолѣ тягость мукъ
Забудешь, внемля пѣснѣ той,
И сердцу каждый тихій звукъ,
Какъ гость пріятенъ дорогой.
И часто въ бурю я слыхалъ
Тотъ звукъ, который такъ люблю,
И я всегда Надеждой звалъ
Пѣвицу мирную мою.

Лермонтовъ.

177. Благоговѣйное размышленіе на тему конечныхъ вопросовъ жизни.

Когда-бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу-бъ не вложилъ.
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться;
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства, —
Когда-бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать.
Но чувство есть у насъ святое —
Надежда, Богъ грядущихъ дней:
Оно въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она — залогъ, что есть понынѣ,
На небѣ иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

Лермонтовъ.

178. Размышленія на тему о жизни.

Чаша жизни.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
И въ ней напитокъ былъ — мечта,
И что она — не наша.

Лермонтовъ.

179. Элегическія мысли, навѣваемыя величіемъ вселенной и ничтожествомъ человѣка.

Небо и звѣзды.

Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка.
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое.

Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо —
Звѣзды и небо, а я — человѣкъ...

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же, напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

Лермонтовъ.

180. Сложныя душевныя состоянія, примыкающія къ волѣ.

Сюда, прежде всего, относится *долгъ* въ нравственномъ значеніи этого слова, какъ сумма сложнаго содержанія *дѣйствій* или *стремленій* по отношенію къ задачамъ нравственности, по отношенію къ самому себѣ, къ своему положенію и къ другимъ. Долгъ — есть нравственная формула и программа человѣческой воли, вытекающая изъ всего содержанія души. Дѣтямъ не можетъ быть доступно такое требованіе, животныя способны понять и реализировать только повинность, т. е . исполненіе программы долга безъ глубокаго пониманія ея смысла и значенія, и безъ проникновенія ею. Частный видъ долга, въ отношеніи къ самому себѣ, состоитъ въ достиженіи *свободы и самообладанія*. Свобода обезпечиваетъ человѣку возможность осуществлять глубокія требованія жизни, органически вложенныя въ индивидуальность, а самообладаніе даетъ силу избрать наивысшія и наиважнѣйшія цѣли и пути. Самообладаніе, прежде всего, вноситъ въ душу человѣка *миръ,* какъ одно изъ существеннѣйшихъ условій дѣйствія. При душевныхъ волненіяхъ, т. е при отсутствіи мира въ душѣ, дѣйствіе можетъ стать случайнымъ и лишеннымъ плана. Стремленіе къ установленію покоя и нравственнаго примиренія ставитъ волю превыше всѣхъ другихъ сторонъ души, и тѣмъ обезпечиваетъ прогрессъ высшей духовной жизни. Безъ сомнѣнія, стремленіе къ миру не обозначаетъ собою какого либо сокращенія интересовъ души или какой-либо уступки, наоборотъ — это возвышенный, гармоническій выходъ изъ нравственной борьбы, безъ ущерба для души и съ сохраненіемъ физіологической цѣлости тонкой и деликатной организаціи мозга, легко повреждаемой при напряженной нервно-психической работѣ, при порывахъ, волненіяхъ, страстяхъ. Стремленіе къ миру можетъ стать принципомъ жизни, т. е. всеобщимъ, проникающимъ всю жизнь, условіемъ, которое человѣкъ рѣшается проводить съ возможной идеальной послѣдовательностью. Для этого человѣкъ мобилизуетъ всѣ силы своей воли, ума и чувства, чтобы, пребывая во всеоружіи, избѣгнуть, среди волненій, риска или — оказаться жертвой частыхъ случайностей, влеченій и тѣмъ утратить нравственную свободу и самообладаніе. Въ качествѣ частнаго условія, въ такой планъ входитъ особое сложное состояніе, составленное изъ чувства и воли, которое называется *смиреніемъ,* т. е. *миромъ,* или *примиреніемъ во что бы то ни стало.* Это качество явилось однимъ изъ основныхъ принциповъ нравственнаго ученія Христа: самъ Христосъ осуществлялъ это правило въ своей жизни и, покидая міръ, сказалъ своимъ ученикамъ, что Онъ «оставляетъ имъ свой миръ, что Онъ даетъ имъ Свой миръ». Изъ великихъ поэтовъ болѣе другихъ оцѣнилъ жизненное значеніе душевныхъ волненій и душевнаго мира Лермонтовъ: много нравственныхъ поэтическихъ афоризмовъ на эту тему разбросано въ произведеніяхъ этой, необыкновенно чуткой, субъективной натуры; даже слово «смиреніе» Лермонтовъ употребляетъ въ смыс-

лѣ Христа: («Когда волнуется желтѣющая нива...», — тогда, говоритъ поэтъ, «*смиряется* души моей тревога, тогда расходятся морщины на челѣ»). Основная опасность волненій, страстей и низшихъ чувствъ, чего такъ боялся Лермонтовъ и Пушкинъ и другіе поэты и философы, состоитъ повидимому въ нѣкоторой физіологической порчѣ тонкихъ субстратовъ чувства, послѣ чего эти субстраты уже лишены, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, способности къ работѣ высшаго достоинства, подобно тому, какъ рука лишается своего искусства къ деликатнымъ, тонкимъ механическимъ операціямъ послѣ сеанса грубаго валового напряженія мышцъ и, въ особенности, послѣ душевныхъ волненій. Близкое къ *смиренію* мѣсто занимаетъ *терпѣніе;* оно есть ни что иное, какъ активная, часто волевая сторона смиренія. *Кротость* есть художественно-тонко проведенный принципъ смиренія и терпѣнія, *кротость* болѣе содержитъ въ себѣ элементовъ чувства, *смиреніе* — болѣе элементовъ познанія и воли, а *терпѣніе* — наиболѣе элементовъ воли. *Покорность судьбѣ, незлобіе, примиреніе съ судьбой* — представляютъ собою частные случаи сохраненія мира души среди испытаній и несчастій, постигающихъ личность.

Къ разбираемой волевой группѣ сложныхъ душевныхъ процессовъ относятся и три такъ называемыя богословскія добродѣтели— вѣра, надежда и *любовь*.

Любовь содержитъ въ себѣ и своеобразный *познавательный анализъ,* посредствомъ котораго она, закрывая глаза на недостатки любимаго лица (путемъ отвлеченія и забыванія), съ особой тонкостью и глубиной разыскиваетъ и разбираетъ достоинства, любовь богата также и *элементами чувства,* но болѣе всего она есть непрерывный, доведенный до художественной высоты долгъ, и въ этомъ смыслѣ любовь входитъ въ составъ *воли,* — она есть *дѣйствованіе и добровольный подвигъ,* а не платоническое чувство или тонкій анализъ.

181. а) Любовь.

Любовь — одно изъ самыхъ возвышенныхъ психическихъ состояній, развивающееся и дѣйствующее подъ именемъ и подъ общей печатью чувства. Тогда какъ вѣра и надежда представляютъ собою чувства или состоянія личныя, любовь имѣетъ своимъ объектомъ другого человѣка. Это — альтруистическое чувство: оно существуетъ и дѣйствуетъ для другого и въ пользу другого. Изъ гимна Апостола Павла уже ясна всеобъемлющая программа дѣйствій. Значеніе и размѣры этого озаряющаго состоянія особенно выступаютъ при сравненіи человѣческой любви и высшихъ животныхъ: здѣсь любовью все существо животнаго поднимается на недосягаемую для него высоту. Всѣ понятія человѣка о животномъ должны быть поэтому исправлены.

182. Любовь обезьянъ къ своимъ дѣтенышамъ и забота о нихъ носятъ возвышенный отпечатокъ. Сила чувства у страдающей обезьяны велика и трогаетъ человѣка. Раненная охотникомъ обезьяна, если у нея на рукахъ дѣтенышъ, показываетъ человѣку кровь, нѣжно обнимаетъ своего ребенка, давая понять своими жестами, что она кротко укоряетъ человѣка, разлучающаго его съ дитятей, въ предсмертный часъ она объята любовью къ своему дѣтищу, а не гнѣвомъ къ своему убійцѣ. Это уже благородная, почти человѣческая смерть. (Всеобщая Психологія).

183. Материнское чувство у птицъ: оно преодолѣваетъ и побѣждаетъ страхъ смерти — животное жертвуетъ собою.

В о р о б е й .

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головкѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва прораставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой — весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою.

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки, онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила сильнѣе его воли сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса — и удалился, благоговѣя.

Да: не смѣйтесь! Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. С. Тургеневъ.

184. Материнская любовь.

Положеніе мое становилось хуже и хуже. Припадки появлялись чаще, продолжались долѣе; я потерялъ аппетитъ, блѣднѣлъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ; терялъ также и охоту заниматься ученьемъ, одинъ только сонъ подкрѣплялъ меня. Наконецъ, отдали меня въ больницу. Тамъ помѣстили меня очень хорошо: дали особую небольшую комнату, назначенную для тяжелыхъ больныхъ, которыхъ на ту пору не было; тамъ спалъ со мною дядька Евсеичъ, переведенный въ больничные служители.

Мать моя, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Казани, заставила Евсеича побожиться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ давно порывался исполнить обѣщаніе, но его постоянно удерживали; теперь же онъ рѣшился дѣйствовать, не спрашивая никого: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ, безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщалъ, что молодой баринъ боленъ падучей болѣзнью, и что его отдали въ больницу.

Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцомъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы и не могутъ имѣть понятія: дорога прерывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажора, то есть снѣгъ, насыщенный водою; ѣхать было почти невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло: она выѣхала въ тотъ же день въ Казань, со своею горничною Парашей, и молодымъ мужемъ ея Федоромъ, ѣхала день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ лошадяхъ, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ въ одну лошадь; всѣхъ саней было четверо, въ трехъ сидѣло по одному человѣку безъ всякой поклажи, которая вся помѣщалась въ четвертыхъ саняхъ, только такимъ образомъ была какая нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользуясь морозными утренниками, которые на этотъ разъ продолжались, по счастію, до половины апрѣля.

Въ десять дней дотащилась мать до большого села Мурзихи на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, и потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможнымъ, но зато изъ Мурзихи надо было переѣхать черезъ Каму, чтобы попасть въ село Шуранъ, находящееся, кажется, въ 80 верстахъ отъ Казани. Кама не прошла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее почту на рукахъ; но въ ночь прошелъ дождь и никто не соглашался переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Моя мать принуждена была ночевать въ Мурзихѣ; боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дома въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывая свое горе, и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе материнское сердце, которые обѣщали ей, что если дождь въ ночь уймется, и къ утру хоть крошечку

подмерзнетъ, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды.

До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колѣняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ ледочкомъ затянулъ лужи.

На зарѣ шестеро молодцевъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камѣ и привыкшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багромъ, привязавъ за спины нетяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руки обѣихъ женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Федору, поручивъ ему тащить «Чумакъ», т. е. широкій лубокъ загнутый спереди кверху и привязанный на веревку, взятый на тотъ случай, что неравно барыня устанетъ, и отправились въ путь, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось и надобно было пройти около трехъ верстъ.

Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Федоръ и Параша просто ревѣли, прощаясь съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными; но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе даже веселѣе. Провожатые поглядывали на нее и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ черезъ трещины; моя мать нигдѣ не хотѣла сѣсть на чумакъ и только тогда, когда дорога, подошедши къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ самого берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновала, она почувствовала слабость; сейчасъ послали на чумакъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ; въ такомъ положеніи дотащили ее до ямского двора въ Шуранѣ.

Моя мать дала сто рублей своимъ провожатымъ, т. е. половину своихъ наличныхъ денегъ; но честные люди не хотѣли ими воспользоваться: они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей). Съ изумленіемъ слушая изъявленіе горячей благодарности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощанье: «Дай вамъ Богъ благополучно доѣхать», немедленно отправились домой, потому что мѣшкать было некогда: рѣка прошла на другой день. Все это подробно разсказала мнѣ Параша.

Изъ Шурана въ двое сутокъ мать моя доѣхала до Казани, остановилась гдѣ то на постояломъ дворѣ и черезъ полчаса уже была въ гимназіи. . .

Не нахожу словъ и не беру на себя разсказать, что чувствовалъ я, когда вошла ко мнѣ мать моя. Она такъ похудѣла, что можно было не узнать ея; но радость, что она нашла дитя свое не только живымъ, но гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ожидала (ибо чего не придумало испуганное

воображеніе матери), такъ ярко свѣтилась въ ея всегда блестящихъ глазахъ, что она могла показаться и здоровою и веселою. Я забылъ все, что вокругъ меня происходило, обнялъ свою мать и нѣсколько времени не выпускалъ ее изъ моихъ дѣтскихъ рукъ.

Мать пробыла у меня до сумерекъ, почти до шести часовъ вечера. На прощанье она сказала мнѣ, что увезетъ меня въ деревню. Я совершенно повѣрилъ ей. Я привыкъ думать, что маменька можетъ сдѣлать все что захочетъ, и счастливая будущность засіяла передо мной всѣми радужными цвѣтами счастливаго прошлаго.

Нѣтъ такой души, какъ душа матери.

С. Аксаковъ.

185. Молитва, мольба, просьба.

Весьма близко къ описаннымъ возвышеннымъ душевнымъ состояніямъ, — жалости, стыду, благоговѣнію, стоитъ *молитва.* Ниже будетъ указанъ взглядъ Ренана на молитву. Въ новѣйшее время молитва, наравнѣ съ другими душевными состояніями, сдѣлалась предметомъ психологическаго анализа, и на нее новѣйшіе авторы смотрятъ, какъ на потребность нервно-психологическаго аппарата и какъ на явленіе біологическое, вытекающее изъ необходимости упражнять и видоизмѣнять душевную возбудимость (психотерапія). Непрямымъ и невѣрнымъ путемъ иные стараются достигнуть психическаго возбужденія посредствомъ употребленія алкоголя, табака, опіатовъ и въ частности фармакотерапіей. Такимъ образомъ, *просьба, мольба, молитва,* являются естественнымъ актомъ и представляютъ собою одинъ изъ пріемовъ общенія или отношенія двухъ существъ.

Молитва, мольба, просьба, являются или въ терминахъ *приближенія,* или въ формѣ *удаленія.* Молящійся человѣкъ то устремляется всѣмъ своимъ корпусомъ, выдвигаетъ впередъ (по направленію къ тому, кого просятъ) голову или руки, то наоборотъ, молящійся удаляется или отдаляетъ какую-нибудь часть тѣла, склоняетъ голову, становится на колѣни, падаетъ на землю, какъ бы считая себя недостойнымъ быть ближе (подобно мытарю). Всѣ эти движенія естественны, въ нихъ нѣтъ ничего условнаго, заученнаго. Такимъ образомъ, *исканіе помощи, просьба, мольба, молитва* составляютъ естественное движеніе человѣка, подобно воплю или крику отъ боли. Ренанъ говоритъ о себѣ (біографія): *я еще молюсь... и я убѣжденъ, что это имѣетъ психологическое значеніе.* Такимъ образомъ очевидно, что на молитву и мольбу слѣдуетъ смотрѣть, какъ на естественныя проявленія, а на формы молитвы — какъ на рядъ инстинктивныхъ дѣйствій. Безъ сомнѣнія, мы здѣсь говоримъ о психологическомъ, а не религіозномъ значеніи молитвы. Слѣдовательно молитва, мольба, просьба

ба есть особый видъ душевнаго напряженія, или душевной работы, которая даетъ человѣку возможность достигать благопріятныхъ перемѣнъ въ нервно-психическомъ потенціалѣ, подобно тому, какъ путемъ гимнастики и физическаго напряженія достигаются благопріятныя механическія послѣдствія. Молитву можно приравнять къ заготовленію волевого напряженія или высшаго волевого усилія — въ однихъ случаяхъ, и къ перестройкѣ или преобразованію сложнѣйшей директивной иннервації — въ другихъ. Отъ думы, отъ мысли молитва отличается тѣмъ, что *тамъ* идетъ лишь мыслительное напряженіе, между тѣмъ въ молитвѣ не только напрягается мысль, но возникаютъ возвышенныя чувства и напрягается воля для цѣлей тонкой художественной перестройки всей души, или для достиженія цѣлей нравственнаго, а не физическаго напряженія. Тѣмъ поразительнѣе, что большинство нашихъ великихъ и второстепенныхъ поэтовъ переживали такія состоянія и увѣковѣчили ихъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Первымъ четверостишіемъ Пушкинской молитвы подтверждаются такія психологическія истолкованія:

186. М о л и т в а .

Отцы — пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дальнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна меня изъ нихъ не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

Пушкинъ.

187. Тревожныя думы съ тоской, страхомъ и молитвою.

С л а д о с т ь м о л и т в ы .

Бываютъ минуты, тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу,

И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу.
Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно;
Лампада въ углу одиноко горитъ,
И кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.
И дума за думой на умъ мнѣ приходитъ,
И жаръ непонятный по жиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ,
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ...
И вспомню тогда я тревогу желаній
И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
Невѣрность надежды и горечь страданій
И скрытый подъ маской глубокій развратъ.
Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
Все зло въ этомъ мірѣ, всю скорбь человѣка
И грозную вѣчность и съ жизнью расчетъ.
И вспомню я крестъ на Голгофѣ позорный,
Облитаго кровью Страдальца на немъ,
При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной
Поникшаго тихо покорнымъ челомъ...
И страшно мнѣ станетъ отъ этихъ видѣній,
И съ ложа невольно тогда я сойду,
Склоню предъ иконой святою колѣни
И съ жаркой молитвою ницъ упаду.
И мнится мнѣ, слышу я шопотъ невнятный,
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ незримо, въ тотъ мигъ благодатный
Мой ангелъ хранитель молитву творитъ.
И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну,
И чувствую въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.

И. Никитинъ.

188. Тихая мольба о разрѣшеніи сомнѣній, навѣваемыхъ конечными вопросами жизни.

Молитва.

Спаситель! Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы.
Но, Боже, и вѣрѣ

Могила темна.
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?
На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала,
И цѣли твореній,
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу
Наложилъ печать:
Печать та на — вѣки;
Ее не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода...
Прости-жъ мнѣ, Спаситель,
Слезу моей грѣшной
Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ Тебѣ.

Кольцовъ.

189. Вѣра, Надежда. Благоговѣнье. Молитва.

Ванька Жуковъ.

Вѣра въ родного дѣдушку и *надежда* на него приводятъ Ваньку Жукова въ состояніе благоговѣнія, полное самопожертвованія и обѣтовъ. Въ этомъ состояніи Ванька пишетъ письмо къ дѣдушкѣ и *умоляетъ* взять его домой на деревню, отъ обидъ въ чужомъ домѣ. По одинаковости переживаній письмо напоминаетъ нѣкоторые изъ псалмовъ Давида (Напр. пс. 26).

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣсяца тому назадъ въ ученіе къ сапожнику Аляхину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли къ заутренѣ, онъ досталъ изъ хозяйскаго шкафа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собою измятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онъ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на дверь и окна, покосился на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто вздохнулъ. Бумага лежала на скамьѣ, а самъ онъ стоялъ передъ скамьей на колѣняхъ.

«Милый дѣдушка, Константинъ Макарычъ, — писалъ онъ. — И пишу тебѣ письмо. Поздравляю васъ съ Рождествомъ и желаю тебѣ всего отъ Господа Бога. Нѣтъ у меня ни отца, ни маменьки, Только ты одинъ у меня остался».

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мелькало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живоревыхъ. Это маленькій, тощенькій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка, лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ и пьяными глазами. Днемъ онъ спитъ въ людской кухнѣ, или балагуритъ съ кухарками, ночью же, закутанный въ

просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку. За нимъ, опустивъ голову, шагаютъ старая Каштанка и Вьюнъ, прозванный такъ за свой черный цвѣтъ и тѣло, длинное, какъ у ласки.

Теперь, навѣрно, дѣдъ стоитъ у воротъ, щуритъ глаза на ярко-красныя окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагуритъ съ дворней. Колотушка его подвязана къ поясу. Онъ всплескиваетъ руками, пожимается отъ холода и старчески хихикаетъ.

— Табачку нешто намъ понюхать? — говоритъ онъ, подставляя бабамъ свою табакерку.

Бабы нюхаютъ и чихаютъ. Дѣдъ приходитъ въ неописуемый восторгъ, заливается веселымъ смѣхомъ и кричитъ:

— Отдирай, примерзло!

Даютъ нюхать табаку и собакамъ. Каштанка чихаетъ, крутитъ мордой и, обиженная, отходитъ въ сторону. Вьюнъ же изъ почтительности не чихаетъ и вертитъ хвостомъ. А погода великолѣпная. Воздухъ тихъ, прозраченъ и свѣжъ. Ночь темна, но видно всю деревню съ ея бѣлыми крышами и струйками дыма, идущими изъ трубъ, деревья, посеребренные инеемъ, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звѣздами, и млечный путь вырисовывается такъ ясно, какъ будто его передъ праздникомъ помыли и потерли снѣгомъ.

Ванька вздохнулъ, обмокнулъ перо и продолжалъ писать.

«А вчерась мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мною насмѣхаются, посылаютъ въ кабакъ за водкой и велятъ красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ бьетъ, чѣмъ попадя. А ѣды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши и къ вечеру тоже хлѣба, а чтобъ чаю или щей, то хозяева сами трескаютъ. А спать мнѣ велятъ въ сѣняхъ, а когда ребятенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, качаю люльку. Милый дѣдушка, сдѣлай божескую милость, возьми меня отсюда, домой, на деревню, нѣтъ никакой моей возможности... Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру».

Ванька покривилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлипнулъ.

«Я буду тебѣ табакъ тереть, — продолжалъ онъ: — Богу молиться, а если что, посѣки меня, какъ Сидорову козу. А ежели думаешь должности мнѣ нѣту, то я Христа ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить али замѣсто Федьки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый, нѣту никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣту, морозу боюсь. А когда выросту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, —

стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею».

«А Москва городъ большой. Дома все господскіе и лошадей много, а овецъ нѣту и собаки не злыя. Со звѣздой тутъ ребята не ходятъ и на клиросъ пѣть никого не пущаютъ, а разъ я видалъ въ одной лавкѣ, на окнѣ крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоющіе, даже такой есть одинъ крючекъ, что пудоваго сома удержитъ. И видалъ которыя лавки, гдѣ ружья всякія на манеръ бариновыхъ, такъ что, небось, рублей сто кажное... А въ мясныхъ лавкахъ и тетерева и рябцы, и зайцы, а въ которомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сидѣльцы не сказываютъ».

«Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучекъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи для Ваньки»...

Ванька судорожно вздохнулъ и опять уставился на окно. Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое было время! И дѣдъ крякалъ, и морозъ крякалъ, а глядя на нихъ, и Ванька крякалъ. Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуривалъ трубку, долго нюхалъ табакъ; посмѣивался надъ озябшимъ Ванюшкой... Молодыя елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждутъ, которой изъ нихъ помирать. Откуда ни возьмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяцъ. Дѣдъ не можетъ, чтобъ не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ахъ, куцый дьяволъ!

Срубленную елку дѣдъ тащитъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее... Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать и писать, считать до ста и даже танцовать кадриль. Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку сопроводили въ людскую кухню къ дѣду, а изъ кухни въ Москву къ сапожнику Аляхину...

«Пріѣзжай милый дѣдушка, — продолжалъ Ванька; — Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отсюда. Пожалѣй ты меня, сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ, и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А намедни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка пріѣзжай».

Ванька свернулъ вчетверо исписанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копейку. Подумавъ немного, онъ умокнулъ перо и написалъ адресъ:

«На деревню дѣдушкѣ».

Потомъ почесался, подумалъ и прибавилъ: «Константину Макарычу». Довольный тѣмъ, что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шапку и, не

набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ выбѣжалъ на улицу.

Сидѣльцы изъ мясной лавки, которыхъ онъ разспрашивалъ наканунѣ, сказали ему, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ развозятся по всей землѣ на почтовыхъ тройкахъ съ пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добѣжавъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоцѣнное письмо въ щель...

Убаюканный сладкими надеждами, онъ часъ спустя крѣпко спалъ... Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босыя ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ... Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ.

А. Чеховъ.

190. В. Синтетическія составныя высшія чувства.

Выше жалости, стыда и благоговѣнія стоятъ: синтетическія составныя высшія чувства. Въ эту рубрику должны быть отнесены очень сложные конгломераты, которымъ издавна и единогласно психологи придаютъ названіе *системы высшаго чувства.* Сюда обыкновенно включаются чувства *эстетическія, интеллектуальныя* и *нравственныя.* Высшія чувства, по своей сущности, скорѣе напоминаютъ *принципы и направленія,* по которымъ идетъ, или должна пройти, сложная психическая работа подъ напіемъ эмотивнаго руководительства. Поэтому, на сложныя чувства можно смотрѣть, какъ на своего рода директивы, направляющія эмотивную работу, а также умственную работу воли.

Высшія чувства — плодъ работы ума философскаго, они вышли изъ классическихъ временъ и входили первоначально въ составъ *эстетики,* подъ именемъ ученія *о красотѣ, истинѣ и добрѣ.* Съ упадкомъ метафизики и эстетики, сложнымъ чувствамъ естественнѣе войти въ составъ Психологіи.

По своему складу и значенію синтетическія чувства надолго будутъ занимать обособленное положеніе въ Психологіи.

Эстетическое, интеллектуальное и нравственное чувства имѣютъ между собою общія точки соприкосновенія: всѣ они основаны на психологическомъ синтезѣ и объединены съ представленіями, которыя могутъ ихъ освѣщать и отчасти вызывать. Различіе между эстетическими, интеллектуальными и нравственными чувствами состоитъ въ томъ, что первыя стоятъ ближе къ *физическимъ чувствамъ* и вызываются фактомъ плавности и легкости процесса воспріятія, интеллектуальныя чувства вызываются фактомъ легкости, безпрепятственности, связанности и порядка въ ходѣ представленій и въ мышленіи. Выражаясь языкомъ кортикальныхъ локализацій, можно бы сказать, что эстетическое чувство первоначально связано съ *воспроизведеніями* и ихъ переработкой, и оттого въ интеллектуальномъ чувствѣ менѣе чувствуется *физическое* и физическій міръ, а въ эстетическомъ больше.

Подъ вліяніемъ эстетическихъ чувствъ человѣкъ избираетъ и оцѣниваетъ условія, которыми облегчаются воспріятія или указываются новые пути и направленія, гдѣ воспріятіе будетъ наиболѣе согласнымъ съ законами жизни и свойствами воспринимающихъ органовъ. Интеллектуальныя чувства — есть чутье истины, которое влечетъ насъ къ *познанію* и дѣлаетъ для насъ непріятнымъ *незнаніе;* интеллектуальное чувство побуждаетъ насъ къ умственному труду, къ упорядоченію нашихъ мыслей, къ систематизаціи нашихъ знаній, заключеній, выводовъ и, наконецъ, возбуждаетъ насъ радостной перспективой новыхъ открытій и успѣховъ истины. Оно открываетъ намъ тайну эволюцій, часть которой составляемъ мы сами.

Еще выше, чѣмъ эстетическое и интеллектуальное чувство, стоитъ *нравственное чувство.* Оно связано главнымъ образомъ съ волею, съ дѣйствіями, но также — съ рѣшеніями, предначертаніями, относящимися къ долгу. Для нравственнаго чувства долгъ есть тотъ конечный идеалъ, которымъ чувство живетъ и движется. *Долгъ* — въ смыслѣ рѣшимости къ дѣйствію, и *правда* — въ смыслѣ содержанія, составляютъ конечную цѣль для нравственнаго чувства, *истина* является конечной цѣлью для интеллектуальнаго чувства: посредствомъ интеллектуальнаго чувства мы открываемъ то, что мы должны *думать,* посредствомъ нравственнаго чувства — то, что намъ *надлежитъ дѣлать.* Но въ эстетическомъ и интеллектуальномъ чувствахъ личность, индивидуумъ не только не исчезаютъ, но являются иниціаторами и носителями личнаго начала; въ нравственномъ чувствѣ человѣкъ становится носителемъ не индивидуальнаго, но расоваго и общечеловѣческаго начала. Какъ въ ядрѣ зародышевой клѣтки содержится вся біологическая программа грядущей жизни, такъ въ нравственномъ чувствѣ сконцентрированы задачи грядущаго долга, будущія чаянія и все чутье чистѣйшей совѣсти, до котораго достигло человѣчество. Нравственное чувство — не личная, но общечеловѣческая функція.

По важности высшихъ синтетическихъ чувствъ, которыя, по причинѣ своей сложности, развиваются только *въ юности* (въ переходномъ возрастѣ): всѣ другія чувства уже давно успѣли развиться. Эстетическія чувства первыми возникаютъ въ юности, нравственныя послѣдними, но всѣ три вида синтетическихъ чувствъ въ сущности единовременны: гармонія ихъ поразительна. Какъ примѣръ эстетическихъ чувствъ, ниже приведенъ разсказъ Тургенева, гдѣ представлено художественное пѣніе, исполненное не профессіоналами, а простыми любителями. Другимъ примѣромъ эстетическаго впечатлѣнія пусть послужитъ живо переданное Жуковскимъ описаніе Рафаэлевой Мадонны. Образцомъ интеллектуальныхъ чувствъ приведены: первый знаменитый афоризмъ Гиппократа, рядъ научно-философскихъ афоризмовъ Герберта Спенсера и описаніе экспрессій Богоматери Васнецова.

Какъ образецъ нравственныхъ чувствъ, приведена многообразная мотивировка чувствъ жалости, состраданія, свободы и правъ человѣка, какъ

это представлено въ посланіи Апостола Павла къ Филимону въ защиту бѣлаго фригійскаго раба Онисима. Это письмо Апостола, по сравненію съ трогательнымъ письмомъ Плинія Младшаго къ Собиніону, превосходитъ это послѣднее своею глубиною и силою. Фарраръ и другіе ученые ставятъ посланіе Апостола Павла выше письма Плинія по величію, возвышенности и благородству идей. Посланіе Апостола приведено въ двухъ редакціяхъ, — Евангельской и другой, гдѣ сдѣланы для ясности и удобства чтенія, небольшія редакціонныя измѣненія.

191. а) Эстетическое чувство.

Пѣвцы.

Рядчикъ выступилъ впередъ, закрылъ до половины глаза и запѣлъ высочайшимъ фальцетомъ. Голосъ у него былъ довольно пріятный и сладкій, хотя нѣсколько сиплый, онъ игралъ и вилялъ этимъ голосомъ, какъ юлой, безпрестанно заливался и переливался сверху внизъ и безпрестанно возвращался къ верхнимъ нотамъ, которыя выдерживалъ и вытягивалъ съ особеннымъ стараніемъ, умолкалъ и потомъ вдругъ подхватывалъ прежній напѣвъ съ какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смѣлы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствія; нѣмецъ пришелъ бы отъ нихъ въ негодованіе. Это былъ русскій tenore di grazia, tenor leger. Пѣлъ онъ веселую, плясовую пѣсню, слова которой, сколько я могъ уловить сквозь безконечныя украшенія, прибавленныя согласныя и восклицанія, были слѣдующія:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько;
Я посѣю, молода-молоденька,
Цвѣтика аленька.

Онъ пѣлъ, всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ. Онъ видимо чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ людьми свѣдущими, и потому, какъ говорится, просто лѣзъ изъ кожи. Дѣйствительно, въ нашихъ краяхъ знаютъ толкъ въ пѣніи, и не даромъ село Сергіевское, на большой Орловской дорогѣ, славится во всей Россіи своимъ особенно пріятнымъ и согласнымъ напѣвомъ. Долго рядчикъ пѣлъ, не возбуждая слишкомъ сильнаго сочувствія въ своихъ слушателяхъ, ему недоставало поддержки хора, наконецъ, при одномъ особенно удачномъ переходѣ, заставившемъ улыбнуться самого Дикаго Барина, Обалдуй не выдержалъ и воскликнулъ отъ удовольствія. Всѣ встрепенулись. Обалдуй съ Моргачемъ начали подхватывать вполголоса, подтягивать, покрикивать: «Лихо... забирай, шельмецъ... забирай, вытягивай, аспидъ. Вытягивай еще! Накаливай еще, собака ты этакая, песъ... Погуби Иродъ твою душу!» и пр. Николай Ивановичъ

из-за стойки одобрительно закачалъ головой направо и налѣво. Обалдуй, наконецъ, затопалъ, засѣменилъ ногами и задергалъ плечикомъ, а у Якова глаза такъ и разгорѣлись, какъ уголья, и онъ весь дрожалъ, какъ листъ, и безпорядочно улыбался. Одинъ Дикій Баринъ не измѣнился въ лицѣ и попрежнему не двигался съ мѣста; но взглядъ его, устремленный на рядчика, нѣсколько смягчился, хотя выраженіе губъ оставалось презрительнымъ. Ободренный знаками всеобщаго удовольствія, рядчикъ совсѣмъ завихрился и ужъ такія началъ отдѣлывать завитушки, такъ защелкалъ и забарабанилъ языкомъ, такъ неистово заигралъ горломъ, что когда, наконецъ, утомленный, блѣдный и облитый горячимъ потомъ, онъ пустилъ, перекинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, послѣдній замирающій возгласъ, — общій, слитый крикъ отвѣтилъ ему неистовымъ взрывомъ. Обалдуй бросился ему на шею и началъ душить его своими длинными костлявыми руками; на жирномъ лицѣ Николая Ивановича выступила краска, и онъ словно помолодѣлъ; Яковъ, какъ сумасшедшій, закричалъ: «Молодецъ, молодецъ!» — даже мой сосѣдъ, мужикъ въ изорванной свиткѣ, не вытерпѣлъ и, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ: «Ага! хорошо, чертъ побери — хорошо!» и съ рѣшительностью плюнулъ въ сторону.

— Ну, братъ, потѣшилъ! — крикнулъ Обалдуй, не выпуская изнеможеннаго рядчика изъ своихъ объятій, — потѣшилъ, нечего сказать! Выигралъ, братъ, выигралъ! Поздравляю, осьмуха твоя! Яшкѣ до тебя далеко... Ужъ я тебѣ говорю: далеко... А ты мнѣ вѣрь! — И онъ снова прижалъ рядчика къ своей груди.

— Да пусти же его; пусти, неотвязная... — съ досадой говорилъ Моргачъ: — дай ему присѣсть на лавку-то; вишь, онъ усталъ... Экой ты фофанъ, братецъ, право, фофанъ. Что присталъ, словно банный листъ?

— Ну, что жъ пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказалъ Обалдуй и пошелъ къ стойкѣ. — На твой счетъ братъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ рядчику.

Тотъ кивнулъ головой, сѣлъ на лавку, досталъ изъ шапки полотенце и началъ утирать лицо, а Обалдуй съ торопливою жадностью выпилъ стаканъ и, по привычкѣ горькихъ пьяницъ, крякая, принялъ грустно озабоченный видъ.

— Хорошо поешь, братъ, хорошо! — ласково замѣтилъ Николай Иванычъ. — А теперь за тобой очередь, Яша, смотри не сробѣй. Посмотримъ, кто кого, посмотримъ... А хорошо поетъ рядчикъ, ей-Богу хорошо.

— Оченна хорошо, — замѣтила Николая Иваныча жена и съ улыбкой поглядѣла на Якова.

Яковъ взялся рукой за горло.

— Что, братъ, того... что-то... Гмъ... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робѣй. Стыдись! чего вертишься?.. Пой, какъ Богъ тебѣ велитъ.

И Дикій Баринъ потупился, выжидая.

Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и

впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у котораго на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступило невольное легкое безпокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо, — оно было блѣдное, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенныя рѣсницы. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровенъ, и казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Ивановича такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій, какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаніемъ, за вторымъ — третій, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. «Не одна во полѣ дороженька пролегала» — пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ, какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость и какая то увлекательно-безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе — онъ дрожалъ, но той едва замѣтной внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжело шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья навстрѣчу знакомому морю, навстрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ страстнымъ участьемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали въ сердцѣ и подымались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанныя рыданія внезапно поразили меня... я оглянулся: жена цѣловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго. Николай Иванычъ потупился. Моргачъ отвернулся. Обалдуй, весь разнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичекъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шепотомъ покачивая головой, и по желѣзному ли-

цу Дикаго Барина, изъ подъ совершенно надвинутыхъ бровей, медленно покатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленье, если бы Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ, необыкновенно тонкомъ звукѣ — словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевелился, всѣ какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть, но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидалъ, что побѣда была его...

— Яша... — проговорилъ Дикій Баринъ, положилъ ему руку на плечо и смолкъ.

Мы всѣ стояли, какъ оцѣпенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову.

— Ты... твоя... ты выигралъ, — произнесъ онъ, наконецъ, съ трудомъ и бросился изъ комнаты.

Его быстрое рѣшительное движеніе, какъ будто нарушило очарованіе: всѣ вдругъ заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнулъ кверху, залепеталъ, замахалъ руками, какъ мельница крыльями; Моргачъ, ковыляя подошелъ къ Якову и сталъ съ нимъ цѣловаться; Николай Иванычъ приподнялся и торжественно объявилъ, что прибавляетъ отъ себя еще осьмуху пива; Дикій Баринъ посмѣивался какимъ-то добрымъ смѣхомъ, котораго я никакъ не ожидалъ встрѣтить на его лицѣ; сѣрый мужичекъ то и дѣло твердилъ въ своемъ уголку, утирая обѣими рукавами глаза, щеки, носъ и бороду: «А хорошо, ей Богу, хорошо, ну, вотъ будь я собачій сынъ, хорошо!» А жена Николая Иваныча, вся раскраснѣвшаяся, быстро встала и удалилась. Яковъ наслаждался побѣдой, какъ дитя; все его лицо преобразилось, особенно его глаза такъ и засіяли счастьемъ. Его потащили къ стойкѣ, онъ подозвалъ къ ней расплакавшагося мужиченка, послалъ цѣловальникова сынишку за рядчикомъ, котораго однако, тотъ не сыскалъ, и начался пиръ.

— Ты еще намъ споешь, ты до вечера намъ пѣть будешь, — твердилъ Обалдуй, высоко поднимая руки.

192. Рафаэлева Мадонна.
(*Изъ письма о Дрезденской галлереѣ*).

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ, но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что передъ нею торчала какая-то фигурка съ пудреною головой, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душою Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня чичероне галлереи (который за червонецъ показываетъ путешественникамъ картины, и къ которому я не прибѣгнулъ): онъ стоялъ передъ нею со своими слушателями и, какъ попугай,

болталъ вытверженный наизусть вздоръ. Наконецъ, однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомая и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ ангеловъ. Я рѣшился придти въ галлерею, какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же почтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ она, не знаю, для какой готентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ, слѣдовательно и пропорціи и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ, что сначала можешь подумать, что копіи съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самого оригинала. Наконецъ, (что не менѣе досадно), она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ прекрасный — но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышитъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотрѣть на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслью о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: она здѣсь, закричалъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобой что-то неестественное происходитъ (особенно, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живописью красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительной простотой и легкостью, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершалось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ, но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я предъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастьемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ, вокругъ меня все было тихо, сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя, потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется, какое-то трогательное чувство величія въ нее входило, неизобразимое было для нея изображено, и она тамъ была, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. *Геній чистой красоты* былъ съ нею.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и не стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, не смотря на то, все необъятно, все неограниченно. И точно, приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой то тихій, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимо идущей дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту: важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли былъ Рафаэль, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ. Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И такъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, что нельзя истощить мыслью. Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ждетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія: но, чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается, на лицѣ ея ничего не выражено, то есть, на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя;* но въ немъ находишь, въ какомъ то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земного, слѣдовательно, мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая, все совершилось): но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца, но руки ея смиренно и свободно служатъ Ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не что иное, какъ оду-

шевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И Онъ, какъ царь земли и неба сидитъ на этомъ престолѣ. И въ Его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука младенца, съ могуществомъ вседержителя, оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, Св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость: святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное:* она въ глубокомъ *размышленіи;* она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэля картины (если слово *картина* здѣсь у мѣста). Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни ангелы и святые, онъ далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга, ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: онъ на минуту быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земного, или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслію, постигнувшей тайны неба, безмолвное, неизмѣняемое счастье, которое все заключается въ двухъ словахъ: *чувствую и знаю!* И эта то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителя и Мадонны): всѣ въ размышленіи, и святые и ангелы: Рафаэль какъ будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта. Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонной Рафаэля.

Жуковскій. 1821 г.

193. б) Интеллектуальныя чувства.

Первый афоризмъ Гиппократа.

«Жизнь коротка, наука продолжительна» (ars longa, vita brevis), удобная минута дорога, опытность обманчива, правильное сужденіе достигается только трудомъ и усиліями. Не только самъ (врачъ) долженъ дѣлать, что слѣдуетъ, но долженъ поставить въ надлежащія условія, какъ больного (котораго пользуетъ), такъ и окружающихъ и всю внѣшнюю обстановку.

194. Нервно-психическая гигіена.

Афоризмы изъ сочиненій Герберта Спенсера, извлеченные и приведенные въ систему Юліей Гинджалъ. (Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Вл. Соловьева. СПБ. 1896 г.).

Мы заимствуемъ изъ названнаго сочиненія Спенсера нѣкоторое число афоризмовъ и располагаемъ ихъ для удобства по тремъ рубрикамъ, которыя мы озаглавимъ согласно ихъ содержанію слѣдующимъ образомъ: *О здоровьи, о наукѣ и знаніи, нервно-психическая гигіена и философія жизни.*

О здоровьи.

Сила ума не можетъ исходить изъ дурно питаемаго мозга.

Основанія этики § 238.

Часто приходится слышать разговоръ о «презрѣнной плоти», и многихъ это поощряетъ къ разрушенію законовъ сохраненія здоровья. Но природа невозмутимо устраняетъ тѣхъ, которые недостаточно внимательны къ одному изъ ея величайшихъ произведеній, и заселяетъ міръ потомками тѣхъ людей, которые менѣе безумны въ этомъ отношеніи.

Опыты. — Американцы.

Ничто, быть можетъ, не приблизитъ такъ то время, когда тѣло и умъ сдѣлаются одинаково предметомъ надлжащаго попеченія, какъ распространеніе мнѣнія, что сохраненіе здоровья есть обязанность. Немногіе повидимому сознаютъ, что существуетъ физическая нравственность.

Воспитаніе. Гл. 4.

О наукѣ и знаніи.

Безпокойство, страданіе и смерть, являясь естественными карами невѣжества и неспособности, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и цѣлительнымъ средствомъ этихъ недуговъ. Частью посредствомъ истребленія индивидовъ, низкихъ по развитію, частью подчиненіемъ всѣхъ прочихъ индивидовъ безпрерывной дисциплинѣ опыта, природа обезпечиваетъ ростъ и размноженіе такихъ людей, которые лучше понимаютъ условія существованія и лучше умѣютъ сообразоваться съ ними.

Соціальная статистика. — Санитарный надзоръ.

Научныя истины необходимы и вѣчны; поэтому вся наука касается всего человѣчества всѣхъ временъ. Какъ въ настоящее время, такъ и въ дальнѣйшемъ будущемъ, наука о жизни физической, умственной и соціальной будетъ имѣть огромное значеніе въ дѣлѣ регулированія поведенія

людей: съ нею, слѣдовательно, мы должны знакомиться преимущественно; на всякую же другую науку мы должны смотрѣть, какъ на ключъ къ наукѣ о жизни.

Воспитаніе. Гл. I.

Неправда, будто научныя истины не поэтичны, или будто занятія науками необходимо идутъ въ разрѣзъ съ развитіемъ воображенія и любви къ прекрасному. Напротивъ, наука открываетъ цѣлыя царства жизни тамъ, гдѣ человѣку, чуждому наукѣ, все кажется безцвѣтнымъ. На людяхъ занимающихся учеными изслѣдованіями, мы постоянно убѣждаемся, что они не менѣе, но болѣе живо, чѣмъ прочіе, чувствуютъ поэтическую сторону предмета своихъ занятій.

Воспитаніе. Гл. I.

Когда факты не организованы въ систему, то чѣмъ больше ихъ масса, тѣмъ сильнѣе будетъ угнетенъ умъ подъ ихъ бременемъ, получая въ нихъ помѣху вмѣсто помощи.

Изученіе соціологіи. Гл. II.

Нервно-психическая гигіена и философія жизни.

Та полная напряженія жизнь, которая характеризуется тяжелыми трудами, крупными барышами и широкими расходами, сопровождается такимъ изнуреніемъ, что благо, достигаемое въ одномъ направленіи, значительно сокращается въ другомъ... Такимъ образомъ часто случается, что одновременно съ увеличеніемъ благосостоянія уменьшается счастіе.

Опыты. — Американцы.

На каждомъ лежитъ не только безусловная обязанность жить такимъ образомъ, чтобы избѣгать всякаго несправедливаго вмѣшательства въ чужую жизнь; не только каждый обязанъ, хотя и не столь безусловно, содѣйствовать при различныхъ обстоятельствахъ облегченію жизни другихъ, но въ нѣкоторой степени каждый обязанъ также скрашивать ихъ жизнь своею общительностью и развивать въ себѣ тѣ способности, которыя ведутъ къ общительности.

Основанія этики, № 228.

Способность управленія самимъ собою, подобно всякой иной способности, можетъ быть развита лишь путемъ упражненія. Кому предстоитъ сдерживать свои страсти въ зрѣломъ возрастѣ, тотъ долженъ еще въ дни юности начинать бороться съ ними.

Соціальная статистика. Права дѣтей.

Чрезмѣрное самоуваженіе производитъ двоякого рода зло: возбуждая непомѣрную личную притязательность, оно порождаетъ наступательность (aggression) и антагонизмъ: создавая же несоотвѣтственную оцѣнку личныхъ способностей, оно побуждаетъ къ суетнымъ усиліямъ, оканчивающимся катастрофами. Недостаточное самоуваженіе производитъ двоякое зло, противоположное предыдущему: не отстаивая личныхъ правъ, оно привлекаетъ нападенія и, такимъ образомъ, поощряетъ эгоизмъ другихъ, оцѣнивая же слишкомъ скромно личныя способности, оно теряетъ и тѣ выгоды, которыхъ возможно было бы достигнуть.

Изученіе соціологіи. Гл. 9.

Если бы достаточно было только обширныхъ познаній и проницательнаго ума для того, чтобы сдѣлать людей совершенными, то Бэконъ былъ бы честнымъ, а Наполеонъ справедливымъ. При порочныхъ наклонностяхъ умъ, какъ бы высоко ни былъ развитъ, не можетъ правильно регулировать поведенія, потому что господствующія желанія искажаютъ его сужденія. Мало того, даже ясное сознаніе угрожающихъ послѣдствій не послужитъ задержкою, когда въ дѣло замѣшаны сильныя страсти.

Соціальная статистика. — Народное образованіе.

195. в) Нравственныя чувства.
(*Экспрессіи изображаютъ направленіе ума, силу воли, богатство чувства, при всеобщей духовной уравновѣшенности*).

Богоматерь (В. М. Васнецова). Вопреки всѣмъ изображеніямъ Мадоннъ (не исключая и Сикстинской), Св. Дѣва представлена у Васнецова закутанной въ хитонъ и шелковый плащъ, всей своей фигурой, кромѣ лица, которое одно осталось открытымъ. Такимъ образомъ, художникомъ скрыты всѣ чары, изображающія *женщину,* и показана только душа *женщины* въ тѣлесной экспрессіи; этимъ Васнецовъ рѣшительно отличается отъ другихъ художниковъ и отъ общепринятой *манеры писать Мадоннъ.* Васнецовъ глубоко вникъ въ смыслъ религіозной жизни и религіозныхъ сюжетовъ, и его Богоматерь даетъ нить для уразумѣнія художественнаго изображенія религіозности. Религіозное чувство есть олицетвореніе высшаго нравственнаго долга (Гефдингъ), оно не исключаетъ собою человѣчности, напротивъ того, оно — сама человѣчность въ ея высшихъ предѣлахъ. Эта идея весьма талантливо осуществлена Васнецовымъ въ его Мадоннѣ: Богоматерь — это истинный человѣкъ, въ моментъ исполненія имъ самаго труднаго и самаго высокаго долга. Художникъ далъ своему образу слѣдующія мимическія и физіогномическія черты: худощавое лицо, съ необыкновенно гармоническимъ сокращеніемъ всѣхъ мышцъ (ни одна черта не выступаетъ рѣзче другой, ни одна мышца не пересиливаетъ другую,—что соотвѣтствуетъ гармоніи чувствъ, душевной уравновѣшенности и тихому миру души. Умѣренная прямолинейность бровей (сокращеніе мышцы мысли) указы-

ваетъ на то, что душѣ Богоматери, при всей женственности Ея натуры, весьма привычно напряженіе мысли. Но главная экспрессія фигуры содержится въ Ея взорѣ и въ Ея позѣ. Широко открытые глаза (отъ упавшаго нижняго вѣка) свидѣтельствуютъ о физическомъ изнеможеніи (какъ у Сикстинской Мадонны), но полная бодрость всей остальной мускулатуры тѣла (выпрямленная фигура, но не согнутая, не склоненная) даетъ понять, что изображенная личность полна силъ нести свой долгъ, не смотря на колоссальную затрату физической энергіи и на крайнюю утомительность задачи. Но въ этомъ и состоитъ сущность нравственнаго долга и *идея подвига*. Художникъ не даетъ напряженію мышцъ тѣла *особенной* силы, которая превышала бы требуемую дозу, и это внушаетъ зрителю мысль, что исполнительница подвига скромна, не переоцѣниваетъ своихъ силъ, но даетъ ихъ столько, сколько нужно, чтобы исполнить долгъ, достигнуть цѣли: въ этомъ сказывается не героизмъ изображенной фигуры, не сверхчеловѣкъ, но обыкновенный, подобный намъ, человѣкъ, однако же, *такой*, у котораго есть сила для подвига. Спокойное напряженіе всей мускулатуры тѣла (твердая, ровная поступь) показываетъ силу воли и рѣшимость. Послѣднее, въ особенности, подкрѣпляется плотно сомкнутымъ ртомъ (признакъ Дарвина). Взоръ Богоматери направленъ не по пути Ея движенія, но нѣсколько вправо: очевидно, что тяжкая перспектива этого пути не влечетъ къ себѣ взора. Богоматерь идетъ по чувству долга, но идетъ твердо. Во всемъ этомъ сказываются возвышенныя человѣческія черты, вставленныя въ рамку всѣхъ трудностей, какія испытываетъ человѣкъ: это тяжкій долгъ, который человѣкъ несетъ спокойно, терпѣливо, съ сознаніемъ необходимости. Во всемъ этомъ красной нитью проходитъ та покорность нравственному долгу и то самоотреченіе, которое составляетъ народную черту русскаго характера, съ его идеальной простотой въ осуществленіи необходимаго и должнаго. О достоинствахъ Васнецова, какъ художника, глубоко понимающаго высокія и религіозныя темы, едва ли нужно говорить. Онъ является не только тонкимъ интерпретаторомъ возвышенныхъ душевныхъ состояній, но и трактуетъ ихъ, заимствуя психологическій матеріалъ изъ психологіи русскаго народа.

(Всеоб. Психологія).

196. Къ Филимону посланіе Святаго Апостола Павла.

Глава I.

1. Павелъ узникъ Іисуса Христа, и Тимофей братъ, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему.

2. И Апфіи, (сестрѣ) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему и домашней твоей церкви:

3. Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.

4. Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о Тебѣ въ молитвахъ моихъ.

5. Слыша о твоей любви и вѣрѣ, которую имѣешь къ Господу Іисусу и ко всѣмъ святымъ.

6. Дабы общеніе вѣры твоей оказалось дѣятельнымъ въ познаніи всякаго у васъ добра во Христѣ Іисусѣ.

7. Ибо мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви твоей, потому что тобою, братъ, успокоены сердца святыхъ.

8. Посему, имѣя великое во Христѣ дерзновеніе приказывать тебѣ, что должно.

9. По любви лучше прошу, не иной кто, какъ я, Павелъ старецъ, а теперь и узникъ Іисуса Христа.

10. Прошу тебя о сынѣ моемъ Онисимѣ, котораго родилъ я въ узахъ моихъ.

11. Онъ былъ нѣкогда негоденъ для тебя, а теперь годенъ тебѣ и мнѣ: я возвращаю его;

12. Ты же прими его, какъ мое сердце.

13. Я хотѣлъ при себѣ удержать его, дабы онъ вмѣсто тебя послужилъ мнѣ въ узахъ за благовѣствованіе.

14. Но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло было не вынуждено, а добровольно.

15. Ибо, можетъ быть, онъ для того на время отлучился, чтобы тебѣ принять его навсегда.

16. Не какъ уже раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ и по плоти, и въ Господѣ.

17. Итакъ, если ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня.

18. Если же онъ чѣмъ обидѣлъ тебя, или долженъ, считай это на мнѣ.

19. Я, Павелъ, написалъ моею рукою: я заплачу, не говорю тебѣ о томъ , что ты и самимъ собою мнѣ долженъ.

20. Такъ, братъ, дай мнѣ воспользоваться отъ тебя въ Господѣ, успокой мое сердце въ Господѣ.

21. Надѣясь на послушаніе твое, я написалъ къ тебѣ, зная, что ты сдѣлаешь и болѣе нежели говорю.

22. А вмѣстѣ приготовь для меня и помѣщеніе, ибо надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду дарованъ вамъ.

23. Привѣтствуетъ тебя Епафрасъ, узникъ вмѣстѣ со мною ради Христа Іисуса, Маркъ, Аристархъ, Димасъ, Лука, сотрудники мои.

24. Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ. Аминь.

197. Къ Филимону посланіе Св. Апостола Павла.

Павелъ, узникъ Іисуса Христа и братъ Тимофей Филимону, возлюбленному сотруднику нашему, и Анфіи, сестрѣ возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему и твоей домашней церкви.

Благодать вамъ и миръ отъ Бога отца нашего и Господа Іисуса Христа. Вспоминая о тебѣ всегда въ молитвахъ моихъ, благодарю Бога моего, слыша о вѣрѣ, которую ты имѣешь къ Господу Іисусу, и о твоей любви ко всѣмъ святымъ (христіанамъ) и о томъ, что независимость духа, исходящая изъ твоей вѣры, проявилась наглядно для всѣхъ столькими добрыми дѣлами, которые творятся въ высшемъ домѣ во имя Господа Іисуса. Мы потому преисполнены великой радостью и утѣшеніемъ, что сердца святыхъ (т. е. христіанъ) тобою, братъ, облегчены и успокоены. Хотя я и могъ бы во имя Іисуса Христа взять право приказывать тебѣ, что либо относящееся къ твоему долгу, однако же любовь моя побуждаетъ не приказывать, а скорѣе умолять тебя: умоляетъ тебя Павелъ, старикъ, и къ тому же въ настоящую минуту узникъ за Христа. Просьба моя касается Онисима, котораго я родилъ (усыновилъ) въ узахъ моихъ. Онъ былъ нѣкогда безполезенъ для тебя, а теперь будетъ очень полезенъ тебѣ и мнѣ. Я его возвращаю тебѣ и прошу тебя прими его, какъ мое сердце. Я хотѣлъ удержать его при себѣ, чтобы онъ, вмѣсто тебя, послужилъ мнѣ въ моемъ тюремномъ заключеніи, постигшемъ меня за дѣло евангельской проповѣди. Но безъ твоего вѣдома я ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы твое доброе дѣло, которое я тебѣ предлагаю, было не вынужденнымъ, но вполнѣ добровольнымъ. Быть можетъ Онисимъ оставлялъ тебя на нѣкоторое время только для того, чтобы ты могъ снова принять его уже навсегда, но принять не какъ простого раба, но выше чѣмъ раба, — какъ брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, — брата по плоти и о Господѣ. Итакъ если ты продолжаешь по прежнему имѣть близкое общеніе со мной, то прими Онисима, какъ меня самого. Если ты въ какой-нибудь обидѣ отъ него или же онъ окончательно не выплатилъ свой долгъ, считай это на мнѣ. Я, Павелъ, расписываюсь собственной рукою: *я заплачу*. Не говорю тебѣ, что ты и самъ долженъ мнѣ. Да, братъ, дай мнѣ воспользоваться у тебя этимъ преимуществомъ о Господѣ, не откажи мнѣ, ради Бога, въ этомъ чувствительномъ для меня успокоеніи. Надѣясь на послушаніе твое, я написалъ тебѣ, зная, что сдѣлаешь и болѣе, нежели я говорю. А вмѣстѣ приготовь для меня и помѣщеніе, ибо надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду возвращенъ вамъ. Привѣтствуетъ тебя Епафрасъ, Димасъ, Лука, сотрудники мои. Благодать Господа Іисуса Христа да будетъ съ духомъ вашимъ. Аминь.

198. Посланіе Апостола Павла все проникнуто тѣжнѣйшимъ чувствомъ любви и заботливости о другомъ.

Толко немногія литературныя произведенія значительны высокой поэзіей альтруизма и такимъ всепрощающимъ нравственнымъ озареніемъ, которое подобно небесной гармоніи и восхищаетъ и укрѣпляетъ всякаго человѣка, одаряя его творческой волей. Такія переживанія открываютъ тайну поэтическихъ настроеній, достигнутыхъ немногими избранными, способными производить своею личностью и своими твореніями глубочай-

шія настроенія, полныя самозабвенія и альтруизма. Въ такомъ состояніи *идеализма и безмятежія* возможна молитва о другомъ, даже въ тѣ моменты, когда и самъ нуждаешься въ помощи. Въ такомъ именно состояніи, напоминающемъ Апостола Павла, написана молитва Лермонтова: (Молитвенное обращеніе (молитва) къ Божіей Матери съ альтруистическимъ ходатайствомъ, т. е. не за себя, а за другого).

199. Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ.
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго, —
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ счастья достойную
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела — душу прекрасную.

Лермонтовъ.

Въ переложеніи и передачѣ бѣлыми стихами содержаніе произведенія выступаетъ яснѣе:

Матерь Божія! Я нынѣ обращаюсь съ молитвою передъ Твоимъ образомъ.Я молюсь не о спасеніи, не передъ битвою, не съ благодарностью иль покаяніемъ; но я хочу вручить дѣву невинную Тебѣ, теплой заступницѣ холоднаго міра. Окружи ее счастіемъ — достойную счастья, дай ей сопутниковъ полныхъ вниманія, свѣтлую молодость, покойную старость; дай миръ упованія этому незлобному сердцу. А когда приблизится для нея срокъ прощальнаго часа, — случится ли это въ шумное утро, или въ безгласную ночь, — пошли лучшаго ангела къ печальному ложу воспріять ея прекрасную душу.

200. Г. Идеализація психизма.

Дальнѣйшее усовершенствованіе психизма, — уже за предѣлами *жалости, стыда, благоговѣнія* и синтетическихъ чувствъ, совершается путемъ идеализаціи этихъ великихъ психическихъ цѣнностей.

(Изъ рѣчи на Московскомъ Съѣздѣ психіатровъ 11 Сентября 1911 г.).

Процессъ жизни, несмотря на великіе успѣхи наукъ, все еще покрытъ глубочайшею таинственностью. Жизнь прекрасна, но невѣдома, полна кажущихся противорѣчій. Полна счастія и страданій.

Передъ взоромъ мыслящаго наблюдателя жизнь выступаетъ ярко двумя своими важнѣйшими проявленіями. Съ одной стороны она движется въ направленіи самой утонченной, самой проникновенной идеализаціи, которая всего полнѣе выражается въ словахъ поэта: « я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать» (Пушкинъ). Съ другой стороны — это «*идеальное*», это «*одухотворенное*» стремится *овеществиться,* облечься въ матеріальныя формы и тѣмъ принять для зрителя и для самого субъекта нѣкоторую видимость, осязательность, прочность. *Овеществленіе* всего идеальнаго стало важнѣйшей *другой* стороной жизни, стремящейся закрѣпить себя, консолидировать, увѣковѣчить.

Идеальное сильно своею глубиною, своимъ огнемъ, своею беззавѣтностью. Но таковымъ оно является субъективно, т. е. для самого носителя, въ которомъ оно живетъ и дѣйствуетъ, какъ скрытая сила, какъ великій потенціалъ, какъ незримый зарядъ способный двигать горы. Этотъ зарядъ психологической силы можетъ выразиться, то поэмой, то великимъ открытіемъ, то величайшимъ дѣяніемъ и подвигомъ, способнымъ изумить міръ и на долгіе вѣка вдохновить человѣчество, ставши лозунгомъ, убѣжденіемъ, вѣрой — той пламенной вѣрой, за которую люди готовы отдать все, до жизни включительно. Какъ бы ни пытался «великій заблуждающійся» умалить жизнь, понизить цѣну ея идеаловъ, проповѣдывая, что «яйцо въ смятку и пара сапогъ лучше Рафаэля», — эта проповѣдь умретъ раньше самого «проповѣдника», *а великое идеальное* всегда останется великимъ, безсмертнымъ. Оно всгда будетъ зажигать въ людяхъ огонь чувства и порывы воли, и человѣчество, подобно великому поэту, захочетъ жить даже и только для того, чтобы мыслить и страдать. Пусть пессимистъ порочитъ жизнь, пусть *Ницше* своимъ талантливымъ острословіемъ показываетъ тьму и безнадежность, пусть мрачно-печальная армія самоубійцъ нескончаемой вереницей движется предъ взоромъ людей, ядро человѣчества отъ этого не поколеблется: жизнь и ея идеализація останутся нерушимы. Какова бы ни была жизнь, все живое вмѣстѣ съ поэтомъ будетъ твердить:

Опять явилось вдохновенье
Въ душѣ безжизненной моей
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей...

Идеализація есть необходимое условіе высшаго усовершенствованія жизни. Мы созидаемъ себѣ идеалы жизни: религіозные, научные, художественные, общественные, соціальные и, наконецъ личные. Послѣдніе касаются, главнымъ образомъ, усовершенствованія нашего психизма. Благосостояніе и успѣхи психизма также дороги людямъ, какъ и успѣхи внѣшняго міра, обстановки, учрежденій, какъ успѣхи нашего потомства и насъ самихъ.

Въ своихъ высшихъ проявленіяхъ психическій идеализмъ пробиваетъ новые пути, создаетъ программы жизни, даетъ предчувствія и порывы, къ которымъ всякій человѣкъ, — и малый, и великій, — какъ дитя природы, прислушивается, увлекается и повинуется внутреннему настроенію, неотразимому властному голосу, который, какъ присущая человѣку внутренняя правда, столь же силенъ, какъ и самая жизнь.

Въ психическомъ идеализмѣ содержится истинная, дѣятельная программа матеріально предначертанная біо-историческимъ ходомъ протекшихъ событій жизни отъ ея первыхъ шаговъ. Нервно-психическая гигіена изучаетъ и охраняетъ эти біо-историческія предначертанія жизни, а психіатріи приходится имѣть дѣло съ тѣми печальными явленіями, которыя проистекаютъ изъ недостаточнаго чувства ея этихъ предначертаній и недостаточнаго согласованія съ ними жизни и дѣятельности.

Идеализація психизма есть продолженіе его дальше въ томъ направленіи, въ какомъ онъ намѣченъ въ первыхъ центрахъ органическимъ потокомъ жизни и самаго ея движенія и роста. Идеализированіе есть непремѣнная составная часть психизма и объемлетъ всѣ стороны его, т. е. и умъ, и чувство, и волю съ ея порывами и ея цѣлями.

Когда мысль встрѣчаетъ препятствіе или предѣлъ своему движенію, она создаетъ нѣчто новое изъ тѣхъ элементовъ, какіе есть въ ея распоряженіи. Пояснимъ примѣромъ. Никто не можетъ представить себѣ *образа вѣчности* (во времени) или *образа безпредѣльности* (пространства), и тогда идея безконечнаго времени создается приблизительно изъ такихъ элементовъ: «Среди безбрежнаго океана одиноко высится невообразимой высоты скала; разъ въ тысячу лѣтъ къ скалѣ прилетаетъ крошечная птичка почесать носикъ; и вотъ, когда вся скала будетъ ею источена, пройдетъ одна секунда вѣчности». Здѣсь контрастная комбинація ультра-великихъ и ультра-малыхъ величинъ даетъ воображенію нѣкоторый идеализированный образъ вѣчности. Въ области чувства и воли проведено то же начало безграничной идеализаціи. Въ чувствѣ, какъ и въ умственныхъ актахъ, постоянно проводится широкое начало контраста, съ цѣлью сдѣлать замѣтными начинающіяся ультра микроскопическія проявленія психизма. Таковъ, напримѣръ, пріемъ Байрона въ слѣдующемъ стихѣ:

И вашу каменную грудь
Я разбужу когда-нибудь
И въ васъ проснутся сожалѣнье и тоска,
Вамъ неизвѣстная пока.

(«*Чайльдъ-Гарольдъ*»).

Въ *чувствѣ*, благодаря физіологическимъ субстратамъ всѣхъ вообще эмотивныхъ состояній, обыденный психизмъ всегда претворяется идеализированными состояніями, и это даетъ возможность предчувствовать грядущее, т. е. переживать его въ полномъ размѣрѣ раньше дѣйствительнаго срока его наступленія. Еще совершенно неуловимый зародышъ чувства

можетъ разростись въ полную и зрѣлую эмоцію, благодаря процессу *синэстезій* и этимъ можетъ дать субъекту возможность anticipando (раньше срока) пережить то, что при обычныхъ условіяхъ относится къ далекому будущему, таковъ плодъ идеализаціи чувства.

Идеализированные, и потому сильные душевные акты не остаются для человѣка безъ послѣдствій. Самымъ первымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ ихъ является *усиленіе самаго процесса жизни*. Идеализмъ представляетъ, поэтому, наивѣрнѣйшее предохранительное средство противъ *самоубійства*. Въ свою очередь, наростаніе самоубійствъ указываетъ на упадокъ идеализма въ обществѣ (Кони). Герои Арцыбашева были лишены идеализма и всѣ лишили себя жизни («У послѣдней черты»). Только двое изъ нихъ, — д-ръ Арнольди да купеческій сынъ Арбузовъ, оставались идеалистами и остались жить. Идеализмъ — это соль жизни: отнимите у животнаго *соль* въ пищѣ, оно станетъ терять бѣлокъ изъ организма и можетъ погибнуть. Таковъ идеализмъ.

Всѣ идеальные акты психизма способны сразу произвести душевный переворотъ, переродить человѣка, дать иное направленіе всѣмъ его словамъ, его уму, волѣ и чувству. Ихъ называли еще со временъ Аристотеля *восхищеніемъ, вдохновеніемъ, энтузіазмомъ*, т. е. перенесеніемъ человѣка какъ-бы въ иной міръ, или вхожденіемъ въ человѣка иного, лучше мыслящаго существа. Идеализированный психизмъ нежданно-негаданно для самого человѣка переноситъ его на новые пути, въ новую сферу дѣйствія, — перерождаетъ человѣка, какъ выражается человѣческій языкъ. Таково дѣйствіе психической идеализаціи..

Порывы идеализированнаго психизма художественно изображены Тургеневымъ въ его стихотвореніи въ прозѣ, въ разсказѣ: «Мы еще повоюемъ». Въ виду могущественнаго вліянія идеализированныхъ порывовъ на весь психическій складъ, ихъ можно назвать директивами, т. е. направителями путей жизни или самыми высокими психическими новинками. *Директивный* или *идеализированный* психизмъ стоитъ выше всѣхъ психическихъ актовъ и составляетъ самую далекую, самую утонченную и самую сложную степень проникновенности и одухотворенія, свойственнаго живымъ существамъ. Тургеневъ тонко и наглядно передалъ на художественномъ примѣрѣ внезапность возникновенія и силу высокаго психическаго *порыва*, который сразу охватываетъ человѣка и какъ бы всецѣло перерождаетъ его. Поэтъ описываетъ сцену, гдѣ онъ видитъ жалкаго воробья, который гордо и смѣло, впереди стаи другихъ воробьевъ выступаетъ впередъ, какъ завоеватель, а въ тотъ самый моментъ надъ нимъ носится въ выси ястребъ, и, быть можетъ участь его, перваго изъ всей стаи воробьевъ, рѣшена. Эта картина вливаетъ въ скорбную и унылую душу поэта-зрителя потокъ глубокихъ директивъ. Поэтъ воображаетъ и себя въ подобномъ же положеніи, и вотъ что происходитъ въ его кроткой и уступчивой душѣ:

— «Я поглядѣлъ, разсмѣялся, встряхнулся и грустныя мысли тотчасъ отлетѣли прочь: отвагу, удаль, охоту къ жизни почувствовалъ я

— И пускай надо мной кружитъ мой ястребъ.

— Мы еще повоюемъ, чертъ возьми!»

Этотъ монологъ показываетъ, какой богатый запасъ духовныхъ силъ таится даже подъ гнетомъ унылости и грусти. Надо только идейной искрѣ коснуться этого запаса.

Жизнь эфемерна, но содержимый ею психизмъ великъ, безграниченъ, силенъ. Оттого жизнь, богатая столь безцѣннымъ содержаніемъ, стремится продолжить себя, закрѣпить, увѣковѣчить. Съ этой цѣлью все идеальное, все одухотворенное стремится овеществиться, облечься въ матеріальныя формы.

Овеществленіе идеальнаго, фиксированіе великихъ порывовъ души, особенно у великихъ людей, стало важнѣйшей *другой* стороной жизни, которая идетъ параллельно *идеализаціи.*

Успѣхи психизма безконечно дороги людямъ, такъ какъ они, съ каждымъ шагомъ, поднимаютъ человѣка надъ уровнемъ животнаго и обезпечиваютъ человѣческое царство: царство правды, мира, прогресса, науки и искусствъ. Это обширное и безконечно цѣнное для человѣка царство только отчасти можетъ быть передано словами и другими орудіями наукъ, главнымъ же образомъ оно воплощается и матеріализуется искусствами. *Искусство* всемѣрно стремится стать на службу естественному явленію психологической передачи и жадно старается закрѣпить психическіе слѣды и ихъ коррелятивы: *музыка* увѣковѣчиваетъ *душевныя волненія,* живопись и скульптура фиксируютъ тѣ экспрессіи, которыя были спутниками сложныхъ, идеализированныхъ душевныхъ состояній и которыя уже были *редактированы* мимически и физіогномически, а искусство стремится скопировать и закрѣпить эту мимолетную *живую редакцію.* Живопись и скульптура стремятся увѣковѣчить экспрессивныя записи природы, чтобы дать извѣстный слѣдъ тѣхъ внутреннихъ переживаній, которыми была наполнена душа и психическій органъ великихъ людей. Всѣ великіе художники писали собственные портреты и оставили физіогномическій обликъ своего психизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ они записывали все то, что поражало ихъ глубокомысленную наблюдательность. Этимъ путемъ великая жизнь великихъ людей и великія событія запечатлѣваются при помощи художественной кисти и рѣзца. Подобно тому, какъ иден, выраженныя словами, исходящими отъ великаго человѣка, могутъ быть записаны и будутъ прочтены потомствомъ; такъ сложнѣйшія душевныя движенія и акты, выраженные физіогномически, могутъ быть тонко переданы художникомъ и сохраняться до будущихъ поколѣній. Однако-же слова передаютъ только сухой скелетъ мысли, а не ея изгибы и глубину. Для этого, слова — слишкомъ несовершенное орудіе. Мысль, выраженная только словами, это то же, что талантливая игра драматическаго дѣятеля, переданная въ терминахъ полицейскаго протокола. Но слова, дополненныя жестами, экспрессіей лица, модуляціями голоса, иное дѣло. Еще болѣе даетъ *живопись,* это истинный языкъ психизма, способный живо передать

его глубины. Величавая душа и глубокомысліе Платона и теперь поражаютъ въ его бюстѣ. Сила воли и непоколебимое самообладаніе и теперь свѣтятся въ физіономіи Сократа и заставляютъ зрителя благоговѣйно преклоняться предъ этой силой. Взглядъ на Сикстинскую Мадонну, на *эту женщину будущаго,* возбуждаетъ въ зрителѣ порывъ пасть ницъ предъ этимъ грядущимъ величіемъ, которое начертано идеальнымъ творчествомъ Рафаэлева генія. Съ какимъ пламеннымъ желаніемъ каждый хотѣлъ бы присутствовать на вечерахъ, когда весь цвѣтъ парижской интеллигенціи, затаивъ дыханіе, слушалъ разсказы Тургенева, поражавшіе всѣхъ непередаваемой художественной простотой рѣчи и классическимъ спокойствіемъ разсказчика. Какое впечатлѣніе произвелъ бы на всѣхъ видъ Гоголя, выраженіе его лица, его голосъ и та, какъ разсказываетъ И. С. Тургеневъ, экспрессія, съ какою произнесена была фраза о двухъ крысахъ, которыя пришли, понюхали и ушли. Когда самъ великій юмористъ прочелъ эту фразу, она, эта простая фраза, и весь разсказъ, ее содержащій, показались для слушателя новыми, неслыханными, неизвѣстными. То, что дается текстомъ написанныхъ словъ, — ничто въ сравненіи съ несравненной художественностью, какая была вложена въ текстъ геніемъ величайшаго юмориста, читавшаго свое произведеніе. Въ этомъ чтеніи — вся душа великаго человѣка, со всѣми напряженными фибрами идеализированнаго психизма, взялась за исполненіе роли и исполнила ее на удивленіе компетентнѣйшихъ слушателей, между которыми былъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Въ другой разъ, Гоголь явился въ той же роли чтеца и прочелъ, въ присутствіи С. Т. Аксакова и другихъ лицъ, второй томъ «Мертвыхъ душъ» (имъ впослѣдствіи сожженный). Въ чтеніи самого Гоголя «Мертвыя души» имѣли такую нравственную мощь, что слушатели проникались глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что Гоголь дѣйствительно обладаетъ силой спасать испорченныхъ людей, даже такихъ, какъ изображенные имъ здѣсь герои. Такова сила слова, пламенѣвшаго экспрессивными директивами высшаго психизма.

Полотно, на которомъ овеществленъ идеализированный психизмъ, цѣнится милліонами, подобно Джіокондѣ, по важности содержащейся въ немъ психической цѣнности, какая была *пережита* великимъ человѣкомъ, и, будучи увѣковѣченной въ вещественномъ запечатлѣніи, можетъ быть въ послѣдствіи *повторно пережита* милліонами зрителей.

Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.

(*Лермонтовъ*).

Это молчанье, это «безглагольное» слово краснорѣчиво и немолчно вѣщаетъ человѣку словеса вѣчности, и человѣкъ внемлетъ этому истинному языку духа, потому что языкъ этотъ обладаетъ скрытой реальной силой, способной пробудить въ зрителѣ глубокій и сильный родникъ новой жизни, подобно зерну пшеницы, пролежавшему четыре тысячи лѣтъ въ Еги-

петской катакомбѣ, вмѣстѣ съ мумiей, и сохранившему въ себѣ силу прорости и дать явленiя жизни подъ дѣйствiемъ влаги и лучей солнца. Возвышеннѣйшее впечатлѣнiе, пережитое Тургеневымъ въ тѣ минуты, когда онъ слушалъ произведенiя Гоголя въ чтенiи самого автора, могло бы быть пережито и многими другими, если бы мимика и физiогномика Гоголя и музыкальныя детали его голоса были овеществлены и фиксированы. Искусство стремится путемъ овеществленiя увѣковѣчить такiе многоцѣнные, рѣдкостные техническiе документы съ той цѣлью, чтобы документы эти могли послужить для повторныхъ сеансовъ инсценированiя великихъ психическихъ явленiй на долгiя времена.

Но, кромѣ художественно-пластическихъ овеществленiй идеальнаго психизма, въ перспективѣ близкаго времени виднѣется фонограммное, кинематографное и граммофонное закрѣпленiе. Этимъ новымъ путемъ геніальныя личности появляются предъ своими потомками въ искусственныхъ воспроизведенiяхъ, похожихъ на нашу память и на наши репродукцiи. Нравственная геніальность станетъ какъ бы неумирающей, и идеализированный психизмъ, которымъ были одушевляемы геніи человѣчества, возстанетъ предъ людьми, какъ живой, въ приборахъ и аппаратахъ такой *инструментальной памяти*. Тогда нравственная геніальность минувшихъ вѣковъ внезапно оживетъ предъ потомками, и величайшiй психизмъ перестанетъ быть на землѣ столь эфемернымъ явленiемъ, какимъ мы видимъ его теперь, но пріобрѣтетъ ту горячо желаемую длительноссть, которой такъ жаждетъ человѣкъ, говоря о вѣчной любви, о неувядающей славѣ, о неумирающей силѣ идеаловъ.

Вѣковой опытъ человѣчества, или опыть временъ, станетъ тогда явленiемъ не только запечатлѣннымъ въ строенiи живой протоплазмы мозга, но и такимъ феноменомъ, который можетъ быть всякую минуту провѣренъ и подкрѣпленъ историческими документами, легко выносимыми на свѣтъ изъ будущихъ архивныхъ психо-хранилищъ.

Овеществленiе идеализированнаго психизма выступаетъ на арену жизни, какъ новое величайшее начало культуры. Начало этого новаго культурнаго шага человѣчества относится еще ко временамъ древнихъ грековъ. Они первые положили угловой камень въ фундаментъ увѣковѣченiя психическаго величiя, собранiемъ не только коллекцiй папирусовъ, съ документами простѣйшаго психизма, но тѣмъ въ особенности, что первые создали *портретную* живопись и украсили Афинскiя площади образцами овеществленнаго высшаго психизма. Греческiя статуи имѣютъ такую величайшую психологическую цѣнность, что современные культурные народы строятъ дорогiя глиптотеки и хранилища, дѣлаютъ раскопки на классической почвѣ, чтобы найти ничтожные обломочки статуи, которые не могутъ быть дополнены даже самыми остроумными учеными нашего времени, — такъ тонка и неуловима греческая концепцiя. Многое изъ бывшаго психическаго величiя безвозвратно погибло: тѣмъ большую цѣну имѣетъ оставшееся! Задача увѣковѣченiя *идеальнаго психизма* является

новымъ великимъ шагомъ культуры. Собраніе художественныхъ произведеній, картинныя галлереи и музеи, постоянныя художественныя выставки, журналы и періодическія изданія по искусству и, наконецъ, передвижныя выставки стали необходимой принадлежностью высшей духовной жизни всякой страны.

Если мы обратимся къ нашему отечеству, то первое мѣсто въ культурно-художественномъ движеніи принадлежитъ Москвѣ.

Да. Москва опередила въ этомъ отношеніи всю Россію, не исключая и Петербурга. Въ Москвѣ всѣ знаютъ и видѣли портретъ скромнаго человѣка въ благоговѣйной позѣ съ руками, скрещенными на груди, который своею внѣшностью и своей глубокой думою какъ бы отвѣчаетъ удивленному зрителю или зрителямъ, устремившимъ на него взоръ: «Господа! Ничего особеннаго я не сдѣлалъ. Я хотѣлъ не казаться только, а въ дѣйствительности быть хранителемъ русскаго художественнаго творчества». Кто не узнаетъ въ этой скромной фигурѣ Павла Михайловича Третьякова, создателя Третьяковской національной галлереи въ Россіи? Кто захотѣлъ бы изучить итальянское искусство или только одного Рафаэля, долженъ посѣтить всѣ уголки Европы и даже Америки, гдѣ разсѣяны произведенія итальянскаго народа и его геніальнаго представителя. То же можно сказать и о другихъ народахъ. Только произведенія русскаго художественнаго творчества собраны въ одномъ центрѣ. Посѣтите музеи Москвы, а въ особенности Третьяковскую галлерею, и вы найдете главнѣйшія художественныя богатства Россіи, увидите высшій *національный психизмъ* страны. Ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ этимъ похвалиться. Правда, всюду вы найдете національные музеи, начиная съ ближайшаго къ намъ Берлина. Въ этихъ національныхъ музеяхъ нѣтъ чуждыхъ странѣ художниковъ, потому эти музеи и «національные», но въ нихъ находятся картины далеко не всѣхъ *своихъ* художниковъ, а только нѣкоторыхъ. Въ Третьяковской галлереѣ собранъ весь цвѣтъ русской *художественной геніальности*. По своей идеѣ, по замыслу и по осуществленію Третьяковская галлерея — *уникумъ*, который не имѣетъ себѣ ничего равнаго. Очень скромный человѣкъ, о портретѣ котораго сейчасъ была рѣчь, осуществилъ эту большую идею. Павелъ Михайловичъ Третьяковъ, какъ онъ изображенъ на портретѣ, выражаетъ на своемъ лицѣ и въ своей позѣ скромность и благоговѣніе: онъ самъ благоговѣетъ предъ совершившимся фактомъ. Но руки у него сложены накрестъ на груди — знакъ, что онъ не хочетъ признать мысли, будто подвигъ совершенъ его руками: «это — дѣло не его рукъ, не рукъ человѣческихъ, это создано и осуществлено могучими силами идей», — такова глубокая экспрессія въ портретѣ Третьякова. Да, Павелъ Михайловичъ Третьяковъ — орудіе осуществленія великой мысли, которая не только нова и величественна сама по себѣ, но которая необыкновенно плодотворна по своимъ ближайшимъ и отдѣльнымъ послѣдствіямъ. Со своей Третьяковской галлереей и со своими художественными музеями, общественными и частными, Москва — первый городъ въ

Россіи и почти единственный. Наши провинціальные города лишены музеевъ, у нихъ нѣтъ психо-хранилищъ. Самое великое въ жизни, самыя возвышенныя впечатлѣнія не радуютъ и не питаютъ духовнаго взора обитателей этихъ городовъ, — высшая духовная жажда остается у нихъ неудовлетворенной. Такова вся Россія. У жителей ея не отъ чего загорѣться сердцу, нечѣмъ возбудить у себя идеальныхъ порывовъ воли. Люди живутъ, какъ на рынкѣ житейской суеты, видятъ только будни, но ничего праздничнаго, ничего, что возвышаетъ и облагораживаетъ душу.

Имя москвича Третьякова и имя самой Москвы останутся навсегда памятными и дорогими для всѣхъ, кто чувствуетъ и цѣнитъ величайшіе запросы и велѣнія человѣческой жизни.

201. Оправданіе идеализма и идеализаціи самой жизнью.

Истина и правда, долгъ и совѣсть могутъ быть осуществляемы и измѣряемы только абсолютными мѣрами, т. е. идеально. Здѣсь уступокъ нѣтъ и не можетъ быть по самому существу предмета. Необходимо прочувствовать и проводить въ жизнь истину и правду до послѣднихъ предѣловъ. Исполнять долгъ необходимо до конца. Претерпѣть должно до конца. Такая абсолютность въ безусловномъ, или беззавѣтность, вовсе не являются преувеличеннымъ требованіемъ или чрезмѣрной строгостью. Это — требованіе жизни. И только этимъ путемъ обезпечивается полнота жизни въ ея физическихъ и нравственныхъ свойствахъ. Самыя простыя сопоставленія дѣлаютъ эту истину ясной для ума, какъ она ясна для совѣсти.

I. Попаданіе въ кровь человѣка или введеніе въ кровь животнаго двухъ-трехъ живыхъ бациллъ чумы угрожаетъ, что черезъ два-три дня бациллъ станетъ уже—два-три билліона. При такихъ условіяхъ, смерть зачумленнаго человѣка или животнаго естественна и неизбѣжна и даже возможно развитіе такимъ путемъ мѣстной эпидеміи чумы, какъ было въ Вѣнѣ и Кронштадтѣ изъ чумныхъ лабораторій.

II. Прививка заразной болѣзни живому организму также грозитъ развитіемъ этой болѣзни и началомъ роковой порчи нисходящаго рода, который произойдетъ отъ порченнаго человѣка.

III. Въ свою очередь всякое усовершенствованіе *жизни,* и ея состава, повышаетъ всѣ свойства жизни, ея силы и ея таинственную будущность.

IV. Міръ нравственныхъ явленій управляется тѣми же принципами: онъ требуетъ той-же абсолютной строгости, тѣхъ же защитныхъ мѣръ отъ зла: зло нравственное также опасно, какъ зло физическое.

Обратнымъ знаменуется добро.

Приведенными принципіальными разъясненіями оправдывается идеализмъ, идеализація, и идеальная постановка предметовъ и задачъ жизни. Этимъ путемъ обезпечивается жизнь, незыблемость ея продолженія и усовершенствованія.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ ХРИСТОМАТІИ.

ВОЛЯ.

202. А. Сущность воли въ организмѣ и жизни.

Воля показываетъ человѣка со стороны его дѣйствій и дѣятельности и опредѣляетъ его хотя не всецѣло, но шире и полнѣе, чѣмъ это дается работою ума и чувства. Большой отдѣлъ художественной литературы, изображающей волю, содержится въ драматической поэзіи.

Драма, какъ созданіе художественнаго творчества, отличается отъ эпоса и лирики не только по формѣ изложенія, но и по существу. Въ то время, какъ *эпосъ* представляетъ собою объективное, спокойное, безстрастное наблюденіе и изложеніе фактовъ и событій, а *лирика* показываетъ субъективное состояніе и чувства писателя или поэта, драма изображаетъ человѣка въ моментъ дѣйствія. Это, однакоже, не показъ ума и чувства человѣка, даже не предъявленіе для наблюдателя воли человѣческой, а представленіе и показъ всего существа человѣка въ минуты дѣйствія, притомъ въ самыя трудныя и отвѣтственныя минуты жизни, когда ему приходится напрягать всѣ силы, всѣ способности своей психики, иной разъ, — въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, когда событія текутъ измѣняясь и требуя все новыхъ и новыхъ отвѣтныхъ приспособленій. Часто такая дѣятельность далеко выходитъ за обычные предѣлы и становится драмой.

Въ драмѣ человѣку предстоитъ совершить работу, преодолѣть препятствія и сопротивленія, но не тѣ, какія даются неодушевленной природой и мертвыми силами, наоборотъ приходится вести борьбу съ человѣкомъ или многими людьми: происходитъ, главнымъ образомъ, борьба психическая. Это возбужденная и одушевленная работа, которая требуетъ живыхъ рѣчей, разговоровъ — *діалоговъ*. Драма только изрѣдка допускаетъ *монологи,* т. е. единоличныя сцены и рѣчи, произносимыя однимъ лицомъ, которое обращается къ самому себѣ или къ зрителю. Свидѣтель *драмы* — зритель видитъ самое дѣйствіе, большею частью исполняемое профессіоналами, въ особыхъ зданіяхъ — *театрахъ,* при спеціальныхъ условіяхъ, гдѣ подражаніе дѣйствительности доведено до большой высоты и художественности.

Представляя собою высшія формы художественнаго творчества, драма

развилась позже другихъ видовъ поэзіи. Искусственная или художественная драма избираетъ и изображаетъ не личную жизнь индивидуума, а большею частью, *обще-человѣческую,* показывая человѣка въ идеальныя минуты, особенно, когда жизнь требуетъ отъ дѣйствующаго лица, героя драмы, выступленій въ роли дѣятеля, для исполненія долга по общечеловѣческимъ идеаламъ и требованіямъ. Здѣсь драматическій дѣятель испытываетъ чувство благоговѣнія. На этомъ основывается высокая поучительность драмы. По своему сюжету или внутреннему содержанію драма изображаетъ или умственно-нравственную борьбу людей за господство идеаловъ или борьбу съ человѣческими пороками при посредствѣ сильнѣйшаго оружія — чувства стыда (комедія) или возбуждаетъ такую нравственную борьбу за естественныя права и идеалы, которая можетъ окончиться смертью или гибелью личности (трагедія) и гдѣ драматизмъ повышается отъ привлеченія въ общую сумму чувствъ жалости и состраданія со стороны зрителя.

Первыя лучшія трагедіи написаны Греками, особенно Софокломъ, который заслужилъ себѣ безсмертную славу у Грековъ и во всемъ человѣчествѣ, показавъ и создавъ этотъ новый видъ поэтическаго творчества. Въ драматическихъ положеніяхъ всѣ силы человѣка: его умъ, чувство и воля и другіе виды психизма напрягаются въ своей высшей степени — умъ и чувство для оцѣнки условій; борьба, *воля* или иниціатива для опредѣленія момента и самыхъ способовъ дѣйствія. Недочетъ въ наличіи ума и чувства и проч. у *героя,* т. е. *главнаго дѣйствующаго лица драмы,* становится яснымъ для зрителя, оцѣнивающаго весь психическій составъ дѣйствія и дѣятеля, и весь складъ его натуры, напр. недостатокъ силъ и догадливости, чтобы надлежаще уразумѣть положеніе дѣла и отыскать выходъ. Но недочетъ можетъ оказаться и со стороны *воли* или *чувства,* у нетвердыхъ и нравственно несостоятельныхъ людей. Такимъ слабосиліемъ и дряблостью воли отличался Гамлетъ, не имѣвшій способности къ дѣйствію и старавшійся замѣнить дѣйствіе излишнимъ и безполезнымъ обдумываніемъ. Это былъ несомѣнный психологическій недостатокъ, слабость воли, нерѣдкая у людей. Гамлетъ не чуждъ былъ сознанія своего недостатка, который имъ описывается въ слѣдующихъ словахъ:

А я презрѣнный, малодушный рабъ,
Я дѣла чуждъ, въ мечтаніяхъ безплодныхъ
Боюсь за короля промолвить слово.
. . . . . .
. . . . . .
Зачѣмъ живу, чтобъ только говорить:
«Свершай», «свершай», когда во мнѣ для дѣла
И сила есть, и средства, и желанье!

Въ изображеніи Шекспира Гамлетъ представленъ человѣкомъ, страдающимъ нерѣшительностью, но не сомнѣніемъ. Сомнѣніе есть затрудненіе для ума, а нерѣшительность есть безсиліе воли. Гамлету было свой-

ственно послѣднее. Въ этомъ состоялъ *трагизмъ* его натуры: онъ былъ безсиленъ исполнить вполнѣ созрѣвшій и сознаваемый имъ и внутренно признаваемый за собою долгъ, естественный долгъ человѣка. Здѣсь была скорѣе *органическая,* чѣмъ *психологическая* ошибочность. Когда обдумываніе всѣхъ мотивовъ къ дѣйствію *закончено,* то внезапно наступаетъ воля. Быстрота и стремительность воли такова, что ею внезапно обрывается весь психологическій потокъ, такъ сказать, *на полусловѣ и мысль* смѣняется *дѣйствіемъ*. Быстрота и сила органическихъ условій иногда бываетъ такъ велика, что послѣдніе штрихи обдумыванія и мысли буквально обрываются, смѣняясь волей. Таковы естественныя условія *воли;* онѣ не были сполна доступны Гамлету.

Посреди совершающихся драматическихъ положеній, заканчивающееся обдумываніе и готовая къ дѣйствію воля сказывается особымъ интеллектуальнымъ *чувствомъ готовности,* за которымъ слѣдуетъ неудержимо проявленіе воли. Такого теченія драматизма лишенъ былъ Гамлетъ съ его безвольной душей.

Сходна съ Гамлетовской, но по существу вполнѣ отъ нея отлична та задержка и промедленіе, которое вызывается незаконченностью обдумыванія или наличностью волненій или отсутствіемъ *мира* въ душѣ. Состоянія эти вѣдомы были Лермонтову и Пушкину. Пока не закончено обдумываніе и не принято *спокойное рѣшеніе,* возможны торопливые шаги, влекущіе за собою естественную реакцію, въ видѣ пріостановки начавшагося дѣйствія воли. Незакончившееся подготовительное волненіе или длительное отсутствіе мира въ душѣ опасно для человѣка тѣмъ, въ особенности, что наряду съ законными, чистыми мотивами драматической оцѣнки, — *жалостью, стыдомъ, благоговѣніемъ,* могутъ притаиться въ душѣ низшія чувства: *гнѣвъ, страхъ, тоска.* Они могутъ нарушить собою величіе и чистоту внутренней борьбы и способны, подобно ложкѣ дегтю, испортить бочку меда. Лермонтовъ больше другихъ оцѣнивалъ эту опасную примѣсь и предостерегаетъ всѣхъ отъ *бѣшенной подруги,* которую совѣтуетъ не брать съ собою, когда приходится показаться въ обществѣ, быть среди людей.

Воля представляетъ собою дѣятельное начало въ человѣкѣ: она организуетъ движенія, опредѣляетъ моментъ дѣйствія, напрягаетъ вниманіе, исполняетъ самыя движенія или пріостанавливаетъ всякое дѣйствіе. Человѣку свойственно самое *чувствованіе* или *сознаніе* въ себѣ воли. У талантливыхъ людей это сознаніе происходитъ отчетливо и ясно. Пушкинъ, волновавшійся, пока у него зрѣла воля по данному поводу, вдругъ успокаивался, когда рѣшеніе наступало. Всѣ его высокіе произведенія написаны въ моментъ наступившаго успокоенія, но не въ пору одушевленія и волненія, — въ минуты сильной, спокойной, независимой воли, по тонкому живому чутью. То, какъ зналъ эти моменты Лермонтовъ, указано выше.

У одаренныхъ людей воля развивается *вслѣдъ* за развитіемъ ума и

чувства; но у большинства развитіе воли нѣсколько запаздываетъ и ея дозрѣваніе заканчивается только около 27-29 лѣтъ. До этого возраста полной психической зрѣлостью обыкновенный человѣкъ не обладаетъ и потому не можетъ всегда свободно сдерживать свои душевныя волненія и не обладаетъ ни прочной рѣшительностью, ни твердостью характера.

203. Б. Виды воли.

Главное дѣйствіе воли состоитъ въ *сдерживаніи душевныхъ волненій* и во внесеніи въ душу безмятежія и мира. Дальнѣйшія проявленія воли состоятъ въ *самообладаніи, вниманіи, дѣйствіяхъ.*

Высокое самообладаніе художественно изображено Полежаевымъ въ произведеніи: «Пѣснь плѣннаго Ирокезца», гдѣ представлена сильная воля, полная самообладанія и сильныхъ рѣшеній.

204. а) Самообладаніе.

Пѣснь плѣннаго Ирокезца.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ,
И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю, не скажу ничего,
Не поморщу чела моего,
И какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой,
И какъ воинъ и мужъ
Перейду въ страну душъ.
Передъ сонмомъ тѣней восплю
Я безстрастную гибель мою.
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ,
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!

Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ,
И врагамъ отомстимъ!
Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

А. Полежаевъ.

205. б) В н и м а н і е .

(*Напряженіе всей мускулатуры, самообладаніе, спокойствіе, готовность къ дѣйствію*).

(*Т а р а с ъ Б у л ь б а*).

Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это ужъ не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольнаго народа: это былъ неограниченный повелитель, это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда кошевой раздавалъ повелѣнія: раздавалъ онъ ихъ *тихо, не вскрикивая, не торопясь, но съ разстановкою,* какъ старый, глубоко опытный въ дѣлѣ казакъ, проводившій не въ первый разъ въ исполненіе разумно задуманныя предпріятія.

— Осмотритесь, всѣ осмотритесь хорошенько, — такъ говорилъ онъ. — Исправьте возы и мазницы, испробуйте оружіе. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шароваровъ на казака, да по горшку саламаты и толченаго проса — больше чтобъ и не было ни у кого. Про запасъ будетъ въ возахъ все, что нужно. По парѣ коней чтобъ было у каждаго казака. Да паръ двѣсти взять воловъ, потому, что на переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю есть между васъ такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть — пошли тотъ же часъ драть китайку и дорогіе оксамиты себѣ на онучи. Бросьте такую чертову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите одно только оружіе, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому, что они емкаго свойства и пригодятся во всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку за шеяку повелю его присмыкнуть до обозу, кто-бъ онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій

казакъ изъ всего войска, какъ собака будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безъ всякаго погребенія на поклевъ птицамъ, потому что пьяница въ походѣ недостоинъ христіанскаго погребенія. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля или царапнетъ саблей по головѣ, или по чему-нибудь иному, не давайте большого уваженія такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороха въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте и все пройдетъ — не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивъ ее прежде слюною на ладони, то и присохнетъ рана. Ну те же за дѣло, за дѣло, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дѣло!

Такъ говорилъ кошевой и какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ казаки принялись тотъ же часъ за дѣло.

Гоголь.

206. Полная картина всѣхъ проявленій воли показана въ извѣстной поэмѣ Лермонтова: «Пѣсня про Царя Ивана Васильевича». Въ ней такъ переданы мотивы возникновенія сильной воли: не отвѣчая ничего словами на мольбы жены о защитѣ ея (уже не до словъ), купецъ Калашниковъ посылаетъ за своими меньшими братьями. Разговоръ между братьями показываетъ твердо принятое Степаномъ Калашниковымъ *рѣшеніе мести* и самый планъ отмщенія за поруганную честь всей семьи, какъ выразился Калашниковъ. Планъ мщенія всецѣло и окончательно принятъ на завтрашній день! Въ удивительной простотѣ разсказана поэтомъ вся трагедія. Ни одного лишняго слова: сильные образы! Красочныя экспрессіи. Онѣ достигаютъ неподражаемой высоты.

I. (*Мотивы праведнаго гнѣва и мщенія у Калашникова*).

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»
«Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,

И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!»

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты намъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!»

207. II. (*Дѣйствіе словомъ*: *обманъ противниковъ сильными словами и убійственными рѣчами*).

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебрянную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликнуть звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего, батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершись въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,

Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали —
Ни одинъ борецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего, батюшку».
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны, —
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться».
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честного отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

208. г) Дѣйствіе.

III. (*Дѣйствіе отмщенія по существу: уже не слова, а дѣйствія, т. е. нанесеніе смертельнаго удара*)·

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди:
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ--подъ него кровь закапала.

И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется,
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

209. IV. Спокойствіе вслѣдствіе исполненнаго долга — праведнаго гнѣва. (*Дышащій достоинствомъ и честью отвѣтъ на вопросъ грознаго царя*).

И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;

Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»
— «Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.

210. V. (*Исполненный спокойствія и правды отвѣтъ Калашникова успокоительно подѣйствовалъ на разгнѣваннаго царя*).

Прикажи меня казнить и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью . . .»
— «Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
. . . . . .
. . . . . .

211. VI. (*Трагическая смерть Калашникова и торжество идеи*).

А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
«Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,

Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Лермонтовъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ХРИСТОМАТІИ.

НИЗШІЙ ПСИХИЗМЪ.

212. А. Низшій психизмъ. Растительные процессы и инстинкты.

Кромѣ актовъ сознательной жизни (чувства, ума и воли) существеннѣйшее вліяніе на характеръ человѣка оказываетъ инстинктивная и низшая жизнь. Еще со временъ древне-греческой психологіи этой сторонѣ характера придавали должное значеніе, и въ самомъ дѣлѣ, важность ея безспорна. Есть немалое число характеровъ, въ образованіи которыхъ играетъ большую роль низшая жизнь; есть люди, отличающіеся стихійной пугливостью и подозрительностью, чрезмѣрной конфузливостью, неудержимой гнѣвливостью и безотчетной отчужденностью; и никакими усиліями разума и воли они не могутъ побѣдить въ себѣ вполнѣ эти недостатки и эти особенности, заложенные въ подвальныхъ этажахъ ихъ характера.

Такимъ субъектамъ свойственна стихійность, иногда нелогичность и упрямство — но съ другой стороны имъ присуща искренность, непосредственность, внутренняя правда. Эти крайности характера и эти особенности темперамента не зависятъ отъ свойствъ воспитанія, но даны *наслѣдственостью,* которая выдвинула инстинктивную жизнь впереди сознательной, — темпераментъ впереди характера. Какъ на существенное условіе въ развитіи характера необходимо указать на борьбу инстинктивной и низшей жизни съ актами сознательными.

Если въ этой борьбѣ не всегда идетъ рѣчь о подчиненіи одного элемента другому, то *согласованіе* является важнѣйшей задачей. Но составныя части индивидуальности живутъ, каждая своими собственными интересами: инстинктъ преслѣдуетъ ближайшія цѣли, Разумъ — отдаленныя; инстинктъ — начало біологически — традиціонное, разумъ — начало культурное. Нравственный прогрессъ основанъ на перевѣсѣ разума, но всякій перевѣсъ инстинктовъ можетъ привести къ крайностямъ.

Сложность указанныхъ составныхъ сторонъ характера столь велика и разнообразна, а самыя комбинаціи частей столь измѣнчивы, что можно сказать — не найти двухъ людей сходныхъ между собою. Всякая личность есть нѣчто особое и своеобразное, и это столь безусловно, что личность стала синонимомъ индивидуальности.

Типы.

Въ указанномъ (1, 2) взаимодѣйствіи ума, воли и чувства съ одной стороны, и низшей жизни — съ другой, — содержатся важнѣйшія условія сформированія въ человѣкѣ того или иного характера — въ зависимости отъ перевѣса той или иной стороны души надъ остальными. Отсюда уже прежде всего три типа личностей:

I. Чувствительный, теплый, сердечный, живой человѣкъ (преобладаніе чувствъ).

II. Вдумчивый, глубокомысленный, умный человѣкъ (человѣкъ ума).

III. Дѣятельный, энергичный, рѣшительный человѣкъ (человѣкъ воли).

Особенно выясняется значеніе низшаго психизма въ томъ, что онъ играетъ немаловажную роль фактическаго матеріала въ дѣлѣ *познанія человѣкомъ себя,* — задача столь же важная, какъ и *познаніе внѣшняго міра.* Безъ этого фактическаго матеріала едва ли можно было бы и самое состояніе самочувствія, для реализаціи котораго недостаточно однихъ *воспоминаній и воспроизведеній,* но необходимы текущія энто-периферическія воспріятія, которыя своимъ появленіемъ придаютъ жизненную яркость и реальность воспроизведеніемъ, такъ напр., отвратительность извѣстнаго акта или поступка возбуждаетъ чувство тошноты, изображеніе потрясающихъ событій вызываетъ у насъ дрожь не только вспоминаемую, но реальную, или вызываетъ удушье съ физической тоской и гнетомъ, и мы испытываемъ не одно отвлеченное воспоминаніе или представленіе, но чувствуемъ истинную нервно-психическую реальность со всѣми физическими ощущеніями, до самыхъ корней ихъ. Безъ такого реальнаго участія низшей нервной жизни, безъ этой фактической дрожи при страхѣ, трепета при благоговѣніи, безъ невольныхъ слезъ при радости, безъ замиранія сердца и похолодѣнія рукъ при печали, — всѣ наши представленія и чувства были бы блѣдны, слабы, безжизненны, и самый сильный и проницательный умъ былъ все-таки немощенъ, чтобы *представить и воспроизвести* тѣ потрясенія, тѣ перемѣны, которыми отражается высшая психическая жизнь на низшей. Эти перемѣны и эти потрясенія входятъ въ высшую жизнь, — въ царство мысли, не какъ бутафорія, не какъ зеркальное отраженіе, не какъ мифъ или воображеніе, но какъ сущая реальность, которая, подобно шопотной рѣчи, возникаетъ во всемъ своемъ дѣйствительномъ составѣ, чтобы дать для ума и познанія истинную модель всѣхъ пертурбацій, какія совершаются въ нижнемъ этажѣ высокаго зданія души, со всѣмъ ея трепетомъ, слезами, задыханіемъ, судорогами, и т. д. Поэтъ и талантливый актеръ переживаютъ все изображаемое ими не въ воображеніи, а въ дѣйствительности, а реализацію этой дѣйствительности беретъ на себя низшій психизмъ.

213. Низшій психизмъ.

Древніе Греческіе психологи очень опредѣленно говорили о трехъ *человѣкахъ* — въ человѣкѣ (первый, второй и третій человѣкъ Платона).

Или о трехъ душахъ, — о душѣ растительной, животной и разумной (Аристотель). Современная наука признаетъ три самостоятельныя части мозга:

Первобытный мозгъ, или органъ *растительной жизни.*

Средній мозгъ, или органъ *инстинктовъ.*

Передній, большой мозгъ или орудіе *мысли.*

Эти три *нервные аппарата,* или три души древне-класической психологіи, взаимно переплетены и вкраплены другъ въ друга. У нихъ есть нѣчто общее и нѣкоторыя принципіальныя отличія. Значеніе того и другого иллюстрируется психофизическими наблюденіями и реакціями. Наибольшихъ успѣховъ въ этомъ отношеніи достигла въ послѣднее время медицина. Она уже собрала большой матеріалъ для психологовъ; ея примѣрами и фактами слѣдуетъ пользоваться для разъясненія основныхъ историческихъ и текущихъ вопросовъ психологіи и психофизики. Это уже и дѣлаютъ новѣйшіе авторы.

Медицина показываетъ, что три варьянта человѣческой души, — низшая или *растительная* душа Аристотеля, *инстинктивная* или *животная,* и — *разумная* или человѣческая, душа расчленяется на свои составныя части при хлороформированіи, въ зависимости отъ того, что соотвѣтствующіе имъ нервные центры поражаются послѣдовательно отъ силы вдыхаемаго яда. Прежде всего парализуется *сознаніе и мысль,* затѣмъ пріостанавливаются *инстинкты,* и только послѣ этого начинаетъ нарушаться дѣятельность *центровъ жизни,* и легко могла бы наступить смерть, если бы дѣйствіе хлороформа продолжалось. Обыкновенно при наркозѣ наблюдается такая картина:

Хлороформируемому субъекту операторы предлагаютъ громко считать до *ста,* чтобы судить о томъ, что дѣлается съ *сознаніемъ.* Счетъ сначала идетъ хорошо, но потомъ замедляется и пріостанавливается нерѣдко на полусловѣ, такъ какъ у хлороформируемаго наступила въ эту минуту утрата сознанія воли. Если въ это время поднять руку субъекта и предоставить рукѣ падать, она не падаетъ, а опускается медленно, — знакъ что еще дѣйствуютъ инстинкты: они, при помощи рефлексовъ, умѣряютъ быстроту паденія; но скоро поднятая для пробы рука начинаетъ безжизненно падать, какъ мертвая. Это указываетъ на полную пріостановку дѣятельности не только сознанія, но и инстинктовъ. Въ это время хирургъ смѣло дѣлаетъ операцію и паціентъ не чувствуетъ боли, не слышитъ дѣлаемыхъ распоряженій: «дайте пинцетъ», «дайте острый ножъ», «перевяжите артерію», «слѣдите за дыханіемъ», «какъ пульсъ?», и всѣ эти слова можно смѣло произносить, не боясь потревожить человѣка, потому что онъ ничего не слышитъ, всѣ органы чувствъ у него бездѣйствуютъ. Мысль и сознаніе

отсутствуютъ, и разбуженный ассистентомъ больной нерѣдко бываетъ изумленъ, и не вѣритъ, что операція уже окончена, полагая, что она еще не начиналась. Такимъ образомъ, у захлороформированнаго нѣсколько протекшихъ минутъ (иногда одинъ-полтора часа) какъ бы не существовали для сознанія, для ума, для чувства и для всего духовнаго существа; инстинкты и сознаніе также вполнѣ отсутствовали. Но въ то же время функціи *продолговатаго мозга* ни на минуту не прекращались: оперируемый *дышалъ,* его *сердце билось, жизнь всего* организма продолжалась. Такимъ образомъ, при *полной остановкѣ функцій головного и спинного мозга, продолговатый не переставалъ жить, и дѣйствовать, поддерживая процессъ жизни.* Это и есть *низшій психизмъ* или *растительная душа* Аристотеля.

214. Въ младенчествѣ человѣкъ обладаетъ только растительной душей. Впослѣдствіи развиваются инстинкты, а еще позже является сознаніе. Низшій психизмъ показываетъ себя и бываетъ предметомъ наблюденій и художественныхъ описаній у писателей и ученыхъ (Вс. Ис.).

Изъ такихъ наблюденій и описаній, особенно изъ разъясненій научныхъ установлены слѣдующіе факты: Въ первые дни и мѣсяцы младенцу необходима ѣда, сонъ, отдыхъ, тепло, ванна. Со второго и третьяго мѣсяца необходимы ласки, кроткіе ласкающіе звуки человѣческаго голоса, но не инструментовъ, всякіе же грозные и рѣзкіе звуки пугаютъ ребенка и вызываютъ слезы. И въ это время по прежнему дитя любитъ теплую ванну, ѣду, ласку, ищетъ и воспринимаетъ свѣтъ и всякіе звуки и впечатлѣнія, предпочитаетъ ритмическіе звуки и движенія. Если эти элементарныя потребности достаточно удовлетворены, ребенокъ растетъ, спитъ, пребываетъ жизнерадостнымъ и жадно ищетъ впечатлѣній (ласкъ, звуковъ, свѣта, красокъ). Если въ младенчествѣ дитя лишено необходимаго, оно плаксиво, крикливо, плохо спитъ и склонно къ страху и гнѣву. Заболѣвшій ребенокъ теряетъ сонъ, аппетитъ, жизнерадостность забавы и сразу становится отсталымъ, капризнымъ и слезливымъ.

215. Множество явленій въ организмѣ совершается при посредствѣ низшаго психизма, но человѣку невѣдомо, какъ все это происходитъ и какой кудесникъ заключенъ въ немъ, чтобы совершать столь мудреныя замысловатости. Какъ, напр. выразить у себя на лицѣ блѣдность страха или краску стыда? Какъ заставить свои руки похолодѣть отъ ужаса, какъ побудить сердце *екнуть и упасть?* Какъ въ порывѣ вдохновенія разомъ поднять у себя милліоны волосковъ и мышцъ кожи для осуществленія благоговѣйнаго трепета? Какъ управляетъ человѣкъ мышцами своего голоса и своею грудью, чтобы вызвать такіе дивные звуки, отъ которыхъ женщины умильно плачутъ, а у мужчинъ глаза наполняются слезами, при всемъ стремленіи скрыть свое «*малодушіе*»... какъ это было у «Пѣвцовъ» Турге-

нева? Какимъ образомъ торжественные звуки хоровой трубы или умиляющее пѣніе скрипки потрясаютъ слушателей до глубины души? Какъ все это? Можно только съ поэтическимъ глубокомыслiемъ Шекспировскаго таланта выразить свое недоумѣніе словами: «странно, что овечьи кишки (струны скрипки) вытягиваютъ душу изъ человѣка!» Удивительна эта механика человѣческой экспрессивности, исполняемая невѣдомо какъ, какимъ-то чутьемъ, которое непознаваемо, неизъяснимо, недосягаемо глубоко сокрыто въ нѣдрахъ біологической таинственности. Но языкъ природы вѣщаетъ свое слово, и все живое понимаетъ эти *безглагольныя рѣчи.* Младенецъ понимаетъ ласку, чутокъ къ живому голосу и къ ласкающимъ звукамъ, но пугается отъ строгаго голоса и строгихъ рѣчей, хотя еще не способенъ понимать ихъ содержанія, но уже чувствуетъ ихъ духъ, и все здѣсь выражается не словами, не рѣчами, а только *звуками и мелодіей,* въ которыхъ таинственно заключено *очарованіе,* изливаемое въ міръ силою генія и творческою работою музыкальнаго таланта. И какъ эти великія цѣли легко достигаются въ природѣ посредствомъ ультра-малыхъ величинъ и крохотной работы! Такъ, напримѣръ, колебанія частицъ атмосфернаго воздуха воспринимаемыя ухомъ, какъ извѣстно, даютъ звукъ. Здѣсь физическимъ агентомъ является самая вибрація или перемѣщеніе частицъ. Строеніе уха отличается такой тонкостью, что при помощи его улавливаются и воспринимаются такія минимальныя перемѣщенія воздушныхъ частицъ, опредѣленіе которыхъ недоступно другому аппарату, кромѣ уха. Ухо опредѣляетъ силу, высоту и тембръ звука. Тонкость, съ которою происходятъ всѣ эти опредѣленія, такова, что ее должно признать поистинѣ изумительной. Ухо, ничѣмъ не вооруженное, способно слышать и такіе слабые звуки, которые соотвѣтствуютъ перемѣщенію колеблющихся частицъ воздуха всего на 1/25000 часть миллиметра. Амплитуда такихъ микроскопическихъ размѣровъ не была бы видна въ самый сильный микроскопъ. Съ другой стороны опредѣленіе высоты тона можетъ достигать такой тонкости, что ухо, напримѣръ, у музыкантовъ различаетъ тоны, числа колебаній которыхъ разнятся между собою на 1/500 и даже на 1/1200. Эти факты показываютъ, что слухъ относится къ разряду самыхъ совершенныхъ органовъ чувствъ и превосходитъ даже зрѣніе. Механическая работа, какую совершаетъ частица воздуха, ударяющая о барабанную перепонку уха, равна только одной тысячной долѣ *эрга* (при громкихъ звукахъ) и одной милліонной части (при тихихъ звукахъ). Если эту работу перевести на электрическую энергію, и оцѣнить послѣднюю по рыночной таксѣ электрическаго освѣщенія, то это равнялось бы стоимости одной билліонной части копейки.

Вотъ нѣчто изъ того, что достигается работою низшаго психизма. Такъ какъ быстрота всѣхъ нервныхъ актовъ въ низшемъ психизмѣ превосходитъ быстроту сознательныхъ процессовъ, то *выигрышъ во времени и въ точности работы* даетъ тотъ *плюсъ,* какой поступаетъ всецѣло въ пользу человѣка и его высшей идейной дѣятельности. Но какъ велико, почти без-

гранично поле дѣятельности низшаго психизма, показываютъ слѣдующія сопоставленія:

Проф. Сѣченовъ расчиталъ, что число сознательныхъ мыслей доходитъ до 15.000 въ день, считая десять рабочихъ часовъ. Количество же безсознательныхъ движеній такъ велико, что американскій психологъ Джэмсъ называетъ всю безсознательную жизнь океаномъ *безсознательныхъ* водъ, на поверхности которыхъ только всплываютъ сознательные акты и тонутъ другіе. Такова физіологическая сторона низшаго психизма.

Въ приводимыхъ ниже примѣрахъ иллюстрируется работа низшаго психизма художественными штрихами.

216. Упадокъ духа. Страхъ.

И увидѣвъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ.
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
. . . . . .

217. Стыдъ.

И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянные.

218. Въ этихъ художественныхъ отрывкахъ, гдѣ изображена *работа низшаго психизма,* представлена часть тѣхъ фактовъ, которые преизобильны, если отмѣтить работу многихъ другихъ живыхъ органическихъ перемѣнъ въ дѣятельности сердца, дыханія, кровообращенія железъ и другихъ растительныхъ процессовъ жизни. Особенно поразительны и показательны перемѣны въ дыханіи, какими обозначаютъ себя душевные акты и эмоціи, которые всецѣло приводятся въ дѣйствіе при помощи механической работы низшаго психизма. Всѣ такія метафорическія выраженія, какъ «*тяжелые вздохи печали*», «*всѣ силы убиты тоской*», «*высохла крѣпость моя, какъ трава*» и т. д., всѣ подобныя метафоры, это не болѣе какъ протокольная запись всего, чѣмъ поражается мысль художника и писателя, и что невольно бросается въ глаза. Все, или весьма многое изъ того, чѣмъ привлекается вниманіе художественныхъ писателей, сказать короче — всѣ метафоры, сравненія, подобія, описанія и пр., все это не болѣе, какъ точная запись внѣшности, какую показываетъ человѣкъ и какая дана работою низшаго психизма, штатъ котораго болѣе многочисленъ, чѣмъ раньше думали даже знатоки дѣла.

Всѣ эти поледенѣнія, покраснѣнія, или землистость кожи, всѣ задыханія, сердцебіенія, судорожность, — все это работа *низшаго психизма. Но* также и всѣ неисчислимыя экспрессіи съ ихъ оттѣнками.

Если ограничиться только экспрессіями лица, то, какъ извѣстно, наблюдатель даетъ лицу наблюдаемаго множество квалификацій: *суконное лицо, деревянное, безжизненное, маска, холодное, постное, пошлое* и т. п., или наоборотъ: *живое лицо, оживленное, сіяющее, восторженное, благоговѣйное, торжествующее, скромное, достойное, кроткое, ласковое, пріятное, открытое, правдивое, доброе* и т. п. Всѣ возможныя состоянія духа отражаются на лицѣ человѣка, на его внѣшности, въ его движеніяхъ. Отсюда безграничное, неисчислимое почти число варьянтовъ совершенно отчетливыхъ, явныхъ, несомнѣнныхъ, которые даютъ возможность понимать существо человѣка по внѣшнимъ знакамъ. Поэты и писатели читаютъ и разбираютъ съ полнымъ успѣхомъ эти физіогномическіе іероглифы и распознаютъ по нимъ внутреннее состояніе человѣка. Цѣлое безспорное искусство физіогномики посвящено чтенію экспрессіи и выраженію. Наиболѣе говорятъ уму и сердцу читателя тѣ художественные отрывки, въ которыхъ писатель изображаетъ лицо героевъ или ихъ внѣшность, движеніе и проч.

Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукахъ не дрогнетъ пистолетъ.

Такими словами характеризуетъ поэтъ убійцу Пушкина. Довольно было для этого Лермонтову бросить взглядъ на убійцу, чтобы знать истину.

219. Объективное искусство физіогномики было глубоко присуще Лермонтову, и въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ Шекспиру, который превосходитъ всѣхъ поэтовъ, не исключая и Гомера. Объективный языкъ Шекспира и его искусство видѣть и схватывать своими чувствами экспрессіи, т. е. внѣшніе знаки внутреннихъ состояній, неподражаемы. На основаніи описаній Шекспира возможно безусловно и совершенно точно опредѣлить картины психизма. Проживи Лермонтовъ иной срокъ, а не тотъ краткій, какой ему былъ данъ, — его физіогномическій талантъ вѣроятно развился бы до небывалыхъ высотъ познанія. Въ немъ русскіе вѣроятно имѣли бы своего Шекспира. Главнѣйшіе факты физіогномическаго искусства были вѣдомы Лермонтову въ ихъ основаніяхъ и критическомъ примѣненіи. Вѣроятно онъ угадывалъ ихъ своей геніальной проницательностью, какъ показываетъ слѣдующій ниже отрывокъ изъ «Героя нашего времени».

220. Физіогномическое искусство.

Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она есть слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою и когда она

писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе («Исповѣдь» Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ). . . . . .

. . . . . .

Я сталъ звать хозяина, — молчатъ, стучу — молчатъ... что это? Наконецъ, изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

«Гдѣ хозяинъ?» — «Нема». — «Какъ, совсѣмъ нѣту?» — «Совсѣмъ». —«А хозяйка?»—«Побигла въ слободку».—«Кто же мнѣ отопретъ дверь?» — сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ предо мною неподвижно и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою: какъ будто съ потерею члена душа теряетъ какое-нибудь чувство.

И такъ, я началъ разсматривать лицо слѣпого; но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ? Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва замѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется. Напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать? я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

«Ты хозяйскій сынъ?» — спросилъ я его наконецъ. — «Ни!» — «Кто же ты?» — «Сирота убогій». — «А у хозяйки есть дѣти?» — «Ни, была дочь, да утикла за море съ татариномъ». — «Съ какимъ татариномъ?» — «А бисъ его знаетъ. Крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи».

«Таманъ». Лермонтовъ.

221. Б. Экспрессіи и низшій психизмъ.

Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ, съ длинными усами и красной рожей, и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руки за спину, онъ уставилъ на нее мутно-сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

«Пермете... ну да что тутъ!.. просто ангажирую васъ на мазурку...»

«Что вамъ угодно?» — произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ, кажется,

все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобы не быть замѣшаннымъ въ исторію.

«Что-же?» — сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками. — «Развѣ вамъ не угодно?.. Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazure... Вы можетъ думаете, что я пьянъ? Это ничего... Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...»

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться, потому, прибавилъ я, — что княжна давно уже обѣщала танцевать мазурку со мною.

«Ну, нечего дѣлать... въ другой разъ!» — сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

(«*Герой нашего времени*»). *Лермонтовъ.*

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ ХРИСТОМАТІИ

ЛИЧНОСТЬ.

222. А. Афоризмы, относящіеся къ Личности.

I. Жизнь прожить — мудрость (Философскій афоризмъ).
II. Жизнь прожить — не поле перейти.

223. Б. Личность и ея развитіе.

Вполнѣ развитый человѣкъ представляетъ собою *Личность* или индивидуальность и называетъ себя «я». Самосознаніе человѣка, т. е. его «я», опирается на умъ, чувство и волю человѣка и на низшій психизмъ, т. е. на его инстинкты. Всѣ эти части, взятыя вмѣстѣ, составляютъ человѣческую личность.

Личность. Личное начало въ человѣкѣ. Самымъ существеннымъ проявленіемъ сознанія и его главнѣйшимъ признакомъ служитъ то глубокое субъективное самочувствіе, которое болѣе всего приводитъ къ отдѣленію себя отъ всѣхъ вещей, отъ всѣхъ людей, отъ всего внѣшняго міра. Оно сконцентрировано внутри тѣла человѣка и получило всечеловѣческое имя «я», ставъ неотъемлемой принадлежностью всякаго безъ исключенія взрослаго, здраваго умомъ человѣка до конца жизни. Самосознаніе сохраняетъ свою непрерывность и свою индивидуальную исторію.

Имя и понятіе «я» связано у человѣка самымъ наглядымъ образомъ съ его физическою личностью, а съ психической стороны оно проникнуто яснымъ самочувствіемъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ свободы и силы дѣйствія, способности и силы чувствованія и пониманія вещей въ себѣ и внѣ себя. Трудно сказать, въ какой степени личное начало опирается на элементы ума, воли, чувства. Вѣроятно оно имѣетъ болѣе сложныя основы, въ составъ которыхъ входятъ не только всѣ безъ исключенія части психизма, но и самый біо-психическій базисъ (см. Всеобщая Психологія, стр. 192), выраженіемъ котораго служитъ темпераментъ человѣка (тамъ же, стр. 472). Но кромѣ этого — такъ сказать — строительнаго матеріала, въ составъ личности входятъ тонкіе субъективные элементы, которые вытекаютъ изъ самого способа жизни,

изъ глубочайшихъ переживаній, какія, благодаря повторяемости, наконецъ организуются въ сложное директивно-дѣятельное начало — въ личность, или въ человѣческій духъ, части котораго цементированы памятью и неуничтожаемымъ стремленіемъ продолжаемости... Но здѣсь мы уже на предѣлѣ всякой досягаемости, — какъ научной, такъ и художественной. Съ положительностью можно сказать, что дѣятельность сознанія, анатомически сконцентрированная въ ассоціативныхъ *центрахъ мозга,* учитываетъ и вноситъ въ архивы памяти каждое душевное движеніе, всякій малѣйшій порывъ, непрерывно преобразовывая невроны мозга и тѣмъ содѣйствуя не только ихъ физіологическимъ усовершенствованіямъ, но, вѣроятно, и самому анатомическому наростанію тончайшихъ дендритовъ и коллатераловъ (см. Вс. Пс., стр. 120), превращая, такимъ образомъ, обычную протоплазму нервной клѣточки въ ту высшую матерію, которая знаменуетъ собою *гипотезу тождественности* (Гефдинга) (см. Вс. Пс., стр. 188). Такимъ образомъ, мѣстомъ или сѣдалищемъ *сознанія* состоитъ, по всей вѣроятности, не простая обыденная протоплазма, но матерія несравненно высшаго ранга, способная быть, или уже *бывшая,* на службѣ творчеству и созданію идей (см. Вс. Пс., стр. 12: «Древность протоплазмы»). Вѣроятнымъ участіемъ подлинной біо-исторической почвы могутъ быть объяснены труднѣйшія проблемы психизма и личныхъ особенностей. Лермонтовъ объясняетъ происхожденіе и развитіе психическихъ свойствъ дарованія слѣдующей поэтической легендой:

224. Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

Приведенная поэтическая легенда объясняетъ факты духовнаго развитія человѣка — *экзотическимъ* происхожденіемъ *психизма* и зависящими отъ того нравственными качествами. Біологическія науки даютъ факту унаслѣдованія свое объясненіе, согласно которому прирожденная нервно-психическая организація передается путемъ рожденія. Въ ней, какъ въ ядрѣ или зернѣ, содержится все развитіе человѣка и залогъ его индивидуальности со всѣми природными качествами и дарованіями. Все *человѣческое* глубоко существенное, всѣ достоинства и недостатки передаются въ зачаткѣ дѣтямъ отъ родителей и предковъ. Въ этой передачѣ содержатся главныя основанія и главныя черты будущей человѣческой Личности и ея прирожденныхъ стремленій и направленій, по которымъ она имѣетъ наклонность развиваться и двигаться. Немаловажное вліяніе на складъ и составъ Личности имѣютъ сложныя и весьма разнообразныя внѣшнія условія, среди которыхъ ребенокъ живетъ и которыя называются *окружающей средой,* значеніе которой иногда переоцѣнивается. Но, съ другой стороны, существуютъ важныя вліянія, значеніе которыхъ нерѣдко недостаточно оцѣнивается. О нихъ *афористически* можно бы выразиться, сказавши, что Личность человѣка *начинается за многіе годы до его рожденія.* Эти *многіе годы* приходятся на жизненный срокъ его родителей. Однако-же объ этомъ мало говорятъ поэты и писатели.

225. а) Очеркъ психологическаго развитія.

Процессъ развитія природныхъ качествъ, въ связи съ воздѣйствіемъ среды, совершается въ теченіи первыхъ 20-27 лѣтъ, но главнымъ образомъ въ періодъ юности и переходнаго возраста, т. е. отъ 13 до 18 лѣтъ, когда процессы развитія идутъ наиболѣе быстро и самобытно, раскрывая все новыя и новыя качества Личности. Это пробужденіе Личности носитъ характеръ глубокаго органическаго процесса, который никогда болѣе въ жизни не повторяется. Художественная литература, освѣщающая этотъ періодъ и происходящія въ немъ перемѣны, должна быть священной традиціей, хранящейся въ памяти людей или въ замѣткахъ и запискахъ для нравственнаго учета развитія. *Развитіе Личности идетъ колеблясь между раскрытіемъ прирожденныхъ качествъ и дѣйствіемъ среды.* Чѣмъ слабѣе первая, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ окружающая среда и жизненная обстановка. Сильныя личности держатъ инициативу въ своихъ рукахъ.

Впечатлѣнія первыхъ годовъ жизни не сохраняются въ памяти ребенка и должны быть сохранены въ живой памяти старшихъ поколѣній. Самый моментъ *первой сознательности* и первой отчетливой *памяти личныхъ событій* достоинъ вниманія по своей особенной важности. То, что наиболѣе заслуживаетъ замѣчанія по этому предмету и что стало точно извѣстнымъ наукѣ и литературѣ, можетъ быть передано въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ.

На 2-3 мѣсяцѣ своей жизни ребенокъ начинаетъ *узнавать* свою мать-кормилицу, и это выражаетъ улыбкою при видѣ ея лица. Такая улыбка *сознательна,* потому что сопровождается внимательнымъ продолжительнымъ взглядомъ, заканчивающимся улыбкой. Такого взгляда раньше этого срока не бываетъ. Узнаваніе состоитъ въ томъ, что ребенокъ вспоминаетъ тотъ же образъ, видѣнный раньше, и это вызываетъ улыбку радости. Подобнымъ образомъ, дитя узнаетъ звуки и другія впечатлѣнія и въ главныхъ чертахъ помнитъ ихъ.

На второмъ-третьемъ году ребенокъ обнаруживаетъ признаки самосознанія, называетъ себя мѣстоимѣніемъ перваго лица: «Я», и это ему сразу удобнѣе, чѣмъ раньше употреблявшіяся наименованія. Вмѣсто — *Петя упалъ, Петѣ больно, возьмите Петю на руки,* онъ начинаетъ говорить: я упалъ, мнѣ больно, возьмите меня на руки. Этотъ періодъ, длящійся до 5-6-го года, называется *порой невиннаго дѣтства.* Умъ, чувство и воля слабы въ это время, и у ребенка легко наступаетъ *упадокъ духа,* проявляющій себя слезами и очень типической мимикой, выражающейся опусканіемъ угловъ рта. Такая мимика показана на фигурѣ 153-154 Вс. Пс. (стр. 536).

Пора невиннаго дѣтства продолжается до 5-6 лѣтъ и переходитъ въ возрастъ *перваго дѣтства* до 7-ми лѣтъ и затѣмъ второго дѣтства или отрочества отъ 7 до 12 л. Какъ въ возрастѣ невиннаго дѣтства главнымъ отмѣтнымъ чувствомъ является легко наступающій упадокъ духа и слезы, такъ возрастъ перваго дѣтства характеризуется чувствомъ *виновности,* которая и является главной эмоціей этого возраста.

Въ дальнѣйшемъ же періодѣ, особенно въ юности, господствующимъ чувствомъ является *стыдъ,* который даетъ о себѣ знать склонностью къ неудержимому покраснѣнію лица, ушей, шеи, груди. Сверхъ того, дѣтямъ уже свойственно чувство, близкое къ благоговѣнію. Въ раннемъ дѣтствѣ это чувство стоитъ ближе къ *страху.*

Переходный возрастъ между отрочествомъ и юностью типически обозначенъ появленіемъ синтетическихъ чувствъ, т. е. *эстетическихъ, интеллектуальныхъ* и *нравственныхъ.* Эти чувства составляютъ самую характерную принадлежность возраста.

Наиболѣе важнымъ изъ указанныхъ періодовъ *дѣтства* является періодъ самаго ранняго дѣтства или періодъ *материнскаго воспитанія,* т. е. первые годы жизни.

226. О развитіи чувствъ и характера въ младенчествѣ и раннемъ дѣтствѣ.

Изъ приведеннаго психологическаго очерка развитія и расцвѣта юнаго существа видно, что типической чертой юности является оригинальность души, свобода Личности и въ то же время возвышенное, почти благоговѣйное отношеніе къ другой Личности, вытекающее изъ идеальныхъ

чувствъ и высокой нравственной оцѣнки *другого*. Несомнѣнно, что ходячіе взгляды на *юность* страдаютъ отъ значительной ея недооцѣнки. Только психологія можетъ исправить эту установившуюся неточность и дать вѣрную перспективу предмета.

227. В. Основныя причины состава и свойства Личности.

Въ періодѣ юности и дѣтства, когда устанавливается характеръ и складывается Личность, внѣшнія впечатлѣнія, обстановка, окружающая среда, оказываютъ существенное вліяніе на ходъ процесса развитія, что далеко не въ такой степени происходитъ въ послѣдующіе возрасты.

Не умаляя значенія этихъ фактовъ, не должно однако-же переоцѣнивать ихъ степень и силу, такъ какъ самое крупное изъ всѣхъ воздѣйствій принадлежитъ *наслѣдственности,* получаемой путемъ рожденія и біологической передачи. Не должно также придавать значенія такимъ предразсудочнымъ вліяніямъ, какъ *молоко кормилицы* и проч. Въ юномъ возрастѣ могутъ оказывать вліяніе только тѣ причины, которыя связаны съ личнымъ *драматизмомъ,* вытекающимъ изъ дѣйствія внутренней прирожденной человѣку правды. Такія причины нерѣдко врѣзываются глубокимъ слѣдомъ, какъ заноза въ душѣ, какъ отрава, отъ которой личность полно или неполно исцѣляется только долгимъ временемъ и усиліями. На первомъ планѣ сюда относится потеря матери и сиротство, и личный драматизмъ.

228. О развитіи чувствъ и характера въ дѣтствѣ и въ младенческомъ періодѣ — т. е. въ періодѣ материнскаго воспитанія.

Ребенку должны быть по возможности предоставлены удовольствія, къ которымъ онъ инстинктивно стремится и которыя состоятъ: въ правильной діэтѣ, а особенно въ движеніи, наблюденіи, играхъ и достаточномъ снѣ. Уже классическая медицина давала въ этомъ смыслѣ совершенно ясное предписаніе: Дѣти, которыя отняты отъ груди, должны находиться въ условіяхъ спокойствія и веселости.

Можно сказать, что въ теченіе перваго года, и вообще въ первые годы жизни, уходъ за ребенкомъ представляетъ одну изъ важныхъ сторонъ или составныхъ частей воспитанія.

Съ 3-4-го мѣсяца жизни, когда у ребенка появляются первые слѣды сознанія и воли, для развитія его чувства наступаетъ новый періодъ. Теперь, кромѣ элементарныхъ физическихъ чувствъ, которыя продолжаютъ вліять на настроеніе духа ребенка, онъ становится способнымъ испытывать болѣе сложныя, высшія состоянія чувства, связанныя съ его первыми представленіями, съ его простѣйшими мыслями. Удовольствіе, испытываемое ребенкомъ при взглядѣ на знакомый предметъ, напр. на ли-

цо матери, которую онъ узнаетъ, можетъ служить примѣромъ этого болѣе сложнаго чувства. Самымъ могущественнымъ двигателемъ для развитія чувства въ этомъ періодѣ служитъ *подражаніе*. Наилучшей воспитательной средой служитъ для ребенка постоянное общеніе съ матерью, въ томъ случаѣ, если мать остается для него *кормилицей и няней*.

Въ развитіи дѣтскаго чувства имѣютъ наибольшее значеніе два момента, анализъ которыхъ одинаково важенъ для нашей цѣли. Прежде всего у ребенка, который кормится грудью своей матери и пользуется ея материнскими заботами и уходомъ, устанавливается прочная ассоціація между образомъ матери и пріятными чувствами, которыя онъ испытываетъ, утоляя голодъ или избавляясь, благодаря ея уходу, отъ множества другихъ непріятныхъ ощущеній. Весь актъ кормленія ребенка съ его аксессуарами, съ материнской лаской, составляетъ одинъ изъ самыхъ высшихъ источниковъ дѣтскаго наслажденія и одинъ изъ сильнѣйшихъ стимуловъ въ дѣлѣ развитія начинающихся высшихъ чувствъ младенца. Изъ этого зачаточнаго ядра младенческихъ чувствъ или, употребляя слова Фоссангрива *), изъ этого *физіологическаго источника сближенія матери съ ея ребенкомъ*, вырастаютъ будущія чувства человѣческой солидарности и альтруизма. Но едва ли эту мысль можно выразить лучше, чѣмъ ее выразилъ Морель: «Первоначальное материнское воспитаніе, благодаря нескончаемой внимательности и заботамъ, благодаря инстинктивному творчеству ласкъ, благодаря, наконецъ, продолжительной нравственной инкубаціи, если можно такъ выразиться, — это воспитаніе родитъ насъ для духовнаго существованія, подобно тому, какъ мы рождены для физической жизни, и дѣлаетъ насъ вдвойнѣ дѣтьми нашихъ матерей».

Но въ материнскомъ уходѣ за ребенкомъ есть и другая, гораздо болѣе важная сторона. Какъ извѣстно, материнство даже у животныхъ пробуждаетъ альтруистическія чувства, которыхъ въ другое время животныя вовсе не проявляютъ. Въ человѣческомъ же существѣ материнство возбуждаетъ всѣ умственныя и нравственныя стороны и призываетъ къ жизни всѣ высшія качества, которыми одарена данная личность. Вотъ почему, какъ справедливо думаетъ Спенсеръ, родительская профессія и воспитаніе дѣтей служитъ школой, въ которой человѣкъ заканчиваетъ свое личное развитіе. Тотъ еще не окончилъ своего воспитанія, — такова мысль Спенсера, — кто не сдѣлался отцемъ или матерью, потому что онъ не пережилъ чувства родительской любви и не реализовалъ этого человѣколюбія, которое вытекаетъ изъ родовыхъ инстинктовъ **). Въ отношеніи силы чувства, изъ двухъ родителей женщина занимаетъ первое мѣсто, потому что вообще нервно-психическая организація женщины отличается безусловно высшимъ развитіемъ чувства, чѣмъ у мужчины. Это различіе

*) Fossangrives, Lessons d'hygiene infantile. Paris. 1882.

**) Воспитаніе физическое, умственное и нравственное. Перев. съ англ. 1877 г., стр. 272-273.

становится еще болѣе замѣтнымъ въ періодъ материнства, въ эту пору человѣколюбіе и безкорыстіе женщины поднимается на высоту, едва ли доступную для мужчины. И если только мать остается кормилицей и нянней своего ребенка, то умственное и нравственное его развитіе наиболѣе обезпечены въ постоянномъ общеніи съ такимъ высокимъ образцомъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что подражаніе является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ развитія въ періодъ младенчества. Многія волевыя движенія ребенка суть движенія подражательныя; процессъ рѣчи пріобрѣтается путемъ подражательнымъ. Въ развитіи же чувства подражаніе играетъ наиболѣе важную роль и, быть можетъ, составляетъ единственный внѣшній источникъ нравственнаго развитія. Если для интеллектуальнаго развитія ребенокъ организуетъ себѣ игры, то для развитія сложныхъ формъ чувства ничего подобнаго не существуетъ. Все это показываетъ дѣйствительно важное значеніе присутствія у колыбели ребенка существа, которое само охвачено высшими человѣческими побужденіями и порывами и потому можетъ служить наилучшимъ орудіемъ развитія чувства ребенка.

«Лучшій наставникъ», — говоритъ Ріанъ *), — «это мать; лучшее воспитаніе — это тѣ первые трогательные уроки, воспоминаніе о которыхъ никогда не изглаживается у человѣка, — это первая школа, въ которой ребенокъ научается любить добро, уважать и любить трудъ, потому что святой образъ матери запечатлѣвается въ младенческомъ умѣ вмѣстѣ съ первымъ долгомъ, тяжесть и трудность котораго такъ умѣетъ сгладить этотъ нѣжный наставникъ».

Такимъ образомъ, задача матери гораздо выше, чѣмъ обыкновенно понимаютъ ее: въ общей экономіи природы, въ прогрессѣ расы женщина имѣетъ важное значеніе — ментора чувства. Если же принять во вниманіе важность и значеніе чувства въ психическомъ прогрессѣ человѣка, то только тогда представится въ надлежащемъ свѣтѣ роль матери и роль женщины, какъ представительницы материнства.

Если, наконецъ, мы обратимъ вниманіе на соціальное положеніе человѣческихъ обществъ, на то, до какой степени *своекорыстіе, эгоизмъ и дикость нравовъ,* — эти продукты дурного развитія чувства, — тормозятъ господство лучшихъ идей и даже иногда дѣлаютъ безплоднымъ, безжизненнымъ самое существованіе ихъ въ обществѣ, то высокая роль женщины, какъ ментора чувства, еще разъ выступитъ въ яркомъ свѣтѣ. Поэтому глубоко справедливы слѣдующія слова Пирогова: «Ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать первыя слова и первыя молитвы, женщины становятся главными задачами общества: краеугольный камень кладется ихъ руками» *) Если значеніе матери недостаточно оцѣнено людьми, то только потому, что при

*) Riant. Higiene et l'education. Paris, 1877, page 329.

*) Вопросы жизни. Морской сборникъ 1856.

существованіи, до послѣдняго времени, незнакомства съ психологіей дѣтства, весь сложный процессъ развитія ребенка оставался незамѣченнымъ, а съ нимъ — и заслуги матери.

Но когда психологія и гигіена дѣтства сдѣлаются достояніемъ женскаго образованія, то высокая роль женщины сдѣлается вполнѣ очевидной. Въ то же время и уходъ за колыбелью человѣка перестанетъ быть ремесломъ и поднимется на высоту научной техники, подобно гигіенѣ.

Если мы теперь предложимъ себѣ вопросъ, возможно ли *замѣстительство* матери, то, очевидно, что оно возможно только отчасти. Конечно, можно найти доброе существо, которое будетъ предупредительно и заботливо ухаживать за ребенкомъ и сдѣлаетъ все, чтобы доставить ему пріятныя чувства и избавить отъ непріятныхъ, и которое послужитъ для ребенка живой моделью чувства; но никто не можетъ стать матерью даннаго ребенка, не будучи ею по природѣ, т. е. никто не можетъ испытывать того умственнаго и нравственнаго возбужденія и одушевленія, которое дается только материнствомъ, какъ состояніемъ реальнымъ, физіологическимъ и, *слѣдовательно, никто, кромѣ матери, не можетъ быть равносильнымъ ей образцомъ и орудіемъ развитія зачинающагося чувства ребенка.*

Что здоровыя идеи психологіи дѣтства недостаточно распространены въ обществѣ, это лучше всего доказывается почти поголовнымъ уклоненіемъ матерей отъ вскармливанія собственныхъ дѣтей, что мы видимъ въ большихъ городахъ. Это явленіе повсемѣстно распространено и во Франціи *. Обычай поручать дѣтей кормилицамъ неправиленъ именно съ точки зрѣнія нервно-психическаго развитія ребенка, которое при этомъ можетъ пострадать. Къ сожалѣнію, эта именно сторона остается безъ надлежащей оцѣнки. Нерѣдко можно видѣть матерей, которыя — въ восторгѣ отъ полноты и румяныхъ щечекъ своихъ младенцевъ, какъ будто бы человѣческое дитя не болѣе, какъ маленькій теленокъ, которому для достиженія идеала достаточно быть сытымъ и бѣлымъ. Нѣтъ, это — узкое пониманіе. Юное человѣческое существо, которое мы такимъ образомъ третируемъ, — быть можетъ оно будущій талантъ, — не должно быть лишено ничего, что принадлежитъ ему по праву рожденія. Никакая мать не въ правѣ лишать ребенка своей груди, которая съ момента рожденія болѣе принадлежитъ ему, чѣмъ ей. Я уже не говорю о жестокости *отнять* у чужого ребенка его мать, чтобы сдѣлать кормилицей нашего дитяти. Я говорю *отнять,* ибо развѣ можно считать добровольной сдѣлкой согласіе необразованной женщины, которая, идя въ кормилицы, покидая родное дѣтище, оставляя его на *рожонъ,* подвергаетъ величайшей опасности крохотную жизнь и въ тоже время, по своему невѣжеству, не сознаетъ всей тяжести своей измѣны. Между тѣмъ, въ общей экономіи природы, сохраненіе жизни этого заброшеннаго ребенка столь же важно, какъ и нашего, да и кто возь-

*) Riant. Higiene et l'education. Paris, 1877, page 172.

метъ смѣлость рѣшать, какое изъ двухъ юныхъ существъ, — надѣляемое или обездоленное, призрѣваемое или осиротѣлое, — окажется болѣе даровитымъ, болѣе необходимымъ для жизни. Но оставимъ въ сторонѣ невиннаго младенца, котораго мы осиротили, отнявъ у него мать-кормилицу, и посмотримъ на дѣло съ той утилитарной точки зрѣнія, въ которой такъ силенъ современный человѣкъ. Что сдѣлаетъ для нашего ребенка кормилица? Она его сдѣлаетъ сытымъ и болѣе ничего, и только съ этой стороны наши разсчеты оправдываются. Но какое содѣйствіе она можетъ оказать росту иного чувства? Если эта женщина пошла въ кормилицы томимая голодомъ, гонимая нищетой, и если забыла своего собственнаго ребенка, то какое огорченіе, какую обиду и укоръ она будетъ постоянно носить въ своей душѣ и выражать на своемъ лицѣ! Если же она забыла свое дѣтище, то можемъ ли мы поручиться, что такая одичалая мать не принесетъ вреда нашему ребенку, уже одною близостью къ нему. До извѣстной степени можно успокаивать себя тѣмъ, что ребенокъ не пойметъ нравственнаго положенія своей кормилицы и не прочтетъ на ея лицѣ и въ ея поведеніи тѣхъ чувствъ, о которыхъ мы говоримъ. Отчасти конечно такъ, но не должно забывать о той нравственной инкубаціи, значеніе которой разъяснено Морелемъ. Было время, когда молоку кормящей женщины приписывалось какое-то таинственное значеніе въ дѣлѣ передачи нравственныхъ свойствъ отъ женщины къ кормимому ею ребенку. Молоко не играетъ при этомъ никакой роли, но огромное значеніе имѣетъ *личность* женщины и вліяніе ея страданій и огорченій или ея равнодушія и холодности на зачинающееся чувство младенца. Нужно помнить, что какъ бы ни была хороша кормилица, она не болѣе какъ сурогатъ матери.

Взвѣшивая всѣ эти факты, мы приходимъ къ выводу, что кормленіе и уходъ за ребенкомъ есть дѣло великой педагогической важности; они — и долгъ и подвигъ матери. Уклоненіе женщинъ отъ естественнаго долга быть кормилицей и няней своего ребенка практиковалось съ отдаленныхъ временъ, оно есть истинный видъ рабства въ отношеніи ребенка кормилицы и всегда встрѣчало порицаніе со стороны лучшихъ людей вѣка. Юлій Цезарь съ рѣзкостью говоритъ, что въ его время въ Римѣ чаще можно увидѣть женщину съ собачкой или попугаемъ на рукахъ, чѣмъ съ ребенкомъ 1). Руссо бросаетъ слѣдующій упрекъ своимъ современницамъ: «Развѣ ребенку менѣе нужны заботы и уходъ матери, чѣмъ ея грудь? Другія женщины, даже животныя, могутъ дать ребенку молоко, въ которомъ ему отказываетъ его мать, но материнскій уходъ ничѣмъ не замѣняется» 2). Эти слова нужно бы сдѣлать эпиграфомъ надъ колыбелью младенцевъ, говоритъ французскій гигіенистъ нашихъ дней. 3). Фран-

1) Riant. Higiene et l'education. Paris 1877. pag. 94,

2) Ж. Ж. Руссо. Эмиль. Перев. съ французскаго С. П. Б. 1886. Стр.9.

3) Fossangrives. Lecons d'higiene infantile. Paris. 1882, page 97.

цузскіе врачи горячо порицаютъ обычай своихъ соотечественницъ отдавать своихъ дѣтей кормилицамъ. 4).

Во всемъ сложномъ процессѣ нервно- психическаго развитія чувство имѣетъ огромное значеніе; появляясь раньше мышленія и разсудка, оно служитъ проводникомъ и возбудителемъ психическаго развитія, оно можетъ содѣйствовать умственному прогрессу 5), но можетъ и задержать его. Вотъ почему ознакомленіе съ развитіемъ чувства имѣетъ большее практическое значеніе для гигіены воспитанія. Мы не коснемся въ частности развитія того или другого чувства — это задача неосуществимая при современномъ состояніи психологіи, но остановимся на немногихъ аффектахъ, относительно которыхъ можно сказать нѣчто положительное. Прежде всего скажемъ о чувствѣ страха. Кажется, что ни одинъ аффектъ, ни одна страсть не отражается столь неблагопріятно на нервно--психическомъ прогрессѣ, какъ страхъ.

Страхъ есть чувство прирожденное, оно является уже довольно рано, гораздо раньше, чѣмъ ребенокъ имѣлъ достаточно пугающей практики. Страхъ возникаетъ внезапно, въ видѣ готоваго сформированнаго душевнаго движенія, какъ только представится къ тому случай. Маленькія дѣти впадаютъ въ паническій страхъ при видѣ добродушно приближающейся къ нимъ кошки или щенка, прежде чѣмъ они имѣли какой -— либо опытъ опасности отъ этихъ животныхъ. Страхъ свойственъ и животнымъ, и у нихъ тоже является въ видѣ готоваго, унаслѣдованнаго момента, а у нѣкоторыхъ, напримѣръ у птицъ, существуетъ съ момента появленія на свѣтъ; у животныхъ чувство страха является довольно остроумнымъ психологическимъ механизмомъ, который даетъ животному возможность бѣжать, сломя голову, при первой опасности. Такого вида страхъ наблюдается у мышей, у птицъ; возбудителемъ его является мелкій шумъ и шорохъ. Для человѣческаго же существа страхъ, большею частью, является тормазомъ психическаго прогресса, особенно въ дѣтствѣ. Раціональная педагогія все болѣе и болѣе старается искоренить эту дѣтскую страсть, замѣняя ее мужествомъ и размышленіемъ. Относительно появленія страха и его развитія *Прейеръ* сдѣлалъ важное наблюденіе, что чѣмъ менѣе грудной ребенокъ испытываетъ болевыхъ ощущеній, тѣмъ позже проявляется это чувство и наоборотъ. Пріятныя ощущенія какъ бы застраховываютъ ребенка отъ страха.

Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь очевидный примѣръ того, что уходъ за ребенкомъ имѣетъ важное значеніе въ дѣлѣ его эмоціональнаго развитія. Уже раньше мы видѣли, что подобное же значеніе имѣетъ уходъ для развитія другихъ аффектовъ, напримѣръ, плача, гнѣва.

Неотлучное пребываніе, и вообще постоянная близость къ ребенку

---

4) Riant. pag. 172.

5) Preyer.

взрослыхъ, въ значительной степени располагаетъ къ страху. 1). Если ребенокъ привыкъ постоянно быть съ кѣмъ — либо, то уже одно оставленіе его наединѣ возбуждаетъ въ немъ страхъ. Уединеніе дѣйствуетъ подобнымъ образомъ и на взрослыхъ, въ особенности въ соединеніи съ темнотою. Мы не станемъ входить въ психологическій анализъ причинъ страха въ такихъ условіяхъ. По всей вѣроятности, отсутствіе свѣтовыхъ впечатлѣній повышаетъ функцію другихъ видовъ чувствованія, въ особенности чувствованія слухового и осязательнаго, какъ въ этомъ легко убѣдиться субъективнымъ анализомъ ощущеній, испытываемыхъ въ подобныхъ условіяхъ. Что развитіе чувства страха чрезвычайно зависитъ отъ практики, отъ повторныхъ переживаній этого аффекта, — это можно считать почти достовѣрнымъ. Исходя изъ этихъ фактовъ, авторъ этихъ строкъ пришелъ къ мысли пріучить собственныхъ дѣтей къ уединенію и темнотѣ, начиная эту практику съ первыхъ дней жизни ребенка, слѣдовательно съ того времени, когда еще нѣтъ чувства страха и нѣтъ опасности испытывать его. Мѣра эта практиковалась съ большой строгостью въ отношеніи троихъ дѣтей. Уже съ первыхъ мѣсяцевъ жизни они были пріучаемы по временамъ оставаться въ уединеніи, какъ при свѣтѣ, такъ и въ темнотѣ. Въ особенности оказалось полезнымъ оставлять ребенка одного засыпать, т. е. уложить его въ постельку и тотчасъ удалиться. Если ребенокъ проситъ остаться, или спустя нѣсколько времени зоветъ васъ къ себѣ, вы отвѣчаете успокоительно обѣщаніемъ прійти черезъ нѣсколько минутъ. Большею частью ребенокъ засыпаетъ, не дождавшись васъ. Эти мѣры были проведены строго и послѣдовательно. Результаты очень убѣдительны. Можно сказать, что дѣти безусловно не боятся темноты, — идутъ въ неосвѣщенную и притомъ пустую комнату, засыпаютъ, будучи оставлены одни въ своей комнатѣ безъ присутствія взрослыхъ (нечего прибавлять, что дѣти не слышали пугающихъ разсказовъ). Можно бы возразить, что этотъ опытъ допускаетъ и другія объясненія, напримѣръ, что дѣти и по природѣ не имѣли особеннаго расположенія къ страху и что въ этомъ, быть можетъ, кроется главная причина той легкости, съ которой въ нихъ воспитано мужество и безбоязненность. Я думаю, однако, что чувство страха достаточно прирожденно всѣмъ вообще дѣтямъ, оно проявлялось эпизодически и въ моихъ дѣтяхъ, попытки его культивировать, такъ сказать, на прирожденной почвѣ сказывались по временахъ у моихъ дѣтей, и я прихожу къ заключенію, что подавленіе или обузданіе этого аффекта является положительно качествомъ, которое пріобрѣтается путемъ воспитанія.

Подавленіе аффектовъ есть въ сущности только эмоціональный подборъ; только выработка сильнаго чувства путемъ подавленія множества болѣе слабыхъ формъ его. Эта нервно-психическая экономія даетъ возможность возникать болѣе сильнымъ, такъ сказать, удвоеннымъ душевнымъ волне-

---

1) Указаніе на этотъ фактъ уже встрѣчаемъ у Локке.
(Pensees sur l'education des enfants, trad. de Coste. Paris 1882. pag. 172-173),

ніямъ. Такимъ образомъ, практика подавленія аффектовъ ведетъ къ выработкѣ и развитію здоровыхъ, сильныхъ чувствъ. Вотъ почему обученіе дѣтей сдерживанію аффетовъ представляетъ задачу огромной педагогической важности.

Между тѣмъ, въ поведеніи нѣкоторыхъ матерей иногда сказываются черты, какъ разъ противорѣчащія этому прогрессивному жизненному началу. Мы разумѣемъ проявленіе, въ отношеніи къ дѣтямъ, низшихъ и слабыхъ формъ чувства, въ видѣ, напримѣръ, безчисленныхъ поцѣлуевъ и ласкъ, которые неосторожная мать расточаетъ при самомъ неглубокомъ, поверхностномъ шевеленіи своего родительскаго чувства. Если это относится къ маленькому ребенку, у котораго аффекты еще не развиты, который способенъ воспринимать пока только низшія чувства съ непосредственнымъ физическимъ элементомъ, то подобное поведеніе матери еще можетъ быть ему полезно; но дѣти двухъ и болѣе лѣтъ уже требуютъ болѣе утонченныхъ, сложныхъ впечатлѣній, и любящая мать не должна размѣнивать своего глубокаго чувства на мелкую монету легкомысленныхъ поцѣлуевъ и ласкъ. Она должна имѣть ту постоянную тонкую экономію чувства, тотъ осмотрительный выборъ душевныхъ движеній, который по самой природѣ свойственъ женщинѣ и составляетъ высшую психическую черту ея пола. Только осмотрительная мать можетъ дать дѣтямъ надлежащее эмоціональное развитіе. Эта способность женщины представляетъ самую высшую черту человѣчности и крайній біологическій предѣлъ, котораго достигаетъ въ природѣ нервно-психическая организація. Для дѣтей, обучившихся понимать рѣчь матери, уже становятся необходимыми высшія формы человѣческой любви, а наряду съ этимъ хотя не столь частыя, но за то болѣе сильныя проявленія чувства. Всѣ же слабые, всѣ минутные взрывы нѣжности далеко не всегда полезно обнаруживать передъ юнымъ существомъ, въ особенности потому, что способность понимать чувства другого и усвоить ихъ путемъ подражанія развивается весьма рано у дѣтей.

Проф. И. Сикорскій.

229. Сильный страхъ ребенка и видъ испуганныхъ близкихъ оставилъ въ душѣ слѣдъ на всю жизнь.

Переправа черезъ Каму во время бури.

Въ дѣтствѣ случилось со мной происшествіе, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе, и слѣды котораго не изгладились до сихъ поръ: я сталъ гораздо болѣе бояться, и теперь боюсь переправляться черезъ большія рѣки. Вотъ какъ случилось это происшествіе. Мы пріѣхали въ полдень на лѣтній перевозъ черезъ Каму, противъ села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянскихъ телѣги съ поклажей и возчиками и десятка полтора бабъ съ кузовами ягодъ; бабы возвращались домой пѣшкомъ на противоположный берегъ Камы. Перевозчиковъ на перевозѣ не

было: куда разбрелись они, не знаю. Потолковавъ нѣсколько времени, крестьяне и мои люди рѣшились сами переправиться черезъ рѣку, потому что одинъ изъ крестьянъ вызвался править кормовымъ весломъ, увѣривъ, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ перевозчикомъ. Итакъ, выбрали лучшій дощаникъ, поставили три крестьянскихъ телѣги съ лошадьми, мою кибитку и всѣхъ трехъ нашихъ лошадей; разумѣется взяли и всѣхъ бабъ съ ягодами, мнимый перевозчикъ сталъ на кормѣ, двое крестьянъ, мой кучеръ и лакей Иванъ Борисовъ (молодецъ и силачъ, одинъ стоившій десятерыхъ), сѣли въ весла, и мы отчалили отъ пристани. Между тѣмъ черная туча взмывала на западѣ и мало-по-малу охватила край горизонта, ея нельзя было не примѣтить, но всѣ думали: авось пройдетъ стороной, или: авось успѣемъ переѣхать. Пристань находилась противъ самого Шурана, и для того, чтобы не быть снесеннымъ быстротою теченія сердитой Камы, и чтобы угодить прямо на перевозъ, надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ, на шестахъ слишкомъ съ версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить переѣздъ, поднялись вверхъ только съ полверсты, опять сѣли въ весла и, перекрестившись, пустились на перебой поперекъ рѣки; но лишь только мы добрались до середины, какъ туча съ неимовѣрной скоростью охватила весь горизонтъ, почернѣвшее небо еще чернѣе отразилось въ водѣ, стало темно, и страшная гроза разразилась молніей, громомъ и внезапной неистовой бурей.

Кормщикъ нашъ въ испугѣ бросилъ кормовое весло и признался, что онъ совсѣмъ не перевозчикъ и править не умѣетъ; вихрь завертѣлъ нашъ паромъ, какъ щепку, и понесъ внизъ по теченію, бабы подняли пронзительный вой — и ужасъ овладѣлъ всѣми. Я такъ испугался, что не могъ промолвить ни одного слова и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вихремъ и быстротой теченія снесло нашъ дощаникъ нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ, и наконецъ бросило на песчаную отмель, по счастью, саженяхъ въ пятидесяти отъ противоположеннаго берега.

Иванъ Борисовъ спрыгнулъ въ воду, — она была ему по поясъ; онъ дошелъ бродомъ до берега, — глубина воды нигдѣ не доставала выше груди. Онъ воротился тѣмъ же путемъ на паромъ, стащилъ съ него одну изъ нашихъ лошадей посмирнѣе, посадилъ меня верхомъ, велѣлъ крѣпко держаться за гриву и за шею лошади и повелъ ее въ поводу; Евсеичъ шелъ подлѣ и поддерживалъ меня обѣими руками. Мутныя и огромныя волны хлестали черезъ насъ и окачивали съ головой; по несчастью, Борисовъ, идя впередъ, сбился съ того брода, по которому прошелъ два раза, и попалъ на болѣе глубокое мѣсто; вдругъ онъ нырнулъ въ воду, лошадь моя поплыла и Евсеичъ отсталъ отъ меня, тутъ-то я почувствовалъ такой страхъ близкой смерти, котораго я не забылъ до сихъ поръ; каждую минуту я готовъ былъ лишиться чувствъ и едва не захлебнулся; по счастью, глубина продолжалась не болѣе двухъ или трехъ саженъ. Борисовъ плавалъ мастерски, лошадь моя отъ него не отставала, и, не выпуская повода изъ

рукъ, онъ скоро выплылъ на мелкое мѣсто и благополучно вывелъ на берегъ моего коня; но Евсеичъ, не умѣвшій хорошо плавать, едва не утонулъ и на силу выбился на берегъ. Меня, мокраго до послѣдней нитки, сняли съ лошади почти безъ памяти, пальцы мои закоченѣли, замерли въ гривѣ моего коня, но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенію. Евсеичъ остался со мной, а Борисовъ пустился опять къ дощанику, съ котораго бабы, съ криками и воплями, не разставаясь съ кузовами ягодъ, бросались въ воду, мужики постолкали своихъ лошадей и телѣги, и всѣ кое-какъ, на отмели удачно отыскавъ бродъ помельче, добрались до берега; дощаникъ, облегченный отъ большей части груза, поднялся, и его начало тащить водой внизъ по теченію. Вотъ тутъ — то пригодилась сила Ивана Борисова: онъ удерживалъ дощаникъ до тѣхъ поръ, пока нашъ кучеръ не столкнулъ на отмель лошадей и нашу повозку. Борисовъ пересталъ держать паромъ и его сейчасъ унесло внизъ по рѣкѣ.

Стоя въ водѣ по поясъ, заложили лошадей, и повозка моя выѣхала на берегъ. Мы сѣли, мокрые и озябшіе, и поскакали въ Шуранъ; тамъ обогрѣлись, обсушились; напились горячаго чая, и холодная ванна не имѣла для насъ никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій.

Но зато напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не могъ смотрѣть равнодушно на большую рѣку, даже въ тихое время, а во время бури чувствовалъ невольный ужасъ, котораго не въ силахъ преодолѣть.

С. Аксаковъ.

230. Страхъ и гнѣвъ, вызываемые нелѣпо-неосторожнымъ раздраженіемъ (поддразниваніемъ) чужого ребенка, съ болѣзненной при томъ наслѣдственностью.

Изъ воспоминаній дѣтства.

Оба мои дяди и пріятель ихъ адъютантъ Волковъ получили охоту дразнить меня военной службой, говоря, что вышелъ указъ, по которому велѣно брать въ солдаты старшаго сына у всѣхъ дворянъ. Я возражалъ, что это неправда, что это все ихъ выдумки; но проказники написали крупными буквами указъ, приложили къ нему какую-то печать и успѣли напугать меня. Эта глупая забава продолжалась довольно долго и стоила мнѣ многихъ волненій, огорченій и даже слезъ. Всего хуже было то, что я сердился за насмѣшки и начиналъ говорить грубости, къ чему прежде не былъ совершенно способенъ. Это забавляло всѣхъ; общій смѣхъ ободрялъ меня, и я позволялъ себѣ говорить такія дерзости, за которыя меня же бранили и заставляли просить извиненія; я по ребячеству находилъ себя совершенно правымъ и не соглашался извиняться: меня ставили въ уголъ и доводили, наконецъ, до того, что я просилъ прощенія. Конечно, мать вразумляла меня, что за шутки не должно сердиться, и что на-

добно отвѣчать на нихъ шутками же; но бѣда въ томъ, что дитя не можетъ ясно различать границъ между шуткою и правдою.

Одинъ разъ вдругъ дядя говоритъ мнѣ потихоньку съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, что Волковъ хочетъ жениться на моей сестрицѣ и увезти ее съ собою въ походъ. Я повѣрилъ и понялъ только, что хотятъ разлучить меня съ сестрицей, сдѣлать ее чѣмъ-то въ родѣ солдата. Гнѣвъ и ненависть, къ какой только можетъ быть способно сердце дитяти, почувствовалъ я къ Волкову, котораго и прежде не долюбливалъ. Волковъ на другой день сказалъ съ важнымъ видомъ, что батюшка и матушка согласны выдать за него мою сестрицу и что онъ проситъ моего согласія.

Дяди мои съ Волковымъ сочинили и написали свадебный договоръ или рядную, въ которой было сказано, что мой отецъ и мать съ моего согласія, — потому что Сергѣевка считалась моею собственностью, — отдаютъ ее въ приданое за моею сестрицей въ вѣчное владѣніе П. И. Волкову и вмѣсто меня, за моей неграмотностью, расписался дядя мой Сергѣй Николаевичъ. Бѣдный мальчикъ былъ совершенно сбитъ съ толку... Я вполнѣ повѣрилъ, что эта бумага, которую дядя называлъ купчею крѣпостью, лишаетъ меня сестры и Сергѣевки.

С. Аксаковъ.

231. Ненависть.

Да, это было настоящее чувство ненависти, — не той ненависти, про которую только пишутъ въ романахъ и въ которую я не вѣрю, ненависти, которая будто находитъ наслажденіе въ дѣланіи зла человѣку; — но той ненависти, которая внушаетъ вамъ непреодолимое отвращеніе къ человѣку, заслуживающему, однако, ваше уваженіе, дѣлаетъ для васъ противными его волоса, шею, походку, звукъ голоса, всѣ его члены, всѣ его движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какою-то непонятной силой притягиваетъ васъ къ нему и съ безпокойнымъ вниманіемъ заставляетъ слѣдить за малѣйшими его поступками. Я испытывалъ это чувство къ Сенъ-Жерому.

Сенъ-Жеромъ жилъ у насъ уже полтора года. Обсуживая теперь хладнокровно этого человѣка, я нахожу, что онъ былъ хорошій французъ, но французъ въ высшей степени. Онъ былъ неглупъ, довольно ученъ и добросовѣстно исполнялъ въ отношеніи насъ свою обязанность, но онъ имѣлъ общія всѣмъ его землякамъ и столь противоположныя русскому характеру отличительныя черты, легкомысленнаго эгоизма, тщеславія, дерзости и невѣжественной самоувѣренности. Все это мнѣ очень не нравилось. Само собою разумѣется, что бабушка объяснила ему свое мнѣніе насчетъ тѣлеснаго наказанія, и онъ не смѣлъ бить насъ, но, несмотря на это, онъ часто угрожалъ, въ особенности мнѣ, розгами и выговаривалъ слово fouetter (какъ то fouatter) такъ отвратительно и съ такой интонаціей, какъ будто высѣчь меня доставило бы ему величайшее удовольствіе.

Я нисколько не боялся боли наказанія, никогда не испытывалъ ея,

но одна мысль, что Сенъ-Жеромъ можетъ ударить меня, приводила меня въ тяжелое состояніе подавленнаго отчаянія и злобы.

Случалось, что Карлъ Ивановичъ, въ минуту досады, лично расправлялся съ нами линейкой или помочами, но я безъ малѣйшей досады вспоминаю объ этомъ. Даже въ то время, о которомъ я говорю (когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ), ежели-бы Карлу Ивановичу случилось приколотить меня, я хладнокровно перенесъ бы его побои. Карла Ивановича я любилъ, помнилъ его съ тѣхъ поръ, какъ самого себя, и привыкъ считать членомъ своего семейства: но Сенъ-Жеромъ былъ человѣкъ гордый, самодовольный, къ которому я ничего не чувствовалъ, кромѣ того невольнаго уваженія, которое внушали мнѣ всѣ большіе. Карлъ Ивановичъ былъ смѣшной старикъ дядька, котораго я любилъ отъ души; но ставилъ все таки ниже себя, въ моемъ дѣтскомъ пониманіи общественнаго положенія.

Сенъ-Жеромъ, напротивъ, былъ образованный, красивый молодой щеголь, старавшійся стать наравнѣ со всѣми.

Карлъ Ивановичъ бранилъ и наказывалъ насъ всегда хладнокровно; — видно было, что онъ считалъ это хотя необходимою, но непріятною обязанностью. Сенъ-Жеромъ, напротивъ, любилъ драпироваться въ роль наставника; видно было, когда онъ наказывалъ насъ, что онъ дѣлаетъ это болѣе для собственнаго удовольствія, чѣмъ для нашей пользы. Онъ увлекался своимъ величіемъ. Его пышныя французскія фразы, которыя онъ говорилъ съ сильными удареніями на послѣднемъ слогѣ, accent circonflex'ами были для меня невыразимо противны. Карлъ Ивановичъ, разсердившись, говорилъ «кукольная комедія», «шалунья мальшикъ», «шампанская мушка». Сенъ-Жеромъ называлъ насъ mauvais sujet, vilain garnement и т. п. названіями, которыя оскорбляли мое самолюбіе.

Карлъ Ивановичъ ставилъ насъ на колѣни лицомъ въ уголъ, и наказаніе состояло въ физической боли, происходившей отъ такого положенія. Сенъ-Жеромъ, выпрямляя грудь и дѣлая величественный жестъ рукою, трагическимъ голосомъ кричалъ: «a genoux, mauvais sujet!», приказывалъ становиться на колѣни лицомъ къ себѣ и просить прощенія. Наказаніе состояло въ униженіи.

Меня не наказывали, и никто даже не напоминалъ мнѣ о томъ, что со мной случилось; но я не могъ забыть всего, что испыталъ: отчаянія, стыда, страха и ненависти въ эти два дня. Несмотря на то, что съ того времени Сенъ-Жеромъ, какъ казалось, махнулъ на меня рукою, почти не занимался мною, я не могъ привыкнуть смотрѣть на него равнодушно. Всякій разъ, когда случайно встрѣчались наши глаза, мнѣ казалось, что во взглядѣ моемъ выражается слишкомъ явная непріязнь, и я спѣшилъ принять выраженіе равнодушія; но когда мнѣ казалось, что онъ понимаетъ мое притворство, — я краснѣлъ и вовсе отворачивался.

Однимъ словомъ, мнѣ невыразимо тяжело было имѣть съ нимъ какія бы то ни было отношенія.

Л. Толстой.

232. Отрочество такъ изображено Л. Толстымъ въ конкретныхъ образахъ Катеньки и Любочки.

Катенька и Любочка.

Катенькѣ шестнадцать лѣтъ; она выросла; угловатость формъ, застѣнчивость и неловкость движеній, свойственныя дѣвочкѣ въ переходномъ возрастѣ, уступили мѣсто гармонической свѣжести и граціозности только-что распустившагося цвѣтка; но она не перемѣнилась. Тѣ же свѣтло-голубые глаза и улыбающійся взглядъ, тотъ же, составляющій почти одну линію со лбомъ, прямой носикъ съ крѣпкими ноздрями и ротикъ съ свѣтлой улыбкой, тѣ же крошечныя ямочки на розовыхъ прозрачныхъ щечкахъ, тѣ же бѣленькія ручки... и къ ней попрежнему почему-то чрезвычайно идетъ названіе *чистенькой* дѣвочки. Новаго въ ней только густая русая коса, которую она носитъ, какъ большая, и молодая грудь, появленіе которой замѣтно радуетъ и стыдитъ ее.

Не смотря на то, что Любочка всегда росла и воспитывалась съ нею вмѣстѣ, она во всѣхъ отношеніяхъ совсѣмъ другая дѣвочка.

Любочка не высокая ростомъ и вслѣдствіе англійской болѣзни у нея ноги до сихъ поръ еще гусемъ и прегадкая талія. Хорошаго во всей ея фигурѣ только глаза, и глаза эти дѣйствительно прекрасны — большіе, черные и съ такимъ непроходимо-пріятнымъ выраженіемъ важности и наивности, что они не могутъ не остановить вниманія. Любочка во всемъ проста и натуральна; Катенька же какъ будто хочетъ быть похожею на кого-то. Любочка смотритъ всегда прямо и иногда, остановивъ на комънибудь свои огромные черные глаза, не спускала ихъ такъ долго, что ее бранятъ за это, говоря, что это неучтиво; Катенька, напротивъ, опускаетъ рѣсницы, щурится и увѣряетъ, что она близорука, тогда какъ я очень хорошо знаю, что она прекрасно видитъ. Любочка не любитъ ломаться при постороннихъ и, когда кто нибудь при гостяхъ начинаетъ цѣловать ее, она дуется и говоритъ, что терпѣть не можетъ *нѣжностей*. Катенька, напротивъ при гостяхъ всегда дѣлается особенно нѣжна къ Мими и любитъ, обнявшись съ какою-нибудь дѣвочкой, ходить по залѣ. Любочка — страшная хохотунья и иногда, въ припадкѣ смѣха, машетъ руками и бѣгаетъ по комнатѣ, Катенька, напротивъ, закрываетъ ротъ платкомъ или руками, когда начинаетъ смѣяться. Любочка всегда сидитъ прямо и ходитъ, опустивъ голову. Катенька держитъ голову нѣсколько на бокъ и ходитъ сложивъ руки. Любочка всегда ужасно рада, когда ей удается поговорить съ большимъ мужчиной, и говоритъ, что она непремѣнно выйдетъ замужъ за гусара; Катенька же говоритъ, что всѣ мужчины ей гадки, что она никогда не выйдетъ замужъ, и дѣлается совсѣмъ другая, какъ будто она боится чего-то, когда мужчина говоритъ съ ней. Любочка вѣчно негодуетъ на Мими за то, что ее такъ стягиваютъ корсетами, что «дышать нельзя», и любитъ покушать; Катенька, напротивъ, часто, поддѣвая на-

лецъ подъ мысъ своего платья, показываетъ намъ, какъ оно ей широко и ѣстъ чрезвычайно мало. Любочка любитъ рисовать головки; Катенька же рисуетъ только цвѣты и бабочекъ. Любочка играетъ очень отчетливо Фильдовскіе концерты, нѣкоторыя сонаты Бетховена; Катенька играетъ варіаціи и вальсы, задерживаетъ темпъ, стучитъ, безпрестанно беретъ педаль и, прежде чѣмъ начинаетъ играть что-нибудь, съ чувствомъ беретъ три аккорда arpeggio.

Но Катенька, по моему тогдашнему мнѣнію, больше похожа на большую, и потому гораздо больше мнѣ нравится.

233. Юность передана у Л. Толстого такими штрихами: «Они (юноши — университетскіе товарищи) всѣ были на *ты*. Простота ихъ обращенія доходила до грубости, но и подъ этою грубою внѣшностью былъ постоянно видѣнъ страхъ, хоть чуть-чуть оскорбить другъ друга. *Подлецъ, свинья*, употребляемыя ими въ ласкательномъ смыслѣ, только коробили меня и мнѣ подавали поводъ къ внутреннему подсмѣиванію, но эти слова не оскорбляли ихъ и не мѣшали имъ быть между собою на самой искренней дружеской ногѣ. Въ обращеніи между собою они были такъ осторожны и деликатны, какъ только бываютъ очень бѣдные и очень молодые люди».

234. «Разъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними своими знаніями въ литературѣ, въ особенности французской, и завелъ разговоръ на эту тему. Къ удивленію моему оказалось, что хотя они выговаривали иностранныя заглавія по русски, они читали гораздо больше меня, знали, цѣнили англійскихъ, и даже испанскихъ писателей, Лесажа, про котораго я даже не слыхалъ. Пушкинъ и Жуковскій были для нихъ литература (а не такъ, какъ для меня, книжки въ желтомъ переплетѣ, которыя я читалъ и училъ ребенкомъ). Они презирали равно Дюма, Сю и Феваля и судили, въ особенности Зухинъ, гораздо лучше и яснѣе о литературѣ,чѣмъ я, въ чемъ я не могъ не сознаться. Въ знаніи музыки я тоже не имѣлъ передъ ними никакого преимущества. Еще къ большему удивленію моему, Оперовъ игралъ на скрипкѣ, другой изъ занимавшихся съ ними студентовъ игралъ на віолончели и фортепіано, и оба играли въ университетскомъ оркестрѣ, порядочно знали музыку и цѣнили хорошую. Однимъ словомъ, все, чѣмъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними, исключая выговора французскаго и нѣмецкаго языковъ, они знали лучше меня и нисколько не гордились этимъ. Могъ бы я похвастаться въ моемъ положеніи свѣтскостью, но ея я не имѣлъ, какъ Володя, — такъ что же такое было та высота, съ которой я смотрѣлъ на нихъ? Мое знакомство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ? Выговоръ французскаго языка? Дрожки? Голландская рубашка? Ногти? Да ужъ не вздоръ ли все это? — начинало мнѣ глухо приходить иногда въ голову, подъ вліяніемъ чувства зависти къ товариществу и добродушному молодому веселью, которое я видѣлъ передъ собою».

«Онъ (Зухинъ) былъ необычайно уменъ, въ особенности понятливъ: ему легче было сразу обнять цѣлый многосложный предметъ, предвидѣть всѣ его частности и выводы, чѣмъ посредствомъ сознанія обсудить законы, по которымъ производились эти выводы. Онъ зналъ, что онъ былъ уменъ, гордился этимъ и, вслѣдствіе этой гордости, былъ одинаково со всѣми простъ въ обращеніи и добродушенъ. Должно быть онъ много испыталъ въ жизни. Его пылкая, воспріимчивая натура уже успѣла отразить въ себѣ и любовь, и дружбу, и дѣла, и деньги. Хотя въ малой мѣрѣ, хотя въ низшихъ слояхъ общества, но не было вещи, къ которой бы онъ, испытавъ ее, не имѣлъ не то презрѣнія, не то какого-то равнодушія и невниманія, происходящихъ отъ слишкомъ большой легкости, съ которою ему все доставалось. Онъ, казалось, съ такимъ жаромъ брался за все новое только для того, чтобы, достигнувъ цѣли, презирать то, что онъ достигъ, и способная натура его достигала всегда и цѣли, и права на презрѣніе. Въ отношеніи науки было то же самое: занимаясь мало, не записывая, онъ зналъ математику превосходно и не хвастался, говоря, что собьетъ профессора. Ему казалось много вздоровъ въ томъ, что ему читали, но съ свойственнымъ его натурѣ *безсознательнымъ практическимъ плутовствомъ*, онъ тотчасъ-же поддѣлывался подъ то, что было нужно профессору, и всѣ профессора его любили. Онъ былъ *прямъ* въ отношеніяхъ съ начальствомъ, но начальство уважало его. Онъ не только не уважалъ и не любилъ науки, но презиралъ даже тѣхъ, которые серьезно занимались тѣмъ, что ему такъ легко доставалось. Науки, какъ онъ понималъ ихъ, не занимали десятой доли его способностей; жизнь въ его студенческомъ положеніи не представляла ничего такого, чему бы онъ могъ весь отдаться, а пылкая, дѣятельная, какъ онъ говорилъ, натура требовала жизни, и онъ вдался въ кутежъ такого рода, какой возможенъ былъ по его средствамъ, и предался ему съ жаромъ и желаніемъ уходить себя, *чтмъ больше во мнѣ силы*. Теперь, передъ экзаменами, предсказаніе Оперова сбылось. Онъ пропалъ недѣли на двѣ, такъ что мы готовились уже послѣднее время у другого студента. Но въ первый экзаменъ, онъ, блѣдный, изнуренный, съ дрожащими руками, явился въ залу и блестящимъ образомъ перешелъ во второй курсъ.

Л. Толстой.

235. Смерть любящей матери. Сиротская жизнь въ безсмысленной, самодурной, дикой средѣ.

Вуколъ.

(Психологическій очеркъ Н. Г. Помяловскаго).

У Тарантова родился сынъ. Дали ему имя Вуколъ. Вуколъ не обѣщалъ ничего красиваго въ своей особѣ: голова у него была большая, носъ

плоскій, уши маленькія, туловище несоразмѣрно велико, а ножки коротенькія. Но при всемъ томъ онъ былъ ребенокъ здоровый. Что еще сказать о человѣкѣ, когда онъ только что явился на свѣтъ. Некрасивъ и здоровъ — вотъ и все... Будетъ ли онъ уменъ, добръ, счастливъ? — Богъ знаетъ... Станутъ бить его по головѣ — выростетъ дуракомъ, хотя-бъ и не родился имъ; будетъ воспитывать танцмейстеръ — выйдетъ изъ него кукла; откормятъ на краденныя деньги — отзовется и это. Трудно показать и объяснить вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на голову и сердце человѣка. Можетъ быть человѣкъ глупѣетъ и черствѣетъ еще въ колыбели. Богъ знаетъ, какое вліяніе имѣетъ на ребенка глупая рожа няньки, физіономія папаши — часто съ отсутствіемъ образа Божія, грязная соска, табачный запахъ, визгъ и слезы братцевъ и сестрицъ и тому подобныя буколическія обстоятельства, на которыя чадолюбивые и сердобольные родители, домовладыки и цари семействъ, часто не обращаютъ никакого вниманія. Все это, безъ сомнѣнія, уродуетъ человѣка. Но несомнѣнно и то, что иногда при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ человѣкъ развивается счастливо. Часто и семья и товарищество и обстановка, и всѣ случаи жизни, и даже прирожденныя наклонности, наслѣдственная порча, — все направляетъ человѣка ко злу, но какая-то спасительная сила противодѣйствуетъ всему, и образуется человѣкъ умный и счастливый. Все это идетъ къ тому, что о ребенкѣ ничего нельзя сказать впередъ, что изъ него выйдетъ. И такъ Вуколъ некрасивъ и здоровъ — вотъ и все пока о немъ. Впрочемъ, при рожденіи ребенка обращаютъ вниманіе на разныя примѣты и предзнаменованія. Вуколъ родился въ сорочкѣ, съ длиннымъ пупкомъ; день рожденія былъ скоромный и число дня четное, — все это, по мнѣнію повивальной бабки, Анны Ивановны Штотиной, предвѣщало ребенку счастливую будущность. Но дядюшка Вукола, Семенъ Ивановичъ, думалъ иначе. — «Ну, что ты, братецъ, за кличку далъ своему чаду», — говорилъ онъ отцу Вукола, Антипу Ивановичу: — «Да ты вникни въ это слово... Вуколъ... Вслушайся въ это слово хорошенько! Вуколъ!.. въ уголъ!.. колъ!.. ха-ха-ха! Вѣдь это, братецъ ты мой, престранное слово. А ну-ка, покажи его... По шерсти, по шерсти, братъ, кличка. Именно Вуколъ! Не хорошо, нѣтъ, не похвально, что обзавелся такимъ сокровищемъ». — Семенъ Ивановичъ продолжалъ до тѣхъ поръ свою безцеремонную рѣчь, пока не былъ приглэшенъ замолчать. Но вотъ нелюбезный дядюшка уѣхалъ и Вуколъ сталъ безобидно выростать среди мирной и достаточной семьи своей. Отецъ съ удовольствіемъ носилъ его на рукахъ, что, наконецъ, обратилось у него въ привычку. Мать цѣловала его безъ отвращенія. Няня, старуха Акулина, любила Вукола, какъ свое дитя. Она, бывало, качаетъ его да приговариваетъ: — «Ахъ ты, голубчикъ мой, некрасивъ ты, да это ничего, былъ бы здоровенекъ. Батюшка, Вукоша, о-о-о!». Подъ пѣсни и ооканье старой Акулины Вуколъ засыпалъ сладко. Проснется онъ, — няня дѣлаетъ ему зайчика, показываетъ, какъ сорока кашу варила, вмѣстѣ съ нимъ хо-

хочетъ старуха и прыгаетъ. Безобразія своего Вуколъ не понималъ. Увидѣвъ себя первый разъ въ зеркалѣ, онъ смѣялся, весело кричалъ и махалъ рученками: ему было хорошо.

Такъ и подросталъ нашъ Вуколъ. Вотъ уже наступилъ ему пятый годокъ. Отецъ его однажды читалъ книгу, но вдругъ зашатался и грянулся на полъ. Мать и нянька стали хлопотать и плакать. Пришелъ докторъ, еще много какого-то народу. Всѣ о чемъ-то разспрашивали, смотрѣли папу и потомъ писали на бумагѣ, а мама все плакала. Страшно стало Вуколу. Но что это дѣлаютъ съ папой? — Положили его на столъ, накрыли золотымъ одѣяломъ, вокругъ восковыя свѣчи. Пришли священникъ и дьячекъ; ходятъ они вокругъ папы; читаютъ они что-то да поютъ. Около ризъ священника дымъ вьется, а въ рукахъ гремятъ золотыя цѣпочки кадила. Хорошо стало Вуколу. — «Няня, посади меня къ папѣ». — «Папа умеръ», — отвѣтила Акулина. Вуколъ, будто понявъ бѣду, крѣпко прижался къ нянькѣ и зарыдалъ... Похоронили папу. Помнитъ Вуколъ, что много у нихъ было гостей и что ему понравились кутья и блины.

Прошло еще два года съ немногимъ. Вуколу семь лѣтъ. Въ семь лѣтъ ребенокъ понимаетъ многое; онъ обнаруживаетъ уже характеръ свой, который часто трудно переломить, который не поддается ни убѣжденіямъ, ни пряникамъ, ни розгѣ. Вуколъ по природѣ былъ добръ и не глупъ. Мирная жизнь, ласковое воспитаніе, доброта матери и няни, примѣръ въ лицахъ ихъ, все это возбуждало въ немъ чувство добра. Мать его была религіозна по убѣжденію, а потому и старалась усвоить сыну, главнымъ образомъ, не одинъ обрядъ религіи, а духъ ея. Еще не зная ни одной молитвы на память, Вуколъ, крестясь, произносилъ «Боже, пусть маменька будетъ здорова» или «Боже, дай день хорошій завтра». При такомъ направленіи Вуколъ рѣдко находилъ удовольствіе обрывать крылья бабочкамъ, водить жука на нити, топить котятъ, раззорять птичьи гнѣзда. Это было дитя доброе, что для наблюдательнаго человѣка выражалось даже въ его безобразномъ лицѣ, особенно въ его умныхъ глазахъ. Отъ няни Вуколъ получилъ достаточный запасъ свѣдѣній о темномъ мірѣ вѣдьмъ, колдуновъ, Ивановъ-дурачковъ, царевичей-богатырей, сапоговъ-самоходовъ, сивокъ-бурокъ, о живой и мертвой водѣ и другихъ принадлежностяхъ русской сказки. Религіозное и сказочное удерживалось въ душѣ Вукола такъ же уютно, не противорѣча и не уничтожая одно другого, какъ и въ душѣ взрослаго. Отъ няни, а не отъ товарищей, Вуколъ научился дѣлать бумажнаго змѣя, трещетки, свистульки, водяныя мельницы. Воспитаніе его было по преимуществу женское: все въ немъ развивалось подъ вліяніемъ матери и няни. Впрочемъ за послѣднее время онъ познакомился съ тремя сыновьями приходскаго свящeнника. Они пріѣзжали лѣтомъ на каникулы домой въ деревню, небольшое имѣніе Анны Алексѣевны, матери Вукола. Отъ нихъ онъ получилъ понятіе о фискальствѣ и товариществѣ. Только не приходилось Вуколу прилагать къ дѣлу это понятіе: онъ по малолѣтству не былъ принятъ въ общество поповичей, какъ

совершенный товарищъ, — въ играхъ участвовалъ, но не былъ посвященъ въ тайны и не допускался ко многимъ предпріятіямъ. У него были свои тайны, свои предпріятія. Вотъ, напримѣръ, набралъ онъ душистаго горошку, резеды, фіалокъ, другихъ травокъ и цвѣтовъ, положилъ все это въ банку и толчетъ. Лицо его серьезно, работаетъ онъ прилежно и выпачкался въ мѣру. Это онъ хочетъ сдѣлать духи. Но опытъ не удается. Или вотъ Вуколъ досталъ пятачекъ, закопалъ его въ землю и каждый день ходитъ поливать его. Акулина замѣтила это. — «Что ты дѣлаешь, Вуколъ?» — «Деньги рощу» — «Какъ же ты деньги ростишь?» — «Да мама говорила же, что докторъ деньги роститъ». — «Онъ деньги въ ростъ отдаетъ; это совсѣмъ не то, что ты дѣлаешь». Когда нянька объяснила, что значитъ отдавать деньги въ ростъ, Вуколу самому смѣшно стало... Такіе случаи могутъ рекомендовать Вукола, какъ дурачка, но не ошибитесь: дѣйствовалъ онъ вполнѣ самостоятельно по указаніямъ своего младенческаго разума; и взрослый — оставьте его самому себѣ — такъ же насмѣшитъ въ большей части случаевъ. И такъ, въ поведеніи Вукола обнаружились уже доброта и любознательность, — признаки того, что изъ дитяти можно сдѣлать многое хорошее.

Вуколъ на восьмомъ году лишился матери. Помнитъ онъ и эти похороны; но впечатлѣнія произвели на него не гости, кутья и блины, а потеря любящей матери, доброй и нѣжной. Онъ долго тосковалъ и все боялся чего-то. Дядя Вукола Семенъ Ивановичъ назначенъ былъ опекуномъ; Вуколъ съ нянькой къ нему переѣхали. Ребенокъ какъ то смутно сознавалъ, что съ нимъ дѣлаютъ, и одумался нѣсколько на новомъ мѣстѣ. Здѣсь только онъ заплакалъ о старомъ домѣ, и о рѣчкѣ, и о поляхъ, и о садѣ, и о своихъ незатѣйливыхъ, но любезныхъ сердцу удовольствіяхъ. На новомъ мѣстѣ Вуколу была отведена комнатка довольно мрачная; видъ изъ единственнаго въ ней окна былъ непривлекателенъ: съ одной стороны стѣна сарая, съ другой стѣна бани, а съ третьей заборъ; на площадкѣ двора лежали три поросшихъ мохомъ дерева. Внутри комнаты виднѣлись закоптѣлыя стѣны, комодикъ, столъ, два стула и лежанка. Здѣсь то поселился Вуколъ. Няня приходила къ нему только днемъ, а ночевалъ онъ одинъ. Въ первое время его какъ будто и не замѣчали въ домѣ; лишь изрѣдка дядя, встрѣтившись съ нимъ, назоветъ его черепахой, змѣенышемъ, лупеткой. Услышавъ слово «лупетка», Вуколъ разсмѣялся. — «Подожди поросенокъ, подростешь, такъ я попотчую тебя», — сказалъ дядя: — «посмотрю, каналья, откуда у тебя ноги-то ростутъ!» — Понятно, что жизнь Вукола совершенно перемѣнилась и что отъ прежняго времени остались одни воспоминанія.

Дядя Вукола былъ помѣщикъ, владѣтель сорока душъ. Человѣкъ онъ былъ холостой. «Любовь, говорилъ онъ, глупость, подруги жизни мнѣ не надо, и въ хозяйкѣ я не нуждаюсь: такъ зачѣмъ же мнѣ жениться?» Гости, охота, водка, карты, послѣобѣденный сонъ, кофе, — все это у дяди, какъ у человѣка степеннаго, считалось богопротивнымъ. Ученость

— вольнодумство. Скупымъ быть худо, но денежку копи и люби. Вотъ убѣжденія Семена Ивановича. День его располагался такъ: умоется, помолится Богу, зажжетъ лампадку передъ иконою, пьетъ чай, потомъ идетъ распорядиться по хозяйству, причемъ разсыпаетъ обильныя плюхи направо и налѣво, дождитъ на праведныя и неправедныя; далѣе — обѣдъ, кейфъ, который состоитъ въ куреніи табаку, вечеромъ опять чай; послѣ чаю прогулка и кабинетныя дѣла, т. е. разборъ судебныхъ бумагъ, счетъ денегъ и чтеніе нравоучительныхъ книгъ; наконецъ слѣдовали ужинъ, молитва и сонъ. Уже лѣтъ двадцать поживалъ Семенъ Ивановичъ, имѣя о себѣ понятіе, какъ о человѣкѣ, у котораго совѣсть спокойна, который ни въ чемъ не нуждается, знать никого не хочетъ и жить умѣетъ. «Экой счастливецъ какой»! Теперь еще попятнѣе, что жизнь Вукола должна была измѣниться.

Черезъ нѣсколько времени нянька была отставлена отъ Вукола, а мѣсто ея занялъ сельскій дьячекъ, Гаврилычъ, въ должности учителя. Гаврилычу было сказано: «Вотъ тебѣ барченокъ въ науку. Спуску ему не давать: посѣчь или за волосы надо или тамъ на колѣни поставить, все это въ твоей власти. Ну, за труды рубль въ мѣсяцъ и натурою кое-что». Гаврилычъ согласился; да какъ было и не согласиться: къ сорока рублямъ его годового жалованья прибавилось еще двѣнадцать.

Первая лекція началась такими словами: «Перекрестимся да и за книгу... да вотъ еще: ты Вуколъ, помни у меня, что драть буду страшно, если будешь тупъ и лѣнивъ. Слышалъ?» Вуколъ отвѣчалъ: «Слышалъ». — «Впрочемъ, въ первый разъ прощается, второй увѣщевается, а третій наказуется. Это правило дѣдовъ нашихъ». — Понятно, что Вуколу приходилось терпѣть отъ дьячка; но все какъ-то избѣгалъ онъ тѣлесныхъ наказаній, потому, что учителю оставалось только удивляться способностямъ, прилежанію и успѣхамъ ученика. Притомъ Гаврилычъ былъ глупый педагогъ, но человѣкъ души доброй.

Вуколъ не успѣлъ научиться порядочно читать, а Гаврилычъ, разсчитывая на его способности, сталъ преподавать ему Начатки. Здѣсь-то вполнѣ обнаружился педагогическій талантъ и тактъ дьячка. Метода его была такова: онъ ногтемъ отмѣчалъ скобку въ одномъ и другомъ мѣстѣ книги и говорилъ: «отъ энтихъ до энтихъ». Читая неправильно и безъ толку Вуколъ заучивалъ одни слова, — рѣдко онъ понималъ и усваивалъ смыслъ урока. Это называется учить *въ долбежку*. Понятно, что свѣдѣнія о Богѣ, людяхъ, жизни, природѣ остались у него тѣ же, какія были и прежде... Вотъ Вуколъ доучиваетъ урокъ. Сидитъ онъ у стола, покачиваясь изъ стороны въ сторону; уши его заткнуты пальцами, глаза зажмурены, губы шепчутъ непонятныя слова урока. Такъ Вуколъ уединяетъ свое вниманіе отъ всего внѣшняго, на лицѣ его выражается напряженіе и сосредоточенность мысли. Наконецъ урокъ выученъ. Вуколъ открываетъ глаза и уши, креститъ книгу со всѣхъ сторонъ и прикладываетъ ее ко лбу. Такимъ пріемамъ выучилъ его Гаврилычъ, въ предосторожность,

чтобы не запамятовать урокъ. Передъ урокомъ Гаврилычъ обыкновенно говорилъ: "tempus sapregandi", а послѣ отвѣтовъ своего ученика: «широшо-хоцы» или «шибо-слацы». Это называется говорить по *шицы*. Здѣсь требуется раздѣлить слово на двѣ половины, къ послѣдней прибавить *ши*, къ первой *цы*, послѣднюю произнести сначала, первую послѣ, напримѣръ: Гаврилычъ — шилычъ-Гаврицы; баринъ — ширинъ-бацы и т. д. Наконецъ, педагогъ нашъ хотѣлъ выучить Вукола читать по латыни, но не оказалось латинской книги... Такимъ образомъ правила мнемоники, богословскія познанія и языковѣдѣніе дьячка переселялись въ голову Вукола. Учитель былъ вообще доволенъ ученикомъ, хотя и не обнаруживалъ того, въ томъ убѣжденіи, что ученика если не сѣчь, то по крайней мѣрѣ бранить и донекать непремѣнно слѣдуетъ, а ученикъ въ большей части случаевъ походилъ на попугая.

Семенъ Ивановичъ ходитъ по своей спальнѣ изъ угла въ уголъ. Странное расположеніе посѣтило его душу. Хлѣба у него убраны, слуги выруганы, на-дняхъ рѣшена послѣдняя тяжба, новостей нѣтъ, а къ воспоминаніямъ стараго и къ чтенію душеспасительнаго нѣтъ позыву. Пусто въ головѣ, пусто въ сердцѣ, въ одномъ желудкѣ не пусто: и ѣсть-то даже не хочется. Вотъ Семенъ Ивановичъ затеплилъ лампадку, зачеркнулъ въ числительницѣ день, выкурилъ трубку, другую; ну, а потомъ-то что? Глядитъ на потолокъ, на стѣну, на кончикъ сапога. Фу ты, скука какая! Сотый разъ пересмотрѣлъ портретъ свой, начатый однимъ пріятелемъ по дружбѣ и не конченный по враждѣ; потомъ взглянулъ въ календарь: Параскевы сегодня, ну, пусть Параскевы; потомъ заглянулъ въ окно, тутъ улица, ну, улица... мужики идутъ, бабы идутъ, телѣга ѣдетъ. «А, чертъ съ ними», думаетъ Семенъ Ивановичъ... — «пусть ихъ идутъ и ѣдутъ, куда угодно; мнѣ-то что тутъ?» — Семенъ Ивановичъ очевидно живой человѣкъ, но жизнь его проявляется только сознаніемъ своего тягостнаго въ настоящую минуту бытія; никакая мысль не удерживается въ его головѣ, никакого желанія нѣтъ въ сердцѣ, ни расположенія въ тѣлѣ. Все въ немъ кромѣ сознанія, какъ будто замерло и окоченѣло. Такое состояніе обыкновенно называютъ скукою, отъ нечего дѣлать, но оно болѣе, нежели скука отъ нечего-дѣлать. Есть люди, которые воспитываютъ себя въ недѣятельности и привыкаютъ къ такимъ состояніямъ: иной уставитъ глаза на одну точку и сидитъ такъ долго-долго, и это не кейфъ, не сонъ, а просто отупѣніе, обморокъ нравственный, окоченѣніе душевное. Такое состояніе невыносимо для натуры дѣятельной. Разрѣшается оно у разныхъ индивидуумовъ различно: иной выпьетъ водки, шевельнется въ немъ кровь, — и вотъ онъ какъ встрепанный; другой соберется съ силами и хватитъ, наконецъ, стуломъ объ полъ или зареветъ дико — пѣсню не пѣсню, а такъ какой нибудь звукъ, который самъ просится прочесать горло; иной спать ляжетъ и проспится... Много есть исходовъ изъ подобнаго состоянія. У Семена же Ивановича въ такихъ обстоятельствахъ являлась на сердцѣ какая-то безпредметная зло-

ба, желчное расположеніе... Вотъ нашла туча, потемнѣло на улицѣ и въ комнатѣ... еще тошнѣе на душѣ... Въ этотъ моментъ безпредметная злоба разрѣшается желаніемъ поучить, поистязать кого-нибудь. Семенъ Ивановичъ ищетъ предмета и находитъ предметъ: черезъ его комнату идетъ Вуколъ.

— А, это ты, звѣренокъ, ну, что ты? — говоритъ опекунъ опекаемому имъ племяннику.

— Ничего, дяденька.

— Дуракъ ты.

Опекаемый племянникъ ни слова на это.

— Скажи, что такое дуракъ?

— Не знаю, дяденька.

— Эва хитрость. Да вотъ скажи: что вамъ еще лучше? я дуракъ.

Вуколъ съ недоумѣніемъ выглядываетъ на дядю изподлобья.

— Что-жъ ты, поросятина?

— Боюсь, дяденька.

— Это что за глупости? Ну же, говори.

— Вы дуракъ, дяденька.

— Ахъ ты, безобразная рожа! Что ты сказалъ? Ухо!

Вуколъ подставляетъ ухо..

— Другое!

Вуколъ подставляетъ другое. Дядя командуетъ далѣе.

— Встань въ уголъ! Лицомъ къ стѣнѣ... Теперь печкѣ кланяйся, да въ землю, безобразная рожа! Я научу тебя уважать дядю!

Вуколъ не противится, не оправдывается; какъ машина выполняетъ приказанія дяди; лицо его, обращенное къ землѣ, безстрастно, даже глупо. Новое воспитаніе кладетъ на него свою печать.

Потомъ идетъ экзаменъ такого рода:

— Дуракъ, въ который день создана курица?

— Въ пятый.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Восемь.

— Гдѣ у тебя умъ?

— Въ головѣ.

— Кто твой дядя?

— Помѣщикъ Семенъ Ивановичъ Тарантовъ.

— Когда ты именинникъ?

— 6-го Февраля.

— Кто хуже всѣхъ на свѣтѣ?

— Дьяволъ.

— А послѣ дьявола?

— Мазепа.

Это свѣдѣніе сообщено самимъ дядею.

— Хорошо. Ты давеча сказалъ, что у тебя умъ въ головѣ, а гдѣ же у тебя глупость?

Вуколъ становился въ тупикъ. Если въ головѣ умъ, то гдѣ же глупость? Думалъ, думалъ Вуколъ, нѣтъ глупости нигдѣ, а должна же быть.

— Дуракъ, да въ башкѣ же, въ башкѣ. Повтори же, гдѣ.

— Въ башкѣ.

— Ну да, — въ башкѣ. Всегда такъ отвѣчай. Аль у тебя и въ брюхѣ есть глупость? Неблагодарное животное, не чувствуешь, что жрешь чужое добро. Хорошо. А у меня гдѣ глупость?

Молчитъ Вуколъ.

— Говори, остолопъ!

— Въ башкѣ.

Опять начинается уходраніе, поклоненіе печкѣ и прочія опеканія. Такимъ образомъ, Гаврилычъ преподавалъ Вуколу богословіе и языки, а дядя психологію и другія науки, которымъ не приберемъ имени.

Такъ дядюшка потѣшился, развлекся. Вотъ уже и спокойно у него на душѣ, и опять онъ вполнѣ сознаетъ, что у него совѣсть чиста, что онъ ни въ чемъ не нуждается, никого знать не хочетъ и жить умѣетъ. Потѣшившись, онъ говоритъ Вуколу:

— Ладно, убирайся къ черту.

Вуколъ уходитъ, сбычившись. У него послѣ такихъ случаевъ наростаетъ на душѣ что-то недоброе, очень нехорошее. Случаевъ же такихъ не мало въ его жизни. Жизнь подъ крыломъ любящей матери произвела свое дѣйствіе на Вукола; жизнь подъ лапою дяди должна была произвести свое дѣйствіе. Все около него перемѣнилось; лица новыя, требованія и отвѣтственность иныя, старыхъ правилъ и въ поминѣ нѣтъ, образъ жизни скучный, безъ дѣтскихъ игръ и звонкаго смѣху; наконецъ, ко всему этому вѣчное одиночество и насильственная серьезность. Дядя употребляетъ неприличныя слова, при всякой встрѣчѣ дразнитъ и тиранитъ его, попрекаетъ своимъ хлѣбомъ. Все около него злится, завидуетъ другъ другу, клевещетъ и насмѣхается. Дворовые люди Семена Ивановича, зная, что Вуколъ не смѣетъ пикнуть у дяди, потѣшались надъ нимъ, вполнѣ удовлетворяя своему холопскому чувству, которое вѣчно враждебно барину и которое никогда не выражается прямо, а исходитъ косвенными путями.

Вуколъ испыталъ на себѣ, что такое холопское чувство, послуживъ ему проводникомъ. Лакейство на перезадоръ старалось выдумать ему клички, и какъ ни нарекало его! Гаврило-дворникъ, дѣтина громадный и глупый, называлъ его, Богъ вѣсть почему, «скорбутомъ», при чемъ хохоталъ самымъ безобразнымъ складомъ. Федосья-кухарка говорила, что на его мурластой харѣ можно точить ножи. Калина-кучеръ звалъ его пятымъ колесомъ. Немного спустя, имена замѣнялись другими. Его постоянно обманывали и пугали. Разъ сказали, что дядя зоветъ его. Вуколъ явился въ кабинетъ и прежде, чѣмъ успѣлъ спросить, зачѣмъ его звали, полу-

чилъ отъ дяди пять щелчковъ счетомъ въ самый носъ. Невинный нарушитель спокойствія не постигалъ, за что ему ниспослано пять щелчковъ. Другой разъ сказали, что нянька его умерла. Слезы и печаль Вукола о мнимой смерти Акулины сильно распотѣшили прислугу. Даже до какого дошло омерзенія! Гаврило выучилъ цѣпную собаку страшно лаять и рваться, когда мимо нея проходилъ Вуколъ. За что же ненавидѣли Вукола, чѣмъ онъ оскорбилъ прислугу? Ничѣмъ. Холопское чувство безнравственной дворни искало исхода и безсознательно отозвалось на барченкѣ за всѣ оплеухи, розги и брань.

Какъ же это такъ? Что это такое?.. — толпились въ головѣ ребенка вопросы. Тысячи противорѣчій возникали въ душѣ. Веселость его пропала, откровенность тоже, лепетъ его сперва превратился въ ропотъ, потомъ въ мольбу о пощадѣ, наконецъ совершенно затихъ. Не понимая, что въ новой средѣ хорошо и что худо, Вуколъ сбился съ толку, сдѣлался недовѣрчивъ къ себѣ, остороженъ во всемъ, какъ то сдержанъ. Только по натурѣ, по старой памяти и привычкѣ, онъ стремился къ прежнимъ понятіямъ и обычаямъ. Будучи устойчивой натурой, Вуколъ не совершенно поддался вліянію среды, не привилась къ нему короста ея, хотя онъ довольно одурѣлъ подъ гнетомъ противорѣчій, ежедневныхъ нелѣпостей, пошлости и мерзости. Но сознаніе собственнаго достоинства, такъ необходимое человѣку, чтобы быть человѣкомъ, въ немъ постепенно заглушалось и, чтобы возбудить его, былъ необходимъ случай замѣчательный, могущій уничтожить страхъ, подъ вліяніемъ котораго онъ жилъ и развивался. А страхъ, исходная точка отправленія его нравственной жизни, — дѣйствовалъ на него сильно. Нелюдимость его росла не по днямъ, а по часамъ. Дошло до того, что онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, ничего не просилъ. При людяхъ, когда никто не трогалъ ребенка, лицо его было безъ всякого выраженія, какъ доска; когда необходимость заставляла его отвѣчать, оно было торопливо и испуганно, при этомъ Вуколъ сжимался инстинктивно и уничтожался, произносилъ да или нѣтъ, либо повторялъ чужія слова, не смотрѣлъ прямо, а выглядывалъ изъ подлобья, хотя на совѣсти его не было ничего преступнаго. Свиданіе съ нянею было для него настоящимъ праздникомъ. Она ни совѣтомъ, ни дѣломъ не могла помочь ему: она только соболѣзновала, охала, да причитывала, но всетаки, хотя изрѣдка, Вуколъ слышалъ ласковое слово любящей женщины, а это много значитъ въ жизни человѣка. Что бы и сталось съ нимъ, еслибъ не было этой безъ толку охающей и причитывающей няни? Наединѣ Вуколъ не имѣлъ игрушекъ, не разговаривалъ вслухъ, какъ это дѣлаютъ прочія дѣти въ игрѣ одинъ на одинъ. Но здѣсь лицо его оживлялось, мысль начинала дѣйствовать, чувство приходило въ движеніе. Сухой кустъ гераніума, гнѣзда червячковъ въ горшкѣ, паутинка, бѣгъ мыши за шпалерой, отдаленное тиканье маятника, жужжаніе мухи на стеклѣ, миріады золотыхъ пылинокъ и крапинокъ на яркой полосѣ солнечнаго свѣта, — все это были предметы наблюденій и заботъ Вукола; всѣ эти предметы были дѣйст-

вующими лицами, замѣнявшими куклы въ его умственной игрѣ безъ словъ. По вечерамъ, передъ сномъ, бродили въ его головѣ слышанныя имъ сказки и мифы собственнаго изобрѣтенія. Попытаемся заглянуть и въ тотъ уголокъ души ребенка, въ которомъ творились эти мифы, которые породили стремленіе ребенка объяснить все, что онъ видитъ и знаетъ. Воспоминанія о подобныхъ условіяхъ дѣтскаго ума дороги всякому, кто занимается познаніемъ самого себя. Они часто много проясняютъ въ жизни нашей. Кто, напримѣръ, не спрашивалъ въ дѣтствѣ: «Откуда это я взялся? Какъ такъ родился? Я помню, что всегда жилъ дома». Кто не задумывался надъ такими вопросами? Одному говорили, что принесла его старуха, другому — что нашли его въ лѣсу, третьему — что ангелъ принесъ и положилъ въ колыбель, четвертому — что маменька вынула его изъ подмышки и т. д. А тѣ, которымъ запрещено было спрашивать, сами создавали какой-нибудь мифъ. У Вукола для созданія мифовъ было довольно времени. Ему, напримѣръ, представлялось, что въ стѣнныхъ часахъ сидитъ мальчикъ и онъ качаетъ маятникомъ и ударяетъ молоточкомъ, когда наступаетъ время. Почему-жъ такъ казалось ему? Богъ знаетъ. Можетъ быть, звонъ колокольчика былъ такъ игривъ, движенія маятника такъ легки, что невольно намекали на затѣи дитяти, а можетъ быть и другое что-нибудь въ формѣ и устройствѣ часовъ. Какой психологъ разберетъ всѣ эти понятія, инстинктивно создающіеся изъ безсознательныхъ быстролетныхъ впечатлѣній. Мифъ создается мгновенно сразу. Пришла минута, взглянулось какъ-то особенно на часы, — и вотъ безконечный рядъ прежде нажитыхъ впечатлѣній долженъ сформироваться и выразиться въ одномъ образѣ. Обильный запасъ мифовъ доставили Вуколу ночные звуки. То покажется ему, что ударили въ колоколъ, и не догадается, что это изъ умывальника падаетъ капля на дно мѣднаго таза; вотъ хрустнуло что-то, — и опять не успѣлъ онъ подмѣтить, какъ хрустнулъ собственный суставъ тѣла; что-то страшное показалось въ воздухѣ, — сырость коробитъ шпалеру на стѣнѣ; слышно какъ диво какое-то тихо — тихо крадется, — а это тараканъ оставилъ по себѣ чуть слышное шарканіе на шпалерѣ; вотъ явственно упалъ ударъ на чью то спину — это палка, въ продолженіи часа теряя равновѣсіе, упала наконецъ на подушку стула; ай, плачетъ кто-то! — ничуть не бывало, заныло въ зубу отъ прилившей крови. Но гдѣ же Вуколу подмѣтить неуловимыя причины ночныхъ звуковъ? И вотъ онъ наполняетъ ночной воздухъ фантастическими существами, создаетъ духовъ и чудовищъ: воображеніе играетъ, сыплетъ образы, страшитъ и давитъ дремлющее дитя. Тутъ же ночныя видѣнія являются въ помощь звукамъ. На ручкѣ двери сидитъ мужичекъ, во все окно налѣпленъ ракъ, чьи-то зубы торчатъ изъ-за печки, въ ногахъ на кровати заяцъ. Гдѣ же догадаться Вуколу, что предметы, при игрѣ прихотливыхъ тѣней ночи, принимаютъ въ глазахъ фантастическія формы. Вотъ передвинулись тѣни и создались новые образы и фигуры. Кромѣ того увлекали Вукола разные психологическіе и физическіе фокусы и загадки. Часто случается, запа-

даетъ въ голову какая-нибудь фраза, кончикъ пѣсни, звукъ или просто образъ, — и все это само возникаетъ въ головѣ, вертится и повторяется противъ нашей воли. Сидитъ Вуколъ, побалтывая ногами, а въ головѣ его такъ и стучитъ: «Бубы, бубы самъ пошелъ». Откуда взялось это «бубы»? Кто нашелъ? Куда пошелъ? Не отстаетъ фраза, повторяясь сама собою, такъ что, наконецъ, измучитъ Вукола. Иногда привяжется его вниманіе къ тиканью маятника, ни отстать, ни забыть его; ударъ за ударомъ, ударъ за ударомъ, такъ и напечатлѣвается въ ухѣ... Бывало закроетъ Вуколъ глаза, особливо при огнѣ, и пойдутъ круги и пятна, нити и точки: составлены онѣ изъ воздуха серебрянаго, золотого и оранжеваго; взойдетъ лучистое пятнышко, плыветъ, плыветъ, таетъ и тонетъ въ воздухѣ; не сказать, гдѣ оно возникло, гдѣ пропало. — Также любилъ Вуколъ опрокинуться головой внизъ — всѣ предметы представятся въ обратномъ порядкѣ, все вверхъ ногами — совершенно новый міръ; при этомъ придавить еще глазъ пальцемъ — и пойдутъ предметы двоиться и троиться. Тогда чудныя фантазіи разыгрывались въ его воображеніи. Такъ вотъ въ какомъ мірѣ дѣйствовалъ Вуколъ и радовался; причина тому — постоянное уединеніе и молчаніе. И всякое дитя живетъ въ этомъ мірѣ, но Вуколъ жилъ въ немъ по преимуществу.

Лишь только кончилъ Вуколъ урокъ по Начаткамъ, именно объ Антіохѣ Эпифанѣ, — вошелъ къ нему дядя. Послѣ вопросовъ: кто хуже черта, въ который день создана курица и т. п., дядюшка сказалъ:

— А что это я никогда не спрошу у тебя урокъ? Читай-ка, братъ, что училъ сегодня.

Вуколъ зажмурилъ глаза и началъ читать. Дядя слѣдилъ по книгѣ пальцемъ и былъ повидимому доволенъ. Но вотъ Вуколъ дошелъ до камня преткновенія: онъ назвалъ Антіоха Эпифана Эпіохомъ Антифаномъ.

— Что? — закричалъ дядя: — повтори-ка, скотина!

Повторилъ Вуколъ.

— Мерзавецъ! Это кощунство! Розогъ! Позвать Гаврилу!

— Дядюшка, дяденька, бейте, но не сѣките, ѣсть не давайте три дня, ухо оторвите, но не сѣките.

Выговоривъ это, Вуколъ еще болѣе испугался. Надобно замѣтить, что онъ не былъ еще ни разу сѣченъ.

— Покажу я тебѣ, кощунъ, какъ смѣяться надъ божественнымъ.

Дядѣ казалось все святымъ, что напечатано славянскими буквами.

Совершилась операція сѣченія розгами, — одна изъ отвратительныхъ операцій. И больно было Вуколу, и крайне стыдно. Въ розгахъ онъ видѣлъ послѣднюю степень позора. Первый разъ онъ созналъ себя, первый разъ въ сердцѣ его кипѣла злоба на старшихъ. Злоба душила его. Оставшись одинъ, Вуколъ заговорилъ: — «А,такъ высѣкли, высѣкли, высѣкли же...» — и потомъ заплакалъ. — Случалось ли вамъ видѣть кошекъ или собакъ, которыхъ никогда не били? Если ударить такое животное, особенно въ старости, оно приходитъ въ ярость и нерѣдко бросается на хозяина. Но

Вуколъ былъ человѣкъ, и первыя розги, притомъ за напраслину, должны были произвести потрясающее дѣйствіе. Вотъ онъ нѣсколько успокоился. Началась въ душѣ работа. Изъ покорнаго, тихаго, забитаго ребенка онъ сталъ вдругъ дикъ и мстителенъ.

— А, заговорилъ онъ, — не боюсь же я теперь и розогъ!.. Ничего не боюсь!.. Да и чего-жъ теперь бояться, чего-жъ бояться? Пусть бьютъ, все одно... А и я, хоть разъ, да побью же кого-нибудь... Дядю побью .. Палкой побью... Право, пойду и ударю.. Высѣкутъ? Пусть высѣкутъ... Пусть!.. Лицо Вукола исказилось... Оно стало вдвое уродливѣе. Вотъ онъ опять замолчалъ. Слезы, какъ катились, такъ и повисли на полщекѣ, глаза вытаращены, не бродятъ они съ предмета на предметъ, но и не смотрятъ на что-нибудь опредѣленно; ротъ полуоткрытъ. Это наступило минутное затишье. Вотъ уже муха на стеклѣ обратила его полувниманіе. Онъ давнулъ ее пальцемъ почти безсознательно... «Маменька!» — вдругъ закричалъ онъ, — «меня бьютъ, ругаютъ, сѣкутъ!..». Первый разъ Вуколъ выразилъ горе своей дѣтской жизни, — «Нянька, дура, старый чертъ, и ты не заступишься за меня. Не хочу же и учиться! На-те любуйтесь!» — Онъ разорвалъ Начатки въ клочья — «На-те, любуйтесь!» — Онъ раскидалъ клочья по полу... Наконецъ, онъ успокоился мало по малу; на лицѣ выразилась рѣшительность и сосредоточенность мысли, а въ умѣ постоянно вертѣлось: «Пойду и ударю; да, ударю, ударю, ударю!.. Обѣими руками палку захвачу. Всѣ меня ненавидятъ... А себя мнѣ не жалко.. ударю!» Вуколъ отправился въ кухню.

Многимъ родителямъ, инспекторамъ, опекунамъ и прочимъ руководителямъ дѣтскаго поколѣнія приходилось наблюдать такое ожесточеніе и давать дѣтямъ за такое ожесточеніе имя негодныхъ и потерянныхъ. Дитя, говорятъ, молодое деревцо, — можно дать ему какое угодно направленіе, переводить на какую хочешь почву; дитя — воскъ мягкій, которому можно дать какую хочешь форму; дитя — листъ чистой бумаги, на которомъ, что взбредетъ въ голову воспитателю, то и пиши. И сами потомъ воспитатели дивятся, какъ это изъ чистаго, нѣжнаго, мягкаго воска вылѣпилось у нихъ уродливое дѣтище, которое, какъ будто бѣлены хвативши, начинаетъ вопить и кричать, которое поднимаетъ палку на наставника, кусаетъ ему руки, закапываетъ, подобно Остапу, учебники въ землю, не боится розогъ, стоитъ, какъ истуканъ, по три часа на колѣняхъ. Дивятся и папенька и маменька, и няня старуха, и училищное начальство. Дивится нянюшка, крестится, охаетъ и причитываетъ, спрыскиваетъ дитя съ уголька и думаетъ: «Хотя бы выдрали озорника». Дивится маменька и плачется передъ Богомъ, свѣчи ставитъ по церквамъ, служитъ молебны угодникамъ божіимъ Косьмѣ и Даміану; ночи не спитъ, все одна думушка, — сынокъ неудалый, и говоритъ она папенькѣ: — «Хоть посѣкъ бы его — твое это дѣло». Дивится папенька, плачется на всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, ханжитъ по начальству; нанимаетъ солдатъ и поретъ свое дѣтище. Дивится начальство училищное, ставитъ нули дѣтищу, деретъ до крови, позоритъ колпакомъ

дурацкимъ, всему училищу указываетъ пальцемъ, какъ на негодяя, учитъ презирать такое дитя... А что-же дѣтище? Дѣтище дико и угрюмо, дѣтище притерпѣлось къ розгѣ, побоямъ, позору и презрѣнію общественному, дѣтище окаменѣло, дѣтище ожесточилось, дѣтище осатанѣло! Отъ чего-жъ это случилось? Отъ того, что воспитатели не хотятъ понять, что и ребенокъ имѣетъ настоящее и прошедшее въ жизни, не хотятъ приноровиться къ нему, снизойти до дѣтскихъ интересовъ, забываютъ то время, когда они сами были дѣтьми, забываютъ свои младенческія радости и печали, забываютъ первую часть своей жизни. Семенъ Ивановичъ въ кабинетѣ перебираетъ гербовую бумагу. Лицо его лучезарно, до того онъ увлекся любимымъ занятіемъ, что и не замѣтилъ, какъ скрипнула дверь. Это вошелъ Вуколъ. Блѣдный, съ палкою въ рукахъ, крадучись подошелъ онъ къ дядѣ и отвѣсилъ здоровый, почти не дѣтскій ударъ, который изрядно влѣпился въ нагнутую спину. Дядя вскочилъ на ноги и увидѣлъ Вукола. Спина его трещитъ и садитъ: на сердцѣ бѣсы раздуваютъ злобу.

— Да, это я!.. это я!.. и еще ударю!

Вуколъ поднялъ палку, но былъ схваченъ за волосы и брошенъ на полъ.

— Розогъ, крапивы, ремней! — закричалъ дядя.

Вукола еще высѣкли, на этотъ разъ такъ высѣкли, что безъ помощи Гаврилы онъ не могъ дойти до своей комнаты.

— И тебя ударю! О, какъ ударю! — сказалъ онъ Гаврилѣ.

— Эва, чертище-то! Господи! Какъ можетъ окаменѣть человѣкъ, — проворчалъ дядя.

Онъ три раза ходилъ къ Вуколу, ругалъ его, грозилъ, по выздоровленіи, еще высѣчь. Вуколъ глядѣлъ изъ подлобья и молчалъ. Только на третій разъ онъ сказалъ:

— А все же побью Гаврилу! Мнѣ ни по чемъ! А высѣкутъ еще, такъ всѣхъ, кто только бранилъ, билъ меня, всѣхъ побью!..

— Господи, Господи! Что за черта я наворотилъ себѣ на шею! — Пожалъ дядя плечами съ изумленіемъ, и пошелъ въ кабинетъ.

Вуколъ доказалъ, что онъ не тратитъ даромъ словъ.

Поэтому отношенія къ нему окружающихъ лицъ измѣнились. Дворня сдѣлалась почтительнѣе, дядя бранился менѣе, Гаврилычъ не въ шутку побаивался своего ученика и сталъ задавать поменьше уроку по новымъ Начаткамъ, «дастъ раза», — думалъ онъ, «что ты станешь дѣлать съ нимъ?» И странное дѣло, когда Вуколъ замѣтилъ эту перемѣну, ему стало страшно и совѣстно, долго онъ не находилъ нигдѣ мѣста, чего то боялся, все представлялось ему, какъ больно было дядѣ отъ удара. Долго онъ не могъ освободиться отъ гнета совѣсти; по ночамъ часто плакалъ, молился Богу, просилъ прощенія за месть свою, давалъ обѣты, что не будетъ ни въ чемъ прекословить дядѣ; розги ему казались не такъ позорны, — что его не презираютъ и что, вѣроятно, другимъ дѣтямъ не легче его жить на свѣтѣ. Страхъ пересталъ имѣть силу главнаго начала въ его жизни. Но когда онъ

ясно понялъ изъ нѣкоторыхъ случаевъ, что старшіе съ новымъ чувствомъ боязни питаютъ къ нему старыя чувства презрѣнія и ненависти, тогда онъ воспользовался своимъ положеніемъ. Сразу можно было замѣтить, что занятія приняли иное направленіе и иную форму. То у него чешется нога, то онъ ловитъ носъ языкомъ, вотъ, — вдругъ почудилось ему, что въ воздухѣ пахнетъ не то кисло, не то сладко; потомъ явилась забота, что дѣлаетъ котенокъ; книга бокомъ, столъ криво, одно плечо выше другого, рожица скучная. Приходитъ Гаврилычъ, произноситъ внушительно: tempus sapregandi; не тутъ-то было! Вуколъ зажмурилъ глаза, хочетъ читать — нѣтъ, — пусто въ головѣ. — «Шидо-хуцы», замѣчаетъ Гаврилычъ, тѣмъ и кончается занятіе. Подобное явленіе стало повторяться чаще и чаще.Гаврилычъ доложилъ дядѣ, что Вуколъ изъ рукъ вонъ худо учится. Дядя рѣшился сбыть Вукола. Повезли его въ губернскую гимназію. Директоръ гимназіи спросилъ Вукола:

— Ну что дитя, тебѣ скучно будетъ оставить дядю?

Вуколъ молчалъ.

— Что-же ты ничего не скажешь?

Вуколъ взглянулъ изподлобья.

— Ахъ ты, дикарь, дикарь!

Въ голосѣ директора слышалась отеческая ласка, чего Вуколъ давно, давно не видалъ. Онъ вдругъ заплакалъ.

— Ну, глупенькій, не плачь, не скучай.

— Да я не отъ того... мнѣ не скучно... мнѣ не жаль дядю...

— Такъ тебѣ не жалко дяди?

— Нѣтъ, здѣсь, можетъ бытъ, полюбятъ меня, а дома всѣ ненавидѣли, говорили, что я глупъ и уродъ.

— Другъ мой, тебя будутъ любить здѣсь. Я буду твоимъ покровителемъ.

236. Чрезмѣрная опека, разслабляющая характеръ и причинившая недостаточное развитіе чувства воли.

Сонъ Обломова.

(Смотри стр. 33-35 этой Христоматіи).

..... Не все рѣзвъ, однакожъ, ребенокъ: онъ иногда вдругъ присмиритъ, сидя подлѣ няни, и смотритъ на все такъ пристально. Дѣтскій умъ его наблюдаетъ всѣ совершающіяся передъ нимъ явленія, они западаютъ глубоко въ душу его, потомъ растутъ и зрѣютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Утро великолѣпное; въ воздухѣ прохладно; солнце еще не высоко. Отъ дома, отъ деревьевъ, и отъ голубятни и отъ галлереи, — отъ всего побѣжали далеко длинныя тѣни. Въ саду и на дворѣ образовались прохладные уголки, манящіе къ задумчивости и сну. Только вдали поле съ рожью точно горитъ огнемъ, да рѣчка такъ блеститъ и сверкаетъ на солнцѣ, что глазамъ больно.

— Отчего это, няня, тутъ темно, а тамъ свѣтло, а уже будетъ и тамъ свѣтло? — спрашиваетъ ребенокъ.

— Оттого, батюшка, что солнце идетъ навстрѣчу мѣсяцу и не видитъ его, такъ и хмурится; а ужо какъ завидитъ издали, такъ и просвѣтлѣетъ.

Задумывается ребенокъ и все смотритъ вокругъ: видитъ онъ, какъ Антипъ поѣхалъ за водой, а по землѣ, рядомъ съ нимъ, шелъ другой Антипъ, вдесятеро больше настоящаго, и бочка казалась съ домъ величиной, а тѣнь лошади покрывала собой весь лугъ, тѣнь шагнула только два раза по лугу и вдругъ двинулась за гору, а Антонъ еще и со двора не успѣлъ съѣхать.

Ребенокъ тоже шагнулъ раза два. Еще шагъ — и онъ уйдетъ за гору.

Ему хотѣлось бы къ горѣ, посмотрѣть, куда дѣлась лошадь. Онъ къ воротамъ, но изъ окна послышался голосъ матери:

— Няня, не видишь, что ребенокъ выбѣжалъ на солнышко. Уведи его въ холодокъ; напечетъ ему головку, будетъ болѣть, тошно сдѣлается, кушать не станетъ. Онъ этакъ у тебя въ оврагъ уйдетъ.

— У, баловень! — тихо ворчитъ нянька, утаскивая его на крыльцо.

Смотритъ ребенокъ и наблюдаетъ острымъ и переимчивымъ взглядомъ, какъ и что дѣлаютъ взрослые, чему посвящаютъ они утро.

Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользаетъ отъ пытливаго вниманія ребенка; неизгладимо врѣзывается въ душу картина домашняго быта, напитывается мягкій умъ живыми примѣрами и безсознательно чертитъ программу своей жизни, по жизни его окружающей.

Нельзя сказать, чтобъ утро пропадало даромъ въ домѣ Обломовыхъ. Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни.

Изъ людской слышалось шипѣнье веретена да тихій, тоненькій голосъ бабы: трудно было распознать, плачетъ ли она или импровизируетъ заунывную пѣсню безъ словъ.

На дворѣ, какъ только Антипъ воротился съ бочкой, изъ разныхъ угловъ поползли къ ней, съ ведрами, корытами и кувшинами, бабы и кучера.

А тамъ старуха пронесетъ изъ амбара въ кухню чашку съ мукой, да кучу яицъ; тамъ поваръ вдругъ выплеснетъ воду изъ окошка и обольетъ Арапку, которая цѣлое утро, не сводя глазъ смотритъ въ окно, ласково виляя хвостомъ и облизываясь.

Самъ Обломовъ-старикъ тоже не безъ занятій. Онъ цѣлое утро сидитъ у окна и неукоснительно наблюдаетъ за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ.

— Эй, Игнашка! Что несешь, дуракъ? — спроситъ онъ идущаго по двору человѣка.

— Несу ножи точить въ людскую, — отвѣчаетъ тотъ, не взглянувъ на барина.

— Ну, неси, неси; да хорошенько, смотри, наточи.

Потомъ остановитъ бабу:

— Эй, баба, куда ходила?

— Въ погребъ, батюшка, — говоритъ она, останавливаясь, и, прикрывъ глаза рукой, глядитъ въ окно: — молоко къ столу достать.

— Ну, иди, иди, — отвѣчалъ баринъ. Да смотри, не пролей молоко-то. — А ты, Захарка, пострѣленокъ, куда опять бѣжишь? кричитъ потомъ. — Вотъ я тебѣ дамъ бѣгать! Ужъ я вижу, что ты это въ третій разъ бѣжишь, пошелъ назадъ въ прихожую!

И Захарка шелъ опять дремать въ прихожую.

Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобъ ихъ напоили; завидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры противъ безпорядка.

И жена его сильно занята: она часа три толкуетъ съ Аверкой, портнымъ, какъ изъ мужниной фуфайки перешить Ильюшѣ курточку, сама рисуетъ мѣломъ и наблюдаетъ, чтобъ Аверка не укралъ сукна; потомъ перейдетъ въ дѣвичью, задастъ каждой дѣвкѣ, сколько сплести въ день кружевъ, потомъ позоветъ съ собой Настасью Ивановну, или Степаниду Агаповну, или другую изъ своей свиты погулять по саду съ практической цѣлью: посмотрѣть, какъ наливается яблочко, не упало-ли вчерашнее, которое ужъ созрѣло; тамъ привить, тамъ подрѣзать и т. д.

Но главною заботою была кухня и обѣдъ. Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ; и престарѣлая тетка приглашалась къ совѣту. Всякій предлагалъ свое блюдо: кто супъ съ потрохами, кто лапшу, или желудокъ, кто рубцы, кто красную, кто бѣлую подливку къ соусу.

Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуждался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался по окончательному приговору хозяйки.

На кухню посылались безпрестанно то Настасья Петровна, то Степанида Ивановна напомнить о томъ, прибавить это или отмѣнить то, отнести сахару, меду, вина для кушанья и посмотрѣть, все ли положитъ поваръ, что отпущено.

Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ. Какія телята утучнялись тамъ къ годовымъ праздникамъ! Какая птица воспитывалась! Сколько тонкихъ соображеній, сколько занятій и въ ухаживаніи за нею! Индѣйки и цыплята, назначаемыя къ именинамъ и другимъ торжественнымъ днямъ, откармливались орѣхами; гусей лишали моціона, заставляли висѣть въ мѣшкѣ неподвижно за нѣсколько дней до праздника, чтобъ они заплыли жиромъ. Какіе запасы были тамъ вареній, соленій, печеній! Какіе меды, какіе квасы варились, какіе пироги пеклись въ Обломовкѣ!

И такъ до полудня все суетилось и заботилось, все жило такою полною, муравьиной, такою замѣтною жизнью.

Въ воскресенье и въ праздничные дни тоже не унимались эти трудолюбивые муравьи: тогда стукъ ножей на кухнѣ раздавался чаще и сильнѣе, баба совершала нѣсколько разъ путешествіе изъ амбара въ кухню

съ двойнымъ количествомъ муки и яицъ; на птичьемъ дворѣ было болѣе стоновъ и кровопролитій. Пекли исполинскій пирогъ, который сами господа ѣли еще на другой день; на третій и четвертый день остатки поступали въ дѣвичью; пирогъ доживалъ до пятницы, такъ что одинъ совсѣмъ черствый конецъ, безъ всякой начинки, доставался, въ видѣ особой милости, Антипу, который, перекрестясь, съ трескомъ неустрашимо разрушалъ эту любопытную окаменѣлость, наслаждаясь болѣе сознаніемъ, что это господскій пирогъ, нежели самымъ пирогомъ, какъ археологъ, съ наслажденіемъ пьющій дрянное вино изъ черепка какой-нибудь тысячелѣтней посуды.

А ребенокъ все смотрѣлъ и все наблюдалъ своимъ дѣтскимъ, ничего не пропускающимъ умомъ. Онъ видѣлъ, какъ послѣ полезно и хлопотливо проведеннаго утра наставалъ полдень и обѣдъ.

Полдень знойный; на небѣ ни облачка. Солнце стоитъ неподвижно надъ головой и жжетъ траву. Воздухъ пересталъ струиться и виситъ безъ движенія. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; надъ деревней и полемъ лежитъ невозмутимая тишина, — все какъ будто вымерло. Звонко и далеко раздается человѣческій голосъ въ пустотѣ. Въ двадцати саженяхъ слышно, какъ пролетитъ и прожужжитъ жукъ, да въ густой травѣ кто-то все храпитъ, какъ будто кто-нибудь завалился туда и спитъ сладкимъ сномъ.

И въ домѣ воцарилась мертвая тишина. Наступилъ часъ всеобщаго послѣобѣденнаго сна.

Ребенокъ видитъ, что и отецъ, и мать, и старая тетка, и свита, — всѣ разбрелись по своимъ угламъ, а у кого не было его, тотъ шелъ на сѣновалъ, другой въ садъ, третій искалъ прохлады въ сѣняхъ, а иной, прикрывъ лицо платкомъ отъ мухъ, засыпалъ тамъ, гдѣ сморила его жара и повалилъ громоздкій обѣдъ.

И садовникъ растянулся подъ кустомъ, въ саду, подлѣ своей пешни и кучеръ спалъ на конюшнѣ.

Илья Ильичъ заглянулъ въ людскую: въ людской всѣ легли вповалку по лавкамъ, по полу и въ сѣняхъ, предоставивъ ребятишекъ самимъ себѣ; ребятишки ползаютъ по двору и роются въ пескѣ. И собаки далеко залѣзли въ конуры, благо не на кого было лаять.

Можно было пройти по всему дому насквозь и не встрѣтить ни души; легко было обокрасть все кругомъ и свезти со двора на подводахъ: никто не помѣшалъ бы, если бъ только водились воры въ томъ краю.

Это былъ какой-то всепоглащающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣніе на всѣ тоны и лады.

Изрѣдка кто-нибудь вдругъ поднимаетъ со сна голову, посмотритъ безмысленно, съ удивленіемъ на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ, или, не открывая глазъ плюнетъ спросонья и, почмокавъ губами или поворчавъ что-то подъ носъ себѣ, опять заснетъ.

А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій,

вскочитъ обѣими ногами со своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ, такъ, чтобъ ихъ отнесло къ другому краю, отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія, промочитъ горло и потомъ падаетъ опять на постель, какъ подстрѣленный.

А ребенкъ все наблюдалъ и наблюдалъ.

Онъ съ няней послѣ обѣда опять выходилъ на воздухъ. Но и няня несмотря на всю строгость наказовъ барыни и на свою собственную волю, не могла противиться обаянію сна. Она тоже заражалась этой господствовавшей въ Обломовкѣ повальной болѣзнью.

Сначала она бодро смотрѣла за ребенкомъ, не пускала далеко отъ себя, строго ворчала за рѣзвость, потомъ, чувствуя симптомы приближающейся заразы, начинаетъ упрашивать не ходить за ворота, не затрагивать козла, не лазить на голубятню.

Сама она усаживалась гдѣ нибудь въ холодокъ: на крыльцѣ, на порогѣ погреба или просто на травкѣ, повидимому, съ тѣмъ, чтобъ взять чулокъ и смотрѣть за ребенкомъ. Но вскорѣ она лѣниво унимала его, кивая головой.

— «Влѣзетъ, ахъ, того и гляди, влѣзетъ эта юла на галлерею, — думала она почти сквозь сонъ, — или еще какъ бы въ оврагъ!»

Тутъ голова старухи клонилась къ колѣнямъ, чулокъ падалъ изъ рукъ, она теряла изъ виду ребенка и, открывъ немного ротъ, испускала легкое храпѣнье.

А онъ съ нетерпѣніемъ дожидался этого мгновенія, съ которымъ начиналась его самостоятельная жизнь.

Онъ былъ какъ будто одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ на цыпочкахъ убѣгалъ отъ няни, осматривалъ всѣхъ, кто гдѣ спитъ: остановится и смотритъ пристально, какъ кто очнется, плюнетъ и промычитъ что-то во снѣ; потомъ, съ замирающимъ сердцемъ, взбѣгалъ на галлерею, обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ; прислушивался, какъ кто-то все стрекочетъ въ травѣ, искалъ и ловилъ нарушителей этой тишины, поймаетъ стрекозу, оторветъ ей крылья и смотритъ, что изъ нея будетъ, или проткнетъ сквозь нее соломину и слѣдитъ, какъ она летаетъ съ этимъ прибавленіемъ; съ наслажденіемъ, боясь дохнуть, наблюдаетъ за паукомъ, какъ онъ сосетъ кровь пойманной мухи, какъ бѣдная жертва бьется и жужжитъ у него въ лапкахъ. Ребенокъ кончитъ тѣмъ, что убьетъ и жертву и мучителя.

Потомъ онъ забирается въ канаву, роется, отыскиваетъ какіе-то корешки, очищаетъ отъ коры и ѣсть всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которое даетъ маменька.

Онъ бѣжитъ и за ворота: ему-бы хотѣлось въ березнякъ, онъ такъ близко кажется ему, что вотъ онъ въ пять минутъ добрался бы до него, не

кругомъ, по дорогѣ, а прямо черезъ канаву, плетни и ямы; но онъ боится: тамъ, говорятъ и лѣшіе, и разбойники, и страшные звѣри.

Хочется ему и въ оврагъ сбѣгать: онъ всего саженяхъ въ пятидесяти отъ сада; ребенокъ ужъ прибѣгаетъ къ краю, зажмурилъ глаза, хотѣлъ заглянуть, какъ въ кратеръ вулкана... но вдругъ передъ нимъ возстали всѣ толки и преданія объ этомъ оврагѣ: его обуялъ ужасъ, и онъ, ни живъ, ни мертвъ, мчится назадъ и, дрожа отъ страха, бросается къ нянькѣ и разбудилъ старуху.

Она вспрянула отъ сна, поправила платокъ на головѣ, подобрала подъ него пальцемъ клочки сѣдыхъ волосъ и, притворяясь, что будто не спала совсѣмъ, подозрительно поглядываетъ на Илюшу, потомъ на ближнія окна, и начинаетъ дрожащими пальцами тыкать одну въ другую спицы чулка, лежавшаго у нея на колѣняхъ.

Между тѣмъ жара начала понемногу спадать, въ природѣ стало все поживѣе; солнце уже подвинулось къ лѣсу.

И въ домѣ мало-помалу нарушалась тишина: въ одномъ углу гдѣ-то скрипнула дверь; послышались по двору чьи то шаги: на сѣновалѣ кто-то чихнулъ.

Вскорѣ изъ кухни торопливо принесъ человѣкъ, нагибаясь отъ тяжести, огромный самоваръ. Начали собираться къ чаю: у кого лицо измято, глаза заплыли слезами; тотъ належалъ себѣ красное пятно на щекѣ и вискахъ; третій говоритъ со сна не своимъ голосомъ. Все это сопитъ, охаетъ, зѣваетъ,почесываетъ голову и разминается, едва приходя въ себя.

Обѣдъ и сонъ рождали неутомимую жажду. Жажда палитъ горло; выпивается чашекъ по двѣнадцати чаю, но это не помогаетъ: слышится оханье, стонанье; прибѣгаютъ къ брусничной, къ грушевой водѣ, къ квасу, а иные и къ врачебному пособію, чтобъ только залить засуху въ горлѣ.

Всѣ искали освобожденія отъ жажды, какъ отъ какого-нибудь наказанія Господня; всѣ мечутся, всѣ томятся, точно караванъ путешественниковъ въ Аравійской степи, не находящій нигдѣ ключа воды.

Ребенокъ тутъ, подлѣ маменьки; онъ вглядывается въ странныя окружающія его лица, вслушивается въ ихъ сонный и вялый разговоръ. Весело ему смотрѣть на нихъ, любопытенъ кажется ему всякій сказанный ими вздоръ.

Послѣ чая всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камешки въ воду; другой сядетъ къ окну и ловитъ глазами каждое мимолетное явленіе: пробѣжитъ ли кошка по двору, пролетитъ ли галка, наблюдатель и ту и другую преслѣдуетъ взглядомъ и кончикомъ своего носа, поворачивая голову то направо, то налѣво.

Такъ иногда собаки любятъ сидѣтъ по цѣлымъ днямъ на окнѣ, подставляя голову подъ солнышко и тщательно оглядывая всякаго прохожаго.

Мать возьметъ голову Илюши, положитъ къ себѣ на колѣни и медленно расчесываетъ ему волосы. Любуясь мягкостью ихъ и заставляя лю-

боваться и Настасью Ивановну и Степаниду Тихоновну, и разговариваетъ съ ними о будущности Илюши, ставитъ его героемъ какой нибудь созданной ею блистательной эпопеи. Тѣ сулятъ ему золотыя горы.

Но вотъ начинаетъ смеркаться. На кухнѣ опять трещитъ огонь, опять раздается дробный стукъ ножей: готовится ужинъ.

Дворня собралась у воротъ: тамъ слышится балалайка, хохотъ. Люди играютъ въ горѣлки.

А солнце ужъ опускалось за лѣсъ; оно бросало нѣсколько чуть-чуть теплыхъ лучей, которые прорѣзывались огненной полосой черезъ весь лѣсъ, ярко обливая золотомъ верхушки сосенъ. Потомъ лучи гасли одинъ за другимъ; послѣдній лучъ оставался долго, — онъ, какъ тонкая игла, вонзился въ чащу вѣтвей, но и тотъ потухъ.

Предметы теряютъ свою форму; все сливалось сначала въ сѣрую, потомъ въ темную массу. Пѣніе птицъ постепенно ослабѣвало; вскорѣ онѣ совсѣмъ замолкли, кромѣ одной какой-то упрямой, которая, будто наперекоръ всѣмъ, среди общей тишины, одна монотонно чирикала съ промежутками, но все рѣже и рѣже, и та наконецъ свистнула слабо, незвучно, въ послѣдній разъ встрепенулась, слегка пошевеливъ листья вокругъ себя... и заснула.

Все смолкло. Одни кузнечики взапуски трещали сильнѣе. Изъ земли поднялись бѣлые пары и разостлались по лугу и по рѣкѣ. Рѣка тоже присмирѣла, немного погодя, и въ ней вдругъ кто-то плеснулъ еще въ послѣдній разъ, и она стала неподвижна.

Запахло сыростью. Становилось все темнѣе. Деревья сгруппировались въ какихъ то чудовищъ, въ лѣсу стало страшно: тамъ кто-то вдругъ заскрипитъ, точно одно изъ чудовищъ переходитъ съ своего мѣста на другое, и сухой сучекъ, кажется, хруститъ подъ его ногой.

На небѣ ярко сверкнула, какъ живой глазъ, первая звѣздочка, и въ окнахъ дома замелькали огоньки.

Наступила минута всеобщей, торжественной тишины природы, тѣ минуты, когда сильнѣе работаетъ творческій умъ: жарче кипятъ поэтическія думы, когда въ сердцѣ живѣе вспыхиваетъ страсть, или больнѣе ноетъ тоска, когда въ жестокой думѣ невозмутимѣе и сильнѣе зрѣетъ зерно преступной мысли и когда въ Обломовкѣ всѣ почиваютъ такъ крѣпко и спокойно.

— Пойдемъ, мама, гулять, — говоритъ Илюша.

— Что-ты, Богъ съ тобой! Теперь гулять, — отвѣчаетъ она, — сыро, ножки простудишь, и страшно: въ лѣсу теперь лѣшій ходитъ, онъ уноситъ маленькихъ дѣтей.

— Куда онъ уноситъ? Какой онъ бываетъ? Гдѣ живетъ? — спрашиваетъ ребенокъ.

И мать давала волю своей необузданной фантазіи.

Ребенокъ слушалъ ее, открывая и закрывая глаза, пока, наконецъ, сонъ не сморитъ его совсѣмъ. Приходила нянька и, взявъ его съ колѣней

матери, уносила соннаго, съ повисшей черезъ ея плечо головой, въ постель.

— Вотъ день-то и прошелъ и слава Богу! — говорили обломовцы, ложась въ постель, кряхтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. — Прожили благополучно; дай Богъ и завтра такъ. Слава тебѣ, Господи! Слава тебѣ Господи!

Ильѣ Ильичу ясно видится домашній бытъ его.

Захочетъ ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть — ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнять его желаніе; уронитъ ли онъ что нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести ли что, сбѣгать ли зачѣмъ, — ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать да три тетки въ пять голосовъ и закричатъ:

— Зачѣмъ? куда? а Васька, а Ванька, а Захарка на что?

— Эй, Васька, Ванька, Захарка! чего вы смотрите, разини? вотъ я васъ!..

И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и самъ выучился покрикивать: — «Эй, Васька! Ванька, подай то, дай другое! не хочу того, не хочу этого! сбѣгай, принеси!»

Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается въ десять отчаянныхъ голосовъ: — «Ахъ, поддержите, остановите, упадетъ, расшибется... стой, стой!» Задумаетъ ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку, опять крики: «Ай, куда? какъ можно? не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься...» И Илюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній, подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая.

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый; онъ чувствуетъ, въ немъ играетъ что-то, кипитъ, точно поселился бѣсенокъ какой-нибудь, который такъ и поддразниваетъ его то влѣзть на крышу, то сѣсть на Савраску да поскакать въ луга, гдѣ сѣно косятъ, или посидѣть на заборѣ верхомъ, или подразнить деревенскихъ собакъ, или вдругъ захочется пуститься бѣгомъ по деревнѣ, потомъ въ поле по буеракамъ, въ березнякъ, да въ три скачка броситься на дно оврага, или увязаться за мальчишками играть въ снѣжки, попробовать свои силы. Бѣсенокъ такъ и подмываетъ его; онъ крѣпится, наконецъ, не вытерпитъ, и вдругъ безъ картуза зимой прыгъ съ крыльца на дворъ, оттуда за ворота, захватилъ въ обѣ руки по кому снѣга и мчится къ кучѣ мальчишекъ. Свѣжій вѣтеръ такъ и рѣжетъ ему лицо, за уши щиплетъ морозъ, въ ротъ и горло пахнуло холодомъ, а грудь охватило радостью — онъ мчится, откуда ноги взялись, самъ и визжитъ и хохочетъ. Вотъ и мальчишки; онъ бацъ снѣгомъ — мимо: сноровки нѣтъ, только хотѣлъ захватить еще снѣжку, какъ все лицо залѣпила ему цѣлая глыба снѣга; онъ упалъ, и больно ему съ

непривычки и весело, и хохочетъ онъ и слезы у него на глазахъ... А въ домѣ гвалтъ: Илюши нѣтъ. Крикъ, шумъ. На дворъ выскочилъ Захарка, за нимъ Васька, Митька, Ванька — всѣ бѣгутъ, растерянные, по двору. За ними кинулись, хватая ихъ за пятки, двѣ собаки, которыя, какъ извѣстно, не могутъ равнодушно видѣть бѣгущаго человѣка. Люди съ криками, воплями, собаки съ лаемъ, мчатся по деревнѣ. Наконецъ, набѣжали на мальчишекъ и начали чинить правосудіе: кого за волосы, кого за уши, иному подзатыльника; пригрозили и отцамъ ихъ. Потомъ уже овладѣли барченкомъ, окутали въ захваченный тулупъ, потомъ въ отцовскую шубу, потомъ въ два одѣяла, и торжественно принесли на рукахъ домой. Дома отчаялись уже видѣть его, считая погибшимъ; но при видѣ его живого и невредимаго радость родителей была неописанна. Возблагодарили Господа Бога, потомъ напоили его мятой, тамъ бузиной, къ вечеру еще малиной, и продержали дня три въ постели. А ему бы одно могло быть полезно — опять играть въ снѣжки.

Гончаровъ.

237. (Не имѣлъ (Чичиковъ) материнскихъ ласкъ, видѣлъ страданія отца, слышалъ его брюзжанье, и отъ него зналъ о житейской грязи и о его интимномъ старческомъ пессимизмѣ).

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные — Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пигалицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: — «Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала. Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ материной стороны, что было-бы лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: «*ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца*».

Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ. Маленькая горенка, съ маленькими окнами, не отворяющимися ни въ зиму, ни въ лѣто; больной человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣніе на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ, вѣчная пропись передъ глазами: «Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ», вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: «Опять задурилъ», отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ, и вѣчно знакомое всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно

ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: — вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва-сохранилъ онъ блѣдную память.

Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки: ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареной бараниной, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули неожиданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя расцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади него, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся въ глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городского училища. Отецъ, переночевавши, на другой-же день выбрался въ дорогу. При разставаніи слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходы и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали; а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копейка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копейкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ, но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другого же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой нибудь наукѣ въ немъ не оказалось, отличился онъ больше прилежаніемъ и опрятностью, но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны — со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и велъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощенье, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копейки, — напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную, слѣпилъ изъ воску снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить, — признакъ подступавшаго голода, — онъ высовывалъ ему изъ подъ скамьи, будто невзначай, уголъ пряника или булки и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ въ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно ему только пошевельнуться или какъ нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность», говорилъ онъ: «я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь! Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!» И бѣдный мальчикъ, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способность и дарованія — это все вздоръ» говорилъ онъ: «я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально, а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому — нуль, хотя онъ Соломона заткни за поясъ». Такъ говорилъ учитель, не любившій на смерть Крылова за то, что тотъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было какъ муха летитъ; что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіи круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя бы-

ло узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету, и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копейку, а самъ накопилъ ея немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишко съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить, наконецъ и пить уже было ему не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ неотопленной, забытой конурѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещились безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши о жалкомъ его положеніи, собрали тутъ-же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ ты, жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ; и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ. Вѣдь какой былъ благонравный, ничего буйнаго, — шелкъ. Надулъ, сильно надулъ».

Нельзя, однако-же, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданья. Онъ чувствовалъ и то, и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать, словомъ, отцовское наставленіе «Береги и копи копѣйку» пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не они двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольст-

вахъ, со всякими достатками, экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды, — вотъ что безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, со временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ и другому. Когда проносился мимо него богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ». И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть; такъ сильно было у него желаніе скорѣе приняться за дѣло и службу. Однако же, несмотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція. Мѣстечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подчасъ со сторожами и, при всемъ томъ, умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица точно дурно выпеченный хлѣбъ; щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ прибавку къ тому-же и треснула, словомъ совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить, приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть еще много остатковъ язычества; приходили подчасъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками, не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность, и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленіемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьи. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ въ чемъ-нибудь участье; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы, хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную

минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всѣхъ незамѣтныхъ мелочахъ, разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку, для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ, онъ пронюхалъ его домашнюю, семейную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой то стороны придумалъ онъ повести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякій разъ насупротивъ отъ нея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и — дѣло возымѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай. И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку, и сахаръ, съ дочерью обращался, какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ Великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства и черезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная роль связей его со старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однако, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руки и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, несмотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе, всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: «Надулъ! надулъ, чортовъ сынъ!»

Гоголь.

238. Сиротская доля.

Сиротка Акулина.

(Отрывокъ Д. В. Григоровича).

Маленькая Акулина сдѣлалась на скотномъ дворѣ съ перваго же дня своего существованія предметомъ всеобщаго нерасположенія. «Добро бы своя была», говорили бабы: — «добро бы родная, а то не вѣсть по какого лѣшаго смотришь на нее». Но хуже всего приходилось терпѣть сироткѣ отъ пріемной матери, скотницы Домны. Случилось ли кому изъ ребятъ напроказить: разбить горшокъ или выпить втихомолку сливки, разгнѣванная Домна накидывалась обыкновенно на Акульку, видя въ ней если не виновницу, то по крайней мѣрѣ главную зачинщицу; забредетъ ли свинья въ барскій палисадникъ, и за свинью отвѣчала бѣдняжка, — словомъ, все, что только могло случиться непріятнаго въ домашнемъ быту скотнаго двора, все вызывало побои на безотвѣтную дѣвочку.

Много слезъ и горя стоило въ первое время Акулинѣ новое назначеніе, опредѣленное ей Домной: ее посылали на рѣку стеречь гусей и утокъ. Выгоняя утромъ гусиное стадо, проходила ли она по улицѣ, всюду встрѣчались веселые ребятишки, беззаботно игравшіе подъ навѣсами и на дорогѣ, всюду слышались ихъ веселыя пѣсни, крики, одна она должна была проходить мимо, не смѣя присоединиться къ нимъ и раздѣлить общую радость. А ужъ какъ страшно-то было ей, боязливой дѣвочкѣ, напуганной разными дивами, проводить цѣлые дни одной-одинешенькой, далеко отъ села, въ какомъ нибудь глухомъ болотѣ или темномъ лѣсу. Въ первое время она часто не могла вынести своего одиночества и, бросивъ тутъ же гусиное стадо свое, возвращалась одна на скотный дворъ, позабывая и побои скотницы и все, что могло ожидать ее за такой своевольный поступокъ.

Но прошелъ годъ-другой и свыклась Акулька со своей тяжелой долей. Какое то даже радостное чувство наполняло грудь дѣвочки, когда, вставъ вмѣстѣ съ зарею, ранымъ-рано, вооружась хворостиною, выгоняла она за околицу свое стадо. Теперь, уже не ожидая намека, спѣшила она убраться со своми гусятами и утками въ поле, лишь бы только скорѣе вырваться изъ избы. Какъ птичка встрепенется она тогда; все измѣнялось въ ней; движенія дѣлались развязнѣе, станъ выпрямлялся, — словомъ, трудно было узнать въ сироткѣ одну и ту же дѣвочку. Робкій и жалкій видъ, такъ рѣзко отличавшій ее дома отъ прочихъ дѣтей, какъ бы мгновенно исчезалъ. Бывало даже, на Акулю находилъ въ эти минуты вдругъ какой-то припадокъ веселости, рѣзвости. Она особенно любила загонять свое стадо въ густую осиновую рощу. Ей невыразимо легко, весело, привольно было просиживать тутъ съ утра до вечера. Тутъ только

запуганный, забитый ребенокъ чувствовалъ себя на свободѣ. Природа ни мало не плѣняла деревенской дѣвочки; невѣдомо пріятное чувство, подъ вліяніемъ котораго находилась она, было въ ней совершенно безотчетно...

Ее выводили изъ раздумья однообразное кукованье кукушки, крикъ иволги или коршуна, который, распластавъ широкія крылья свои, вдругъ, откуда ни возьмись кружась и вертясь, появлялся надъ испуганнымъ ея стадомъ. Акуля вскрикивала тогда, блѣдное личико ея покрывалось яркимъ румянцемъ; она начинала бѣгать и суетиться, хмурила сердито свои узенькія брови и, размахивая по сторонамъ длинною хворостиною, казалось готовилась съ самоотверженіемъ защищать слабыхъ своихъ питомцевъ. Наступалъ вечеръ и дѣвочка снова направлялась къ околицѣ, слѣдя съ какою-то ребяческой грустью за стаями галокъ, несшихся на ночлегъ въ теплыя родныя гнѣзда.

Съ возрастомъ, по мѣрѣ того, какъ сиротка становилась разумнѣе постоянное это одиночество обратилось не только въ привычку, но сдѣлалось для нея потребностью. Оно было единственнымъ средствомъ, избавлявшимъ ее отъ побоевъ скотницы и толчковъ встрѣчнаго и поперечнаго. Вообще отчужденіе, которое испытывала она со стороны окружающихъ, какъ круглая сирота, и которое съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то особенно тяготило ее, также не мало способствовало подобному расположенію.

Постоянное отдаленіе Акулины отъ жителей скотнаго двора и одинокая жизнь производили на ея дѣтство сильное вліяніе. Прежде еще, когда неотлучно оставалась она при людяхъ, приластится бывало къ тому, къ другому или вымолвитъ ласковое слово, не взирая на толчки, которыми часто отвѣчали на ея ласки; теперь же, едва успѣетъ вернуться съ поля, какъ тотчасъ забьется въ самый темный уголъ, молчитъ, не шевельнется даже, боясь обратить на себя вниманіе. Она входила въ избу съ какимъ то страхомъ, смущеніемъ, трепетомъ, — чувствами, появлявшимися прежде не иначе, какъ вслѣдствіе приключившагося съ нею несчастія.

Ребенокъ одичалъ, наконецъ, до того, что разъ, безъ особенной причины, цѣлыя трое сутокъ сряду не возвращался домой со своимъ стадомъ, — голодъ только могъ вынудить его покинуть поля и рощу. Первое зазимье и морозы возвращали, однако, волею-неволею полуодичалую сиротку на скотный дворъ.

Въ это время года, когда всѣ, отъ мала до велика, не исключая домашнихъ животныхъ, столпятся вмѣстѣ подъ одною и тою же кровлею, она снова сближалась нѣсколько съ семействомъ скотницы. Однако сближеніе это у нея было болѣе внѣшнее, нежели нравственное. Робкій и тихій нравъ дѣвочки, притомъ постоянно грубое обхожденіе, которому она подвергалась, — все это должно было отталкивать ее отъ задушевныхъ съ ними сношеній.

239. Драматическія злополучія неблагопріятны для роста и развитія Личности.

Ц ѣ п и .

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ
И угнетенъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей...
Я зрѣлъ, надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ
И факелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ....
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы и друзья
И ты, священная свобода,
Все, все погибло для меня.
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій
И умираю ночь и день.
Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ,
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто-бы во снѣ.
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущенный
Забылъ и горе и печаль...
Готовъ... Но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ,
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ трепетныхъ рукахъ.
Какъ рабъ испуганный бездушный,
Кляну свой жребій я тогда
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

Полежаевъ.

240. Драматическія злополучія.

И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ *собой,*
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не исцѣляло.

Пушкинъ.

(Значеніе драматическихъ злополучій, указанныхъ поэтомъ, подчеркнуто авторомъ Христоматіи).

241 а) Объединеніе Личности.

Элементы раскрывающейся Личности должны быть между собою согласованы, примирены, слиты воедино. Это-глубокое требованіе жизни. Сознаніе и личность должны быть едины: раздвоившійся человѣкъ не устоитъ въ жизни. Всѣ отдѣльныя, и порой противорѣчивыя, части должны быть согласованы, чтобы Личность могла выступить въ своей цѣлости, естественной силѣ и единствѣ. Это по самому существу вещей дается прирожденностью, логикой и самой жизнью Личности. Только при этомъ условіи возможно то успокоеніе и та внутренняя опредѣленность, которая лежитъ въ основѣ *внутренней правды* и обезпечиваетъ человѣку способсобность и силу спокойно жить и трудиться, черпая въ себѣ иниціативу. Внутренняя правда, живущая въ человѣкѣ, указываетъ ему, что онъ долженъ дѣлать, какъ поступать и т. п. Эти указанія даетъ себѣ самъ челевѣкъ. Совѣтъ другого мало помогаетъ. Въ этомъ сущность внутренней правды. Она есть своеобразное *чутье,* сотканное изъ элементовъ *наслѣдственности* и самочувствія *начинающейся личности.* Если составныя части Личности не объединены, или объединеніе нарушается, человѣкъ чувствуетъ это и страдаетъ, испытывая безплодную борьбу и ту неудовлетворенность и томленіе, какое изображено Лермонтовымъ въ стихотвореніи: «Ангелъ». То же томленіе и неудовлетворенность чувствовала и изображаетъ у себя такая высоко талантливая женщина, какъ Марія Башкирцева, которая сознавала свои прирожденные недостатки. Она говорила о себѣ: «я не могу жить; я создана неправильно; во мнѣ много лишняго, а многаго мнѣ недостаетъ, и я обладаю неустойчивымъ характеромъ». Такое сознаніе побуждало эту геніальную дѣвочку поднимать взоръ къ небу, въ молитвенномъ экстазѣ восклицать:

Porquoi dans Ton oeuvre celeste
Tant d'elements si peu d'accord!

(Отчего, Боже, въ Твоемъ небесномъ созданіи столько противорѣчивыхъ элементовъ!).

Фактъ внутренней правды есть цѣнный даръ природы, который сопровождается не только нравственной, но и біологической *проницательностью,* и въ этомъ великая польза для прогресса жизни. Въ юные годы, когда человѣкъ наиболѣе чутокъ, — чистая любовь, свойственная возрасту, мощно и повелительно ведетъ юнаго человѣка по тѣмъ крайнимъ точкамъ жизненнаго русла, гдѣ здоровая и болѣзненная наслѣдственность острѣе намѣчены и гдѣ, вообще, все здоровое и болѣзненное ярче обозначено и отчетливѣе выступаетъ. Этимъ путемъ, всѣ шаги жизни и всѣ ея движенія выравниваются въ *здоровую сторону* и исправляются ошибки Личности, сдѣланы ли онѣ природою или человѣкомъ, индивидуальностью или обществомъ, дѣйствующимъ на человѣка. Мудрая природа.

Человѣка измѣняютъ (воспитываютъ) слѣдующія среды:

I. Мать.

II. Семья.

III. Общество.

IV. Внѣшняя природа.

V. Собственная внутренняя правда. (Внутренній драматизмъ).

VI. Нездоровая наслѣдственность.

Приведенные выше примѣры наглядно подтверждаютъ сказанное, показывая мѣру, качество, значеніе, примѣры различныхъ воспитательныхъ явленій во всей ихъ конкретности.

(Самоотверженіе матери, Изъ воспоминаній дѣтства, Катенька и Любочка, Вуколъ, Обломовъ, Чичиковъ, Сиротская доля, Внутренній драматизмъ поэтовъ).

Важнѣйшимъ воспитательнымъ началомъ для человѣка является его собственная Личность. У сильныхъ Личностей инициатива и главное вліяніе принадлежитъ самой личности, руководящейся собственной *внутренней правдой* и оберегающей инициативу. На этой почвѣ у Личности можетъ даже возникнуть внутренній драматизмъ, примѣры котораго приведены подъ номерами 239 и 240.

242. Г. Психологическая біографія.

Систематически составленное описаніе характера человѣка и его дѣйствій есть біографическій очеркъ. Біографіи людей особенно замѣчательныхъ представляютъ поучительный историческій документъ судебъ Личности. Появившіяся въ послѣднее время психологическія біографіи, напр. біографіи Ренана, Гамбетты, Пирогова сугубо поучительны, освѣщая психологическимъ свѣтомъ послѣдующіе пути жизни, въ связи съ предшествующими переживаніями. Какъ образецъ, прилагаются біографическія характеристики Кольцова, Бѣлинскаго, Суворова, Гоголя, Пирогова.

243. Кольцовъ.

Жизнь Кольцова не богата или, лучше сказать, вовсе бѣдна внѣшними событіями; но тѣмъ богаче исторія его внутренняго развитія и тяжелой борьбы между его призваніемъ и его суровою судьбою.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ въ 1809 году, октября 2-го. Отецъ его, воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ не богатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи, даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. По счастью, къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ собственномъ мірѣ, — и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому себѣ, безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ, любившій бродить босикомъ по травѣ и по лужамъ, чуть было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ и долго былъ боленъ, такъ что хотя его впослѣдствіи и вылѣчили, однако онъ всегда чувствовалъ отзывы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ его жизни. Такъ, напримѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ на всемъ скаку упалъ съ лошади, черезъ ея голову, и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но, несмотря на все это, онъ всегда былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ, во второмъ классѣ; такъ какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ, потому что какъ ни коротко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ элементарнаго образованія. Мало того: изъ примѣра Кольцова мы больше всего убѣдились въ важности элементарнаго

образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ, при всемъ его глубокомъ умѣ, подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его интеллектуальному существованію недостаетъ твердой почвы, и что вслѣдствіе этого ему часто достается съ трудомъ то, что легко усвоивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ напримѣръ, онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось къ древнему міру, съ которымъ необходимо сблизиться съ дѣтства, чтобы понимать его. Для всякаго, кто и въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть исторію Кайдарова, незамѣтно дѣлаются какъ будто родственными имена героевъ древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ не похожи на нашу жизнь и нашъ бытъ, что только черезъ науку, въ лѣта дѣтства, можемъ мы освоиться съ ними и привыкать находить ихъ возможными и естественными. Вслѣдствіе этого же недостатка въ элементарномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать «Иліады», хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, — между тѣмъ какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадностью собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ немного вынесъ изъ училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ, — это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ безъ орфографіи.

Не смотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его интеллектуальной жизни, онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и «Бова Королевичъ» съ «Еруслановъ Лазаревичемъ» составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси не одна одаренная богатою фантазіей натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи, — и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницей, что сказка удовлетворяетъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Но вотъ особенная черта, обнаружившая въ Кольцовѣ не только пассивную и воспринимающую, но и дѣятельную фантазію: читая сказки, онъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи,

гдѣ въ продолженіи всего лѣта бродилъ его скотъ, а зимою посылалъ его съ приказчиками на базары для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста, Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей въ этой степи, онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь и полюбилъ ее страстно и восторженно, полюбилъ ее, какъ друга.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ — травой
Разстилается.

Ахъ, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю-Черному
Понадвинулась!

Многія пьесы Кольцова отзываются впечатлѣніями, которыми подарила его степь: Косарь, Могила, Путникъ, Ночлегъ чумаковъ, Цвѣтокъ, Пора любви и другія. Почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, въ которыхъ степь даже и не играетъ никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое, и въ колоритѣ и въ тонѣ.

Читая ихъ, невольно вспоминаешь, что ихъ авторъ сынъ степи, что степь воспитала его и взлелѣяла. И потому ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще и нравилось ему: оно познакомило его со степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша: любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ удобствъ и не безъ удовольствій очень прозаическихъ.

Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитою войлока или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи, въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта, вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь со степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Стихотвореніе «Ровеснику» написано Кольцовымъ, кажется, этому первому другу его юности. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая была въ обоихъ ихъ сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фанта-

зіей натуры и сказки о Бовѣ и Еруслапѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ, то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбились Кольцову изъ этихъ книгъ «Тысяча и одна ночь», и «Кадмъ и Гармонія» Хераскова, особенно первая. И немудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествующихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ: романы овладѣли всѣмъ существомъ его, и разумѣется у него родилось желаніе самому произвести что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время ему суждено было въ первый разъ узнать несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горесть Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ много жизни, стремленія и отзыва на призывъ бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ, и въ городѣ и въ степи. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ нечаянно покупаетъ на рынкѣ, за сходную цѣну, сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки, бѣжитъ онъ съ нею въ садъ и начинаетъ пѣть стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключилъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и рифмы полюбились Кольцову, хотя онъ и не понималь, что такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія пьесы онъ заучилъ наизусть, и особенно понравился ему «Ермакъ». Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ рифмами; но у него не было ни матеріала для содержанія, ни умѣнья для формы. Однако-жъ матеріалъ вскорѣ ему представился, и онъ по своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился страшный сонъ, повторявшійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта всякій сколько-нибудь страшный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи, выбралъ одну пьесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первый десятокъ стиховъ достался ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пьеса, подъ названіемъ «Три видѣнія», ко-

торую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однако-жъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова; послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи, и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха, но вотъ горе: ему некому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ совѣтникъ былъ ему необходимъ, — и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему «Три видѣнія» и другія свои пьесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ объяснить, почему именно: но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: «Русская Просодія», изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона. Видно, какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ предъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и видно его тронуло страстное юношеское стремленіе Кольцова къ стихотворству; онъ подарилъ ему «Русскую Просодію» и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего и говорить о радости Кольцова: онъ пріобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства стихотворства, и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и, сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека. Это было для него счастіемъ, блаженствомъ. Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее и дурное. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и его небольшая библіотека скоро обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Бытъ, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу, и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни, — зналъ ихъ не по наслышкѣ,

не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ и по своей натурѣ, и по своему положенію былъ вполнѣ русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности — страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселію, и, вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, — способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если уже пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, что не нужно было ему въ его лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсенъ онъ жалуется, что у него нѣтъ воли.

Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять;
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать
И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ:
На погибель итти —
Пѣсни пѣть соловьемъ.

Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла рожь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовью крестьянина, который смотритъ на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ; прочтите его «Пѣсню пахаря» и «Урожай».

Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашелъ онъ въ самомъ бытѣ, а не въ риторикѣ, не въ піитикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазіи своей, которая давала ему только образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и всклокоченныя бороды, и старыя онучи, и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсенъ составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ за копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху. Въ одной пѣснѣ крестьянинъ садится за столъ, чтобы подумать, какъ ему жить одинокому, въ другой выражено раздумье крестьянина, на что ему рѣшиться — жить ли ему въ чужихъ людяхъ, или дома бра-

ниться со старикомъ отцомъ, разсказывать ребятишкамъ сказки, болѣть, старѣться. Такъ говоритъ онъ, хоть оно и не того, но ужъ такъ бы и быть, да кто пойдетъ за нищаго? «Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ?» И это раздумье разрѣшается въ саркастическую русскую иронію:

Куда глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ...

Но если гдѣ дѣло идетъ о горѣ и отчаяніи русскаго человѣка, — тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаетъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ:

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку:
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

И какая же вмѣстѣ съ тѣмъ сила духа и воли въ самомъ отчаяніи:

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ,
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долею перевѣдаться...

И послѣ этой пѣсни («Измѣна суженой») прочтите пѣсню «Ахъ, зачѣмъ меня», — какая разница! Тамъ — буря отчаянія сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здѣсь — грустное воркованье горлицы, глубокая, раздирающая душу жалоба нѣжной женской души, осужденной на безвинное страданіе...

Бѣлинскій.

244. Воспоминаніе о Бѣлинскомъ.

Бѣлинскій, безспорно, обладалъ главными качествами великаго критика: въ дѣлѣ критики ему не у кого было спрашиваться; напротивъ, другіе слушались его, починъ оставался постоянно за нимъ. Эстетическое чутье было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ. Бѣлинскій не обманывался внѣшностью, обстановкой, не подчинялся никакимъ вліяніямъ и вѣяніямъ, онъ сразу узнавалъ прекрасное и безобразное, истинное и ложное, и съ безтрепетной смѣлостью высказывалъ свой приговоръ, — высказывалъ его вполнѣ, безъ урѣзокъ, горячо и сильно, со всей стремительной увѣренностью убѣжденія. Кто бывалъ свидѣтелемъ критическихъ ошибокъ, въ которыя впадали даже замѣчательные умы (стоитъ вспомнить хоть Пушкина, который въ «Марѳѣ Посадницѣ» Погодина видѣлъ «что-то Шекс-

пировское»), тотъ не могъ не почувствовать уваженія передъ мѣткимъ сужденіемъ, вѣрнымъ вкусомъ и инстинктомъ Бѣлинскаго, передъ его умѣніемъ «читать между строками». Не говоря уже о стихахъ, въ которыхъ онъ отводилъ подобающее мѣсто прежнимъ дѣятелямъ нашей словесности; не говоря также и о тѣхъ статьяхъ, которыми опредѣлялось значеніе писателей еще живыхъ, подводился итогъ ихъ дѣятельности, итогъ принятый и скрѣпленный, какъ уже сказано выше, потомствомъ; но при появленіи новаго дарованія, новаго романа, стихотворенія, повѣсти — никто, ни прежде Бѣлинскаго, ни лучше его не произносилъ правильной оцѣнки, настоящаго, рѣшающаго слова. Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ — не онъ ли первый указалъ на нихъ, разъяснилъ ихъ значеніе. И сколько другихъ! Безъ невольнаго удивленія передъ критической діагнозой Бѣлинскаго нельзя прочесть, между прочимъ, ту небольшую выноску, сдѣланную имъ въ одномъ изъ своихъ годичныхъ обозрѣній, въ которой онъ по одной пѣснѣ о кущѣ Калашниковѣ, появившейся безъ подписи въ «Литературной Газетѣ», предрекалъ великую будущность автора. Подобныя черты встрѣчаются безпрестанно у Бѣлинскаго. Приведу одинъ примѣръ. Въ 1846 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась повѣсть Григоровича подъ заглавіемъ «Деревня», по времени первая попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ «деревенскихъ исторій» ("Dorfgeschichten"). Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ, не безъ сентиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта было несомнѣнно. Покойный И. И. Панаевъ, человѣкъ добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи верхушекъ, уцѣпился за нѣкоторыя смѣшныя выраженія «Деревни», и обрадовавшись случаю поглумиться, сталъ поднимать на смѣхъ всю повѣсть, даже читалъ въ пріятельскихъ домахъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, самыя забавныя страницы. Но каково же было его изумленіе, каково недоумѣніе хохотавшихъ пріятелей, когда Бѣлинскій, прочитавъ повѣсть Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательной, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности. Панаеву оставалось одно, — продолжать читать отрывки «Деревни», но уже восхищаясь ими, — что онъ и сдѣлалъ.

Другое замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, было его пониманіе того, что именно стоитъ на очереди, что требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Не въ пору гость хуже татарина, гласитъ пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ. Бѣлинскій никогда бы не позволилъ себѣ той ошибки, въ которую впалъ даровитый Добролюбовъ; онъ не сталъ бы, напримѣръ, съ ожесточеніемъ бранить Кавура, Пальмерстона, вообще парламентаризмъ, какъ неполную и потому невѣрную форму правленія. Даже допустивъ справедливость упрековъ, заслуженныхъ Кавуромъ, онъ бы понялъ всю несовременность (у насъ въ Россіи, въ 1862 г.), — подобныхъ на-

паденій; онъ бы понялъ, какой партіи они должны были оказать услугу, кто-бы порадовался имъ. Бѣлинскій очень хорошо сознавалъ, что при обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствовалъ, ему не слѣдовало выходить изъ круга чисто литературной критики. Во-первыхъ, при тогдашнихъ оффиціальныхъ, житейскихъ цензурныхъ условіяхъ иначе дѣйствовать было слишкомъ затруднительно; уже и такъ едва могъ устоять противъ бури угрозъ и доносовъ, которую возбудило его отрицаніе нашихъ псевдоклассическихъ авторитетовъ, а во-вторыхъ, онъ очень ясно видѣлъ и понималъ, что въ развитіи каждаго народа литературная эпоха предшествуетъ другимъ; что не переживъ и не преодолѣвъ ее, нельзя двигаться впередъ, что критика, въ смыслѣ отрицанія фальши и лжи, должна сперва подвергнуть анализу явленія литературныя, — что именно въ этомъ и состояло его собственное призваніе. Какъ литературный критикъ, онъ былъ именно тѣмъ, что англичане называютъ — "The right man on the right place", — «настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ», чего нельзя сказать объ его преемникахъ. Правда и то, что задача ихъ была труднѣе и сложнѣе. Бѣлинскій былъ идеалистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ немъ жили преданія того московскаго кружка, который существовалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и слѣды котораго такъ замѣтны еще донынѣ. Этотъ кружокъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ германской философской мысли (замѣчательна постоянная связь между этой мыслью и Москвою), заслуживаетъ особаго историка. Вотъ откуда Бѣлинскій вынесъ тѣ убѣжденія, которыя не покидали его до самой смерти, — тотъ идеалъ, которому онъ служилъ. Во имя этого идеала провозглашалъ Бѣлинскій художественное значеніе Пушкина и указывалъ на недостатокъ въ немъ гражданскихъ началъ; во имя этого идеала привѣтствовалъ онъ и Лермонтовскій протестъ и Гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, паши такъ-называемыя славы, на которыя онъ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія.

Бѣлинскій посвятилъ всего себя служенію этому идеалу; всѣми своими симпатіями, всей своей дѣятельностью принадлежалъ онъ къ лагерю «западниковъ», какъ ихъ прозвали ихъ противники. Онъ былъ западникомъ не потому только, что признавалъ превосходство западной науки, западнаго искусства, западнаго общественнаго строя; но и потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости воспріятія Россіей всего выработаннаго Западомъ, — для развитія собственныхъ ея силъ, собственнаго ея значенія. Онъ вѣрилъ, что намъ нѣтъ другого спасенія, какъ итти по пути, указанному намъ Петромъ Великимъ. Принимать результаты западной жизни, примѣнять ихъ къ нашей, соображаясь съ особенностями природы, исторіи, климата, — впрочемъ, относиться и къ

нимъ свободно, критически, — вотъ какимъ образомъ могли мы, по его понятію, достигнуть, наконецъ, самобытности, которою онъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Бѣлинскій былъ вполнѣ русскій человѣкъ, даже патріотъ, — разумѣется, не на ладъ М. Н. Загоскина; благо родины, ея величіе, ея слава возбуждали въ его сердцѣ глубокіе и сильные отзывы. Да, Бѣлинскій любилъ Россію, но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы, — вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился. А что западническія убѣжденія Бѣлинскаго ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая била во всемъ его существѣ, — тому доказательствомъ служитъ каждая его статья. Да, онъ чувствовалъ русскую суть, какъ никто. Не признавая нашихъ лже-классическихъ, лже-народныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ, — онъ въ то же время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого ухо не было болѣе чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонію и красоту нашего языка; поэтическій эпитетъ, изящный оборотъ рѣчи поражали его мгновенно и слушать его простое, нѣсколько однообразное, но горячее и правдивое чтеніе какого-нибудь Пушкинскаго стихотворенія, или Лермонтовскаго «Мцыри» было истиннымъ наслажденіемъ. Прозу, особенно любимаго своего Гоголя, онъ читалъ хуже, да и голосъ его скоро ослабѣвалъ.

Еще одно замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, состояло въ томъ, что онъ былъ всегда, какъ говорятъ англичане "incarnate", онъ не шутилъ ни съ предметомъ своихъ разысканій, ни съ читателемъ, ни съ самимъ собою, а позднѣе, столь распространенное глумленіе онъ бы отвергнулъ, какъ недостойное легкомысліе или трусость. Впрочемъ, Бѣлинскій самъ про себя говорилъ, что онъ шутитъ не мастеръ, иронія его была очень вѣска и неповоротлива; она тотчасъ становилась сарказмомъ, била не въ бровь, а въ глазъ. И въ разговорѣ, такъ же, какъ и съ перомъ въ рукахъ, онъ не блисталъ остроуміемъ, не обладалъ тѣмъ, что французы называютъ esprit, не ослѣплялъ игрою искусной діалектики; но въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мысли, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ-концовъ, увлекательно. При совершенномъ отсутствіи того, что обыкновенно величаютъ элоквенціей, — при явной неспособности и неохотѣ къ «уснащиванію», къ фразѣ, — Бѣлинскій былъ одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово «краснорѣчіе» въ смыслѣ силы убѣжденія, той силы, которую, напримѣръ, аѳиняне признавали въ Периклѣ, говоря, что каждая рѣчь его оставляла жало въ душѣ каждаго слушателя.

И. Тургеневъ.

245. Суворовъ.

Чтобы постигнуть личность, столь оригинальную и своеобразную, необходимо прослѣдить, какъ постепенно развивался этотъ необыкновенный характеръ. Съ самаго малолѣтства и во всю свою жизнь Суворовъ шелъ своимъ особымъ путемъ, не тѣмъ, который былъ обычною колеею большинства. Онъ не былъ съ колыбели записанъ въ полкъ, какъ большая часть баричей того времени; казалось даже, онъ и не рожденъ былъ для военнаго поприща: малорослый, сухощавый, онъ былъ ребенкомъ слабаго сложенія. Отецъ его, хотя самъ заслуженный генералъ, предназначалъ своего сына къ службѣ гражданской, и потому заставилъ его съ малолѣтства учиться языкамъ и наукамъ. Юноша показывалъ охоту къ ученію и способности. Онъ былъ ума бойкаго, живого, и рано обнаружилась въ немъ необыкновенная твердость характера. Попадавшіяся ему книги прочитывалъ онъ съ жадностью; особенно же пристрастился къ Плутарху и Корнелію Непоту: такое чтеніе настроило душу его къ высокимъ помысламъ, вселило въ нее честолюбіе и любовь къ славѣ. Десятилѣтній Суворовъ мечталъ уже, какъ бы сдѣлаться великимъ мужемъ. Изъ всѣхъ родовъ славы, болѣе всѣхъ плѣнила его слава воинская: и вотъ онъ принялся читать усердно походы Александра Македонскаго, Цезаря, Карла XII: началъ изучать фортификацію по какимъ-то старымъ отцовскимъ книгамъ, во что бы то ни стало захотѣлъ онъ быть воиномъ. Родитель его, послѣ многихъ возраженій, уступилъ явной наклонности сына и на двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ записалъ его въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ (Семеновскій). Вскорѣ затѣмъ, на пятнадцатомъ году, Суворовъ поступилъ въ тотъ же полкъ уже на дѣйствительную службу рядовымъ, проходя всѣ низшія званія: капрала, унтеръ-офицера и сержанта. Только въ 1754 году на двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ Суворовъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, поручикомъ въ армію; въ эти лѣта многіе изъ его сверстниковъ были уже генералами или, по крайней мѣрѣ, полковниками.

Такое начало служебнаго поприща имѣло весьма важное значеніе въ жизни Суворова. Проживъ долго вмѣстѣ съ солдатами, онъ совершенно сроднился съ ихъ бытомъ, съ ихъ привычками, съ ихъ языкомъ. Всѣмъ извѣстно, что Суворовъ и въ высшихъ чинахъ велъ жизнь спартанскую: не иначе спалъ, какъ на соломѣ или на сѣнѣ: вставалъ съ зарею; довольствовался пищею самою простою; одѣвался весьма легко, даже зимою, ненавидѣлъ всякую роскошь, избѣгалъ званыхъ обѣдовъ, пировъ, изгонялъ все, что только могло нѣжить тѣло и размягчить душу. Придворную жизнь, общество женщинъ, городскія увеселенія считалъ онъ вредными для воина. Настоящая сфера его была въ лагерѣ, на бивакѣ, въ походѣ. Пріучившись съ молодыхъ лѣтъ къ такому строгому образу жизни, Суворовъ, можно сказать, передѣлалъ даже натуру свою: здоровье его укрѣпилось; съ виду

тщедушный и слабый, онъ однако же переносилъ лучше другихъ и утомленіе, и непогоду, и лишенія всякаго рода.

Конечно, не безъ умысла Суворовъ старался въ нынѣшней своей жизни примѣниться къ солдатскому быту. Но какъ ошиблись тѣ, которые почитали его въ самомъ дѣлѣ простымъ, невѣжественнымъ солдатомъ, одареннымъ только какимъ-то инстинктомъ военнымъ. Суворовъ получилъ еще въ родительскомъ домѣ такое приготовительное образованіе, какое не получали обыкновенно военные люди того времени. Тогда существовало еще въ полной силѣ то повѣріе, что для военной службы учиться не нужно, ибо невѣжество не считалось недостаткомъ. Суворовъ, напротивъ того, вынесъ изъ дома родительскаго уваженіе къ наукѣ и жажду знанія; не успѣвъ окончить начатое воспитаніе, онъ дополнялъ его впослѣдствіи самоучкою. Уже въ чинѣ офицерскомъ, въ свободное отъ службы время, вмѣсто обыкновенныхъ развлеченій праздной молодости, запирался онъ въ свою комнату, прилежно учился и много читалъ. Этой любви къ наукѣ Суворовъ не измѣнялъ во всю жизнь свою и точно такъ же, какъ во дни юности, благоговѣлъ всегда предъ великими историческими именами, которыя поставилъ себѣ въ идеалъ. Можно даже сказать, что военный геній Суворова, не смотря на всю оригинальность свою, выработался подъ вліяніемъ классическихъ впечатлѣній.

Занятія умственныя, конечно, не мѣшали Суворову съ первыхъ лѣтъ службы обратить на себя вниманіе начальниковъ примѣрнымъ усердіемъ и точностью въ исполненіи своихъ обязанностей: какъ прежде онъ былъ солдатомъ, самымъ исправнымъ въ полку, такъ потомъ и офицеромъ самымъ ревностнымъ; онъ считался, какъ говорится, «служакою». Одаренный отъ природы необыкновенной энергіей и силою воли, Суворовъ принимался за все съ жаромъ и любовью, и ничего не дѣлалъ наполовину. Службѣ предавался онъ вполнѣ, всею душою, и строгое выполненіе обязанностей своихъ доводилъ до педантизма. Поэтому на него преимущественно возлагались служебныя порученія, требовавшія распорядительности и точности. Еще сержантомъ былъ онъ посланъ заграницу, съ депешами въ Варшаву и Берлинъ. Спустя два года по производствѣ въ офицеры (1756), онъ состоялъ оберъ-провіантмейстеромъ, потомъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ, въ 1758 году, когда русскія войска выступили въ походъ въ Пруссію, Суворовъ, въ чинѣ премьеръ-маіора формировалъ третьи баталіоны въ Лифляндіи и Курляндіи и былъ комендантомъ въ Мемелѣ. Выпросивъ дозволеніе отправиться въ дѣйствующую армію, онъ былъ немедленно назначенъ въ должность генеральнаго и дивизіоннаго дежурнаго при генералѣ Ферморѣ. Первые опыты Суворова собственно на боевомъ поприщѣ были при занятіи Кроссена и въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ. Въ послѣднія кампаніи семилѣтней войны онъ состоялъ въ отрядѣ генерала Берга и командовалъ самъ отдѣльными легкими отрядами. Генералъ Бергъ отозвался о полковникѣ Суворовѣ, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «быстромъ при рекогносцировкѣ, отважномъ въ

битвѣ и хладнокровномъ въ опасности». Въ этихъ партизанскихъ наѣздахъ впервые обнаружились, и быть-можетъ, зародились тѣ свойства Суворова, которыя впослѣдствіи составляли главныя отличительныя черты всѣхъ его военныхъ дѣйствій: предпріимчивость, энергія, рѣшимость, находчивость.

Присланный въ 1762 году изъ Пруссіи въ Петербургъ, съ донесеніемъ къ императрицѣ, Суворовъ тутъ въ первый разъ имѣлъ случай представиться Екатеринѣ Великой. Тогда же онъ произведенъ былъ въ полковники въ астраханскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Новой Ладогѣ, и командовалъ имъ въ продолженіи шести лѣтъ. Онъ бывалъ съ полкомъ въ столицѣ для занятія карауловъ, участвовалъ въ учебномъ лагерѣ и маневрахъ подъ Царскимъ Селомъ и такимъ образомъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ, какъ отличный и умный полковой командиръ. Но Суворову не довольно было репутаціи исправнаго штабъ-офицера: съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ немъ кипѣло пламенное честолюбіе; во чтобы то ни стало онъ хотѣлъ достигнуть славы и знаменитости, и давно придумывалъ средство къ тому. Наконецъ, одно случайное обстоятельство, какъ говорятъ, навело его на мысль: разъ Императрица Екатерина въ разговорѣ выразилась, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что-нибудъ особенное, чѣмъ отличались отъ людей обыкновенныхъ. Замѣчаніе это запало глубоко въ умъ Суворова: онъ заключилъ, что одни достоинства и заслуги не могутъ проложить пути къ извѣстности: что надобно прежде всего дать замѣтить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, отдѣлиться отъ большинства людей; однимъ словомъ, что надобно сдѣлаться оригинальнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно всего пріятнѣе объяснить начало тѣхъ странностей, которыми, дѣйствительно, Суворовъ успѣлъ скоро обратить на себя общее вниманіе. Начавъ съ легкихъ шутокъ, приговорокъ, мало-по-малу сдѣлался онъ вполнѣ чудакомъ, и въ разговорѣ и въ письмѣ, и въ походѣ, и въ самой службѣ. Отбросивъ общепринятыя внѣшнія формы приличія, Суворовъ ничего не дѣлалъ, какъ другіе люди: говорилъ отрывно какими-то загадочными фразами, употреблялъ свои особыя выраженія, кривлялся, дѣлалъ разныя ужимки, ходилъ припрыгивая. Примѣняясь къ солдатскому быту, онъ довелъ до крайности свой спартанскій образъ жизни: вставалъ съ зарею, бѣгалъ по лагерю въ рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ восемь часовъ утра, притворялся, будто не можетъ выносить зеркала, боясь увидѣть въ немъ самого себя. Въ одеждѣ своей Суворовъ также не соблюдалъ общей формы: часто въ лѣтній жаръ являлся даже передъ войсками вовсе безъ мундира, только въ рубашкѣ и холщевомъ нижнемъ бѣльѣ: иногда же носилъ бѣлый китель съ краснымъ воротникомъ. Головной уборъ его состоялъ обыкновенно изъ маленькой каски съ чернымъ перомъ. Въ зимнее время, въ самые холодные дни, имѣлъ онъ только лѣтній плащъ, который слылъ подъ названіемъ родительскаго: шубы никогда не носилъ, даже въ глубокой старости. Командуя полкомъ, онъ самъ училъ кантонистовъ ариѳметикѣ, сочинялъ для нихъ учебники, въ церкви пѣлъ на клиросѣ и читалъ Апостола.

Въ обращеніи съ подчиненными Суворовъ создалъ себѣ свою особую систему: строгій къ каждому въ исполненіи обязанностей служебныхъ, онъ въ то же время не боялся сближаться съ солдатами, шутилъ съ ними, забавляя ихъ своими прибаутками. Говоря съ подчиненными, требовалъ отъ нихъ находчивости и смѣлости, отвѣтовъ быстрыхъ и точныхъ: слово «не знаю» было строго запрещено. Вдругъ обращался онъ къ солдату или офицеру съ какимъ-нибудь страннымъ, нелѣпымъ вопросомъ и немедленно же надобно было отвѣчать ему хотя-бы такою же нелѣпостью. Кто отвѣтилъ остро, умно, тотъ молодецъ, разумникъ; кто, случится, замнется, тотъ — «немогузнайка». Обыкновенныя фразы вѣжливости, приличія, отвѣты неопредѣленные, уклончивые, преслѣдовалъ онъ особыми терминами: «лживка, лукавка, вѣжливка» и проч.

Даже въ обученіи своего полка Суворовъ позволялъ себѣ разныя странности: вдругъ соберетъ его ночью, по тревогѣ, и поведетъ его въ походъ; водитъ нѣсколько дней сряду; переходитъ черезъ рѣки въ бродъ и вплавь: держитъ войска въ строю на морозѣ или въ сильный жаръ. Разъ, проходя мимо какого-то монастыря, въ окрестностяхъ Новой Ладоги, вдругъ велѣлъ онъ полку своему атаковать эту мирную обитель и штурмовать стѣны по всѣмъ правиламъ. На Суворова жаловались за эти проказы, но все прощалось чудаку.

Дѣйствительно, Суворовъ своими странностями вполнѣ достигъ предположенной цѣли: о немъ, разумѣется, начали говорить въ Петербургѣ; безчисленные анекдоты о его продѣлкахъ дошли до самой императрицы. Государыня, зная уже Суворова, какъ умнаго человѣка и отличнаго полкового командира милостиво улыбнулась, слыша о его проказахъ. Проницательный взглядъ Екатерины умѣлъ открыть въ Суворовѣ истинныя достоинства подъ комическою маскою, которую онъ на себя надѣлъ. Всякаго другого подобная маска сдѣлала бы смѣшнымъ шутомъ: Суворовъ, напротивъ того, умѣлъ заслужить общее уваженіе и въ особенности солдатамъ внушилъ неограниченную къ себѣ любовь, они звали его не иначе, какъ отцомъ роднымъ. Всѣ подчиненные, которымъ случалось быть въ близкихъ отношеніяхъ къ Суворову, дѣлались почти фанатическими приверженцами его. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ Суворова, въ его рѣчахъ, даже въ шуткахъ и проказахъ, подъ самою странною оболочкою всегда просвѣчивалъ особый оригинальный умъ: здравый, прямой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ироническій, даже съ примѣсью нѣкоторой своего рода хитрости, — тотъ именно родъ ума, который такъ свойственъ русскому человѣку. И въ самомъ дѣлѣ, Суворовъ по природѣ былъ, можно сказать, типомъ человѣка русскаго: въ немъ выразились самыми яркими красками всѣ отличительныя свойства нашей національности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во внѣшней своей жизни старался онъ систематически подражать пріемамъ русскаго простолюдина и солдата: онъ строго соблюдалъ всѣ ихъ привычки и обычаи, умѣлъ превосходно поддѣлываться подъ солдатскій языкъ, примѣняться къ ихъ образу мыслей. Будучи христіаниномъ въ душѣ, Суворовъ исполнялъ

и въ наружности всѣ церковные обряды, держалъ въ точности посты, крестился, проходя мимо церкви, клалъ земные поклоны передъ иконами. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія его проникнуты были русскимъ духомъ. Вотъ почему именно самыя странности и причуды его возбуждали такое сочувствіе въ русскихъ солдатахъ, и даже обратились впослѣдствіи въ народную легенду. Въ этомъ же заключается вся тайна того дивнаго нравственнаго вліянія, которое Суворовъ имѣлъ на войска.

Странности и шутки Суворова имѣли еще и другое значеніе. Получивъ самое простое воспитаніе, проведшій юность въ казармахъ вмѣстѣ съ солдатами, онъ неизбѣжно чувствовалъ бы себя въ неловкомъ положеніи, находясь въ высшемъ кругу столицы или среди пышнаго двора Екатерины: сколько ударовъ пришлось бы вытерпѣть его самолюбію и гордости. Вмѣсто того онъ поставилъ себя на такую ногу, что подъ кровомъ шутки или поговорки высказывалъ всѣмъ, даже надменнымъ вельможамъ, такія злыя истины, которыхъ не перенесли бы они отъ другого. Въ особенности бичевалъ онъ своими сарказмами низость и угодливость, мелкое тщеславіе, высокомѣріе, чванливость, барскую спесь. Правда, онъ нажилъ тѣмъ много враговъ, но что ему было до того, когда императрица благоволила и покровительствовала? Рѣшившись надѣть на себя маску, Суворовъ не могъ уже потомъ сбросить ее и продолжалъ во всю жизнь разыгрывать странную роль; онъ выдержалъ ее такъ вѣрно, что впослѣдствіи даже трудно было отличить въ немъ искусственную личность отъ природной своеобразности характера.

Впрочемъ, должно замѣтить, что впослѣдствіи, достигнувъ высшихъ чиновъ, Суворовъ умѣлъ вполнѣ, когда было нужно, измѣнять свое обычное поведеніе; въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при торжествахъ, церковныхъ обрядахъ, также въ разговорахъ съ иностранными дипломатами и генералами, онъ совершенно отбрасывалъ свои странности, принималъ видъ серьезный, говорилъ дѣльно, сохраняя всѣ наружныя приличія, удивлялъ часто ясностью своихъ сужденій и вѣрностью взглядовъ.

Въ немъ были какъ будто двѣ натуры: въ кабинетѣ за дѣлами слушалъ онъ внимательно доклады, полагалъ резолюціи, отдавалъ приказанія, не позволялъ себѣ никакихъ шутокъ, но лишь только дѣла были кончены, вдругъ превращался совсѣмъ въ иного человѣка: вспрыгивалъ быстро со стула, вскрикивалъ «кушъ, кушъ», и тогда начиналъ по обыкновенію шутить и дѣлать всякія проказы. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ, хоть можетъ быть и вымышленный, о томъ, какъ Потемкинъ, видѣвшій всегда Суворова такимъ страннымъ чудакомъ и долго не довѣрявшій ни уму его, ни дарованіямъ, долженъ былъ, наконецъ, перемѣнить свое убѣжденіе. Разсказываютъ, будто-бы императрица Екатерина, умѣвшая лучше оцѣнить истинныя достоинства Суворова, призвала его однажды въ свой кабинетъ и завела съ нимъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, между тѣмъ какъ Потемкинъ спрятанъ былъ за ширмами. Услышавъ основательныя, глубокомысленныя сужденія Суворова, Потемкинъ не могъ

удержать своего изумленія, вышелъ изъ за ширмы и сказалъ съ нѣкоторымъ упрекомъ: «Какъ худо зналъ я васъ до сихъ поръ, Александръ Васильевичъ; отчего же вы не всегда такъ говорите, какъ теперь?» — Суворовъ въ то же мгновеніе перемѣнился, началъ опять шутить и съ обычными своими ужимками отвѣчалъ сильному временщику: «Этотъ языкъ берегу я только для одной матушки-царицы».

Д. Милютинъ.

246. Психологическое направленіе художественнаго творчества Гоголя.

I.

Гоголь принадлежалъ къ числу величайшихъ художниковъ, прежде всего, по психологическому глубокомыслію своего таланта. Всѣ его созданія представляютъ собою плодъ не только художественнаго чутья, но и сознательной психологической преднамѣренности. Едва ли кто изъ писателей, не исключая Достоевскаго, въ такой мѣрѣ, какъ Гоголь, останавливался надъ изученіемъ человѣческой души для цѣлей всесторонняго, т. е. художественнаго, нравственнаго и здравоохранительнаго разслѣдованія. На своемъ несравненномъ художественномъ матеріалѣ Гоголь изслѣдовалъ не только конкретные вопросы, но вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ угловые камни для будущаго зданія общей художественной психологіи. Даже высоко оцѣненное въ наши дни, практическое изученіе индивидуальности находитъ въ Гоголѣ своего величайшаго представителя. Въ этомъ отношеніи Гоголь, подобно Шекспиру, едва ли имѣетъ равныхъ себѣ, давъ неизсякаемый источникъ фактовъ провѣренныхъ съ точностью обстоятельнаго научнаго анализа. При изученіи и описаніи конкретныхъ психологическихъ состояній, всякій психологъ по призванію найдетъ у Гоголя матеріалъ неизмѣримой цѣнности. И этотъ матеріалъ приготовленъ Гоголемъ уже 70 лѣтъ тому назадъ.

У Гоголя мы впервые встрѣчаемъ созданную имъ и систематически выдержанную полноту психологическаго анализа, какая стала достояніемъ науки лишь въ самое недавнее время. Описывая душевныя качества своихъ героевъ, Гоголь обязательно исчисляетъ всѣ внѣшніе признаки, или, какъ бы теперь сказали, антропологическія особенности субъекта, и Сенъ-Бевъ не безъ основанія ставитъ Гоголю эти внѣшнія описанія въ особую заслугу. Описанія эти носятъ исчерпывающій характеръ, и Гоголь нерѣдко прибавляетъ, что въ другихъ отношеніяхъ лицо или внѣшность героя не представляли ничего особеннаго. Полнота и тщательность описаній внѣшности до такой степени облегчали задачу художественныхъ интерпретацій, что иллюстрированныя изданія Гоголя (напр. изд. Маркса — «Мертвыя Души») могутъ быть отнесены къ числу замѣчательныхъ. Въ описаніяхъ Гоголя, какъ и Шекспира, исчислены внѣшнія особенности, наружные знаки дегенераціи, ярко отмѣчены особенности темпераментовъ и черты фи-

зіогноміи, и даже не забыта оцѣнка степени, силы и быстроты движеній, словомъ, внѣшность и физіогномика индивидуальности представлены полностью. Съ такою же тщательностью и тѣмъ же лапидарнымъ національнымъ языкомъ у Гоголя описаны расовые признаки племенъ, населяющихъ Россію, какъ будто художникъ знакомъ со взглядами и терминологіей современныхъ антропологическихъ трактатовъ.

Та же точность наблюдается въ отношеніи описанія душевныхъ качествъ героевъ: у нихъ обязательно описывается умъ, воля и чувства, и въ частности описываются свойства ума, категоріи конкретныхъ чувствъ въ разныхъ степеняхъ, и каждый разъ обязательно изображается сила воли, а въ заключеніе указывается на самое взаимоотношеніе различныхъ сторонъ души, т. е. на типъ личности. Въ описаніи сложныхъ чувствъ читателя поражаетъ необыкновенная наглядность и пластичность въ обрисовкѣ душевныхъ движеній и особенная, свойственная одному только Гоголю, мѣткость въ подборѣ краткихъ формулъ и терминовъ. Такимъ образомъ, дается полная и всесторонняя характеристика душевныхъ и тѣлесныхъ (антропологическихъ) качествъ и особенностей субъекта.

Если къ этому прибавимъ, что Гоголь обязательно указываетъ и на самое происхожденіе душевныхъ качествъ, т. е. на прирожденность ихъ или на ихъ зависимость отъ внѣшней среды, или, наконецъ, на ихъ зависимость отъ дурныхъ нравственныхъ навыковъ описываемаго субъекта, то такимъ образомъ становится очевиднымъ для читателя весь *нравственный формуляръ* человѣка. Такъ, описывая Плюшкина, Гоголь надѣляетъ своего героя однимъ признакомъ дегенераціи, нижне-челюстнымъ прогнатизмомъ («подбородокъ у Плюшкина выступалъ очень далеко впередъ»), но въ остальномъ «его лицо не представляло ничего особеннаго». Но этотъ единственный физическій признакъ дегенераціи состоялъ въ соотношеніи съ нѣкоторой природной односторонностью характера, — преобладаніемъ ума надъ чувствомъ («слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ его лица, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ»). Таковы природные задатки у Плюшкина.

Неблагопріятныя, душу очерствляющія событія жизни (смерть жены, отъѣздъ изъ дому дочери, полное нравственное одиночество) содѣйствовали дальнѣйшему развитію той односторонности характера, которая существовала отъ природы и выражалась дѣятельнымъ практическимъ умомъ при слабыхъ чувствахъ. Развился, такимъ образомъ, типическій порокъ человѣческой натуры, касающійся внѣшней жизни, — жадность и скряжничество. Но и на высотѣ окончательнаго развитія своихъ пороковъ, Плюшкинъ, въ изображеніи Гоголя, остался нравственно пошлымъ и гадкимъ, но здоровымъ человѣкомъ, судя по тому, что не утратилъ вниманія («глазки бѣгали, не потухнули»), имущество свое онъ не позволялъ расхищать, какъ это случилось бы у слабоумнаго; его богатства гнили на мѣстѣ, но онъ не выпускалъ ихъ изъ своихъ жадныхъ рукъ, и не сталъ равнодушенъ къ основному стремленію своей жизни, —

наживѣ, какъ сталъ бы слабоумный, утрачивающій интересъ къ своимъ собственнымъ идеямъ бреда и стремленіямъ.

Словомъ, Плюшкинъ это — ничтожность, мелочность, гадость, какъ справедливо говоритъ намъ художникъ, но не душевная болѣзнь, какъ думаетъ юрьевскій профессоръ Чижъ и какъ думаютъ многіе другіе, увлекающіеся ложной тенденціей, — объяснять общественные пороки и преступленія не иначе, какъ участіемъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней.

Такимъ образомъ у Плюшкина, при существованіи нѣкоторыхъ природныхъ неправильностей въ физическомъ и душевномъ складѣ, развились его основные пороки души. Плюшкинъ опошлѣлъ подъ дѣйствіемъ трехъ началъ: природной неправильности душевнаго склада, семейныхъ несчастій гнетущаго характера и неправильной жизни, сосредоточенной на узкихъ матеріальныхъ интересахъ. Послѣ такого исчерпывающаго анализа читателю становится понятнымъ опошлѣніе Плюшкина, какъ стало бы всякому понятнымъ неожиданное развитіе у кого-либо чахотки, если бы было указано на природную слабогрудость больного, на нездоровый климатъ, гдѣ ему пришлось жить, и на какія-нибудь неосторожности въ образѣ жизни, или на эксцессы, какимъ онъ предавался.

До какой степени въ описаніи Гоголя чувствуется сознательность психологическаго анализа, это, напримѣръ, показываетъ изображеніе Сквозникъ-Дмухановскаго, если мы сравнимъ этотъ типъ съ типомъ Плюшкина. О Сквозникѣ Гоголь говоритъ (см. «Разъѣздъ»), *«что онъ былъ не душой худъ, а просто плутъ»*. Великій писатель какъ бы говоритъ намъ: у Плюшкина, какъ онъ ни ужасенъ, все-таки есть кое-какія смягчающія вину обстоятельства, а Сквозникъ просто плутъ и ничего больше. Словомъ, изслѣдуя человѣка, художникъ всякій разъ задаетъ себѣ три вопроса: 1) какимъ человѣкъ вышелъ изъ рукъ природы, 2) какимъ онъ затѣмъ сталъ, 3) что именно сдѣлало его такимъ? И вотъ на эти три основные вопроса, въ примѣненіи къ Плюшкину и Сквозникъ-Дмухановскому, Гоголь даетъ читателю нравственный масштабъ, при помощи котораго сравнительная оцѣнка двухъ героевъ становится легкой и всякому доступной. Нерѣдко, для большаго художественнаго эффекта, Гоголь даетъ читателю художественную загадку, маскируя отвратительныя нравственныя черты характера нѣкоторыми выгодными для субъекта физическими или эстетическими особенностями, чтобы этимъ путемъ ярче отмѣтить степень нравственной деградаціи героя. Въ этомъ отношеніи Гоголь стоитъ на той же творческой высотѣ, на какой стояли великіе мастера кисти, напримѣръ Леонардо-да-Винчи, Тиціанъ и другіе. Тиціанъ, изображая, напримѣръ, небесную и земную любовь, представилъ первую въ образѣ обнаженной женщины, но съ дѣтски-невиннымъ выраженіемъ лица, а вторую показалъ изящно и скромно одѣтой, но со знаками хищной чувственности въ лицѣ. Такимъ образомъ для зрителя или читателя становится совершенно безспорнымъ сознательно-злостное лицемѣріе или наивный обманъ и самообманъ изображаемаго героя.

Всесторонній психологическій анализъ у Гоголя дополняется его постояннымъ стремленіемъ поставить прогнозъ и найти лѣкарство противъ изображеннаго имъ нравственнаго зла. По замыслу Гоголя даже Чичиковъ и Плюшкинъ должны были исправиться и стать честными людьми. Въ этомъ смыслѣ едва ли кто изъ писателей нашихъ такъ далеко пошелъ, какъ Гоголь. Его стремленіе распознать и исцѣлить душу представляется замѣчательнѣйшей попыткой созданія нервно-психической терапіи и самаго поднятія художественнаго искусства на неизмѣримую высоту психо-гигіенической службы. Огромный матеріалъ, содержащійся въ письмахъ Гоголя, даетъ основаніе думать, что Гоголь, подобно великимъ врачамъ, обыкновенно пробовавшимъ на самихъ себѣ дѣйствія новыхъ лѣкарствъ, подлежащихъ введенію въ медицинскую практику, старался на самомъ себѣ не только распознать нравственные пороки, но и испробовать дѣйствіе нравственно-цѣлительныхъ и спасительныхъ мѣръ, чтобы затѣмъ примѣнить ихъ къ читателямъ и къ обществу, въ качествѣ вѣрнаго художественнаго лѣкарства. Въ высокой степени вѣроятно, что горячее стремленіе Гоголя представить въ своихъ сочиненіяхъ («Мертвыя души») не только нравственную патологію души, но даже создать діагностику и самую терапію нравственнаго зла, — было причиной медлительности въ исполненіи великаго, по широкому плану задуманнаго труда. Не упадокъ художественнаго таланта, какъ нѣкоторые думали, но широта и цѣльность предположеннаго плана задерживали писателя въ осуществленіи его задачъ. Такимъ образомъ, въ дополненіе къ указаннымъ выше тремъ основнымъ вопросамъ (какимъ человѣка создала природа, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи и почему?) Гоголь присоединилъ два новыхъ вопроса — о сущности нравственной порчи человѣка и о средствахъ исцѣленія, испытанныхъ на самомъ себѣ. Въ этомъ состоялъ всеобъемлющій, единственный въ своемъ родѣ, художественный проектъ и планъ, охватывающій разомъ и художественныя и нравственныя цѣли, и теоретическія и практическія задачи.

II.

Художественное орудіе, какимъ Гоголь стремился достигнуть своихъ цѣлей, это — извѣстный гоголевскій юморъ, состоящій изъ комбинаціи видимаго смѣха и невидимыхъ міру слезъ. Своимъ художественнымъ орудіемъ Гоголь стремится вызвать въ душѣ читателя стыдъ и при помощи этого нравственно-спасительнаго средства уберечь человѣка отъ тонкихъ сѣтей порока. Въ этомъ удивительномъ сопоставленіи двухъ борющихся чувствъ, — *смѣха и стыда,* Гоголя едва ли кто превзошелъ не только у насъ, но и у другихъ народовъ.

Вникнемъ въ это психологически, чтобы рѣшить, какую роль играетъ въ душевномъ обиходѣ человѣка *смѣхъ и стыдъ,* — эти два чисто человѣческія чувства. Животныя, даже развитыя, и не смѣются и не стыдятся, и оттого остаются навсегда животными, не смотря на хорошо-разви-

той умъ. У животныхъ есть только чувство *виновности,* но это не стыдъ, а нѣчто низшее въ психологическомъ отношеніи. Стараясь нравственно охранить человѣка и общество, Гоголь прибѣгаетъ не къ *угрозѣ,* не къ *страху,* не къ *гнѣву* и *негодованію,* даже не къ *печали,* а только къ *стыду,* — словомъ онъ дѣйствуетъ не арсеналомъ біологически-старыхъ чувствъ, равно свойственныхъ и человѣку и животному, но пользуется только *смѣхомъ и стыдомъ,* — этими новѣйшими продуктами психологическаго прогресса. Гоголь демонстрируетъ дѣйствіе этихъ чувствъ, начиная съ ихъ элементарнѣйшихъ формъ, какъ въ посрамленіи болтливой дѣвочки-подростка, и кончая едва уловимымъ проявленіемъ пристыженія въ разсказѣ о двухъ крысахъ, которыя пришли, понюхали и ушли. Чтеніе этого послѣдняго отрывка, сдѣланное самимъ Гоголемъ, произвело на слушателей, въ числѣ которыхъ былъ и И. С. Тургеневъ, ни съ чѣмъ несравнимое дѣйствіе злѣйшаго и ехиднѣйшаго яда насмѣшки, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Тургеневъ.

Существуютъ двѣ степени или градаціи стыда: приличіе и *совѣсть,* — приличіе, какъ минимальнѣйшая доза стыда, необходимая въ обществѣ другихъ и вообще въ присутствіи живого *лица,* а совѣсть, какъ истинный стыдъ, т. е. какъ коллективная нравственность многихъ, внесенная въ индивидуальную душу и усвоенная ею. Ниже стыда и приличія стоитъ чувство *виновности.* Гоголь не безъ глубокомыслія внесъ въ нравственный послужной списокъ Сквозникъ-Дмухановскаго только чувство виновности, лишивъ его стыда и приличія въ самую торжественную минуту семейной радости и счастья, когда актъ благословенія онъ выражаетъ фразою: «да благословитъ васъ Богъ, а я не виноватъ». Такова степень нравственной деградаціи этого человѣка.

Гоголь съ рѣдкимъ искусствомъ изображаетъ различныя степени упадка чувства стыда и живописуетъ *ничтожность, мелочность, гадость* или, говоря единымъ психологическимъ терминомъ, — *пошлость.* Пошлость — это утрата чувства стыда, отсюда термины: *пошлая личность, пошлый субъектъ,* существуетъ даже терминъ: *пошлая физіономія,* — это экспрессія лица, въ которомъ недостаетъ оттѣнка стыда, какъ это выражено въ извѣстномъ отрывкѣ, принадлежащемъ не Гоголю, а другому поэту, гдѣ пошлость иллюстрирована такимъ діалогомъ: — «Тебѣ, сударыня, всѣ въ глаза плюютъ». — «А я утираюся».

При своей феноменальной стыдливости Гоголь болѣе, нежели другіе писатели, оцѣнивалъ здравоохранительное, психо-гигіеническое значеніе чувства стыда. Вотъ почему въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ онъ бьетъ въ набатъ не тогда, когда у человѣка ослабѣло чувство милосердія, состраданія, великодушія, или иное; нѣтъ, — онъ поднимается во весь ростъ для нравственной борьбы уже въ ту пору, когда замѣчается только упадокъ стыда. Пониженіемъ стыда знаменуется начинающаяся атрофія всѣхъ высокихъ чувствъ. Вѣжливый, сладкорѣчивый, но утратившій стыдъ, Иванъ Ивановичъ Перерепенко, на просьбу о милостынѣ,

отвѣчалъ старушкамъ безстыдными разспросами объ аппетитѣ, о разныхъ блюдахъ, и въ заключеніе говорилъ «уходи съ Богомъ, проходи, вѣдь я тебя не бью». Нельзя ждать милосердія отъ человѣка, лишеннаго совѣсти. Въ упадкѣ стыда уже содержится, въ гомеопатической дозѣ, вся будущая подлость человѣка, и оттого Гоголь, въ своемъ поэтическомъ ясновидѣніи, осмѣиваетъ начинающуюся пошлость, чтобы тѣмъ предохранить отъ упадка чувства стыда и совѣсти. Въ высокохудожественномъ описаніи обмѣна мыслей между Чичиковымъ и Муразовымъ въ тюрьмѣ, куда былъ посаженъ Чичиковъ, Муразову пришлось много и долго говорить съ Чичиковымъ, прежде чѣмъ удалось пробить у Чичикова кору пошлости и вызвать чувство стыда, которое послѣ долгихъ потугъ, наконецъ, выразилось своимъ типичнымъ знакомъ, — закрытіемъ лица руками. Между тѣмъ, этотъ умный Чичиковъ, вернувшись не въ духѣ съ бала губернатора, когда уже передъ глазами всѣхъ начали раскрываться его плутни, оставался нравственно слѣпымъ и обнаружилъ только чувство *виновности,* строго обвиняя себя за отдѣльные свои промахи, но вовсе *не стыдясь* самаго существа своего поведенія. Такимъ образомъ, въ изображеніяхъ Гоголя, пошлость рисуется, какъ атрофія чувства стыда и какъ психологическое пониженіе человѣка до уровня животнаго, которому доступно только чувство *виновности.* На чувство стыда Гоголь по справедливости смотритъ, какъ на самый чуткій показатель, — на своего рода сейсмографъ — какъ бы мы сказали, для оцѣнки нравственнаго уровня человѣка — его высоты или его деградаціи.

Чувство стыда, въ противоположность другимъ чувствамъ, не только не ослѣпляетъ человѣка, не только не понижаетъ дѣятельности ума, но наоборотъ, изощряетъ ее. Оцѣнивая этотъ психологическій фактъ своей геніальной интуиціей, Гоголь какъ бы преднамѣренно пользуется случаемъ возбуждать и напрягать интеллектуальное чувство читателя и доводить его до наивысшаго потенціала, чтобы такимъ путемъ описываемое событіе, устыдившее человѣка, могло быть анализировано обостренной силой ума и познанія. Этой психологической цѣли художникъ достигаетъ внесеніемъ въ свою рѣчь и въ свое описаніе такой массы умственныхъ курьезовъ, тонкостей, замысловатыхъ оборотовъ и загадокъ, какія едва-ли встрѣчаемъ у другихъ писателей. Такими техническими пріемами умственное воспріятіе у читателя, и даже самая физіологія воспріятія, доводится до необыкновенной живости и силы, которую художникъ непрерывно подкрѣпляетъ, держа такимъ образомъ читателя на крайней высотѣ догадливости и проницательности. Такова, напримѣръ, фраза: «Петрушка, по обычаю людей своего званія, имѣлъ крупный носъ и губы». Въ этой загадочной фразѣ авторъ, что называется, осѣдлалъ коня задомъ напередъ, и разсмѣшивъ такимъ образомъ читателя, предоставляетъ ему логически догадаться, въ чемъ дѣло. Вмѣсто того, чтобы сказать, что съ тѣлесными недостатками обыкновенно связаны и умственные недочеты, какъ напримѣръ у Плюшкина, — авторъ говоритъ какъ разъ наоборотъ, т. е.

онъ утверждаетъ, что люди съ умственными недочетами отличаются обычаемъ имѣть и физическіе недостатки. Загадка представляется крайне забавной и авторъ, заинтересовавъ читателя, исчисляетъ у Петрушки физическіе знаки дегенераціи и его психическую недалекость, выразившуюся въ неумѣньи достигнуть быстроты ассоціаціи и вытекающей отсюда бѣглости чтенія. Такая же загадка содержится въ словахъ, что лошади Чичикова впали въ пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей Селифана, а равно въ томъ, что дамы на балу у губернатора декольтировали себя никакъ не болѣе того, сколько необходимо было, по ихъ глубокому убѣжденію, чтобы погубить человѣка, — какъ будто, *губя* человѣка, эти дамы не выходили изъ предѣловъ нравственной осторожности и т. д. Словомъ, каждая фраза автора изысканно придумана и составлена для возбужденія интеллектуальнаго чувства читателя и благодаря этому пониманіе умственныхъ тонкостей, вызываемыхъ стыдомъ, нашло у Гоголя полное для себя обезпеченіе.

III.

Творчество Гоголя въ томъ видѣ, какъ оно осуществилось на самомъ дѣлѣ, имѣло въ виду обыкновеннаго средняго или ниже-средняго человѣка, но вовсе не касалось выдающихся людей, объ этомъ и самъ Гоголь говоритъ опредѣленно.

Но такъ какъ такого рода типы въ численномъ отношеніи составляютъ собою огромное большинство, то очевидно, что творчество Гоголя объемлетъ главную часть общества, но при томъ такую, какая больше всего нуждается въ нравственномъ попеченіи. Анализируя психологическій матеріалъ, данный Гоголемъ, можно убѣдиться съ очевидностью, что это люди, которые по своему душевному складу распадаются на двѣ весьма неравныя части. Одна часть — это субъекты, мало одаренные во всѣхъ отношеніяхъ, въ отношеніи *воли, чувства* и *ума,* какъ Петрушка, Селифанъ, Коробочка. Такихъ вообще немного. Другіе, которыхъ большинство, одарены отличной волей и обладаютъ недюжиннымъ умомъ своей расы. Но у нихъ слабо развиты чувства, и на первомъ планѣ — чувство стыда. Это важное для нравственнаго самосохраненія чувство легко стирается въ душѣ и слабѣетъ, и тогда человѣкъ утрачиваетъ свою нравственную проницательность. Таковы именно настоящіе гоголевскіе герои. Съ утратой или пониженіемъ нравственной проницательности человѣкъ впадаетъ въ своего рода дальтонизмъ и начинаетъ дѣлать нравственныя ошибки въ жизни. И только сдѣлавши крупную ошибку (мелкія уже тогда проходятъ незамѣтно), человѣкъ исправляется, видя своимъ умомъ послѣдствія. Жизнь человѣка обращается такимъ образомъ въ серію ошибокъ и поправокъ: человѣкъ быстро падаетъ и медленно поднимается, по выраженію новѣйшаго писателя, снова быстро падаетъ и вновь медленно поднимается и т. д. Прямая дорога человѣка, его прямое призваніе при

этомъ неминуемо страдаютъ и человѣкъ, какъ личность, хирѣетъ и понижается.

Гоголь задается грандіозной задачей діагносцировать и исцѣлять эту часть нравственно-хирѣющаго человѣчества. Первымъ этапомъ художника на этомъ пути является возстановленіе главнѣйшаго душевнаго нерва въ человѣкѣ, т. е. чувства стыда. Насмѣшка надъ порокомъ, обнаженіе зла, пристыженіе человѣка посредствомъ смѣха, явилось въ рукахъ Гоголя цѣлительнымъ пріемомъ. Въ этомъ — великое призваніе Гоголя, главнѣйшую часть котораго онъ исполнилъ. Глубокое значеніе человѣческой души, которую, по его словамъ, онъ имѣлъ даръ видѣть такъ же легко, какъ видится всякій внѣшній предметъ, давало Гоголю силу и прозорливость въ пониманіи зла: оно же, — это знаніе души давало ему смѣлую увѣренность въ возможности спасти даже такихъ людей, какъ Чичиковъ и Плюшкинъ. Возможность эту Гоголь хотѣлъ показать во II томѣ «Мертвыхъ душъ». Тѣ, кто, какъ С. Т. Аксаковъ, слушали чудные отрывки изъ II тома, убѣдились, что Гоголь дѣйствительно обладалъ даромъ спасать испорченныхъ людей, — даже такихъ, какъ изображенные имъ герои.

IV.

Можно глубоко пожалѣть о томъ, что въ русскомъ обществѣ не нашлось столько проницательности и силы, чтобы поддержать и охранить великаго цѣлителя душъ съ его нѣжнѣйшей душой и хрупкимъ тѣломъ. Острое и жгучее орудіе стыда и совѣсти, которое Гоголь носилъ въ своемъ сердцѣ, сожгло его чуткую, застѣнчивую душу и лишило его возможности спокойно работать. Въ теченіи всей своей жизни, а особенно въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ, онъ нравственно жегъ самого себя съ той страшной безпощадностью, съ которою онъ сжегъ написанную лучшую часть своего великаго творенія. Стремленіе недовольствоваться тѣмъ, что есть, но проникнуть въ самыя глубины нравственнаго сознанія, заставили Гоголя горѣть внутреннимъ огнемъ и вести ту внутреннюю борьбу, которая уже выходитъ за предѣлы физической возможности, за рубежъ этого міра, какъ справедливо говоритъ С. Т. Аксаковъ, который болѣе другихъ проникъ въ таинственныя глубины Гоголевской души. Возвышенная чистота совѣсти стала для этой сложной души необходимымъ звеномъ ея художественной техники, подобно тому, какъ физическая чистота рукъ хирурга является необходимымъ условіемъ успѣшности его оперативныхъ дѣйствій. Никто не оцѣнилъ силы этого внутренняго страшнаго огня Гоголевской совѣсти, никто не залилъ его потоками любви, ни у кого не нашлось тонкаго умѣнья подать твердую руку помощи въ драмѣ душевной эволюціи, которую переживалъ Гоголь. Будь у него нравственная поддержка, сдѣлайся онъ семьяниномъ, найди онъ проникновенныхъ людей, способныхъ стать на высоту его душевнаго существованія, онъ не погибъ

бы такъ рано. По поводу смерти другого великаго человѣка новѣйшей формаціи, — мы разумѣемъ Михаила Дмитріевича Скобелева, который понималъ политическую жизнь, вѣроятно, такъ же глубоко, какъ Гоголь нравственную, — по поводу смерти Скобелева одинъ изъ членовъ того же семейства Аксаковыхъ, которое было такъ дружественно Гоголю, сказалъ: если искать виновныхъ въ смерти Скобелева, то виновны мы всѣ, виновно Русское общество, которое еще не научилось охранять своихъ великихъ людей, потому что великіе люди нуждаются въ житейскомъ о себѣ попеченіи, какъ дѣти.

Къ великому горю дорогого отечества, имѣвшаго несчастье рано потерять Пушкина и Лермонтова, и Гоголь хотя болѣе прожилъ, чѣмъ два названные сейчасъ великіе поэта, но все же и при своей жизни и долгое время по смерти оставался «загадкой» даже для самыхъ выдающихся людей, даже для семейства Аксаковыхъ, гдѣ его высокая душа находила себѣ пріютъ. Въ своихъ глубочайшихъ стремленіяхъ Гоголь былъ чуждъ современному обществу, и это отчужденіе онъ чувствовалъ и мучительно переживалъ.

Снять таинственный покровъ съ великаго человѣка, разгадать загадку его души, выяснить величіе совершеннаго имъ дѣла, проникнуть въ сокровенные замыслы его художественной мысли, — все это, и многое въ этомъ великомъ и трагическомъ существованіи должно сдѣлаться самымъ настоящимъ объектомъ исканій и долга для современныхъ поколѣній.

Проф. И. А. Сикорскій.

247. Н. И. Пироговъ, какъ мыслитель и человѣкъ.

«Вы видите предъ собою человѣка прошлаго времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло васъ одушевляетъ надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему».
(Изъ рѣчи о Правдѣ и Жизни).
Пироговъ.

Подобно всѣмъ великимъ людямъ, Пироговъ, уже въ самую раннюю пору жизни возчувствовалъ въ себѣ широкую программу своего существованія и всю ее исполнилъ до конца, не взирая на ея сложность и ея размѣры. Въ теченіе всей жизни онъ проявлялъ чрезвычайную, настойчивую, неустанную дѣятельность. Одаренный колоссальнымъ самообладаніемъ, онъ былъ стоекъ, терпѣливъ, смѣлъ, бодро переносилъ удары судьбы. Несокрушимая воля составляла главный нервъ его натуры и дала ему возможность закладывать и строить зданія, тамъ, гдѣ почва еще вовсе не была готова. Съ рѣдкой силой воли у него соединялась

глубина и проницательность нѣжнаго сердца, давшая ему возможность чувствовать пульсъ жизни и событій тамъ, гдѣ взоръ обыкновеннаго человѣка ничего не замѣчалъ.

Исполнивъ свое призваніе, какъ хирургъ, какъ педагогъ, какъ ученый, какъ мыслитель и человѣкъ, Пироговъ съ рѣдкимъ спокойствіемъ и самообладаніемъ выслушалъ въ Москвѣ мнѣніе ученыхъ о его болѣзни, которая, онъ это зналъ, должна была въ полугодовой приблизительно срокъ окончиться смертью. Для успокоенія близкихъ и друзей, Пироговъ посѣтилъ еще Вѣну, чтобы узнать мнѣніе своего сотоварища по профессіи, знаменитаго хирурга Бильрота. Уже завѣса близкаго, неотвратимаго и страшнаго будущаго была пріоткрыта. Пирогову предстояла мучительная болѣзнь отъ неоперативнаго ползучаго рака, который былъ смертеленъ уже съ момента своего появленія. Для знаменитаго хирурга не могло быть болѣе тяжкой участи. Сконцентрировавъ свое безпримѣрное самообладаніе, Пироговъ казался необычно веселымъ, гулялъ вмѣстѣ съ Бильротомъ по улицамъ и окрестностямъ Вѣны и не смутилъ ничьего покоя. Ни видомъ своимъ, ни своимъ поведеніемъ и настроеніемъ онъ не выдалъ своей глубоко сокрытой душевной рѣшимости...

Вернувшись изъ Вѣны, этотъ великій человѣкъ на короткое время чутъ-чуть омрачился духомъ, но затѣмъ овладѣлъ собою, мобилизовалъ свое несравненное мужество, и спокойно сѣлъ въ кресло, изъ котораго, онъ это зналъ, ему уже не встать, потому что кресло было одромъ смерти. Три мѣсяца мучительной болѣзни закончились смертью 23 Ноября 1881 года. Въ это время Пироговъ торопливо заканчивалъ свой дневникъ, среди мукъ болѣзни прерывалъ свое писаніе не жалобами, не вздохами, не ропотомъ, но крѣпко выраженной мольбой и благодарностью Провидѣнію за то, что тяжкія страданія не лишаютъ его способности *живо вспоминать старое, думать и писать*. — «Дотяну ли еще до дня рожденія, т. е. до 13 Ноября», — спрашивалъ онъ себя 22 Октября, т. е. за мѣсяцъ до смерти. «Надо спѣшить съ моимъ дневникомъ», отвѣчалъ онъ самому себѣ.

Наиболѣе поражаетъ въ Пироговѣ спокойствіе и трогательная безропотность, съ которою онъ ждалъ близкой смерти. Какъ хирургу, ему приходилось видѣть и на полѣ брани, и на перевязочныхъ пунктахъ, и въ лазаретахъ тысячи смертей. Онъ уже зналъ, что такое смерть въ дѣйствительности, а не въ представленіи. Смерть — это операція природы, изрѣдка недолгая и безболѣзненная, изрѣдка тяжелая и мучительная, а вообще, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ, томительная и тяжелая — и по физическимъ ощущеніямъ, и по нравственному самочувствію. Смерть — это «послѣдній долгъ человѣка», какъ говоритъ французскій лингвистъ и мыслитель Литтрэ. На войнѣ Н. И. Пироговъ присмотрѣлся, какъ умираютъ люди, какъ они, принесенные на носилкахъ, исполняютъ этотъ послѣдній человѣческій долгъ. Съ какой поэтической проникновенностью и состраданіемъ Пироговъ наблюдалъ послѣднія минуты умираю-

щихъ на перевязочныхъ пунктахъ и описалъ эти минуты... Къ смерти необходимо приготовиться заранѣе, говоритъ Литтрэ, если человѣкъ желаетъ умереть съ тѣмъ же достоинствомъ, съ какимъ жилъ, потому что человѣкъ умираетъ не такъ, какъ хочетъ, а такъ, какъ можетъ. Эту возможность необходимо подготовить. Пироговъ подготовился и умеръ съ той безропотностью и съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ умираетъ воинъ на полѣ брани. Его смерть была простая, благородная, возвышенная смерть, подобная смерти того раненаго солдата, отъ котораго уже не скрываютъ его безнадежности и которому даже не дѣлаютъ безполезныхъ перевязокъ, поручая его попеченіямъ сестры милосердія, не оставляющей его и напутствующей своимъ женскимъ сострадательнымъ сердцемъ. Умирающій не желаетъ и не долженъ быть обманутъ, даже и по человѣколюбію.

Пироговъ былъ простъ и великъ, и въ жизни и въ смерти!

Едва пріоткрылась завѣса, за которой виднѣлся крошечный зачатокъ неизлѣчимой опухоли, уже вонзившей, подобно змѣѣ, свое жало, — первымъ душевнымъ движеніемъ Пирогова была не забота о себѣ, столь естественная въ подобномъ положеніи, но мысль и забота о Россіи, о русскомъ обществѣ, съ которымъ ему предстояло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разстаться на вѣки. Это было въ Москвѣ, въ маѣ 1881 года, въ торжественные дни празднованія Москвой 50-лѣтняго юбилея его научной дѣятельности. Онъ сказалъ здѣсь, въ отвѣтъ на привѣтствіе, свою краткую, знаменитую рѣчь *о правдѣ жизни*. Это была для него — особенно великая минута. Онъ находился въ дорогой для него Москвѣ, гдѣ онъ родился или, говоря его словами, гдѣ *впервые вкусилъ сладость бытія,* — въ Москвѣ, гдѣ онъ получилъ университетское образованіе и гдѣ горячо желалъ осуществить всю дѣятельность своей жизни.

— «И мѣсто, и причина праздника, сказалъ Пироговъ, возбуждаютъ во мнѣ цѣлый рядъ воспоминаній о далекомъ прошломъ, и потому не посѣтуйте на меня, если я не придумалъ ничего лучшаго, въ отвѣтъ на ваши дружескіе привѣты и пожеланія, какъ сравнительный очеркъ настоящаго съ прошлымъ, пережитымъ мною на разныхъ поприщахъ моей подвижной жизни».

— «Но не подумайте, продолжалъ Пироговъ, что я, по обычаю старыхъ людей, намѣреваюсь восхвалять предъ вами прошлое и отдавать ему преимущество предъ настоящимъ».

— «Нѣтъ! напротивъ! Складъ моего ума не позволяетъ мнѣ смотрѣть на предметы и событія съ односторонней и личной точки зрѣнія; а относясь болѣе объективно къ прошлому и къ настоящему, я не могу не отдать предпочтенія послѣднему».

Но отдавая предпочтеніе настоящему предъ прошлымъ, Пироговъ не останавливается на этомъ. Онъ устремляется въ сферу дальнѣйшихъ перспективъ, — въ область будущаго.

— «Вы видите предъ собою, говоритъ онъ, человѣка прошлаго времени, стоящаго въ дверяхъ вѣчности, который смѣло васъ одушевляетъ

надеждою и провозглашаетъ благоденствіе будущему». Къ этому *будущему,* — будущему для всѣхъ людей, Пироговъ обращаетъ взоръ тѣхъ, которые принадлежатъ прошедшему и настоящему времени. Будущее способно примирять и объединять людей всѣхъ возрастовъ, ибо оно — будущее для всѣхъ. Съ особенной любовью и пламенной настойчивостью Пироговъ хочетъ увлечь къ перспективамъ будущаго юныя поколѣнія. Онъ страшится самой мысли о возможности *умственнаго и нравственнаго застоя въ юномъ возрастѣ.* Ему представляется идеальная картина, когда всѣ человѣческія поколѣнія, и юныя, и старшія, идутъ впередъ. Ничто не можетъ ихъ раздѣлить, ибо они идутъ къ тому, чего еще нѣтъ, что еще впереди, что ищется. На первомъ планѣ Пироговъ указываетъ на *жирное движеніе* впередъ подъ знаменемъ *правды и науки.* Это знамя въ своей программѣ не содержитъ борьбы, оно только требуетъ, чтобы шли *впередъ,* не страшась зла, не борясь съ нимъ, и лишь только стремясь обогнать тѣхъ, которые идутъ подъ другими знаменами.

Пироговъ глубоко вѣрилъ въ силу *правды и знанія.* Онъ носилъ эти сокровища въ себѣ и зналъ ихъ жизненную цѣнность и ихъ могучую силу. Вся долгая жизнь Пирогова была служеніемъ этому знамени. Это была жизнь труда и науки, жизнь отмѣченная честью и нравственнымъ достоинствомъ, которыя онъ высоко и строго содержалъ до смерти, и въ самой смерти. *Правда жизни и науки* были естественной привычной стихіей, въ которой протекли всѣ дни жизни великаго человѣка. Тамъ, гдѣ другой вступалъ бы въ борьбу съ противникомъ, Пироговъ только удваивалъ свои силы, поднимая еще выше свое идейное и научное знамя. Даже для *борьбы со зломъ,* для противодѣйствія злу, Пироговъ оперировалъ только *оружіемъ* добра. Этотъ нравственный принципъ своей жизни Пироговъ формулировалъ въ терминахъ медицинскихъ афоризмовъ, сказавши, что въ нравственной борьбѣ, какъ и въ болѣзняхъ, должно слѣдовать по гомеопатическому и по гиппократовскому принципамъ, а именно, что *нравственное зло должно быть исцѣляемо добромъ.*

Такимъ образомъ, на пути научнаго и нравственнаго прогресса Пироговъ принципіально старается избѣжать *борьбы,* замѣнивъ ее соревнованіемъ. Это его личное знамя. Но такъ какъ на многихъ человѣческихъ знаменахъ написана *борьба,* а не *соревнованіе,* то Пироговъ даетъ два нравственныхъ рецепта или двѣ программы: программа *безъ борьбы* и программа *съ борьбой.*

Во всей своей долгой жизни и дѣятельности Пироговъ слѣдовалъ первой программѣ. Но вокругъ него жила и дѣйствовала, рядомъ съ его программой, другая программа — программа борьбы.

Первая программа полна высокаго интереса, какъ выраженіе и отраженіе личности Пирогова, *вторая* выражаетъ его сужденіе и его взглядъ на современниковъ.

Въ жизни, вѣрнѣе сказать, — въ теченіи всей жизни, Пирогову пришлось много терпѣть отъ субъектовъ, которыхъ онъ называлъ *Бу-*

кефалами. Это были не тѣ существа, которымъ, по примѣру Александра Македонскаго, можно было строить храмы, это были люди, имѣвшіе общую съ животными дикость и грубость, но занимавшіе болѣе или менѣе значительные административные посты. Хотя эти люди и получили высшее образованіе, но фактически были крайне невѣжественны и необразованы, притомъ это были субъекты грубые и дикіе въ нравственномъ смыслѣ. Ихъ сила заключалась въ ихъ множествѣ и въ стадной организаціи. Эти люди всегда становились поперекъ дороги всякому человѣку, обладавшему знаніями и совѣстью. Въ своей практической проницательности, они рано замѣтили Пирогова, какъ опаснаго для нихъ новатора. Одинъ изъ типичныхъ представителей этого сорта людей даже возбудилъ оффиціальнымъ порядкомъ дѣло «*объ умопомышательствѣ*» Пирогова.

Ознакомившись съ типомъ Букефаловъ, Пироговъ глубоко призадумался надъ судьбами зарождавшейся отечественной науки и родной школы, колыбель которой была окружена арміей обскурантовъ. Болѣе всего Пирогова озабочивала мысль, что на смѣну убывающаго кадра Букефаловъ старшаго поколѣнія могутъ явиться свѣжія и юныя силы, и зло останется хроническимъ, пока не будетъ кореннымъ образомъ преобразована *школа и воспитаніе*. Главнѣйшая опасность лежала въ томъ, что не смотря на существованіе учебныхъ заведеній, *ученья* фактически почти не было и воспитаніе было такимъ, что почти нисколько не развивало *чувства долга*. Такимъ образомъ, жизнь наполнялась неподготовленными людьми. При такомъ положеніи вещей реформа воспитанія была вопросомъ жизни. Взгляды на эту главнѣйшую задачу времени были выражены въ знаменитой статьѣ «*Вопросы жизни*», напечатанной Пироговымъ въ журналѣ *Московскій Сборникъ* въ 1856 году. Въ этой статьѣ Пироговъ трактовалъ о постановкѣ научнаго образованія и о развитіи характера въ юные годы. Такимъ образомъ, первоклассный анатомъ и хирургъ долженъ былъ по необходимости сдѣлаться педагогомъ.

Въ своихъ практическихъ взглядахъ Пироговъ съ особенной настойчивостью останавливаетъ свой взоръ на юношествѣ университетскаго возраста. Первый совѣтъ и завѣтъ, какой онъ даетъ юношамъ, это — горячее пожеланіе и мольба, чтобы юноши предавались неусыпно систематическому научному труду, не пропуская срока юныхъ лѣтъ. Пироговъ на себѣ испыталъ, какое важное значеніе для культуры духа заключается въ научномъ умственномъ трудѣ въ юные годы. Онъ ссылается поэтому на собственный примѣръ. Постоянство и настойчивость, съ какою самъ онъ предавался изученію наукъ въ свои университетскіе годы, т. е. отъ тринадцати — до восемнадцати-лѣтняго возраста, поразительны, особенно принимая во вниманіе, что приходилось ежедневно исхаживать пѣшкомъ чуть не всю Москву, — эту «дистанцію огромнаго размѣра». Среди этой программы не оставалось времени, чтобы выучиться танцамъ и игрѣ въ карты, и Пироговъ остался круглымъ невѣждой въ этихъ двухъ спеціальностяхъ, о чемъ упоминаетъ съ трогательной наивностью. Пусть

этотъ священный примѣръ великаго человѣка послужитъ образцомъ для настоящаго и будущаго университетскаго юношества.

Воспитанію Пироговъ придаетъ еще большее жизненное значеніе, нежели *образованію*. Воспитаніе и образованіе! Какъ ни кажутся простыми и легко- достижимыми цѣли, обозначаемыя этими словами, но на дѣлѣ задача представляется чрезвычайно трудной. Оттого, даже среди интеллигентнаго общества гораздо болѣе *обскурантовъ*, чѣмъ просвѣщенныхъ людей, и гораздо болѣе *невоспитанности*, чѣмъ *воспитанія*. Прослѣдимъ вмѣстѣ съ великимъ человѣкомъ — *отчего это происходитъ?*

Въ своемъ дневникѣ Пироговъ обнажаетъ самого себя предъ собою, чтобы съ тонкостью строгаго судьи доискаться не только причинъ, но и сокровенныхъ мотивовъ своихъ дѣйствій и помышленій. Это, по истинѣ, страшный судъ, которому подвергаетъ себя безпощадный къ себѣ великій человѣкъ. Путемъ самоуглубленія, доведеннаго до ширины цѣлой системы, онъ открываетъ важный фактъ практической психологіи, — о соотношеніи между *высшей и низшей, сознательной и инстинктивной* жизнью. Чтобы разобраться въ фактахъ этого анализа, надо, по его словамъ, самому обстоятельно *распотрошить* себя, не говоря *уже о необходимости и другихъ вспомогательныхъ вивисекцій*. Проанатомировавъ свою душу, Пироговъ пришелъ къ убѣжденію дѣлать въ ней строгія ревизіи, а послѣ нихъ вести «лютую борьбу съ собою». О самомъ результатѣ психологическихъ ревизій Пироговъ высказывается въ такихъ словахъ: «Я думаю, всякій испыталъ на себѣ, какъ внезапно и безотчетно, подобно сновидѣніямъ, злыя, паскудныя и подлѣйшія мысли всплываютъ изъ какого то омута въ тотъ самый моментъ, когда думаешь о чемъ-нибудь другомъ, нисколько не подходящемъ къ категоріи этихъ фантомовъ мышленія. . .» «Неужели же, какъ спрашиваешь себя тогда, я такой подлецъ и злодѣй, что во мнѣ могутъ скрываться такія позорныя мысли? . .» — «Что то постороннее, будто извнѣ пришлое, явилось, пошевелилось минуточку и исчезло», — заканчиваетъ Пироговъ свое самобичеваніе. Неожиданное появленіе совершенно безумныхъ мыслей, о которыхъ говоритъ Пироговъ, отмѣчаетъ также извѣстный психіатръ Гризингеръ. Пироговъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на психологической загадкѣ этихъ безумствъ мысли и глубоко вдумывается въ самое явленіе. Вмѣстѣ съ Шекспиромъ, котораго онъ цитируетъ, Пироговъ приходитъ къ мысли, что здѣсь дѣло идетъ о той слѣпой, инстинктивной, стихійной жизни, которая лежитъ въ психическихъ низахъ или, какъ выражается Пироговъ, въ «ретирадахъ души» и которая дерзаетъ, какъ тать, врываться въ святилище духа. «Въ жизни великихъ націй и великихъ государствъ, такъ же, какъ и въ жизни вселенной, говоритъ Пироговъ, бываютъ циклоны и ураганы, но ни тамъ, ни здѣсь они не могутъ измѣнить предвѣчныхъ законовъ жизни». Шекспиръ, въ одномъ изъ великихъ произведеній своего генія, въ «Бурѣ», изобразилъ намъ наглядно въ образахъ Калибано и Просперо глубокую стихійную силу, гнѣздящуюся въ человѣческой натурѣ и под-

властную наукѣ и генію, но всегда готовую возмутиться, какъ скоро она выходитъ изъ подъ вліянія этой власти. Разработавъ и обобщивъ факты, Пироговъ пришелъ къ выводу, что подвальными этажами душевной постройки должно управлять сознаніе и разумъ и что воспитаніемъ могутъ быть урегулированы отношенія. Эту мысль онъ развилъ въ грандіозный психо-гигіеническій планъ. Исходя изъ того соображенія, что инстинкты и стихійная жизнь всего сильнѣе выражены въ юношескомъ возрастѣ, Пироговъ устанавливаетъ принципіальное положеніе, что развитіе *Самообладанія* должно быть пріурочено именно къ тому возрасту. Такъ какъ эта необыкновенная мысль была строго взвѣшена и провѣрена Пироговымъ на самомъ себѣ, то это дало ему нравственное право, поставивъ себя въ примѣръ, пригласить все русское юношество проводить молодые годы такъ какъ онъ провелъ. Слова его не были книжной или традиціонной моралью. Это былъ засвидѣтельствованный личный опытъ, основанный на строгомъ самоуглубленіи и потребовавшій «лютой борьбы» съ собою, но увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ. Это дало Пирогову право нравоучительства и психогигіенической морали. Всѣмъ, конечно, извѣстенъ талантливый разсказъ Антона Чехова «Припадокъ», гдѣ художественно иллюстрированъ фактъ великихъ опасностей, предстоящихъ юношѣ, когда его умъ раболѣпно служитъ инстинкту вмѣсто того, чтобы управлять инстинктомъ, какъ того требуетъ нравственное самосохраненіе. Дерзко-безстыдное слово «пойдемъ» (въ разсказѣ «Припадокъ») вдругъ становится таинственнымъ паролемъ безумной программы, которая сразу открываетъ настежъ «ретирады души» и отуманиваетъ юношу чадомъ инстинктовъ. Сдѣлавъ глубоко-философскую оцѣнку этихъ фактовъ еще полъ-столѣтія назадъ, т. е. гораздо раньше, чѣмъ они художественно изображены Чеховымъ, Пироговъ, подобно Шекспиру, пришелъ къ геніальной мысли, что наука и научныя мышленія, создавая новыя психо-физическія условія въ организмѣ и въ мозгу, являются тѣмъ *противоядіемъ* и той *предохранительной сывороткой*, которая въ молодые годы можетъ облегчить юношѣ неизбѣжную борьбу съ *чувственностью*. Научныя увлеченія, становясь впереди чувственности, временно задерживаютъ инстинктъ и тѣмъ даютъ необходимый срокъ для мобилизаціи самообладанія .При такихъ условіяхъ внезапное инстинктивное « пойдемъ» не можетъ овладѣть душой безраздѣльно. Такимъ образомъ, наука, ученіе, умственная работа, увлеченіе научными интересами являются *психо-гигіеническимъ средствомъ* въ самомъ буквальномъ значеніи этого слова, уже благодаря одному тому, что вводятъ новые порядки *физіологической проводимости* въ самый механизмъ нервно-психическихъ иннерваціи. Безпокойство юныхъ душъ, ихъ броженіе и волненія, гнѣвъ, стихійные взрывы, это — истинныя симптоматическія явленія, показывающія что юношество недостаточно обезпечено (sit venia verbo!) научнымъ и художественнымъ провіантомъ. И провіанты сразу понизятся въ своемъ потенціалѣ.

Таково въ существенныхъ чертахъ психологическое и педагогическое

глубокомысліе Пирогова. Оно показываетъ, что въ тайникахъ души этотъ знаменитый анатомъ разбирался и двигался съ той же смѣлостью и увѣренностью, какъ и въ анатомическомъ строеніи тѣла. Движимый геніальной проницательностью, онъ твердо и увѣренно вышелъ за предѣлы анатоміи, которая была узка для его великаго духа, и вступилъ въ область психологіи, которая вскорѣ сдѣлала его первоклассным педагогомъ, сказавшимъ новое слово.

Въ сферѣ *вопросовъ воспитанія,* идеи Пирогова нашли тебѣ полное подкрѣпленіе у двухъ великихъ людей нашего времени, — Герберта Спенсера и незабвенной памяти Льва Толстого. Толстой въ предисловіи къ роману Поленца «Крестьянинъ», а Спенсеръ въ статьѣ «Рецидивы одичанія», указываютъ на наступающее подчасъ усиленіе въ жизни людей того самого начала *стихійности и дикости,* о которыхъ говоритъ Пироговъ. Отзывы обоихъ великихъ людей, философа и художника, — въ нѣкоторомъ отношеніи безпощадны, но читатель ни на минуту не поколеблется присоединиться къ ихъ критикѣ, которая дышетъ глубокой правдой и говоритъ о явленіяхъ почти тѣми же словами, какія читаемъ у Пирогова. Прямота и цѣльность характера у каждаго изъ тріумвировъ даетъ имъ полное нравственное право говорить строгимъ языкомъ библейскихъ пророковъ, и они говорятъ. Спенсеръ въ концѣ XIX вѣка жалуется на упадокъ въ душѣ людей высшихъ душевныхъ стремленій, на усиленіе и возрожденіе дурныхъ страстей. Такую перемѣну философъ находитъ во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни конца минувшаго вѣка, — въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ. По остроумному замѣчанію философа, публика больше оцѣнитъ и окружитъ почестями атлета, чѣмъ студента, выдержавшаго лучше всѣхъ свои экзамены, — какъ будто первая роль въ жизни отведена физическимъ доблестямъ, а умственному превосходству предоставлено мѣсто на заднемъ планѣ. Столь же строгую критику общественныхъ нравовъ встрѣчаемъ у Льва Толстого. «Книги и журналы, говоритъ онъ, въ особенности же газеты, стали въ наше время (1902 г.) большими денежными предпріятіями, для успѣха которыхъ необходимо наибольшее число потребителей, интересы же и вкусы наибольшаго числа потребителей всегда низки и грубы. Пресса удовлетворяетъ этимъ вкусамъ, имѣя полную возможность для того, такъ какъ,въ числѣ работниковъ прессы, людей съ такими же низшими интересами и грубыми вкусами гораздо больше, чѣмъ людей съ высокими интересами и тонкимъ вкусомъ». Изъ приведенныхъ цитатъ ясно, что и Спенсеръ, и Толстой, и Пироговъ, и Шекспиръ одинаково указываютъ на фактъ борьбы между инстинктивной и сознательной жизнью, между стихіей и разумомъ, и одинаково удостовѣряютъ фактъ постояннаго колебанія въ ту и другую сторону. Нравственный уровень человѣка и человѣчества, подобно барометру, то повышается, то понижается. Въ этихъ колебаніяхъ всего опаснѣе тѣ пертурбаціи, какія вносятся не *идеями,* а инстинктами, страстями и низшимъ психизмомъ. Объ этихъ пертурбаціяхъ одинаково высказываются

всѣ четверо поименованные сейчасъ геніи человѣчества.

Въ этомъ, почти буквально сходномъ, свидѣтельствѣ великихъ тріумвировъ нашего времени, въ соединеніи со свидѣтельствомъ четвертаго генія изъ XVII вѣка, — въ этомъ, говорю, единогласномъ свидѣтельствѣ о *силѣ науки и генія въ борьбѣ со стихійнымъ зломъ,* не усматриваете ли вы обращенія или вызова, направленнаго въ сторону Universitatis litterarum? — Это очевидный вопль по наукѣ, или, говоря терминами Пирогова, это — знакъ, что *необходимо удвоить науку и возвысить воспитаніе* въ тѣ роковые, но неизбѣжные періоды, когда нравственный барометръ понижается. Высокая задача слѣдить за барометромъ лежитъ на университетахъ прежде всего. Университетъ, имѣя въ своемъ составѣ не только ученыхъ, но и великихъ художниковъ, подобныхъ скончавшемуся почетному члену нашего университета Л. Н. Толстому, — университетъ, говоримъ, обезпеченъ персоналомъ для наблюденія за высотой стоянія нравственнаго барометра.

Воспитанію, какъ и *наукѣ,* Пироговъ придаетъ величайшее значеніе и выдвигаетъ съ особенной ясностью одну подробность воспитанія, которой уже придавалъ нѣкоторую силу и Веніаминъ Франклинъ, а Левъ Толстой поставилъ ее въ основу прогресса общества, — это вопросъ или задача систематическаго *личнаго усовершенствованія,* или, — что то же самое, — вопросъ о необходимости нравственно распотрошить себя, дѣлать строжайшее слѣдствіе надъ собой и вести съ собой лютую борьбу, какъ выражается Пироговъ. По его взглядамъ самую существенную сторону всего дѣла составляетъ раскрытіе для самаго себя истинныхъ мотивовъ собственныхъ дѣйствій. Это Пироговъ называетъ исканіемъ *внутренней правды.* Вопросъ этотъ имѣетъ огромное практическое значеніе потому, что имъ предрѣшается будущность программы жизненной борьбы, а эта борьба, въ наши дни, усилилась и расширилась. Къ ней необходимо подготовиться. Мы ведемъ теперь борьбу и политическую и національную и классовую, и борьбу половъ и семейную, и наконецъ, борьбу школьно-товарищескую.

Борьбу Пироговъ признаетъ необходимой; безъ борьбы, говоритъ онъ, человѣкъ обращается въ *ничтожество и произволъ.* Но о какой борьбѣ говоритъ Пироговъ, трактуя о воспитаніи? Съ какимъ противникомъ долженъ сражаться юноша въ дѣлѣ своего нравственнаго усовершенствованія? Здѣсь Пироговъ разумѣетъ и самую личность борца и внѣшнія препятствія, ограничивающія личность. Для борьбы съ самимъ собою, по словамъ Пирогова, необходимо *имѣть убѣжденія и стоять за нихъ горой передъ самимъ собою.* Пироговъ предостерегаетъ отъ величайшей нравственной опасности, — поступиться предъ самимъ собою своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, что сплошь и рядомъ дѣлаютъ люди, не успѣвшіе воспитать себя въ юности. Здѣсь, т. е. въ борьбѣ съ самимъ собою *внутренняя правда,* какъ алмазъ въ рукахъ минералога, опредѣляетъ чистоту, силу и твердость убѣжденій и даетъ возможность раздѣлить и разграничить въ душѣ

все *твердое и чистое,* какъ алмазъ. Кто выработалъ въ себѣ *внутреннюю правду* при посредствѣ самоуглубленія и лютой борьбы съ самимъ собою, — тотъ стоитъ на вѣрной дорогѣ личнаго нравственнаго прогресса.

Теперь — о борьбѣ *внѣшней,* о борьбѣ съ другой личностью, или съ другими личностями. Какъ вести эту борьбу? Здѣсь мы вступаемъ въ священный храмъ глубокихъ мыслей, которыхъ еще не слышала наука воспитанія и которыя столь живы и столь мощны, что еще продолжаютъ таинственно звучать. Выслушаемъ эти мысли, эти совѣты великаго человѣка, которые теперь особенно необходимы среди *полосы борьбы,* въ которую мы вступили и психическія достоинства которой мы не всегда вѣрно оцѣниваемъ.

Своими великими нравственными принципами и всею своею жизнью Пироговъ старался убѣдить старшія и младшія поколѣнія въ томъ, что чужую личность необходимо безусловно уважать. Не уважая чужую личность, вы очевидно еще не научились уважать вашу собственную; вы еще не достигли *самопознанія,* какъ выражается Пироговъ; вы еще находитесь въ низшихъ классахъ школы нравственнаго усовершенствованія. Начните съ того, чтобы *познать себя,* ознакомиться безпристрастно и по совѣсти съ самимъ собою, со своими достоинствами и недостатками, со своими убѣжденіями; научитесь относиться къ самому себѣ честно, твердо и строго, уважайте сами себя и тогда вы наполовину готовы къ *борьбѣ съ другими. Теперь,* говоритъ Пироговъ, *если вы пытаетесь начать борьбу и убѣждаетесь, что вы не умѣете ее вести безъ вражды,* не умѣете *безпристрастно любить того, съ кѣмъ боретесь; не умѣете достаточно оцѣнить* вашего врага; то это значитъ, что вы еще не готовы къ борьбѣ. *Вамъ предварительно необходимо научиться жертвовать* собою. Только при этомъ условіи вы поведете борьбу такъ, какъ надлежитъ ее вести честному и разумному человѣку, т. е. съ умѣніемъ, съ терпѣніемъ и уваженіемъ противника, не прибѣгая ни къ злобѣ, ни къ мщенію, ни къ дряннымъ пріемамъ борьбы. Но если вы еще не научились ни *самообладанію, ни самопожертвованію,* если вы готовы вести борьбу безъ уваженія къ чужой личности и ея убѣжденіямъ; если вы ведете вашу борьбу съ раздраженіемъ и *враждой,* — вы не достигнете успѣха въ вашей борьбѣ и въ самомъ лучшемъ для васъ случаѣ добьетесь фикціи: обезоружите вашего противника, уничтожите его, но ни мало не поколеблете идеи и убѣжденій, на борьбу съ которыми вы вступили, и эти идеи даже пріобрѣтутъ еще большій потенціалъ, благодаря вашимъ нападкамъ. Борьба должна быть честной, пріемы борьбы должны быть чистыми, и личность, съ которою вы боретесь, должна быть вами такъ-же уважаема, какъ и ваша собственная личность. Таковы идеи Н. И. Пирогова, которыя онъ исповѣдывалъ въ своей жизни и которыми руководился въ своей дѣятельности и борьбѣ.

Какъ чужды совѣты Пирогова для современнаго уха, какъ невѣдомъ и какъ мало понятенъ языкъ великаго человѣка, — въ разгарѣ современ-

ной всякаго рода борьбы, отъ политической до школьно-товарищеской включительно. Какъ мы нашими формами и пріемами борьбы сами себѣ отдаляемъ моментъ наступленія дней согласія и единенія. Подумаемъ о воспитаніи насъ самихъ, — это разрѣшитъ намъ затуманенную въ наши дни проблему воспитанія **юношества.**

Быть можетъ кто-нибудь усомнится въ справедливости идеи Пирогова, быть можетъ найдутся люди, которые и теперь назовутъ Пирогова новаторомъ и опаснымъ идеалистомъ, какъ это многіе дѣлали при его жизни. Быть можетъ, встрѣтится даже и *такой,* кто скажетъ: «Опытъ жизни, практика жизни показываетъ намъ иное». Да, «*практика*» показываетъ намъ совсѣмъ не то, чему училъ Пироговъ. Но теперь, послѣ протекшихъ пятидесяти лѣтъ, юношество и старшія поколѣнія должны *наконецъ умѣть* оцѣнить высокіе нравственные идеалы Пирогова и не предоставлять этой оцѣнки будущимъ поколѣніямъ. Пусть великій человѣкъ будетъ, наконецъ, понятъ въ наши дни, когда совѣтъ его столь необходимъ.

Но какъ бы ни отнеслись къ идеямъ Пирогова, эти идеи восторжествуютъ; ибо сила добра *и была и во вѣкъ будетъ* могущественнѣе силы зла. Вопросъ только въ срокѣ. — Таково убѣжденіе Пирогова.

Необходимо всѣмъ нашимъ существомъ и всѣми фибрами нашей души поддерживать добро и бороться со зломъ, — бороться какъ съ тѣмъ зломъ, которое живетъ *внѣ насъ,* такъ и съ тѣмъ, которое гнѣздится *въ насъ самихъ. Зло — всегда зло,* независимо отъ локализаціи. Будемъ помнить, какъ говоритъ Пироговъ, что это *грозная борьба, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе* къ истинѣ и совершенству.

И такъ Пироговъ указалъ намъ на фактъ постоянныхъ колебаній нравственнаго барометра, — на его повышеніе и паденіе, и разобрался въ самомъ существѣ этого явленія. Для вящшей силы своихъ словъ онъ сослался на Шекспира и даетъ свое заключеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Въ человѣческой натурѣ гнѣздится грубая стихійная сила, подвластная только наукѣ и генію, но готовая возмутиться, какъ только она выходитъ изъ подъ вліянія этой власти». Но о томъ же говоритъ Спенсеръ, употребляя терминъ *рецидивъ одиночества.* О томъ же, наконецъ, говоритъ Левъ Толстой въ своихъ проповѣдяхъ о подъемѣ нравственности. Всѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же явленіи, — о колебаніи уровня высшаго и низшаго психизма или о перевѣсѣ, то разума, то инстинктовъ. Всѣ четыре геніальныхъ человѣка страшатся періодическаго возрожденія зла, и страхи ихъ не напрасны, потому что мы видимъ это возрожденіе. Зло нерѣдко мѣняетъ свою оболочку, оставаясь въ существѣ: обкрадываніе казны временъ Пирогова нынѣ котируется подъ флагомъ «*законныхъ процентовъ*», оскорбленіе другой личности часто объявляется отстаиваніемъ собственнаго достоинства; непривычка къ труду, а нерѣдко и самая заправская лѣность называется *неврастеніей,* — и столько развелось «неврастеній» въ наши дни, что никакой экспертъ не согласится съ подобной статистикой.

Противъ всякаго психическаго зла, противъ органическаго перевѣса инстинктовъ надъ разумомъ, Пироговъ, подобно Шекспиру, рекомендуетъ науку и художественныя произведенія геніальныхъ писателей. Эти орудія, этотъ моральный арсеналъ Пироговъ называетъ *борьбой со зломъ посредствомъ добра*. Таковы идеи Пирогова.

Преклонимся предъ геніемъ человѣка, который по внѣшнему жизненному вопросу воспитанія стоитъ въ одномъ ряду съ Шекспиромъ, со Спенсеромъ, съ Львомъ Толстымъ. Преклонимся предъ памятью мыслителя, который вдвойнѣ близокъ Кіеву и Университету. Въ стѣнахъ Кіевскаго Университета, подъ его священными сводами, раздавался голосъ Пирогова 60 лѣтъ назадъ, когда онъ говорилъ со студентами въ залѣ торжественныхъ собраній...

Уже давно стихли и прекратились физическія колебанія частицъ того воздуха, который дрожалъ, вырываясь изъ убѣжденной груди Пирогова, но не затихнутъ и не замрутъ вибраціи той человѣческой памяти, которая хранитъ въ себѣ образъ великаго человѣка и мощь его возвышенныхъ идей. Это память вѣчная.

Проф. И. А. Сикорскій.

248. Д. Развитіе, расцвѣтъ, жизнь Личности. Судьба. Рокъ.

Особенности новаго человѣка замѣтны уже въ первые годы его жизни, но его Личность впервые ярко сказывается въ переходномъ возрастѣ. Саморасцвѣтъ начинается широкимъ потокомъ эстетическихъ, интеллектуальныхъ и нравственныхъ чувствъ, которыя новы, свѣжи, оригинальны и выступаютъ сразу въ готовности и силѣ; способъ держать себя, манера говорить, мыслить обнаруживаютъ смѣлость, силу, увѣренность. Впечатлѣніе на зрителя по временамъ можетъ быть чарующимъ отъ мощи, новизны, оригинальности новаго человѣка. Работа ума у него ясна, ярка, продукты истины и правды запечатлѣны идеализмомъ и чистотой. Замѣтны зачатки протеста юной жизни отъ встрѣчи ея съ выцвѣтшей, уже помятой текущей жизнью. Отсюда начало протестующей борьбы и перваго ея драматизма. Выступаетъ чувствованіе долга предъ самимъ собой, съ идеальной оцѣнкой собственной новой индивидуальности. Чувство долга передъ *собой и другимъ* придаетъ новой Личности ореолъ нравственнаго достоинства. Наблюдателю ясно, какъ Истина, Правда, Альтруизмъ, отчетливо чувствуются новымъ человѣкомъ, какъ Фальшь, Ложь, Неправда, Эгоизмъ рѣжутъ его душу подобно острому ножу. Борьба съ послѣдними отрицательностями наступаетъ, однако, только съ наступленіемъ дальнѣйшихъ фазъ развитія. Начертанный ходъ расцвѣта Личности соотвѣтствуетъ контингенту лучшей части юнаго поколѣнія. Средняя и слабѣйшая части *юныхъ* рано запутываются въ сѣтяхъ жизни и сливаются со старшими въ общую психологическую сѣрую массу, неясно мыслящую, не остро чувствующую,

еще способную волноваться, но уже подернутую сѣрыми тонами дѣйствительности, предвѣщающими опасную нравственную будущность житейской тины, втягивающей и не отпускающей на просторъ нравственной свободы и независимости. Состояніе это еще будетъ предметомъ дальнѣйшаго психологическаго разбора со стороны его происхожденія и опасной сущности для молодыхъ поколѣній. Древніе греки своимъ класическимъ яснымъ умомъ знали, что существуетъ психологическое Мутно-Сѣрое Нѣчто, которое они персонифицировали (олицетворили), называя Судьбой или Рокомъ, и надѣляли *его* одухотворенной силой и капризной способностью вмѣшиваться въ дѣла людей. Но дѣла людей зависятъ на самомъ дѣлѣ не отъ судьбы, которой къ тому же вовсе и нѣтъ, но судьба людей зависитъ отъ нихъ самихъ, отъ условій ихъ рожденія, отъ ихъ страстей и особенно отъ тѣхъ перемѣнъ ихъ Личности, какія ими неосторожно допускаются, какъ нѣчто допустимое и безопасное, но на самомъ дѣлѣ вовсе недопустимое, способное измѣнять самую Личность или нарушать ея составъ и цѣлость. Въ этомъ немаловажное бѣдствіе.

249. а) Біологія и Психологія въ ихъ соотношеніи.

Чтобы оріентироваться въ приведенномъ научномъ и художественномъ матеріалѣ, касающемся роста и развитія Личности, необходимо точно учитывать и взвѣшивать данныя біологіи и психологіи относительно наслѣдственности и наслѣдственной передачи различныхъ качествъ. Біологія показываетъ, что отъ поколѣнія къ поколѣнію передаются какъ общія свойства организаціи, такъ и случайныя пріобрѣтенія, если они сильно выражены въ предыдущихъ живыхъ рядахъ. Такимъ образомъ передаются свойства и особенности отъ дѣда и бабки къ внучатамъ, нерѣдко минуя ближайшія поколѣнія, но также и отъ нѣсколькихъ предыдущихъ генерацій. Тому же пути слѣдуетъ и болѣзненная наслѣдственность. На этомъ основано улучшеніе и возвышеніе родовъ, а также ихъ упадокъ и вырожденіе. Въ первомъ случаѣ выгодныя качества накопляются и поддерживаются жизнью и наслѣдственными трудовыми усиліями послѣдовательныхъ поколѣній, во второмъ ослабляются и утрачиваются.

Путь наслѣдственной передачи открывается и учитывается вѣрнѣе чрезъ посредство антропологическихъ измѣреній, которыя могутъ указать на типъ постройки головы, какъ важнѣйшаго органа нервной системы и другихъ частей тѣла у родственныхъ семейныхъ группъ. Такой пріемъ вѣрнѣе и точнѣе фотографическихъ и иныхъ указаній опредѣляетъ сходство родственныхъ поколѣній.

Второе по силѣ значеніе въ развитіи Личности имѣетъ среда, т. е. мать, семья, общество, внѣшняя природа, гдѣ живетъ юное существо со дня своего появленія на свѣтъ, и гдѣ впервые встрѣчаются Личность съ внѣшнимъ міромъ. Это хорошо вѣдомо педагогамъ, которыми собранъ богатый по этому вопросу матеріалъ. Часть этого художественнаго матеріала приведена.

Третьимъ по силѣ и степени началомъ, обезпечивающимъ человѣку неизмѣнное сохраненіе и незыблемое удержаніе Личности и характера служитъ отсутствіе всякихъ *изнурительныхъ и длительныхъ* болѣзней, т. е. полная охрана здоровья и *жизнерадости*. При этомъ условіи, *все, что дано природою* и уже присуще Личности, *будетъ за нею удержано въ жизни*. Это идеальное *третье* условіе рисуетъ связь Біологіи съ Психологіей и на образцахъ и примѣрахъ показываетъ значеніе классическаго афоризма: mens sana in corpore sano, т. е. здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ.

250. *Незыблемость Личности.*

Сохраненіе основъ и свойствъ личности составляетъ самую надежную гарантію психической здравости, какъ бы ни были значительны психическія ненормальности въ человѣкѣ. Даже такой бьющій въ глаза симптомъ, какъ галлюцинаціи, какъ были у Ньютона, еще не можетъ указывать на душевную болѣзнь, пока *личность* сохранена и пока выразитель ея, — *сознаніе,* остается цѣльнымъ и исторически себѣ вѣрнымъ. Въ виду этого распознаваніе даже мельчайшихъ измѣненій личности должно быть признано первостепенной задачей.

Стремленіе поддерживать нить *самосознанія* и незыблемость личности глубоко присущи здоровому уму: приходя въ себя послѣ обморока, пробуждаясь отъ сна или спохватываясь въ мечтахъ и разсѣянности, человѣкъ старается прежде всего связать въ своемъ сознаніи предыдущее съ послѣдующимъ и опредѣлить свое отношеніе къ внѣшнему міру, — «что со мной», «гдѣ я», — вотъ вопросы, которые всегда присущи человѣку, какъ самая жизнь и сознаніе. Второй изъ указанныхъ сейчасъ двухъ вопросовъ невозможенъ безъ перваго. Какъ фотографическій аппаратъ долженъ быть точно установленъ для воспріятія свѣтового эффекта, такъ личность должна быть незыблема для успѣха *внутренней и внѣшней* душевной работы (т. е. для мысли и для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній). Оттого въ душѣ человѣка постоянно сохраняется *единство сознанія*, или, по крайней мѣрѣ, происходитъ внутренняя борьба за его сохраненіе: въ нормальной душѣ живутъ не двѣ личности, а одна. Однимъ изъ условій для сохраненія единства мысли, единства духа, служитъ физіологическій агентъ, значеніе котораго особенно понятно для врача. Агентъ этотъ есть кровообращеніе въ мозгу: оно, обслуживая питаніе мозга, тѣмъ самымъ даетъ физіологическій тонъ работѣ мозга и обезпечиваетъ ея надлежащія качества, требуемыя сложностью объединяемыхъ механизмовъ. Другимъ условіемъ, — уже условіемъ психологическимъ, для поддержанія *единства духа* служитъ непрерывная работа мысли и чувства, при посредствѣ которой все душевное содержаніе безпрерывно приводится въ порядокъ, въ систему и въ ясность.

251. Психологическая устойчивость и незыблемость.

Кромѣ *индивидуальнаго пульса,* который присущъ Личности и составляетъ ея психо-физическую принадлежность и характеризуетъ ее, служа отраженімъ и коррелативомъ ея психическихъ свойствъ, такое же значеніе имѣетъ и дыханіе, какъ въ этомъ можно убѣдиться на пишущихъ точныхъ приборахъ. Весьма вѣроятно, что столь же устойчивыми являются и эмотивныя экспрессіи (полигляндулярнаго разряда), судя по тому, что уже и для діагностическаго взора не-спеціалиста доступно распознаваніе характера и свойствъ человѣка (люди мягкіе, чувствительные, чуткіе субъекты, холодныя, черствыя, жестокія, злобныя, раздражительныя натуры и т. п.). Что касается мимическихъ экспрессій, то устойчивость ихъ общеизвѣстна. Наблюденія, сдѣланныя авторомъ этой книги, дали нѣкоторыя весьма существенныя указанія, касательно пульса, дыханія, двигательной и полигляндулярной экспрессивности, которыми подтверждается фактъ устойчивости и незыблемости характера человѣка и связанной съ этимъ такой же устойчивости и неизмѣнности коррелативовъ. Не только пульсъ остается у человѣка навсегда характернымъ подобно его почерку, но почти такимъ же остается дыханіе, такова же реакція железъ при извѣстныхъ эмоціяхъ, и, наконецъ, такова же склонность прибѣгать къ индивидуальнымъ экспрессивнымъ движеніямъ, жестамъ, слову, мимикѣ. При этомъ весьма существенной особенностью является то обстоятельство, что чѣмъ устойчивѣе личность и чѣмъ прочнѣе отмѣчены ея индивидуальныя черты, тѣмъ прочнѣе и опредѣленнѣе выражены особенности коррелативовъ. Съ наибольшей яркостью это сказывается у лицъ талантливыхъ или вообще у личностей, стоящихъ выше средняго уровня. При этомъ легко замѣтить, что душевному совершенству соотвѣтствуетъ тщательность, отчетливость и изящество работы коррелативовъ. На личностяхъ, имѣющихъ благородный, возвышенный характеръ, на художникахъ и вообще на лицахъ одаренныхъ, — можно съ полной очевидностью убѣдиться, что наряду съ лучшими душевными качествами выступаютъ и физіологическія преимущества ихъ нервной организаціи.

252. Ранніе зачатки отрицательныхъ чертъ Личности. Болѣзненная наслѣдственность.

(Изъ «Героя нашего времени»).

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу. По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь

на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіи цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ, сначала высказалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя и окончилъ искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

— «Вы опасный человѣкъ! — сказала она мнѣ, — я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычекъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня, — я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно».

— «Развѣ я похожъ на убійцу?..»

— «Вы хуже...»

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко тронутый видъ:

— «Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скроменъ — меня обвинили въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли, я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ; меня ставили ниже: я сдѣлался завистливымъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, — меня никто не понялъ и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду, — мнѣ не вѣрили, я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ на наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, я ее отрѣзалъ и бросилъ; — тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины. Но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я самъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно, когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна, — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ нимало».

Лермонтовъ.

253. б) Ранніе зачатки болѣзненныхъ чертъ Личности.

Приведенный весьма серьезный отрывокъ изъ Лермонтова «Печоринъ» требуетъ комментаріевъ. Объясненіе самимъ Печоринымъ отрицательныхъ свойствъ своего характера не можетъ быть принято всецѣло: человѣкъ не становится дурнымъ только оттого, что о немъ дурно думаютъ другіе. Этимъ путемъ человѣкъ не дѣлается *нравственнымъ калѣкой,* какъ о себѣ выражается Печоринъ. Нравственнымъ судьей, критикомъ человѣка всегда остается его внутреннее сознаніе, внутренняя правда. Но тотъ фактъ, что его дурныя качества *читались въ его лицѣ,* имѣетъ существенное значеніе для вопроса. Очевидно, что эти качества были въ зачаткѣ на самомъ дѣлѣ, какъ они были у Сократа, и оттого были замѣтны чужому глазу. Сократъ прямо говоритъ о себѣ, что физіогномистъ, назвавшій его лицо *злымъ отъ природы,* не совсѣмъ былъ неправъ, потому, что въ глубинѣ души у него дѣйствительно были природныя отрицательности, которыя подавлены имъ посредствомъ возвышенныхъ идей и усилій воли (Всеобщая Психологія). Относительно Печорина немаловажное значеніе должно быть придано тому, что Печоринъ *глубоко чувствовалъ добро и зло,* но его никто не ласкалъ, всѣ оскорбляли. Такое холодное и злое воспитаніе, чуждое материнскаго вліянія, дѣйствуетъ тѣмъ губительнѣе, чѣмъ нѣжнѣе возрастъ ребенка. И, въ самомъ дѣлѣ, слѣды жестокости характера Печорина были ясно замѣтны для его юной собесѣдницы. Ея отзывъ (о немъ), лично высказанный ею Печорину, хотя рѣзокъ, но художественно правдивъ: онъ основанъ на экспрессіяхъ. Несомнѣнно, что у Печорина была нездоровая наслѣдственность, поддержанная ошибками воспитанія. Она выражалась расположеніемъ къ *желчности,* злости, которое подозрительно въ молодомъ существѣ, какимъ былъ Печоринъ, тѣмъ болѣе, что злость сопровождалась экспрессіями и другими внѣшними знаками, какіе ясно *читались на лицѣ.* Были ли это только болѣзненныя экспрессіи, доступныя чтенію немногихъ, или то были отмѣтки, которыя нарушаютъ чистоту внѣшности, онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ человѣкѣ замѣтны уже и *матеріальные, пластическіе* слѣды зловредной болѣзненности, согласно народной пословицѣ: *Богъ шельму мѣтитъ.*

Разъясненіе факта нездоровой наслѣдственности у Печорина находимъ въ аналогіи этого типа съ другимъ, въ художественномъ произведеніи, въ разсказѣ Леонида Андреева «Василій Фивейскій».

254. О. Василій упорно, настойчиво и честно велъ борьбу за право нравственнаго существованія, боролся съ собой, съ окружающими людьми и съ тяжелой наслѣдственностью, которая безпощадно вела его къ гибели. Художникъ изображаетъ эти факты въ слѣдующихъ словахъ:

Надъ всею жизнью Василія Фивейскаго тяготѣлъ суровый загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ юности несъ

тяжелое бремя печали, болѣзней и горя и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный окружалъ его, какъ невидимое, прозрачное облако. Сынъ покорнаго и терпѣливаго отца, захолустнаго священника, онъ самъ былъ терпѣливъ и покоренъ и долго не замѣчалъ той зловѣщей и таинственной преднамѣренности, съ какою стекались бѣдствія на его некрасивую вихристую голову. Быстро падалъ и медленно поднимался, снова падалъ и снова медленно поднимался и хворостина за хворостинкой, песчинка за песчинкою, трудолюбиво возстанавливалъ онъ свой непрочный муравейникъ при большой дорогѣ жизни. И когда онъ сдѣлался священникомъ, женился на хорошей дѣвушкѣ и родилъ отъ нея сына и дочь, то подумалъ, что все у него стало хорошо и прочно, какъ у людей, и пребудетъ такимъ навсегда. И благословилъ Бога, такъ вѣрилъ въ Него торжественно и просто, какъ іерей и какъ человѣкъ, незлобивый душою.

Л. Андреевъ.

(Но тутъ начинаются несчастія: утонулъ мальчикъ, психически заболѣла жена, и эта болѣзненно тоскующая жена захотѣла имѣть мальчика взамѣнъ утонувшаго, но родила идіота, послѣ чего стала горько пить. Съ этого времени исчезла радость жизни и наступили испытанія, тяжелыя все еще болѣе потому, что они вытекали изъ болѣзненной натуры о. Василія.

Особенно трудна была о. Василію встрѣча съ людьми обладавшими сильной волей. Таковъ былъ церковный староста Иванъ Порфирьевичъ Копровъ. У него была сильная воля, у о. Василія слабая воля и нѣжныя чувства.

Староста былъ самодоволенъ, самоувѣренъ, гордъ, самонадѣянъ и постоянно веселъ, а о. Василій былъ постоянно *печаленъ, запуганъ* и безъ внѣшнихъ поводовъ и причинъ постоянно испытывалъ чувство *стыда и виновности.* Художникъ слѣдующими чертами изобразилъ это душевное состояніе, уже начинавшее становиться близкимъ къ болѣзни).

Въ сужденіяхъ своихъ Иванъ Порфирьевичъ былъ быстръ и неосноваленъ и легко отступалъ отъ нихъ, часто самъ того не замѣчая, но поступки его были тверды, рѣшительны и почти всегда безошибочны.

Все это дѣлало старосту страшнымъ и необыкновеннымъ въ глазахъ запуганнаго попа. При встрѣчѣ онъ первый съ неприличной торопливостью снималъ широкополую шляпу и, уходя, чувствовалъ, какъ чаще и торопливѣе становятся его шаги — шаги человѣка, которому *стыдно и страшно,* и путаются въ длинной рясѣ жилистыя ноги. Точно вся жестокая, загадочная судьба его воплотилась въ этой огромной черной бородѣ, волосатыхъ рукахъ и прямой твердой поступи, и, если о. Василій не сожмется весь, не посторонится, не спрячется за своими стѣнами, эта грозь-

ная туша раздавитъ его, какъ муравья. И все, что принадлежало Ивану Порфирьевичу Копрову и касалось его, интересовало попа такъ, что иногда по цѣлымъ днямъ онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ кромѣ старосты, его жены, его дѣтей и богатства. Работая въ полѣ съ крестьянами, самъ похожій на крестьянина въ своихъ грубыхъ смазныхъ сапогахъ и посконной рубахѣ, о. Василій часто оборачивался къ селу, и первое, что онъ видѣлъ послѣ церкви, была красная желѣзная крыша старостинаго двухъэтажнаго дома. Потомъ среди завернувшейся отъ вѣтра сѣрой зелени ветелъ онъ съ трудомъ отыскивалъ деревянную потемнѣвшую крышу своего домика, и было въ двухъ этихъ непохожихъ крышахъ что-то такое, отъ чего жутко и безнадежно становилось на сердцѣ у попа...

И такъ стыдно ему было, какъ будто онъ совершилъ всѣ преступленія, какія есть на мірѣ, онъ пролилъ всѣ слезы, онъ истерзалъ и изорвалъ въ клочки человѣческія сердца. Стыдно было ему придавленныхъ домовъ, мимо которыхъ онъ шелъ, стыдно было входить въ свой домъ, гдѣ безраздѣльно и нагло, силою зла и безумія, царилъ страшный образъ полуребенка полу-звѣря.

Л. Андреевъ.

255. Сравнивая между собою эти два художественныхъ типа Печорина и Василія Фивейскаго, видимъ у обоихъ нездоровую эмотивность. У Печорина эмотивность выражалась склонностью къ безпричинному гнѣву, желчности, которая приходила легко «здорово живешь». «Я началъ, шутя, говоритъ Печоринъ, и окончилъ *искренней злостью»,* испугавшей юную собесѣдницу не задумавшуюся сказать, что онъ хуже убійцы. У Василія Фивейскаго была другая эмотивность въ характерѣ — *печаль,* чувство *стыда* и *виновности.* Оба типа эмотивности указываютъ на дѣйствіе нездоровой наслѣдственности, которая даже выразилась у Фивейскаго рожденіемъ идіотическаго ребенка, для Печорина ограничилась безпощадно-рѣзкимъ, но заслуженнымъ отзывомъ о немъ юной собесѣдницы, не выдержавшей пытки его рѣчи и экспрессій.

256. Такой же нездоровой наслѣдственностью отдаетъ и отъ личности Вронскаго въ романѣ: Анна Каренина. Онъ былъ *упрямъ* и на немъ немало грѣха лежитъ за судьбу идеалистки Карениной, которую онъ не умѣлъ ни любить, ни беречь, не смотря на то, что для него она пожертвовала счастіемъ своего сына и своей собственной Личностью, которую сначала искалѣчила, а потомъ погубила. Только подъ конецъ своей жизни она, *по экспрессіямъ* прочла на лицѣ Вронскаго слѣды того стихійнаго, полуживотнаго чувства, которое обозначается словомъ *упрямство* и которое хорошо издавна вѣдомо народной мудрости и отмѣчено многими пословицами и поговорками. Худшаго супружескаго подбора, какъ Вронскій, не могла сдѣлать Анна Каренина для себя и для жизни. Упрямство есть черта свойственная болѣе животному — черта тяжелая, для человѣка-това-

рища. Упрямство можетъ быть разсматриваемо, какъ дыханіе нездоровой наслѣдственности въ области *воли*, подобно тому, какъ эмотивность *злостная или нѣжная* (Арбенинъ, Фивейскій) носитъ на себѣ печать нездоровыхъ чертъ въ области *чувства*.

257. Дѣйствіе общества на личность.

Педагогическое значеніе Общества представляетъ собою вопросъ сложный. Если останавливаться не на конкретныхъ примѣрахъ, а на общей принципіальной постановкѣ дѣла, то можно говорить болѣе всего о воспитательномъ воздѣйствіи на Личность Учрежденій и общественной жизни.

Насколько дѣйствіе Учрежденій можетъ быть высоко поучительно для Личности, настолько образцы общей и общественной жизни могутъ быть то высоко поучительны, то иной разъ лишены этого характера, какъ показываютъ приводимые образцы изъ Толстого. Въ своемъ родѣ и они также весьма поучительны, какъ это будетъ разъяснено далѣе.

258. Поучительный для личности примѣръ исполненнаго долга и подвига.

Митрополитъ Филиппъ.

Митрополитъ Филиппъ происходилъ изъ знатнаго рода Колычевыхъ, родился въ 1507 году и названъ Феодоромъ. Отецъ его Стефанъ принадлежалъ къ числу ближнихъ бояръ великаго князя Василія Іоанновича и засѣдалъ въ государственной думѣ. Когда подросъ Ѳеодоръ, то былъ взятъ ко двору. Здѣсь узналъ его малолѣтній князь Іоаннъ, но не надолго. Въ 1537 году, когда Іоанну исполнилось только восемь лѣтъ, а Ѳеодору тридцать, послѣдній тайно оставилъ Москву и удалился въ Соловецкую обитель. Тамъ, черезъ нѣсколько времени принявъ постриженіе вмѣстѣ съ именемъ Филиппа, онъ въ продолженіи десяти лѣтъ проходилъ разныя, иногда весьма тяжелыя послушанія. Возведенный въ санъ игумена (въ 1547 г.), Филиппъ, въ продолженіе восемнадцатилѣтняго управленія Соловецкой обителью, совершенно обновилъ ее, соорудилъ въ ней двѣ каменныя церкви, завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ, воздвигъ для братіи каменныя двухъ и трехъэтажныя келіи и больницы, внѣ монастыря умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, устроилъ водяныя мельницы, завелъ скотный дворъ и оленей, соединилъ озера каналами и осушилъ болота, сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санѣ игумена Филиппъ снова сдѣлался извѣстнымъ Іоанну, посѣтивъ Москву (1550-1551 г.), и заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ Игумену грамоты на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатыя ризы и другія драгоцѣнныя вещи. Можетъ быть, Іоаннъ, оказавъ Филиппу столько знаковъ царскаго благоволенія, расчитывалъ, что Филиппъ

охотно согласится быть въ полной его волѣ, и занимая митрополитскую кафедру, будетъ постоянно держать его сторону и ни въ чемъ не станетъ ему противорѣчить. Но такой расчетъ, если только онъ существовалъ, скоро оказался не вѣрнымъ.

Когда Филиппъ изъ своей отдаленной обители прибылъ въ Москву, Іоаннъ принялъ его съ великой честью, удостоилъ своей царской трапезы и щедро одарилъ. Но, какъ только предложилъ ему, въ присутствіи всего священнаго собора и бояръ, митрополитскую кафедру, Филиппъ сначала смиренно отказывался, ссылаясь на слабость своихъ силъ и уподобляя себя малой ладьѣ, неспособной носить великую тяжесть, а потомъ, будучи «понуждаемъ царемъ и соборомъ на митрополію, смѣло сказалъ, чтобы царь отмѣнилъ опричину, — а не отмѣнитъ, ему, Филиппу, митрополитомъ быть невозможно; если же его и поставятъ въ митрополиты, онъ затѣмъ оставитъ митрополію. Царь прогнѣвался, но, по челобитію архіепископовъ и епископовъ отложилъ свой гнѣвъ и велѣлъ сказать Филиппу, чтобы онъ въ опричину и въ царскій домовый обиходъ не вступался и на митрополію ставился, и послѣ поставленія не оставлялъ ея изъ за того, что царь не отмѣнилъ опричины, и совѣтовалъ бы съ царемъ, какъ прежніе митрополиты совѣтовали съ отцомъ его и дѣдомъ». И Филиппъ далъ свое слово архіепископамъ и епископамъ, «что онъ, по царскому слову и по ихъ благословенію, соглашается стать на митрополію, что въ опричину и въ царскій домовый обиходъ ему не вступаться, а по поставленіи, изъ-за опричины и царскаго домоваго обихода митрополіи не оставлять». Въ такихъ выраженіяхъ составленъ былъ приговоръ и подписанъ нареченнымъ на митрополію соловецкимъ игуменомъ Филиппомъ и за нимъ двумя архіепископами и пятью епископами. Черезъ пять дней совершилось въ Успенскомъ соборѣ поставленіе митрополита Филиппа, при соучастіи всѣхъ святителей русской земли. Самъ Іоаннъ присутствовалъ при торжествѣ со своими дѣтьми и двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ.

Прошло около года, и ничто не нарушило мира между царемъ и митрополитомъ. Филиппъ занимался только дѣлами церкви. Царь оказывалъ Филиппу благоволеніе и любовь. Православные радовались этому и благодарили Бога. Но въ душѣ царь уже не любилъ первосвятителя: онъ подозрѣвалъ въ немъ орудіе бояръ, полагая, что по ихъ-то настоянію онъ осмѣлился требовать уничтоженія опричины передъ своимъ поставленіемъ на митрополію.

Въ 1567 году перехвачены были письма польскаго короля Сигизмунда и литовскаго гетмана Хоткевича къ главнѣйшимъ нашимъ боярамъ, которые будто бы еще прежде тайно дали согласіе измѣнить своему государю и переселиться въ Литву. Начались страшныя казни, опричники неистовствовали въ Москвѣ, убивали всенародно на улицахъ и площадяхъ человѣкъ по десяти и по двѣнадцати въ день: всѣхъ объялъ ужасъ. Многіе со слезами прибѣгали къ митрополиту и умоляли его заступиться

за нихъ предъ государемъ. И добрый пастырь, утѣшая несчастныхъ словами вѣры, не могъ оставаться безотвѣтнымъ на вопли и стоны своихъ духовныхъ чадъ. Онъ понималъ, что отказался отъ мысли просить уничтоженія опричины, но что сохранилъ за собою право «совѣтовать» государю и, слѣдовательно — ходатайствовать по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы онъ обуздывалъ своихъ опричниковъ, наблюдалъ правду и милость по отношенію къ своимъ подданнымъ и, карая злодѣевъ, не дозволялъ проливать невинной крови. Одушевленный такими мыслями, святитель пошелъ къ Іоанну, чтобы сначала наединѣ пастырски побесѣдовать съ нимъ. Въ чемъ состояла эта тайная бесѣда, какъ обличалъ или убѣждалъ царя митрополитъ, неизвѣстно; но послѣдствія показали, что убѣжденія не принесли никакой пользы, а только, быть можетъ, еще болѣе утвердили Іоанна въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ бояръ и служитъ ихъ орудіемъ.

Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшіеся только объ угожденіи царю.

Это были Пименъ, архіепископъ новгородскій, Панфутій, епископъ суздальскій, Филофей, епископъ рязанскій и протоіерей Благовѣщенскаго собора Евстафій, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергалъ запрещенію за какіе то проступки. Особенно этотъ послѣдній, т. е. духовникъ царя, непрестанно доносилъ ему тайно и явно на митрополита.

Время шло, неистовства опричниковъ не прекращались, царь не исправлялся. И святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, рѣшился начать (22 Марта 1568 г.) открытыя, всенародныя обличенія его. Іоаннъ пришелъ въ соборную церковь. Здѣсь св. Филиппъ обратился къ нему со слѣдующей рѣчью: «О, державный царь! Ты облеченъ самымъ высокимъ саномъ отъ Бога и долженъ чтить его болѣе всего. Тебѣ данъ скипетръ власти земной, чтобы ты соблюдалъ правду въ людяхъ и царствовалъ надъ ними по закону. Правда самое драгоцѣнное сокровище для того, кто стяжалъ ее. По естеству ты подобенъ всякому человѣку, а, какъ образъ Божій, — не увлекайся гнѣвомъ. По справедливости властелиномъ можетъ называться только тотъ, кто самъ собою обладаетъ и не работаетъ позорнымъ властямъ. Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу; при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь: у самихъ язычниковъ не случалось ничего такого...»

Услышавъ эти обличенія, царь въ ярости сказалъ: «Что тебѣ, черницу, за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ. Того ли не знаешь, что меня мои же хотятъ поглотить».

— «Я точно чернецъ; но, по благости св. Духа, по избранію св. собора и твоему изволенію я пастырь Христовой церкви и вмѣстѣ съ тобою обязанъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства».

— «Одно тебѣ говорю, отче святый: молчи, а насъ благослови дѣйствовать по нашему изволенію».

— «Благочестивый царь! Наше молчаніе умножаетъ грѣхъ души твоей и можетъ причинить смерть».

— «Владыко святый! Возстали на меня други мои, и искренніи мои ищутъ мнѣ зла».

— «Государь! Тебѣ говорятъ неправду и лукавство; приблизь къ себѣ людей, желающихъ совѣтовать тебѣ добро, а не льстить, и прогони говорящихъ тебѣ неправду».

— «Филиппъ! не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ».

— «Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни мзды, чтобы получить этотъ санъ, зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни. Если для тебя ничего не значатъ каноны, дѣлай какъ хочешь».

Царь вошелъ въ свои палаты въ большомъ раздумьѣ и въ гнѣвѣ на святителя.

Черезъ нѣсколько времени, въ день воскресный, царь снова пришелъ въ соборную Успенскую церковь къ божественной службѣ. Самъ онъ и сопровождавшіе его опричники были въ черныхъ одеждахъ, которыя онъ нарочно придумалъ для нихъ, и съ высокими шлыками на головахъ. Въ церкви онъ приблизился къ митрополичьему мѣсту, на которомъ стоялъ Филиппъ, и три раза просилъ его благословенія, но святитель ничего не отвѣчалъ. Тогда бояре сказали: «Святой Владыко, къ тебѣ пришелъ благочестивый государь и требуетъ твоего благословенія». Послѣ этого Филиппъ, взглянувъ на Іоанна, произнесъ: «Царь благій! Кому поревновалъ ты, принявъ на себя такой видъ и измѣнивъ свое благолѣпіе? Убойся суда Божія, на другихъ законъ ты налагаешь, а самъ нарушаешь его. У татаръ и язычниковъ есть правда, въ одной Россіи нѣтъ ея; во всемъ мірѣ можно встрѣтить милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ. Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія въ грѣхахъ своихъ передъ Богомъ: прощай же и другихъ, согрѣшающихъ предъ тобою...»

Іоаннъ распалился яростью и воскликнулъ: «О Филиппъ! нашу ли волю думаешь измѣнить? Лучше бы было тебѣ быть единомышленнымъ съ нами».

— «Тогда» — отвѣтилъ святитель, — «суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о тѣхъ скорблю, которые невинно предаются смерти, какъ мученики; я скорблю о тебѣ, пекусь о твоемъ спасеніи».

Іоаннъ, вовсе не слушая словъ святителя, въ великомъ гнѣвѣ махалъ рукою, грозилъ ему изгнаніемъ и разными муками и говорилъ: «Ты противишься, Филиппъ, нашей державѣ: посмотримъ на твою твердость».

— «Я пришелецъ на землѣ», — отвѣчалъ святой, — «какъ и от-

цы мои, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана, и всякія муки...»

Вскорѣ послѣ этого царь приказалъ схватить всѣхъ главныхъ бояръ и сановниковъ митрополичьихъ, ихъ заключили подъ стражу, пытали, стараясь вывѣдать что-нибудь недоброе о святителѣ, но ничего не допытались.

Іюня 28-го, по случаю праздника въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, митрополитъ тамъ священнодѣйствовалъ. Туда же прибылъ на праздникъ, по установившемуся обычаю, и царь со своими боярами и опричниками. Въ то время, когда Филиппъ совершалъ крестный ходъ вокругъ обители, достигъ св. вратъ и хотѣлъ читать евангеліе, — обратившись къ народу, онъ увидѣлъ, что одинъ опричникъ стоитъ въ тафьѣ, и сказалъ государю: «Чтеніе слова Божія слѣдуетъ слушать христіанамъ съ непокровенною главою; а эти откуда взяли агарянскій обычай предстоять здѣсь съ покрытыми головами?»

— «Кто такой?» — спросилъ Іоаннъ и, взглянувъ вокругъ не увидѣлъ никого въ тафьѣ потому, что виновный успѣлъ уже снять ее. Царю сказали, что митрополитъ говоритъ неправду, издѣваясь надъ его царскою державою. Іоаннъ вышелъ изъ себя, всенародно поносилъ святителя и назвалъ лжецомъ, мятежникомъ и злодѣемъ.

Послѣ этого царь принялъ твердое намѣреніе низложить Филиппа. Но, чтобы не возмутить народа, который весьма чтилъ архипастыря, задумалъ прежде обвинить его въ какихъ-либо преступленіяхъ. А какъ вся жизнь Филиппа сіяла въ Москвѣ однѣми только добродѣтелями, то не счелъ недостойнымъ отправить особую депутацію въ Соловки для разслѣдованія его тамошней жизни. Во главѣ депутаціи находились клевреты царскіе: суздальскій епископъ Пафутій, андроніковскій архимандритъ Феодосій и князь Василій Теликинъ. Они употребляли всѣ, и ласки, и угрозы, и дары, и обѣщанія почестей, чтобы найти между иноками лжесвидѣтелей на митрополита, и, дѣйствительно, нѣкоторыхъ увлекли, а въ числѣ ихъ — самого игумена Паисія, которому обѣщали епископскій санъ. Добрыхъ старцевъ, говорившихъ только истину о Филиппѣ и прославлявшихъ его непорочную жизнь въ монастырѣ, били и не хотѣли слушать. Записавъ клеветы и взявъ съ собою клеветниковъ, царскіе послы возвратились въ Москву. Немедленно открытъ былъ соборъ въ присутствіи самого государя и бояръ для суда надъ митрополитомъ. Привели обвиняемаго, выслушали обвиненія на него; Паисій и его сообщники старались подтвердить свои клеветы. Первосвятитель не думалъ оправдываться, а сказалъ только Паисію: «Чадо, что сѣешь, то и пожнешь». Затѣмъ обратившись къ царю и всему собору, объявилъ, что вовсе не боится смерти, что лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія несчастнаго времени; и тутъ же началъ слагать съ себя всѣ знаки своего сана. Но царь велѣлъ остановиться и ждать судебнаго приговора.

Ноября 8-го, въ день архистратига Михаила, когда св. Филиппъ священнодѣйствовалъ въ своей кафедральной церкви, вдругъ явился туда любимецъ царскій, боярин Басмановъ, сопровождаемый опричниками. Онъ велѣлъ прочитать передъ всѣмъ народомъ судебный приговоръ о низложеніи митрополита. И тотчасъ бросились на него опричники, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую и разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Не довольствуясь этимъ, Іоаннъ хотѣлъ еще осудить св. старца на сожженіе, такъ какъ его обвинили, между прочимъ, въ волшебствѣ, но по ходатайству духовныхъ властей согласился оставить ему жизнь. Цѣлую недѣлю просидѣлъ страдалецъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ называемый «Старый». Царь прислалъ къ нему сюда отрубленную голову одного изъ любимыхъ его родственниковъ. Святитель поклонился предъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовью облобызалъ и отдалъ принесшему. Наконецъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ удаленъ изъ Москвы и сосланъ на заточеніе въ тверской Отрочь монастырь. Спустя около года, Іоаннъ, путешествуя въ Новгородъ для лютыхъ казней, когда приблизился къ Твери, вспомнилъ о Филиппѣ и послалъ къ нему одного изъ своихъ приближенныхъ, Малюту Скуратова, будто-бы попросить благословенія на путь. И этотъ злодѣй, вошедши въ келью страдальца и бесѣдуя съ нимъ наединѣ, задушилъ его подушкою (23 Декабря 1569 г.), а потомъ сказалъ настоятелю и приставникамъ, что митрополитъ умеръ по ихъ небрежности, «отъ неустаннаго зною келейнаго». Скоро Іоаннъ сознался свою несправедливость противъ св. мужа и излилъ свой гнѣвъ на Соловецкую обитель за оклеветаніе его. Игуменъ Паисій былъ заточенъ въ Валаамскій монастырь; монахъ Зосима и еще десять иноковъ, тоже клеветавшихъ на св. Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ.

Митрополитъ Макарій.

259. Типичный образчикъ такъ называемой житейской порядочности и корректности.

Занимая третій годъ мѣсто начальника одного изъ присутственныхъ мѣстъ въ Москвѣ, Степанъ Аркадьевичъ пріобрѣлъ, кромѣ любви, и уваженіе сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло. Главныя качества Степана Аркадьевича, заслужившія ему это общее уваженіе по службѣ, состояли, во-первыхъ, въ чрезвычайной снисходительности къ людямъ, основанной въ немъ на сознаніи своихъ недостатковъ; во-вторыхъ, въ совершенной либеральности, не той про которую онъ вычиталъ въ газетахъ, но той, которая у него была въ крови и съ которой онъ совершенно равно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ,

какого-бы состоянія и званія они ни были; и въ третьихъ, — главное — въ совершенномъ равнодушіи къ тому дѣлу, которымъ онъ занимался, вслѣдствіе чего онъ никогда не увлекался и не дѣлалъ ошибокъ.

Л. Толстой.

260. Не очень достойный образецъ подражанія общественной дѣловитости и умѣнія.

— Да какъ же ты хочешь, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ. — Ну, положимъ, директоръ банка получаетъ десять тысячъ, вѣдь онъ стоитъ этого. Или инженеръ получаетъ двадцать тысячъ. Живое дѣло, какъ хочешь.

— Я полагаю, что жалованіе есть плата за товаръ, и оно должно подлежать закону требованія и предложенія. Если же назначеніе жалованія отступаетъ отъ этого закона, какъ, напримѣръ, когда я вижу, что выходятъ изъ института два инженера, оба одинаково знающіе и способные, и одинъ получаетъ сорокъ тысячъ, а другой довольствуется двумя тысячами; или что въ директоры банковъ общества опредѣляютъ съ огромнымъ жалованіемъ правовѣдовъ, гусаровъ, не имѣющихъ особенныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, — я заключаю, что жалованіе назначается не по закону требованія и предложенія, а прямо по лицепріятію. И тутъ есть злоупотребленіе, важное само по себѣ и вредно отзывающееся на государственной службѣ. Я полагаю. . .

Степанъ Аркадьевичъ поспѣшилъ перебить зятя.

— Да, но ты согласись, что открывается новое несомнѣнно полезное учрежденіе. Какъ хочешь, живое дѣло. Дорожатъ въ особенности тѣмъ, чтобы дѣло ведено было честно, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ съ удареніемъ.

Но московское значеніе *честнаго* было непонятно для Алексѣя Александровича.

— Честность есть только отрицательное свойство, — сказалъ онъ.

— Но ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе всетаки, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, — замолвивъ словечко Поморскому. Такъ, между разговоромъ.

— Да вѣдь больше отъ Болгаринова зависитъ, кажется, — сказалъ Алексѣй Александровичъ.

— Болгариновъ съ своей стороны совершенно согласенъ, — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, краснѣя.

Степанъ Аркадьевичъ краснѣлъ при упоминаніи о Болгариновѣ потому, что онъ въ этотъ день же утромъ былъ у еврея Болгаринова, и визитъ этотъ оставилъ въ немъ непріятное воспоминаніе.

Степанъ Аркадьевичъ зналъ, что дѣло, которому онъ хотѣлъ служить, было новое, живое и честное дѣло; но нынче утромъ, когда Болгариновъ,

очевидно, нарочно заставилъ его два часа дожидаться съ другими просителями въ пріемной, ему вдругъ стало неловко.

Л. Толстой.

261. Вліяніе внѣшней природы на Личность.

Внѣшняя природа имѣетъ высокое воспитательное значеніе для Личности.

I. Глядя на природу, человѣкъ сильнѣе чувствуетъ свою индивидуальность и личную силу; онъ обособляется субъективно отъ всей природы, выдѣляя себя, какъ особь, и укрѣпляясь въ этомъ самочувствіи.

II. Человѣкъ получаетъ отъ природы сумму высокихъ впечатлѣній и наслажденій, которыя Гербертъ Спенсеръ не безъ основанія назвалъ *космической радостью,* или *радостью бытія.* Примѣръ этого состоянія представленъ въ художественномъ описаніи подъ номеромъ 3. Жить среди природы, быть близко къ ней, — это обычная мечта человѣческая, которой никто почти не чуждъ.

III. Мыслящему человѣку наша земля, и даже вся Вселенная, представляется обширнѣйшей мастерской, полной огня и творчества, наполненной неисчислимыми мірами, солнцами, планетами, кометами, блуждающими предметами разной величины, — отъ колосальныхъ міровъ и солнцъ до миніатюрныхъ осколковъ, до космической пыли и тумана. Въ этой міровой мастерской царитъ порядокъ и безпрерывная работа, гдѣ разрушеніе смѣняется созиданіемъ, гдѣ господствуютъ непрестанныя преобразованія, но отнюдь не царствуетъ хаосъ или безпорядокъ или одно разрушеніе. Во всѣхъ перемѣнахъ видна мощная и сильная идея, медленно, но точно направляющая міровыя событія впередъ, — въ направленіи созданія жизни, мысли, сознанія, Личности, какъ высшихъ представителей біологическаго прогресса.

IV. Въ личности сосредоточено пониманіе и способность уразумѣнія міровыхъ чудесъ, примѣромъ которыхъ является самъ человѣкъ, со своею мыслью и Сознаніемъ.

V. Все во Вселенной полно силъ для долгаго существованія, — *вѣчнаго,* сказалъ бы человѣкъ, пораженный долгими сроками міровыхъ явленій и перемѣнъ, не смотря на неимовѣрную быстроту, съ какою природа совершаетъ свою работу и ея отдѣльныя части.

VI. Внѣшняя природа построена правильно, разумно и художественно, съ точки зрѣнія такого мыслителя, какъ человѣкъ, но кромѣ того, она кажется изящной, образцовой, эстетичной, такъ что формы, краски, цвѣта предметовъ, какими наполнена Великая Мастерская, служатъ моделями для человѣческихъ созданій. Послѣднія творятся по тѣмъ же идеямъ; и успѣхомъ созданія ихъ оправдывается вѣрность пониманія идеи. Это дало основаніе философскому уму Спенсера установить идею Эволюціи, т. е.

послѣдовательныхъ перемѣнъ въ мірѣ матеріи, совершающихся со всею строгостью порядка и господствующей мысли. Спенсеръ нашелъ Эволюцію во Вселенной, въ звѣздахъ, въ солнечной системѣ, въ землѣ, какъ космической массѣ, въ мірѣ растеній и животныхъ, въ самомъ существѣ человѣка (его духѣ), въ общественной дѣятельности, въ жизни людей, исторіи.

VII. Люди, склонные къ религіозному настроенію и долгу, находятъ въ устройствѣ Вселенной основанія для вѣры въ Высшее существо, Неограниченное, Вѣчное и Всемогущее, которое своимъ творческимъ дѣйствіемъ, прямо или непрямо, положило начало міру, всей внѣшней природѣ и самому человѣку. Внѣ этой увѣренности въ существованіи Высшаго Начала, чувство Истины, свойственное человѣку, осталось бы глубоко неудовлетвореннымъ, — на что справедливо указываютъ поэты. Человѣкъ почувствовалъ бы потребность создать то, что недостаетъ, согласно мысли одного изъ поэтовъ (Пушкина), изрекшаго: «тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ. Оставь герою сердце». Столь повелительно необходимо человѣку удовлетвореніе требованія его существа.

VIII. Указанное въ предыдущемъ параграфѣ требованіе, вытекающее изъ самого строенія человѣческой природы, имѣетъ свое основаніе въ фактѣ ограниченности человѣческой организаціи, — въ недостаточномъ числѣ и ограниченномъ устройствѣ даже воспринимающихъ внѣшнія впечатлѣнія органовъ, при краткомъ срокѣ самой жизни. Это недочеты строенія мыслительнаго органа покрываются и исправляются отчасти требованіями широкой идеализаціи, свойственной человѣку, отчасти же тѣмъ, что Вундтъ называетъ *научными дополненіями,* т. е вѣроятіями, основанными на наукѣ, выводами о томъ, что неизвѣстно изъ огромной массы *всего* извѣстнаго и невѣдомаго.

IX. Происхожденіе человѣка, сущность мыслительнаго процесса, сущность Сознанія и Самопознанія составляютъ поразительныя по своей природѣ, но неразгаданныя наукой явленія, поразительныя особенно потому, что они *объективны,* хотя мы и называемъ ихъ *субъективными,* а человѣка *Субъектомъ.*

X. Объективность факта мысли и сознанія становится ясной, если подумаемъ, что множество предметовъ и явленій во Вселенной, множество величинъ и разстояній, химизма и составовъ познано посредствомъ человѣческаго ума, путемъ знанія, при посредствѣ построенныхъ умомъ приборовъ и приспособленій, которые не только задуманы, но спроэктированы и всецѣло созданы умомъ и его догадливостью, и оказались совершено объективными, реальными, осязаемыми орудіями, пригодными къ тому, чтобы измѣрять величины, открывать *истину,* предсказывать будущіе факты, явленія и событія. Здѣсь человѣкъ превзошелъ мертвую природу и почти всю живую, но въ то же время, самъ является такимъ же *физическимъ приборомъ,* какъ тѣ, которые онъ создаетъ, но приборомъ высшаго на землѣ ранга и достоинства. Это — сама овеществленная идеализація. Это овеществленіе идеи заключается въ устройствѣ

нервной системы и мозга человѣка. Здѣсь осуществлено біологическое начало собиранія впечатлѣній и воздѣйствій всего міра, всей вселенной, всѣхъ предметовъ и явленій, удаленныхъ разстояніями и временами, и собиранія всѣхъ міровыхъ работъ въ крохотныхъ по объему хранилищахъ живого органа, — мозга, гдѣ воздѣйствія эти не только принимаются на складъ въ строгомъ порядкѣ пространства и времени, но могутъ быть многократно оттуда повторены, граммофонно и фонограмно, уже будучи отдѣлены отъ своего первобытнаго источника, и существуя въ мозговыхъ овеществленіяхъ не фиктивно, не зеркально, но жизненно-реально, являясь сами источникомъ жизненно-творческихъ созданій и воспроизведеній. Это истинное біологическое чудо — по своей идеѣ, по своему осуществленію и своимъ послѣдствіямъ. Это осуществленное и реализованное художественное творчество.

262. б) Драма жизни.

Человѣкъ всегда дѣйствуетъ, какъ *Личность,* всѣми своими составными частями, — умомъ, чувствомъ, волею, инстинктомъ и безсознательнымъ психизмомъ. Во всѣхъ сильныхъ положеніяхъ жизни человѣкъ выступаетъ только, какъ Личность. Въ этихъ случаяхъ возбуждаются и приходятъ въ дѣйствіе всѣ силы ума, чувства, воли и всего существа человѣка: умъ и чувство примѣнены къ оцѣнкѣ внѣшняго положенія вещей, а воля — къ приведенію въ дѣйствіе и исполненіе задуманнаго плана дѣйствія, и къ осуществленію предстоящей борьбы, будетъ ли то на сценѣ театра или въ жизни. Отъ дарованій Личности зависитъ какъ ея устойчивость, такъ и успѣхъ всѣхъ дѣлъ человѣка и самое умѣнье выйти изъ затрудненій, какія жизнь ставитъ на пути. Затрудненія эти могутъ быть то незначительны, и скорѣе забавны, чѣмъ серьезны, и легко устранены, то болѣе или менѣе значительны, такъ что могутъ потребовать отъ человѣка напряженной борьбы, съ примѣненіемъ всѣхъ силъ; то могутъ, наконецъ, возникнуть тяжелыя и опасныя для Личности столкновенія и коллизіи, особенно когда встрѣчаются два сложныхъ *долга,* и когда самой Личности предстоитъ задача разобраться, оцѣнить оба долга и умѣть предпочесть одно положеніе другому, одинъ долгъ другому, и тѣмъ избѣжать гибели отъ душевной драмы, которая тѣмъ глубже проявляется, чѣмъ одареннѣе *Личность* и чѣмъ сложнѣе положенія, создаваемыя жизнью. Въ этой жизненной борьбѣ мѣрило силъ человѣка и пробный камень его нравственныхъ достинствъ. Вотъ почему драма въ жизни и на сценѣ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ другіе виды поэзіи, представляя собою одно изъ проявленій психической борьбы.

Такимъ образомъ, важнѣйшую задачу Личности и важнѣйшее живое дѣло ея составляетъ жизненная борьба. По самому существу своему жизнь всегда является дѣйствіемъ, драмой, достиженіемъ цѣлей, при содѣйствіи

или противодѣйствіи людей: ибо человѣкъ живетъ не въ уединеніи, не на безлюдьи, а въ обществѣ и въ соприкосновеніи съ другими.

Высоко поучительный примѣръ трагизма личной судьбы человѣка представляетъ жизнь Анны Карениной, изображенная въ романѣ того же имени.

263. г) Анна Каренина и ея судьба.

Исторія и судьба Анны Карениной, художественно изображенная Львомъ Толстымъ, можетъ послужить примѣромъ тѣхъ трагическихъ неблагополучій, которыя угрожаютъ не отдѣльнымъ только сторонамъ характера, но всему существу человѣка, въ его полномъ составѣ, т. е. всей Личности, съ ея цѣлостью и незыблемостью.

Въ романѣ, носящемъ имя этой героини, авторомъ даны въ качествѣ вставочныхъ примѣровъ другіе типы, напримѣръ типъ Вареньки (томъ I, ч. II, гл. 30-35), типъ Китти Щербатской, типъ Левина и др. Типы эти, по замыслу автора романа, должны указать читателю тѣ особенныя черты, которыя имѣютъ силу приводить человѣка къ созданію правильной, симметрической, устойчивой Личности. Въ Аннѣ Карениной, напротивъ, нарисованы тѣ индивидуальныя особенности, которыя содержатъ въ себѣ ядро роковыхъ комбинацій, гибельныхъ даже и для одаренной натуры, какою является на самомъ дѣлѣ Анна Каренина, подъ перомъ Льва Толстого.

У Анны Карениной хорошо развиты эстетическія и интеллектуальныя чувства и столь же хорошо организованъ низшій психизмъ; то и другое даетъ ей способность глубокихъ экспрессій и даръ проникновенно понимать людей и помогать всякому въ сложныхъ нравственныхъ затрудненіяхъ. Подобная миссія Карениной описана въ первыхъ главахъ романа и выгодно рекомендуетъ героиню со стороны ума и нравственной чуткости. Каренина была увлекательна и любима за свою естественность, простоту и спокойствіе. Ея движенія были сильны, изящны, легки: когда она стояла, то держалась чрезвычайно прямо. Замѣтной особенностью ея было свойство краснѣть, при чувствѣ стыда и смущенія. Свойство это она за собой знала и справедливо усматривала въ этомъ тонкій показатель стыда и какого-то неблагополучія Личности. Каренина пользовалась этимъ чуткимъ сигналомъ для учета своего нравственнаго состоянія: «появилась краска стыда, надо порыться въ душѣ, почему», и она дѣлала контроль надъ собою. Во время возвращенія изъ Москвы, куда она ѣздила по своей миссіи, она читала англійскій романъ и вотъ что случилось:

> «Анна Аркадьевна читала и понимала, но ей непріятно было читать, т. е. слѣдить за отраженіемъ жизни другихъ людей. Ей слишкомъ самой хотѣлось жить. Читала она, какъ героиня романа ухаживала за больнымъ, — ей хотѣлось

ходить неслышными шагами по комнатѣ больного; читала ли она о томъ, какъ членъ парламента говорилъ рѣчь, — ей хотѣлось говорить эту рѣчь; читала ли она о томъ, какъ леди Мери ѣхала верхомъ за стаей и дразнила невѣстку и удивляла всѣхъ своею смѣлостью, — ей хотѣлось это дѣлать самой. Но дѣлать нечего было, и она, перебирая своими маленькими руками гладкій ножичекъ, усиливалась читать. Герой романа уже началъ достигать своего англійскаго счастья, баронетства и имѣнія, и Анна желала съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ это имѣніе, какъ вдругъ она почувствовала, что ему долно быть стыдно и что ей стыдно этого самого. Но чего же ему стыдно? Чего же мнѣ стыдно? спросила она себя съ оскорбленнымъ удивленіемъ. Она оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крѣпко сжавъ въ обѣихъ рукахъ разрѣзной ножикъ. Стыднаго ничего не было. Она перебирала всѣ свои Московскія воспоминанія. Всѣ были хорошія, пріятныя. Вспомнила балъ, вспомнила Вронскаго и его влюбленное покорное лицо, вспомнила всѣ свои отношенія съ нимъ: ничего не было стыднаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ, на этомъ самомъ мѣстѣ воспоминаній чувство стыда усиливалось, какъ будто какой то внутренній голосъ именно тутъ, когда она вспоминала о Вронскомъ, говорилъ ей: «Тепло, очень тепло, горячо». «Ну что-же? сказала она себѣ рѣшительно пересаживаясь въ креслѣ. — Что же это значитъ? Развѣ я боюсь взглянуть прямо на это? Ну что же? Неужели между мной и этимъ офицеромъ — мальчикомъ существуютъ и могутъ существовать какія нибудь другія отношенія, кромѣ тѣхъ, какія бываютъ съ каждымъ знакомымъ». Она презрительно усмѣхнулась и опять взялась за книгу; но уже рѣшительно не могла понимать того, что читала. Она провела разрѣзнымъ ножемъ по стеклу, потомъ приложила его гладкую и холодную поверхность къ щекѣ и чуть въ слухъ не разсмѣялась отъ радости, вдругъ безпричинно овладѣвшей ею. Она чувствала, что нервы ея, какъ струны, натягиваются все туже и туже, на какіе то завинчивающіеся колышки. Она чувствовала, что глаза ея раскрываются больше и больше, что пальцы на рукахъ и ногахъ нервно движутся, что внутри что то давитъ дыханіе и что всѣ образы и звуки въ этомъ колеблющемся полумракѣ съ необычайною яркостью поражаютъ ее. На нее безпрестанно находили минуты сомнѣнія: впередъ ли ѣдетъ вагонъ или назадъ, или вовсе стоитъ. Чувство безпричиннаго стыда, которое она испытала дорогой, и волненіе совершенно исчезли. Въ привычныхъ условіяхъ жизни она чувствовала себя опять твердою и безупречною.

Она съ удивленіемъ вспомнила свое вчерашнее состояніе: «Что же было? Ничего. Вронскій сказалъ глупость, которой легко положить конецъ, и я отвѣтила такъ, какъ нужно было. Говорить объ этомъ мужу не надо и нельзя. Говорить объ этомъ — значитъ придавать важность тому, что ея не имѣетъ». Она вспомнила, какъ она разсказала почти признаніе, которое ей сдѣлалъ въ Петербургѣ молодой подчиненный ея мужа, и какъ Алексѣй Александровичъ отвѣтилъ, что живя въ свѣтѣ, всякая женщина можетъ подвергаться этому, но что онъ довѣряется вполнѣ ея такту и никогда не позволитъ себѣ унизить ее и себя до ревности. «Стало быть, не зачѣмъ говорить. Да слава Богу, и нечего говорить», сказала она себѣ.

По своему характеру Каренина принадлежала къ интеллектуальному типу личности: она умна, проницательна и умѣло пользовалась своими эстетическими дарованіями, которыя составляли выгодную прибавку къ ея уму и помогали ей тонко разбираться въ своей и чужой жизни. Объ Аннѣ Карениной рѣшительно можно сказать, что это не была Личность эмотивная, т. е. женщина чувства, но, при эстетичности ея натуры, воля гармонируетъ у нея съ умомъ и чувствами, придавая ея Личности печать нравственной симметріи и изящества. Въ опредѣленіи собственнаго характера придавала особенное значеніе способности краснѣть, но мало была знакома съ чувствомъ *виновности,* которое тѣсно связано со стыдомъ, и вступаетъ въ свою роль послѣ чувства стыда, какъ строгій судья, котораго по пословицѣ всякій — «хочетъ, не хочетъ, а долженъ выслушать». Чувства стыда и виновности близко стоятъ одно къ другому: стыдъ появляется внезапно при всякихъ неблагополучіяхъ и злоключеніяхъ личности. Но это весьма чуткій и краткій сигналъ, который исчезаетъ также скоро, какъ появляется; онъ только предупреждаетъ человѣка, а затѣмъ уже выступаетъ съ протестомъ совѣсть и все существо человѣка въ качествѣ судей и слѣдователей, которые не всегда склонны безусловно довѣряться свидѣтельству ума. Своей прирожденной художественной натурѣ, направленной умомъ, и въ свою очередь направлявшей умъ, Каренина придавала можетъ быть большее значеніе, нежели то надлежало, и менѣе руководилась въ жизни нравственнымъ чутьемъ, какъ это не рѣдко замѣчается у людей интеллектуальнаго типа, склонныхъ переоцѣнивать силу и проницательность ума и недооцѣнивать значеніе біологическихъ и человѣческихъ традицій.

Уже при чтеніи англійскаго романа въ вагонѣ, ей почуялась во всемъ организмѣ потребность *жить самой,* какъ это формулировалось въ ея умѣ въ такихъ именно словахъ. Это послужило началомъ тѣхъ чувствъ, стремленій, переживаній «какихъ хотѣла ея душа, но не хотѣлъ разсудокъ», и противъ которыхъ она сначала запротестовала *умомъ,* постепенно уступая влеченіямъ души, т. е. инстинктамъ и низшему психизму. Такъ какъ то же переживалъ и

ея неслучайный, какъ оказалось потомъ, спутникъ, то отсюда возникла романическая исторія, получившая вскорѣ широкое развитіе у обоихъ. Спутникомъ оказался Вронскій, уже и раньше слѣдовавшій за Карениной.

Что за человѣкъ Вронскій? Это былъ субъектъ дѣятельнаго или волевого типа Личности, но также изящный и эстетическій. Въ этомъ онъ сходился съ Карениной и отсюда, изъ этого общаго узла, началось сближеніе. Онъ отличался также хорошимъ умомъ, не уступающимъ уму Анны. Волей онъ значительно превосходилъ Анну. Въ его характерѣ оказалось особое качество, которое глубоко скрыто въ человѣкѣ и стало извѣстно Аннѣ позже, чѣмъ слѣдуетъ, и она сразу назвала его настоящимъ именемъ. Это было *упрямство*. Что это за качество? Народная мудрость въ пословицахъ такъ опредѣляетъ упрямство:

1. Упрямъ, какъ быкъ.
2. Упрямаго правитъ дубина, горбатаго могила.
3. Кара Божія упрямая жена.
4. Хоть упрямъ, да за то прямъ.
5. И прямъ, да упрямъ.
6. Неразумная строгость черствитъ и упрямитъ ребенка.

Приведенныя пословицы помогаютъ уразумѣть природу и сущность упрямства. Оно безусловно дурное качество. Это не человѣческая черта. Упрямство становится менѣе дурнымъ при условіи смягченія его прямотой характера, т. е. чисто человѣческой чертой, тогда какъ въ остальномъ это не только животное, но даже біологическое свойство. Это — своего рода ультра-животная традиція или біологическій консерватизмъ. Это — противучеловѣческая черта даже у культурнаго человѣка. Конечно, просвѣщенность можетъ значительно исправить характеръ упрямаго, но самое существо явленія неустранимо. И съ такимъ человѣкомъ Анна Каренина связала свою судьбу. Это было нѣчто роковое для интеллигентнаго мягкаго существа, какимъ была интеллектуалистка Анна. Все, что составляетъ силу такихъ Личностей, какъ она, непримѣнимо къ типу, содержащему въ себѣ упрямство, ибо здѣсь *уму* приходится встрѣчаться съ *стихіей*. Слишкомъ поздно Анна поняла этотъ неизвѣстный для нея фактъ, проживъ съ Вронскимъ болѣе двухъ лѣтъ, лишь незадолго до своей смерти.

« — Для тебя это дѣло упрямства,—сказала она, пристально поглядѣвъ на него и вдругъ найдя названіе этому раздражавшему ее выраженію лица, — именно упрямство. Для тебя вопросъ, останешься ли ты побѣдителемъ со мной, а для меня. . .

Опять ей стало жалко себя, и она чуть не заплакала.

— Если бы ты зналъ, въ чемъ для меня дѣло. Когда я чувствую, какъ теперь, что ты враждебно, именно враждебно относишься ко мнѣ, если бы ты зналъ, что это для меня значитъ. Если бы ты зналъ, какъ я близка къ несчастью въ эти минуты, какъ я боюсь себя. — И она отвернулась, скрывая рыданія.

— Да о чемъ ты? — сказалъ онъ, ужаснувшись предъ выраженіемъ ея отчаянія».

Какъ же могло случиться столь роковое незнакомство съ близкимъ человѣкомъ? Оно случилось. Оттого, естественно, возникаетъ вопросъ: что же это за любовь была столь злополучная, которой Анна не безъ основанія уже при самомъ началѣ ея боялась своимъ разсудкомъ, хотя и желала душой. Не была ли эта любовь тѣмъ чувствомъ, что у художниковъ, напримѣръ Тиціана, Леонардо да Винчи и др., изображено и названо *земной любовью,* — въ противоположность *небесной?* Первая есть любовь частичная, неполная, вторая есть состояніе полное, всеобщее, исчерпывающее, которое требуетъ предварительныхъ, долгихъ, откровенныхъ бесѣдъ, полныхъ чистоты и задушевности. Посредствомъ такихъ бесѣдъ о своемъ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ двѣ Личности до такой степени сближаются и объединяются въ дружескомъ союзѣ, что всякое отщепенство становится для нихъ невозможнымъ и наступаетъ счастье, полное спокойствія, радости и безмятежія, гдѣ все предусмотрѣно и предрѣшено и гдѣ предупреждена всякая возможность потрясеній, внезапностей, недоразумѣній. Такихъ свойствъ не имѣла возникшая у Анны Карениной поспѣшная любовь къ Вронскому, потому, что уже скоро изъ устъ ея раздается такая жалоба: «Боже мой, Боже мой! Была ли когда нибудь женщина такъ несчастна, какъ я». И далѣе другая подобная горькая жалоба, — «Что я могу рѣшить одна? Что я знаю? Чего я хочу? Что я люблю?» — Говоря это, она почувствовала, что въ душѣ ея начинаетъ двоиться, какъ двоятся иногда предметы въ усталыхъ глазахъ. Она испугалась этого чувства. Она не знала иногда, чего она боится, чего она желаетъ. Боится ли она и желаетъ ли она того, что было, или того, что будетъ, и чего желаетъ, она не знала... «Я должна видѣть Алексѣя (такъ она мысленно называла Вронскаго), онъ одинъ можетъ сказать мнѣ, что я должна дѣлать...»

Но въ такомъ же неопредѣлившемся положеніи находился въ это время и Вронскій... И дѣйствительно онъ былъ взятъ врасплохъ и въ первую минуту, когда

> «она объявила о своемъ положеніи, сердце его подсказало ему требованіе оставить мужа. Онъ сказалъ это, но теперь, обдумывая, онъ видѣлъ ясно, что лучше было бы обойтись безъ этого, и вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря это себѣ, боялся, не дурно ли это.
>
> — «Если я сказалъ оставить мужа, то это значитъ соединиться со мной: готовъ ли я на это? Какъ я увезу ее теперь, когда у меня нѣтъ денегъ? Положимъ, это я могъ бы устроить... Но какъ я увезу ее, когда я на службѣ? Если я сказалъ это, то надо быть готовымъ на это, т. е. имѣть деньги и выйти въ отставку». И онъ задумался. Вопросъ о томъ, выйти или не выйти въ отставку, привелъ его къ другому, тайному, ему одному извѣстному, едва ли не главному, хо-

тя и затаенному интересу всей его жизни. Честолюбіе, карьера и невозможность, не отказываясь отъ всего этого, сохранить любовь Карениной.

— «Разумѣется, я не завидую и не могу завидовать Серпуховскому (товарищу, генералу), но его возвышеніе показываетъ мнѣ, что стоитъ выждать время и карьера человѣка, какъ я, можетъ быть сдѣлана очень скоро. Три года тому назадъ онъ былъ въ томъ же положеніи, какъ и я. Выйдя въ отставку, я сожгу свои корабли. Оставаясь на службѣ, я ничего не теряю. Она сама сказала, что не хочетъ измѣнять своего положенія. А я съ ея любовью не могу завидовать Серпуховскому.

Изъ этого ясно, что любовь Вронскаго къ Аннѣ Карениной имѣла также свойства любви земной, а не небесной. Здѣсь, въ этомъ обстоятельствѣ кроется причина всего дальнѣйшаго хода событій, и на первомъ планѣ, причина возникшихъ перемѣнъ въ Личности Анны, болѣе склонной по своему характеру къ небесной любви, но увязшей въ земную. Самый фактъ существованія земной любви вызываетъ собою не возвышеніе и подъемъ Личности, а ея пониженіе и уничтоженіе, и неизбѣжно ведетъ за собою дальнѣйшіе шаги: раздвоеніе, диссоціацію. Неизбѣжныя при земной любви односторонности и волненія отъ неожиданностей были мало опасны для Вронскаго, автора и товарища ея зомной любви, при его силѣ воли и упрямствѣ, но были весьма опасны для Анны Карениной, при ея не сильной волѣ и тонко-нѣжной духовной организаціи. Перемѣны коснулись сразу всей Личности. Это было ясно для окружающихъ, благодаря особенной экспрессивности Анны, было ясно и для самой Анны.

Но теперь, всецѣло она находилась во власти земной любви и всѣ ея дѣйствія и мысли совершенно измѣнились: эстетическая правдивость замѣнилась звѣриной хитростью, на путь которой Анна вступила вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Вронскимъ. Перемѣна въ Аннѣ выразилась слѣдующими чертами: Возвращаясь домой послѣ одного изъ такихъ свиданій, —

«Анна шла, опустивъ голову и играя кистями башлыка. Лицо ея блестѣло яркимъ блескомъ; но блескъ этотъ былъ не веселый, онъ напоминалъ страшный блескъ пожара среди темной ночи. Увидавъ мужа, Анна подняла голову и, какъ будто просыпаясь, улыбнулась.

— Ты не въ постели? Вотъ чудо! — сказала она, скинула башлыкъ и, не останавливаясь, пошла дальше, въ уборную.

— Пора, Алексѣй Александровичъ, — проговорила она изъ двери.

— Анна, мнѣ нужно переговорить съ тобой.

— Со мной? — сказала она удивленно, вышла изъ две-

ри и посмотрѣла на него. — Что же это такое? О чемъ это? — спросила она садясь. — Ну, давай, переговоримъ, если такъ нужно. А лучше бы спать.

Анна говорила, что приходило ей на языкъ, и сама удивлялась, слушая себя, своей способности лжи. Какъ просты, естественны были ея слова и какъ похоже было, что ей просто хочется спать. Она чувствовала себя одѣтою въ непроницаемую броню лжи. Она чувствовала, что какая-то невидимая сила помогала ей и поддерживала ее.

— Анна, я долженъ предостеречь тебя, — сказалъ онъ.

— Предостеречь? — сказала она. — Въ чемъ?

Она смотрѣла такъ просто, такъ весело, что кто не зналъ ея, какъ зналъ мужъ, не могъ бы замѣтить ничего неестественнаго ни въ звукахъ, ни въ смыслѣ ея словъ. Но для него, знавшаго ее, знавшаго, что когда онъ ложился пятью минутами позже, она замѣчала и спрашивала о причинѣ, для него, знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе она тотчасъ сообщала ему, — для него теперь видѣть, что она не захотѣла замѣчать его состояніе, что не хотѣла слова сказать о себѣ, означало многое. Онъ видѣлъ, что глубина ея души, всегда прежде открытая предъ нимъ, была закрыта отъ него. Мало того, по тону ея онъ видѣлъ, что она и не смущалась этимъ, а прямо какъ бы говорила ему: да, закрыта, и это такъ должно быть и будетъ впередъ. Теперь онъ испыталъ чувство, подобное тому, какое испытывалъ бы человѣкъ, возвращавшійся домой и находящій домъ свой запертымъ. «Но, можетъ быть, ключъ еще найдется», думалъ Алексѣй Александровичъ.

— Я хочу предостеречь тебя въ томъ, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — что по неосмотрительности и легкомыслію ты можешь подать въ свѣтѣ поводъ говорить о тебѣ. Твой слишкомъ оживленный разговоръ сегодня съ графомъ Вронскимъ (онъ твердо и съ спокойной разстановкой выговорилъ это имя) обратилъ на себя вниманіе.

Онъ говорилъ и смотрѣлъ на ея смѣющіеся, страшные теперь для него своею непроницаемостью, глаза, и говоря, чувствовалъ всю безполезность и праздность своихъ словъ.

— Ты всегда такъ, — отвѣчала она, какъ будто совершенно не понимая его и изъ всего того, что онъ сказалъ, умышлнно понимая только послѣднее. — То тебѣ непріятно, что я скучна, то тебѣ непріятно, что я весела.

— Мнѣ не скучно было. Это тебя оскорбляетъ?

Эта полная лжи рѣчь, это исполненное обмана поведеніе не соотвѣтствовали ни характеру, ни идеямъ Анны. Но и то и другое были въ

совершенномъ соотвѣтствіи съ директивами *земной любви* и съ тѣмъ пониманіемъ Личности, какое естественно для такой любви. Предпочтеніе, какое Анною дано *земной* любви предъ небесной, было ошеломляющимъ ударомъ для ея нѣжной эстетической натуры и составляло серьезную угрозу для самой незыблемости Личности. Неизбѣжно связанное съ земной любовью, чувство виновности не только способно было потрясти основы Личности, но и причинить ей надолго тяжкій ущербъ. Нѣжное чувство стыда было хорошо вѣдомо Аннѣ, но объ униженіяхъ и уничтоженіи, вызываемомъ виновностью, Анна ничего не вѣдала. Но вотъ ей пришлось пережить и это чувство, отъ котораго земная любовь безсильна застраховать. Художникъ такъ описываетъ чувство виновности.

То, что почти цѣлый годъ для Вронскаго составляло исключительно одно желаніе его жизни, замѣнявшее ему всѣ прежнія желанія; то, что для Анны было невозможною, ужасною и тѣмъ болѣе обворожительною мечтой счастья, это желаніе было удовлетворено. Блѣдный, съ дрожащею нижнею челюстью, онъ стоялъ надъ нею и умолялъ успокоиться, самъ не зная въ чемъ и чѣмъ.

— Анна! Анна! — говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Анна, ради Бога...

Но чѣмъ громче онъ говорилъ, тѣмъ ниже она опускала свою, когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову, и она вся сгибалась и падала съ дивана, на которомъ сидѣла, на полъ, къ его ногамъ; она упала бы на коверъ, если бы онъ не удержалъ ея.

— Боже мой! Прости меня! — всхлипывая, говорила она, прижимая къ своей груди его руки.

Она чувствовала себя столь преступною и виноватою, что ей оставалось только унижаться и просить прощенія; а въ жизни теперь, кромѣ него, у нея никого не было, такъ что она и къ нему обращала свою мольбу о прощеніи. Она, глядя на него, физически чувствовала свое униженіе и ничего больше не могла говорить. Онъ же чувствовалъ то, что долженъ чувствовать убійца, когда видитъ тѣло, лишенное имъ жизни. Это тѣло, лишенное имъ жизни, была ихъ любовь, первый періодъ ихъ любви. Было что-то ужасное и отвратительное въ воспоминаніяхъ о томъ, за что было заплачено этою страшною цѣною стыда. Стыдъ передъ духовною наготою своею давилъ ее и сообщался ему. Но, несмотря на весь ужасъ убійцы предъ тѣломъ убитаго, надо рѣзать на куски, прятать это тѣло, надо пользоваться тѣмъ, что убійца пріобрѣлъ убійствомъ.

И съ озлобленіемъ, какъ будто со страстью бросается убійца на это тѣло, и тащитъ и рѣжетъ его, такъ и онъ по-

крывалъ поцѣлуями ея лицо и плечи. Она держала его руку и не шевелилась. Да, эти поцѣлуи — то, что куплено этимъ стыдомъ. Да, и это рука, которая будетъ всегда моею — рука моего сообщника. Она подняла эту руку и поцѣловала ее. Онъ опустился на колѣни и хотѣлъ видѣть ея лицо, но она прятала его и ничего не говорила. Наконецъ, какъ бы сдѣлавъ усиліе надъ собою, она поднялась и оттолкнула его. Лицо ея было все такъ же красиво, но тѣмъ болѣе было оно жалко.

— Все кончено, — сказала она. — У меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя. Помни это.

— Я не могу не помнить того, что есть моя жизнь. За минуту этого счастья. . .

— Какое счастье? — съ отвращеніемъ и ужасомъ сказала она, и ужасъ невольно сообщился ему. — Ради Бога, ни слова, ни слова больше.

Она быстро встала и отстранилась отъ него.

— Ни слова больше, — повторила она и съ страннымъ для него выраженіемъ холоднаго отчаянія на лицѣ, она разсталась съ нимъ. Она чувствовала, что въ эту минуту не могла выразить словами чувства стыда, радости и ужаса предъ этимъ вступленіемъ въ новую жизнь и не хотѣла говорить объ этомъ, опошливать это чувство неточными словами. Но и послѣ и на другой, и на третій день, она не только не нашла словъ, которыми бы она могла выразить всю сложность этихъ чувствъ, но не находила и мыслей, которыми бы она сама съ собой могла обдумать все, что было въ ея душѣ.

Личность Анны раздвоилась. Подобно лунатику, Анна стала жить двумя различными жизнями, изъ которыхъ каждая исключала другую, самое единство сознанія уже было нарушено.

Вронскій уже нѣсколько разъ пытался, хотя и не такъ рѣшительно, какъ теперь, наводить ее на обсужденіе своего положенія и каждый разъ сталкивался съ тою поверхностностью и легкостью сужденія, съ которою она теперь отвѣчала на его вызовъ. Какъ будто было что-то въ этомъ такое, чего она не могла или не хотѣла уяснить себѣ, какъ будто, какъ только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то въ себя и выступала другая, странная чуждая ему женщина, которой онъ не любилъ и боялся, и которая давала ему отпоръ. Но нынче онъ рѣшился высказать все.

— Знаетъ ли онъ (мужъ) или нѣтъ, — сказалъ Вронскій своимъ обычнымъ твердымъ и спокойнымъ тономъ, —

знаетъ ли онъ или нѣтъ, намъ до этого дѣла нѣтъ. Мы не можемъ... вы не можете такъ оставаться особенно теперь...

— Что же дѣлать по вашему? — спросила она съ тою же легкою насмѣшливостью.

— Что-жъ, бѣжать? — спросила она.

— Отчего жъ не бѣжать? Я не вижу возможности продолжать это... И не для себя, — я вижу, что вы страдаете.

— Да, бѣжать и мнѣ сдѣлаться вашею любовницею, — злобно сказала она.

— Анна, — укоризненно — нѣжно проговорилъ онъ.

— Да, продолжала она, — сдѣлаться вашею любовницею и погубить все...

Она опять хотѣла сказать: сына, но не могла выговорить этого слова.

Вронскій не могъ понять, какъ она со своею сильною натурой могла переносить это положеніе обмана и не желать выйти изъ него; но онъ не догадывался, что главная причина этого было то слово *сынъ*, котораго она не могла выговорить. Когда она думала о сынѣ и его будущихъ отношеніяхъ къ бросившей его отца матери, ей такъ становилось страшно за то, что она сдѣлала, что не разсуждала, а какъ женщина, старалась только успокоить себя лживыми разсужденіями и словами, съ тѣмъ ,чтобы все оставалось по-старому и чтобы можно было забыть про страшный вопросъ, что будетъ съ сыномъ.

— Я прошу тебя, я умоляю тебя, — вдругъ совсѣмъ другимъ искреннимъ и нѣжнымъ тономъ сказала она, взявъ его за руку, — никогда не говори со мной объ этомъ.

— Но, Анна...

— Никогда. Предоставь мнѣ. Всю низость, весь ужасъ своего положенія я знаю, но это не такъ легко рѣшить, какъ ты думаешь. И предоставь мнѣ, и слушайся меня. Никогда со мной не говори объ этомъ. Обѣщаешь ты мнѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, обѣщай!..

— Я все обѣщаю, но я не могу быть спокоенъ, особенно послѣ того, что ты сказала. Я не могу быть спокоенъ, когда ты не можешь быть спокойна...

— Я? — говорила она. — Да, я мучаюсь иногда, но это пройдетъ, если ты никогда не будешь говорить со мной объ этомъ. Когда ты говоришь со мной объ этомъ, тогда только это меня мучаетъ.

— Я не понимаю, — сказалъ онъ.

Дѣйствительно, это непонятно обыкновенному человѣку, но нервная патологія знаетъ такія состоянія раздвоенія Личности, когда поочередно

протекаютъ два состоянія сознанія. И на самомъ дѣлѣ Анна стала жить двумя половинами своей разщепленной Личности; къ единству, къ полной и цѣльной Личности она никогда уже не могла возвратиться. Но губительный процессъ раздвоенія на этомъ не остановился и разрушеніе Личности пошло дальше: число отщепленныхъ частей постепенно увеличивалось. Когда на вопросъ посѣтившей ее Долли Облонской, Анна сказала: «стыдно признаться, но я... я непростительно счастлива», то это была только одна сторона жизни, это были слова *той* минуты, когда это говорилось, и *того* состоянія Личности. Но были другія минуты и другія состоянія. Долли замѣтила новыя стороны характера Анны, новыя экспрессіи на лицѣ. По временамъ Анна странно щурилась, такъ что видны были сошедшіяся рѣсницы, точно она вглядывалась во что-то далекое или непріятное, она тотчасъ перемѣняла или прерывала самый разговоръ, говоря, что она потомъ объ этомъ скажетъ. Щурясь и закрывая поле зрѣнія, она старалась мысленно не видѣть или отворачиваться отъ непріятныхъ для нея переживаній. При этомъ тотчасъ брала на себя поверхностный равнодушный тонъ, при которомъ какъ будто двери въ тотъ отдѣлъ, гдѣ находились ея чувства и задушевныя мысли, наглухо запирались. Все это было знакомъ раздваиванія ея Личности, знакомъ замалчиванія непріятныхъ переживаній и перехода изъ одной въ другую половину ея раздвоенной души. Всего этого не было раньше у жизнерадостной Анны. А наряду съ этимъ установились безсонныя ночи, съ пріемами морфина, упрочились припадки смертельной тоски, безпричинный страхъ, ссоры съ Вронскимъ, припадки нелѣпой ревности и подозрѣній, мысли о мщеніи, но странномъ мщеніи, — убить себя, чтобы отомстить Вронскому, словомъ наступилъ полный безпорядокъ, серія неудержимыхъ и безпокойныхъ переживаній, приближающихъ картину спутанности сознанія.

— Долли! Долли! — вдругъ перемѣнила она рѣчь, — ты говоришь, что я мрачно смотрю. Ты не можешь понимать. Это слишкомъ ужасно. Я стараюсь вовсе не смотрѣть...

— Но мнѣ кажется, надо. Надо сдѣлать все, что можно.

— Но что же можно? Ничего. Ты говоришь, выйти замужъ за Алексѣя и что я не думаю объ этомъ. Я не думаю объ этомъ? — повторила она, и краска выступила ей на лицо. Она встала, выпрямила грудь, тяжело вздохнула и стала ходить своею легкой походкой взадъ и впередъ по комнатѣ, и изрѣдка останавливаясь. — Я не думаю? Нѣтъ дня и часа, когда бы я не думала и не упрекала себя за то, что думаю... потому, что мысли объ этомъ могутъ съ ума свести. Съ ума свести, — повторила она. — Когда я думаю объ этомъ, то я уже засыпаю безъ морфина. Но хорошо! Будемъ говорить спокойно. Мнѣ говорятъ — разводъ. Во первыхъ *онъ* не дастъ мнѣ его, *Онъ* теперь подъ вліяніемъ графини Лидіи Ивановны.

Дарья Александровна, прямо вытянувшись на стулѣ, съ страдальчески сочувствующимъ лицомъ слѣдила, поворачивая голову, за ходившей Анной.

— Надо попытаться, — тихо сказала она.

— Положимъ, попытаться. Что это значитъ? — сказала она очевидно мысль, тысячу разъ передуманную и наизусть заученную. — Это значитъ, мнѣ, ненавидящей его, но все-таки признающей себя виноватою передъ нимъ, — и я считаю его великодушнымъ, — мнѣ унизиться писать ему... Ну, положимъ, я сдѣлаю усиліе, сдѣлаю это. Или я получу оскорбительный отвѣтъ, или согласіе. Хорошо, я получила согласіе... Анна была въ это время въ далекомъ концѣ комнаты и остановилась такъ, что-то дѣлая съ гардиной окна. — Я получу согласіе, а сы . . . сынъ? Вѣдь они мнѣ не отдадутъ его. Вѣдь онъ вырастетъ, презирая меня, у отца, котораго я бросила. Ты пойми, что я люблю, кажется, равно, но обоихъ больше себя, два существа, — Сережу и Алексѣя.

Она вышла на середину комнаты и остановилась передъ Долли, сжимая руками грудь. Въ бѣломъ пеньюарѣ фигура ея казалась особенно велика и широка. Она нагнула голову и исподлобья смотрѣла сіяющими мокрыми глазами на маленькую, худенькую и жалкую въ своей штопанной кофточкѣ и ночномъ чепчикѣ, всю дрожащую отъ волненія Долли.

— Только эти два существа я люблю, и одно исключаетъ другое. Я не могу ихъ соединить, а это мнѣ одно нужно. А если этого нѣтъ, то все равно. Все, все равно. И какъ нибудь кончится, и потому я не могу, не люблю говорить про это. Такъ ты не упрекай меня, не суди меня ни въ чемъ. Ты не можешь со своею чистотою понять всего того, чѣмъ я страдаю.

Она подошла, сѣла рядомъ съ Долли и съ виноватымъ выраженіемъ вглядываясь въ ея лицо, взяла ее за руку.

— Что ты думаешь? Что ты думаешь обо мнѣ? Ты не презирай меня! Я не стою презрѣнія. Я именно несчастна. Если кто несчастенъ, такъ это я, — выговорила она и, отвернувшись отъ нея, заплакала».

По временамъ посѣщали ее минуты просвѣтленія, особенно при чужихъ, когда она оставалась не одна, тогда она жила ясной, цѣльной нераздвоенной Личностью. Она думала тогда о счастіи, которое становилось болѣе и болѣе недосягаемымъ. И это сейчасъ приводило ее въ отчаяніе. Уже на умѣ ея была мысль, которая одна разрѣшала все. «Да, умереть...» думала она... «И стыдъ и позоръ Алексѣя Александровича и Сережи, и мой ужасный стыдъ, — все спасется смертью...» Умереть, и онъ будетъ раскаиваться, будетъ жалѣть, будетъ любить, будетъ страдать за

меня. Въ такія ясныя минуты она чувствовала дѣйствительность и правду съ полнымъ проникновеніемъ.

— «Да, того вкуса ужъ нѣтъ для него во мнѣ, — думала она. — Если я уѣду отъ него, онъ въ глубинѣ души будетъ радъ».

Это было не предположеніе, она ясно видѣла въ томъ производительномъ свѣтѣ, который открывалъ ей теперь смыслъ жизни и людскихъ отношеній.

— «Моя любовь все дѣлается страстнѣе и себялюбивѣе, а его все гаснетъ и гаснетъ, и вотъ отчего мы расходимся, — продолжала она думать. — И помочь этому нельзя! У меня все въ немъ одномъ, и я требую, чтобы онъ весь больше и больше отдавался мнѣ. А онъ все больше и больше хочетъ уйти отъ меня. Мы именно шли на встрѣчу до связи, а потому неудержимо расходимся въ разныя стороны и измѣнить этого нельзя. Онъ говоритъ мнѣ, что я безсмысленно ревнива, и я сама говорила себѣ, что я безсмысленно ревнива; но это не правда. Я не ревнива, а я недовольна. Но...» она открыла ротъ и перемѣстилась въ коляскѣ отъ волненія, возбужденнаго въ ней пришедшею ей вдругъ мыслью. «Если бы я могла быть чѣмъ нибудь, кромѣ любовницы, страстно любящей его ласки, но я не могу и не хочу быть ничѣмъ другимъ. И я этимъ желаніемъ возбуждаю въ немъ отвращеніе, а онъ во мнѣ злобу, и это не можетъ быть иначе. Развѣ я не знаю, что онъ не сталъ бы обманывать меня, что онъ не имѣлъ видовъ на Сорокину, что онъ не влюбленъ въ Кити, что онъ не измѣнитъ мнѣ. Я все это знаю, но мнѣ отъ этого не легче. Если онъ, не любя меня, изъ *долга* будетъ добръ, нѣженъ ко мнѣ, а того не будетъ, чего я хочу, — да это хуже въ тысячу разъ даже, чѣмъ злоба. Это — ядъ. А это-то и есть. Онъ уже давно не любитъ меня. А гдѣ кончается любовь, тамъ начинается ненависть... Этихъ улицъ я совсѣмъ не знаю. Горы какія-то, и все дома, дома... И въ домахъ все люди, люди... Сколько ихъ, конца нѣтъ, и всѣ ненавидятъ другъ друга. Ну, пусть я придумаю себѣ то, чего я хочу, чтобы быть счастливой. Ну, я получаю разводъ, Алексѣй Александровичъ отдаетъ мнѣ Сережу и я выхожу замужъ за Вронскаго. Вспомнивъ объ Алексѣѣ Александровичѣ, она тотчасъ съ необыкновенной живостью представила себѣ его, живого передъ собою съ его кроткими, безжизненными, потухшими глазами, синими жилками на бѣлыхъ рукахъ, интонаціями и трескомъ пальцевъ, и, вспомнивъ то чувство, которое было между ними и которое тоже называлось любовью, вздрогнула отъ отвращенія. «Ну я по-

лучу разводъ и буду женой Вронскаго. Что же Кити перестанетъ такъ смотрѣть на меня, какъ она смотрѣла нынче? Нѣтъ! А Сережа перестанетъ спрашивать или думать о моихъ двухъ мужьяхъ? А между мною и Вронскимъ какое же я придумаю новое чувство? Возможно ли какое-нибудь несчастье уже, а только не мученье? Нѣтъ и нѣтъ!» — отвѣтила она себѣ теперь безъ малѣйшаго колебанія. Невозможно! Мы жизнью расходимся, и я дѣлаю его несчастье, онъ мое, и передѣлать ни его, ни меня нельзя».

Въ подобныхъ смѣнахъ отдѣльныхъ переживаній раздвоенной и разщепленной Личности протекали недолгіе оставшіеся дни жизни. Все въ душѣ Анны было повторено, тяжко, безсвязно, съ однимъ общимъ оттѣнкомъ тревожно-безпокойной монотонности, составленной изъ чередованія тоски, подозрѣнія, гнѣва, ревности, сомнѣній, отчаянія. Приближалось состояніе полной *спутанности* сознанія и *деперсонализаціи*. И это неизбѣжное окончаніе тяжкой драмы наконецъ наступило.

Она сѣла и написала Вронскому.

«Я виновата. Вернись домой, надо объясниться. Ради Бога пріѣзжай, мнѣ страшно».

Она запечатала и отдала человѣку.

Она боялась оставаться одна теперь и вслѣдъ за человѣкомъ вышла изъ комнаты и пошла въ дѣтскую.

«Что жъ, это не то, это не онъ. Гдѣ его голубые глаза, милая робкая улыбка?» была первая мысль ея, когда она увидала свою румяную дѣвочку съ черными вьющимися волосами вмѣсто Сережи, котораго она, при запутанности своихъ мыслей, ожидала видѣть въ дѣтской. Дѣвочка, сидя у стола, упорно и крѣпко хлопала по немъ пробкой и безсмысленно глядѣла на мать двумя смородинами — черными глазами. Отвѣтивъ англичанкѣ, что она совсѣмъ здорова и что завтра уѣзжаетъ въ деревню, Анна подсѣла къ дѣвочкѣ и стала предъ нею вертѣть пробку съ графина. Но громкій, звонкій смѣхъ ребенка и движеніе, которое она сдѣлала бровью, такъ живо ей напомнили Вронскаго, что, удерживая рыданія, она поспѣшно встала и вышла. «Неужели все кончено? Нѣтъ, это не можетъ быть, — думала она. — Онъ вернется. Но какъ онъ объяснитъ мнѣ эту улыбку, это оживленіе послѣ того, какъ онъ говорилъ съ ней. Но и не объяснитъ, все таки повѣрю. Если я не повѣрю, то мнѣ остается одно... А я не хочу».

Она посмотрѣла на часы. Прошло двѣнадцать минутъ. «Теперь ужъ онъ получилъ записку и ѣдетъ назадъ. Недолго, еще десять минутъ. Но что, если онъ не пріѣдетъ? Нѣтъ, этого не можетъ быть . Надо, чтобы онъ не видѣлъ меня съ за-

плаканными глазами. Я пойду умоюсь. Да, да, причесалась ли я или нѣтъ?» — спросила она себя. И не могла вспомнить. Она ощупала голову руками. «Да, я причесана, но когда — рѣшительно не помню». Она даже не вѣрила своей рукѣ и подошла къ трюмо, чтобы увидѣть, причесана ли она въ самомъ дѣлѣ или нѣтъ. Она была причесана и не могла вспомнить, когда она это дѣлала... «Кто это? — думала она, глядя въ зеркало на воспаленное лицо съ странно блестящими глазами, испуганно смотрѣвшими на нее. — Да это я! — вдругъ поняла она и, оглядывая себя всю, она почувствовала вдругъ на себѣ его поцѣлуи и содрогнулась, двинула плечами. Потомъ подняла руку къ губамъ и поцѣловала ее.

«Что это, я съ ума схожу», и она пошла въ спальню, гдѣ Аннушка убирала комнату.

— Аннушка, — сказала она, останавливаясь предъ ней и глядя на горничную, сама не зная, что сказать ей.

— Къ Дарьѣ Александровнѣ вы хотѣли ѣхать, — какъ бы понимая, сказала горничная.

— Къ Дарьѣ Александровнѣ? Да, я поѣду.

Она безцѣльно стала ѣздить по улицамъ Москвы, заѣзжала къ Кити Левиной (бывшей Щербацкой), къ Долли Облонской. Ея сознаніе то оставалось яснымъ, то давилось, то становилось спуганнымъ, случайнымъ.

— Прикажете до Обираловки? — сказалъ Петръ, подъѣхавъ къ вокзалу.

Она совсѣмъ забыла, куда и зачѣмъ она поѣхала и только съ большимъ усиліемъ могла понять вопросъ.

— Да, — сказала она ему, подавая кошелекъ съ деньгами и, взявъ на руку маленькій красный мѣшочекъ, вышла изъ коляски.

Направляясь между толпой въ залу перваго класса, она понемногу припоминала всѣ подробности своего положенія и тѣ рѣшенія, между которыми она колебалась. И опять то надежда, то отчаяніе по старымъ наболѣвшимъ мѣстамъ стали растравлять раны ея измученнаго, страшно трепетавшаго сердца.

И вдругъ вспомнивъ о раздавленномъ человѣкѣ въ день ея первой встрѣчи съ Вронскимъ, она поняла, что ей надо дѣлать. Быстрымъ легкимъ шагомъ спустившись по ступенькамъ, которыя шли отъ водокачки къ рельсамъ, она остановилась подлѣ вплоть мимо ея проходящаго поѣзда. Она смотрѣла на низъ вагоновъ, на винты и цѣпи и на высокія чугунныя колеса медленно катившагося перваго вагона и гла-

зомѣромъ старалась опредѣлить середину между передними и задними колесами и ту минуту, когда середина эта будетъ противъ нея.

«Туда, — говорила она себѣ, глядя въ тѣнь вагона, на смѣшанный съ углемъ песокъ, которымъ были засыпаны шпалы, туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь отъ всѣхъ и отъ себя».

Она хотѣла упасть подъ поровнявшійся съ ней серединою первый вагонъ, но красный мѣшочекъ, который она стала снимать съ руки, задержалъ ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать слѣдующаго вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти въ воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жестъ крестнаго знамени вызвалъ въ душѣ ея цѣлый рядъ дѣвичьихъ и дѣтскихъ воспоминаній, и вдругъ мракъ, покрывавшій для нея все, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновеніе со всѣми своими прошедшими радостями. Но она не спускала глазъ съ колесъ подходящаго второго вагона. И ровно въ ту минуту, какъ середина между колесами поравнялась съ нею, она откинула красный мѣшочекъ и, вжавъ въ плечи голову, упала подъ вагонъ на руки и легкимъ движеніемъ, какъ бы готовясь тотчасъ же встать, опустилась на колѣни. И въ то же мгновеніе она ужаснулась тому, что дѣлала. «Гдѣ я? что я дѣлаю? зачѣмъ?» Она хотѣла подняться, откинуться, но что-то огромное, неумолимое, толкнуло ее въ голову и потащило за спину. «Господи, прости мнѣ все!» проговорила она, чувствуя невозможность борьбы. И свѣчка, при которой она читала исполненную тревогъ, обмановъ, горя и зла книгу, — вспыхнула болѣе яркимъ, чѣмъ когда-нибудь свѣтомъ, освѣтила ей все то, что прежде было во мракѣ, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла.

Ея ужасная смерть поразила Вронскаго, который въ первое время грустилъ, на все былъ согласенъ и отдалъ дочь Анны, маленькую Али, мужу Анны — Алексѣю Александровичу Каренину, который пріѣзжалъ на похороны несчастной Анны.

Послѣсловіе къ драмѣ.

I. Съ ослабленіемъ Личности Анны въ ней усиливалось постепенно раздвоеніе и раздробленіе и окончательно установился рядъ случайныхъ переживаній, уже мало объединенныхъ и лишенныхъ силъ и гармоніи, подобно разбитому инструменту. Переживанія эти, за отсутствіемъ регулятора Личности, были не только случайными, но и подобранными одно-

сторонне изъ сильныхъ и устойчивыхъ образцовъ низшаго психизма: *гнѣва, страха и тоски,* съ ихъ производными: мщеніемъ, ревностью, отчаяніемъ.

II. Подъ конецъ жизни Анна видимо нуждалась въ нѣкоторомъ попеченіи, но упрощенная организація сильнаго и упрямаго Вронскаго едва ли соотвѣтствовала тонкой, деликатной душѣ Анны и могла быть для нея опаснымъ гнетомъ, тѣмъ болѣе, что самая любовь Анны становилась для него мрачной и тяжелой. Глубокая сущность драмы была выше его пониманія.

III. Дружба и любовь находятъ полное и всецѣлое удовлетвореніе только въ небольшомъ числѣ случаевъ, въ большинствѣ же жизнь довольствуется приближеніями къ искомому идеалу (Вундтъ). Человѣкъ же охотно ставитъ на сцену новый опытъ повторенія любви и семьи, по сложности разъ совершившихся и снова предстоящихъ личныхъ перемѣнъ и приспособленій. Опытъ чуткой и умной Анны подтверждаетъ это.

264. Е. Личность.

Личность представляетъ собою силу дѣятельную, сложившуюся, устойчивую, до такой степени, что можно съ извѣстной вѣроятностью предугадать способъ дѣйствій человѣка и даже сказать: это не свойственно такому-то человѣку, это не въ его характерѣ. Возможны *временныя колебанія* Личности, зависящія то отъ настроеній, то отъ силы воли, то отъ случайностей вѣдомыхъ и невѣдомыхъ. Зная объ этихъ колебаніяхъ, нерѣдко самъ человѣкъ говоритъ о себѣ, что онъ «*не въ духѣ*», что ему «*не по себѣ*». Въ послѣднее время французскими психологами и писателями отмѣчены эти состоянія; болѣе сильныя изъ нихъ названы *деперсонолизаціями* или *отчужденіями* (отъ Личности). Это рѣзкіе виды ослабленія, измѣненія, упадка Личности. Изъ русскихъ писателей на эти состоянія было обращено вниманіе Львомъ Толстымъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ. Чтобы освѣтить противоположную задачу — подъема, очищенія, усиленія Личности, а съ другой стороны, чтобы облегчить самый путь къ незыблемому поддержанію цѣльности и единства Личности, Толстой указываетъ на такія типическія черты и пріемы, которыми это вѣрнѣе достигается. Въ романѣ *Анна Каренина* нарисованъ типъ *Вареньки,* которую авторъ надѣляетъ слѣдующими чертами, набросанными слегка и столь бѣгло, что ихъ лучше передать въ видѣ сгущеннаго пересказа. Варенька — альтруистическое существо, главную особенность котораго составляетъ обдуманность и преднамѣренная обработка собственной Личности, съ попыткой придать себѣ цѣльность и устойчивость. Это у нея сказалось, какъ реакція противъ вольной и невольной фальши, какую допускаютъ многіе, придавая себѣ фальшивую неискреннюю оболочку для свѣта, отчасти для себя.

Главныя особенности этого существа состоятъ въ томъ, что у нея все *просто, мило, естественно* (всѣ подчеркнутыя слова являются цитатами изъ Толстого), все дѣлается у нея для себя и не предназначено для другихъ, а дѣлается для *правды*. Варенька добра, отзывчива на все доброе, симпатія (точнѣе — жалость, состраданіе), стыдъ, чистота и правда ея существенныя качества, которыми она дорожитъ, которыя воспитываетъ и поддерживаетъ въ себѣ. Она готова всякому и всѣмъ послужить и повсюду скоро становится центромъ, около котораго ютятся всѣ, къ которому естественно обращаются всѣ, даже дѣти. На обращенія къ ней и на вопросы отвѣчаетъ откровенно, просто и съ достоинствомъ и рѣшительно никогда не представляетъ себя иною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи она такъ щепетильно-чутка, какъ будто она всегда руководится вѣрнымъ масштабомъ эстетическихъ и нравственныхъ чувствъ — какъ сказалъ бы психологъ.

У нея все открыто и все сказано, но не показано. Показываетъ она только по требованію, по запросу, притомъ это не показъ, а только отвѣтъ на вашъ запросъ. Если отвѣтъ не готовъ или невозможенъ, она открыто заявляетъ объ этомъ. У Вареньки въ ея натурѣ нѣтъ и тѣни такъ называемой условной неправды, — той, которую иногда называютъ святой ложью. На всѣ вопросы, даже щекотливые и личные, она отвѣчаетъ открыто и правдиво, при всѣхъ же пріятныхъ для нея искреннихъ заявленіяхъ лицо ея озаряется радостной улыбкой, но не безъ оттѣнка нѣкоторой грусти. Этотъ оттѣнокъ грусти—слѣдъ нѣкоторыхъ личныхъ, нерадостныхъ переживаній. Они придали ей нѣкоторую печать разочарованія, но зато это сдѣлало ее мудрымъ совѣтникомъ и опытнымъ руководителемъ чистой, довѣрчивой юности. Главнѣйшую особенность Вареньки составляло то, что она жила *по сердцу,* а не по какимъ либо правиламъ или условіямъ, пріемамъ, или по какой либо условной преднамѣренности и предрѣшенію. Эта *непосредственность,* вытекавшая изъ *внутренней правды,* всего болѣе обезпечивала ей независимость, естественность и прямоту Личности, — что повидимому и пытался представить Толстой въ своемъ не подробномъ, но высоко интересномъ очеркѣ, не доведенномъ до высоты типа, но глубоко поучительномъ по идеѣ.

265. а) Измѣненія личности.

Въ противуположность набросанному Толстымъ эскизу, Личность нерѣдко выступаетъ не такой простой и естественной, но прикрытой разными условностями, напримѣръ вычурной, съ излишней вѣжливостью, часто не только лишенной прямодушія и искренности, но явно ложной и обманной, и потому приторной, неестественной, тягостной въ нравственномъ обиходѣ человѣческой общественности. Она запутываетъ отношенія людей, затрудняя взаимоотношенія. Иной разъ Личность облекается въ тогу или одежду важности и воображаемаго достоинства, не имѣю-

щаго подъ собой правдивой подкладки, являющейся чѣмъ--то въ родѣ неправильности, выдумки и фантазіи, къ которой человѣкъ прибѣгаетъ, чтобы произвести собою лучшее впечатлѣніе, превышающее дѣйствительность. *Истина и нравственное* чутье борются съ такою фальсификаціей: *художники пера, кисти и сцены* стараются разоблачать, раскрывать, расшифровывать подобныхъ сфинксовъ, хамелеоновъ и сиренъ человѣчества съ ихъ галантерейностью или дѣланнымъ достоинствомъ, далекимъ отъ естественности, истиннаго достоинства и правды. *Художественный смѣхъ* (см. далѣе) является тѣмъ оружіемъ, которымъ борется поэтическое творчество противъ этихъ несовершенствъ человѣческой природы, вредныхъ дѣлу прогресса.

Человѣкъ нерѣдко самъ, собственнымъ усиліемъ, придаетъ Личности неестественную видимость, несоотвѣтствующую внутренней дѣйствительности. Это, какъ справедливо указываетъ Гербертъ Спенсеръ, въ нѣкоторой мѣрѣ естественное преувеличеніе, въ которое склонны впадать всѣ люди, но существуютъ иного рода попытки, которыя можно бы назвать *злостными* или *злонамѣренными фальсификаціями* Личности, съ цѣлью придать себѣ неправдивый видъ, для достиженія личныхъ выгодъ въ жизни и въ жизненной борьбѣ. На это указываетъ Левъ Толстой, выводя типъ Вареньки въ романѣ «Анна Каренина» и типы Левина и княжны Щербацкой.

— Ахъ, какъ глупо, гадко! Не было мнѣ никакой нужды... Все притворство! — говорила она (княжна Щербацкая).

— Да съ какою же цѣлью?

— Чтобы казаться лучше предъ людьми, предъ собой, предъ Богомъ; всѣхъ обмануть. Нѣтъ, теперь я уже не поддамся на это! Быть дурною, но по крайней мѣрѣ не лживой, не обманщицей.

Такъ говорила, сердясь на себя, княжна Щербацкая.

Но не объ этихъ невинныхъ или наивныхъ преувеличеніяхъ идетъ рѣчь, но о томъ обманномъ представленіи себя, которое является сознательнымъ и нравственно предосудительнымъ, противъ чего справедливо протестуетъ Толстой, выдвигая типъ естественности, основанной на внутренней правдѣ.

Показъ не подлинной, но измѣненной, поддѣльной Личности есть одинъ изъ пріемовъ драматической борьбы, для достиженія личныхъ цѣлей. Указываемъ нѣкоторые изъ такихъ типовъ.

266. б) Лицемѣріе, фарисейство.

I. Одинъ изъ самыхъ старыхъ и ходячихъ видовъ притворства это *лицемѣріе* или *фарисейство*, т. е. *поддѣлка благочестія*. Классическимъ изображеніемъ этого порока является типъ Тартюфа въ комедіи Мольера.

II. Еще болѣе распространеннымъ явленіемъ представляется изображеніе состояній *достоинства,* которыхъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ или которыя преувеличенно и обманно показываются зрителю. Истинное состояніе *достоинства* почти недоступно подражанію и показу: надобно въ дѣйствительности имѣть его въ душѣ, чтобы оно отразилось на лицѣ, потому, что это актъ экспрессивнаго творчества. Желающій подражать достоинству показываетъ на самомъ дѣлѣ только *гордость, важность* и *важничанье, или надутость и спесь.* Но всѣ показы ограничиваются предъявленіемъ *внѣшнихъ* знаковъ, *внутреннiе* же глубокіе знаки недоступны имитаціямъ. Ходячія выраженія о *гордости,* какъ о какомъ то достоинствѣ, ложны въ самомъ существѣ своемъ; гордость стоитъ близко къ важности и важничанью и отстоитъ отъ достоинства за тридевять земель. Самое выраженіе *благородная гордость* логически неправильно, свидѣтельствуя о психологической путаницѣ понятій. Крайнимъ членомъ этого ряда снизу является *спесь и чванство.*

267. в) Гордость.

Гордость, высокомѣріе, надменность, чванство, спесь выражаются знаками, противоположными тѣмъ, какіе характерны для чувства нравственнаго достоинства, скромности, смиренія; напримѣръ — гордость, высокомѣріе выражаются поднятіемъ и отклоненіемъ головы назадъ («драть голову»), выпрямленіемъ спины и отклоненіемъ туловища назадъ, презрительными движеніями и т. д. Такъ какъ *гордость* есть переоцѣнка своихъ качествъ и преклоненіе передъ ними безъ вниманія къ тому, достойны ли они или недостойны, то въ состояніяхъ гордости имѣемъ дѣло, въ сущности, съ *имитаціей чувства чести и нравственнаго достоинства. Высокомѣріе* есть гордость, соединенная съ низкой оцѣнкой другихъ.

Надменность, кичливость, заносчивость, важничанье, чванство, — это гордость, выражающаяся намѣренными, показными внѣшними знаками и отличіями.

Спесь (дурацкая) представляетъ собою глупый, утрированный показъ знаковъ гордости.

268. г) Спесь.

Ходитъ Спесь надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спесь къ отцу матери,

Да ворота некрашены.
А и помолился бъ Спесь въ Церкви Божіей,
Да полъ не метенъ.
Идетъ Спесь, видитъ: на небѣ радуга;
Повернулся Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибаться.

А. К. Толстой.

Влад. Даль (Толковый Словарь) даетъ слѣдующія опредѣленія исчисленнымъ душевнымъ качествамъ, имитирующимъ нравственное достоинство: *гордость* считаетъ за собою достоинство; *надменность* основана на самонадѣянности; *высокомѣріе* на властолюбіи; *кичливость* есть гордость ума; *чванство* — гордость знати, богатства; *тщеславіе* — суетность, страсть къ похваламъ; *спесь* — глупое самодовольство, ставящее себѣ въ заслугу санъ, чинъ, внѣшніе знаки отличія, богатства, высокій родъ свой и проч.

269. д) Лживость, неискренность, двуличіе.

Неуваженіе къ истинѣ и правдѣ (лживость, неискренность, двуличіе) проявляются предпочтеніемъ слова дѣлу и преувеличеніемъ словесныхъ изъявленій доброты и благосклонности, при отсутствіи признаковъ нравственнаго достоинства. Такія состоянія лживы въ существѣ, богаты лестью, подобострастіемъ, угодничаньемъ, раболѣпствомъ, изысканной чрезмѣрной вѣжливостью, но отсутствіемъ правды и уваженія къ себѣ. Въ частности отсутствіе истины и правды характеризуется *лестью*.

Лесть — это преувеличенная и обманная похвала, дѣлаемая корыстно и съ разсчетомъ на выгоду.

Подобострастіе есть искреннее или обманное подражаніе манерамъ, а въ особенности выраженію лица, съ цѣлью быть пріятнымъ и угодить тому, кого желаютъ раболѣпно скопировать.

Угодничанье. Угодничать значитъ — прислуживать, льстить, низкопоклонничать, раболѣпствовать, подличать, искательствовать, угождая съ корыстной цѣлью (Даль).

Подобнымъ образомъ, люди склонны обманно показать *умъ, волю,* а въ особенности нравственныя качества, которыхъ нѣтъ.

270. е) Пошлость.

Широкую принципіальную постановку вопроса объ измѣненіи Личности впервые находимъ у Гоголя. Онъ показалъ, какъ происходитъ пониженіе въ человѣкѣ нравственнаго достоинства, измельчаніе и опошленіе Личности. Все это совершается психологически, на счетъ пониженія

чувства стыда. Раскрытіе этихъ фактовъ составляетъ безсмертную заслугу Гоголя. Дѣло начинается пониженіемъ или утратой *стыда* и замѣной его чувствомъ *приличія,* т. е. той минимальной дозой стыда, которая еще держится въ человѣкѣ въ присутствіи другого лица (лицеприличіе), и отсутствіе которой лишаетъ человѣка достоинства, придавая отпечатокъ грубости и пошлости, что становится замѣтнымъ для внимательнаго наблюдателя (*пошлая* личность, *пошлая* физіономія). Люди избѣгаютъ спускаться ниже этого предѣльнаго уровня нравственности, но большинство спокойно останавливается на этомъ *минимумѣ*. Въ своей геніальной проницательности Гоголь избралъ душевный *смѣхъ* орудіемъ поднятія Личности до той высоты *стыда,* когда человѣкъ впервые чуетъ въ душѣ дѣйствіе этого озаряющаго чувства и можетъ даже покрыться *краской стыда* въ уединеніи, самъ съ собой, безъ присутствія другого лица.

Стыдъ составляетъ исходную точку *раскаянія, совѣсти, чести* и *нравственнаго достоинства,* т. е. всѣхъ основныхъ устоевъ нравственности. Гоголь показалъ, что его герои берутъ взятки и борзыми щенками и болѣе существенной валютой потому, что у нихъ нравственной охраной служитъ только *приличіе, но не стыдъ и совѣсть*. которыя стоятъ безгранично выше всякихъ приличій. Поэтъ раскрываетъ то, чего его герои не стыдились, но что чуть-чуть они скрывали отъ свѣта, — и то только для *приличія,* находя въ своемъ міркѣ полную солидарность взглядовъ и стремленій, такъ у своихъ сотоварищей по службѣ, такъ и въ нѣдрахъ собственной семьи. Полная круговая порука пониженія Личности.

271. Ж. Скоропроходящія измѣненія Личности.

Можно наблюдать скоропроходящее измѣненіе Личности подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ ядовитыхъ веществъ, напримѣръ опія, хлороформа, эфира и алкоголя. Отравленіе алкоголемъ или спиртными напитками общеизвѣстно и даетъ явную картину извращенія Личности, продолжающагося отъ двухъ до восемнадцати часовъ. Классическое описаніе дѣйствія вина на человѣка находимъ у Ксенофонта въ его Киропедіи и у новѣйшихъ авторовъ, которые, начиная съ прошлаго столѣтія, по почину шведскихъ и французскихъ врачей и писателей, стали наблюдать и описывать картину опьяненія и пьянства и вліяніе на Личность этого яда нервной системы.

Дѣйствіе спиртныхъ напитковъ на человѣка.

Алкоголь дѣйствуетъ на человѣка быстро, ехидно, съ неожиданной силой. Уже въ этой неожиданности — одна изъ главныхъ опасностей. Но еще опаснѣе то, что алкоголь дѣйствуетъ не только на тѣлесный составъ человѣка, но и на его душу, при томъ на самыя высокія способности души, на *мысль,* на *чувство,* на *совѣсть*. Видъ опьяненнаго человѣка произво-

дить непріятное впечатлѣніе даже на животныхъ, напримѣръ, собакъ; при видѣ пьянаго человѣка собаки лаютъ, лошади впадаютъ въ страхъ или гнѣвъ. Дѣти поражаются и испытываютъ неотразимо тягостное впечатлѣніе, если имъ приходится видѣть старшихъ или своихъ родителей въ опьяненномъ состояніи. Чувство царственнаго отрока Кира, видѣвшаго опьяненныхъ, изображено греческимъ писателемъ Ксенофонтомъ въ книгѣ, носящей названіе *Киропедія* (книга воспитанія Кира). Киръ испросилъ себѣ у царя Астіага позволеніе, — такъ разсказывается въ книгѣ, — послужить виночерпіемъ вмѣсто придворнаго виночерпія Сакаса. Киръ съ ловкостью взялъ бокалъ и подалъ его царю. Царь съ ласкою спрашиваетъ его: отчего ты, сынъ мой, не пробуешь вина подобно Сакасу (виночерпію полагалось выпить первую рюмку, въ предупрежденіе возможности отравленія царя, а уже послѣ виночерпія пилъ царь). Маленькій Киръ такъ отвѣчалъ царю на его вопросъ: я боюсь, что въ винѣ содержится ядъ, потому, что въ день твоего рожденія, во время пиршества, я видѣлъ, что вы всѣ были отравлены напиткомъ, поданнымъ руками Сакаса.

— Въ чемъ же ты примѣтилъ отравленіе? спросилъ царь своего наслѣдника.

Я замѣтилъ большой безпорядокъ въ вашемъ умѣ и въ вашихъ дѣйствіяхъ; вы дѣлали то, чего не простили бы такому дитяти, какъ я; вы кричали всѣ разомъ, не слушали другъ друга, странно пѣли и, не слушая того, кто пѣлъ, клялись, что онъ пѣлъ чудесно; — каждый изъ васъ хвасталъ своей силой, однако, когда слѣдовало встать для танцевъ, вы не только не въ состояніи были танцовать въ тактъ, но даже не могли твердо держаться на ногахъ; ты забылъ, что ты царь, а тѣ забыли, что они твои подданные. Я тогда въ первый разъ узналъ, что можно злоупотреблять свободою рѣчи, ибо вы не умолкали.

Всѣмъ знакома эта картина, описанная двѣ тысячи лѣтъ назадъ.

Алкоголь поражаетъ и душу и тѣло человѣка. Душа поражается глубже и сильнѣе самого тѣлеснаго состава. Особенно страдаетъ *стыдъ и совѣсть*. Коварно-гибельное дѣйствіе спиртныхъ напитковъ на совѣсть человѣка проявилось со всею ясностью въ одномъ тяжкомъ преступленіи, которое было предметомъ судебнаго разбирательства. Вотъ въ чемъ состояло все это преступленіе. Содержатель трактира на большой дорогѣ въ провинціи задумалъ убить проѣзжаго богатаго купца, который ѣздилъ съ большими деньгами и останавливался у него на ночлегъ. Злой трактирщикъ рѣшился ограбить купца, но не хотѣлъ этого дѣлать своими руками, а постарался подговорить на злодѣяніе молодого парня, бывшаго трактирнымъ слугой. Онъ составилъ планъ убійства, приготовилъ топоръ и придумалъ, какъ однимъ ударомъ убить злополучнаго купца. Долго ему пришлось уговаривать слугу совершить преступленіе: онъ обѣщалъ слугѣ въ награду часть денегъ, какія будутъ найдены при убитомъ. Однако-же, злой совѣтчикъ неожиданно встрѣтилъ сильнѣйшія препятствія. Чистая совѣсть молодого трактирнаго слуги, подобно неодолимой скалѣ, проти-

востояла преступленію, и юноша счастливъ былъ, находя себѣ въ ней опору и поддержку противъ настояній злого совѣтчика.

— Совѣсть не позволяетъ и руки опускаются, какъ только возьму топоръ въ руки, — говорилъ юноша.

— Что совѣсть? — сказалъ трактирщикъ; будешь имѣть совѣсть, такъ и останешься бѣднякомъ и слугой на всю жизнь. А ты выпей для смѣлости, тогда и совѣсть не помѣшаетъ, и руки смѣлѣе станутъ.

Несчастный семнадцатилѣтній парень выпилъ вина и убійство совершено его руками...

Совѣсть вернулась, какъ только прошелъ хмѣль и молодой убійца двѣ недѣли держалъ на чердакѣ трупъ, уже начавшій наконецъ, разлагаться. Онъ все держалъ его, чтобы оплакать невинно убитаго и вымолить себѣ у него прощеніе, пока наконецъ дѣло не раскрылось. Молодой убійца во всемъ чистосердечно признался и съ горестью заявилъ на судѣ, что совѣсть его только отъ вина помрачилась. Только вино закрыло въ его душѣ то всевидящее око, какъ онъ говорилъ, которое тамъ жило и глядѣло на него, какъ только онъ готовился взять топоръ въ руки. Такъ объяснилъ на судѣ злополучный юноша *то святое,* что жило въ его душѣ и что было убито виномъ. Этотъ страшный примѣръ, случившійся въ дѣйствительности, показываетъ, какая ужасная опасность таится въ ядовитомъ напиткѣ.

Обширныя изслѣдованія и статистическія расчисленія, произведенныя во всѣхъ странахъ, показали, что между количествомъ выпитаго вина и числомъ преступленій существуетъ постоянное соотношеніе. Это соотношеніе до такой степени проявляется постоянно и съ неумолимой точностью, что французскій министръ въ 1896 году, оспаривая предъ французскимъ парламентомъ увеличеніе выпуска спирта, произнесъ такую фразу: «если вы увеличите выпускъ вина, то увеличьте и количество кандаловъ, ибо увеличеніе выпуска вина дастъ непремѣнно прибавку числа тяжкихъ преступниковъ, — убійцъ и изнасилователей, на которыхъ по закону надѣваются кандалы».

Вотъ каковы страшныя соотношенія. Вино увеличиваетъ всѣ преступленія и слабодушный человѣкъ, который воздержался бы отъ задуманнаго преступленія и устоялъ бы предъ искушеніемъ, пока находится въ трезвомъ состояніи, можетъ совершить преступленіе подъ вліяніемъ пьянаго легкомыслія и дерзости.

Самый характеръ и способъ совершенія преступленій видоизмѣняется подъ вліяніемъ вина въ худшую сторону: преступленія становятся болѣе тяжкими, болѣе отвратительными, болѣе жестокими: человѣкъ теряетъ образъ Божій и становится звѣремъ.

Знаменитый современный французскій психіатръ Маньянъ, глубоко изучившій явленія алкоголизма среди Парижскаго населенія и Парижскихъ больницъ, дополнилъ свои изслѣдованія наблюденіями на животныхъ (собакахъ, кроликахъ), которымъ онъ давалъ спиртные напитки разнаго

качества и въ различномъ количествѣ. Послѣ 5 — 6 недѣль ежедневнаго питья, у животныхъ развивался алкоголизмъ съ галлюцинаціями и бредомъ. У тѣхъ животныхъ, которыя гибли отъ пьянства или были убиваемы для провѣрки опытовъ, найдено было воспаленіе мозговыхъ оболочекъ и переполненіе мозга кровью, какъ и у пьющихъ людей. Алкоголизированныя животныя, подобно пьянымъ людямъ, становятся злы, раздражительны, вступаютъ въ драку и грызутся между собою, словомъ — ихъ характеръ и нравы перемѣняются въ дурную сторону, какъ и у людей. Животныя даже становятся похотливыми отъ вина. Невольно припоминаются слова профессора Военно-медицинской Академіи Веніамина Михаиловича Тарновскаго, что почти всѣ молодые люди, лѣчившіеся у него отъ дурной болѣзни, потеряли свое цѣломудріе въ состояніи опьяненія. Апостолъ Павелъ предостерегаетъ отъ вина словами: «не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ, но паче исполняйтеся духомъ».

По отчетамъ Министерства Юстиціи оказывается, что наибольшая часть дракъ съ нанесеніемъ тѣлесныхъ поврежденій происходитъ въ нетрезвомъ состояніи. Особенно свойственно пьяному человѣку стремленіе наносить побои въ голову, а не въ другую часть тѣла. Это происходитъ отъ того, что пьянство перемѣняетъ характеръ въ самую дурную сторону, навсегда дѣлая человѣка злымъ, безумно раздражительнымъ, безсердечнымъ, коварнымъ. Такія душевныя перемѣны отражаются и на лицѣ, какъ показываютъ фотографіи пьяницъ. Въ лицахъ этихъ людей незамѣтно доброты, запечатлѣна злоба, гнѣвность и жестокая рѣшимость. Пьяницы утрачиваютъ стыдъ и показываются на улицѣ въ безобразной одеждѣ и безобразномъ обличіи, не по своей бѣдности, но по нерадивости и безстыдству. Отъ пьянства слабѣетъ стыдъ и совѣсть.

Всѣ народы земного шара убѣдились въ чрезвычайныхъ опасностяхъ, какими угрожаетъ вино здоровью человѣка и его благосостоянію, — душѣ и тѣлу. Во всѣхъ странахъ образовались союзы и общества трезвости, чтобы уменьшить размѣры опаснаго зла, которымъ охвачено современное человѣчество. Въ самое недавнее время возникли международные союзы съ тою же цѣлью, чтобы всеобщими усиліями народовъ бороться съ зеленымъ зміемъ.

Бороться съ привычкою къ вину въ наше время сдѣлалось труднѣе, нежели въ прежніе времена. Причина въ томъ, что современныя поколѣнія уже *алкоголизированы,* получивъ по наслѣдству отъ своихъ нетрезвыхъ предковъ предрасположеніе къ вину, т. е. скрытую страсть или склонность пить. Такое предрасположеніе обыкновенно передается алкоголистами-отцами дочерямъ по преимуществу, а черезъ нихъ зло уже широко развивается по нисходящимъ поколѣніямъ, становясь потайной, невѣдомой порчей, проницающей все существо человѣка.

Гдѣ спасеніе?

Въ русскомъ народѣ живетъ стремленіе къ совершенному воздержанію отъ вина, — къ полной трезвости. Эта древняя, общераспространенная

и самая разумная мѣра, къ которой по временамъ прибѣгаетъ населеніе, руководимое здравымъ народнымъ чувствомъ. Отдѣльныя лица, общества, цѣлыя деревни даютъ зарокъ и клятву — не пить вина. Въ 1858 и 1859 годахъ широкая волна отрезвленія охватила почти всю Россію. Какъ бы по чудесному мановенію, началось единодушное движеніе въ народѣ противъ вина и въ различныхъ концахъ нашего отечества стали возникать общества трезвости въ губерніяхъ: Курской, Тульской, Пензенской, Владимірской, Екатеринославской, Тверской, Ковенской, Виленской и Саратовской.

Только соединенными силами вѣры, церкви, науки и государственной мудрости надлежитъ начинать подвигъ отрезвленія, необходимость котораго въ наше время всѣми горячо и глубоко сознается.

Въ самомъ началѣ войны съ нѣмцами въ 1914 году состоялось Высочайшее повелѣніе, коимъ совершенно воспрещена продажа вина въ Россіи и наступило полное отрезвленіе народа. Военно-Медицинская Академія поднесла Государю Императору Николаю II почетный Дипломъ за Его Указъ о воспрещеніи вина, какъ за Актъ Величайшей Государственной Мудрости.

Проф. И. Сикорскій.

272. Болѣе важныя перемѣны Личности совершаются среди драматическихъ переживаній и вслѣдствіе ихъ. Перемѣны эти могутъ быть то комическими, то драматическими и трагическими, краткосрочными и длительными. Они всецѣло зависятъ по своему характеру отъ тѣхъ чувствъ, какія переживаетъ сама Личность и посторонній наблюдатель. Что представляютъ эти чувства со стороны психологической? Наименьше сомнѣній возбуждаетъ *трагизмъ* и *трагическое* положеніе. Такъ какъ это есть страданіе, то у всѣхъ людей оно вызываетъ *состраданіе, симпатію* и только у немногихъ извращенныхъ субъектовъ оно возбуждаетъ радость (злорадство). Разные виды драматическихъ положеній вызываютъ въ различной степени сочувствіе. Всѣ же комическія положенія вызываютъ то смѣхъ разныхъ видовъ, то состраданіе.

Смѣхъ служитъ у того, кто смѣется, выраженіемъ живой радости и вниманія и сопровождается широкимъ озаряющимъ умственнымъ анализомъ наблюдаемыхъ явленій. По своей сущности смѣхъ есть *внезапное* безмолвное *умозаключеніе,* — скорое, острое, подобное творческому акту, или откровенію. У того-же, надъ кѣмъ смѣются, чужой смѣхъ вызываетъ безысходное самочувствіе психическаго пораженія, униженія и досады. Такое самочувствіе хуже палки, — не даромъ герой одной французской комедіи, въ своей отповѣди противнику, выпутывается изъ своей умственной ямы, говоря такъ: «тебѣ до этого нѣтъ дѣла, я самъ хотѣлъ, чтобы жена побила меня». Благодаря своимъ психическимъ качествамъ, смѣхъ получилъ въ человѣчествѣ значеніе важнаго культурнаго явленія, рас-

крывающаго скрытыя подчасъ, и не сразу очевидныя для ума, жизненныя отношенія. Между тѣмъ смѣхъ, по своей психической природѣ, неволенъ, внезапенъ, и часто неудержимъ. Хотя онъ поддается сдерживающему вліянію воли, но только отчасти, притомъ съ запозданіемъ, когда главная струя нервнаго взрыва уже успѣетъ пробѣжать по мозгу и всему организму. Психологическое и культурное значеніе смѣха разъясняется въ особенности тѣмъ фактомъ, что *смѣхъ*, подобно *стыду*, не свойственъ животнымъ, что онъ — чисто человѣческая принадлежность и достоинство. Животныя, даже высшія, какъ обезьяны, имѣютъ только зачатки смѣха, при осязательныхъ впечатлѣніяхъ, т. е. при щекоткѣ. Человѣкъ же *смѣется* и *стыдится* только въ отвѣтъ на тончайшія движенія въ области *ума* и *совѣсти*, — что животнымъ совершенно недоступно. Этими особенностями человѣку обезпечена умственная проницательность. — *Смѣхъ* и *стыдъ* психологически поставлены близко и связаны оба съ состояніями величайшаго человѣческаго прогресса. Естественно поэтому, что стыдъ и смѣхъ, комическое и нравственное, пристыженіе и добродѣтель, вошли въ составъ великаго инструментарія поэзіи, литературы и искусства, а комедія и трагедія стали важнѣйшими частями драматической поэзіи, подобно эпосу и лирикѣ.

Благодаря своей творческой внезапности, стыдъ и смѣхъ имѣютъ свойства острѣйшихъ оружій поэзіи. Насиліе, драка, дуэль нерѣдко служатъ отвѣтомъ на смѣхъ и пристыженіе. Пролитіе крови нерѣдко кажется людямъ неизбѣжнымъ отвѣтомъ на событія, связанныя со смѣхомъ, или съ краской стыда. Легко понять, какъ чрезвычайно деликатна область стыда и смѣха. Понятно также, почему великіе писатели и поэты столь осторожны въ употребленіи оружія, которымъ владѣютъ: языкъ Лермонтова не знаетъ для темъ стыда другого термина, какъ *поцѣлуй*, Крыловъ говоритъ просто о бѣлкѣ, которая вертѣлась въ колесѣ, и о другой, Гоголь мимоходомъ предлагаетъ читателю вопросы: «Знаете ли вы Агафью Федосѣевну?» и затѣмъ хитроумно отвѣчаетъ: «та самая, что откусила ухо у засѣдателя», и сказавъ это, сейчасъ убѣгаетъ съ читателемъ за тридевять земель, и только послѣ этого уже очень свободно описываетъ весьма свободныя дѣйствія этой дамы по доведенію до бѣлаго каленія ссоры Ивана Ивановича (которому говорила ты) съ Иваномъ Никифоровичемъ. Все остальное, вытекающее изъ этихъ, какъ бы случайныхъ, намековъ, предоставляется догадливости читателя. При такой нравственной осторожности Гоголя и Крылова, сочиненія ихъ вошли въ школьныя библіотеки и никому въ голову не приходитъ бояться этого. Между тѣмъ другіе писатели, касаясь той же темы, не удержались, чтобы не свалиться въ яму порнографіи, и потому неудобны для цѣломудренныхъ читателей.

Существуетъ два вида смѣха, различные по своему психологическому составу. Одинъ представляетъ собою соединеніе *смѣха* и *соболѣзнованія*, или сочуствія къ осмѣиваемому лицу, другой — соединеніе смѣха и гнѣва. Первый называется *благодушнымъ смѣхомъ* или *юморомъ*, второй —

злымъ смѣхомъ или *сарказмомъ*. На первомъ строится комедія, на второмъ сатира. Перваго рода смѣхъ составляетъ талантъ и классическую особенность Гоголя, который, по собственному признанію озарялъ несущуюся передъ нимъ жизнь смѣхомъ, виднымъ міру, и незримыми, невидимыми ему слезами. Только такой смѣхъ нравственно-цѣлителенъ. Смѣхъ же, соединенный съ гнѣвомъ, вызываетъ въ осмѣиваемомъ гнѣвъ и злость и тѣмъ уничтожаетъ работу стыда и совѣсти. Такой смѣхъ удовлетворяетъ болѣе смѣющагося, чѣмъ осмѣиваемаго, и менѣе полезенъ послѣднему. Смѣхъ Гоголя былъ тѣмъ горькимъ смѣхомъ, который, при своей забавности и безобидности, обладаетъ величайшей поучительной нравоисправительной силой.

273. 3. Ораторское искусство. Ораторская дѣятельность.

Къ проявленію Личности, кромѣ драматизма въ широкомъ и узкомъ значеніи слова, относится ораторское искусство и ораторская дѣятельность. *Изустная рѣчь* или, какъ люди ее называютъ, *живое слово*, имѣетъ на слушателя большое вліяніе.

Слыша изустную рѣчь оратора, мы воспринимаемъ не простыя слова, но *живыя*, т. е. слова со скрытыми оттѣнками ихъ смысла и значенія Болѣе того, въ звукахъ словъ и рѣчи, въ ея оттѣнкахъ, въ повышеніяхъ и пониженіяхъ, въ ускореніи и замедленіи темпа, въ удареніяхъ, остановкахъ и промедленіяхъ, открывается безконечный міръ чувства, непередаваемаго однимъ скелетомъ словъ. Выраженіемъ лица оратора и его тѣлодвиженіями дается новый рядъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на душу слушателя. Всѣ эти сложные ряды неуловимыхъ атомовъ, входящихъ въ составъ конкретнаго акта живой рѣчи, проникаютъ въ душу и регистрируются въ памяти со всей своей сложностью. Такимъ образомъ, все слышимое нами носитъ характеръ богатой наглядности и закрѣпляется тысячами ассоціативныхъ связей, которыя послужатъ потомъ такими же тысячами исходныхъ точекъ для воспоминанія.

Ораторское искусство обыкновенно дѣлятъ на *духовное краснорѣчіе* и *ораторскую рѣчь*.

274. Духовное краснорѣчіе.

Оно представляетъ собою общенародный урокъ или публичную проповѣдь по предметамъ вѣры или христіанской нравственности. Высокими представителями духовнаго краснорѣчія признаютъ въ Греціи Іоанна Златоустаго, Архіепископа Константинопольскаго (III в.), а въ Россіи Филарета, Митрополита Московскаго, и Иннокентія, АрхіепископаХерсонскаго.

275. Прощальная бесьда св. Іоанна Златоустаго.

(Въ Константинополѣ, передъ отправленіемъ въ ссылку).

Сильныя волны, жестокія бури! Но я не боюсь потопленія, ибо стою на камнѣ. Пусть свирѣпствуетъ море: оно не можетъ сокрушить меня. Пусть подымаются волны: онѣ не могутъ поглотить корабля Іисусова. Скажите, чего бояться мнѣ? Ужели смерти? *Мнѣ еже жити Христосъ, а еже умрети, пріобрѣтеніе* (Филипп., I, 21). Ужели ссылки? *Господня земля и исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1). Ужели описи имѣнія? Ничтоже внесохомъ въ міръ сей явѣ, яко ниже изнести что можемъ (I Тим. VI, 7). Я презираю устрашенія міра сего и посмѣиваюсь надъ его благами. Я не боюсь нищеты, не желаю богатства; не боюсь смерти и не желаю жизни, развѣ только для вашего успѣха. Я для того говорю о настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, и для того вопрошаю васъ возлюбленные, чтобъ васъ успокоить. Никто не можетъ раздѣлить насъ! Что Богъ совокупилъ, того человѣкъ раздѣлить не можетъ. Если о мужѣ и женѣ сказано: еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ (Матв. XIX, 6), ежели брака нельзя расторгнуть, то кольми паче нельзя разрушить Церковь Божію. Ничего нѣтъ сильнѣе Церкви! Сколь многіе тираны покушались разрушить Церковь! Сколько употребляли они сковородъ, сколько печей, сколько зубовъ звѣриныхъ, сколько острыхъ мечей! Но нимало не успѣли. Гдѣ враги оные? Никто не говоритъ объ нихъ: всѣ они забыты. Гдѣ Церковь? Она сіяетъ свѣтлѣе солнца. Если христіане остались непобѣдимыми и тогда, когда ихъ было немного, то можно ли побѣдить ихъ нынѣ, когда вся вселенная исполнена благочестіемъ. Не тревожьтесь настоящимъ событіемъ! Окажите мнѣ въ одномъ любовь вашу, — въ непоколебимой вѣрѣ. Я имѣю залогъ Господа, и не полагаюсь на мои силы. Я имѣю Его писаніе. Оно мнѣ опора, оно мнѣ крѣпость, оно мнѣ спокойная пристань. Пусть вся земля придетъ въ смятеніе. У меня есть письмецо; его читаю я слова, въ немъ для меня стѣна и ограда. Какія слова? *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѳ. XXVIII, 20). Христосъ со мною, кого мнѣ бояться? Пусть поднимаются на меня волны, пусть море, пусть неистовство сильныхъ, сіе для меня слабѣе паутины. И если бы не вы останавливали меня своей любовью, то я нынѣ же удалился бы отсюда. Я всегда молюсь, да будетъ воля Твоя, Господи, не какъ хочетъ тотъ или другой, но какъ Ты хочешь. Вотъ моя крѣпость, вотъ мой камень неподвижный,вотъ моя трость непоколебимая! Если Богу угодно,то да будетъ! Если Ему угодно оставить меня здѣсь, благодарю Его. Я буду благодарить Его, гдѣ Онъ ни захочетъ меня поставить.

Ни отъ чего не приходите въ смущеніе. Старайтесь быть въ молитвѣ. Это сдѣлалъ дьяволъ, чтобы погасить въ васъ расположеніе къ молитвѣ. Но онъ не успѣлъ нимало. Я вижу васъ болѣе ревностными и усердными. Завтра я выйду съ вами для молитвы. Гдѣ я, тамъ и вы, а гдѣ вы,

тамъ и я. Мы —одно тѣло. А тѣло отъ головы, какъ и голова отъ тѣла, не отдѣляется. Мы раздѣляемся мѣстомъ, но любовью соединены; даже смерть не можетъ разлучить насъ. Хотя умретъ мое тѣло, но душа будетъ жива и станетъ вспоминать о семъ народѣ. Вы мнѣ отцы, — какъ могъ бы я забыть васъ? Вы мнѣ родные мои, вы моя жизнь, вы моя слава. Если вы преуспѣваете, эта слава мнѣ, и жизнь моя, какъ богатство, лежитъ въ сокровищницѣ вашей. Я готовъ тысячекратно положить за васъ душу свою, и не стою никакой благодарности, потому что исполняю долгъ. *Добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы своя* (Іоан. X, 11). Пусть тысячекратно меня удавятъ, тысячекратно отсѣкутъ мнѣ голову. Смерть сія поведетъ меня къ безсмертію. Все претерпѣваю я за любовь мою къ вамъ: ибо я все предпринимаю, чтобъ вамъ доставить безопасность; чтобъ никто чужой не вошелъ въ стадо мое, и оно сохранилось непорочнымъ. Сей подвигъ мой доставитъ мнѣ вѣнецъ. И чего я не терплю для васъ? Вы мнѣ сограждане, вы мнѣ отцы, вы мнѣ братья, вы дѣти мои, вы члены мои, вы тѣло мое, вы свѣтъ мой, и лучше свѣта. Вы всегда доставляли мнѣ то, чего желалъ я. Вы презирали временное, отказывались отъ земного, возвышались къ небу, отрѣшались отъ узъ тѣлесныхъ и старались о блаженномъ исполненіи ученія Господа. Впрочемъ можетъ быть, Богъ попускаетъ мнѣ терпѣть злоумышляемое на меня для того, чтобы испытать меня несчастіями; потому что побѣда, конечно, отъ трудовъ зависитъ, и вѣнецъ уготовляется за подвиги. Ибо и божественный Павелъ сказалъ: *Теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. IV, 7-8). Вѣчный Господь всѣхъ да удостоитъ и васъ вѣнца сего. Аминь.

276. Слово въ Великій пятокъ.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (Антоній Великій), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братья, давайте плакать», и всѣ пали на землю и пролили слезы.

— «Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно замыкаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ? И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгофѣ не было проповѣди; тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. XXIII, 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствованію, а покаянію и слезамъ».

— «Братія, Господь и Спаситель нашъ во гробѣ, начнемъ же молиться и плакать. Аминь».

Архіепископъ Иннокентій.

277. Ораторская рѣчь.

Задача ораторской рѣчи убѣдить слушателя и склонить его къ извѣстному образу дѣйствій. Ораторское искусство примѣнимо на судѣ, въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ общественныхъ собраніяхъ, въ аудиторіяхъ и т. п.

278. Кругъ общественныхъ обязанностей народныхъ избранниковъ, по Сократу.

Качества, необходимыя народному избраннику. Сократъ и Главконъ.

Ксенофонтъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Сократѣ, разсказываетъ поучительную исторію одного молодого афинянина, который, не имѣя еще 20 лѣтъ отъ роду, задумалъ попасть въ государственные люди и сталъ усердно произносить публичныя рѣчи, въ надеждѣ привлечь къ себѣ народное расположеніе. Когда онъ пришелъ къ Сократу, Сократъ спросилъ его:

— «Слышу я, Главконъ, что тебѣ очень хочется имѣть власть въ государственномъ управленіи».

— «Да, признаюсь, хочется».

— «Какая прекрасная доля», — сказалъ ему Сократъ, — «управлять государствомъ: сколько можно сдѣлать добра своему отечеству, въ какую часть поставить себя и весь домъ свой, какъ можно прославиться въ Аѳинахъ, — да и не въ однѣхъ Аѳинахъ. Фемистоклъ былъ славенъ и между варварами... Прекрасно! Только я думаю, и ты согласенъ со мною, что такая честь не дается даромъ: надо чѣмъ нибудь заслужить ее».

— «О, конечно», — спѣшилъ отозваться Главконъ.

— «Скажи же мнѣ», — продолжалъ Сократъ, — «съ чего жъ бы ты началъ, напримѣръ?»

Молодой человѣкъ не давалъ отвѣта: онъ еще ни разу не думалъ, съ чего начать.

— «Однако, посмотримъ: напримѣръ, говорятъ, казна нужнѣе всего для государства: ты, конечно, старался бы прибавить доходовъ казнѣ?»

— «Разумѣется такъ».

— «Любопытно знать, съ чего бы ты началъ? Конечно, тебѣ ужъ очень извѣстно, съ какихъ статей казна получаетъ доходы, и сколько получаетъ, и откуда».

Юноша долженъ былъ признаться, что не знаетъ этого въ точности.

— «Ну, въ такомъ случаѣ, скажи мнѣ, какіе расходы тебѣ кажутся лишними, какіе ты хотѣлъ бы сократить?»

— «Признаюсь, что я не имѣлъ до сихъ поръ времени и объ этомъ

хорошенько подумать. Но мнѣ казалось, Сократъ, что нечего много и думать объ этомъ, когда можно устроить казну за счетъ непріятеля...»

— «Правда твоя, но для этого необходимо побѣждать непріятеля, быть сильнѣе его, а ежели онъ сильнѣе, то еще и онъ, пожалуй, твое отниметъ. Стало быть, если разсчитывать на войну, надо знать въ точности свою силу и непріятельскую. А ты знаешь ли, скажи мнѣ, сколько у насъ сухопутныхъ силъ, сколько морскихъ силъ и каковы силы у нашихъ непріятелей?»

— «Такъ, изъ головы, въ одну минуту, не могу тебѣ разсчитать».

— «Все равно», — продолжалъ Сократъ, — «если у тебя гдѣ-нибудь записано, посмотримъ вмѣстѣ».

Но и на письмѣ у Главкона не оказалось.

— «Ну, хорошо», — началъ опять Сократъ, — «я вижу и эту статью намъ придется покуда оставить, видно еще время ей не пришло. Но ужъ навѣрное, ты знаешь все, что относится до внутренней охраны государства: сколько гдѣ есть и сколько потребно постовъ для внутренней стражи, гдѣ чего недостаетъ и надо прибавить, гдѣ что лишнее и надо убавить».

— «Да по правдѣ сказать», — отвѣчалъ Главконъ, — «я бы всѣ ихъ уничтожилъ, когда бы отъ меня зависѣло. Что у насъ за стража, — стоитъ ли держать ее, когда повсюду такое, что никто не убережется».

— «Какъ же такъ? Вѣдь если снять повсюду караулы, то воры будутъ грабить на волѣ, среди бѣлаго дня... Да развѣ тебѣ это дѣло такъ близко извѣстно, и ты подлинно знаешь, что никуда не годится наша полиція?»

— «Такъ мнѣ кажется; всѣ говорятъ, что такъ».

— «Нѣтъ, Главконъ, тутъ мало предполагать, а надо знать подлинно».

И Главконъ долженъ былъ согласиться съ Сократомъ.

— «Ну вотъ», — спросилъ еще Сократъ, — «ты хочешь управлять государствомъ. Знаешь ли ты, сколько въ нашемъ городѣ требуется въ годъ пшеницы для народнаго продовольствія, каковъ можетъ быть домашній запасъ ея, и сколько еще потребно докупить изъ заграницы?»

— «Какъ все это знать, Сократъ?» — отвѣчалъ молодой человѣкъ. — «Ты столько спрашиваешь, что надо предпринять страшную работу, чтобы тебѣ отвѣтить».

— «Но вѣдь нельзя безъ этого, Главконъ: своимъ домомъ не управить, не зная, сколько чего для дома требуется, а государствомъ много труднѣе управить, нежели домомъ. Вотъ у тебя свой домъ, т. е. домъ твоего дяди, разстроенъ: начни съ этого, исправь дядинъ домъ и увидишь, достанетъ ли у тебя умѣнья и силы».

— «Да я охотно взялся бы за это дѣло, только дядя совѣтовъ моихъ не слушаетъ».

— «Какъ?» — сказалъ на это Сократъ. — «Ты не можешь уговорить своего дядю — и воображаешь, что въ состояніи всѣхъ афинянъ, вмѣстѣ и съ дядей, убѣдить своими рѣчами?..»

Бесѣда эта кончилась, наконецъ, тѣмъ, что молодой человѣкъ образумился, сталъ учиться и пересталъ произносить рѣчи въ народныхъ собраніяхъ.

279. О Нижегородскомъ гражданинѣ Козьмѣ Мининѣ, читаемъ у проф. К. Бестужева-Рюмина.

Очищеніе Русской земли отъ враговъ пошло изъ Нижняго. Нижній еще при Шуйскомъ крѣпко стоялъ противъ всякихъ воровъ. Къ Нижнему обращался Ляпуновъ, въ Нижній писалъ свою послѣднюю грамоту страдалецъ Гермогенъ. Не мудрено, что въ Нижнемъ должны были бывать толки и сходки. На одной изъ такихъ сходокъ земскій староста Козьма Мининъ-Сухорукъ, торговецъ мясомъ, очевидно одинъ изъ самыхъ почетныхъ людей, ибо иначе не выбрали бы его въ земскіе старосты, сдѣлалъ значительное воззваніе: «Будетъ намъ похотѣть помочи Московскому Государству,ино намъ не пожалѣть животовъ своихъ, и не токмо животовъ своихъ: ино не пожалѣть и дворы свои продавать, и жены и дѣти закладывать, и бити челомъ, кто бы вступился». Вождь нашелся: раненый Пожарскій. Для сбора казны Пожарскій указалъ Минина, котораго раньше зналъ. Мининъ сначала отрекался, для укрѣпленія, какъ выражается лѣтописецъ, потомъ согласился, потребовавъ отъ нижегородцевъ письменнаго договора, «что имъ быти послушливыми и покорливыми во всемъ, а ратнымъ людямъ давати деньги».

280. Козьма Мининъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Темно-голубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе, величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ — и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня, — дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ русской первый общій кликъ: «Умремъ за вѣру православную и за святую Русь!».

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности, — и все ожило въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные, — всѣ тѣснились вокругъ Лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: «Вотъ онъ! Вотъ Козьма Мининъ! Глядите, вотъ онъ!» и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на Лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ

трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны, и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ Лобнаго мѣста: мало-помалу молчаніе стало распространяться по всей площади, шумъ отдалялся, глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и черезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— «Граждане нижегородскіе!» — началъ такъ безсмертный Мининъ: «Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства русскаго?.. Мы всѣ видимъ его гибель и раззореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю русскую кровію нашихъ братіевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе. Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя многоцѣлебныя мощи Петра, Алексѣя, Іоны и всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе».

— «Нѣтъ, нѣтъ!» — загремѣли тысячи голосовъ: — «Идемъ къ Москвѣ, не выдадимъ Святой Руси!»

— «И такъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!.. Но, чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу».

— «Я былъ въ Пурецкой волости у князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго; едва исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустанный военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіей грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! Хотите ли его имѣть головою? Любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Дмитрій Михаиловичъ Пожарскій?»

— «Хотимъ, хотимъ. Онъ любъ намъ!» — воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— «Граждане и братія!» — продолжалъ Мининъ: «Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные. Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все золото и серебро; а если мало сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю — продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное мѣсто мѣшокъ, наполненный серебряной монетою. — «Пусть выступитъ желающій купить мой домъ: съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду: а я самъ, мы всѣ, вся кровь наша — земскому дѣлу и всей землѣ русской».

— «Отдадимъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь!» — загремѣли безчисленные голоса. «Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ. Храни казну нижегородскую!» воскликнулъ весь народъ. Въ эту минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня и печерскій

архимандритъ Феодосій, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: «Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины» и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане, преклонили колѣна. Когда же, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Феодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: «Господи Боже нашъ, Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ!» — народъ палъ ницъ, зарыдалъ и всѣ мольбы слились въ одну общую единственную молитву: «Да спасетъ Господь царство русское». По окончаніи молебствія Феодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святою водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ. Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи. Какъ огонь палящій предыдетъ Сила Господня предъ вами, и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ. Воины Христовы! Не жалѣйте благъ земныхъ; слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святая молитва страдальца Гермогена! Кто противъ васъ? Кто противъ Господа силъ?»

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земного усыпленія. Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца русскихъ. Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное чувство! Она— слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ со дня рожденія нашего...

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ монетъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ; простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равной ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли русской; и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно эти дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, нимало не уменьшалось.

281. Рѣчь французскаго Министра Финансовъ Рибо о внутреннемъ займѣ.

Въ ноябрѣ 1915 года французское правительство сочло нужнымъ прибѣгнуть къ большому «національному займу» на дѣло веденія войны. Этому займу было посвящено особое засѣданіе палаты. Вотъ какъ оффи-

ціальный отчетъ передаетъ рѣчь французскаго министра финансовъ Рибо въ той части, которая касалась обязанностей гражданъ по отношенію займа.

«Кому же поручимъ мы участь нашего займа? Самой странѣ (апплодисменты). Страна пойметъ, что ея будущность поставлена на карту въ виду вторженія врага, грозящаго намъ возвратомъ къ варварству (бурные апплодисменты). Мы должны сказать громко, что всякій обязанъ принести свои сбереженія на дѣло національной защиты; никто не имѣетъ права укрывать эти сбереженія, такъ какъ благосостояніе каждаго зависитъ отъ благосостоянія всѣхъ (апплодисменты). Тотъ, кто уклонится отъ этой обязанности, будетъ преступникомъ по отношенію къ своей родинѣ. Недостаточно проливать свою кровь; недостаточно сражаться въ траншеяхъ. Все это прекрасно и героично, но всего этого недостаточно. Намъ нужно, чтобы каждый французъ подписывался на заемъ и не держалъ у себя своихъ сбереженій. Эгоизмъ въ этотъ часъ является не только трусостью, измѣной, но и величайшимъ отсутствіемъ предусмотрительности (апплодисменты). Куда пойдутъ всѣ эти сбереженія, если Франція будетъ побѣждена? Вмѣсто того, чтобы быть платой за побѣду, они сдѣлаются выкупомъ побѣжденныхъ (бурные апплодисменты). Я призываю васъ, бѣдныхъ и богатыхъ, сильныхъ и слабыхъ, — пусть всѣ приносятъ то, что они имѣютъ и готовятъ лучшее для Франціи (апплодисменты). Пусть поднимается сила французскаго богатства! Это богатство — такая же армія, какъ та, которая сражается на фронтѣ. Привѣтъ этой второй арміи, такъ какъ она поможетъ побѣдить врага (апплодисменты).

Эта рѣчь по единодушному постановленію палаты была расклеена въ видѣ особыхъ объявленій во всѣхъ деревняхъ Франціи. Комментируя ее, вся французская пресса, какъ одинъ человѣкъ, поддерживала министра финансовъ. «Пусть выйдетъ, — писалъ Клемансо, — тотъ кто въ настоящее время говоритъ «Я подожду до слѣдующаго раза», пусть онъ покажетъ намъ свое лицо человѣка, измѣняющаго своему народу, своему собственному очагу, своей расѣ. Не всѣ имѣютъ возможность проливать свою кровь на поляхъ сраженія. Счастье для нихъ, что военный заемъ позволяетъ хотя бы въ этой скромной формѣ солидаризироваться съ болѣе сильными и молодыми братьями, сражающимися на передовыхъ линіяхъ, и этимъ путемъ доказать свое единство съ арміей».

17 Ноября 1915 года.

282. И. Драма борьбы добра и зла.

Человѣческая жизнь должна бы непрерывно совершенствоваться, такъ какъ она направляется такими прогрессивными и тонкими чувствами, какъ *жалость, стыдъ, благоговѣніе*. Для этого, однакожъ, необходимо было бы, чтобы природная одаренность у всѣхъ людей была равна и чтобы психическій прогрессъ двигался одинаковымъ шагомъ. Но этого нѣтъ. Люди

весьма неодинаковы по своей физической и нравственной природѣ, и между ними идетъ постоянная борьба, хотя подвигающая прогрессъ въ конечномъ выводѣ, но сильно замедляющая въ общемъ движеніи человѣчества впередъ. Это борьба добра и зла, альтруизма и эгоизма. Наиболѣе необходимо для цѣлей прогресса непрерывное усовершенствованіе высшихъ чувствъ (жалости, стыда, благоговѣнія), необходимъ перевѣсъ альтруизма надъ эгоизмомъ, необходимо, наконецъ, чтобы воля всякой Личности постоянно обогащалась тѣмъ, что у новѣйшихъ психологовъ получило наименованіе *психическихъ цѣнностей*. Цѣнности — это сложные дѣйствующіе волевые *составы*, объединенные высшими чувствами и оживленные идеями. Они должны быть всегда въ полномъ вооруженіи и готовности, какъ надлежитъ быть дѣйствующей силѣ, которая непрерывно борется со зломъ и творитъ добро. *Цѣнности* не прирожденное свойство натуры, вродѣ жалости или стыда, но лично пріобрѣтенная человѣкомъ *норма дѣятельности*, превратившаяся во вторую природу, какъ разъясняетъ Владиміръ Соловьевъ въ своемъ «Оправданіи Добра». Древніе философы называли такія нормы философскими добродѣтелями, напримѣръ Платонъ признавалъ четыре добродѣтели: *воздержанность, мужество, мудрость, справедливость*. Между многими существующими въ наше время психическими цѣнностями придается человѣчествомъ наибольшее значеніе *альтруизму и справедливости*. Для насажденія и укрѣпленія въ людскомъ сознаніи *инстинкта справедливости*, жизнью даже созданъ обширный кругъ наукъ и учрежденій, называемыхъ «*Правомъ*».

Право, какъ рядъ наукъ и практикъ, а равно всякія правовыя нормы, созданы великимъ арійскимъ народомъ, — Римлянами, подобно тому, какъ искусство, литература, философія и науки созданы другимъ арійскимъ народомъ, — древними Греками. *Римское Право* и *Греческія Искусство* и *Науки* сдѣлались для позднѣйшаго человѣчества величайшими духовными пріобрѣтеніями и послужили важнымъ основаніемъ развитія научныхъ занятій и прогресса жизни среди младшихъ арійскихъ народовъ. По своему высокому культурному значенію для всего человѣчества, Греки и Римляне получили наименованіе классическихъ народовъ. Греческое Искусство и Наука и Римское Право остаются до сегодня образцами научной мысли и тонкаго, углубленнаго умственнаго проникновенія и разбора фактовъ для всего человѣчества. *Науки* и *право* могущественно содѣйствуютъ развитію и укрѣпленію Личности съ ея волею и самообладаніемъ. *Науки* напоминаютъ и разъясняютъ уму, а *право* побуждаетъ къ истинѣ и добру. До какой степени въ подобномъ напоминаніи и побужденіи нуждаются всѣ, носящіе имя человѣка, показываетъ евангельская притча о неправедномъ судіи.

Отъ Луки. Глава 18.

1. Сказалъ также имъ притчу, о томъ, что должно всегда молиться и не унывать.

2. Говоря: въ одномъ городѣ былъ судья, который Бога не боялся и людей не стыдился;

3. Въ томъ же городѣ была одна вдова; и она, приходя къ нему, говорила: защити меня отъ соперника моего.

4. Но онъ долгое время не хотѣлъ. А послѣ сказалъ самъ въ себѣ: хотя я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь;

5. Но какъ эта вдова не даетъ мнѣ покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мнѣ.

6. И сказалъ Господь: слышите, что говоритъ судья неправдивый.

7. Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь; хотя и медлитъ защищать ихъ.

8. Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ. Но Сынъ Человѣческій, пришедъ, найдетъ ли вѣру на землѣ?

Приведенная притча показываетъ, что *знаніе, напоминаніе* и даже настойчивость *необходимы* для слабой человѣческой натуры.

Въ какой мѣрѣ такое воспитаніе посредствомъ творческихъ правовыхъ наукъ и учрежденій необходимо людямъ и до какой степени фактически существуютъ помѣхи дѣйствію добра и справедливости, — на это указываютъ два *афоризма,* взятые, одинъ — изъ философскихъ положеній Огюста Конта, другой — изъ Апокалипсическаго Откровенія. Въ своей философіи Контъ утверждаетъ, что въ жизни современныхъ людей дѣйствуютъ двѣ широкія личныя нормы: *Альтруизмъ* и *Эгоизмъ*. Альтруизмъ согласенъ съ высокими чувствами и содѣйствуетъ добру и справедливости, эгоизмъ противодѣйствуетъ. Апокалипсическій афоризмъ идетъ еще дальше и смотритъ глубокомысленно на самый слѣдъ и нравственную природу человѣка: въ ней авторъ Апокалипсиса замѣчаетъ два органическіе порока, — равнодушіе и стремленіе жить на чужой счетъ, на чужой трудъ. Оба порока видимо связаны между собою причинной связью: живя чужимъ трудомъ, человѣкъ, вопреки природнымъ условіямъ, менѣе напрягаетъ свои естественныя силы и становится равнодушнымъ, т. е. понижаетъ свой трудовой и психическій потенціалъ и тѣмъ опускается, понижается, притупляется въ своихъ природныхъ свойствахъ и своей натурѣ, какъ это и замѣчено Апокалипсическимъ наблюдателемъ.

Апокалипсисъ. III, 15—16.

15. Я знаю твои дѣла, ты ни холоденъ, ни горячъ;
О, если бы ты былъ холоденъ или горячъ!
16. Но такъ какъ ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ,
То извергну тебя изъ устъ Моихъ.

Хотя такой опускающійся человѣкъ, въ своемъ нелѣпомъ самодовольствѣ, говоритъ о себѣ, что онъ богатъ и ни въ чемъ не нуждается, но голосъ Откровенія ему отвѣчаетъ: «ты говоришь про себя, я богатъ,

разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды, а ты даже не знаешь, что ты несчастенъ и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ». Такимъ образомъ, этотъ самодовольный человѣкъ для проникновеннаго взора Апокалипсическаго наблюдателя оказывается на самомъ дѣлѣ нравственно ослѣпленнымъ, несчастнымъ жалкимъ дегенератомъ, ведущимъ упадочную жизнь и даже не сознающимъ своего несчастія. Но уже одно всеобщее психологическое пониженіе и равнодушіе указываютъ на жизненную опасность, о которой такой субъектъ не догадывается. Такова большая часть людей: сознательныхъ и прогрессивныхъ между ними меньшинство.

Изъ приведенныхъ афоризмовъ вытекаетъ, что нравственный упадокъ человѣка идетъ двумя путями: черезъ перевѣсъ *эгоизма* надъ *альтруизмомъ* и черезъ прониканіе въ существо человѣка равнодушнаго отношенія къ истинѣ и добру. Людское равнодушіе или нравственная спячка столь поразительны, что, по выраженію поэта, хотя и «*знаемъ мы, чѣмъ пахнетъ яма, въ коей мы сидимъ*», — это знаніе не пробуждаетъ отъ спячки, отъ постыднаго равнодушія. Таково нравственное состояніе большинства людей въ любомъ обществѣ; *избранныхъ* немного. Это дѣлаетъ понятнымъ фактъ, что для успѣховъ истины и добра уже недостаточными оказались тѣ идейныя воздѣйствія, какія даются *поэзіей, науками, литературой, ораторской проповѣдью,* но потребовалось содѣйствіе Права и правовыхъ Наукъ и Учрежденій, съ разъясненіями *долга* и всякими специфическими напоминаніями, сроками, присужденіями, понужденіями, взысканіями и т. п. Здѣсь открывается новая сторона человѣческой жизни, гдѣ движеніе впередъ и прогрессъ совершается не по указанію и почину высшихъ идеальныхъ сторонъ натуры, а по внѣшней необходимости, по требованію «*Права*», по «*закону*», вдали отъ поэзіи и художественнаго творчества. Эту сторону жизни и психологіи имѣетъ въ виду Апокалипсическій афоризмъ, которымъ приподнятъ уголокъ завѣсы и показана *упадочная жизнь равнодушія* и глубоко-житейскаго, стильнаго матеріализма, среди котораго приходится задыхаться идейному человѣчеству. Такую жизнь порока и отрицанія идеаловъ показываетъ и русскій баснописецъ Крыловъ въ баснѣ *Моръ звѣрей,* гдѣ устами Лисы, перваго защитника звѣриныхъ дѣлъ, высказывается такой противоальтруистическій принципъ, свидѣтельствующій о глубокомъ знаніи баснописцемъ человѣческихъ дѣлъ:

Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ, наконецъ.

283. Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежъ двери;

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ:
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ.
Тѣ-жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ, какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ:
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врознь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души,
Сбрелись и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши.
«О, други!» началъ Левъ: «по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ.
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому не вѣдомо изъ насъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры.
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ, — за что? — совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда, — кто безъ грѣха?
Случалось, дралъ и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучше-бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть,
И было бы богамъ то болѣе угодно».
«О, царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,

Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ, наконецъ;
Притомъ-же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуха, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ:
Ихъ чаще такъ учить, имъ это по-дѣломъ:
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышетъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ».
Окончила Лиса; за ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы Льву то же говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ на перехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь и Тигръ, и Волки въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мычитъ: «И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ».
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ Медвѣди, Тигры, Волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣстъ! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги!
Его, безчинника, съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы.
Такъ по его грѣхамъ у насъ и моръ такой».
Приговорили —
И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ такъ же говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

И. А. Крыловъ.

284. Художественная муза баснописца не могла оставить не затронутымъ старый общественный порокъ людей, — жизнь на чужой счетъ: Такая жизнь существуетъ въ наши дни, и басня Крылова для насъ является не только не устарѣвшей, но даже свѣжей и животрепещущей, какъ образчикъ упадочной жизни въ моментъ ея дегенерантски-безстыдной откровенности. Какъ видно изъ словъ Апокалипсическаго автора уже двѣ тысячи лѣтъ назадъ это зло было хорошо прослѣжено въ его изначальномъ развитіи, когда человѣкъ впадаетъ въ опасное *безразличіе,* утрачивая линію острой грани между добромъ и зломъ и оттого сразу становится слѣпымъ, глухимъ, нагимъ, жалкимъ, презрѣннымъ, облаченнымъ въ одежду открытаго, безстыднаго порока, признающаго лишнимъ даже робкія указанія совѣсти.

Въ старые вѣка, жизнь на чужой счетъ была простымъ открытонасильственнымъ отнятіемъ чужаго добра или труда. Впослѣдствіи грабители обратились къ непрямому маневру хищенія, къ тому косвенному грабежу, который, являясь истиннымъ вымогательствомъ имѣетъ такой видъ, гдѣ дающій лиходательствуетъ, яко-бы добровольно, изъ благодарности къ грабителю, котораго безстыдно признаетъ и называетъ своимъ благодѣтелемъ. А въ наши дни лихоимное овладѣніе чужимъ добромъ совершается еще хитрѣе, при помощи такихъ тонкихъ пріемовъ, манипуляцій и спекуляцій, что безъ помощи умныхъ людей, безъ экспертовъ и судей совѣсти, не отличить честную руку отъ мошеннической. Альтруисты и честные люди много терпятъ въ наши дни.

Въ своихъ новыхъ рафинированныхъ роляхъ и видахъ, утонченный грабитель — такое же презрѣнное и жалкое существо, какъ и въ своихъ старыхъ, грубо безстыдныхъ проявленіяхъ. Обновленныя формы утонченнаго грабежа скрываютъ въ себѣ ту же психологическую сущность нравственнаго пониженія и приниженія человѣческой природы, соединеннаго со слѣпотой и несознаніемъ тѣхъ психологическихъ утратъ, которыя неминуемо совершаются въ тайникахъ тончайшихъ прогрессивныхъ путей жизни. Дорого продаетъ лихоимецъ свою нравственную свободу и самоуправляющуюся независимость. Если онъ человѣкъ *холодный,* употребляя языкъ Апокалипсиса, т. е. по природѣ мало чувствителенъ, обладая дебелыми нервами и душою, мало чувствуетъ идеалы и тупо воспринимаетъ отвѣтственность за измѣну имъ передъ своей совѣстью, то тѣмъ сильнѣе чутокъ онъ къ гнѣву, страху и печали и тѣмъ скорѣе попадаетъ къ этимъ низшимъ страстямъ на терзаніе. Если же онъ по своей натурѣ организованъ *тонко,* если онъ искренній и глубокій человѣкъ, если онъ горячій, говоря языкомъ Апокалипсиса, то, входя въ противорѣчіе съ собою, онъ переживаетъ тотъ внутренній драматизмъ, который переживается одаренными людьми, когда они вступаютъ въ сдѣлку съ совѣстью. Это — тотъ драматизмъ, съ его могучимъ протестомъ, который видимъ у Эдипа, выколовшаго себѣ глаза. Глубокомысленный авторъ Апокалипсиса проникновенно отвѣтилъ на эти загадочные вопросы субъективизма

свѣтомъ своего Откровенія, помогающимъ разбираться въ психологическихъ причинахъ медленности человѣческаго прогресса, — медленности, зависящей отъ той измѣны собственной натурѣ, когда человѣкъ, созданный холоднымъ или горячимъ, предпочитаетъ быть только *теплымъ*, какъ выражается Апокалипсисъ, т. е. когда онъ, будучи обыкновеннымъ смертнымъ, пытается соединить несоединимое, легкомысленно извращать здоровую натуру, внося въ нее упадочность и вырожденіе, а вѣрная себѣ природа переноситъ эту упадочность на потомковъ того, кто *хитритъ-мудритъ*, прекословя непреложнымъ законамъ ея. Въ этомъ естественномъ отмщеніи природы содержится строгій урокъ тунеядству и борьбѣ съ истиной и добромъ. И то и другое — напрасная и опасная затѣя, ибо сила добра перевѣшиваетъ силу зла. Если бы было иначе, то человѣческая порода давно выродилась бы и не осталось бы ни одного человѣка на землѣ, чтобы оплакивать это вырожденіе, какъ біологически философствуетъ англійскій историкъ Бокль. Жизнь на чужой счетъ физически и нравственно опасна, какъ самому тунеядцу, такъ и его потомству. Но объ этомъ меньше всего думаетъ тунеядецъ, будучи чистопробнымъ эгоистомъ. Остается Римское право!

Подобно различію достоинствъ отдѣльныхъ людей различаются между собою и цѣлые народы: одни болѣе, другіе менѣе надѣлены въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Отсюда происходитъ борьба. Она зависитъ не только отъ экономическихъ причинъ, но также несомнѣнно, отъ неодинаковой умственной и нравственной природной одаренности народовъ, что въ свою очередь связано съ антропологическимъ происхожденіемъ и составомъ народовъ. Этому сложному начинающемуся вопросу предстоитъ серьезная будущность въ опредѣленіи судебъ человѣчества.

О народахъ можно сказать тоже, что и объ отдѣльныхъ людяхъ: одни охотно вступаютъ и идутъ по пути умственнаго и нравственнаго преуспѣянія, другіе нуждаются въ пріемахъ и воздѣйствіяхъ *римскаго права*, т. е. въ побужденіи и понужденіяхъ. Нерѣдко изъ этого источника происходитъ разногласіе, борьба и даже войны. Самымъ вѣрнымъ регуляторомъ прогресса было бы антропологическое усовершенствованіе человѣчества, о чемъ мужественно заговорилъ Лермонтовъ и другіе идейные писатели. Прогрессъ и жизненная борьба, и даже войны, скажутъ свое повелительное слово.

Очевидно, борьба и даже войны неизбѣжны среди людей. Не даромъ сказалъ Христосъ, что будутъ войны и даже сильныя, но не тогда конецъ міра. (Матв. 24. 7. Луки 21. 10.)

Поддаются вырожденію только приспѣшники зла, содѣйствующіе этому губительному процессу своимъ уклоненіемъ отъ труда, своимъ желаніемъ жить на чужой счетъ; своимъ поведеніемъ, подготовляя тѣмъ свою упадочность и вырожденіе. Довольно вспомнить «Мѣшокъ» Крылова (см. стр. 90). Высоко художественное изображеніе этой дѣловитости и утонченнаго безсердечія даетъ также Тургеневъ подъ именемъ «Эгоиста».

Здѣсь показанъ такой «нравственный» *подъ-человѣкъ,* который руководится не чувствами симпатіи, стыда и совѣсти, не чувствомъ благоговѣнія, но хищничествомъ и презрѣннымъ чужеядствомъ, питающимся на тѣлѣ, душѣ и нервахъ *другого,* съ отталкивающимъ матеріализмомъ, который изъ глубины своей ямы не замѣчаетъ размѣровъ своей упадочности и поистинѣ слѣпъ, глухъ, нагъ, жалокъ, какъ выражается Апокалипсисъ. Такіе типы требуютъ глаза и руки эксперта, который разъяснитъ Суду и Закону тонкіе ходы этихъ *клещей* и *паразитовъ* жизни, проникающихъ извнѣ и изнутри живое тѣло людей и человѣческихъ обществъ Это — самая безспорная область Суда и Судебной Экспертизы, которая внесетъ свою поэзію и драматическую проповѣдь въ давно ждущую ея область преступной тюремной морали и злой дѣйствительности жизни.

285. Эгоистъ.

Въ немъ было все нужное для того, чтобы сдѣлаться бичемъ своей семьи.

Онъ родился здоровымъ, родился богатымъ — и въ теченіе всей своей долгой жизни, оставался богатымъ и здоровымъ, не совершилъ ни одного проступка, не впалъ ни въ одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Онъ былъ безукоризненно честенъ... И гордый сознаніемъ своей честности, давилъ ею всѣхъ: родныхъ, друзей, знакомыхъ.

Честность была его капиталомъ... и онъ бралъ съ него ростовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостнымъ и не дѣлать неуказаннаго добра, — и онъ былъ безжалостнымъ — и не дѣлалъ добра... потому что добро по указу — не добро.

Онъ никогда не заботился ни о комъ, кромѣ собственной столь примѣрной особы, и искренно возмущался, если и другіе такъ же старательно не заботились о ней.

И въ то же время онъ не считалъ себя эгоистомъ, и пуще всего порицалъ и преслѣдовалъ эгоистовъ и эгоизмъ. Еще бы! Чужой эгоизмъ мѣшалъ его собственному.

Не вѣдая за собой ни малѣйшей слабости, онъ не понималъ, не допускалъ ничьей слабости. Онъ вообще никого и ничего не понималъ, ибо былъ весь, со всѣхъ сторонъ, снизу и сверху, сзади и спереди, окруженъ самимъ собою.

Онъ даже не понималъ: что значитъ прощать. Самому себѣ прощать ему не приходилось... Съ какой стати сталъ бы онъ прощать другимъ?

Передъ судомъ собственной совѣсти, передъ лицомъ собственнаго Бога, — онъ, это чудо, этотъ извергъ добродѣтели, возводилъ очи горѣ — и твердымъ и яснымъ голосомъ произносилъ: «Да, я достойный, я нравственный человѣкъ».

Онъ повторитъ эти слова на смертномъ ложѣ — и ничего не дрогнетъ даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ, въ этомъ сердцѣ безъ пятнышка и безъ трещины.

О, безобразіе самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродѣтели, — ты едва ли не противнѣй откровеннаго безобразія порока.

И. С. Тургеневъ.

Подобно «Эгоисту», представленному поэтомъ въ художественныхъ образахъ, существуетъ много другихъ отродій зла, которые, подобно холерѣ и чумѣ, подобно змѣиному и ехидному яду, подобно зависти и злопамятству, существуютъ на землѣ, живутъ и развиваются среди человѣческихъ обществъ, сохраняя свою жизненную индивидуальность, давая свою губительную прогенитуру (упрямство) и борются съ добромъ, вызывая его на новыя усилія и напряженія и тѣмъ повышая его силу. Наукѣ, Суду и нравственной философіи предстоитъ задача открывать атомы зла, находить его нравственныя бациллы и бороться съ ними, истребляя ихъ, подобно тому, какъ борется медицина съ чумой и холерой. Таковъ долгій предстоящій человѣку трудъ. Только *такимъ* трудомъ и *такими* усиліями обезпечивается торжество добра и самое существованіе жизни.

286. Славной и свѣтлой памяти С. И. Сикорскаго.

Онъ принадлежалъ къ семьѣ русскихъ юристовъ по своей научной подготовкѣ и природному складу своихъ дарованій.

Сергѣй Ивановичъ родился въ Кіевѣ, первоначальное образованіе получилъ въ Кіевской первой гимназіи, откуда перешелъ въ спеціальные классы морского кадетскаго корпуса, по окончаніи котораго вступилъ на службу во флотъ и здѣсь нашелъ трагическую смерть при взрывѣ крейсера «Паллада», атакованнаго нѣмецкими подводными лодками 28 Сентября 1914 года.

Сергѣй Ивановичъ принадлежалъ къ числу выдающихся людей, развитіе которыхъ идетъ по широкому плану, раскрывая все новыя и новыя стороны дарованій. Почти предъ окончаніемъ курса гимназіи онъ поступилъ въ морской корпусъ, куда его влекла проснувшаяся жажда сильной и смѣлой дѣятельности. Непосредственно изъ родительскаго дома, гдѣ онъ пользовался всѣми удобствами мирной учебной жизни, онъ вступилъ въ морской корпусъ, гдѣ его ждалъ напряженный трудъ и ежегодныя морскія плаванія. Въ морскомъ корпусѣ еще живы въ ту пору были исполненныя высокаго содержанія педагогическія традиціи, внесенныя въ это учебное заведеніе Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ, который нѣкоторое время стоялъ близко къ морскому корпусу, послѣ оставленія имъ медико-хирургической академіи. Сергѣй Ивановичъ оказался существомъ, чуткимъ къ воспріятію и усвоенію этихъ традицій, гдѣ каждый шагъ

воспитанника былъ предусмотрѣнъ, обдуманъ и мотивированъ, оставляя воспитаннику полную свободу дѣйствій. Сергѣй Ивановичъ проникся особымъ уваженіемъ къ новому учебному заведенію, въ которое вступилъ. Каково-же было его удивленіе, когда впослѣдствіи онъ узналъ, что педагогическая атмосфера создана для морского корпуса геніемъ великаго русскаго хирурга, педагога и мыслителя.

Сергѣй Ивановичъ блестяще окончилъ курсъ морского корпуса и былъ унтеръ-офицеромъ одной изъ младшихъ ротъ корпуса, что считается повышеніемъ по службѣ. Здѣсь впервые проявилась педагогическая сила воли Сергѣя Ивановича, при рѣдкой деликатности и тактѣ.

Весной 1904 года Сергѣй Ивановичъ былъ опредѣленъ на службу мичманомъ въ Черноморскій флотъ. То было трудное время для нашего флота и нашего отечества. То было время нашихъ пораженій въ японской войнѣ, гибели главнокомандующаго Макарова. То было время внутреннихъ броженій въ обществѣ и безпорядковъ во флотѣ. Всѣ эти событія произвели глубокое впечатлѣніе на цѣльную, гармоническую натуру Сергѣя Ивановича. Особенно тяжело подѣйствовало на него убійство флотскихъ офицеровъ командами, бунтъ на «Пантелеймонѣ» и пр. Это раскрыло свойство натуры Сергѣя Ивановича: онъ весь обратился въ долгъ и тактъ, — чему онъ научился еще въ корпусѣ, при исполненіи обязанностей унтеръ-офицера въ младшей ротѣ (классѣ) кадетовъ. Во флотѣ матросы чувствовали эту нравственную силу и повиновались Сергѣю Ивановичу, — чѣмъ въ свою очередь и пользовались, давая ему трудныя служебныя порученія. Все заканчивалось благопріятно, укрѣпляя репутацію молодого мичмана, который пользовался безспорнымъ авторитетомъ у командъ, базируясь только на строгомъ исполненіи своего долга.

Около этого времени у Сергѣя Ивановича выступили и новые моменты личнаго долга, — долга предъ самимъ собой, предъ своимъ углубленнымъ душевнымъ содержаніемъ. Послѣдствіемъ этого было поступленіе въ военно-юридическую академію и жажда высшаго образованія, котораго искалъ Сергѣй Ивановичъ для разрѣшенія внутреннихъ и внѣшнихъ вопросовъ. Съ особенной любовью онъ остановился на изученіи исторіи, литературы, философіи и спеціально юридическихъ дисциплинъ, до судебной медицины включительно.

Блестяще окончивъ академію, Сергѣй Ивановичъ выступалъ въ роли судебно-морского слѣдователя и защитника обвиняемыхъ. Многіе сложные вопросы были распутаны не безъ его участія, въ которомъ проявились его обычное спокойствіе, философская проницательность и дѣловитость. Большая часть дѣлъ, веденныхъ имъ, обязательно заканчивались оправдательными приговорами. Говорилъ онъ, какъ и мыслилъ, тонко и дѣловито.

Его пріѣздъ на Палладу, чего онъ такъ желалъ, совершился всего за недѣлю до страшной катастрофы, прервавшей его молодую жизнь на 29-мъ году (въ началѣ).

Важнымъ отдѣломъ сложной жизненной работы у Сергѣя Ивановича въ послѣдніе годы было вытекавшее изъ его близости къ младшему брату (авіатору-конструктору) участіе въ судьбахъ отечественной авіаціи. Сергѣй Ивановичъ явился, вмѣстѣ съ сестрой Ольгой Ивановной, первымъ прозелитомъ новаго дѣла съ семьѣ и въ широкихъ дѣловыхъ кругахъ, — что выразилось многочисленными письмами его семьѣ. Письма эти (когда настанетъ время ихъ опубликованія) покажутъ въ живыхъ очеркахъ лѣтопись отечественной авіаціи. Письма эти, при внутренной полнотѣ, многосодержательности и художественномъ изложеніи, запечатлѣны литературными достоинствами, блестящимъ языкомъ, феноменальной свободой мысли и совершенно исключительной краткостью, точностью и изяществомъ рѣчи.

Проф. И. А. Сикорскій.

287. I. Историческія знанія.

Развитію и утвержденію Личности весьма содѣйствуютъ занятія науками, особенно историческими. Историческое изученіе должно признать своего рода широкимъ методомъ. Кромѣ исторіи человѣческихъ обществъ, существуетъ исторія *Земли,* исторія Мірозданія, Культуры, исторія письменности, исторія развитія зародыша, исторія бичей жизни, — эпидемій. Всякая исторія есть объясненіе послѣдующихъ событій предмета предыдущими, есть изложеніе законовъ жизни или систематическое повѣствованіе о томъ, что совершалось, что послѣдовательно наступило, что представляетъ собою ходъ событій, или смѣну, ихъ чередованіе, ихъ теченіе.

Историческое изложеніе событій кладетъ свою озаряющую печать на самую мысль о предметѣ, родитъ догадливость ума, помогаетъ знанію. Въ самомъ историческомъ *методѣ* кроется источникъ такого умственнаго проникновенія въ тайники истины и знанія. Особенно воспитательное значеніе для ума имѣетъ политическая исторія, какъ изложеніе жизни отдѣльнаго народа. Она характеризуетъ силу народнаго ума, его проницательность, народную волю, расовый разумъ и основательно предвѣщаетъ будущія историческія судьбы.

Исторія жизни народовъ начинается Лѣтописью и Записками или Мемуарами, также Путешествіями.

288. а) Лѣтопись.

Лѣтопись представляетъ собою особую форму возникающаго бытописанія, говоритъ Достоевскій.

Карамзинъ говоритъ о первомъ Лѣтописцѣ Несторѣ:

Несторъ, инокъ Монастыря Кіево-Печерскаго, прозванный отцомъ русской исторіи, жилъ въ XI вѣкѣ; одаренный умомъ любопытнымъ, слу-

шалъ со вниманіемъ изустныя преданія древности, народныя историческія сказки; видѣлъ памятники многихъ князей; бесѣдовалъ съ вельможами и старцами Кіевскими, путешественниками, жителями иныхъ областей россійскихъ; читалъ византійскія хроники, записки церковныя и сдѣлался первымъ *лѣтописцемъ* нашего отечества.

Карамзинъ.

289. Мы обладаемъ въ Несторовой Лѣтописи такимъ сокровищемъ, какого не представляетъ намъ Латинская Европа, какому позавидуютъ наши братья Славяне. Несторъ во мракѣ XI вѣка, въ эпоху междуусобныхъ войнъ, первый возымѣлъ мысль передать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ: мучительное рожденіе государства, бурное его дѣтство. Несторъ есть прекрасный характеръ русской исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякій русскій, любящій свое отечество, ревнующій литературной славѣ его, чистой и прекрасной.

Академикъ М. П. Погодинъ.

290. Пушкинъ о типѣ своего героя Пимена въ трагедіи *Борисъ Годуновъ* даетъ слѣдующую критическую замѣтку о русскихъ лѣтописцахъ: Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умилительная кротость, младенческое, и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышатъ въ сихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ.

А. С. Пушкинъ.

291. Начало лѣтописи Нестора.

«Се повѣсти времянныхъ лѣтъ (черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго), откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская Земля стала есть. Се начнемъ повѣсть сію».

Несторъ.

292. б) Записки. Мемуары.

Самое названіе достаточно опредѣляетъ предметъ. Мемуары составляютъ существенное дополненіе къ Лѣтописи. Они запечатлѣны субъективностью и отражаютъ на себѣ Личность автора. Лѣтопись объективна и болѣе изображаютъ самыя событія.

293. Памятныя записки Кн. Наталіи Борисовны Долгорукой.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая извѣстна въ Русской исторіи и литературѣ своею печальной судьбой и безпримѣрнымъ самопожертвованіемъ. Глубокому чувству супружеской любви она принесла въ жертву лучшіе годы своей жизни. Героизмъ княгини Н. Б. Долгорукой изображенъ въ разныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, — и у насъ («Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» И. И. Козлова) и за границей. Но всѣ поэтическіе вымыслы блекнутъ и меркнутъ передъ простыми, изъ сердца излившимися, строками «Записокъ», составленныхъ самою страдалицей.

Наталья Борисовна Долгорукая была дочь фельдмаршала временъ Петра Великаго, Бориса Петровича Шереметьева. Она родилась 17 Августа 1714 года. Отца лишилась на пятомъ году своего возраста. Мать всячески старалась о воспитаніи своей дочери: «чтобы ничего не опустить въ наукахъ». Наталья Борисовна была образованнѣйшая дѣвушка, богатая невѣста. Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, 22-хъ лѣтній оберъ-камергеръ Петра II, имѣвшій уже орденъ Андрея Первозваннаго, любимецъ государя, извѣстный всей Европѣ, ласкаемый иностранными министрами, — этотъ князь Долгорукій предложилъ свою руку Натальѣ Борисовнѣ. Обрученіе молодой четы происходило въ присутствіи всей царствующей фамиліи, всѣхъ чужестранныхъ министровъ и первыхъ чиновъ государства. Счастье лилось на обручавшихся всѣми лучами своими. «Но это мое благополучіе, — говоритъ княгиня Долгорукая, — продолжалось не болѣе какъ *отъ декабря 24 дня по 18 генваря день*». Съ 18-го на 19-ое генваря 1730 года «паче чаянія» скончался Императоръ Петръ II, и съ этого дня начались бѣдствія Натальи Борисовны. На престолъ вступила Анна Іоанновна; Биронъ сталъ преслѣдовать фамилію Долгорукихъ: «дома той фамиліи не оставлю», говорилъ онъ. Въ 1730 году, 5 апрѣля, была свадьба князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго и Натальи Борисовны Шереметьевой, скромно совершавшаяся, а 9 Апрѣля подписанъ указъ о ссылкѣ Долгорукихъ въ Пензенскую губернію. Велѣно выѣхать изъ Москвы въ *три дня*... Едва успѣло семейство Долгорукихъ прибыть въ свою вотчину, какъ новый указъ опредѣлилъ имъ новое мѣсто ссылки, — городъ Березовъ въ Сибири... Изъ города Касимова Долгорукіе должны были ѣхать (24 Іюня 1730 г.) водою на стругахъ, сперва по рѣкѣ Окѣ, а потомъ по Камѣ до города Соликамска. 24 Сентября Долгорукіе прибыли въ Березовъ. Жизнь ихъ въ Березовѣ была преисполнена всякаго рода лишеній, стѣсненій, огорченій и несчастій. На мѣстѣ ссылки Долгорукіе помѣщены были въ деревянномъ домѣ, ѣли точеными деревянными ложками, пили изъ оловяныхъ стакановъ. Выѣзжать изъ острога запрещалось. Женщины занимались вышиваньемъ шелками св. иконъ. Во дворѣ острога находилась сажалка со множествомъ домашнихъ гусей, утокъ и лебедей. По прошест-

віи 8-ми лѣтъ заключенія, новыя бѣдствія обрушились на несчастную голову Натальи Борисовны. Вслѣдствіе дурного нрава сестры ея мужа, государыни — невѣсты Петра II, княжны Екатерины Долгорукой, начались опять розыски. Князя Ивана Алексѣевича разлучили съ его женою, содержали его въ особомъ покоѣ съ 10 Апрѣля по 4 Августа 1738 года. Свою лютую скорбь о разлукѣ съ мужемъ Н. Б. Долгорукая изображаетъ кровавыми строками. «Отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить, и въ тюрьмѣ была ему товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе царскихъ палатъ; но попущеніемъ Божіимъ за грѣхи мои, и злодѣйствомъ сестры его родной и брата, его лишилась». Къ князю Ивану Алексѣевичу приставили удвоенный караулъ, не велѣли допускать къ нему его жены. Наталья Борисовна, пламенно любившая своего мужа, могла видѣть его только *одну минуту* въ день, когда носила ему пищу; но и пищу передавала заключенному не она, а часовой... Въ Августѣ 1738 года князя Ивана Алексѣевича увезли изъ Тобольска въ Новгородъ на казнь. Супругамъ не дали проститься... Несчастная княгиня Наталья Борисовна доходила до отчаянія... «Что я дѣлала, кричала, билась, волосы на себѣ рвала, кто ни попадетъ на встрѣчу, всѣмъ валяюся въ ноги, прошу со слезами: помилуйте, когда вы христіане, дайте только взглянуть на него и проститься. Не было милосерднаго человѣка, ни словомъ меня кто утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ и часового, примкнувши штыкъ, поставили». 8 Ноября 1739 года князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій былъ казненъ въ Новгородѣ... По разлукѣ съ мужемъ, княгиня Наталья Борисовна прожила еще въ Березовѣ годъ и десять мѣсяцевъ. Въ 1740 году Императрица Анна Іоанновна, вслѣдствіе просьбы княгини Долгорукой позволила ей возвратиться изъ Сибири. Наталья Борисовна возвращалась съ двумя своими сыновьями: старшему пошелъ 8-й годъ, а младшему 2-й. Въ Москву она прибыла 17 Октября 1740 года. Здѣсь княгиня странствовала по чужимъ домамъ, терпѣла всякую тѣсноту, нужду и лишенія, но, не взирая на то, прилагала все стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ. Устроивъ судьбу одного изъ нихъ, княгиня Наталья Борисовна отправилась въ Кіевъ и тамъ въ 1756 г. постриглась въ монашество съ именемъ Нектаріи. При ней жилъ ея младшій сынъ, несчастный молодой человѣкъ, болѣзненный въ умственномъ отношеніи (онъ тайно потомъ принялъ монашество). Старшій сынъ княгини Натальи Борисовны со своею супругою посѣщалъ свою мать въ ея монастырскихъ кельяхъ. Великая Екатерина оказывала высокое покровительство дѣтямъ княгини. Сохранилось письмо Императрицы къ Натальѣ Борисовнѣ, которое служитъ однимъ изъ безчисленныхъ доказательствъ материнской любви Государыни къ ея подданнымъ.

Въ 1767 году 18 Марта княгиня Наталья Борисовна приняла схиму. Наканунѣ постриженія, она съ высоты берега бросила въ волны Днѣпровскія обручальное кольцо, — въ доказательство того, что она разрываетъ всѣ

свои связи съ міромъ. *И. В. Лопухинъ* (1782 — 1816), авторъ весьма любопытныхъ «Записокъ», будучи ребенкомъ, видѣлъ въ Кіевѣ Нектарію, которая была другомъ его матери, (супруги Кіевскаго губернатора). Онъ говоритъ: «Помню особливо, какъ всѣ со слезами разсказывали, въ какой она борьбѣ христіанскаго великодушія, съ нѣжностью сердечной страсти, при своемъ постриженіи (въ схиму), послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житія въ монашествѣ до онаго, въ знакъ отверженія того, что ей на свѣтѣ еще одно драгоцѣнно было, бросила въ Днѣпръ перстень, коимъ обручена была съ любезнымъ своимъ несчастнымъ супругомъ». Младшій сынъ княгини Натальи Борисовны, въ тайнѣ монахъ, умеръ въ 1768 году. Этотъ ударъ окончательно подорвалъ ея сокрушенныя многими бѣдствіями силы. 3-го Іюля 1776 г. несчастная, но великая въ своей судьбѣ княгиня Наталья Борисовна скончалась. Прахъ ея покоится въ Кіево-Печерской лаврѣ рядомъ съ гробомъ ея сына. Императрица Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ въ 1787 г., приказала окружить рѣшеткою надгробную плиту княгини Долгорукой, въ знакъ уваженія своего къ ея памяти.

Записки свои княгиня Наталья Борисовна писала въ предсмертные годы. Онѣ разсказываютъ о судьбѣ княгини до жизни ея въ Березовѣ и о пребываніи въ этомъ городѣ. Старшій сынъ Натальи Борисовны и его супруга убѣдили княгиню, чтобы она «оставила на память журналъ». Княгиня, какъ ни было ей горько вспомнить о бѣдственной судьбѣ ея, согласилась на просьбу дѣтей. «Записки» отличаются простотою, искренностью, написаны языкомъ понятнымъ. Нравы эпохи, слѣдовавшей послѣ Петра Великаго, изображены ярко и поразительно. Страданія и характеръ героини представлены потрясающимъ образомъ.

Изъ Христоматіи Филонова.

«Какъ скоро вступила Государыня въ самодержавство, такъ и стали искоренять нашу фамилію; не такъ бы она была злобна на насъ, да фаворитъ ея (Бирономъ), который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить, чтобъ его на свѣтѣ не было; по той злобѣ, когда ее выбрали на престолъ, то между прочими пунктами написано было, чтобъ онаго фаворита, который былъ при ней камергеромъ, въ наше государство не ввозить: потому, что они жили въ своемъ владѣніи; хотя она и наша принцесса, да была выдана замужъ; овдовѣвши, жила въ своемъ владѣніи, а оставить его въ своемъ домѣ, чтобъ онъ у насъ ни въ какихъ дѣлахъ не былъ, къ чему она и подписалась. Однако злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили; и его къ ней по прежнему допустили. Какъ онъ усилился, побравъ себѣ знатные чины, первое возымѣлъ дѣло съ нами, и искалъ, какими бы мѣрами насъ истребить изъ числа живущихъ. Такъ публично говорилъ: дома той фамиліи не оставлю... Уже все ему было покорено. Однако о томъ я буду молчать, чтобъ

не прейтить предѣловъ; я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать».

(Биронъ началъ свои изслѣдованія касательно рода Долгорукихъ, разспрашивалъ, развѣдывалъ о ихъ прежней жизни. Пошли зловѣщіе слухи о ссылкѣ Долгорукихъ. Женихъ и невѣста находили одно утѣшеніе въ слезахъ... Какъ долго они ни откладывали бракъ, однако положили наконецъ совершить его).

«Самъ Богъ меня давалъ замужъ, а больше никто» 1).

«Не можно всѣхъ тѣхъ безпорядковъ описать, что со мною тогда было; уже день назначили свадьбы; некому проводить, никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да некому и звать. Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ моихъ свойственныхъ, которыя меня провожали, а то принуждена бы съ рабою ѣхать, а ѣхать надобно было въ село 2), пятнадцать верстъ отъ города, тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они всегда лѣтомъ живали: мѣсто очень веселое и устроенное; палаты каменныя, пруды великіе, оранжереи и церковь въ палатахъ. Послѣ смерти Государевой отецъ его съ своею фамиліею тамъ жилъ. Фамилія ихъ была не малая: я, все презря, на весь страхъ! Свекоръ былъ и свекровь, три брата, кромѣ моего мужа, и три сестры; вить надобно бы о томъ подумать, что я всѣмъ меньшая и всѣмъ должна угождать во всемъ; во всемъ положилась на волю Божію: знать судьба мнѣ такъ опредѣлила».

«Вотъ уже, какъ я стала прощаться съ братомъ и со всѣми домашними, кажется бы и варваръ сжалился, видя мои слезы; кажется и стѣны дома отца моего помогли мнѣ плакать: братъ и домашніе такъ много плакали, что изъ глазъ меня со слезами отпустили. Какая это разница, свадьба, сговоръ? Тамъ всѣ кричали: ахъ! Какъ она счастлива; а тутъ провожаютъ и плачутъ: знать что я всѣмъ жалка была, съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ странствовала. Привезли меня въ домъ свекровь, какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу предъ собою. Подумайте, и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти надобно подумать — послѣднее счастіе, не токмо въ такомъ состояніи, какъ я шла. Я пріѣхала въ одной каретѣ, да двѣ вдовы со мною сидятъ, а у нихъ всѣ родные приглашены, дядья, тетки; и пуще мнѣ стало горько, привезли меня какъ бѣдненькую сироту, принуждена все сносить. Тутъ насъ въ церкви вѣнчали. По окончаніи свадебной церемоніи провожатые мои меня оставили, поѣхали домой, и такъ нашъ бракъ былъ плачу больше достоинъ, а не веселія. На третій день, по обыкновенію, я стала собираться съ визитомъ ѣхать по ближнимъ его сродникамъ и рекомендовать себя въ ихъ милость: всегда можно было изъ того села ѣхать въ городъ послѣ обѣда, домой ночевать пріѣзжали».

---

1) Ближніе сродники всѣ отъ невѣсты отступились за то, что она не хотѣла оставить опальнаго жениха.

2) Горенки, въ 14 верстахъ отъ Москвы, по Владиміркѣ.

«Вмѣсто визитовъ, сверхъ чаянія моего, мнѣ сказываютъ пріѣхалъ де секретарь изъ Сенату; свекоръ мой долженъ былъ его принять. (Онъ ему объявляетъ указъ о ссылкѣ). Охъ! какъ мнѣ эти слова не полюбились; однако я крѣплюсь, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать? Я имъ представляю: поѣзжайте сами къ Государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ, глядя на меня, удивляется моему малодумію и смѣлости. Нѣтъ, я не хотѣла свадебной церемоніи пропустить, и разсудя, что уже бѣда, подбила мужа, уговорила его ѣхать съ визитомъ; поѣхали къ дядѣ родному, который насъ съ тѣмъ встрѣтилъ: былъ ли у насъ сенатскій секретарь? У меня былъ, и велѣно мнѣ ѣхать въ дальнія деревни, жить по указу. Вотъ тутъ и другіе дяди съѣхались, всѣ тоже сказываютъ. Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нѣту починки: это мнѣ свадебныя конфекты. Скорѣе домой поѣхали, и съ тѣхъ поръ мы другъ друга не видали, и никто ни съ кѣмъ не прощались: не дали время. Я пріѣхала домой, у насъ уже собираются, велѣно въ три дня чтобъ въ городѣ не было; принуждена судьбѣ повиноваться».

(Слѣдуетъ описаніе сборовъ. Свекровь и золовки Натальи Борисовны забирали съ собою брильянты, прятали ихъ по карманамъ, а княгиня Наталья Борисовна все свое золото и серебро, брильянты, чулки, платки шелковые и прочую мелочь отправила къ брату на сохраненіе. Княгинѣ было не до сокровищъ: ее раздирала внутренняя скорбь и тоска... Съ опальными было собственныхъ людей человѣкъ десять. Въ дорогѣ княгиня пріучалась къ хозяйству).

«Девяносто верстъ отъ города какъ отъѣхали, въ первый провинціальный городъ пріѣхали; тутъ случилось намъ обѣдать. Вдругъ явился къ намъ капитанъ гвардіи, объявляетъ намъ указъ: велѣно де съ васъ кавалеріи снять. Въ столицѣ знать стыдились таки безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой, какое это ихъ правосудіе. Мы отдали тотчасъ съ радостью, чтобъ ихъ склонить; думали, они тѣмъ будутъ довольны; обругали; сослали; нѣтъ, у нихъ не то на умѣ. Поѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми стезями, никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; кучера только знаютъ, какъ по городу провезти. Настигла насъ ночь, принуждены стать въ полѣ, а гдѣ, не знаемъ, потому что все воду объѣзжали. Стали тутъ, палатки поставили. Это надобно знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣе поставлена, потому-что лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ, по близости золовкамъ, а тамъ деверямъ холостымъ, а мы будто иной партіи: послѣднее мѣсто намъ будетъ. Случилось и въ болотѣ какъ постелю сымутъ, — мокра, иногда и башмаки полны воды».

(Во время пути, князь Алексѣй Григорьевичъ, свекоръ Натальи Борисовны, иногда занимался охотою. Три недѣли ссыльные ѣхали до своей деревни, гдѣ опредѣлено было имъ жить. Едва Долгорукіе прибыли въ село Селище (въ 6 верстахъ отъ города Касимова, по дорогѣ въ Елатьму), какъ новое бѣдствіе ихъ постигло).

«Только что мы отобѣдали, — въ этомъ селѣ былъ домъ господскій и окна были на большую дорогу; — взглянула я въ окно, вижу я пыль великую по дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Какъ стали подъѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляски; всѣ наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ; въ колескѣ офицеры гвардіи, а по телѣгамъ солдаты, двадцать четыре человѣка. Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умаляется, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была. Упала на стулъ; и какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа, и не отпускаю отъ себя; боялась, чтобы меня съ нимъ не разлучили. Великій плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ; можно ли ту бѣду описать. Я не могу ни у кого допроситься, что будетъ съ нами, не разлучатъ ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ ними неразлучно; женщины какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ уже на квартиру не отпущаютъ; какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ роду ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты задавать; видно, что хотятъ насъ везти, да не знаемъ, куда. Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять».

294. Воспоминанія Вигеля.

О себѣ Вигель говоритъ: «Я родился при Екатеринѣ, записался на службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю при Николаѣ I». Вигель слушалъ уроки И. А. Крылова, который жилъ домашнимъ учителемъ въ домѣ князей Голицыныхъ. «Я долженъ признаться», говоритъ Вигель о Крыловѣ, «что если имѣю сколько нибудь ума, то много въ то время около него набрался». Въ другомъ мѣстѣ Вигель говоритъ: «Вѣрно почитали меня человѣкомъ благоразумнымъ, когда передъ отъѣздомъ (изъ Петербурга) Жуковскій и Блудовъ наказывали мнѣ стараться войти въ довѣренность Пушкина (поэта), дабы по возможности отклонить его отъ неосторожныхъ поступковъ».

О воспитаніи Голицыныхъ Вигель говоритъ:

«Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей; ему желалось ихъ всѣхъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародья, воспитывая дѣтей сво-

ихъ въ совершенной нѣгѣ, держали ихъ вѣчно въ теплѣ, не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ однако же не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думалъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился.

Молодые князья были искусны во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они гибко бѣгали, высоко лазили, славно катались на конькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря на высоту, у каждаго изъ нихъ были различныхъ величинъ свайки, и они тѣшились ими между собою или съ дворовыми людьми; зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водой. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы: никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Гувернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Онѣгина, *слегка бранилъ*. Дядьки говаривали: «Полноте, ваше сіятельство, вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ».

Что касается до наукъ, то исключая гувернера, который училъ ихъ по французски и зналъ хорошо правописаніе, несмотря на то, что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики. Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ, какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый тѣломъ и мало пріученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу: дѣлать было нечего и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы со временемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семъ же домѣ (съ горечью долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, какъ сказалъ я выше, заговорилъ со мною такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятнымъ, я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ.

Кто бы могъ повѣрить, другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернеръ, Шевалье-де-Роленъ-деБельвиль, французскій полковникъ, человѣкъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, ученый и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мной съ самой первой минуты меня плѣнило; я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форесевилемъ и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ, а въ отроческіе лѣта кому не хотѣлось быть постарше.

Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты..., я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ, какъ всѣ французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекрасную изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ — избранный народъ, надъ всѣми другими поставленный; революціонеры, новые Титаны, по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія онъ съ улыбкой потупилъ глаза, не позволяя себѣ однако-же ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ именами (не съ сочиненіями) *Расина, Мольера* и *Буало,* о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхалъ и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть.

Посреди сихъ разговоровъ, вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и разсказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты; я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда .А онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ; еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Какая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демоническое. Когда между французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были ихъ противники?

Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно нѣсколько словъ сказать и о наружности его: онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самые маленькіе сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательство стариннаго дворянства».

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго русскаго юношества!

295. в) Путешествія.

Путешествія содержатъ въ себѣ множество всякой новизны, новыхъ впечатлѣній, поразившихъ путешественника; въ этомъ ихъ главная сила и значеніе. Психологически въ литературѣ этого рода находятся впечатлѣнія, отличающіяся яркостью и силою новаго, свѣжаго, никогда не испытаннаго воспріятія. Путешествія всегда занимательны, отражая въ себѣ яркія впечатлѣнія и переживанія автора. Для юношей это незамѣнимое чтеніе, соотвѣтствующее природѣ и душѣ юнаго существа.

296. Песчаная буря въ Сахарѣ.

Вскорѣ по выходѣ изъ Гадамеса насъ застигла *песчаная буря,* одна изъ тѣхъ, которыя такъ часто бываютъ въ Сахарѣ.

Еще до вечера съ юго-востока начался довольно сильный вѣтеръ, который грозилъ скоро превратиться въ страшную бурю. Голубое, какъ индиго, прозрачное, какъ воздухъ, небо Сахары потемнѣло, словно грязный пыльный покровъ или туманъ легъ на эту чудную блестящую лазурь. Будто слѣдуя за этою грязною пеленой съ розовато-багровыми отсвѣтами, вѣтеръ все усиливался до того, что съ силой рвалъ покрывала, спущенныя у насъ на лицо, и развѣвалъ по воздуху наши плащи и *гандуры;* мѣшки съ водой сдѣлались замѣтно легче, благодаря усиленному испаренію. Верблюды наши какъ-то нервно ступали по твердой, засохшей, истрескавшейся известковой почвѣ, издававшей металлическіе звуки, словно усиливаемые консонирующими порывами вѣтра.

Къ вечеру, когда мы остановились на ночлегъ и развьючили нашихъ животныхъ, дальнѣйшее путешествіе было бы невозможно, ибо съ юго-востока неслись уже такія массы песку, что приходилось опасаться, какъ бы не заблудиться въ песчаномъ хаосѣ, наполнившемъ дотолѣ прозрачный воздухъ пустыни, а вѣтеръ уже настолько былъ силенъ, что не позволялъ намъ поставить палатокъ, вырывая ихъ у насъ прямо изъ рукъ. Эту ночь намъ пришлось провести безъ шатровъ, подъ песчанымъ дождемъ, несшимся съ ужасающей силой на сѣверо-западъ, сметая все по пути. Глядя на эту страшную массу летящаго песку, можно было понять образованіе дюнъ Сахары, этихъ массъ нагроможденнаго песку, форма коихъ обуславливается какъ направленіемъ господствующихъ вѣтровъ, такъ и рельефомъ мѣстности, подчиняясь, разумѣется, еще физическимъ усиліямъ статики и динамики сыпучихъ тѣлъ, поставленныхъ подъ вліяніе такихъ случайныхъ моментовъ, какими сопровождается нагроможденіе песку во время сильныхъ бурь.

Эта ночь въ пустынѣ была одна изъ самыхъ ужасныхъ, пережитыхъ мною во время путешествій. Ясно я понялъ дѣйствительную возможность быть засыпаннымъ песками и чувствовалъ себя вполнѣ беззащитнымъ, игрушкой въ рукахъ могучей стихіи. Верблюды наши, словно чувствуя бѣду, не смотря на заросли альфы и дрина, лакомыхъ растеній, покрывавшихъ обильно *гамада,* не шли на пастбище, а легли тамъ, гдѣ ихъ разгрузили, около своихъ грузовъ и хозяевъ, тогда какъ ихъ вожаки, спрятавшись за тюки, поставленные противъ бури, закрывшись въ свои гандуры, въ какомъ то тупомъ оцѣпенѣніи полулежали или полусидѣли, питаясь слабою надеждою, что всему на свѣтѣ, а слѣдовательно и бурѣ, бываетъ конецъ...

Укутавшись съ головою въ свой плащъ, стараясь прикрыться отъ песку, прорывавшагося въ ротъ, глаза, носъ и уши, не то въ тупой надеждѣ, не то въ полусознательномъ состояніи, близкомъ къ кошмару, но

не къ нирванѣ, потому что хотя и тупо, а бытіе все таки ощущается, я просидѣлъ и пролежалъ всю ночь. Около полуночи началась гроза и вся пустыня наполнилась грохотомъ и гуломъ, словно отъ канонады тысячи орудій. Ужасны грозы въ Сахарѣ; я никогда не могъ и представить себѣ, чтобы такая масса электричества была сокрыта въ этомъ прозрачномъ, какъ эфиръ, воздухѣ, и мнѣ поневолѣ приходила въ голову смѣлая мысль, что треніе песку, несомаго вѣтромъ со страшною силой, вызываетъ электрическіе токи въ атмосферѣ, пронизанной песчаными частицами. Какъ и вездѣ въ природѣ, круговоротъ силъ и движенія всего лучше проявляется въ грозахъ пустыни. Могучая статическая сила, удерживающая частицы каменныхъ породъ въ ихъ связанномъ состояніи, разъединяется физическими агентами: теплотой, свѣтомъ, движеніемъ воздуха, перемѣной температуры, влагой и рядомъ другихъ условій, и порода разсыпается въ песокъ. Подъятый огромною потенціальною силой бури, въ массѣ онъ несется по пустынѣ, развивая при треніи частицъ новыя статическія и потенціальныя силы, могущія породить ту массу связаннаго электричества, которое разряжается во время грозъ, столь обыкновенныхъ въ Сахарѣ.

Страшна была эта ночь; къ счастію для меня, но быть можетъ къ сожалѣнію для читателя, я былъ въ такомъ состояніи, что теперь не могу передать во всей подробности пережитыхъ ощущеній той ночи, не могу живописать ночной песчаной бури съ грозою въ Сахарѣ всѣми тѣми красками, въ какихъ она является предъ глазами несчастнаго путника, не могущаго и думать о сопротивленіи стихійной силѣ, сокрушающей все на пути. Въ тѣ долгіе, казавшіеся вѣчностью, часы хотѣлось бы не жить, не существовать, погрузиться въ небытіе, хотя бы исходомъ изъ него была незамѣтно подкравшаяся смерть. Я лежалъ, уткнувъ голову въ дорожный мѣшокъ, покрытый дважды обвитымъ плащемъ, а надо мною, какъ надо всѣмъ распростертымъ караваномъ, проносились тучи песку, заряженнаго электричествомъ, озоническій запахъ коего ощущался и въ безъ того душной атмосферѣ; надо мною грохотали громы, перекатывавшіеся съ одного конца пустыни до другого, и гулъ ихъ отдавался въ металлически консонирующей почвѣ, на которой въ ужасѣ лежали трепещущіе путники; свистъ бури и шумъ несущагося песку наполнялъ всю атмосферу тысячами звуковъ, не передаваемыхъ никакой гаммой и которымъ въ унисонъ грохотали громы и стонала пустыня, потрясенная страшнымъ космическимъ явленіемъ.

Я не пытался приподнять голову, чтобы посмотрѣть на невольныхъ спутниковъ своего несчастія, въ тѣ минуты и часы каждый заботился только о себѣ, не зная и не желая знать, что дѣлается съ его ближайшимъ сосѣдомъ... Только порой, когда, казалось, стихали громы, и на время молчала буря и шумъ несущагося песку переходилъ въ легкій шелестъ словно листьевъ лѣса, слегка колышущагося въ ночной тишинѣ, и природа словно отдыхала, для того, чтобы чрезъ нѣсколько секундъ забушевать съ

новою ужасающею удвоенной силой, — мнѣ казалось, что я слышу и страшные стоны несчастныхъ верблюдовъ и полныя отчаянія крики арабовъ.

Хауэнъ аалейка я забба (Помилуй насъ, Господи). *Мафишъ фаида микъ шанъ эльмухтъ абаттена* (смерти не избѣжишь!), слышалось мнѣ въ этихъ воплякъ и стонахъ, которые какъ ножемъ рѣзали и безъ того трепетавшее измученное сердце.

Какъ я дожилъ до утра, не знаю, потому что изъ тупого оцѣпенѣнія я перешелъ въ крѣпкій сонъ подъ утро, когда немного утихла страшная ночная буря, когда начала успокаиваться потрясенная атмосфера, и пустыня перестала стонать.

Когда я открылъ глаза, разбуженный шумомъ коношившагося каравана, солнце уже выкатилось на горизонтѣ, обдавая пустыню и небо снопами пурпуроваго, огненнаго и золотисто-розоваго цвѣта, рѣзко выдѣлявшимися на голубомъ небосклонѣ; вѣтра какъ не бывало; воздухъ былъ чистъ, неподвиженъ и пріятенъ, освѣженный такою страшною вентиляціей; только далеко, на сѣверо-западномъ горизонтѣ, виднѣлась черная полоса и сѣровато-грязная пелена, еще болѣе оттѣнявшія прекрасный радужный цвѣтъ утренняго неба. То были остатки ночной бури, слѣды песчаныхъ вихрей, унесшихся далеко отъ насъ съ быстрокрылымъ вѣтромъ, пролетѣвшимъ съ юго-востока, далеко, на просторъ сѣверныхъ пустынь.

Аллахъ архалету (Господь насъ помиловалъ). Нѣтъ бога, кромѣ Бога, и Магометъ Пророкъ Его, — отвѣчали на это благочестивые мусульмане.

Эль Хамиди Лилляхи (Слава Богу!) слышалось опять, и нельзя было не повторить вслѣдъ за правовѣрными этихъ радостныхъ словъ, потому что мы избавились отъ страшной опасности.

А. Елисѣевъ.

297. Похороны на кораблѣ.

Рано утромъ привелось видѣть сцену, которая долго останется у меня въ памяти.

Матросъ скончался въ прошлую ночь. Тѣло покойника до сегодняшняго утра стояло подъ образами; сегодня его хоронили. Человѣкъ шесть матросовъ, сопровождаемые почтеннымъ нашимъ священникомъ, вынесли покойника на верхнюю палубу. Тѣло было плотно зашито въ саванъ, къ ногамъ прикрѣплена чугунная балластина...

Деревянная рѣшетка, закрывающая главный средній бортъ «Ретвизана», была снята; на бортъ положили длинную доску, конецъ которой далеко выдавался надъ водою; на доску опустили тѣло покойника; два унтеръ-офицера придерживали доску. Ванты 1) усыпаны были народомъ;

---

1) *В а н т а — одна изъ толстыхъ смоляныхъ веревокъ, держащихъ мачту съ боковъ.*

офицеры окружили бывшаго своего сослуживца. Въ то время, какъ священникъ читалъ молитву, — я невольно нагнулся впередъ и взглянулъ внизъ на море. Волны глухо шумѣли, то высоко подымаясь и всплескивая пѣну, то роя вокругъ себя мрачныя глубокія бездны...

— Помяни Господи во царствіи Твоемъ раба Твоего Андрея... — тихо проговорилъ священникъ.

— Аминь — прошептали въ толпѣ.

— Спускай!.. — сказалъ кто-то.

Доску наклонили къ морю; тѣло медленно начало скатываться; еще секунда, — и оно пропало въ волнахъ...

Вы представить себѣ не можете, какое впечатлѣніе грусти, даже страха, оставили на меня эти похороны. Что ни говори, человѣку свойственно только жить и умирать на землѣ; когда человѣка хоронятъ въ землю, разлука его съ людьми кажется все не такъ ощутительной, покойникъ ближе къ своимъ, какъ словно и свои къ нему ближе; ихъ раздѣляетъ слой почвы всего въ два аршина; но тутъ, на морѣ, куда онъ дѣлся? Гдѣ онъ?.. Въ какую пустыню, въ какое страшное одиночество занесло его?.. Въ сущности, конечно, не все ли это равно? Но когда приходитъ самое дѣло, когда случается быть очевидцемъ такихъ похоронъ, — сердце и привычка всегда говорятъ громче философіи.

Д. Григоровичъ.

298. Сѣверное сіяніе.

Морозъ крѣпчалъ и становился едва выносимымъ; то щипнетъ онъ лицо и заставитъ спрятать его подъ куколь совика, то пропуститъ холодную струю подъ теплый мѣхъ малицы, и пробѣжитъ мелкими струйками по всему тѣлу. Но ни малѣйшаго вѣтра; къ тому же и самый воздухъ будто застылъ сплошной ледяной массой, и страшно и холодно, и по прежнему сосредоточенно-молчаливо, подталкивая другъ друга въ бокъ, бѣгутъ олени въ неоглядную даль, разстилающуюся передъ ними, и по прежнему безпрестанно толкаетъ проводникъ хареемъ (длинный березовый шестъ), то того въ бокъ, задъ или ногу, то другого, третьяго и четвертаго. На подорожной кочкѣ тряхнетъ насъ сильно и свалитъ въ рыхлый мягкій снѣгъ; проводникъ при этомъ посовѣтуетъ спустить ноги внизъ и крѣпче держаться за ременную петельку, и ничего не скажетъ, когда вывалитъ насъ обоихъ, когда ляжетъ чунка (санки на высокихъ копыльяхъ) наша на бокъ и спутается веревочная упряжь ея.

Справа, и слѣва, спереди и сзади, опять залегаетъ неоглядная снѣжная степь, на этотъ разъ оттѣненная довольно сильнымъ мракомъ, который въ одно мгновеніе покрылъ все пространство, доступное зрѣнію, и словно густой, темный флеръ опустился на окольность. Но вдругъ мракъ этотъ исчезъ, началось какое-то новое, сначала смутно понимаемое впе-

чатлѣніе, потомъ какъ будто когда-то извѣданное: весь снѣгъ со сторонъ мгновенно покрылся багровымъ кровянымъ свѣтомъ; но не прошло какихъ-нибудь пяти мгновеній, — все это слетѣло, снѣгъ продолжалъ свѣтиться своимъ матово-бѣлымъ свѣтомъ. Не долго, думалось мнѣ, будетъ онъ бѣлѣться, вотъ обольетъ всю окольность лазурнымъ, зеленымъ, фіолетовымъ, всѣми цвѣтами красивой радуги, вотъ заиграютъ топазы, яхонты, изумруды... И рисуются уже дворцы въ настроенномъ подъ общій ладъ воображеніи, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, пожалуй даже какъ въ театральныхъ Армидахъ, Фаустахъ.

— Сполохъ играетъ! — давно уже и нѣсколько разъ повторялъ между тѣмъ проводникъ мой. Я инстинктивно обернулся назадъ, къ сѣверной сторонѣ неба, но тамъ уже прежній мракъ, кромѣшный мракъ, словно мрачное дождевое ненастливое облако залегло и ширилось на всю четверть круга видимаго горизонта, какъ бы нарочно заслоняя отъ насъ такъ сильно нахваленное и такъ давно выжидаемое мною сѣверное сіяніе. Какъ бы нарочно для него цѣлыхъ двѣ недѣли не было ни пургъ, ни хивусовъ 1) ни замятелей и стоялъ леденящій холодъ по всѣмъ окрестностямъ Пустозерска, — обстоятельство, какъ извѣстно, необходимое для того, чтобы игралъ сполохъ, т. е. былъ бы виденъ во всѣхъ полярныхъ прибрежьяхъ. И гдѣ же лучше, думалось мнѣ, видѣть его, какъ не здѣсь у океана, въ безбрежной степи, въ какихъ-нибудь 400 — 450 верстахъ отъ страшной Новой Земли. И вотъ какъ будто на зло, темное облако заслонило его теперь. Становилось не шутя и обидно и досадно. Я покручинился ямщику, но тотъ отвѣтилъ успокоительно:

— Теперь непремѣнно взыграетъ, благо началъ; вотъ олешкамъ стану дохъ давать, — гляди сколько хочешь. Вотъ тебѣ — любуйся! — прибавилъ онъ потомъ что-то и много чего то... Но я уже всего этого ничего не слышалъ: я былъ прикованъ глазами къ чудному, невиданному зрѣлищу, открывшемуся теперь изъ темнаго облака: оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засіяло ослѣпительными цвѣтами, цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, которые переливались изъ одного въ другой и, какъ будто искры, сыпались безконечно сверху, искры снизу, искры съ боковъ... Ничего не разберешь, ничего не сообразишь для одного, цѣльнаго впѣчатлѣнія, все мѣшается и путается, въ глазахъ рябитъ и становится больно. Дашь глазамъ отдохнуть на сторонѣ, но тамъ встрѣчаютъ они прежній мракъ, обрамляющій чудное, невиданное зрѣлище, обращаешься опять къ нему, но уже тамъ явились прежніе виды. Какъ будто огромная, всемірная кузница пущена въ ходъ, и только не видишь рабочихъ, не слышишь молотовъ за дальностью, близорукостью, видишь одинъ громадный горнъ, бѣгающія въ немъ искры, — и все это горитъ такимъ яркимъ свѣтомъ, какой едва ли придется видѣть въ другомъ изъ чудныхъ зрѣлищъ чудной природы, кромѣ сѣвернаго сіянія, проживи хоть и болѣе тридцати, пя-

---

1) *Мѣстныя названія мятели.*

тидесяти лѣтъ. Такъ думалось мнѣ въ ту пору и невольно шли на память безсознательно выученные въ дѣтствѣ, и теперь, при наглядномъ сравненіи, поразительно вѣрные стихи *Ломоносова,* который знакомъ былъ съ красотой явленій полярнаго неба въ ранней юности.

— На маткѣ (т. е. на Новой Землѣ), сказываютъ старики наши, больно страшно сполохи играютъ; но и по деревнямъ порой тоже сильные. Въ иную зиму все небо горитъ, столбы ходятъ да сталкиваются промежъ себя словно солдаты дерутся, а упадутъ — таково красиво станетъ. Эдакъ чаще! А что видишь теперь — такъ рѣдко же, все больше зарей дальней кажутъ. Самые страшные въ большой холодъ живутъ и тогда словно свѣта преставленіе, и привычнымъ мы нашимъ дѣломъ, а крѣпко пугаемся. На Маткѣ-то, слышь, старики сказываютъ, трещитъ даже сполохъ — отъ, словно изъ ружей щелкаетъ. Страшно, очень ужъ страшно! — разсуждалъ мой проводникъ на пути нашемъ.

С. Максимовъ.

299. Лапландія.

Дики и печальны картины Лапландскаго сѣвера. Тутъ не на чемъ остановиться взгляду случайнаго путника. Мрачныя массы гранита взгромоздились однѣ на другія, какъ будто все это каменное море мгновенно застыло въ разгарѣ хаотической бури. Каменные скалистые берега отвѣсно падаютъ внизъ, словно преграждая волнамъ полярнаго океана доступъ въ эти сумрачныя, холодныя пустыни. Одинокія озера, закованныя въ неразрывныя цѣпи могучихъ утесовъ, отражаютъ въ своихъ покойныхъ гладяхъ зеленѣющіе островки. Изрѣдка нарушаетъ ихъ покой громкій голосъ отважнаго промышленника, закидивающаго здѣсь свои сѣти... Глушь и безлюдье охватываютъ душу неопредѣленною, необъяснимою тоскою... Кое-гдѣ изъ этого, словно исполинскою бороною изрытаго, гранитнаго простора, подымаются сѣрыя горы, покрытыя желтыми полосами сыпучаго песку. Онѣ возвышаются вдоль всего сѣвернаго побережья, словно окаймляя его мертвыя неподвижныя пространства. Кое-гдѣ изъ черныхъ расщелинъ треплется по вѣтру жалкая былинка; приземистая береза ютится въ понизьѣ подъ защитою отвѣснаго утеса, да на плѣшивыхъ верхушкахъ случайныхъ холмовъ подымаются хилыя сосны, безпомощно протянувъ свои вѣтви на дальній югъ; сѣверная сторона ствола лишена вѣтвей... Тутъ, въ этомъ подавляющемъ царствѣ сѣвера, въ уединенныхъ и глухихъ становищахъ на берегу Ледовитаго океана, осѣли бѣдныя колоніи русскихъ и финляндскихъ переселенцевъ. Изобиліе удобныхъ бухтъ, никогда не замерзающее море и рыбное богатство водъ его — обусловливаютъ въ будущемъ значительный ростъ этого берега.

Въ среднихъ и южныхъ частяхъ земли Лонской климатъ нѣсколько

умѣреннѣе. Тутъ тянутся на громадное пространство глухія дебри, сплошь поросшія сосною, березою и елью. Низменности пестрѣютъ яркими ягодными коврами. Морошки и другія растенія этого рода усѣяли влажную почву Кольскихъ пустырей, составляя главный питательный матеріалъ для мѣстнаго населенія. Всѣ остальныя мѣста Лапландіи поросли бѣлымъ ягелемъ (мохомъ). Медвѣди, волки, песцы, лисицы, горностаи и олени кишмя кишатъ въ этихъ частяхъ полуострова, словно вознаграждая его за поразительное отсутствіе жизни на сѣверномъ побережьѣ. До восьми сотъ озеръ раскинули свои зеркальныя глади въ этой части нашего отдаленнаго края. Между ними есть весьма значительныя. Такъ, напримѣръ, Имандра занимаетъ пространство 90 верстъ въ длину и 40 въ ширину, Ковдо, Няво, Конбо, Нуотъ — самыя большія озера этой страны. Въ противуположность озерамъ крайняго сѣвера, здѣсь, словно тихія обители вѣчнаго мира и покоя, поднимаются тысячи островковъ, изъ которыхъ каждый, если бы его перенести поближе къ Петербургу, сталъ-бы любимѣйшимъ мѣстомъ общественныхъ прогулокъ. То утесистые, то лѣсистые, то низменные, это клочки твердой земли посреди воднаго пространства пріятно разнообразятъ нѣсколько утомительное величіе полярныхъ пейзажей. Въ самихъ озерахъ водится вкусная рыба, ловлею которой неутомимо занимаются лопари, единственные властители этого бездорожнаго малолюдья. Берега озеръ раскидываютъ тысячами самыхъ прихотливыхъ, самыхъ неожиданныхъ изгибовъ. Цѣлыя системы рѣкъ и рѣчекъ соединили озера въ одинъ водный бассейнъ. Это словно ассоціація нервовъ съ ихъ узлами. Такъ переплелись между собою водные пути этого края. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ, выходя изъ серединныхъ озеръ, вливаются въ Бѣломорье и въ Ледовитый океанъ. Всѣ онѣ усѣяны великолѣпными порогами, въ которыхъ быстрое теченіе то образуетъ сверкающіе алмазнымъ блескомъ водопады, то хаотическіе безформенные толчки, преграждающіе судамъ доступъ внутръ Лонской земли. Устья этихъ рѣкъ расположены по ровнымъ береговымъ отлогостямъ, вдоль каменистыхъ ущелій, грандіозное величіе которыхъ напоминаетъ романтическую обстановку Байроновскаго «Манфреда». Здѣсь производится обширный семужій (семга) ловъ заколами, доставляющій лопарямъ немалые барыши.

Громадныя стада дикихъ и домашнихъ оленей пасутся на этомъ необозримомъ просторѣ. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ еще и попынѣ водятся, но уже въ одиночку, когда-то истреблявшіеся для уплаты долговъ выдры и бобры. Но болѣе всего оживляютъ этотъ край безчисленныя стаи разной дичи, отъ гула которой и стрекота словно стонъ стоитъ надъ неисходными гладями Лонскаго юго-востока. Съ озера на озеро перелетаютъ крикливые гуси и утки, залетныя чайки крупныхъ размѣровъ вьются надъ свѣтлыми водами озеръ и тѣнистыми быстринами рѣкъ и потоковъ. Гаги сплошь усѣяли сѣверные берега и принадлежащія Кольскому полуострову острова. Не смотря на дикое, ничѣмъ необъяснимое уничтоженіе гагачьихъ яицъ поморскими бабами, гаги и до сихъ поръ составляютъ одно

изъ коренныхъ богатствъ этого края. Миріады куропатокъ покрываютъ бѣлою пеленою откосы каменистыхъ горъ и поверхность земли. Онѣ множатся въ лѣсахъ и понизьяхъ полуострова. Въ недосягаемой синевѣ яснаго неба, словно черныя точки висятъ надъ пустыннымъ краемъ ястреба, челиги, кречеты и сокола. Еще въ Московскую старину послѣдніе изъ Рюриковичей и первые цари Великой и Малой Россіи Романовы посылали сюда ватаги помытчиковъ за соколами для царской охоты. Одинокій путникъ, пересѣкающій потоки и озера нашей Лапландіи, невольно изумится обилію всякой птицы на излюбленныхъ ею мѣстахъ этой глухой страны. Молодые выводки гусей и утокъ, неподвижно устилающіе землю, словно дѣвственный снѣгъ, бѣлыя куропатки попадаются ему подъ ноги вездѣ, куда онъ ни сунется. А тамъ вдалекѣ, какъ стрѣла, промелькнетъ порою сѣверный олень въ недосягаемую чащу сосноваго лѣса, или на понизье, поросшее ягелемъ. Но за то мелкая трава луговыхъ пустынь не оживляется здѣсь веселымъ пѣніемъ кузнечиковъ, шуршаніемъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, къ которымъ привыкъ степнякъ средней и южной Россіи. Изрѣдка только лишенная роскоши яркихъ цвѣтовъ, вяло порхаетъ бабочка, едва шевеля крыльями надъ зелеными кочками поемнаго луга.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края, подъ вліяніемъ мѣстныхъ священниковъ, Лопари дѣлали опыты разведенія картофеля, и неожиданный успѣхъ превзошелъ всѣ ихъ ожиданія. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 1870 г. картофель родился самъ — десять.

Долгая и морозная зима, влажное сырое лѣто, осень холодная и дождливая, — дѣлаютъ Кольскій полуостровъ мѣстомъ, не совсѣмъ привлекательнымъ для обитателя болѣе умѣреннаго края. Съ 12 Мая по 9-ое Іюля солнце здѣсь не сходитъ съ горизонта, одинъ непрерывный день продолжается 57 сутокъ. За то 52 дня тянется такая же непрерывная полярная ночь, озаряемая лишь сполохами. Не смотря на это, лѣтомъ здѣсь бываютъ очень знойные дни. Солнце не заходитъ и грѣетъ очень сильно. Во влажное время оно похоже на мѣдно-красный щитъ, потонувшій въ туманѣ безъ зноя и свѣта. Зимнія ночи, озаряемыя сѣвернымъ сіяніемъ, — великолѣпны. Блуждающее синее пламя, словно отъ тысячъ мѣрно колыхающихся факеловъ, опоясываетъ небо. Снопы его раскидываются по темному простору безвѣстныхъ высей, кидая блѣдный свѣтъ на острыя вершины утесовъ, на серебристыя глади бѣлыхъ пустынь съ обледенѣвшими озерами и снѣгомъ засыпанными островами и на свободный ото льда просторъ отъ полярнаго моря. Невольно растетъ въ душѣ чувство благоговѣйнаго ужаса передъ этою стихійною силой, которая здѣсь какъ будто лежитъ еще въ состояніи покоя, предшествовавшаго великому моменту созданія. Вся эта величавая мертвая глушь словно ждетъ торжественнаго слова «да будетъ свѣтъ», чтобы воспрянуть къ жизни и закипѣть миріадами красокъ и звуковъ.

В. Немировичъ-Данченко.

300. По желѣзной дорогѣ изъ Небраски въ Калифорнію.

11 Марта мы пріѣхали въ Сидней, большую станцію, лежащую, еще въ Небраскѣ, но уже въ западной ея части. Степь все возвышается. Мы уже на нѣсколько тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, но почти нигдѣ не замѣтно, чтобы поѣздъ шелъ въ гору. Въ вагонѣ топятъ печи не на животъ, а на смерть, — все предвѣщаетъ близость Скалистыхъ горъ.

Въ этотъ же самый день мы прибыли въ Пайнъ-Блофферъ, — на границѣ Небраски и Уайоминга. Характеръ мѣстности совершенно измѣнился и изъ степного переходитъ въ гористый. Поѣздъ все еще летитъ равниной, но по обѣимъ сторонамъ дороги видны горы съ снѣговыми верхушками или скалы, наваленныя другъ на друга въ фантастическомъ безпорядкѣ. Вокругъ все дико и печально. Изъ вагона мы снова видимъ антилопъ и города степныхъ собакъ. Мы приближаемся къ Чейэну, станціи въ Уайомингѣ, но по дорогѣ проѣзжаемъ первый «снѣжный домъ», тянущійся на нѣсколько верстъ. «Снѣжные дома» — ничто иное, какъ безконечныя крытыя галлереи, охраняющія линію желѣзной дороги отъ снѣжныхъ засыпей. Я столько слышалъ о нихъ разговоровъ, что испыталъ полное разочарованіе. Правда, галлереи очень длинны, но за то сколочены самымъ первобытнымъ способомъ изъ досокъ и балокъ: балки сбиты гвоздями, въ крышѣ дыра на дырѣ, однимъ словомъ, все построено такъ, какъ у насъ десятки лѣтъ тому назадъ строили шалаши. Такая постройка можетъ вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію, но ужъ ни въ коемъ случаѣ не заслуживаетъ названія восьмого чуда свѣта.

За снѣжнымъ домомъ открывается величественный видъ. Направо отъ поѣзда, какъ на ладони, Черныя горы. Это особая группа, стоящая на равнинѣ отдѣльно отъ иныхъ горъ. Среди мѣстности, покрытой снѣгомъ, на фонѣ оловяннаго неба, горы эти кажутся черными, какъ ночь, мрачными, таинственными и грозными. Только вершины покрыты снѣгомъ, остальная черная масса не имѣетъ и слѣда свойственнаго всѣмъ горамъ синеватаго оттѣнка.

Чейэнъ лежитъ непосредственно въ системѣ Скалистыхъ горъ и находится на высотѣ около 6000 футовъ надъ уровнемъ моря. За станціей снѣжные дома почти не прерываются, потому что вездѣ снѣгъ. Маленькіе полустанки лежатъ все выше и выше. Наконецъ, мы доѣзжаемъ до станціи Клермэнъ, высочайшей точки линіи, на высотѣ 9000 фут.

Трудно вообразить себѣ печальный видъ этой станціи. На голой небольшой площадкѣ стоитъ домъ съ крышей, занесенной сугробами снѣга; воздухъ рѣзкій, холодъ пронзительный, такъ что мы дрожали въ нашихъ шубахъ. Снѣгъ здѣсь идетъ почти постоянно, вѣтеръ воетъ и кружитъ снѣжными хлопьями, кое-гдѣ торчатъ голыя, черныя скалы, сегодня вѣтеръ сдулъ съ нихъ снѣгъ, завтра нанесетъ новый. Я никакъ не могу понять, какъ люди могутъ постоянно жить здѣсь, гдѣ груди просто-

напросто не хватаетъ воздуха, въ ушахъ звенитъ, а у слабыхъ людей кровь идетъ горломъ.

12 Марта мы начинаемъ понемногу спускаться внизъ, но даже и по ту сторону горъ уклонъ весьма незначителенъ, мы находимся на нѣсколько тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь уже конецъ Уайоминга. Въ полдень мы прибываемъ къ Гринъ-Риверу, который недалеко отсюда, въ горахъ, беретъ свое начало. Мѣстность вездѣ скалистая, скалы образуютъ такія фантастическія группы, что эту часть дороги можно назвать самою интересною. То видны обелиски, то пирамиды; вонъ тамъ возвышается замокъ; можно поклясться, что онъ возведенъ человѣческими руками, тутъ нѣтъ недостатка ни въ башняхъ, ни въ стрѣльчатыхъ окнахъ, ни даже въ полуразвалившейся стѣнѣ. Но опять новая смѣна декорацій, скалы понижаются, и покуда глазъ хватаетъ, образуютъ стѣны, длинныя, прямыя и правильныя, точно построенныя по линейкѣ. Въ Утахѣ, недалеко отъ станціи Эко, самыя любопытныя формаціи, такъ называемыя Дьявольскія Ворота и Дьявольская Тропинка, похожія другъ на друга и разнящіяся только размѣрами. Это скалы, идущія вновь двумя хребтами совершенно параллельно и образующія глубокій корридоръ, такой дикій и демоническій, что дьяволъ нигдѣ на свѣтѣ не могъ бы найти болѣе соотвѣтственнаго жилища.

Наконецъ, переѣхавши рукавъ (можетъ быть, притокъ Гринъ Ривера) мы прибыли въ Огденъ, станцію и городъ въ Утахѣ. Недалеко отъ Огдена, въ сторону отъ желѣзной дороги, лежитъ городъ Соленаго озера, столица мормоновъ. Къ несчастію, за два часа до нашего прихода пришла телеграмма, что дорога засыпана снѣгомъ и только на другой день будетъ свободна. Я, не устрашенный этимъ, хотѣлъ было дождаться слѣдующаго дня, чтобы осмотрѣть замѣчательный городъ, когда пришла новая телеграмма, угрожающая, что черезъ два дня движеніе можетъ прекратиться и по всей большой линіи, потому что въ горахъ идетъ небывалый до сего времени снѣгъ. Исхода не было, — спѣша въ Санъ-Франциско, я долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія мормоновъ, обѣщавши себѣ на обратномъ пути провести среди нихъ хоть нѣсколько дней.

Послѣдствія доказали, что я лучше сдѣлалъ бы, оставшись въ Огденѣ, потому что на слѣдующій день на маленькой и скверной станціи Туано, гдѣ поѣздъ останавливается на три минуты, пришло извѣстіе, что дальнѣйшая дорога засыпана снѣгомъ на нѣсколько миль въ длину и на нѣсколько футовъ глубиною.

— Что дѣлать? — спросилъ я своихъ товарищей.

— Очень просто, — вернемся въ Огденъ, — а оттуда въ городъ Соленаго озера.

Обрадованные этою мыслью, идемъ въ кассу и спрашиваемъ, когда пойдетъ поѣздъ въ Огденъ.

— Отсюда поѣздъ не отходитъ. Въ Огденъ идетъ только поѣздъ изъ Санъ-Франциско до Нью Іорка, — отвѣчалъ кассиръ.

— А когда прійдетъ поѣздъ изъ Санъ-Франциско?

— Когда дорога будетъ свободна.

Мы повѣсили головы. Нужно было оставаться и ждать въ Туано, пока Богъ смилуется. Трудно себѣ вообразить что нибудь болѣе скучное, чѣмъ Туано. Это просто-напросто пять или шесть лачугъ, сколоченныхъ изъ досокъ и стоящихъ на снѣгу. Сидѣть тамъ, когда впереди чудная Калифорнія, равняется смерти. А въ это время никто сказать не можетъ, сколько продолжится заточеніе. Можетъ быть недѣлю, можетъ два дня, можетъ десять, — вотъ и все.

Мы слышали, что шесть локомотивовъ пришли изъ Санъ-Франциско; четыре, прибывшіе изъ Огдена, сами видѣли проходящими чрезъ Туано. Вотъ они, вооруженные плугами, пошли разбивать снѣговыя засыпи, но можетъ случиться, что на расчищенное мѣсто опять нападетъ снѣгъ.

Отъ нечего дѣлать первый день мы около четырехъ часовъ стрѣляли изъ револьверовъ: подъ вечеръ, выпросили ружья у жителей станціи и отправились на охоту. Намъ сказали, что въ ближайшихъ горахъ водятся медвѣди. Съ охоты мы вернулись поздно ночью, не видавши ни слѣда медвѣдей, зато измученные и иззябшіе, такъ какъ по дорогѣ иногда случалось проваливаться по шею въ снѣгъ.

Такимъ образомъ прошелъ день; мы перезнакомились всѣ въ нашемъ спальномъ вагонѣ; да трудно и не познакомиться, живя съ кѣмъ нибудь въ одномъ вагонѣ. Американцы начали устраиваться, точно мы должны были остаться здѣсь навѣки. Насъ заносило все болѣе и болѣе; день уплывалъ за днемъ. Каждый вечеръ мы ложились съ мыслью: завтра, можетъ, проснемся въ Невадѣ, и просыпаемся... въ Туано.

Наконецъ, вечеромъ на четвертый день кто-то пустилъ слухъ, что ночью мы поѣдемъ. Полные радужныхъ надеждъ, залегли спать и рано утромъ проснулись... въ Туано. Тогда мы упали духомъ, потому что намъ грозила новая опасность. Въ Туано всѣ жизненные припасы были на исходѣ. Оставались еще сухари, сахаръ, чай, кофе и калифорнійскіе яблоки, но въ мясѣ существовалъ уже недостатокъ, а со стороны Огдена придти ничего не могло, потому что дорога была занесена. По счастью вечеромъ того же дня пришло вѣрное извѣстіе по телеграфу, что локомотивы съ плугами расчистили, наконецъ, снѣгъ и скоро будутъ въ Туано.

Я никогда не забуду минуты, когда они пришли. Былъ уже вечеръ и вечеръ очень темный, только отблескъ снѣга слегка разгонялъ темноту. Вдругъ мы услыхали отдаленный шумъ локомотивовъ и, наконецъ, въ сумракѣ появился неясный силуэтъ цѣлаго поѣзда изъ однѣхъ только машинъ. Первый, вооруженный гигантскимъ плугомъ, весь засыпанный снѣгомъ, носилъ на себѣ ясные слѣды тяжелой битвы. Они приближались, звоня въ колокольчики, свистя, сопя, роняя цѣлые снопы искръ. Этотъ

шумъ, звонъ колокольчиковъ, свистъ пара производилъ необыкновенно сильное впечатлѣніе; казалось, что черныя чудовища торжествуютъ, что они радуются послѣ трудовой борьбы и побѣды. Какою-то неописанною силою возвращающихся съ водопоя звѣрей, исчезали и понемногу тонули во мракѣ, какъ ночное видѣніе. Только шумъ, свистъ и звонки долго еще достигали нашихъ ушей изъ темной дали; потомъ вагоны наши дрогнули, потомъ ударились другъ о друга и медленно двинулись впередъ.

Вскорѣ мы были уже въ Невадѣ и ѣхали по ней цѣлый день и ночь.

Здѣшнія окрестности необыкновенно печальны. Ничто такъ не угнетаетъ, ничто не проникаетъ въ душу такимъ холоднымъ трепетомъ, какъ видъ этой шеренги черныхъ голыхъ скалъ, окружающихъ долину, перерѣзанную желѣзной дорогой. Я думаю, что такъ должны выглядывать мертвыя долины луны. Тутъ — только одна смерть. Растительности нѣтъ никакой, ни слѣда живого существа, скалы кажутся только трупами скалъ, вся природа — гигантскимъ кладбищемъ. Иногда приходитъ въ голову, что весь край спитъ какимъ-то мертвымъ летаргическимъ сномъ, что онъ заклятъ и проклятъ злымъ духомъ. Ѣдешь, ѣдешь цѣлый день и окрестности не измѣняются, вѣчно та же равнина, холодная одеревенѣлая, развертывается предъ тобою; а по бокамъ такія же точно уснувшія мертвыя горы. Къ чувству трепета присоединяется еще чувство скуки и кажется, что и тебя обойметъ также сонъ, что уснетъ все и будетъ ожидать пробужденія цѣлые вѣка въ глубокой и непрерывной тишинѣ. Даже и названія-то въ этомъ странномъ краю какія-то грустныя и зловѣщія.

Вечеромъ мы были у великихъ соляныхъ озеръ въ западной части Невады. Кругомъ грунтъ всюду покрытъ солью и почти совершенно лишенъ растительности. Окрестности немногимъ отличаются отъ предыдущихъ; вода сѣрая, неподвижная, кажется, тоже уснула заклятымъ сномъ.

Зима тутъ длинная и суровая. Мѣстами еще до сихъ поръ на равнинѣ лежитъ снѣгъ, всѣ верхушки горъ покрыты бѣлыми шапками, дуетъ сердитый и пронзительный вѣтеръ. Я вышелъ на минуту на крылечко и вернулся иззябшій и измученный. Если и Калифорнія похожа на Неваду, думалъ я, то чего же ради стремиться къ ней цѣлые дни и ночи; не затѣмъ ли, чтобы, увидавъ ее завтра, стосковаться и разочароваться, какъ и теперь.

Съ такими грустными мыслями я заснулъ. Ночью мнѣ снилось, что мы все еще въ Туано, отчего я ежеминутно просыпался. Наконецъ, едва только первые солнечные лучи проникли сквозь зеленыя занавѣски спальнаго вагона, я одѣлся и вышелъ изъ вагона.

Сначала мнѣ показалось, что я еще сплю,

Невада, вмѣстѣ со своими печальными видами, зимою и холоднымъ вѣтромъ, исчезла; мы были въ лѣсахъ, въ высокихъ горныхъ сосновыхъ лѣсахъ, веселыхъ, благоухающихъ и улыбающихся въ розовомъ свѣтѣ утра. Теплый весенній вѣтерокъ ласково обвѣваетъ мое лицо, надо мною

распростерлось голубое небо; тысячи ручьевъ шумя сбѣгали съ горъ, въ лѣсахъ слышался тысячеголосный птичій хоръ, бока красной скалы у самаго полотна дороги покрыты невысохшими отъ ночной росы цвѣтами... Вездѣ весна, пробужденіе, жизнь и праздникъ...

Мы были въ Калифорніи. Поѣздъ быстро спускался по западному крутому спуску Сіерра-Невады. Вскорѣ всѣ выбѣжали на крылечки вагоновъ, на всѣхъ лицахъ рисовались радость и восторгъ. Люди улыбались природѣ, природа людямъ, окрестности становились все красивѣе. Я никогда не видалъ такого богатства и гармоніи красокъ. Небо голубое, какъ въ Италіи, темно-зеленые лѣса, свѣтлыя долины, красныя скалы, — все это мѣняется и играетъ въ солнечныхъ лучахъ. Въ глубокихъ пропастяхъ ущелій, у самаго полотна желѣзной дороги, шумятъ обильные весенніе ручьи, тутъ и тамъ длинные деревянные шлюзы, въ которыхъ промываютъ золото. Кучи китайцевъ съ длинными черными косами толпятся около шлюзовъ, высыпая туда золотоносную землю и песокъ. Въ долинахъ, на темномъ фонѣ лѣсовъ, бѣлѣютъ домики фармеровъ; среди травы и цвѣтовъ живописно пасутся стада коровъ и овецъ; иногда промелькнетъ всадникъ на высокомъ сѣдлѣ, съ лассо вокругъ высокой луки, и скроется въ поворотѣ лѣсной тропинки.

По мѣрѣ того, какъ мы опускались внизъ, край становился все болѣе красивымъ и населеннымъ; передъ домиками красовались огромные кактусы и другія растенія; множество другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ, вились около дороги и цѣплялись за шлюзы, иногда совершенно скрывая ихъ подъ своею зеленою сѣтью. Наконецъ, горы исчезли, и мы неслись по лугамъ, поросшимъ въ разныхъ мѣстахъ гигантскими дубами. Надъ водою поднимались тысячи дикихъ утокъ и чирятъ. На поляхъ, огороженныхъ плетнями, зайцы убѣгали при нашемъ приближеніи, либо скрывались въ травѣ, выставивши оттуда только уши и усы; разноцвѣтныя птицы перепархивали съ дерева на дерево, веселымъ щебетаньемъ наполняя воздухъ.

Въ одиннадцать часовъ мы прибыли въ Сакраменто, столицу Калифорніи, а черезъ четверть часа поѣхали дальше. Дорога нѣсколько минутъ шла берегомъ золотоносной рѣки Сакраменто-Риверъ, величественно катившей свои полныя весеннія воды. Скоро рѣка исчезла изъ нашихъ глазъ, по обѣимъ сторонамъ дороги пошли невысокіе, покрытые пестрыми цвѣтами холмы. Мѣстность становилась все болѣе и болѣе людною, фармы болѣе частыми, культура лучшею. Мѣстами казалось, что ѣдешь въ Саксоніи или Бельгіи, но горячіе солнечные лучи и экзотическія растенія выводятъ изъ заблужденія. Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ на горизонтѣ блеснула голубая зыбь моря. Я думалъ, что предъ нами уже Тихій океанъ, но это оказалось только его заливомъ, надъ которымъ лежитъ Санъ-Франциско и его предмѣстье Окландъ, мимо котораго мы проѣхали безостановочно. Поѣздъ летитъ, какъ сумасшедшій, и представьте мое изумленіе, когда я, выглянувши изъ вагона, увидалъ

по обѣимъ сторонамъ морскія волны, дикихъ утокъ и чаекъ, однимъ словомъ, увидалъ себя вмѣстѣ съ поѣздомъ — просто-напросто на морѣ, вѣрнѣе на длинномъ, мили въ двѣ, деревянномъ мосту. Признаюсь, такой способъ путешествія показался мнѣ черезчуръ американскимъ еще и потому, что я не зналъ, долго ли намъ придется такъ путешествовать. Наконецъ, въ половинѣ залива мостъ кончился и поѣздъ сталъ; путешествіе наше тоже было окончено. Оставалось только сѣсть на пароходъ и проѣхать другую половину залива, на противоположномъ берегу котораго изъ морской мглы вырисовывался уже видимый для глазъ Санъ-Франциско.

Генрихъ Сенкевичъ.

301. г) Исторія.

У исторіи двѣ стороны, говорилъ Т. Н. Грановскій: въ одной является свободное творчество духа человѣческаго, въ другой — независимыя отъ него, данныя природою, условія его дѣятельности. Тѣ же идеи, но выраженныя иными терминами, были высказаны извѣстнымъ англійскимъ историкомъ Боклемъ, придававшимъ главное значеніе внѣшнимъ воздѣйствіямъ, тогда какъ Грановскій, наоборотъ, первое мѣсто давалъ свободному творчеству человѣческаго духа, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ученики Грановскаго: Ив. С. Тургеневъ, С. М. Соловьевъ (историкъ) и П. Н. Кудрявцевъ. Антропологическіе взгляды новаго времени подтверждаютъ мнѣніе, высказанное обоими крупными историками, придавая однако существенное значеніе свободному творчеству человѣческаго духа. Антропологическія положенія, примѣненныя въ Исторіи, болѣе склоняются къ идеямъ Грановскаго, причемъ расчленяютъ одно изъ началъ Грановскаго (свободное творчество человѣческаго духа) на двѣ части, — на прирожденное начало, зависящее отъ антропологическаго (родового) происхожденія человѣка, и на свободную дѣятельность человѣческаго духа. Идеи Грановскаго стоятъ ближе къ истинѣ, хотя они и выражены въ общихъ терминахъ. Творчеству человѣческаго духа, пояснимъ послѣднюю фразу, принадлежитъ самая широкая роль, но она тѣсно зависитъ не столько отъ *внѣшней* человѣку природы, сколько отъ его собственнаго родового и расового начала (біологическаго начала), которое ему прирождено и отражается на его психологіи. Собственно же внѣшняя окружающая природа, т. е. климатъ, фауна и флора тѣхъ мѣстъ, гдѣ человѣкъ родился, также имѣютъ вліяніе на Личность человѣка (свободный человѣческій духъ Грановскаго) но меньше, чѣмъ его непосредственная прирожденность, т. е. антропологическій составъ *племени и расы,* которые влили или внесли въ человѣка зачатки его жизни и будущей Личности. Оттого русская исторія и русская Психологія всегда будутъ *иными,* нежели французская и англійская исторія и психологія.

302. К. О трагическомъ у Грековъ и въ новѣйшія времена.

Надъ городомъ Фивами, читаемъ въ трагедіи Софокла, разразился рядъ несчастій; всѣмъ стало ясно, что надъ жителями тяготѣетъ дѣйствіе какого-то невѣдомаго рока:

..... взволнованъ городъ весь;
Не можетъ онъ главы поднять изъ безднъ
Волны кровавой; гибнетъ плодъ земной
И мрутъ стада, и роды женъ безплодны.
Огнемъ палящій богъ, ужасный моръ,
На городъ нашъ стремительно низвергся,
Пустѣетъ Кадма домъ, а черный адъ
Стенаньями и плачемъ богатѣетъ...

Въ такихъ чертахъ, устами жреца, поэтъ передаетъ Эдипу о страданіяхъ города Фивъ, жители котораго ждутъ помощи совѣтомъ и дѣломъ отъ своего царя. Оказалось, что и народъ, собравшійся въ храмѣ, и самъ царь Эдипъ испытываютъ чувство виновности, стыда и раскаянія. Когда предварительнымъ изслѣдованіемъ установлено, что убійство бывшаго царя Лая составляетъ причину бѣдствій, Эдипъ налагаетъ проклятіе на неизвѣстнаго убійцу, грозя смертью или изгнаньемъ. Хоръ совѣтуетъ Эдипу спросить пророка-вѣщуна. Тиресій — вѣщунъ, носящій въ себѣ силу *истины,* явясь на зовъ, и уже чуя страшную перспективу совершившагося, готовъ уклониться отъ тяжелой необходимости высказаться ясно, но послѣ настояній Эдипа высказываетъ рѣшительно, что самъ Эдипъ осквернилъ страну своимъ нечестіемъ, и онъ — бѣдъ ея причина, поясняя Эдипу, въ отвѣтъ на его недоумѣнные вопросы, что самъ онъ — тотъ убійца, котораго онъ ищетъ. Разъясненіе жены Эдипа, Іокасты, и нѣсколькихъ свидѣтелей раскрыли истину, состоящую въ томъ, что Лай дѣйствительно убитъ Эдипомъ, который женился затѣмъ на Іокастѣ, оказавшейся его матерью, и съ нею прижилъ дѣтей. Это ужасаетъ Эдипа, и онъ съ воплемъ произноситъ: «Я родился отъ тѣхъ, родиться отъ которыхъ мнѣ не должно бы было, съ тѣми жилъ, съ кѣмъ жить не могъ, и тѣхъ убилъ, кого бъ не смѣлъ». Эдипъ выкалываетъ себѣ глаза, чтобы, снизойдя въ адъ, не видѣть, какъ самъ говоритъ, своего отца и свою мать-супругу. Въ отчаяніи Іокаста лишаетъ себя жизни. Такимъ образомъ, сказалось вдругъ: *проклятье, стонъ* и *смерть* и *стыдъ* и всѣ, какія есть названья золъ, какъ выражается поэтъ устами свидѣтеля слуги.

Фабула, положенная въ основу трагедіи Софокла, заимствована изъ народныхъ преданій, разъясняетъ вполнѣ самую сущность *трагическаго:* оно вызывается чувствомъ виновности и тою степенью и силой *раскаянія,* которое родитъ глубокую потребность экспіаціи, т. е. примиренія съ совѣстью и искупленіемъ вины, живущей въ душѣ.

Отличіе современныхъ трагедій, начиная съ Шекспировскихъ, отъ трагедій классическихъ таково, какъ различіе системы Птоломея отъ системы Коперника: факты и расчисленія оказываются тѣми-же въ обѣихъ астрономическихъ системахъ, но объясненія средствъ совершенно различны. Въ основѣ обоихъ видовъ трагедіи лежатъ тѣ же психологическіе факты, а именно: чувство виновности и потребность искупленія (экспіаціи), т. е. жажда примиренія съ потрясенной совѣстью. Греческая трагедія вызываетъ сочувствіе зрителя къ герою внутренней борьбы, страдающему вдвойнѣ: подъ ударами внѣшней силы и собственной совѣсти. Эта простота и естественность поэтическаго замысла придаетъ особую силу Софокловой и Еврипидовымъ трагедіямъ уже сама по себѣ, независимо отъ другихъ высокихъ качествъ Греческаго творчества. Къ этимъ послѣднимъ относится психологическая естественность и та непередаваемая сила мысли, соединенная съ краткой, лапидарной рѣчью, которая обращаетъ каждую фразу поэта то въ поговорку и пословицу, то въ приговоръ высшей правды, то въ безповоротный судъ исторіи и неумолимый языкъ чистой совѣсти.

Новѣйшія трагедіи, съ Шекспировскими во главѣ, выходятъ за предѣлы классическихъ рамокъ. У Шекспира человѣчество впервые отражается не въ однѣхъ только существенныхъ или главныхъ психологическихъ чертахъ, какъ то было у классиковъ древности, но гораздо шире и всестороннѣе. У него взяты для темъ драматическихъ произведеній, не только месть, гнѣвъ, стыдъ, раскаяніе, но всѣ возможныя чувства и страсти большія и малыя. Хотя у героевъ Шекспира и у его послѣдователей также есть вина и изображается чувство виновности и чувство раскаянія, какъ и у классическихъ героевъ, но этимъ далеко все не исчерпывается, и вся психологическая постановка *драматическаго* гораздо шире. Въ ширинѣ темъ *первое* отличіе новаго творчества отъ древняго. *Другое* — состоитъ въ томъ, что и самое объясненіе драматической вины становится иное. Греческая драма допускала вмѣшательство боговъ и месть ихъ за нарушеніе человѣкомъ божественной воли, и отсюда — страданіе человѣка. Въ современныхъ драматическихъ произведеніяхъ, хотя также есть вина, и естественно за нее наказаніе, но вина лежитъ не въ чьей-либо внѣшней волѣ, но содержится въ самомъ дѣйствующемъ человѣкѣ, т. е. въ чувствахъ, умѣ и волѣ и темной силѣ его низшаго психизма. Всѣ эти части внутренняго склада человѣка приходятъ въ дѣйствіе, представляя собою составъ драматической вины, какъ начала, какъ причины, какъ источника, повода или предлога для дѣятельности и дѣйствій человѣка. Въ своей субъективности человѣкъ кладетъ вину на всѣ эти части своего состава. И дѣйствительно, въ нихъ предварительно разбирался человѣкъ, ихъ взвѣшивалъ и оцѣнивалъ въ своемъ *обдумываніи*, предшествующемъ дѣйствію и приводящемъ къ *рѣшенію*. Въ глубинѣ своего сознанія и совѣсти человѣкъ зналъ изъ первыхъ рукъ, т. е. отъ самого себя, какъ совершалось обдумываніе, какъ и

въ какой степени дѣйствовали на него различные *мотивы* и какимъ путемъ онъ пришелъ къ извѣстному дѣйствію, послѣ внутренней *борьбы,* въ которой сказали свое слово и оказали свое дѣйствіе тѣ или другія части его живого существа.

Память и совѣсть напоминаютъ человѣку, какъ все протекало въ его душѣ и какъ онъ дошелъ до того конца, которому радуется и торжествуетъ, или глубоко печалится и сожалѣетъ. По субъективной оцѣнкѣ и субъективнымъ реакціямъ, вина или поводъ дѣйствительно коренятся въ самомъ человѣкѣ. Нерѣдко, однако, драматическая вина не бываетъ виновностью, а является скорѣе поводомъ, или неустранимымъ сочетаніемъ вліяній, тѣмъ не менѣе, на вѣсахъ своей *совѣсти* и *субъективности,* человѣкъ переоцѣниваетъ, или пристрастно оцѣниваетъ личныя переживанія и во многихъ случаяхъ встрѣчаетъ даже сочувствіе зрителя, то за свой героизмъ, то за свои страданія, то за свою иниціативу, но также встрѣчаетъ неодобреніе, критику, если дѣйствія героя вытекаютъ изъ необдуманности, недалекости, несдержанности. Такимъ образомъ, драма можетъ являться или драмой въ собственномъ смыслѣ, то комедіей, то трагедіей, во всѣхъ своихъ частяхъ или въ нѣкоторыхъ, приближаясь тѣмъ къ естественнымъ обстоятельствамъ и событіямъ жизни, допускающей подобные варіанты. Классическіе образцы драмъ и трагедій представляютъ собою чистые образцы главныхъ психологическихъ состояній и страстей, а новѣйшая драма поставляетъ всесторонніе примѣры психическихъ задачъ въ индивидуальныхъ проявленіяхъ, — въ психологическихъ и жизненныхъ раритетахъ, гдѣ представлено не только главное, но и побочное и даже рѣдкостное, подобно рѣдкостямъ въ мірѣ музыки или въ другихъ проявленіяхъ жизни. Новѣйшая драма систематически выставляетъ человѣка во всемъ его индивидуализмѣ и разнообразіи. Въ особенности геніемъ Шекспира поставлены точно на показъ всякія жизненныя сцены, нарисована борьба *всѣхъ* страстей, при всевозможныхъ чертахъ характера, и даже при *неправильныхъ* характерахъ, показана жизнь въ дѣйствіяхъ. Показана и любовь и ревность, и гнѣвъ при утрированномъ (преувеличенномъ) появленіи страстей, напримѣръ при крайней индивидуальной чувствительности, которая преувеличиваетъ и торопитъ событія, мѣшая вдумчивости и выжиданію (Ромео и Джульета) или изображено дѣйствіе и дѣятельность человѣка съ психологическими недостатками (трагизмъ умнаго, но слабовольнаго Гамлета); словомъ, — человѣкъ изображенъ во всей психологической систематичности и полнотѣ и во всемъ жизненномъ разнообразіи. Особенную заслугу Шекспира составляетъ подробность и индивидуальность его творческаго таланта, который далъ ему возможность показать, какимъ образомъ черты характера человѣка, еще нормально дѣйствующія при обычныхъ условіяхъ, становятся опасными и предательскими при своемъ крайнемъ напряженіи: будь Ромео чуть-чуть терпѣливѣе и сдержаннѣе, онъ не убилъ бы себя такъ быстро и имѣлъ бы

шансы дождаться пробужденія Джульеты, на время усыпленной дружеской и заботливой рукой, но его погубила *сила* и *пылъ* его любви, приведшей его въ отчаяніе уже при первомъ взглядѣ на бездыханную, казалось, его супругу. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что въ психологическихъ особенностяхъ самой постройки характера человѣка кроются тайныя причины будущаго драматизма или трагичности его жизненной судьбы, а не въ одной внѣшней средѣ или жизненной обстановкѣ. Таково то великое *новое,* какое внесено геніемъ Шекспира въ теорію и практику драматической поэзіи.

По слѣдамъ Шекспира пошли позднѣйшіе авторы и между ними нашъ великій поэтъ Пушкинъ. Объ этомъ самымъ положительнымъ образомъ говоритъ самъ Пушкинъ. «Нашему театру, читаемъ у него, приличнѣе неожиданные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай драмы Расина». Руководясь такими взглядами, Пушкинъ подражалъ Шекспиру въ «вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простоты». Наше образованное общество изъ среды литераторовъ оцѣнило поэтому драму Пушкина уже при первомъ чтеніи ея самимъ Пушкинымъ въ Москвѣ. Пушкинъ былъ новаторомъ въ Шекспировскомъ духѣ, глубоко и проникновенно усвоилъ творческую манеру и духъ Шекспира. Оцѣнивая иниціативу Шекспира и слѣдуя ей, Пушкинъ создалъ свою трагедію «Борисъ Годуновъ». Самъ Пушкинъ смотрѣлъ на свою трагедію, какъ на разумную пробу того, какъ слѣдуетъ писать трагедіи. «Успѣхъ или неудача моей трагедіи, говорилъ онъ, будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе нашей драматической системы». Хотя Пушкинъ описывалъ дѣйствія и характеръ историческаго лица недалекой отъ насъ эпохи, и даже смотрѣлъ на событія и изображалъ художественные факты, созданные его творческой фантазіей, черпая при этомъ свое вдохновенное проникновеніе не въ *исторіи,* а въ *психологіи,* но психологическая проницательность дала ему силу раскрывать смыслъ и значеніе историческихъ событій съ ихъ дѣятелями.

303. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

ЭДИПЪ-ЦАРЬ.

Трагедія Софокла.

Выдающаяся классическая трагедія древней Греціи, Эдипъ Царь, даетъ типичную драму античнаго міра. Въ трагедіи той эпохи, рядомъ съ борьбой лучшихъ и худшихъ личныхъ свойствъ героя, и съ вліяніемъ на судьбу человѣка внѣшнихъ условій природы и — дѣятельности другихъ людей, подавляя всѣ эти силы, проявлялось вліяніе тяготѣющаго надъ человѣкомъ рока, — предопредѣленной ему судьбы.

Трагедія Софокла дается здѣсь въ отрывкахъ.

Въ трагедіи участвуютъ:

Эдипъ.
Жрецъ.
Креонтъ.
Тиресій.
Іокаста.
Вѣстникъ изъ Коринфа.
Лаевъ пастухъ.
Слуга изъ дома Эдипа.
Хоръ фиванскихъ старцевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Фивахъ, въ мифическое время.

Сцена представляетъ мѣсто передъ дворцомъ Эдипа, въ который ведутъ три двери. Передъ дворцомъ на жертвенникахъ курятся фиміамы и на ступеняхъ жертвенника сидятъ разнаго возраста фивяне съ молитвенными вѣтвями въ рукахъ и обнимаютъ жертвенники, прося у боговъ защиты. Со сцены ведетъ лѣстница въ оркестру, посрединѣ которой стоитъ увѣнчанный и курящійся жертвенникъ Діониса-Фимела. Въ оркестрѣ нѣтъ никого.

I.

Эдипъ. — О дѣти, Кадма древняго потомки,
Зачѣмъ сошлись вы къ симъ мѣстамъ и съ вѣтвью
Молитвенной садитесь къ алтарямъ,
А городъ нашъ и жертвеннымъ куреньемъ
И вмѣстѣ пѣньемъ и стенаньемъ полонъ?

Отъ вѣстниковъ узнать я не хотѣлъ
И самъ пришелъ сюда, о дѣти, я,
Извѣстный всѣмъ, прославленный Эдипъ,
Но ты, старикъ, скажи (тебѣ прилично
Всѣхъ прежде слово молвить), вы зачѣмъ
Собрались здѣсь? Иль вы чего боитесь,
Иль просите? Скажи, и я исполню.
Безъ сердца былъ бы я, когда бъ не тронулъ
Меня сей видъ молящихся людей.

Жрецъ. — Земли моей властитель, царь Эдипъ,
Ты видишь насъ, какіе мы собрались
У алтарей твоихъ. Вотъ здѣсь птенцы,
Еще безсильные летать далеко,
А тамъ лѣтами отягченный старецъ,
Жрецы, и я, жрецъ Зевса, и толпа
Отборныхъ юношей...

. . . . . .

Какъ видишь самъ, взволнованъ городъ весь;
Не можетъ онъ главы поднять изъ безднъ
Волны кровавой; гибнетъ плодъ земной,
И мрутъ стада, и роды женъ безплодны.
Огнемъ палящій богъ, ужасный моръ,
На городъ нашъ стремительно низвергся.
Пустѣетъ Кадма домъ, а черный адъ
Стенаньями и плачемъ богатѣетъ.

. . . . . .

Теперь, о дорогой намъ всѣмъ Эдипъ,
Пришли къ тебѣ мы съ просьбой и мольбою:
Найди намъ средство, гласу ль бога внявъ,
Иль знаешь какъ-нибудь отъ человѣка.

. . . . . .

Иди, о лучшій изъ людей, иди,
Заботою своей воздвигни городъ.

. . . . . .

Какъ прежде ты счастливою судьбой
Далъ счастье намъ, такимъ же будь теперь
И если, какъ теперь, царемъ ты будешь
Надъ этою землей, то лучше быть
Царемъ людей, а не страны пустой.

. . . . . .

Эдипъ. — О дѣти бѣдныя, извѣстно мнѣ,
Не безызвѣстно все, за чѣмъ пришли вы.
Я знаю, что вы всѣ больны, но, дѣти,
Никто изъ васъ не боленъ такъ, какъ я:

Лишь за себя страдаетъ каждый въ васъ,
Душа жъ моя и за меня страдаетъ,
И за тебя, за весь народъ болитъ.
Не спящаго отъ сна вы разбудили,
Нѣтъ, знайте, много я скорбѣлъ и плакалъ,
И путь большой заботы ужъ прошелъ.
Что могъ одно придумать въ долгой думѣ,
То сдѣлалъ я, и сына Менекея,
Креонта, зятя моего въ пифійскій
Домъ Феба я послалъ, чтобы онъ спросилъ,
Какимъ я словомъ или дѣломъ городъ
Изъ этой бездны золъ могу извлечь.
. . . . . .

(Юноши указываютъ въ лѣвую отъ зрителя сторону, откуда приходили на сцену люди, прибывающіе изъ чужбины).

II.

Возвращеніе Креонта съ *отвѣтомъ оракула*.

Хоръ. — Моленіе къ Аѳинѣ, Апполону и Артемидѣ спасти городъ.

Жрецъ. — Какъ кстати ты сказалъ! Ужъ вотъ они
Мнѣ возвѣщаютъ, что Креонтъ идетъ.
Эдипъ. — О Аполлонъ! когда бъ спасенья свѣтъ
Принесъ онъ такъ, какъ свѣтелъ онъ очами.
Жрецъ. — Какъ кажется, онъ съ радостью идетъ;
Когда бъ не такъ, вѣнчать главу свою
Не сталъ бы онъ лавровыми вѣтвями.
Эдипъ. — Узнаемъ скоро. Близко онъ и рѣчь
Его мы можемъ ужъ внимать. О князь,
Мой родственникъ, сынъ Менекея славный,
Какое слово бога намъ несешь ты?
Креонтъ. — Хорошее: когда конецъ счастливъ,
Тогда и тяжкое ведетъ ко счастью.
Эдипъ. — Какое жъ это слово? Изъ того,
Что ты сказалъ, нельзя вѣдь мнѣ пока
Ни смѣлымъ быть, ни ощущать боязнь.
Креонтъ. — Сказать готовъ. При всемъ ли здѣсь народѣ
Сказать велишь, или войти намъ въ домъ?
Эдипъ. — Скажи при всѣхъ! За нихъ вѣдь я страдаю,
Сильнѣй и больше, чѣмъ за жизнь свою.
Креонтъ. — Такъ я скажу, что слышалъ я отъ бога,

Велѣлъ намъ ясно Фебъ, о царь, изгнать
Страны позоръ, воспитанный въ самой
Странѣ, а не питать неизлѣчимый.
Эдипъ. — Какое жъ зло? И какъ его очистить?
Креонтъ. — Изгнать, иль кровью кровь омыть опять,
Затѣмъ, что кровь волнуетъ городъ нашъ.
Эдипъ. — Судьбу какого мужа богъ вѣщаетъ?
Креонтъ. — О царь, у насъ до твоего прихода
Былъ прежде Лай властитель всей земли.
Эдипъ. — По слуху знаю, не видалъ его.
Креонтъ. — Теперь намъ ясно богъ велитъ казнить
Людей, которые его убили.
Эдипъ. — Но гдѣ жъ они? И какъ найдемъ теперь
Слѣдъ тайный давняго ужъ преступленья?
Креонтъ. — Въ странѣ самой, — такъ богъ сказалъ. Что ищешь
Найти легко; лишь то сокрыться можетъ,
О чемъ заботы мы не прилагаемъ.
Эдипъ. — Въ домахъ ли здѣсь, иль въ полѣ гдѣ-нибудь,
Или въ странѣ чужой убитъ былъ Лай?
Креонтъ. — Пошелъ онъ въ Дельфы, — богъ сказалъ, — и къ дому
Съ тѣхъ самыхъ поръ ужъ онъ не возвращался.
Эдипъ. — Съ нимъ спутникъ не былъ ли какой, иль вѣстникъ,
Чтобъ отъ него узнать намъ можно было?
Креонтъ. — Погибли всѣ, одинъ лишь спасся бѣгствомъ,
И тотъ не могъ намъ ничего сказать
О томъ, что видѣлъ онъ; лишь...
Эдипъ. — Что жъ это? вѣдь одно ужъ можетъ насъ
Ко многому вести; малѣйшій только бъ
Надежды слѣдъ намъ удалось найти.
Креонтъ. — Онъ говорилъ, что не одной рукой,
А цѣлою толпой воровъ былъ Лай убитъ.
Эдипъ. — Но какъ могъ воръ столь дерзкимъ быть,
Когда бъ отсюда онъ подкупленъ не былъ.
Креонтъ. — Такъ думали. Но Лай когда погибъ,
Въ бѣдахъ никто защитой не былъ намъ.
Эдипъ. — Какая же бѣда мѣшала вамъ,
Когда вашъ царь погибъ, узнать все дѣло?
Креонтъ. — Загадочныя пѣсни Сфинкса намъ
На близкую бѣду смотрѣть велѣли,
А не искать того, что далеко.
Эдипъ. — Но я все самъ раскрою это снова.
Достойно Фебъ, и ты равно достойно,

Заботу приняли о томъ убитомъ.
Соратникомъ меня узрите вы
И за страну, и вмѣстѣ съ тѣмъ за бога.
И не друзей далекихъ только тѣмъ,
Но и себя я отъ бѣды спасу.
Вѣдь кто убилъ его, тотъ также скоро
Меня убить захочетъ той рукой.
Его убійцѣ мстя, себя спасаю.
Скорѣй же, дѣти, встаньте вы съ ступеней,
Молитвы вѣтви поднимите вверхъ.
Одинъ изъ васъ пусть соберетъ народъ.
Я волю бога совершить готовъ:
Иль счастье богъ намъ шлетъ или погибель.

Жрецъ. — Такъ встанемъ, дѣти. Мы зачѣмъ пришли,
То намъ обѣщано. Да придетъ Фебъ,
Пророчество сіе пославшій богъ,
Спасти и отъ болѣзни насъ избавить.

(Всѣ уходятъ. Хоръ старцевъ, представляющій собою вѣче фивское, входитъ въ оркестру справа, приближается къ фимелѣ и дѣлаетъ около нея разныя движенія).

Хоръ. — О сладкогласное Зевсово слово! въ свѣтлыя Фивы
Изъ золотого что принесло ты Пифона?
Страшно мыслью смущенъ я и въ трепетъ повергнутъ
боязнью,
О исцѣлитель, Делосскій Пеанъ.
. . . . . .
Прежде тебя призываю, богиня Афина, дочь Зевса,
И Артемиду, держащую землю,
Что возсѣдаетъ на славномъ престолѣ на площади фивской.
Также тебя, далеко попадающій Фебъ.
Іо! Іо!
Три защиты отъ смерти явитесь.
Если и прежде на городъ низвергшейся пагубы пламя
Вы удалили, придите и нынѣ.

Моимъ страданьямъ нѣтъ числа,
Народъ мой весь, о боги, боленъ,
. . . . . .
Потерямъ нашимъ нѣтъ числа;
Отъ нихъ нашъ городъ погибаетъ.
Смертоносные трупы лежатъ безъ призора.
Съ разныхъ сторонъ собрались къ алтарямъ
Всѣ сѣдовласыя матери, жены,

Съ воплемъ отъ бѣдъ избавленія просятъ.
Слышенъ громкій пеанъ,
Вмѣстѣ съ нимъ раздаются согласно рыданья.
Зевса дочь золотая! Пошли намъ
Отъ бѣдъ защиту и спасенье!

. . . . . .

(При послѣднихъ словахъ выходитъ Эдипъ. Хоръ, окончивъ пѣніе, располагается у фимелы. Выше другихъ, на ступеняхъ фимелы, стоитъ корифей хора, который отъ лица хора разговариваетъ съ Эдипомъ).

III.

. . . . . .

Эдипъ. — Теперь, въ числѣ гражданъ недавно числясь,
Я всѣмъ потомкамъ Кадма объявляю:
Чтобъ тотъ изъ васъ, кто знаетъ отъ кого
Погибъ Лабдаковъ сынъ, мнѣ все сказалъ.
И если самъ себя кто обвинить
Боится, избѣгая наказанья,
Пусть знаетъ тотъ: бѣды другой терпѣть
Не будетъ онъ, но невредимъ страну
Оставитъ. Если жъ кто убійцу знаетъ,
Пусть не молчитъ, укажетъ пусть, и я
Награду дамъ и буду благодаренъ.
. . . . . .
Кто бъ ни былъ этотъ человѣкъ, его
Во всей странѣ, которой я владѣю,
Я запрещаю принимать; пусть съ нимъ
Никто не молвитъ слова, пусть къ молитвѣ
Общественной его не допускаютъ,
Ни къ жертвамъ, ни къ чистительной водѣ;
И отъ домовъ его пусть гонятъ всѣ,
Затѣмъ, что въ немъ заразы вся причина,
Какъ мнѣ пифійскій богъ сказалъ недавно.
. . . . . .
Пусть злой злосчастно жизнь окончитъ онъ.
Обѣтъ даю и самъ снести все то,
Чѣмъ имъ грозилъ недавно, если бъ онъ
Въ дому моемъ жильцомъ открылся такъ,
Чтобъ зналъ я самъ. А васъ прошу все сдѣлать
Для бога, для меня и для страны,
Которая въ безплодьи гибнетъ вся,

. . . . . .

Теперь, когда я власть имѣю ту,
Что прежде онъ имѣлъ, когда владѣю
Его женой и ложемъ, и затѣмъ
Дѣтей имѣли бъ общее рожденье,
Когда бы посчастливилось ему
Имѣть дѣтей; теперь, когда судьба
Ударила въ его главу, я долженъ
Такъ ратовать, какъ будто за отца,
И все исправить, чтобы отыскать
Виновника убійства, отъ кого
Погибъ Лабдака сынъ и Полидора,
И Кадма древняго и Агенора.

. . . . . .

Хоръ (за хоръ говоритъ корифей). —
Когда меня связалъ проклятьемъ ты,
Такъ, царь, скажу: и самъ я не убилъ
И показать убійцу не могу.
Оракулъ намъ пославшій Фебъ былъ долженъ
Рѣшить вопросъ, кто совершилъ убійство.

Эдипъ. — Сказалъ ты правду; но боговъ принудить,
Имъ вопреки, не можетъ человѣкъ.

Хоръ. — И во-вторыхъ, еще бъ одно сказалъ я...

Эдипъ. — Когда бъ и третье было, не смолчи.

Хоръ. — Извѣстно мнѣ, что царственному Фебу
Всѣхъ ближе знаньемъ царственный Тиресій, —
Его бъ спросить: узнали бъ дѣло ясно.

Эдипъ. — И это по словамъ Креонта сдѣлалъ;
Ужъ двухъ пословъ за нимъ отправилъ я;
Дивлюсь, что онъ давно уже не здѣсь.

Хоръ. — А всѣ преданья стары и темны.

Эдипъ. — Какія жъ это? Надо всѣ мнѣ знать.

Хоръ. — Онъ умеръ отъ прохожихъ, говорили.

Эдипъ. — И я то слышалъ, но никто не видитъ
Свидѣтеля.

Хоръ. — Но если хоть частичку
Имѣетъ страха онъ, твои проклятья
Услышавъ, медлить онъ не станетъ больше.

Эдипъ. — Кому не страшно дѣло, тотъ предъ словомъ
Не содрогнется.

Хоръ. — Вотъ и обличитель.
Ведутъ сюда пророка вѣщуна;
Ему лишь изъ людей открыта правда.

IV.

. . . . . .

Эдипъ (къ Тиресію). — Ты знаешь путь. Спаси себя и городъ,
Спаси меня, и казнь за мертваго
Ты отврати отъ города родного.
Въ тебѣ — мы всѣ: помочь же человѣку
Чѣмъ можетъ кто, прекрасный плодъ труда.

Тиресій. — Увы, увы! Когда нѣтъ пользы въ знаньи,
Какъ непріятно знать. Вѣдь зналъ я это...
Забылъ, а то бъ сюда я не пришелъ.

Эдипъ. — Зачѣмъ печаленъ ты? Что это значитъ?

Тиресій. — Домой пусти меня, свою судьбу
И ты, и я мы легче понесемъ,
Когда меня послушаешься ты.

. . . . . .

Эдипъ. — Нѣтъ, именемъ боговъ тебя всѣ молимъ
Не скрыть отъ насъ того, что знаешь самъ.

Тиресій. — Безумны вы! Нѣтъ! Слова моего
Сказать я не рѣшусь, чтобы тебѣ
Твоихъ злосчастныхъ дѣлъ не обнаружить.

Эдипъ. — Что молвилъ ты? Не скажешь ты, что знаешь?
Такъ хочешь насъ и городъ погубить!

Тиресій. — Тебя спасти хочу отъ огорченья
И вмѣстѣ съ тѣмъ себя; зачѣмъ еще
Толкуешь ты? Сказать — я не скажу.

. . . . . .

Эдипъ. — Кто бъ воздержаться могъ отъ гнѣва, слыша,
Какъ мало ты родной свой городъ чтишь!

. . . . . .

Тиресій. — Ни слова больше не скажу; пылай,
Пожалуй, самымъ дикимъ гнѣвомъ ты.

Эдипъ. — Свой гнѣвъ удерживать не буду я,
Затѣмъ, что вижу все. Такъ знай, что ты
Мнѣ кажешься участникомъ злодѣйства...

. . . . . .

Тиресій. — .....Затѣмъ, что ты несчастьемъ осквернилъ
Страну, и бѣдъ ея ты всѣхъ причина!

Эдипъ. — Безстыдно такъ, какъ могъ ты слово бросить?
Куда спасешься ты?

Тиресій. — Но я спасенъ:
Я силу истины въ себѣ ношу.

Эдипъ. — Виною словъ твоихъ, конечно, не искусство,
По чьимъ же говорилъ внушеньямъ ты?

. . . . . .

Не съ тѣмъ, чтобы извѣстное услышать,
Я повторить прошу.

Тиресій. — Я повторю!
Что ты убійца тотъ, кого ты ищешь.

. . . . . .

Скажу, что ты не знаешь, какъ сквернишь
То, что тебѣ всего на свѣтѣ ближе,
Что ты не видишь, какъ велико зло.

Эдипъ. — Что жъ думаешь? Всегда такія вещи
Себѣ на радость будешь говорить?

Тиресій. — Когда есть сила въ истинѣ, конечно.

Эдипъ. — Конечно, есть, но ты ея лишенъ.
Въ тебѣ той силы нѣтъ, затѣмъ что слѣпъ
Глазами ты, и ухомъ и умомъ.

Тиресій. — Несчастный! Оскорблять все хочешь ты,
А скоро, скоро ни одинъ изъ этихъ
Тебя безъ оскорбленья не оставитъ.

. . . . . .

Эдипъ. — Креонтъ придумалъ это, или ты?

Тиресій. — Ты самъ себѣ бѣды свои создалъ,
А не Креонтъ.

Эдипъ. — Богатство, власть и умъ
Побѣдоносный въ жизненной борьбѣ,
Какую возбуждаете вы зависть...

. . . . . .

И ты меня изгнать отсюда хочешь,
Надѣясь близко стать къ Креонта трону...
Поплатитесь, какъ кажется, слезами
И ты, и тотъ, кто это приготовилъ;
Когда бъ не старикомъ тебя я видѣлъ,
То съ болью бъ понялъ ты, что ты задумалъ.

. . . . . .

Тиресій. — Хоть ты и царь, но тѣмъ же отвѣчать
Имѣю я одно съ тобою право.
Я Локсію служу, а не тебѣ;
Защиты мнѣ Креонтовой не нужно.
Скажу тебѣ, затѣмъ, что слѣпотой
Меня ты попрекнулъ: хоть ты и смотришь,
Но бѣдъ твоихъ всей мѣры ты не видишь,
Ни гдѣ живешь, ни съ кѣмъ живешь, не знаешь.
Хоть знаешь ли, кто твой отецъ, кто мать?
Своимъ ты врагъ безъ вѣдома, безъ воли,

И тѣмъ, что тамъ, и тѣмъ, что на землѣ.
Отца и матери изъ сей земли
Проклятье страшное тебя погонитъ.
И скоро свѣтъ твоихъ очей затмится,
И огласятся берега стенаньемъ,
На Киферонѣ крикъ отдастся твой,
Когда поймешь, въ какой вступилъ ты бракъ.
Пловецъ, счастливо море переплывъ,
Напрасно ты искалъ въ семъ домѣ мѣста,
Гдѣ бъ твой корабль поставить безопасно.
Не чувствуешь другихъ ты бѣдъ толпу,
Которыя тебя съ собой сравняютъ
И равнымъ сдѣлаютъ дѣтямъ твоимъ.
Теперь лицо Креонта и мое
Ты оскорбляй! Изъ смертныхъ вѣдь никто
Не будетъ странно такъ казненъ, какъ ты.

. . . . . .

Эдипъ. — Слова твои загадочны, неясны.
Тиресій. — Вѣдь мастеръ ты загадки разрѣшать.
Эдипъ. — Брани за то, чѣмъ я великъ.
Тиресій. — Удача та тебя и погубила.
Эдипъ. — Пусть такъ! Зато я городъ этотъ спасъ.
Тиресій. — Я ухожу; веди меня, ты, мальчикъ!
Эдипъ. — Пусть уведетъ; ты только здѣсь смущаешь,
Вдали жъ не будешь больше раздражать.
Тиресій. — Я ухожу, но то, зачѣмъ пришелъ,
Безъ страха предъ твоимъ лицомъ скажу:
Меня вѣдь погубить не властенъ ты.
Такъ слушай же: тебѣ я говорю,
Что человѣкъ, котораго ты ищешь
Давно съ угрозой, какъ убійцу Лая,
Онъ здѣсь, — и, по словамъ, чужой пришелецъ,
Окажется фиванцемъ онъ природнымъ;
Но радость не сулитъ ему судьба.
Изъ зрячаго слѣпой и изъ богатства
Пойдетъ онъ бѣднякомъ въ чужую землю,
И путь свой посохомъ искать онъ станетъ.
Окажется, что дѣтямъ онъ своимъ
Отецъ и братъ, и матери своей
И сынъ и мужъ, что, умертвивъ отца,
На ложе брачное его взошелъ.
Иди теперь домой, обдумай это,
И если ты найдешь, что я солгалъ,
Тогда скажи, что нѣтъ во мнѣ искусства.

(Тиресій и Эдипъ уходятъ. Хоръ начинаетъ опять двигаться около фимелы и поетъ свою пѣсню).

Хоръ. — Кто кровожадной рукой совершилъ несказанное дѣло?
Назвалъ кого пророческій камень дельфійскій?
.....
Страшно меня, страшно смутилъ мудрый пророкъ
Вѣрить ему? Или не вѣрить?
Что мнѣ сказать, я не знаю.
Что теперь, и что было, не вижу
И надежды невѣрной боюсь.
.....

V.

(Креонтъ входитъ изъ лѣвой боковой двери дворца)

Креонтъ. — Узнавъ, о граждане, что царь Эдипъ
Словами сильными меня поноситъ,
Не могъ я вынесть и сюда пришелъ.
Когда при нынѣшнихъ несчастьяхъ нашихъ,
Онъ думаетъ, что словомъ или дѣломъ
Я вредъ и скорбь ему хотѣлъ нанесть,
То жизнь не можетъ быть ужъ мнѣ пріятна,
Когда съ такой мнѣ славой жить придется.
.....
Хоръ. — Намъ кажется, что это оскорбленье
Скорѣе гнѣвомъ внушено, чѣмъ мыслью.
Креонтъ. — И онъ сказалъ, что по моимъ совѣтамъ
Пророкъ здѣсь лживыя слова промолвилъ?
Хоръ. — Сказалъ! Съ какою мыслью, я не знаю.
Креонтъ. — Смотрѣлъ ли прямо онъ и прямо ль думалъ,
Когда онъ мнѣ упрекъ подобный дѣлалъ?
Хоръ. — Не знаю. Не сужу дѣла царей...
Но вотъ и самъ выходитъ онъ изъ дома.
(Эдипъ выходитъ изъ главной двери дворца).
Эдипъ. — Ты здѣсь? Какъ ты осмѣлился прійти?
Ужели такъ твое лицо безстыдно,
Что можешь ты въ мой домъ войти,
Убійцей человѣка оказавшись,
И посягателемъ на власть мою?
.....
Креонтъ. — .....Какъ можетъ быть, чтобы кто предпочелъ
Со страхомъ властвовать, чѣмъ спать безъ страха,
Имѣя ту же власть. По царски жить
Съ моей природою согласно больше,

Чѣмъ быть царемъ; такъ думать долженъ всякій,
Кто только разсуждать умѣетъ здраво.
. . . . . .
Такъ можетъ ли мнѣ царство быть пріятнѣй,
Когда безъ горя силу я имѣю?
Не такъ еще недальновиденъ я,
Чтобы желать не то, въ чемъ польза есть.
. . . . . .
Къ пифійскому оракулу отправься,
И тамъ узнаешь, что его отвѣтъ.
. . . . . .
А такъ не обвиняй по подозрѣнью.
Дурныхъ хорошими и добрыхъ злыми
Считать равно несправедливо будетъ.
Вѣдь друга кто хорошаго теряетъ,
Все то же, что теряетъ жизнь свою,
Которая ему всего дороже.
Современемъ узнаешь ясно все:
Одно лишь время честность человѣка
Намъ можетъ показать, а зло и ложь
Въ одинъ ужъ даже день узнать ты можешь.

Хоръ. — Для всякаго, кто пасть боится, царь,
Онъ хорошо сказалъ; кто скоръ на мысль,
Тотъ безопасенъ быть всегда не можетъ.

Эдипъ. — Когда тайкомъ мнѣ козни строятъ скоро,
То долженъ я быть скоръ въ моихъ рѣшеньяхъ.
Спокойно жъ если ждать — ему успѣха,
А мнѣ напрасный трудъ.

Креонтъ. — Что жъ хочешь ты?
Ужели выгнать изъ страны меня?

Эдипъ. — О нѣтъ. Я не хочу, чтобъ ты бѣжалъ:
Хочу, чтобъ умеръ ты.

Креонтъ. — Согласенъ я.
Когда покажешь мнѣ ты преступленье

Хоръ. — Пора ужъ кончить вамъ князья, вотъ кстати
Идущую сюда Іокасту вижу,
Которая вашъ споръ должна уладить.

VI.

. . . . . .

Іокаста. — Скажи мнѣ, о царь, молю богами,
Что такъ тебя озлобило теперь?

Эдипъ. — Скажу; тебя, жена, я больше чту,

Чѣмъ ихъ. Креонтъ причина озлобленья:

. . . . . .

Меня убійцей Лая называетъ.

Іокаста. — То знаетъ самъ, иль отъ другихъ онъ слышалъ?

Эдипъ. — Онъ подослалъ гадателя злодѣя,
А самъ отвѣтственность слагаетъ.

Іокаста. — Теперь, оставивъ, что сказать хотѣлъ,
Послушай ты меня и научись,
Что мудрости пророческой родъ смертныхъ
Причастенъ мало. Силу словъ моихъ
Признаешь самъ. Вотъ выслушай меня:
Когда-то Лаю было предсказанье,
Я не скажу — отъ Феба самого,
Но отъ служителя его то было:
Отъ сына будто бы ему родного,
Который отъ меня ему родится,
Судьба опредѣлила умереть.
И вотъ чужіе воры на распутьи,
Гдѣ три дороги разныя сошлись,
Его убили, какъ молва гласитъ.
А сынъ его не росъ у насъ трехъ дней.
Связавъ ребенку ноги, онъ отдалъ
Чужой рукѣ его въ пустынѣ бросить,
Не сдѣлалъ богъ его отцеубійцей,
И Лаю смерть послалъ не черезъ сына,
Чего боялся онъ по предсказанью.
Вотъ что слова пророковъ назначали,
А ты на нихъ не обращай вниманья,
Легко откроетъ самъ, что богъ захочетъ.

Эдипъ. — Что отъ тебя, жена, теперь я слышалъ,
Волнуетъ серце мнѣ и мысль смущаетъ.

Іокаста. — Что такъ могло встревожить душу?

Эдипъ. — Вѣдь такъ, мнѣ кажется, сказала ты,
Что Лай на мѣстѣ былъ такомъ убитъ,
Гдѣ три дороги разныя сходились?

Іокаста. — Тогда такъ говорили, и потомъ
Молва нисколько здѣсь не измѣнилась.

Эдипъ. — Но гдѣ жъ, гдѣ мѣсто это, мнѣ скажи,
Въ какой странѣ несчастье совершилось?

Іокаста. — Страна Фокидою зовется та;
Изъ Дельфъ и Давліи идутъ дороги,
Которыя распутье образуютъ.

Эдипъ. — А сколько времени тому прошло?

Іокаста. — Немного прежде въ городъ вѣсть пришла,

Чѣмъ ты земли властителемъ явился.
Эдипъ. — О Зевсъ! Что хочешь ты со мною сдѣлать?
Іокаста — Что такъ встревожило твой духъ, Эдипъ?
Эдипъ. — Не спрашивай. Скажи о Лаѣ мнѣ:
Какихъ онъ лѣтъ, каковъ онъ видомъ былъ?
Іокаста. — Онъ ростомъ былъ великъ; его глава
Сѣдинами лишь стала покрываться;
Лицомъ же онъ и станомъ отъ тебя
Не много отличался.
Эдипъ. — О, я несчастный!
Какъ вижу, я не зналъ, что самъ себя
Ужасному проклятью предалъ!
Іокаста. — Что молвилъ ты? Какъ страшно мнѣ, о царь!
Я на тебя боюсь теперь взглянуть.
Эдипъ. — Боюсь, чтобы пророкъ тотъ зрячій не былъ...
Сказавъ еще одно, яснѣй покажешь.
Іокаста. — Боюсь и я; но, просишь что, скажу.
Эдипъ. — Пошелъ ли онъ съ немногими иль многихъ
Сопутниковъ имѣлъ, какъ мужъ властитель?
Іокаста. — Всѣхъ было пять, и въ томъ числѣ глашатай;
Но колесницу Лай имѣлъ одну..
Эдипъ. — О горе мнѣ! Теперь все ясно стало.
Кто жъ вамъ все это разсказалъ, жена?
Іокаста. — Слуга, который лишь одинъ и спасся.
Эдипъ. — Не въ домѣ ли, не здѣсь ли онъ теперь?
Іокаста. — Давно ужъ нѣтъ. Какъ воротился онъ
И видѣлъ, что имѣешь власть ужъ ты,
А Лай погибъ, — онъ руку взявъ мою,
Молилъ послать его въ поля къ стадамъ,
Чтобъ быть ему отъ города подальше.
Его послала я. Какъ рабъ, онъ былъ достоинъ
И большую награду получить.
Эдипъ. — Когда бъ онъ къ намъ сюда пришелъ скорѣй!
Іокаста. — Не трудно сдѣлать то. Но для чего?
Эдипъ. — Боюсь, жена, не слишкомъ ли ужъ много
Мнѣ сказано о томъ, зачѣмъ его
Хочу я видѣть?
Іокаста. — Онъ придетъ сейчасъ.
Но мнѣ прилично тоже, царь, узнать,
Что мучитъ такъ тебя и безпокоитъ?
Эдипъ. — Когда къ такой надеждѣ я пришелъ,
Тебѣ все надо знать. Въ такой бѣдѣ
Кому жъ скорѣй сказать, какъ не тебѣ?
Отецъ мой былъ коринфянинъ Полибъ,

Дорійка мать Меропа, и считался
Изъ гражданъ тамошнихъ знатнѣйшимъ я
До той поры, когда со мной былъ случай,
Достойный, правда, удивленья всѣхъ,
Но недостойный ревности моей.
Разъ на пиру какой-то опьянѣвшій
Сказалъ, что я отцу не сынъ родной.
Хоть разсердился я, но снесъ въ тотъ день;
Назавтра я отца и мать спросилъ.
Они сердились на того, кто слово
Неосторожно обронилъ. Ихъ рѣчью
Тогда я былъ утѣшенъ, но глубоко
Запало слово и меня смущало.
Тайкомъ отъ матери и отъ отца
Къ пифійскому оракулу пошелъ,
Но Фебъ меня отвѣтомъ не почтилъ
На мой вопросъ, но многія страданья,
Несчастья странныя мнѣ предвѣщалъ:
Что ложе съ матерью я раздѣлю,
Что людямъ ненавистное потомство
Увидѣть дамъ, и что убійцей буду
Отца родившаго меня. И я
Услышавъ то, бѣжалъ земли Коринфской,
Туда свой путь по звѣздамъ направляя,
Гдѣ бъ исполненья страшныхъ предсказаній
Не могъ я видѣть, мнѣ вѣщавшихъ горе.
Такъ на пути зашелъ я въ тѣ мѣста,
Въ которыхъ, говоришь, убитъ былъ Лай.
И я тебѣ, жена, скажу всю правду.
Когда былъ близко я того распутья,
Тутъ встрѣтился глашатай мнѣ и мужъ,
На колесницѣ конной онъ сидѣлъ,
Точь въ точь, такой, какъ ты мнѣ описала.
Съ дороги гналъ меня его возница
И самъ старикъ. Съ сердцовъ ударилъ я
Возницу, что меня съ дороги гналъ;
Старикъ же, видя то, минуту выждалъ,
Когда я мимо проходилъ и прямо
Бичемъ двойнымъ меня по головѣ
Ударилъ съ колесницы; но не такъ
Самъ заплатилъ: однимъ ударомъ палки
Вотъ этою рукою пораженный,
Скатился навзничь съ колесницы онъ.
Я всѣхъ убилъ. И если незнакомецъ

Тотъ съ Лаемъ какъ нибудь имѣетъ связь,
То — есть ли кто несчастнѣе меня
Богамъ кто бъ больше ненавистенъ былъ?
Согражданинъ меня въ свой домъ не приметъ,
Чужой не станетъ говорить со мной,
Но отъ порога гнать меня всѣ будутъ.
Никто другой, а самъ я на себя,
Проклятье это наложилъ я самъ.
Умершаго я ложе осквернилъ
Рукою той, которой онъ убитъ.
Не злой ли я, не вовсе ль я нечистый?
Бѣжать я долженъ и своихъ не видѣть,
Въ родную землю не входить, иль въ бракъ
Мнѣ съ матерью вступить, убить отца
Полиба, кѣмъ рожденъ и вскормленъ я.
Не правъ ли будетъ тотъ, кто объяснитъ
Суровымъ гнѣвомъ божества все это?
Нѣтъ, нѣтъ, о, всѣхъ боговъ святая сила,
Не дай ты мнѣ увидѣть этотъ день!
Пусть прежде я отъ глазъ людей сокроюсь,
Чѣмъ видѣть на себѣ такой позоръ.

. . . . . .

VII.

Іокаста. — (выходя изъ правой двери дворца съ фиміамами и молитвенной вѣтвью въ рукахъ).
Князья земли, родилась мысль мнѣ
Итти съ вѣнками и куреньемъ къ храму —
Молить боговъ. Рой цѣлый скорбныхъ мыслей
Эдипа духъ несчастно возмутилъ.

. . . . . .

Къ тебѣ ликійскій Аполлонъ, къ тебѣ, —
Ты ближе всѣхъ, — иду съ молитвой я,
Чтобъ ты сомнѣнье намъ рѣшилъ счастливо.
Мы въ страхѣ всѣ, затѣмъ, что въ страхѣ видимъ
Его, который правитъ кораблемъ.

Вѣстникъ. — (входитъ на сцену съ лѣвой отъ зрителя стороны, гдѣ лежитъ дорога, ведущая изъ чужбины).
Нельзя ли мнѣ отъ васъ узнать, друзья,
Гдѣ домъ царя Эдипа, гдѣ онъ самъ?

Хоръ. — (за хоръ говоритъ корифей).
Вотъ домъ, а самъ онъ, чужестранецъ, въ немъ.
А вотъ жена и мать его дѣтей.

Вѣстникъ. — Счастлива будь съ счастливыми всегда

Живи, когда ему супруга ты.

Іокаста. — И ты будь счастливъ, гость; достоинъ счастья
За доброе желанье ты; теперь скажи,
Зачѣмъ пришелъ, что хочешь возвѣстить?

Вѣстникъ. — И дому и супругу твоему
Вѣсть добрую принесъ, жена.

Іокаста. — Какую жъ?
И отъ кого пришелъ?

Вѣстникъ. — Я изъ Коринфа.
А что скажу, тебѣ пріятно будетъ,
А можетъ быть и огорчитъ тебя.

Іокаста. — Что жъ это, мнѣ скажи, и отъ чего
Двойную силу вѣсть твоя имѣетъ?

Вѣстникъ. — Тамъ говорили, что его царемъ
Земли Исфмійской жители поставятъ.

Іокаста. — Старикъ Полибъ не царствуетъ ужъ больше?

Вѣстникъ. — Нѣтъ, имъ уже во гробѣ смерть владѣетъ.

Іокаста. — Что ты сказалъ? Старикъ Полибъ ужъ умеръ?

Вѣстникъ. — Пусть я умру, когда сказалъ неправду.

Іокаста. — Что же ты, рабъ, скорѣе господину
Нейдешь сказать пророчества боговъ?
Что вы теперь? Боясь его убить,
Эдипъ съ нимъ встрѣчи избѣгалъ. А онъ
Не отъ него, но отъ судьбы погибъ.

. . . . . .

(Входитъ Эдипъ. Выслушавъ вѣстника).

Эдипъ. — Увы! И кто-жъ теперь, жена, посмотритъ
На жертвенникъ пифійскій иль на птицъ,
Кричащихъ въ высотѣ? Вотъ я былъ долженъ,
По предвѣщанью ихъ, убить отца:
Его ужъ мертваго земля покрыла,
А я вотъ здѣсь, не тронувши меча.

. . . . . .

Лежитъ Полибъ въ землѣ и взялъ съ собой
Пророчества ничтожныя, пустыя.

Іокаста. — Теперь не думай больше ты объ этомъ.

Эдипъ. — Но ложа матери какъ не бояться?

Іокаста. — Какая польза въ страхѣ человѣку,
Когда судьба сильнѣй всего надъ нимъ,
Когда ума предвѣдѣнье не ясно.

. . . . . .

Эдипъ. — Прекрасно было бъ все, что ты сказала,
Когда бъ ужъ не было въ живыхъ родившей.

. . . . . .

Отъ страха мнѣ нельзя свободнымъ быть.
Вѣстникъ. — Какая женщина вамъ страхъ внушаетъ?
Эдипъ. — Меропа, та съ которой жилъ Полибъ.
Вѣстникъ. — Какой же можетъ быть вамъ страхъ отъ ней?
Эдипъ. — Есть страшное пророчество отъ бога.
Вѣстникъ. — Его мнѣ можно ль знать или нельзя?
Эдипъ. — И очень. Локсій мнѣ сказалъ когда-то,
Что мнѣ судьба — отца родного кровь
Пролить моей рукой, что мать моя
Со мной раздѣлитъ ложе. Изъ Коринфа
Далеко я бѣжалъ по сей причинѣ.
То къ счастью было мнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ
Родившихъ очи зрѣть — большая сладость.
Вѣстникъ. — Такъ этого страшась, ты жилъ въ чужбинѣ?
Эдипъ. — Чтобъ мнѣ не быть, старикъ, отцеубійцей.
. . . . . .
Вѣстникъ. — Затѣмъ я и пришелъ, чтобъ быть счастливымъ,
Когда домой къ себѣ ты возвратишься.
Эдипъ. — Но я къ родителямъ не возвращусь.
Вѣстникъ. — Дитя, я вижу ясно, ты не знаешь,
Что дѣлаешь...
Эдипъ. — Какъ такъ, старикъ? Скажи!
. . . . . .
Вѣстникъ. — Не знаешь ты,
Что страху твоему нѣтъ основанья.
Эдипъ. — Какъ нѣтъ, когда отъ нихъ родился я?
Вѣстникъ. — Въ родствѣ съ тобой Полибъ нисколько не былъ.
Эдипъ. — Что ты сказалъ? Такъ я не сынъ Полиба?
. . . . . .
Вѣстникъ. — Да, такъ!
Такой же онъ тебѣ отецъ, какъ я.
Эдипъ. — Зачѣмъ же звалъ меня всегда онъ сыномъ?
Вѣстникъ. — Такъ знай, что принялъ онъ тебя въ подарокъ
Изъ рукъ моихъ.
Эдипъ. — Но могъ ли онъ такъ любить,
Когда онъ изъ рукъ чужихъ меня онъ принялъ?
Вѣстникъ. — Причиною была его бездѣтность.
Эдипъ. — А ты купилъ меня или нашелъ?
Вѣстникъ. — Нашелъ въ лѣсныхъ долинахъ Киферона.
Эдипъ. — Зачѣмъ пришелъ ты въ тѣ мѣста?
Вѣстникъ. — Надзоръ имѣлъ я тамъ въ горахъ за стадомъ.
Эдипъ. — Такъ пастухомъ ты тамъ наемнымъ былъ?
Вѣстникъ. — Я твой, дитя, спаситель былъ тогда.
Эдипъ. — Въ какомъ же ты меня нашелъ страданьи?

Вѣстникъ. — Суставы ногъ твоихъ могли бъ сказать.
Эдипъ. — Зло старое зачѣмъ напоминать?
Вѣстникъ. — Проколоты твои вѣдь были ноги;
Я развязалъ тебя.
Эдипъ. — Я страшный знакъ
Пеленокъ этихъ сохранилъ доселѣ.
Вѣстникъ. — И имя отъ того имѣешь,
Которымъ названъ. 1)
Эдипъ. — О, молю тебя,
Скажи, отецъ иль мать назвала такъ?
Вѣстникъ. — Не знаю я. Тебя кто отдалъ мнѣ,
Тотъ лучше долженъ знать, чѣмъ я.
Эдипъ. — Такъ развѣ ты меня взялъ отъ другого?
Не самъ нашелъ?
Вѣстникъ. — Другой пастухъ мнѣ далъ.
Эдипъ. — Кто жъ онъ? Не можешь ли назвать его?
Вѣстникъ. — Рабомъ онъ Лая называлъ себя.
Эдипъ. — Царя ли прежняго земли сей самой?
Вѣстникъ. — Да, именно; его онъ былъ пастухъ.
Эдипъ. — Но живъ ли онъ еще, чтобъ видѣть мнѣ?
Вѣстникъ. — Вамъ лучше можно знать, туземцамъ.
Эдипъ. — Не знаетъ ли изъ васъ кто пастуха,
О комъ онъ говоритъ, изъ предстоящихъ,
Не видѣлъ ли его въ поляхъ иль здѣсь?
Скажите, время ужъ всему открыться.
. . . . . .
Того не будетъ, чтобы я свой родъ
Найти не могъ по признакамъ такимъ.
Іокаста. — Молю тебя, оставь ты розыскъ этотъ,
Когда своей ты жизнью дорожишь.
Довольно и того, что я страдаю.
Эдипъ. — Не бойся, ты. Когда тройнымъ рабомъ
Отъ третьей матери я окажусь,
Достоинство твое все будетъ то же.
Іокаста. — Но я прошу, послушайся меня,
Не дѣлай этого!
Эдипъ. — Я не могу;
Я долженъ это ясно все узнать.
. . . . . .
Іокаста. — О, если бъ ты не могъ узнать, кто ты.
Эдипъ. — Пусть приведутъ сюда мнѣ пастуха.
Ее оставьте утѣшать себя

---

1) Эдипъ значитъ — человѣкъ съ распухшими, больными ногами.

Своимъ богатымъ родомъ.

Іокаста. — О несчастный!
Лишь такъ тебя могу теперь я звать:
Другого имени тебѣ не будетъ.

(Уходитъ).

Хоръ. — (говоритъ корифей).
Что значитъ, что жена ушла, Эдипъ,
Въ столь страшномъ горѣ? Я боюсь теперь,
Чтобъ изъ ея молчанья бѣдъ не вышло.

Эдипъ. — Пусть будутъ бѣды изъ того, но я
Хочу узнать свое происхожденье,
Какъ ни было бъ оно ничтожно, низко.
Какъ женщина, она высокомѣрна;
Мой низкій родъ ее приводитъ въ стыдъ,
А я себя Судьбы считаю сыномъ:
Пока она со мной, не буду презрѣнъ.
Судьба мнѣ мать, а мѣсяцы родные
Величія черту и униженья
Мнѣ провели. Таковъ родился я,
И никогда не выйду я другимъ,
Чтобъ мнѣ не знать свое происхожденье.

. . . . . .

Хоръ. — ....Цѣлитель Фебъ! Надежда наша
Да будетъ и тебѣ угодна.
Дитя мое! Кто твой отецъ?
Изъ вѣчныхъ кто далъ жизнь тебѣ?
Сошлась ли съ Паномъ горнымъ нимфа,
Иль съ Локсіемъ сошлася гдѣ?
Ему всѣ горъ вершины милы.
Киллены ль царь иль Вакхъ то былъ,
На высяхъ горъ живущій богъ?
Отъ нимфы ль онъ тебя родилъ,
Изъ геликонскихъ нимфъ одной,
Съ которыми играетъ часто?

VIII.

Очная ставка коринѳскаго вѣстника съ ѳивскимъ пастухомъ.

(Пастухъ показывается съ правой отъ зрителей стороны).

Эдипъ. — (къ Вѣстнику).
Тебя, коринѳскій гость, спрошу всѣхъ прежде,
Объ немъ ли ты намъ говорилъ?

Вѣстникъ. — Объ немъ.

Эдипъ. — (къ пастуху).
Такъ ты, старикъ, въ лицо смотри мнѣ прямо

И отвѣчай на то, о чемъ спрошу.
Ты Лаевъ былъ?
Пастухъ. — Его я былъ рабомъ;
Родился въ домѣ я, не купленъ былъ.
Эдипъ. — Что дѣлалъ ты? Какая жизнь была?
Пастухъ. — Ходилъ за стадомъ я по большей части.
Эдипъ. — Въ какихъ мѣстахъ ты больше обращался?
Пастухъ. — У Киферона и въ мѣстахъ окружныхъ.
Эдипъ. — (указывая на вѣстника).
Ты не знакомъ ли съ этимъ какъ-нибудь?
Пастухъ. — О комъ ты говоришь? И что за дѣло?
Эдипъ. — Объ этомъ вотъ, что здѣсь. Встрѣчалъ его?
Пастухъ. — Я въ скорости припомнить не могу.
Вѣстникъ. — Тутъ чуда нѣтъ, о царь, что онъ забылъ,
Но я сейчасъ ему напомню ясно.
Навѣрно знаю я, что помнитъ онъ,
Какъ мы у Киферона, я съ однимъ,
Съ двумя стадами онъ, три цѣлыхъ лѣта
Тамъ отъ весны и до Арктура вплоть
Сходились вмѣстѣ мы. Къ зимѣ я гналъ
Свои стада домой, а онъ свои
На скотный Лаевъ дворъ. Вѣдь было такъ,
Какъ говорю, иль нѣтъ?
Пастухъ. — Все правда это,
Хоть много времени прошло съ тѣхъ поръ.
Вѣстникъ. — Скажи теперь: ты помнишь ли, что тамъ
Ты далъ дитя на воспитанье мнѣ?
Пастухъ. — Что тамъ! Къ чему объ этомъ говорить?
Вѣстникъ. — (указывая на Эдипа).
Вотъ тотъ, который былъ тогда ребенкомъ.
Пастухъ. — Чтобъ ты пропалъ! Не будешь ты молчать?
Эдипъ. — Нѣтъ, не брани, старикъ, его; не онъ, —
Твои слова достойны больше брани.
Пастухъ. — Чѣмъ я грѣшу, о лучшій изъ царей?
Эдипъ. — О мальчикѣ не говоришь ни слова,
Что спрашиваетъ онъ.
Пастухъ. — Не знаетъ онъ,
Что говоритъ, хлопочетъ понапрасну.
Эдипъ. — Когда изъ ласки ты сказать не хочешь,
Такъ съ плачемъ скажешь.
Пастухъ. — Нѣтъ, прошу тебя,
Ты зла не дѣлай старику, оставь.
Эдипъ. — Но что жъ ему назадъ не вяжутъ руки?
Пастухъ. — Несчастный я! На что? Что хочешь знать?

Эдипъ. — Ты далъ ему дитя, какъ онъ сказалъ?
Пастухъ. — Да, далъ! О, если бъ умеръ я въ тотъ день!..
Эдипъ. — Но къ этому придешь, когда неправду
Ты будешь говорить.
Пастухъ. — Еще скорѣй
Погибну я, когда скажу всю правду.
Эдипъ. — Какъ кажется, онъ ищетъ проволочки.
Пастухъ. — О, нѣтъ! Вѣдь я сказалъ давно, что далъ.
Эдипъ. — Изъ гражданъ отъ кого, и въ чьемъ же домѣ?
Пастухъ. — Молю тебя, не спрашивай, царь, больше.
Эдипъ. — Бѣда тебѣ, когда еще спрошу.
Пастухъ. — Изъ дома Лаева онъ былъ.
Эдипъ. — Но рабъ,
Иль Лаевой семьѣ онъ былъ родной?
Пастухъ. — О, горе мнѣ! Я долженъ то сказать,
Что мнѣ всего страшнѣе.
Эдипъ. — Мнѣ слышать страшно,
Но все жъ я долженъ слышать!
Пастухъ. — Мальчикъ тотъ
Считался сыномъ Лая. Правда ль это,
Твоя жена могла бъ сказать всѣхъ лучше.
Эдипъ. — Она дала тебѣ дитя?
Пастухъ. — Она.
Эдипъ. — Зачѣмъ?
Пастухъ. — Убить.
Эдипъ. — О, мать несчастная!
Пастухъ. — Отъ страха бѣдъ, предсказанныхъ богами.
Эдипъ. — Какихъ же бѣдъ?
Пастухъ. — Отъ бога былъ оракулъ,
Что онъ убьетъ родителей своихъ.
Эдипъ. — Зачѣмъ же отдалъ ты ему ребенка?
Пастухъ. — Я пожалѣлъ, о царь, и далъ я съ тѣмъ,
Чтобъ онъ унесъ его въ чужую землю,
Откуда самъ онъ былъ. Онъ спасъ ребенка
Для страшныхъ бѣдъ. И если ты тотъ самый,
Какъ онъ сказалъ, — несчастный ты родился.
Эдипъ. — Увы, увы! Выходитъ все наружу.
О, свѣтъ, въ послѣдній разъ тебя я вижу...
Вотъ оказалося, что я родился
Отъ тѣхъ, родиться отъ которыхъ мнѣ
Не должно бъ было; съ тѣми жилъ, съ кѣмъ жить
Не могъ, и тѣхъ убилъ, кого не смѣлъ.
(Уходитъ съ воплемъ. Вѣстникъ и пастухъ также уходятъ).
. . . . . .

IX.

Хоръ слагаетъ все дѣло на Креонта, вступившаго теперь въ управленіе страною.

Слуга. — (выходитъ изъ боковой двери дворца Эдипа).
О вы, которыхъ въ сей землѣ всегда
Всѣхъ больше чтутъ, ужасныя дѣла
Вамъ предстоитъ услышать и увидѣть.
Какая скорбь васъ ждетъ, когда сердечно
Вы преданы еще Лабдака дому.
.....
А бѣдствія приносятъ больше горя,
Когда причиной ихъ бываемъ сами.
Хоръ. — (говоритъ корифей).
Довольно слезъ и въ томъ, что знали прежде;
Ты что еще намъ новаго принесъ?
Слуга. — Сказать и выслушать скорѣй...
Скажу: погибла голова Іокасты.
Хоръ. — Несчастная! Но отъ какой причины?
Слуга. — Своей рукой себя она убила.
Избавленъ ты отъ скорби страшной,
Не бывъ свидѣтелемъ того, что было.
Но сколько памяти во мнѣ достанетъ,
Услышишь ты страданія несчастной.
Съ отчаяньемъ прошла она лишь сѣни,
Къ постели брачной прямо подошла,
Терзая волосы себѣ руками.
Вошла и, двери за собой заперши,
Звала давно умершаго ужъ Лая,
Рожденье прежнее воспоминала,
И отъ кого онъ самъ погибъ, а мать
Оставилъ сыну, чтобъ дѣтей злосчастно
Родила съ нимъ... И плакала она надъ ложемъ тѣмъ...
Затѣмъ не знаю, какъ она погибла.
Эдипъ вбѣжалъ тутъ съ крикомъ, и за нимъ
Нельзя ужъ было видѣть смерть ея;
Смотрѣли мы теперь, какъ онъ метался.
Вбѣжалъ и требовалъ отъ насъ копья,
И гдѣ найти жену, что не жена...
Никто изъ насъ, которые тутъ были,
Не молвилъ слова; видно духъ какой
Въ неистовствѣ его ему открылъ,
Какъ будто кто его увлекъ, онъ вскрикнулъ,

Къ двойнымъ дверямъ онъ подскочилъ, сорвалъ
Запоръ и быстро въ горницу вбѣжалъ.
Тутъ видимъ мы висящую жену:
Опутала себя шнуркомъ плетенымъ.
Ее увидѣвъ такъ, ужасный крикъ
Несчастный испустилъ и развязалъ
Шнурокъ висящій; и когда она
Ужъ на полу лежала, страшно было
Намъ видѣть то, что было съ нимъ потомъ.
Сорвалъ онъ съ платья пряжки золотыя,
Которыми украшена была,
Схватилъ и билъ глаза свои онъ ими,
Такъ говоря: за то, чтобъ не видали
Ни что терпѣлъ, ни что онъ сдѣлалъ зло,
Чтобы впередъ во мракѣ тѣхъ смотрѣли,
Кого не должно было видѣть имъ,
Не узнавали бъ тѣхъ, кого желали бъ...
Такъ причитая много разъ, не разъ
Глаза онъ билъ свои, поднявши вѣки.
Кровавые зрачки мочили щеки,
И кровь не каплями, — ручьемъ лилась.
Причиной бѣдствій были оба вмѣстѣ:
На мужа и жену страданье пало.
И счастье прежнее, — то было счастье;
Теперь — проклятье, стонъ и смерть, и стыдъ,
И всѣ, какія есть, названья золъ.

Хоръ. — Теперь въ какой порѣ, несчастный, зла?

Слуга. — Кричитъ, чтобъ двери дома отворили,
Чтобъ кто-нибудь потомкамъ Кадма всѣмъ
Отцеубійцу показалъ, который...
Онъ слово нечестивое сказалъ,
Которое не смѣю повторить.
Себя онъ гонитъ изъ земли, и въ домѣ,
Проклявши самъ себя, не остается.
Вожакъ ему теперь и помощь нужны;
Не можетъ онъ одинъ нести страданье,
Но скоро самъ увидишь ты его.
Вотъ отпираются дверей запоры,
И зрѣлище такое ты увидишь,
Что врагъ почувствовалъ бы состраданье.

Хоръ. — Страшныя муки взору людскому,
Всѣхъ что страшнѣе видѣнныхъ мною!
Что за безумье тобой овладѣло,
Бѣдный страдалецъ! Злобный какой духъ

Новыя бѣды къ долѣ злосчастной
Придалъ твоей? Увы, несчастливецъ!
Много спросить бы, многое слышать,
Многое видѣть мнѣ бы хотѣлось;
Но на тебя взглянуть я не смѣю:
Ты мнѣ внушаешь трепетъ и ужасъ.

Эдипъ. — Увы! увы! Несчастный я!..
Въ какихъ мѣстахъ я нахожусь,
Куда стремится голосъ мой?
Судьба, судьба, къ чему вела?

Хоръ. — Къ ужасному несчастью привела.
И видѣть то, и слышать страшно будетъ.

Эдипъ. — О страшный мракъ,
Ужасный мой мракъ, несказанный мракъ.
Неизбѣжный мракъ, безконечный мракъ!
О горе мнѣ, вторично горе мнѣ!
Какъ жало боли той вошло въ меня
И вмѣстѣ съ нимъ ужасныхъ память золъ.

Хоръ. — Тутъ чуда нѣтъ, когда въ такихъ несчастьяхъ
Вдвойнѣ страдаешь ты, вдвойнѣ несешь.

Эдипъ. — О другъ! увы!
Одинъ вѣрный другъ мнѣ остался ты.
Слѣпого меня ты не бросилъ, другъ,
Увы! увы! Ты отъ меня не скрылся:
Хоть въ мракѣ я, но голосъ твой
Все жъ ясно узнаю.

Хоръ. — Что сдѣлалъ ты?
Какъ могъ свои ты очи погасить?

. . . . . .

Эдипъ. — Что мнѣ видѣть еще, что любить, друзья?
Съ кѣмъ говорить, кого слушать мнѣ?
Скорѣе меня, изъ сихъ мѣстъ скорѣй,
Гоните, друзья, великое зло,
Проклятаго, прочь гоните, друзья, —
Всѣхъ людей богамъ ненавистнѣй онъ.

Хоръ. — Равно несчастенъ ты своей судьбой
И жалокъ тѣмъ, что есть въ тебѣ сознанье.
О, какъ бы я желалъ не знать тебя.

Эдипъ. — Проклятье тому, кто изъ страшныхъ путъ
Развязалъ меня и отъ смерти спасъ.
Отъ смерти спасъ меня, но не къ добру...
Если бъ умеръ я тамъ,
Не пали бъ на меня такія бѣды,
Друзья мои не знали бъ страшной скорби.

Хоръ. — И я бъ былъ радъ, когда бы такъ случилось.
Эдипъ. — И убійцей отца не пришелъ бы я,
И женихомъ не звали бъ меня
Родной матери...
.....

X.

Эдипъ. — О, горе мнѣ! Что мнѣ сказать ему?
Надѣяться имѣю ль право я,
Когда съ нимъ прежде я былъ такъ не правъ?
Креонтъ. — (къ народу).
Не съ тѣмъ, чтобъ посмѣяться я пришелъ,
И не бранить за то, что прежде было,
Но если вамъ передъ людьми не стыдно,
Почтите вы хоть царственное солнце,
Которое все грѣетъ и питаетъ,
И на показъ не выставляйте всѣмъ
Такую страсть, какую ни земля,
Ни свѣтъ не стерпитъ, ни святая влага.
Но поскорѣй его введите въ домъ:
Несчастья близкихъ намъ смотрѣть и слушать
Всего приличнѣе однимъ роднымъ.
Эдипъ. — Когда мой страхъ ты обманулъ, Креонтъ,
Участьемъ благороднымъ въ человѣкѣ,
Негоднѣйшемъ изъ всѣхъ, молю тебя,
Послушайся меня: то, что скажу,
Я для тебя скажу, не для себя.
Креонтъ. — Что хочешь ты? О чемъ меня ты просишь?
Эдипъ. — Изъ сей земли меня скорѣе выкинь,
Гдѣ общества людей бѣжать я долженъ.
Креонтъ. — Скажу тебѣ, давно бъ я сдѣлалъ это,
Когда бы не хотѣлъ узнать отъ бога,
Что дѣлать мнѣ велитъ своимъ онъ словомъ.
Эдипъ. — Но вѣдь его давно извѣстно слово:
Погибнуть мнѣ, отцеубійцѣ, должно.
Креонтъ. — Такъ онъ сказалъ; но въ нашемъ положеньи,
Что дѣлать намъ, спросить все жъ лучше будетъ.
Эдипъ. — Ты будешь спрашивать о мнѣ несчастномъ?
Креонтъ. — Но ты теперь даешь намъ вѣру въ бога!
Эдипъ. — А я прошу тебя и заклинаю,
Какъ хочешь, той, которая тамъ въ домѣ,
Устрой ты погребенье (для своихъ
Тебѣ прилично вѣдь устроить все);

Меня жъ пусть городъ мой родной достойнымъ
Не признаетъ, чтобъ жилъ я въ немъ живой,
Но жить меня пусти въ горахъ, туда,
Гдѣ Киферонъ, тотъ самый Киферонъ,
Который мать съ отцомъ живому мнѣ
Могилой собственной опредѣлили,
Чтобъ умеръ я согласно съ волей тѣхъ,
Которые меня хотѣли погубить.
И знаю я, что отъ болѣзни не умру,
Ни отъ другой естественной причины.
Когда бъ для страшныхъ бѣдъ не назначался,
То не былъ бы спасенъ я умиравшій.
Но пусть мой рокъ идетъ, куда идетъ.
Хочу тебѣ сказать, Креонтъ, о дѣтяхъ.
О сыновьяхъ не прилагай заботы:
Они мужчины и лишеній въ жизни
Не будутъ знать, гдѣ бъ ни были они.
О дочеряхъ моихъ несчастныхъ, жалкихъ,
Ты позаботься мнѣ; имъ никогда
Не ставили обѣда безъ меня,
Но что ѣлъ самъ, все то дѣлилъ я съ ними...
Позволь ты мнѣ коснуться ихъ руками,
Поплакать вмѣстѣ съ ними о несчастьяхъ,
Или, о царь,
Иди, потомокъ благородной крови.
Когда коснусь руками дочерей,
Казаться будетъ мнѣ, что ихъ держу,
Какъ прежде было то, когда я видѣлъ.
(Антигона и Исмена входятъ).
Что говорю?
Не слышу ль я, богами васъ молю,
Слезами плачущихъ моихъ любезныхъ?
Не ты ль изъ жалости прислалъ, Креонтъ,
Тѣхъ, что милѣе мнѣ изъ всѣхъ дѣтей?
Не правда ли?

Креонтъ. — Да, правда. Я тебѣ устроилъ это;
Я зналъ ужъ напередъ, какъ радъ ты будешь.

Эдипъ. — Будь счастливъ и за этотъ шагъ одинъ;
Пусть богъ хранитъ тебя, не какъ меня.
О дѣти, гдѣ вы, гдѣ? Сюда, ко мнѣ,
Къ рукамъ моимъ, какъ брата, подойдите!
Родившаго отца взоръ прежде свѣтлый
Вотъ какъ онѣ вамъ нынѣ дали видѣть.
Отца, который васъ родилъ, не зная,

Отъ той, которою былъ самъ рожденъ.
Не вижу васъ, но плачу я объ васъ,
Когда подумаю, какъ вамъ придется
Прожить съ людьми остатокъ горькой жизни.
Въ какое общество пойдете гражданъ?
На праздники какіе вы пойдете,
Чтобъ съ праздниковъ не съ плачемъ въ домъ вернуться?
Когда жъ достигнете вы лѣтъ замужества,
Найдется ль, дѣти, человѣкъ такой,
Который сталъ бы выше предразсудка
И принялъ бы сей пагубный позоръ,
Приросшій къ тѣмъ, которые меня,
И къ тѣмъ, которые родили васъ?
Какого зла не достаетъ еще?
Отца убилъ отецъ вашъ и потомъ
Онъ съ матерью своей прижилъ дѣтей.
Упреки въ томъ придется слушать вамъ
И кто жъ возьметъ васъ за себя? Никто!
Безъ брака, безъ дѣтей умрете вы.
О, Менекея сынъ! Когда мы оба,
Которые родили ихъ, погибли,
И ты одинъ отецъ имъ остаешься,
Не брось ты ихъ, — онѣ тебѣ родныя, —
Безъ мужа, въ бѣдности чтобъ не скитались,
И не сравняй съ своей и ихъ судьбу,
Но пожалѣй, въ такихъ ихъ видя лѣтахъ
Всего лишенныхъ, лишь въ тебѣ одномъ
Имѣющихъ надежду всю. О, дѣти!
Когда бъ имѣли вы и смыслъ и разумъ,
Я много бъ вамъ сказалъ. Теперь одно
Мнѣ остается пожелать, чтобъ вамъ
Досталась лучше жизнь, чѣмъ жизнь отца.

Креонтъ. — Довольно слезъ! Иди теперь въ свой домъ.

Эдипъ. — Я повинуюсь...

Креонтъ. — Все впору хорошо.

Эдипъ. — Но знай же ты, съ чѣмъ я пойду.

Креонтъ. — Скажи, и буду знать.

Эдипъ. — Съ тѣмъ, чтобъ меня ты выслалъ изъ земли.

Креонтъ. — Ты требуешь того, что въ волѣ бога?

Эдипъ. — Вѣдь ненавистенъ я богамъ, то видно.

Креонтъ. — Такъ тѣмъ скорѣй исполнится желанье.

Эдипъ. — Ты думаешь?

Креонтъ. — Чего не думаю,
Я не люблю напрасно говорить.

Эдипъ. — Такъ уведи меня теперь отсюда.
Креонтъ. — Иди, но отпусти дѣтей.
Эдипъ. — Молю, не отнимай ихъ у меня!
Креонтъ. — Нельзя!
Всего не требуй ты. И то, чѣмъ ты
Уже владѣлъ, не вѣкъ съ тобой осталось.
(Всѣ уходятъ).

Хоръ.—(поетъ, обращаясь къ народу и удаляясь изъ оркестры).
О сограждане Фивяне, вы смотрите, какъ Эдипъ
Унесенъ потокомъ бурнымъ страшной бѣдственной волны,
А умѣлъ рѣшать загадки, былъ онъ высшій изъ людей,
И на счастье гражданъ нашихъ онъ безъ ревности смотрѣлъ.
Потому, когда помыслишь ты о томъ послѣднемъ днѣ,
То не прежде звать счастливымъ смертнаго рѣшишься ты,
Какъ пройдешь границу жизни, не извѣдавъ скорбныхъ бѣдъ.

304. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(Отрывки драматической поэмы А. С. Пушкина).
(1825)

Кремлевскія Палаты.

(20 февраля 1598 года).

Князь Шуйскій и Воротынскій.

Воротынскій. — Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?
Шуйскій. — Чѣмъ кончится? Узнать не мудрено:
Народъ еще повоетъ да поплачетъ,,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И, наконецъ, по милости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится;
А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
Попрежнему.
Воротынскій. — Но мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни патріархъ, ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?
Шуйскій. — Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что, если такъ, Димитрій могъ бы жить.

Воротынскій. — Ужасное злодѣйство! Полно точно-ль
Царевича сгубилъ Борисъ?
Шуйскій. — А кто-же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.
Воротынскій. — Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?
Шуйскій. — Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданной;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.
Воротынскій. — Нечисто, князь.
Шуйскій. — А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Ѳеодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова;
Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ, —
Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
А тамъ меня-жъ сослали бъ въ заточенье,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько-бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ не трусъ, но также не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.
Воротынскій. — Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно,
Губителя раскаянье тревожитъ:
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.
Шуйскій. — Перешагнетъ; Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...
Воротынскій. — Такъ; родомъ онъ не знатенъ, мы знатнѣе.
Шуйскій. — Да, кажется.

Воротынскій. — Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать — природные князья.
Шуйскій. — Природные, и Рюриковой крови.
Воротынскій. — А слушай, князь, вѣдь мы бъ имѣли право
Наслѣдовать Ѳеодору.
Шуйскій. — Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.
Воротынскій. — Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!
Шуйскій. — Что жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.
Воротынскій. — Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.
Шуйскій (глядитъ въ окно). — Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы...
Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ: рѣшено ли.

Красная Площадь.

Народъ.

Одинъ. — Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, бояръ и патріарха,
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.
Другой. — О, Боже мой, кто будетъ нами править?
О, горе намъ!
Третій. — Да вотъ верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье думы.
Народъ. — Молчать! молчать! Дьякъ думный говоритъ;
Ш-ш — слушайте!
Щелкаловъ (съ Краснаго крыльца). — Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой,

Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
И весь народъ московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ. (Народъ расходится).

Дѣвичье поле.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

Одинъ. — Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и патріархъ
Съ толпой бояръ.
Другой. — Что слышно?
Третій. — Все еще
Упрямится: однако есть надежда.
Баба (съ ребенкомъ). — Агу! не плачь, не плачь!
Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!
Одинъ. — Нельзя ли намъ пробраться за ограду?
Другой. — Нельзя! Куды! и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.
Первый. — Право, любо!
Одинъ. — Что тамъ за шумъ?
Другой. — Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,
За рядомъ рядъ... еще... еще!.. Ну, братъ!
Дошло до насъ: скорѣе на колѣни!
Народъ (на колѣняхъ; вой и плачъ). —
Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!
Одинъ (тихо). — О чемъ тамъ плачутъ?

Другой. — А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре —
Не намъ чета.
Баба (съ ребенкомъ). — Ну, что-жъ? какъ надо плакать
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь баловень! (Бросаетъ его объ земь, ребенокъ пищитъ).
Ну, то-то же!
Одинъ. — Всѣ плачутъ —
Заплаечмъ, братъ, и мы!
Другой. — Я силюсь, братъ,
Да не могу.
Первый. — Я также. Нѣтъ-ли луку?
Потремъ глаза.
Другой. — Нѣтъ, я слюной намажу.
Что тамъ еще?
Первый. — Да кто ихъ разберетъ!
Народъ. — Вѣнецъ за нимъ! онъ — царь! онъ согласился!..
Борисъ — нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

Кремлевскія Палаты.

Борисъ, патріархъ, бояре.

Борисъ. — Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
Наслѣдую и ангелу царю!..
О, праведникъ, о, мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре:
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей!
Бояре. — Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.
Борисъ. — Теперь пойдемъ поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,

Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца:
Всѣмъ вольный входъ, всѣ — гости дорогіе.
(Уходитъ; за нимъ и бояре).

Воротынскій (останавливая Шуйскаго). — Ты угадалъ.

Шуйскій. — А что?

Воротынскій. — Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій. — Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій. — Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ...

Шуйскій. — Теперь не время помнить!
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать:
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ народъ привѣтствуетъ царя —
Отсутствіе мое замѣтить могутъ —
Иду за нимъ.

Воротынскій. — Лукавый царедворецъ!

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.

(1603 года).

Отецъ Пименъ, Григорій (спящій).

Пименъ (пишетъ передъ лампадой). —
Еще одно послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро —
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ...
На старости я сызнова живу;

Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немногихъ лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ —
Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается). — Все тотъ же сонъ!
Возможно-ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ — и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ-ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ-ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ-ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ его высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ — смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ. — Проснулся, братъ?

Григорій. — Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ. — Благослови, Господь,
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Григорій. — Ты все писалъ, и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось —
И падая стремглавъ, я пробуждался...

И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно-ли?

Пименъ. — Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ;
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій. — Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ.
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ-бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ. — Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился —
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь — игумномъ богомольнымъ.

Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный: тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный:
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ:
Предстану здѣсь, алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ — обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святой отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной...
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась — а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Ѳеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце просіялъ:
Ужъ не видать такого намъ царя...

О, страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій. — Давно, честной отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ. — Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни
Вдругъ слышу звонъ: ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ — а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
«Покайтеся!» народъ имъ загремѣлъ;
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса.

Григорій.. — Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ. — Да лѣтъ семи; ему-бы нынѣ было —
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ-бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,

Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны —
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій. (Уходитъ).

Григорій. — Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца:
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Царскія Палаты.

Два стольника.

Первый. — Гдѣ государь?

Второй. — Въ своей опочивальнѣ.
Онъ заперся съ какимъ то колдуномъ.

Первый. — Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ-бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй. — Вотъ онъ идетъ. Угодно-ли спросить?

Первый. — Какъ онъ угрюмъ! (Уходятъ).

Царь (входитъ). — Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ-ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна, —

Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ; ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ — я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!
.....

Краковъ. Домъ Вишневецкаго.

Самозванецъ и патеръ Черниковскій.

Самозванецъ. — Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья.
Я знаю духъ народа моего:

Въ немъ набожность не знаетъ изступленья,
Ему священъ примѣръ царя его.
Всегда, къ тому-жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признаютъ власть намѣстника Петра.

Патеръ. — Вспомоществуй тебѣ святый Игнатій,
Когда придутъ иные времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена;
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ:
Твои слова, дѣянья — судятъ люди;
Намѣренья единый видитъ Богъ.

Самозванецъ. — Amen. Кто тамъ! (входитъ слуга).
Сказать: мы принимаемъ.
(Отворяются двери, входитъ толпа русскихъ и поляковъ).
Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я вижу новы лица.

. . . . . .

...Приближься, Курбскій... руку!
Не странно-ли? сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого? да — сына Іоанна!..
Все за меня; и люди, и судьба.
Ты кто такой?

Полякъ. — Собаньскій, шляхтичъ вольный.

Самозванецъ. — Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
Впередъ ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? Я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это — наши.

Хрущовъ (бьетъ челомъ). — Такъ, государь, отецъ нашъ.
Мы твои

Усердные, гонимые холопья.

. . . . . .

Самозванецъ. — Ты кто?

Карела. — Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

Самозванецъ. — Я зналъ донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.

. . . . . .

Поэтъ (приближается, кланяясь низко и хватая Гришку за полу). — Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!

Самозванецъ. — Что хочешь ты?

Поэтъ (подаетъ ему бумагу). — Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

Самозванецъ. — Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.

. . . . . .

Итакъ, друзья, до завтра, до свиданья.

Всѣ. — Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
Да здравствуетъ великій князь московскій!

Замокъ воеводы Мнишка въ Самборѣ.

. . . . . .

Ночь. Садъ. Фонтанъ.

Самозванецъ (входитъ). — Вотъ и фонтанъ;
она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ небоязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась.
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались — я духомъ не смутился
И дерзостно неволи избѣжалъ.
Но что жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?
Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это — страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что ей скажу,

Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову московскою царицей;
Но часъ насталъ — и ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
Нѣтъ, это — свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

Марина (входитъ). — Царевичъ!

Самозванецъ. — Она!.. вся кровь во мнѣ остановилась.

Марина. — Димитрій! вы?

Самозванецъ. — Волшебный, сладкій голосъ!
(Идетъ къ ней). Ты-ль, наконецъ? Тебя ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина. — Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой и бурной, и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ надежды,
Намѣренья и даже опасенья:
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница московскаго царя.

Самозванецъ. — О, дай забыть хоть на единый часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина. — Не время, князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;

Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе:
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

Самозванецъ. — Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство.
Нѣтъ, нѣтъ! Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

Марина. — Стыдись! Не забывай
Высокаго, святого назначенья.
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой, —
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозванецъ. — Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты, Марина. Ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ, ежели... о, страшное сомнѣнье.
Скажи: когда-бъ не царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда-бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ,
Тогда-бъ... тогда любила-ль ты меня?

Марина. — Димитрій ты, и быть инымъ не можешь;
Другого мнѣ любить нельзя.

Самозванецъ. — Нѣтъ, полно!
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей.
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать, — скажу
Всю истину. Такъ знай же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;

Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я, готовилъ міру чудо —
И, наконецъ, изъ кельи бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени,
Владѣть конемъ и саблей научился,
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
Что жъ ты молчишь?

Марина. — О стыдъ! О горе мнѣ! (Молчаніе).

Самозванецъ. (тихо) — Куда завлекъ меня порывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, на вѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу, вижу!
Стыдишься ты не княжеской любви;
Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ моя судьба;
Рѣши: я жду. (Бросается на колѣни).

Марина. — Встань, бѣдный самозванецъ,
Не мнишь ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
Я рыцарей и графовъ благородныхъ,
Но ихъ мольбы я холодно отвергла
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

Самозванецъ (встаетъ). — Не презирай младого самозванца:
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

Марина. — Достойныя позорной петли, дерзкій!..

Самозванецъ. — Виновенъ я: гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и царей,
Я міру лгалъ; но не тебѣ, Марина,
Меня казнить: я правъ передъ тобою;
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя;
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ...
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Марина. — Чѣмъ хвалится безумецъ?
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безымянный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа,
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважно обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу ль, скажи, предаться я тебѣ?
Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!..
Дивлюся: — какъ передъ моимъ отцомъ
Изъ службы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости — предъ нашимъ королемъ,
Или еще — предъ нашимъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги?
Самозванецъ. — Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье;
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.
Марина. — Клянешься ты! итакъ, должна я вѣрить.
О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя-ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.
Самозванецъ (гордо). — Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!

Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду ли смерть, какъ воинъ, въ битвѣ честной,
Иль, какъ злодѣй, на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина. — А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

Самозванецъ. — Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ польской дѣвѣ,
Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно: и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

Марина. — Постой, царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій —
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я. (Уходитъ).

Самозванецъ. — Нѣтъ — легче мнѣ сражаться
съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя! змѣя!.. Недаромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

Граница Литовская.

. . . . . .

. . . . . .

Самозванецъ. — Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго царя
Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.
Курбскій. — Ужель и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она — твоя, царевичъ!
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.
Самозванецъ. — Кровь русская, о, Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты;
Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!
Курбскій. — Впередъ! и горе Годунову!
(Скачутъ. Полки переходятъ черезъ границу).

Царская Дума.

Царь, патріархъ и бояре.

Царь. — Возможно ли? Разстрига, бѣглый инокъ,
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.

. . . . . .

Москва. Царскія Палаты.

Борисъ, Басмановъ.

Царь. — Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались:
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ куча казаковъ

Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спесь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ. — Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь!

Царь. — День этотъ недалекъ:
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ. — Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ;
Но что-жъ? Конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь. — Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже. (Входитъ бояринъ).
Что?

Боярин ъ. — Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь. — Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить. (Уходитъ).

Басмановъ. — Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась;
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый...

И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?
(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).
Одинъ. — За лекаремъ!
Другой. — Скорѣе къ патріарху!
Третій. — Царевича, царевича зоветъ!
Четвертый. — Духовника!
Басмановъ. — Что сдѣлалось такое?
Пятый и Шестой. — Царь занемогъ, царь умираетъ.
Басмановъ. — Боже!
Пятый. — На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.
(Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство; всѣ бояре).
Царь. — Подите всѣ — оставьте одного
Царевича со мною. (Всѣ удаляются). Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о, Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь;
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты — младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника, во-первыхъ, избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ

Почтеннаго породой или славой, —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды;
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ, ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ,
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость;
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру —
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Ѳеодоръ (на колѣняхъ). — Нѣтъ, нѣтъ, живи и царствуй долговѣчно —
Народъ и мы погибли безъ тебя.

Царь. — Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ...

(Входитъ патріархъ, святители; за ними всѣ бояре; царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?
А! схима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ —

И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патріархъ,
Я — царь еще... Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Θеодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь-ли?

Б о я р е . — Клянемся.

Ц а р ь . — Я доволенъ.
Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды...
Святый отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ).

. . . . . .

Лобное мѣсто.

Пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

Н а р о д ъ . — Царевичъ намъ боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

П у ш к и н ъ (на амвонѣ). — Московскіе граждане!
Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. (Кланяется).
Вы знаете, какъ промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усернымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ, —
Въ угоду-ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Н а р о д ъ . — Вѣстимо, нѣтъ.

П у ш к и н ъ . — Московскіе граждане!
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
И трудъ, и гладъ — все испытали вы.

Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
Вы-ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на царственный престолъ
Своихъ отцовъ въ сопровожденьи грозномъ,
Не гнѣвайте-жъ царя и бойтесь Бога,
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритеся; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ митрополита,
Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и государю. (Сходитъ. Шумъ народный).

Народъ. — Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонѣ. — Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

Народъ (несется толпою). — Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

Кремль. Домъ Борисовъ. Стража у крыльца.

Ѳеодоръ подъ окномъ.

Нищій. — Дайте милостыню Христа ради!

Стража. — Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

Ѳеодоръ. — Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну).

Одинъ изъ народа. — Братъ да сестра — бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

Другой. — Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый. — Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

Другой. — Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

Ксенія. — Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

Ѳеодоръ. — Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія. — Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ).

Народъ. — Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ).

Одинъ изъ народа. — Зачѣмъ они пришли?

Другой. — А, вѣрно, приводить къ присягѣ Ѳеодора Годунова.

Третій. — Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!.. Тревога!.. дерутся!..

Народъ. — Слышишь? визгъ! Это — женскій голосъ... Взойдемъ...

(Двери заперты—крики замолкли—шумъ продолжается).

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ).

Мосальскій. — Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что-жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ безмолвствуетъ.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ ХРИСТОМАТІИ.

НОВОЕ ВЪ НАУКѢ И ЖИЗНИ.

305. А. Юнымъ поколѣніямъ XX вѣка.

Юнымъ поколѣніямъ XX вѣка надлежитъ знать и исполнять долгъ, налагаемый на нихъ старшимъ поколѣніемъ, на смѣну котораго они идутъ. Каждый вѣкъ приноситъ и передаетъ своимъ юнымъ поколѣніямъ такой долгъ. Счастье всякой молодежи зависитъ отъ уразумѣнія требованій своего вѣка и исполненія ихъ. Жизненныя указанія предстоящаго долга содержатся въ поэзіи и наукахъ, а также въ собственной внутренней правдѣ.

Нѣсколькими предыдущими вѣками, кромѣ долга общей культуры, былъ возложенъ на тогдашнія новыя поколѣнія долгъ мореплаванія, морскихъ путешествій, открытія новыхъ земель и т. д. Плодомъ осуществленія такихъ задачъ явились колоссальныя внѣевропейскія земельныя пріобрѣтенія, обогатившія Европу господствомъ, силою, міровымъ вліяніемъ и тѣми неисчислимыми матеріальными средствами, которыя дали толчекъ и экономическую возможность развитія наукъ, литературы, научныхъ пособій и учрежденій.

Девятнадцатый вѣкъ былъ временемъ величайшаго научнаго достиженія и внѣшняго прогресса. Двадцатому вѣку предстоитъ еще большая будущность. Двадцатый вѣкъ, вѣроятно, будетъ вѣкомъ свободы и культуры личности, вѣкомъ права, правды и человѣчности. Хотѣлось бы вѣрить, что жестокая война, возникшая въ 1914 году, будетъ послѣднимъ актомъ насилія однихъ надъ другими и приведетъ къ торжеству свободы *личности* и свободы *труда*.

На юныхъ существахъ обоего пола лежитъ отнынѣ долгъ самовоспитанія въ новыхъ великихъ школахъ, которыя открыты для всѣхъ: въ школѣ *Семьи*, школѣ *Природы* и *Жизни*, школѣ *Путешествій*, школѣ *Дружбы* и школѣ *Книгъ*.

(*Юмансъ*. «Новѣйшее образованіе»).

Но программа Самовоспитанія гораздо обширнѣе. Въ нее обязательно должны войти всѣ новѣйшіе предметы, которые составляютъ послѣднее слово Наукъ, Искусствъ, Техники, Открытій и Изобрѣтеній, вѣстями о которыхъ теперь наполнена вся окружающая атмосфера и которыя невольно врываются въ наше сознаніе. Это новыя понятія о строеніи Вещества, ученіе

объ Электронахъ, Безпроволочное телеграфированіе, Суэцкій и Панамскій океанскіе пути, Оросительные каналы Азіи, чудеса Воздухоплаванія, сугубо открытое плаваніе по Ледовитому океану и т. д. Все это *матеріально-великое* дополняется новѣйшими идеями Психологіи, раскрывающей существо человѣка и Біологіи, стремящейся поднять природу человѣка—вся эта живая и животрепещущая дѣйствительность должна составить обязательный предметъ Психологической Христоматіи для старшихъ дѣтей и юношей, чтобы не заставить молодыхъ ждать и томиться въ тѣ годы, когда всего дороже человѣку: «Не накорми, а научи».

Юношу привлекаетъ и увлекаетъ все новое, все великое, все идеальное, новый, обновленный жизненный строй, новая личность, вновь созданное общество, новыя загадочныя мысли и знанія, возбуждающія существо всякаго человѣка, — новѣйшія поэзіи, новѣйшія научныя знанія, новое въ жизни, въ особенности то, что можно назвать *новѣйшей философіей,* — это объединеніе разныхъ наукъ, на почвѣ общихъ вопросовъ, поставленныхъ жизнью. Сюда относятся тѣ вопросы изъ различныхъ наукъ и знаній человѣческихъ (историческихъ, юридическихъ, общественныхъ, естествознанія, біологическихъ наукъ, астрономіи, геологіи и пр.), которые захватываютъ общественную мысль, становятся предметомъ общественнаго интереса и подвигаютъ умственное развитіе людей, внося въ сокровищницу знаній такія темы, которыя касаются многихъ наукъ и требуютъ сложной ученой освѣдомленности. Эти вопросы въ отдаленныя времена относимы были къ философіи и физикѣ, теперь они пріурочиваются къ разряду нѣсколькихъ близкихъ между собою наукъ, а въ послѣднее время они просто связываются съ именами знаменитыхъ ученыхъ, которымъ принадлежитъ починъ созданія новыхъ наукъ или новыхъ напряженій въ нихъ. Такимъ образомъ, появился спектральный анализъ небесныхъ пространствъ, съ наполняющей ихъ космической матеріей; стала предметомъ обширныхъ работъ *электрическая матерія,* состоящая изъ миніатюрнѣйшихъ въ природѣ матеріальныхъ частицъ съ ихъ движеніемъ и работою; возникло біологическое ученіе Пастера съ Пастеровскими Институтами и «*пастеризаціей*»; создалась новая научная область — *Бактеріологія,* Дарвинъ, Тиндаль, Гексли, Рентгенъ, Бельфуръ, Лоджъ, Спенсеръ, Клодъ-Бернаръ, Менделѣевъ, Маркони; возникла Британская Ассоціація Наукъ, которая касается уже не одной только земли, но всего міра и міровыхъ пространствъ, — цѣлаго Космоса или Вселенной. Сюда же должны быть включены и тѣ новыя человѣческія знанія, которыя въ будущемъ будутъ созданы и составятъ предметъ заботъ и трудовъ человѣческаго генія въ грядущія времена. Все это найдетъ свое мѣсто въ наукахъ, въ человѣческомъ умѣ и, соотвѣтственно тому, въ будущихъ научно-литературныхъ Сборникахъ и Христоматіяхъ. Уголокъ этого безграничнаго будущаго будетъ показанъ и въ настоящемъ изданіи, какъ примѣрная программа современной полной христоматіи, охватывающей всю *научно-художественную письменность,* близкую человѣку и привлекающую къ себѣ его умъ и стремленія.

306. Порогъ.

Стихотвореніе въ прозѣ.

(Безповоротная рѣшимость).

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежъ. За дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка. Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла и, вмѣстѣ съ леденящей струей, выносится изъ глубины зданія медлительный голосъ:

— О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?

— Знаю, — отвѣчала дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшка, презрѣніе, обиды, тюрьма, болѣзнь, самая смерть.

— Знаю! Я готова! Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

— Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей!

— Да, и отъ нихъ.

— Хорошо, ты готова на жертву. Ты погибнешь, и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Готова ли ты на преступленіе?

Дѣвушка потупила голову...

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

— Знаешь ли ты, — заговорилъ онъ наконецъ, — что ты можешь разубѣдиться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это.

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура! — проскрежеталъ кто-то.

— Святая! — пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. С. Тургеневъ.

Въ поэтическомъ произведеніи «Порогъ» представлена въ художественныхъ образахъ рѣшимость такой силы, что уже ничто не въ состояніи остановить ее. По поводу такой, готовой на все, рѣшимости высказано нѣсколько различныхъ мнѣній: раздался уничижительный голосъ, но былъ и превозносящій, было не мало предостереженій и разъясненій, былъ, наконецъ, голосъ самой Природы, выраженный на ея непререкаемомъ языкѣ, — на языкѣ *экспрессій*.

Когда со стороны «Порога» раздался послѣдній вопросъ:

— Готова ли ты на преступленіе?

Дѣвушка потупила голову.

Это и былъ безмолвный голосъ Природы, но онъ содержалъ въ себѣ отрицательный отвѣтъ.

Такимъ образомъ, дѣвушка дала два отвѣта; своимъ *разсудкомъ и словами* она сказала: да; но *экспрессіями*, т. е. внѣшностью, движеніями, совѣстью, всѣмъ существомъ: *нѣтъ*.

Пироговъ и Шекспиръ, первый — на основаніи научнаго опыта, второй — на основаніи творческихъ проникновеній, приходятъ къ единогласному выводу, что *зло* исцѣляется *добромъ;* и что бороться со зломъ должно *посредствомъ добра.*

307. Епископъ Гаттонъ.

(Правдивый гнѣвъ).

Было и лѣто и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ,
Сдѣлался голодъ, народъ умиралъ.
Но у епископа, милостью неба,
Полны амбары огромные хлѣба;
Жито сберегъ прошлогоднее онъ;
Былъ остороженъ епископъ Гаттонъ.
Рвутся толпой, — и голодный и нищій, —
Въ двери епископа, требуя пищи.
Скупъ и жестокъ былъ епископъ Гаттонъ,
Общей бѣдою не тронулся онъ,
Слушать и вопли ему надоѣло.
Вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло:
Бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ,
Слышно, скликаетъ епископъ Гаттонъ.
«Дожили мы до нежданнаго чуда:
Вынулъ епископъ добро изъ-подъ спуда,
Бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ». —
Такъ говорилъ изумленный народъ.
Къ сроку собрался званые гости,
Блѣдные, чахлые, кожа да кости.
Старый, огромный сарай отворенъ;
Въ немъ угоститъ ихъ епископъ Гаттонъ.
Вонъ ужъ столпились подъ кровлей сарая
Всѣ пришлецы изъ окружнаго края.
Какъ же ихъ принялъ епископъ Гаттонъ?
Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ!
Глядя епископъ на пепелъ пожарный,

Думаетъ: «будутъ мнѣ всѣ благодарны;
Разомъ избавилъ я шуткой моей
Край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей».
Въ замокъ епископъ къ себѣ возвратился,
Ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился,
Спалъ, какъ невинный, и сновъ не видалъ...
Правда! Но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.
Утромъ онъ сходитъ въ покой, гдѣ висѣли
Предковъ портреты, и видитъ, что съѣли
Мыши его живописный портретъ.
Такъ что холстины и признака нѣтъ.
Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышитъ...
Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ:
«Наша округа мышами полна;
Въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна».
Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло:
«Богъ на тебя за вчерашнее дѣло:
Крѣпкій твой замокъ, епископъ Гаттонъ,
Мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ».
Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный.
Въ страхѣ епископъ дорогою темной
Къ берегу выйти изъ замка спѣшитъ.
«Въ Рейнской я башнѣ спасусь!» — говоритъ.
Башня изъ реинскихъ водъ поднималась,
Издали острымъ утесомъ казалась,
Грозно изъ пѣны торчащимъ, она;
Стѣны кругомъ ограждала волна.
Въ легкую лодку епископъ садится;
Къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ и мчится
Вверхъ по гранитнымъ крутымъ ступенямъ;
Въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ.
Стѣны изъ стали казалися слиты;
Были рѣшетками окна забиты;
Ставни чугунныя; каменный сводъ;
Дверью желѣзною запертый входъ.
Узникъ не знаетъ, куда пріютиться;
На полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится...
Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ:
Вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ.
Смотритъ онъ: кошка сидитъ и мяучитъ.
Голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ.
Мечется кошка; не весело ей:
Чуетъ она приближенье мышей.
Палъ на колѣни епископъ и крикомъ

Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ...
Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ;
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ;
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.
Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри;
Сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
Что тутъ епископъ почувствовалъ ты?
Зубы объ камни они навострили,
Грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили;
Весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ.
Такъ былъ наказанъ епископъ Гаттонъ.

В. Жуковскій.

308. Казбеку.

(На пути въ Россію, изъ своей ссылки на Кавказъ, поэтъ обуреваемъ боязнью, что забытъ на родинѣ друзьями, братьями, или — что ихъ уже нѣтъ въ живыхъ. Путь поэта лежалъ черезъ Дарьялское ущелье. Телеграфовъ тогда еще не существовало, почта была медленна и невѣрна. Единственное надежное сообщеніе съ Россіей была верховая ѣзда; поэту на пути видна была верхушка Казбека, покрытая вѣчными снѣгами).

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Привезъ я — странникъ — свой поклонъ.
Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый міръ не возмутитъ.
Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье —
Къ престолу вѣчному Аллы.
Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть.
Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя, въ нарядѣ боевомъ,

Въ ущельѣ мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.
Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... Душа дрожитъ..
Что если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ?
Найду ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?
Или среди могилъ холодныхъ
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?
О! если такъ... своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

309. Мцыри.

(Пламенная жажда родины).

Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ. Пышныя поля,
Холмы, покрытыя вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года —
Имъ не сойтиться никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курились, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,

Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ.
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ;
И было сердцу моему
Легко, — не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...

И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножонъ
Кинжаловъ длинныхъ... И, какъ сонъ,
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ, какъ живой.
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, — и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый непреклонный взоръ,
И молодыхъ моихъ сестеръ, —
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи томъ бѣжалъ потокъ.
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ, передъ дождемъ,
Волны касалися крыломъ.

И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ, и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы.
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я какъ братъ
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молніи ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

Бѣжалъ я долго... гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вздохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ, —
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ и, наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.

Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей:
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ, и прятался какъ змѣй.

Внизу, глубоко подо мной,
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ
Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И, какъ они, навстрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю,
Мнѣ стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ.
Туда вели ступени скалъ,
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ.
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,

Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ
И вновь прислушиваться сталъ
Къ волшебнымъ страннымъ голосамъ:
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы — имъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

. . . . . Я цѣль одну —
Пройти въ родимую страну —
Имѣлъ въ душѣ, и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ,
И вотъ, дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

Напрасно въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющомъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣла ночи темнота

Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева, —
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горючею росой.
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной,
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, — клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда,
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучомъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость —
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ; и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуты битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... Да! рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...

Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ:
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ ему разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипѣлъ, смертельный бой!

Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я, — и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,

Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...

Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ,
И смерть навѣки заживитъ,
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

«..... палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался, — и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ
Въ оцѣпененіи глухомъ
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ.. Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый донизу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,

Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То, будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгая, она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать, — передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать, — языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки, — и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть —
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой

Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

«Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье —
И холодъ и покой.
Я созову моихъ сестеръ.
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.
Усни! постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.
О, милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою»...
И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...
Такъ я найденъ и поднятъ былъ...

Когда я стану умирать —
И вѣрь, тебѣ не долго ждать —
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!

Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣткомъ...
И близь меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну
И никого не прокляну!..

1840. *Лермонтовъ.*

310. Три пальмы.

Восточное сказаніе.

(Праведный гнѣвъ въ отвѣтъ на легкомысленный ропотъ).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!..»

И только замолкли, — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ,
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, палилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, —
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ въ степи ихъ потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ;
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ;
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ, —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

311. Парусъ.

Юношеское стихотвореніе Лермонтова.

(Стремленіе впередъ).

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!
Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой...
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Лермонтовъ.

312. Хивинскій походъ.

(Борьба съ трудностями природы).

Хивинскій походъ представляетъ одну изъ замѣчательныхъ военныхъ экспедицій, по тѣмъ невѣроятнымъ трудностямъ въ борьбѣ съ природой, какія успѣшно преодолѣны были русскими войсками, исполнившими возложенную на нихъ задачу. Требовалось пройти сквозь безплодную и безводную пустыню, чтобы достигнуть цвѣтущаго оазиса, который считалъ себя недосягаемымъ за своимъ пустыннымъ барьеромъ. Не было дорогъ или тропинки. Но не это составляло главную трудность военной экспедиціи. Пустыня была безводная и отъ одного колодца до другого не было воды, чтобы утолить жажду двигавшихся людей. Колодцы находились иногда на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. За немногими исключеніями вода была неудовлетворительная: «тухла маленько, проклятая» — говорили нерѣдко солдаты. Большей частью это была вода съ примѣсью солей: тутъ было когда-то морское дно, почва котораго не вполнѣ промыта отъ морскихъ солей и вода имѣетъ противный вкусъ, — попадается и примѣсь солей магнезіи и глауберовой соли. Глауберова соль производила свое обычное слабительное дѣйствіе и на людей и на животныхъ, — лошадей и даже верблюдовъ, — этихъ кораблей пустыни. Приходилось пить всякую воду, какую давали встрѣчавшіеся на пути колодцы. Часто самое названіе «колодцы» бывало слишкомъ пышнымъ: иногда это были просто ямы, дававшія просачивавшуюся мутную воду и приходилось жадно пить и такую воду для утоленія нестерпимой жажды,

мучившей на долгихъ переходахъ отъ одного колодца до другого. Попадалась и хорошая вода, — въ зависимости отъ почвы и геологическихъ наслоеній, какія приходилось пересѣкать по пути. Встрѣчалась и превосходная вода, какъ нектаръ утоляющая жажду. Но чаще всего, даже при такихъ благопріятныхъ шансахъ, вода получалась или съ значительныхъ глубинъ до 40 саженей и глубже, и нерѣдко въ недостаточномъ количествѣ, особенно тамъ, гдѣ приходилось продовольствовать отрядъ въ нѣсколько тысячъ. А между тѣмъ жары стояли нестерпимыя, до 38—45 градусовъ Реомюра. Когда былъ вѣтерокъ, то казалось, что дышешь воздухомъ отдушины изъ только-что истопленной печки. Ночью температура опускалась до 12 градусовъ, но съ ранняго утра снова нестерпимая жара. Усталость и тягота переходовъ производила то, что шли молча. И сама пустыня была безмолвна, не слышалось голосовъ птицъ, была мертвая зловѣщая тишина. Но даже среди тишины воздухъ былъ наполненъ пылью, то мельчайшей глиняной или известковой пылью, то тончайшими песочными частицами, которыя наполняли глаза и ротъ человѣка и, прилипая, пачкали все тѣло, мокрое отъ жара и пота. При вѣтрѣ и нерѣдкихъ бурунахъ, развивалась страшная картина. Вѣтеръ опрокидывалъ все, уносилъ предметы, душилъ человѣка пылью, стремительно летѣвшія частицы песку били по лицу, точно дробь на излетѣ. Въ это время становилось опасно и страшно. Въ палящіе дни не вода утоляла жажду, утолялъ ее лучше всего чай, по наблюденіямъ врачей, и тѣ, кто былъ терпѣливъ и пилъ чай, два-три стакана, — лучше себя чувствовалъ, нежели тѣ, кто безполезно наполнялъ свою утробу холодной водой и только достигалъ тѣмъ обратныхъ результатовъ. Тяжесть военной экспедиціи сказалась между прочимъ въ томъ, что одинъ изъ четырехъ отрядовъ, — Красноводскій, полковника Маркозова, принужденъ былъ вернуться съ половины пути, не имѣя силъ выносить нестерпимую жажду, особенно потому ,что часть колодцевъ была отравлена или засыпана и рискъ остаться безъ питья побудилъ къ тяжкому рѣшенію вернуться съ похода: грозила смертельная опасность.

Считавшіе себя недосягаемыми Хивинцы почти безъ сопротивленія сдались, когда смѣлый Урусъ появился подъ стѣнами Хивы. Завоеванія не было. Но среднеазіатскимъ своевольцамъ поставлено было условіемъ испрашивать совѣтъ русскаго полковника по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ Хивинскаго Государства. Первымъ пунктомъ этихъ совѣтовъ было предложеніе отмѣнить рабство: не менѣе 25.000 рабовъ, по нѣкоторымъ источникамъ до 40.000, немедленно получили свободу. Хивинское разбойное государство держало рабовъ въ строгости и за попытку бѣжать всякій рабовладѣлецъ имѣлъ право прижечь бѣглецу обѣ пятки каленымъ желѣзомъ до кости, послѣ чего самая способность бѣгства у того утрачивалась. Хивинскій походъ привелъ къ замиренію Хивы и пріобщенію ея къ цивилизованной жизни.

(*Передано по Алиханову-Аварскому*).

313. а) Авіація.

(Воздухоплаваніе).

Особенностью нашего вѣка является стремленіе ускорить внѣшнюю жизнь съ ея техникой, чтобы оказать содѣйствіе ходу самой жизни. Даже въ самомъ мышленіи человѣкъ стремится отъ формальныхъ медленныхъ пріемовъ *словеснаго мышленія* къ краткимъ, *безсловеснымъ* мыслямъ и выводамъ. Подобнымъ же образомъ человѣкъ все болѣе и болѣе переходитъ отъ медленныхъ способовъ движенія, отъ пѣшаго хожденія — къ ѣздѣ, отъ передачи писемъ и вѣстей почтою къ передачѣ телефономъ, телеграфомъ. Тѣ новости, какія требовали для своей передачи мѣсяцевъ или многихъ дней, теперь передаются въ срокъ нѣсколькихъ часовъ или менѣе сутокъ. Событіе, совершившееся гдѣ-либо на земномъ шарѣ, въ тотъ же день или въ тѣ же сутки становится извѣстнымъ всему міру. Ѣзда по морямъ и океанскимъ путямъ дополняется движеніемъ по воздуху. Обыкновенная передача по воздушнымъ путямъ замѣняется безпроволочнымъ радіо-телеграфированіемъ.

Авіація сдѣлала въ теченіи очень короткаго времени колоссальные, почти невѣроятные успѣхи. Пресса послѣднихъ лѣтъ переполнена авіаціонными новостями. Крупная доля общихъ успѣховъ принадлежитъ нашему отечеству.

314. Сыны неба.

Многіе ли изъ насъ испытали всю сладость паренія въ голубой выси, среди бѣшенно несущихся облаковъ, далеко-далеко отъ прозаической земли, съ ея сѣрыми буднями и нездоровыми страстями. Въ вѣкъ стремительнаго и почти чудодѣйственнаго развитія авіаціи мы, толпа, все еще ходимъ по сѣрымъ и грязнымъ троттуарамъ. Мы еще всѣмъ своимъ существомъ на землѣ; лишь немногіе смѣлые люди оторвались отъ насъ и витаютъ надъ нашими головами. А какъ хотѣлось бы и среднему обывателю почувствовать себя «ближе къ небу». Это желаніе такъ законно и такъ естественно...

Авіаторъ И. И. Сикорскій своимъ «воздушнымъ дредноутомъ» приближаетъ насъ къ претворенію въ жизнь завѣтной мечты. Его новоизобрѣтенный аппаратъ сможетъ поднять не одного-двухъ смѣльчаковъ, а цѣлую толпу людей. Вдобавокъ, при этомъ опасность воздухоплаванія, вытекающая изъ шаткости и неустойчивости нынѣшнихъ аппаратовъ, значительно уменьшается. Аппаратъ твердо держится въ воздушномъ пространствѣ. Если даже судить объ его устойчивости по результатамъ, полученнымъ отъ испытаній «Ильи Муромца», то намъ предстоитъ эра замѣтной демократизаціи воздухоплаванія.

Будемъ всѣ летать. Это такъ заманчиво, и въ то же время это такъ близко. И вѣрится, что высота нашихъ полетовъ возвыситъ и всѣ наши

міроощущенія. Вдали отъ шумовъ суетной земли мы и сами станемъ менѣе суетными. У насъ появятся иныя устремленія мысли, мы ощутимъ въ себѣ дуновеніе новыхъ силъ, приливъ новыхъ очарованій, новыхъ желаній и чаяній... Человѣкъ, летающій въ облакахъ, не можетъ быть равноцѣненъ и подобенъ тому, который умѣлъ лишь «ползать». Перефразируя Горькаго, можно сказать: «рожденный летать — ползать не можетъ».

Будущее авіаціи не должно вырисовываться для насъ исключительно подъ нынѣшнимъ «военнымъ угломъ». Прекрасной мечтой да-Винчи о крыльяхъ для человѣка пока завладѣли хищные инстинкты, которые такъ далеки отъ сказокъ поэта о лазурной дали. Но придутъ иные дни, когда крылья будутъ дарить человѣчеству не только красные потоки, но и радостные уносящіе миги.

Аэробусъ авіатора Сикорскаго даетъ намъ увѣренность, что мы скоро станемъ сынами неба. До сихъ поръ мы были лишь сынами земли. И за то, что вмѣстѣ съ собою онъ поднялъ насъ въ высь, мы не можемъ не проникнуться глубокой къ нему благодарностью.

Тристанъ.

315. Полетъ на «Илье Муромцѣ».

Еще 16 марта тремъ моимъ товарищамъ по Государственной Думѣ и мнѣ былъ обѣщанъ полетъ на нашемъ чудо-богатырѣ «Ильѣ Муромцѣ». Но за нѣсколько дней до того пришлось замѣнить два мотора типами болѣе сильныхъ машинъ. Установка ихъ запоздала и я потерялъ надежду на самый полетъ, такъ какъ изъ газетъ узналъ, что «Илья Муромецъ» по окончаніи этой передѣлки улетитъ въ Либаву и оттуда болѣе не возвратится. Но вчера утромъ получилъ по телефону радостную вѣсть, что установка моторовъ закончена и «Илья Муромецъ» готовъ, чтобы принять насъ на свой воздушный бортъ пассажирами. Около двухъ часовъ мои товарищи И. Ф. Половцевъ и Кн. П. А. Кильдишевъ, М. П. Дмитріевъ и я съѣхались на военномъ аэродромѣ за Московской заставой.

Испытать ощущеніе воздушнаго полета было моей давнишней мечтой.

Съ чувствомъ приподнятаго настроенія и напряженнымъ интересомъ подходили мы къ родному дѣтищу И. И. Сикорскаго.

Съ перваго взгляда поражаютъ величина этого воздушнаго корабля, его надежный видъ и четыре мотора, изъ которыхъ два среднихъ, только что поставленныхъ, рѣзко выдѣляются своими размѣрами. Каюта, вмѣщающая до шести человѣкъ, напоминаетъ узкую каюту довольно большой яхты.

Въ теченіе всего времени, которое мы провели на аэродромѣ, судьба во всѣхъ отношеніяхъ насъ баловала. Безоблачный теплый день выдался такимъ, какой рѣдко бываетъ въ нашемъ мрачномъ и капризномъ Петербургѣ. При яркомъ свѣтѣ уже грѣвшаго по весеннему солнца, въ теченіи

полутора часа мы любовались рядомъ полетовъ нашихъ юныхъ отважныхъ летчиковъ. И я затрудняюсь сказать, что въ этотъ день доставляло больше наслажденія: самый ли нашъ полетъ, или созерцаніе красивыхъ, увѣренныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ именно величественныхъ полетовъ этихъ героевъ воздуха.

Летчикъ Янковскій около насъ взвился на громадную высоту на своемъ монопланѣ «Сикорскій» и минутъ черезъ десять, остановивъ работу мотора, плавно и медленно планируя по спирали, спустился на землю почти на то же мѣсто, откуда вспорхнулъ. Полное впечатлѣніе рѣющей въ воздухѣ громадной и граціозной птицы; только вначалѣ оно какъ бы нарушалось тревожнымъ чувствомъ при сильныхъ наклонахъ аэроплана на поворотахъ. Но впечатлѣніе это быстро пропадало, смѣняясь увѣренностью, что у артиста-летчика его воздушный конь въ твердыхъ и надежныхъ рукахъ.

Затѣмъ такіе же художественные полеты на нашихъ глазахъ совершили лейтенантъ Лавровъ, Алехновичъ, Миллеръ и рядъ другихъ.

Трудно было оторваться отъ зрѣлища, когда нѣсколько аэроплановъ, величаво и спокойно, какъ птицы-гиганты, парили въ небесной лазури, залитые яркими лучами солнца.

Но вотъ «Илья Муромецъ» уже заработалъ своими пропеллерами.

Сейчасъ полетимъ.

— «Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы подняться довольно высоко?» — спрашивалъ насъ М. В. Шидловскій.

Стоя во главѣ этого громаднаго дѣла, онъ спокойно выслушиваетъ выраженія нашего восторга.

— «Сначала моимъ любимымъ дѣтищемъ были моторы, а теперь аэропланы», — говоритъ онъ.

Конечно, никто изъ насъ не далъ отрицательнаго отвѣта на вопросъ М. В. Шидловскаго о высотѣ полета. Но тогда мы не знали еще дѣйствительнаго значенія этого вопроса. Оказывается, мы принимали участіе въ установленіи всемірнаго рекорда на полетъ съ пассажирами въ высоту, такъ какъ поднялись на 1650 метровъ, что и пришлось удостовѣрить своими подписями на подлинномъ чертежѣ кривой полета, снятой съ самого прибора «Ильи Муромца». Длительность полета была 1 ч. 2 мин. При этомъ подъемъ вверхъ продолжался 49 мин., а остальное время — 13 мин. было употреблено на спиральный планирующій спускъ, когда всѣ четыре мотора были остановлены.

Управлялъ полетомъ самъ И. И. Сикорскій, помогалъ ему Янковскій, механикъ Панасюкъ и еще одно лицо, которое я къ сожалѣнію не успѣлъ отмѣтить.

Въ пассажирской каютѣ помѣстилось шестеро: Членъ Государственнаго Совѣта В. І. Гурко, мои товарищи И. Ф. Половцевъ, Князь В. А. Кильдишевъ, М. П. Дмитріевъ, секретарь аэроклуба г. Срединскій и я.

Отрывъ отъ земли, послѣ небольшого пробѣга, незамѣтенъ. Только

лишь моментально пропадаютъ толчки и аэропланъ какъ бы устойчиво взлетаетъ въ воздухъ. На первыхъ порахъ поражаетъ необыкновенно сильный шумъ отъ моторовъ, который не даетъ возможности разобрать ни одного слова. И это, конечно, жаль, такъ какъ совершенно нельзя обмѣняться впечатлѣніями. Прибѣгать къ писанію на бумагѣ вообще въ этой обстановкѣ довольно трудно и главное медленно. Само движеніе въ воздухѣ совершенно неощутимо, нѣтъ никакихъ сосѣднихъ предметовъ, по которымъ можно было бы наблюдать. И только все медленнѣе и медленнѣе, съ каждой минутой подъема, мѣняется панорама внизу, а всѣ предметы на землѣ становятся все меньше и меньше. Вскорѣ Петербургъ остался позади. Сначала, когда мы парили вверхъ и летѣли по направленію Царскаго Села, насъ поразило, какъ быстро стала разростаться ширь горизонта, постепенно теряясь въ легкихъ тонахъ сѣровато-голубой дали. И уже потомъ хотѣлось распознавать мѣстность, надъ которой пролетали.

Окрестности Петербурга, побурѣвшій ледъ Финскаго залива, Стрѣльна, Царское Село, все, что было на землѣ и на чемъ только останавливался глазъ, казалось сказочно-кукольнымъ и необыкновенно близко другъ отъ друга расположеннымъ.

Съ теченіемъ полета, первоначальное чувство нѣкоторой тревоги постепенно вытѣснялось другимъ опредѣленнымъ ощущеніемъ, что нашъ «Богатырь» плотно и удобно витаетъ въ воздухѣ, мощно разрѣзая своею грудью, — золотымъ двуглавымъ орломъ, — воздушное пространство. Повороты тоже незамѣтны. Ихъ можно наблюдать только по наклону гигантскихъ крыльевъ.

Непріятное чувство, которое испытываютъ почти всѣ, когда смотрятъ на землю съ высокихъ построекъ, при полетѣ отсутствуетъ.

Болѣе острое чувство появлялось порою при быстрыхъ опусканіяхъ аэроплана, когда онъ попадалъ въ такъ называемыя «воздушныя пропасти».

Объ этомъ, между прочимъ, насъ предупредили. И весною, когда земля еще не отошла, а солнце уже сильно разогрѣваетъ воздухъ, такихъ «воздушныхъ ямъ», отъ неравномѣрнаго распредѣленія температуры, бываетъ довольно много. Говорятъ, пропасти эти особенно ощутимы на небольшихъ аэропланахъ, когда они саженъ на сто и болѣе прямо какъ бы падаютъ въ воздухѣ и съ такой быстротой, что летчику приходится придерживаться рукой за ближайшія части аэроплана, чтобы не вылетѣть изъ него окончательно.

Самый величайшій моментъ наступилъ тогда, когда на обратномъ пути, подлетая на этой громадной высотѣ къ Петербургу, всѣ моторы были остановлены. Водворилась сразу мертвая торжественная тишина, и надъ самымъ городомъ «Илья Муромецъ» началъ свой знаменитый спиральный спускъ, который, какъ я уже сказалъ, длился 13 минутъ. Кукольный городъ съ Исаакіемъ, представлявшимся небольшимъ яичкомъ, на

нашихъ глазахъ постепенно выросталъ. Круги становились все меньше и меньше, а быстрота полета съ этой воздушной спиральной горы все увеличивалась. Ленточка-Нева понемногу расширялась, улицы изъ тонкихъ, едва намѣчавшихся, линій обратились въ полоски. Постепенно можно было уже различать лошадей и людей. Еще минута и мы плавно, безъ малѣйшаго толчка, опустились на землю, почти на то же мѣсто, съ котораго вылетѣли.

Само собою разумѣется, что день этого полета, 23 марта, неизгладимымъ слѣдомъ врѣжется въ памяти каждаго изъ насъ на всю жизнь.

Передать на бумагѣ всю сложность и глубину пережитыхъ нами ощущеній невозможно.

Красота созерцанія природы въ этотъ яркій солнечный день съ этой невѣроятной высоты, сознаніе побѣды человѣческаго ума, національная гордость, что мы летѣли на русскомъ «кораблѣ-богатырѣ» съ золотымъ двуглавымъ орломъ на груди, самое присутствіе этихъ непоколебимо отважныхъ и скромныхъ тружениковъ, ежедневно, шагъ за шагомъ завоевывавшихъ воздушное пространство, все это вмѣстѣ чередовалось и переплеталось, глубоко и проникновенно волнуя душу, и неизгладимо врѣзалось въ память.

Еще менѣе найду я словъ, чтобы выразить всю глубину и силу нашей благодарности И. И. Сикорскому, его помощникамъ, и глубокоуважаемому М. В. Шидловскому, «отцу» его отважныхъ «дѣтей» — героевъ воздуха.

Впечатлѣніе отъ всего пережитаго въ этотъ день такъ велико, что приходится кончать эту статью только потому, что всетаки надо держаться извѣстнаго предѣла.

Членъ Государственной Думы П. Кузьминъ.

316. На «Ильѣ Муромцѣ».

Около 9 часовъ заработали пропеллеры аппарата. Сикорскій, спокойный и сосредоточенный, сидѣлъ у руля и давалъ контактъ.

Въ просторной, освѣщенной 12 окнами, пассажирской каютѣ, глубоко усѣвшись на бѣлыхъ плетеныхъ креслахъ у небольшого столика, попыхивали папиросами авіаторы Янковскій и Алехновичъ. Все готово. Гулъ пропеллеровъ сильнѣе. Моторы даютъ полный ходъ. Они свистятъ, ревутъ, гудятъ, точно бѣшенные. Толчокъ — и аппаратъ двигается съ мѣста. Тяжелый и рычащій, онъ подпрыгиваетъ на неровныхъ кочкахъ поля, перескакиваетъ черезъ небольшую канавку, пробѣгаетъ мимо любопытствующей публики, пятнами зачернившей желтое полотно сосѣдней Балтійской желѣзной дороги, и черезъ 13-15 секундъ разбѣга съ ревомъ и свистомъ повисаетъ въ воздухѣ и послушно идетъ въ гору. Подъемъ начался. Выше! Выше!

Черезъ минуту мы пересѣкаемъ аэродромъ и несемся надъ сосновымъ лѣсомъ. Сверху онъ кажется большой зеленой щеткой, положенной волосомъ къ небу. Въ просвѣтахъ деревьевъ — лужицы. Онѣ горятъ, какъ куски стекла, озаряемыя солнцемъ. Выше! Выше!

— Взгляните сюда, — говоритъ мнѣ Янковскій, нашъ лучшій «петлистъ», — Финскій заливъ.

Подъ заходящимъ вечернимъ солнцемъ рябь залива сверкаетъ милліонами искръ. Какъ близокъ онъ отсюда! Но вотъ онъ скрывается. Внезапно я наклоняюсь и падаю влѣво. Горизонтъ странно измѣняется: прежде правильный, онъ вдругъ становится косымъ, какъ будто часть его отсѣченная невидимымъ ножомъ, пропадаетъ безслѣдно. Сѣрая крыша какого-то сарая внизу тоже наклоняется, и все зданіе производитъ впечатлѣніе опьянѣвшаго и желающаго перевернуться черезъ свою голову.

Что такое? Виражъ — ничего болѣе! «Муромецъ» только что сдѣлалъ крутой поворотъ подъ угломъ.

Еще немного — горизонтъ выпрямляется, крыша пьянаго сарая, хотѣвшаго перевернуться, мелькаетъ за нами съ виноватымъ видомъ, и Петербургъ, многотрубный, грязный, изрыгающій столбы дыма, повертываетъ къ намъ свое закопченное вечернее лицо. Тысячи крышъ, колокольня Новодѣвичьяго монастыря, странно маленькая, почти игрушечная, купола соборовъ, похожіе на золотыя пуговки, и ленты улицъ, узкія, какъ трещины на коркѣ хлѣба — мрѣютъ въ вечернемъ дыму, скрытыя имъ, какъ гигантской полупрозрачной завѣсой.

Мы надъ полотномъ Балтійской желѣзной дороги. Впереди, верстахъ въ 5 отъ насъ, пустивъ бѣлый султанъ, мчится поѣздъ. Безъ сомнѣнія, это курьерскій — въ немъ только шесть вагоновъ, и такая поспѣшность, точно онъ летитъ съ извѣстіемъ объ открытіи военныхъ дѣйствій. Мы снижаемся. Поединокъ начинается. Паровозъ напрягаетъ всѣ силы, чтобы не сдаться — это видно даже сверху. Изъ оконъ вагоновъ высовываются десятки головъ. Я вижу, какъ, точно бѣлыя бабочки, мелькаютъ платки пассажировъ. Они привѣтствуютъ насъ. Мы настигаемъ поѣздъ. Ближе... ближе, паровозъ выбивается изъ послѣднихъ силъ. Дымъ его отъ злости и напряженія дѣлается совершенно чернымъ. Но вотъ мы летимъ надъ самыми вагонами. Первый, второй, третій, четвертый... Они остаются за нами такъ же просто, какъ будто ѣдемъ только мы, а они стоятъ на мѣстѣ. Послѣдній вагонъ... Ага! И паровозъ остается за нами! Поединокъ оконченъ.

— Не хотите ли на верхнюю площадку? — приглашаетъ меня летчикъ лейтенантъ Лавровъ.

Площадка — на спинѣ аппарата, за его крыльями, на передней части хвоста. Я вхожу на нее по маленькой аллюминіевой лѣсенкѣ, дрожащей отъ работы моторовъ. Вѣтеръ реветъ отчаянно, понуждая схватиться за барьеръ. Сейчасъ «Муромецъ» весь подо мною, громадный и величественный. За барьеромъ пропасть.

Въ пассажирскую каюту Янковскій поднимаетъ легкій квадратный люкъ, продѣланный въ полу и предназначенный для метанія бомбъ. Въ отверстіи квадрата земля мелькаетъ, какъ на экранѣ кинематографа. Вотъ прудъ какого-то дворца, садъ, куполъ церкви, лѣсокъ, опять лѣсокъ, пашня, громадное зданіе, дорога, десятокъ прохожихъ, похожихъ на обойные гвоздики, вбитые въ землю, улица, крошечный автомобиль, — чудовищная быстрота спутываетъ всѣ представленія о пространствѣ, порождаетъ хаосъ, недоумѣніе.

Вечеръ близокъ. Пора возвращаться. Какъ жаль! Наклонъ, мы мчимся сейчасъ почти надъ самой землей.

Но — стопъ! Колеса касаются земли. Небольшой пробѣгъ, легкое подпрыгиваніе на кочкахъ, и желтый гигантъ затихшій и покорный, останавливается какъ разъ у своего ангара. Полетъ конченъ; мы выходимъ изъ каюты. Въ головѣ — адская музыка пропеллеровъ, шумъ, ревъ и свистъ и туманъ промчавшихся видѣній, краткихъ, мимолетныхъ и несказанно прекрасныхъ.

А. Масаиновъ.

317. Разочарованіе.

На свои дирижабли,
Опираясь на сабли,
Смотрятъ нѣмцы хвастливо и гордо;
Ихъ орлы-Парсивали
Знаменитыми стали
И въ полетахъ достигли рекорда.
Хотъ они толстопузы,
Но солидные грузы
Поднимаютъ легко и свободно.
И на нихъ безъ опаски
Разъѣзжать, какъ въ коляскѣ,
Могутъ нѣмцы, куда имъ угодно.
Захотятъ и въ Парижѣ,
Захотятъ и поближе —
Побываютъ они безъ отказа;
Стоитъ только безъ злобы
Цеппелинамъ въ утробы
Накачать водороднаго газа.
Хоть они неуклюжи
И летаютъ къ тому же
Не особенно бойко и скрыто
Но для тонкой работы
Есть на нихъ пулеметы

И хорошій запасъ динамита.
Нѣмцы смотрятъ ехидно:
— Всѣмъ, молъ, странамъ завидно,
Что у насъ хороши Цеппелины.
Съ козырями такими,
Кораблями своими
Мы, молъ, хвастать имѣемъ причины...
Вдругъ сердиты и строги
Слышатъ нѣмцы въ тревогѣ,
Вопреки похвальбамъ молодецкимъ,
Что строитель заморскій
Авіаторъ Сикорскій
Носъ утеръ дирижаблямъ нѣмецкимъ.
Какъ могучая птица
Онъ по воздуху мчится,
Не имѣя пузатыхъ баллоновъ,
И безъ всякой обузы
Небывалые грузы
Поднимаетъ не хуже тевтоновъ.
Съ быстротою своею
Можетъ нѣмцамъ на шею
Онъ свалиться въ любое мгновенье.
Есть для тонкой работы
И на немъ пулеметы
И другіе сорта угощенья...
И, какъ будто озябли,
На свои дирижабли
Смотрятъ нѣмцы съ невольною дрожью.
И, къ сенсаціямъ глухи,
Непріятные слухи
Называютъ безсмысленной ложью.

318. Прилетъ «Ильи Муромца» изъ Петрограда въ Кіевъ.

Раннее утро...

Еще дождь, обильно выпавшій ночью, продолжаетъ моросить.

Облака нависли кругомъ и медленно толкаетъ ихъ вѣтеръ, кажется, конца края имъ не будетъ...

Огромное поле Куреневскаго аэродрома пустынно; только возлѣ ангаровъ стоитъ колонна солдатъ Тираспольскаго полка, предусмотрительно присланныхъ на разсвѣтѣ для охраны аппарата, въ случаѣ прибытія летчиковъ.

Постепенно тучи расползаются, образуются свѣтлые просвѣты и вмѣстѣ съ ними появляется надежда на прилетъ «Ильи Муромца».

Примчались на автомобилѣ корреспонденты, прибылъ нарядъ полиціи...

Уже 8 часовъ утра.

Звонъ телефона не прекращается: изъ города интересуются — «не прилетѣлъ ли»?

Наконецъ по телефону сообщаютъ, что «Илья Муромецъ» въ половинѣ четвертаго вылетѣлъ изъ Орши и долженъ быть въ Кіевѣ послѣ 8 часовъ...

Раздалась команда офицеровъ и солдаты разсыпались по полю, окруживъ аэродромъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, вдругъ одинъ изъ солдатъ, замѣтивъ въ облакахъ нѣчто необычное, закричалъ:

— Летитъ.

Взоры присутствующихъ обратились на востокъ и всѣ, какъ бы замерли, въ созерцаніи поразительно величаваго зрѣлища.

Небывалый сказочный исполинъ вынырнулъ изъ облаковъ...

Со страшнымъ гудѣніемъ, но не со злобою, а съ добродушной воркотней, разсѣкая воздухъ, стремился онъ къ ароматному, свѣжеумытому полю и прозрачная тѣнь отъ широко разбросанныхъ крыльевъ гиганта мягко скользила по землѣ.

— Здравствуй, прекрасный богатырь, великій «Илья Муромецъ»! Старикъ Кіевъ всѣмъ сердцемъ горячо привѣтствуетъ тебя!

319. «Илья Муромецъ».

Послѣ трудныхъ боевыхъ дней — отдыхъ и тишина! Впереди осталось еще нѣсколько верстъ родной земли, а дальше раскинулась еще невиданная и таинственная вражеская страна.

Непріятеля передъ нами не видно. Потрепанный въ продолженіи своего стоверстнаго отступленія, онъ втянулся обратно къ себѣ, обозначивъ свой путь широкой лентой брошенныхъ трофеевъ, начиная съ повозокъ и кончая касками. Когда то мы имъ радовались, а теперь проходимъ равнодушно...

Все также тянутся дожди уже много дней, превращая поля въ болота, опадаютъ листья; все кругомъ мокрое, сѣрое, унылое. Почему-то представляется, что назади, въ родномъ городѣ, такъ же, какъ и лѣтомъ, въ часъ разставанья, свѣтитъ солнце, ясно небо и лѣса зеленѣютъ...

Весь день справа, гдѣ-то вдали, грохотали пушки: тамъ шелъ бой. Тамъ кто-то расчистилъ намъ путь, оттѣснивъ германцевъ, и къ вечеру мы продвигаемся впередъ, въ чужую землю.

На сердцѣ немного жутко, а въ общемъ весело и интересно.

— Говорятъ — господа заграницу ѣздятъ, вотъ и нашему брату черняку привелось заграницу повидать.

Идемъ долго. Нѣтъ конца пути, какъ и дождю, все льющему и льющему. Все намокло, отяжелѣло. Хочется согрѣться, переобуть застывшія и натертыя ноги.

Ночь настала. Все идемъ. Не видно ни пройденнаго пути, ни дороги впереди. И дождь уже не чувствуетъ отупѣвшее отъ усталости тѣло.

Вошли въ лѣсъ. Темно, ноги спотыкаются о рытвины песчаной дороги.

За лѣсомъ — короткій привалъ. Не снимая амуниціи, чтобы не терять драгоцѣнныхъ минутъ, валимся на спину въ мокрую траву. Въ головѣ плывутъ безъ толку и порядка воспоминанія, мечты о чемъ-то.

Снова идемъ. Проходимъ улицу сожженной деревни. Ни огня, ни человѣка кругомъ...

По рядамъ перекатывается:

— Границу перейдемъ сейчасъ.

Все такой же сплошной мракъ впереди, но взбадривается сердце и ждетъ чего-то необычайнаго.

Кто-то отдѣляется въ сторону и нагибается къ землѣ.

— Яровой на родной землѣ побѣгъ... На память взять...

Усмѣхаются. Но уже много по сторонамъ дороги неясныхъ во мракѣ фигуръ, нагибающихся, берущихъ землю, прячущихъ ее...

Уже не слышно шутокъ и смѣха.

Крестятся и прячутъ на груди и въ карманы холодную, влажную, разсыпающуюся подъ пальцами землю родины...

Стали бивуакомъ на чужой землѣ. Утромъ оглядываемся кругомъ.

— Ничего... Все, какъ у насъ.

Поблекшіе, холмистые поля; рѣдкій лѣсъ, вдалекѣ деревня, — вся каменная и аккуратная.

Гдѣ-то аэропланъ гудитъ — низко, многоголосно, не такъ какъ слыхали раньше. Ищемъ его на облачномъ небѣ.

— Не видать, а гудитъ словно близко...

— Особливый какой-нибудь.

— Ужъ не «Цеппелинъ» ли надвигается?

Жадно ищемъ, можетъ быть подвернется счастье — собьемъ, а можетъ быть, бомбы станутъ бросать...

— Изъ штаба говорятъ — нашъ летитъ...

— Вотъ онъ!

Быстро надвигается точка, растетъ, ширится съ оглушающимъ гудѣніемъ.

— Смотри-ка, громадный какой!

Ясно видѣнъ необычный аэропланъ. Въ восторгѣ и гордости слѣдимъ молча...

— Людей видать.

Это «Илья Муромецъ»!

Долго и безплодно машемъ шапками могучему земляку: онъ несется впередъ, въ чужую землю, совершая какое-то важное, нужное дѣло.

— Помоги имъ, Господи, вернуться живыми, — шепчетъ бородачъ изъ запасныхъ и, снявъ шапку, низко, по мужичьи, степенно кланяется въ поясъ исчезающей точкѣ.

«*Голосъ Руси*». Октябрь 1914 г.

320. б) Антропологія.

Антропологія принадлежитъ къ числу новѣйшихъ наукъ, она возникла и стала самостоятельной наукой только въ 19-мъ столѣтіи. Антропологія имѣетъ своимъ предметомъ изученіе человѣка, какъ зоологія — изученіе жиовтныхъ. Антропологія изучаетъ собственно человѣческій родъ и есть наука о человѣчествѣ и составляющихъ его племенахъ и народахъ.

Общее число человѣческаго населенія на землѣ (въ началѣ XX вѣка) около полутора милліарда. Между отдѣльными вѣтвями оно распредѣляется слѣдующимъ образомъ въ круглыхъ милліонахъ:

Хамитовъ	20 милліоновъ	
Семитовъ	25	(Арабы и Евреи)
Малайцевъ	30	
Негровъ	100	
Монголовъ	400	
Арійцевъ	800	

Изъ этой таблицы видно, что Арійцы занимаютъ въ численномъ отношеніи первое мѣсто, но они обладаютъ, въ то же время, самой высокой интеллигенціей, самой тонкой проницательностью и самымъ далекимъ предусмотрѣніемъ. Господство Арійцевъ надъ міромъ изъ года въ годъ наростаетъ и ширится. Очевидно, что оба факта между собою связаны, т. е. тонкій умъ и высшія нравственныя достоинства Арійцевъ обезпечиваютъ за ними силу, господство на землѣ и самое возрастаніе въ числѣ. Характеристика этой выдающейся части человѣчества заслуживаетъ, чтобы ее признать весьма важной и знаменательной.

Арійцы принадлежатъ къ самымъ талантливымъ вѣтвямъ человѣчества, отличаются силой и глубиной дарованій, широтой и разностороннимъ развитіемъ способностей, при врожденномъ идеализмѣ и идеальномъ направленіи жизни. Въ этомъ смыслѣ съ Арійцами несравнима ни одна изъ вѣтвей человѣческаго рода.

Одаренность Арійцевъ укрѣпила за ними первую роль въ духовномъ руководительствѣ народами и въ обладаніи міромъ. При тонкости своего ума Арійцы глубоко проникли въ существо вещей, способны къ наукамъ и искусствамъ, вѣрно предусматриваютъ отдаленное будущее и подготовляютъ за долгія времена соотвѣтственныя тому мѣры и дѣйствія. Свойственный же имъ *идеализмъ* даетъ разумѣніе и силу для идейной организаціи будущаго прогресса человѣчества. Арійцы создали образцовыя литературы, музеи, книгохранилища, картинныя галлереи, школы, всякаго ро-

да правительственныя учрежденія, академіи, общества для усовершенствованія жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Сообразно этимъ идейнымъ программамъ они осуществили на дѣлѣ правый судъ и хорошее законодательство. Арійцы созидаютъ и постоянно совершенствуютъ всю внѣшнюю обстановку человѣческаго общежитія сообразно требованію науки, искусства и жизненнаго опыта. Вся ихъ жизнь во всѣхъ своихъ шагахъ обращена въ *искусство жизни,* всесторонне управляемое наукой, художествами, гигіеной и техникой, при постоянныхъ заботахъ объ отдаленномъ будущемъ. Почти всѣ арійскіе народы ведутъ жизнь по національному типу; такая жизнь, по мнѣнію Ренана, имѣетъ шансы удержаться и въ будущемъ въ теченіи многихъ столѣтій.

Пока національная жизнь, устанавливавшаяся постепенно у разныхъ народовъ Европы, не достигла степени *созидательности,* выдающіеся арійскіе умы этихъ народовъ слѣдовали историческимъ образцамъ сошедшихъ со сцены Греческихъ и Римскихъ Арійцевъ (въ эпоху Возрожденія — Ренанъ), — что нѣкоторыми авторами принимается за *всечеловѣчность* или *общечеловѣчность.*

Такъ какъ Арійскіе народы имѣютъ своимъ мѣстомъ жительства Европу, то Европа и все Европейское стало синонимомъ *Арійскаго* или высшаго.

321. в) Астрономія.

Древнѣйшая человѣческая наука Астрономія, извѣстная и пугавшая своею философіей и своими подавляющими величинами, пространствами и сроками, пріобрѣла въ послѣднее время выдающійся общій интересъ своимъ содержаніемъ, своими вновь открытыми фактами и такими успѣхами, которые поразили и удивили міръ. Вѣроятно Астрономія даже не далека отъ мысли подумать о начертаніи плана строенія Вселенной. Главнѣйшіе вопросы Мірозданія уже начинаютъ находить себѣ отвѣтъ на пытливые запросы міра. При дружномъ устремленіи къ небу Галилеевъ, Коперниковъ, Гершелей, Ньютоновъ и немалаго числа великихъ умовъ ихъ послѣдователей — тайна Мірозданія неожиданно открывается предъ учеными и любителями.

Новѣйшіе успѣхи Астрономіи имѣютъ въ себѣ особенную силу и привлекательность для юношей и для взрослыхъ любителей величія природы. У обоихъ взоръ, обращенный къ небу, будетъ сторицею вознагражденъ успѣхами *ума* и самымъ усовершенствованіемъ *характера.* У обоихъ вниманіе и время, взятое у *земли,* будетъ ей съ лихвою возвращено.

Первое, что поражаетъ наблюдателя при обозрѣніи небеснаго свода, это колоссальное видимое пространство. Какъ много звѣздъ? Какъ далеки звѣзды? — невольно рождаются размышленія въ умѣ человѣка. Какъ далеки и какъ ярки звѣзды? — невольно вторитъ человѣку его мысль.

Сколько въ самомъ дѣлѣ звѣздъ въ небѣ и какъ онѣ далеки отъ насъ? Кажется, что онѣ безъ счету, что ихъ счесть невозможно. Но если не оставаться при этомъ первомъ впечатлѣніи и стараться постепенно разобраться, находя въ небѣ пути и руководящія точки, то Астрономія вскорѣ станетъ понятнымъ и завлекательнымъ предметомъ. Любитель не долженъ бояться первыхъ, нѣсколько утомительныхъ, напряженій глазъ и обуревающаго величія. Но собственно Астрономія не утомляетъ наблюдателя, а возбуждаетъ и ободряетъ. Если занятія по возможности ежедневны, вниманіе и опытъ постепенно наростаютъ.

Начинающему достаточно имѣть простой бинокль; но очень многое можно видѣть на небѣ простымъ невооруженнымъ глазомъ.

Для начала слѣдуетъ разсмотрѣть группу звѣздъ — Большую Медвѣдицу (мѣстное названіе въ Ю. З. Краѣ Возъ). Въ самомъ дѣлѣ это нѣчто вродѣ сельско-хозяйственнаго орудія того же имени, на четырехъ колесахъ съ рукояткою спереди, состоящею изъ трехъ звѣздъ (вродѣ дышла). Созвѣздіе хорошо видно въ сѣверномъ полушаріи во всякое время года. Если отъ заднихъ колесъ созвѣздія провести впередъ отъ себя воображаемую прямую линію по небу, то она достигаетъ яркой звѣзды, которая есть Сѣверная Полярная Звѣзда и приходится почти надъ самымъ полюсомъ. Полярная звѣзда можетъ послужить исходной точкой для оріентированья во всѣхъ передвиженіяхъ глаза по небу. Знать Полярную Звѣзду и умѣть ее находить потому необходимо и весьма полезно, что Звѣзда эта приходится надъ самымъ Сѣвернымъ полюсомъ земли и указываетъ его мѣсто. Если бы полетѣть къ полюсу, то мѣсто, находящееся въ зенитѣ, почти точно соотвѣтствуетъ продолженію земной оси, которая Звѣздою намѣчается и указывается. Полярная Звѣзда кажется наблюдателю неподвижно стоящей на небѣ, тогда какъ всѣ другія звѣзды какъ будто являются передвигающимися всей массой по небу съ востока на западъ по кругамъ, совершаемымъ, то полностью надъ горизонтомъ, то частью надъ частью, подъ горизонтомъ. Звѣзды дѣлаютъ полный оборотъ не въ 24 часа, какъ солнце, а на 4 минуты быстрѣе. Поэтому для наблюдающаго небо въ одинъ и тотъ же часъ ночи, звѣздная картина вчера не та, что сегодня, сегодня не та, что завтра. Тѣ созвѣздія, которыя мерцали на югѣ постепенно склоняются къ западу; на востокѣ медленно выплываютъ новыя, чтобы достигнуть наибольшей высоты, а затѣмъ уступить мѣсто другимъ. Зимнее небо не похоже на лѣтнее, весеннее на осеннее. И лишь въ сѣверной его части круглый годъ сверкаютъ одни и тѣ же не мѣняющіеся звѣздные узоры.

Подымая въ ясный весенній вечеръ взоры къ небу, мы увидѣли бы знаменитую фигуру Большой Медвѣдицы прямо надъ нашей головой. Въ холодные осенніе вечера мы найдемъ ее уже опустившейся почти до самаго сѣвернаго горизонта. Но при всѣхъ перемѣщеніяхъ по небесному своду двѣ заднія лапы Медвѣдя, какъ рисовали Греки, или два колеса Воза, какъ представляютъ жители Ю. З. Края, своимъ продолженіемъ постоян-

но и неизмѣнно указываютъ на сѣверный полюсъ неба, на Полярную Звѣзду. Отъ Полярной Звѣзды идетъ такая же фигура Возъ изъ 7 звѣздъ меньшей величины — Малая Медвѣдица, обращенная противоположно Большой Медвѣдицѣ.

Если въ 9—10 часовъ вечера въ ноябрѣ обратимся къ востоку, то увидимъ восходящее созвѣздіе Оріона. Оно будетъ намъ служить такимъ же указателемъ, какъ Большая Медвѣдица. Оріонъ начинаетъ появляться глубоко внизу на востокѣ слѣва и идетъ по небесному своду на западъ, гдѣ и заходитъ. Въ этомъ удобномъ положеніи Оріонъ можно наблюдать въ теченіи полугода. Три среднихъ звѣзды созвѣздія Оріона, расположенныя въ линію, называются поясомъ Оріона. Выше пояса, слѣва, звѣзда первой величины Бетельгейзе (А. Оріона), внизу, справа, такая же первой величины — Ригель (В. Оріона), влѣво и ниже на продолженіи пояса звѣзда первой величины Сиріусъ (А. Большого Пса), а вправо и сравнительно выше также звѣзда первой величины — Альдебаранъ (А. Тельца). Сиріусъ самая яркая бѣлая звѣзда неба, а Альдебаранъ большая красная звѣзда.

Звѣздныя скопленія Плеяды и Гіады въ Созвѣздіи Тельца легко найти отъ Альдебарана. Почти въ зенитѣ лѣтняго неба расположена Вега въ созвѣздіи Лиры, звѣзда первой величины, къ созвѣздію которой направляется со всей своей системой планетъ и ихъ спутниковъ и наше солнце со скоростью 19 верстъ въ секунду. Отъ созвѣздія Лиры легко найти знаменитыя звѣзды треугольника Вега, Альтаиръ, Денебъ — все звѣзды первой величины и изъ нихъ Денебъ очень большая и очень далекая. Вега 26 свѣтовыхъ лѣтъ, Альтаиръ — 16 лѣтъ, Денебъ 652 свѣтовыхъ года. Должно знать еще созвѣздіе Возничій съ Капеллой, Андромеду, Персея. Все звѣзды свѣтовой дальности, т. е. онѣ удалены на ужасающія разстоянія. Солнце — близкая къ намъ звѣзда: свѣтъ идетъ къ намъ отъ солнца всего 8 минутъ, а отъ указанныхъ звѣздъ свѣтъ, идущій къ намъ, употребляетъ на свой путь не минуты, не часы и дни, а цѣлые *года,* число которыхъ показано.

Вселенная представляетъ собою міровую постройку въ самомъ полномъ значеніи слова не только по своимъ колоссальнѣйшимъ размѣрамъ, превосходящимъ всякое человѣческое представленіе, но и по совершеннѣйшему осуществленію всѣхъ законовъ природы, которые показаны въ созвѣздіи съ такой полностью и такимъ глубокомысліемъ, надъ пониманіемъ котораго трудятся высшіе умы лучшихъ людей человѣчества, чтобы только распознать эти законы. И за всѣмъ тѣмъ, наблюдатель этихъ естественныхъ чудесъ еще далеко не все уразумѣлъ и все, что мы называемъ открытіемъ, изслѣдованіемъ, проникновеніемъ въ тайны природы, для насъ ново, невѣдомо, удивительно, доступно только мудрѣйшимъ и ученѣйшимъ людямъ, оставаясь невѣдомымъ большинству людей. Такъ глубока тайна творенія, такъ трудно обыкновенному наблюдателю пониманіе истины. Но человѣкъ стремится къ ней, какой бы цѣной она ни добывалась. Справед-

ливо говорится, что стремленіе къ истинѣ вложено въ самое существо человѣка, и не безъ основанія человѣкъ называетъ *творчествомъ* — поэтическимъ творчествомъ лучшія минуты своего существованія. Таково мудрое человѣческое сравненіе.

Вселенная не построена однимъ разомъ, или краткимъ срокомъ. Дѣло это долгое и потребовались необычайные сроки.

Главное, для чего необходимъ былъ громадный строительный матеріалъ — звѣздные міры, создано изъ *вещества* или матеріи. Но и эта самая матерія не простой строительный матеріалъ вродѣ камней или кирпичей. Это матеріалъ, надъ распознаваніемъ котораго трудились лучшіе людскіе умы всѣхъ временъ, включительно до новѣйшаго. Вещество или матерія — это такой замысловатый предметъ, что, не смотря на усилія всѣхъ ученѣйшихъ людей всего человѣчества, вопросъ о *ней* не разрѣшенъ окончательно, но повидимому близокъ къ своему окончательному удовлетворительному рѣшенію. И то это случилось, чуть не наканунѣ двадцатаго столѣтія... Такова загадка міра. Поистинѣ, вѣковѣчная загадка.

Но что такое самъ человѣкъ? Въ какихъ мѣстахъ, въ какихъ мірахъ Вселенной возникло, зародилось это существо съ сердцемъ, съ идеей, съ неугасимыми порывами къ *истинѣ и знанію,* со стремленіемъ къ правдѣ, о которомъ поэтъ въ своемъ творческомъ одушевленіи даже молится, чтобы уменьшенъ былъ этотъ порывъ, этотъ внутренній огонь, который только формально объясняется зоологіей:

Но угаси сей чудный пламень —
Всесожигающій костеръ,
Преобрази мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ.

Лермонтовъ.

Всѣхъ вопросовъ міросозданья не разрѣшить и такому разумному существу, какъ человѣкъ. Для того нужны долгія времена, необходимы космическіе сроки, чтобы самому человѣку стать *инымъ,* достигнуть истины, которая такъ трудна, такъ сокрыта, такъ недосягаема. Но человѣкъ стремится къ *истинѣ,* къ правдѣ, къ *совершенству.* Эти стремленія въ немъ неугасимы.

Вселенная содержитъ въ себѣ очень огромное, хотя и не безконечное число звѣздъ. Сильнѣйшіе телескопы покажутъ до 100.000.000 звѣздъ, не вводя въ это число планеты и всѣ космическіе мелкіе предметы, разные астероиды, небольшія планетки изъ разряда такъ называемыхъ *карманныхъ* планетъ по нѣсколько верстъ въ поперечникѣ, а также носящіеся по необъятному простору Вселенной разныя кометы, кометные обломки, разные мелкіе предметы, всякаго рода пыль и т. п.

Земля, не смотря на свою космическую незначительность, заслуживаетъ потому особаго вниманія, что она носительница разумнаго сущест-

ва — человѣка, который способенъ *искать истину, стремится къ добру* и нравственному совершенству. Это величайшее космическое достоинство, за которое человѣку многое простится... Но существуютъ ли люди въ другихъ помѣщеніяхъ Вселенной? Съ достовѣрностью никто на землѣ не знаетъ и не узнаетъ до того, вѣроятно, срока, пока не установятся междупланетныя путешествія, которыя вѣроятно и сдѣлаются доступными такому умному существу, какъ человѣкъ.

Главную же массу вещества Вселенной составляютъ громадные свѣтящіеся предметы, гораздо большіе, чѣмъ наше солнце, но не кажущіеся такими по причинѣ необыкновеннаго удаленія отъ насъ. Солнце находится сравнительно близко и лучъ свѣта доходитъ до насъ отъ солнца всего въ 8 минутъ, но не въ *минуту* или *секунду,* какъ бы то казалось. Быстрота свѣтового луча точно измѣрена, она составляетъ 186.300 миль въ секунду или 300,000 километровъ въ секунду (280.000 верстъ); слѣдовательно весь свѣтовой путь требуетъ восьми минутъ при разстояніи солнца отъ земли въ 92.870.000 миль или 143.000.000 верстъ. Мѣрить верстами разстояніе до звѣздъ невозможно, его измѣряютъ мѣсяцами и годами свѣтового пути. По такому измѣренію ближайшая къ намъ звѣзда А. Центавра

(Альфа Центавра) удалена отъ насъ на	4.3	года.
Сиріусъ (Большого Пса) на	8.7	-:-
Вега (Лиры) на	26.0	-:-
Арктуръ (Волопаса) на	43.5	-:-
Альдебаранъ (Тельца) на	57.0	-:-
Капелла (Возничаго) на	49.4	-:-
Мицаръ (Большой Медвѣдицы) на	99.0	-:-
Бетельгейзе (Оріона) на	192.0	-:-
Полярная Звѣзда (Малой Медвѣдицы) на ..	466.0	-:-
Канопусъ (Киля) на	600.0	-:-
Денебъ (Лебедя) на	652.0	-:-

Есть звѣзды, удаленныя на *одну, двѣ* и болѣе тысячъ лѣтъ свѣтового пути. Есть звѣздныя скопленія, удаленныя на много милліоновъ лѣтъ свѣтового разстоянія. Такія разстоянія нельзя не назвать ужасающими величинами съ человѣческой точки зрѣнія.

Наиболѣе поразительное явленіе въ мірѣ звѣздъ состоитъ въ томъ, что всѣ онѣ находятся въ движеніи: названіе *неподвижныя* звѣзды есть названіе старинное и неточное. Оно относится къ тому времени, когда перемѣщенія звѣздъ казались столь незначительными, не замѣчались простымъ глазомъ, а точныхъ измѣреній еще не дѣлалось за отсутствіемъ измѣрительныхъ инструментовъ. Начиная съ Гершеля стали производиться измѣренія собственнаго движенія звѣздъ. Ими точно установлено, что всѣ звѣзды имѣютъ движеніе, такимъ образомъ оказывается, что во Вселенной нѣтъ покоя и неподвижности.

Куда направляются звѣзды въ своемъ движеніи? Какъ велико это движеніе, какова скорость собственнаго движенія звѣздъ?

Можно сказать, что звѣзды не движутся, а мчатся по своимъ невѣдомымъ путямъ. Ихъ скорость необыкновенно велика, какъ и скорость всѣхъ другихъ небесныхъ тѣлъ, несравнимая съ тою, какую мы знаемъ на землѣ: скорость вѣтра и поѣздовъ несравнима съ планетною или звѣздною скоростью: наша земля движется по своей орбитѣ около солнца со скоростью 28 верстъ въ секунду. Колоссальныя звѣзды — со скоростью отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотъ верстъ въ секунду. Наше солнце всей своей массой движется со скоростью 19 верстъ въ секунду. Такова вообще планетная и звѣздная скорость. Скорость же звѣзды Арктуръ достигаетъ 300 километровъ въ секунду.

Не взирая на такую поразительную быстроту, собственно движеніе звѣздъ, т. е. дѣйствительное перемѣщеніе ихъ по небеснымъ пустынямъ, говоря языкомъ Лермонтова, кажется медленнымъ, малозамѣтнымъ только потому, что эти пространства отличаются необыкновеннымъ космическимъ просторомъ и безбрежностью. Большая часть проносящихся въ нихъ звѣздъ проходятъ свои обычные пути съ обычной быстротой, но при существующей безбрежности это такъ мало замѣтно, что перемѣщенія большей части звѣздъ черезъ столѣтія и тысячелѣтія едва замѣтны. Путь въ нѣсколько милліоновъ верстъ въ годъ остается незамѣтнымъ и для пассажировъ земли. О своемъ пути они знаютъ только по отвлеченному представленію по своей мысли, но дивный полетъ ничѣмъ не даетъ о себѣ знать, остается непримѣтнымъ и незамѣтнымъ. Путь лежитъ въ абсолютной пустотѣ и тишинѣ, гдѣ ничто не шелохнется, не заколышется. Только одинъ глазъ могъ бы воспринимать впечатлѣнія, но въ этой безбрежной *пустынѣ и пустотѣ,* самый глазъ безпомощенъ, утопая въ безконечной дали.

Куда направляется это, теперь уже безспорное и несомнѣнное движеніе звѣздъ? — Звѣзды идутъ по различнымъ направленіямъ: звѣзды Большой Медвѣдицы двигаются въ одномъ направленіи, другія звѣзды въ иныхъ многоразличныхъ направленіяхъ. Но во Вселенной не можетъ быть другихъ путей, кромѣ криволинейныхъ, потому что движеніе прямолинейное обозначало бы просто удаленіе отъ цѣли, между тѣмъ криволинейный путь предвѣщаетъ возвратъ или поворотъ около какого то центра, что естественно для звѣзды.

Въ Южномъ Полушаріи расположена ужасающей величины звѣзда Канопусъ (Килля), которую Уолкей считаетъ центромъ Вселенной. Свѣтовая сила Канопуса въ 49.700 разъ превосходитъ силу солнца, а объемъ въ два съ половиной милліона разъ больше объема солнца. Вообще Канопусъ превосходитъ величиною наше солнце настолько, какъ оно само превосходитъ нашу землю, т. е.. въ 1.300.000 разъ.

Въ движеніи звѣздъ обнаруживаются многоразличные, притомъ поразительные факты. Самый замѣчательный — это такъ называемыя *двойныя звѣзды.* Онѣ движутся *парами или группами.* Это двѣ или нѣсколько

звѣздъ, расположенныхъ такъ близко, что въ сущности, это какъ бы одна звѣзда, гдѣ два, три и болѣе отдѣльныхъ звѣздныхъ тѣла вращаются другъ возлѣ друга или около одного общаго всѣмъ имъ центра тяжести; уносятся вдаль, какъ одна матеріальная группа, подчиненная совмѣстному общему перемѣщенію, въ которомъ уже теряются и утопаютъ всѣ мелкія колебанія и повороты, а выступаетъ одинъ могучій, цѣльный, смѣлый бросокъ окаменѣвшаго вещества, части котораго такъ сближены, что не различимы иначе, какъ въ хорошую астрономическую трубу. Это своего рода творческая смѣлость художника. Есть звѣзды, движущіеся около другихъ, какъ единственный могучій спутникъ своего центра, подобно Алькору съ Мицаромъ. Точно совершилась аберрація самой идеи центровъ и спутниковъ. При ста милліонахъ звѣздъ Вселенной варьянты творчества какъ бы неизбѣжны. Но *двойныя* звѣзды, *тройныя* звѣзды и вообще кратныя такъ многочисленны, что грань между исключеніемъ и правиломъ ставится природою здѣсь широко.

Наше солнце, которое можно назвать *земной звѣздой*, является на самомъ дѣлѣ одной изъ звѣздъ и вовсе не самой большой въ ряду другихъ звѣздъ. Оно по величинѣ уступаетъ многимъ звѣздамъ, оно меньше Сиріуса, меньше Денеба, Бетельгейзе и другихъ. Оно ярче свѣтитъ землѣ не потому, что оно велико, но потому, что оно близко къ ней.

На небѣ обоихъ Полушарій видно простымъ глазомъ до семи тысячъ звѣздъ первыхъ шести величинъ, остальныя не видны. Далѣе слѣдуетъ рядъ до 11-15 величины, доступныхъ телескопу, и еще далѣе — дальнѣйшая серія, доступныхъ только чувствительнымъ фотографическимъ пластинкамъ. Далѣе простирается невидимое и невѣдомое. Есть ли вообще что либо за предѣлами видимаго по ту сторону сферы, за которую не могутъ проникнуть ни современный телескопъ, ни современная фотографическая пластинка? Простираются ли тамъ такія же звѣздныя поля, какъ и въ доступной намъ части Вселенной? Или тамъ безграничная «пустыня», говоря словами Лермонтова, «вакуумъ», какъ выражается физика. Мы этого пока не знаемъ, тѣмъ болѣе, что, если исчерпанъ максимумъ силы зрѣнія, то всѣ другія формы воспріятія исчерпаны уже давно. Но человѣкъ этимъ невѣдѣніемъ удовлетвориться не можетъ. У него остается не насыщенной и не использованной самая мысль и живущая въ ней жажда знанія, т. е. интеллектуальное чувство. Это святое безпокойство научнаго знанія, которое свойственно человѣку, не можетъ ни на минуту затихнуть. Эта жажда истины побуждаетъ нѣкоторыхъ мыслителей, въ томъ числѣ и Герберта Спенсера, все еще искать и искать. Это неусыпное чувство породило у нихъ мысль, что за предѣлами нашей звѣздной Вселенной существуютъ, можетъ быть, другія вселенныя, можетъ быть даже съ иною матеріей, съ другими законами природы и съ иной эволюціей бытія — и такъ безъ конца. Никакихъ фактическихъ указаній, однако-же, на это нѣтъ. Приносимые время отъ времени обрывки очевидно изъ другихъ звѣздныхъ міровъ и ихъ обломковъ или тѣлъ кометъ и другихъ блуждаю-

щихъ въ пространствѣ частей и предметовъ — даже эти частицы имѣютъ въ себѣ все тотъ же составъ нашей Вселенной съ ея матеріей и свойства того же вещественнаго матеріала. Встрѣчавшіяся въ нихъ нѣсколько отличныя или новыя части постепенно находились и на землѣ.

Разсмотримъ теперь остающіеся изобильные и совершенно реальные факты изъ области той непреувеличиваемой безспорной Вселенной, которая видна простымъ острымъ взоромъ въ хорошую погоду, реальность которой подтверждается телескопомъ и фотографическими пластинками, подкрѣпляется сверхъ того воспріятіями другихъ органовъ чувствъ. Это непререкаемое изслѣдованіе размѣровъ Вселенной должно быть дополнено *спектральнымъ анализомъ*, изученіемъ катастрофъ небесныхъ тѣлъ, новыхъ звѣздъ, кометъ, случайныхъ посѣтителей неба, пришельцевъ изъ далекихъ угловъ Вселенной.

Наиболѣе блестящіе успѣхи дало примѣненіе къ астрономіи спектральнаго анализа. Онъ освѣтилъ вопросы физики и химіи небесныхъ тѣлъ съ точностью, съ какой химическая лабораторія освѣщаетъ составъ вещества. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Накаленное въ огнѣ вещество, примѣшиваясь къ пламени, оставляетъ въ немъ слѣдъ, въ видѣ комплекса лучей опредѣленной, характерной для даннаго вещества, окраски. Натрій, напримѣръ, даетъ желтые лучи, мѣдь, по преимуществу зеленые, гдѣ бы эти вещества не находились: въ земныхъ ли лабораторіяхъ или въ неизвѣданной дали Вселенной. Сравнивая спектры небеснаго тѣла со спектрами извѣстныхъ веществъ, мы выполняемъ поразительный по точности и изяществу анализъ. Оказалось, что Вселенная, за немногими исключеніями, состоитъ изъ веществъ, извѣстныхъ на землѣ. Лишь въ солнечной коронѣ, на бѣлыхъ, необычайно горячихъ звѣздахъ и въ таинственно-мерцающихъ, еще не оформившихся туманностяхъ, найдены линіи невѣдомыхъ намъ веществъ — (Короніи, Астеріи, Небуліи).

Другая важная заслуга, принесенная спектральнымъ анализомъ состоитъ въ раскрытіи неуловимыхъ для глаза и измѣрительныхъ инструментовъ движеній свѣтилъ по лучу зрѣнія (лучевая скорость). Когда свѣтящееся тѣло приближается къ наблюдателю или удаляется отъ него, то линіи спектра тѣла смѣщаются въ ту или въ другую сторону. Изучая величину и направленіе смѣщенія линій спектра звѣзды, ученый видитъ, съ какой скоростью звѣзда къ намъ приближается или удаляется. Рядъ особенностей спектровъ позволяетъ намъ производить изысканія среди небесныхъ тѣлъ не только въ пространствѣ, но и во времени, позволяетъ по степени охлажденія звѣзды судить о ея возрастѣ. Спектральный анализъ говоритъ, что самыя горячія, а слѣдовательно самыя юныя звѣзды свѣтятъ, подобно Сиріусу, бѣлымъ и голубоватымъ свѣтомъ; по мѣрѣ охлажденія — онѣ желтѣютъ (солнце); склоняясь къ старости онѣ испускаютъ огненные красные лучи — Альдебаранъ, Антаресъ (А. Скорпіона). За старостью слѣдуетъ смерть, т. е. полное потуханіе. Потухшія звѣзды исчезаютъ для нашего взора. Лишь изрѣдка вспыхивающія новыя звѣзды

являются единственными вѣсточками отъ этихъ блуждающихъ по міровымъ пространствамъ мертвецовъ.

Въ связи съ движеніемъ звѣздъ стоитъ образованіе такъ называемыхъ новыхъ звѣздъ, быстрое наростаніе яркости новой звѣзды отъ *шестой* до *первой* величины въ теченіи нѣсколькихъ дней, а затѣмъ угасаніе звѣзды въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, указываетъ на небесную катастрофу, — родъ паденія одной звѣзды на другую или такого приближенія двухъ небесныхъ тѣлъ, при которомъ неизбѣжно нагрѣваніе одного или обоихъ и самовозгораніе отъ движенія или взаимнаго приближенія. Огромная часть неба, больше чѣмъ площадь всей солнечной системы, покрылась послѣ этого какъ бы туманомъ, закрывшимъ большія звѣзды. Видно, что новая звѣзда обратилась въ нагрѣтое, газообразное тѣло — въ *туманность*. Слѣдовательно въ небесныхъ пространствахъ произошло *возгораніе* вещества звѣзды съ превращеніемъ его въ газъ отъ движенія, нагрѣванія или удара сблизившихся тѣлъ. Это открываетъ новую страницу Астрономіи, показываетъ одинъ изъ обычныхъ эпизодовъ Міросозданія, которое продолжаетъ жить своей долгой, давней жизнью.

Тѣ эпизоды, которые представляются теперь оку науки, составляютъ собою далекій слѣдъ очень давнихъ астрономическихъ событій и раскрываются лишь въ наши дни и нашу эпоху. Это своего рода естественная исторія неба, или исторія Мірозданія, которое, хотя весьма давно началось, но и весьма далеко отъ своего окончанія.

Яркій огневой, иногда чисто бѣлый цвѣтъ большинства звѣздъ указываетъ на космическую недавность ихъ происхожденія. Это *начало существованія звѣзды,* затѣмъ слѣдуютъ другіе періоды ея исторіи. Но и этому періоду *звѣзды* и *звѣздъ* предшествуетъ нѣчто другое, изначальное, что является болѣе простымъ существованіемъ или *бытіемъ матеріи.* Повидимому разсѣянная однообразная туманность еще безформенная, еще лишенная *движенія,* занимающая колоссальныя пространства и можетъ быть еще не проникнутая тяготѣніемъ, чуждая строенія и связанности, ждетъ своей *чреды,* пребывая въ неопредѣленности. Все это наукѣ и знанію еще неизвѣстно. Но несомнѣнно — это уже матерія, то, изъ чего составляются звѣзды. Какъ происходитъ этотъ складъ, этотъ составъ — наука не знаетъ. Глазъ улавливаетъ нѣкоторый видъ, видимости. Какъ вещество складывается въ звѣзду, какъ начинается движеніе могучихъ массъ, какъ возникаетъ круговое движеніе — по кругамъ, элипсамъ, параболамъ, другимъ кривымъ, сразу или постепенно — все неизвѣстно. Мірозданіе еще великая тайна для науки. Оно уже *существуетъ* съ готовымъ движеніемъ, тяготѣніемъ, законами, съ величіемъ и красотою. То, что взоръ видитъ готовымъ и очевиднымъ — это свыше 100.000.000 *звѣздъ,* немало *туманностей,* масса звѣздныхъ скопленій и кучъ, изъ которыхъ однѣ въ телескопѣ *разрѣшаются* въ густыя нагроможденія звѣздъ, другія все кажутся туманностями. Одни образованія уже звѣзды, другія

еще туманности, скопленія неорганизованной матеріи, перемежающіяся съ двигающимися звѣздами, вѣроятно планетами, круглыми или кометными мірами.

Опредѣленности, всеобщей законченности — нѣтъ. Существуетъ только разнаго рода бытіе: среди этого разнороднаго бытія, то господствуетъ точность, законченность, порядокъ, то замѣтны нарушенія, пертурбаціи, сдвиги, сходы съ пути, паденія, разрушенія, катастрофы. Но и этими исключеніями не нарушается общій видъ точности, порядка, красоты и величія міра, въ необыкновенномъ, обширнѣйшемъ хозяйствѣ Вселенной. Надъ раскрытіемъ тайнъ мірозданія трудятся неутомимые умы человѣчества на одной изъ скромныхъ планетъ міра. Можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ. Лучшимъ сынамъ человѣчества не легко дается даже раскрытіе законовъ природы, законовъ вещества. И какъ много уже раскрыто, дознано и стало извѣстно! Надежда окрыляетъ человѣка на дальнѣйшіе труды, подвиги, усилія, при неугасающей потребности знанія.

Таковы общія идеи по предмету небеснаго матеріала и строенія Вселенной.

Звѣзды не разсѣяны по небу равномѣрно, математически, но располагаются причудливо и неравномѣрно. Особенно привлекаетъ къ себѣ взоръ такъ называемый *Млечный Путь,* расположенный на небесномъ сводѣ въ видѣ пояса или кольца, охватывающаго этотъ сводъ по большому кругу. Здѣсь расположены особенно густо какъ звѣзды, такъ и звѣздныя кучи. Не только глазъ, но и чувствительнѣйшіе инструменты безсильны пронизать это космическое облако. Скученность звѣздъ, вѣроятное присутствіе облаковъ метеорной пыли дѣлаютъ эту область неба ареной сравнительно частыхъ міровыхъ катастрофъ, въ видѣ вспыхивающихъ новыхъ звѣздъ. Повидимому въ Млечномъ Пути мы наблюдаемъ часть Вселенной, значительно опередившую другія по пути развитія Лабораторіи Вселенной — туманности, въ которыхъ формируются юныя свѣтила, встрѣчаются преимущественно въ мѣстахъ наибольшаго удаленія отъ Млечнаго Пути.

Кромѣ звѣздъ и планетъ встрѣчаются во Вселенной, какъ и во всякомъ обширномъ хозяйствѣ, множество предметовъ, которые могутъ быть названы посторонними, случайными или рѣдкостными. Сюда относятся скопленія космической пыли, скопленія газовъ водорода, водородныхъ углеродовъ, метеориты, безформенные куски желѣза, чистаго или сѣрнистаго и другихъ металловъ. Происхожденіе этихъ небесныхъ камней очень неясно. Во всѣхъ направленіяхъ, съ огромными скоростями пронизываютъ они пространство. Иногда же, собираясь длинными вереницами, тянутся они по путямъ небесныхъ странницъ — кометъ и, встрѣчая землю, освѣщаютъ ея ночное небо фейерверкомъ падающихъ звѣздъ.

Быть можетъ это продукты изверженій вулкановъ планетъ нашей солнечной или чужой системы, быть можетъ остатки невѣдомыхъ катастрофъ или продукты разложенія кометъ. Не нужно, однако, изъ существо-

ванія осколковъ выводитъ поспѣшное заключеніе о неустойчивости цѣлаго. Въ общемъ космическіе порядки въ уже оформившихся частяхъ Вселенной поразительно прочны.

Все устройство и упорядоченность нашей солнечной системы вызываютъ справедливое изумленіе. Не только колоссальные планетные шары, но и незначительные комья матеріи астероидовъ съ поперечникомъ въ нѣсколько километровъ и поверхностью, меньшей площади большого города, слѣдуютъ по своимъ точнымъ, равноправнымъ со всѣми, путямъ.

Конечно, такая прочность установилась постепенно и, быть можетъ, много небесныхъ единицъ прекратило свою цѣльную, индивидуальную жизнь, пока выработался нынѣ существующій стройный порядокъ. Какъ въ мірѣ живыхъ существъ, такъ и въ мірѣ небесныхъ тѣлъ, время отдѣляетъ и устраняетъ все неспособное къ устойчивой жизни и утверждаетъ крѣпкое и прочное. Въ этомъ заключается законъ всей вообще жизни Вселенной. Весьма возможно, что многіе метеориты и представляютъ осколки такихъ небесныхъ неудачниковъ.

Наибольшая часть звѣздъ находится несомнѣнно въ огненномъ состояніи, съ высокою температурою, которая поддерживаетъ звѣзду въ парообразномъ видѣ, что ясно подтверждается свойствами спектра лучей, испускаемыхъ пламенѣющими звѣздами. У большинства звѣздъ синихъ, яркой бѣлизны, составляющая ихъ матерія раскалена отъ 2800 - 12,800 градусовъ. Арктуръ имѣетъ температуру 3500, наше солнце — отъ 4850 - 5450, Сиріусъ — 5700 - 7600 градусовъ, при чемъ въ серединѣ массы небеснаго тѣла, температура можетъ быть доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ градусовъ.

Солнца и звѣзды, какъ уже упоминалось, составлены, за немногими исключеніями, изъ тѣхъ же веществъ, что и земля. Но никакой устойчивости, никакихъ соединеній не можетъ образоваться на ихъ бурлящей поверхности. Повидимому, солнце представляетъ относительно непрозрачный, быть можетъ, газообразный шаръ, покрытый зернистой, ослѣпительно сверкающей пеленой расплавленныхъ, или вѣрнѣе газообразныхъ, металловъ. Жизнь этой пелены судорожная и безпокойная. То тамъ, то тутъ ее прорываютъ колоссальные взрывы пылающаго розовымъ пламенемъ водорода (протуберанцы). Огромныя массы расплавленныхъ веществъ со скоростью сотенъ километровъ въ секунду взлетаютъ на высоту даже до 400.000 километровъ, дробятся на фантастической величины брызги и огненнымъ дождемъ обрушиваются на поверхность солнца. Но на разстояніи земли эти ошеломляющія скорости и высоты представляются глазу медленными и невзрачными движеніями клочковъ свѣта и лишь человѣческая мысль открываетъ ихъ поистинѣ грандіозный размахъ. Но не только протуберанцы возмущаютъ поверхность солнца. Солнце вращается вокругъ оси не какъ цѣльное тѣло. Точки его поверхности у экватора обѣгаютъ полный кругъ въ 25 сутокъ, у полюсовъ же почти въ 28. Вслѣдствіе неравенства скоростей отъ вращенія въ жидкой поверхности солнца рождаются

фантастическіе вихри (до 150.000 к. м. въ поперечникѣ), прорывающіе свѣтящіеся слои и кажущіеся поэтому темными пятнами. Спектроскопъ говоритъ намъ, что матерія этихъ пятенъ наэлектризована. Ея электризація временами настолько сильна, что въ періодъ образованія большого пятна на обращенной къ намъ сторонѣ солнца, на землѣ вспыхиваютъ великолѣпныя полярныя сіянія и магнитныя стрѣлки обсерваторій мечутся изъ стороны въ сторону (магнитныя бури).

Таковъ поразительный фактъ *событія солнечныхъ пятенъ,* столь измѣняющаго поверхность солнца и длящагося отъ нѣсколькихъ часовъ до нѣсколькихъ сутокъ, наводя тѣнь и на самое солнце. Такова жизнь солнца или звѣзды въ безпрерывномъ огнѣ при непрекращающемся перемѣшиваніи какъ въ котлѣ безпокойнаго горячаго состава матеріи, кипящаго и бурлящаго, изъ котораго приготовляются причудливые составы, подобно кашѣ изъ металловъ. Они наполняютъ кору охлаждающихся небесныхъ тѣлъ — звѣздъ и солнцъ, яркій примѣръ чего наблюдаемъ на охлажденной планетѣ — нашей землѣ, сохраняющей въ своихъ нѣдрахъ бурные слѣды космической юности.

Такова будничная жизнь земли, планетъ, лунъ, космическихъ тѣлъ и міровъ отъ дней ихъ зарожденія и юности ихъ судебъ, отъ совершаемыхъ ими необозримыхъ круговыхъ путей до дней угасанія и смерти въ необозримыхъ пространствахъ космическихъ пустынь. Объ этихъ чудесахъ такъ повѣствуетъ мыслящему существу поэтическій бытописатель Вселенной.

На воздушномъ океанѣ
Безъ руля и безъ вѣтрилъ
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья —
Имъ не радость, не печаль,
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.

Лермонтовъ.

322. Вселенная въ огнѣ.

Астрономы только-что присутствовали при великолѣпномъ зрѣлищѣ на небѣ. Въ одномъ пунктѣ необъятнаго пространства, гдѣ до сихъ поръ не видно было никакой звѣзды, показалось вдругъ свѣтило, окутанное пламенемъ. Это было пламя водороднаго газа, горѣвшаго при высокой температурѣ. Свѣтило было видно простымъ глазомъ.

Пожаръ продолжался три мѣсяца, затѣмъ все какъ будто потухло и погрузилось снова въ темную ночь; только отъ времени до времени огонь, повидимому, опять разгорается и на таинственномъ свѣтилѣ появляются временныя вспышки свѣта.

Такой ли это міръ, какъ земля, который, вслѣдствіе какой нибудь внѣшней случайности, вдругъ загорѣлся, подобно огромному, фантастическому вулкану, изрыгающему снопы пламени? Или это потухшее солнце, опять загорѣвшееся на нѣкоторое время? Или же, наконецъ, это лучезарное солнце, вдругъ разгорѣвшееся ярче, стало видимымъ, вслѣдствіе своего отдаленія? Это событіе требуетъ размышленія, тѣмъ болѣе, что подобная же участь можетъ когда нибудь постигнуть наше солнце, отъ лучей котораго зависятъ всѣ земныя существованія.

Судя по совокупности наблюденій, находящихся теперь передъ моими глазами, это невѣдомое свѣтило должно было передъ своимъ появленіемъ быть звѣздой 16-го разряда и должно было впослѣдствіи вернуться въ такое же состояніе блеска. Во время максимума своего блеска оно возвысилось за предѣлы пятой величины и сіяло блескомъ звѣздъ четвертой съ половиной величины. И такъ если это — солнце, блескъ котораго временно усилился, то оно стало въ 50 тысячъ разъ лучезарнѣе, чѣмъ оно было до того; а если это — міръ темный, безъ собственнаго блеска, какъ наша планета, то контрастъ еще поразительнѣе. Представимъ себѣ, что солнце, освѣщающее насъ, вдругъ усилится въ свѣтѣ, и, слѣдовательно, въ теплотѣ въ 50 тысячъ разъ противъ теперешняго; это положительно трудно постигнуть. Въ обоихъ случаяхъ ничего не осталось бы живого на землѣ.

Согласно одной изъ гипотезъ, приведенныхъ въ объясненіе явленій, наблюдаемыхъ въ телескопъ, а въ особенности въ спектроскопъ, при анализѣ спектра этого сіянія, огненное свѣтило — шаръ такихъ же размѣровъ, какъ земля, который попалъ въ космическое облако, частицы коего, съ силой притягиваемыя, устремились къ нему навстрѣчу съ быстро возрастающей скоростью. Это—болидъ большихъ размѣровъ. Скорость встрѣчи составляетъ десятки и сотни километровъ въ секунду. Превращеніе движенія въ теплоту и произвело это огромное пламя, видимое отсюда на разстояніи милліоновъ и милліардовъ верстъ.

Такое событіе, не особенно рѣдкое на небѣ (мы наблюдаемъ его въ 25-й разъ въ теченіе 2-хъ тысячъ лѣтъ), могло бы случиться въ одинъ прекрасный день и съ нашей планетой, и при томъ такая катастрофа никоимъ образомъ не разстроила бы гармоніи міровданья, не болѣе чѣмъ холера, тифъ, инфлуэнція, чахотка, война среди народовъ, когда безуміе отдѣльныхъ индивидовъ не мѣшаетъ землѣ вращаться. И, дѣйствительно, шаръ, на поверхности коего мы суетимся, носится вокругъ солнца со скоростью свыше 100.000 километровъ въ часъ, а солнце въ то же время уноситъ его съ похожей скоростью по направленію къ созвѣздію Герку-

леса, такъ что, съ тѣхъ поръ, какъ земля существуетъ, она ни разу не прошла по одному и тому же пути, ибо она описываетъ рядъ спиралей, низвергающихся въ безконечную бездну. Впрочемъ, въ пространствѣ нѣтъ ни верху, ни низу, ни лѣвой, ни правой стороны, ни какого либо направленія. Но въ немъ встрѣчаются «западни».

Можно опредѣлить цифрой въ 64 милліона число бродячихъ кометъ, порхающихъ по всѣмъ направленіямъ вокругъ солнца, какъ бабочки вокругъ огня; многія изъ этихъ скитающихся свѣтилъ не совсѣмъ ничтожны: комета 1811 года распускала по небу лучи въ 150 разъ больше діаметра земли, а хвостъ ея простирался на протяженіи 176 милліоновъ километровъ, т. е. значительно больше, нежели разстояніе, отдѣляющее нашу планету отъ солнца.

Телескопъ наталкивается въ пространствѣ на тысячи туманныхъ пятенъ, изъ коихъ самое меньшее превосходитъ величиною все пространство нашей солнечной системы. Съ другой стороны, скопленіе звѣздъ, какъ напримѣръ созвѣздіе Геркулеса, повидимому, состоитъ изъ свѣтилъ, довольно тѣсно сплоченныхъ другъ съ другомъ. Очень возможно, что наша планета когда-нибудь попадетъ въ одну изъ подобныхъ звѣздныхъ ловушекъ, и результатъ такого трагическаго конца земли въ огнѣ послужилъ бы для астрономовъ другихъ міровъ подобнымъ же зрѣлищемъ, какъ и то, что мы недавно видѣли; оно было бы чрезвычайно интересно для ученыхъ и для людей любознательныхъ, но не остановило бы хода дѣлъ въ этомъ внѣ-земномъ мірѣ, и ни на грошъ не повліяло бы на пониженіе курса въ системѣ Сиріуса.

Упомянутое событіе могло бы также быть вызвано поверхностнымъ столкновеніемъ свѣтила — однако, не во всю силу, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ небесная иллюминація продолжалась бы гораздо дольше. Нашу планету, напримѣръ, можно сравнить съ ядромъ, пущеннымъ въ пространство съ громадной скоростью 30.000 метровъ въ секунду, что представляетъ собою небесное движеніе по крайней мѣрѣ въ тысячу разъ быстрѣе экспресснаго поѣзда. Въ звѣздномъ пространствѣ не мало и другихъ подобныхъ же снарядовъ, путешествующихъ съ громадной быстротой. Впрочемъ, всѣ свѣтила бродятъ въ небесномъ пространствѣ съ невѣроятной скоростью и вѣчно сыплются дождемъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ.

Быть можетъ, встрѣча была чисто динамическаго свойства, безъ матеріальнаго столкновенія, два свѣтила прошли по сосѣдству другъ отъ друга и, въ силу своего взаимнаго притяженія, породили такія фантастическія вспышки пламени. Надняхъ, напримѣръ, можно было наблюдать на солнцѣ фейерверкъ, снопы котораго достигали высоты четырехъ сотъ тысячъ километровъ... Да, это такъ — 400.000 километровъ высоты или слишкомъ въ 30 разъ болѣе протяженія діаметра земли. Какъ разъ пламя, замѣченное на новой звѣздѣ, оказалось въ спектроскопѣ такого же химическаго состава, какъ и пламя этихъ грандіозныхъ солнечныхъ из-

верженій. Пламя горящаго водорода обнаружило нѣкоторыя спектроскопическія явленія, которыя замѣчались также и на солнцѣ.

Итакъ, подобное событіе можетъ случиться и съ нашей планетой, разъ это бываетъ и съ другими свѣтилами. Представьте себѣ, что ядро такихъ же размѣровъ, какъ земля, или даже больше земли (солнце въ милліонъ слишкомъ разъ больше земли, а въ пространствѣ, вѣроятно, не мало странствуетъ потухшихъ солнцъ), — представьте себѣ, что снарядъ такого сорта несется на насъ со скоростью 50, 60 или 100 километровъ въ секунду. При столкновеніи во всю отъ земли бы ничего не осталось и она моментально превратилась бы въ газообразное раскаленное туманное пятно.

Вообразимъ себѣ, напримѣръ, что есть въ пространствѣ два шара, плотныхъ, подобно землѣ, но большихъ размѣровъ, съ діаметромъ въ половину меньше солнечнаго діаметра, — вообразимъ себѣ, что эти шары находятся даже въ состояніи покоя и удалены другъ отъ друга на разстояніи вдвое большемъ разстоянія между солнцемъ и землею.

Въ силу взаимнаго притяженія, они упадутъ другъ на друга на прямой линіи и столкнутся какъ разъ послѣ полугодоваго паденія. Столкновеніе будетъ длиться полчаса и въ теченіе этого времени оба тѣла превратятся въ жидкую, или газообразную, страшно раскаленную неустойчивую массу, сильно волнуемую, увеличившуюся въ объемѣ въ нѣсколько разъ противъ прежняго и колеблющуюся изъ стороны въ сторону отъ точки столкновенія. По истеченіи большого времени, эта жидкая масса въ концѣ концовъ можетъ образовать шарообразное солнце, приблизительно такой же массы, такой же теплоты, и такого же блеска, какъ и наше солнце.

Итакъ, потухшія солнца и міры, покончившіе свое существованіе, могутъ снова возрождаться изъ пепла. Въ томъ спеціальномъ случаѣ, о которомъ мы только что говорили, это можетъ случиться на нѣсколько милліоновъ лѣтъ. Не такъ бываетъ съ временными звѣздами, существованіе коихъ длилось всего нѣсколько недѣль или нѣсколько мѣсяцевъ, и которыя представляютъ, конечно, лишь результатъ косвенныхъ неполныхъ столкновеній, или же можетъ быть только динамическихъ встрѣчъ и внутреннихъ переворотовъ.

Мы только что сказали, что въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ мы уже въ двадцать пятый разъ присутствуемъ при подобномъ звѣздномъ воспламененіи. Первое наблюдалось въ 134 году до нашей эры, съ одной стороны китайцами, подробно описавшими это происшествіе въ знаменитой энциклопедіи Ма-Туонъ-Линь, а съ другой стороны — египтянами, а именно Гиппархомъ, авторомъ перваго каталога звѣздъ, который даже и былъ составленъ вслѣдствіе этого явленія, если вѣрить свидѣтельству Плинія. Это была звѣзда первой величины и сіяла въ созвѣздіи Скорпіона.

Изъ остальныхъ двадцати-четырехъ явленій (насчитываютъ восемь звѣздъ первой величины) самыя важныя и самыя любопытныя происходили въ 1572 и 1604 годахъ.

Первое изъ нихъ произвело сильный переполохъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Въ созвѣздіи Кассіопеи, 11-го Ноября появилась вдругъ новая звѣзда, среди общаго недовольства, вызваннаго религіозными войнами, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ избіенія Варфоломеевской ночи; таинственное явленіе этой звѣзды поразило даже самыхъ равнодушныхъ. Ея яркое сіяніе пронизывало даже дневной свѣтъ; ее можно было видѣть днемъ; она превосходила блескомъ Венеру, Юпитера и Сиріуса. Всѣ тогдашніе астрономы наблюдали ее и Тихо-де-Браге обнародовалъ подробное описаніе ея. Эта звѣзда считалась небеснымъ знаменіемъ; думали, что она предвѣщаетъ конецъ свѣта, отыскали въ старинныхъ хроникахъ подобное-же явленіе (правда, сомнительное) въ 1264 году, а другое въ 945 году, и вообразили, что это, быть можетъ, одна и та же звѣзда, возвращавшаяся черезъ каждыя триста лѣтъ, звѣзда Волхвовъ, видѣнная во время Рождества Христова. Не предвѣщаетъ ли она возвращеніе Богочеловѣка на землю?

Въ теченіе пяти мѣсяцевъ эта временная звѣзда господствовала надъ всѣми свѣтилами первой величины, затѣмъ она опустилась въ разрядъ звѣздъ второй величины, потомъ третьей, четвертой, пятой, шестой и, черезъ 17 мѣсяцевъ послѣ ея появленія, скрылась совершенно, такъ что ее нельзя было видѣть простымъ глазомъ, подзорныя же трубы еще не были изобрѣтены и за нею нельзя было слѣдить въ сферѣ невидимаго. Но такъ какъ въ точности замѣтили ея положеніе, то знаютъ, гдѣ она находилась; въ настоящую минуту тамъ ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ блѣдныхъ звѣздъ 11-й величины.

Послѣ этой звѣзды, самой знаменитой была звѣзда 1604 года, которая была почти также ярка и о которой Кеплеръ написалъ цѣлый томъ.

Она блистала въ правой ногѣ Змѣеносца и яркость ея была необыкновенно велика, она, «сіяла разноцвѣтными огнями». Появившись 10 Октября 1604 года, она опустилась въ Февралѣ 1605 года въ разрядъ звѣздъ второй величины, въ апрѣлѣ стала звѣздой третьей величины, въ Августѣ — звѣздой четвертой величины, въ Октябрѣ — пятаго разряда, а въ Январѣ 1606 года — скрылась совершенно.

Такъ какъ оптическіе инструменты еще не были изобрѣтены, то нельзя было прослѣдить за ней въ состояніи, невидимомъ простому глазу. Лишь въ 1609 году Галилей впервые направилъ подзорную трубу въ небеса.

Съ тѣхъ поръ болѣе не было явленія перваго разряда. Недавно еще, однако, 12 Мая 1866 года, показалась звѣзда второй величины въ Корона Бореалисъ, 24 Ноября 1876 года — третьей величины — въ Лебедѣ и 30 Августа 1885 года — шестой величины въ туманномъ пятнѣ Андромеды. Не забудемъ послѣдней, появившейся 24 Февраля 1892 года, но

найденной на фотографическихъ снимкахъ неба лишь 16 Декабря; она — четвертой съ половиной величины и находится въ созвѣздіи Возницы. Замѣчательно, что большинство такихъ явленій, въ томъ числѣ и послѣднее, обнаруживаются въ Млечномъ Пути, гдѣ свѣтила болѣе тѣсно сплочены, что придаетъ еще большую вѣроятность предположенію о звѣздныхъ столкновеніяхъ, выраженному нами выше.

Какъ видите, и на небѣ случаются катастрофы, точно также, какъ и въ человѣческихъ обществахъ. Пожаръ можетъ истребить цѣлый міръ, какъ истреблены были Содомъ и Гоморра, а сильныя столкновенія могутъ или уничтожить систему планетъ, или возродить цѣлую другую. Солнце Альтаиръ, о которомъ мы упоминали выше, несется по прямой линіи съ высотъ небесныхъ на землю со скоростью 64-хъ километровъ въ секунду, 3.840 километровъ въ минуту, 230.000 — въ часъ, 5.529.600 — въ сутки, и болѣе двухъ милліардовъ километровъ — въ годъ. При такой скорости это солнце созвѣздія Лебедя примчалось бы къ намъ черезъ 200 тысячъ лѣтъ, освѣтивъ наше небо невѣроятнымъ сіяніемъ, и быть можетъ оно сольется съ нашимъ солнцемъ, чтобы увлечь его съ собою.

Каждая звѣзда есть солнце и носится такимъ же образомъ въ зіяющей безднѣ. Небесныя человѣчества путешествуютъ, какъ и мы, на своихъ быстрыхъ ладьяхъ.

Но куда это мы всѣ мчимся съ такой головокружительной быстротой? Куда это все существующее въ цѣломъ мірозданіи, — свѣтила, солнца, планеты, спутники, годы, времена, весны, цвѣты, гнѣзда, дѣти, старцы, мечты и воспоминанія, надежды или огорченія, удовольствія и горести, тираны и жертвы, мудрецы и безумцы, души и звѣзды, — куда же все это стремится? Ночь! О, необъятная ночь! Неизмѣримая глубина!

Въ виду такихъ величественныхъ зрѣлищъ, что станется съ нашими мелочными пигмейскими международными отношеніями? Русскіе ли мы или французы, живемъ ли въ Петербургѣ или Парижѣ, — мы одинаково состоимъ пассажирами одного и того же корабля, несущагося въ безконечное пространство, въ вѣчность...

Камиллъ Фламмаріонъ.

323. Астрономія и Психологія.

Среди вѣчной жизни Вселенной, въ ней явилось существо, способное мыслить и понимать, могущее исчислять неисчислимые міры и солнца, разумѣть величіе Вселенной, радоваться, печалиться, благоговѣть. Ему же вѣдомы многія тайны строенія міра, ибо онъ ихъ дозналъ. Ему вѣдомо добро и зло.

Жизнь могла возникнуть на землѣ не раньше того періода, когда бывшая раскаленной планетой земля достаточно остыла, чтобы переносить температуру между 30 и 40 градусами, когда животныя съ горячей кровью

могутъ вести жизнь. Но жизнь другихъ живыхъ существъ, имѣющихъ холодную кровь, и жизнь растеній, началась раньше, какъ объ этомъ можно знать по окаменѣвшимъ остаткамъ жизни.

Такая жизнь началась на землѣ съ космической постепенностью уже тогда, когда земля еще не вполнѣ потеряла свою наружную теплоту, оставаясь нагрѣтой болѣе, чѣмъ то допустимо условіями междупланетнаго пространства, въ которомъ вращается земля по своей небесной орбитѣ. Въ это время земля уже изобиловала могучей растительностью изъ древовидныхъ папоротниковъ въ своихъ полярныхъ странахъ, не допускающихъ подобной растительности въ настоящую пору. Внутренность земли еще и въ настоящее время содержитъ высокую температуру. Жизнь пріютилась на поверхности планеты, гдѣ можно встрѣтить необходимую для нея солнечную теплоту.

Есть ли или была ли жизнь на потухшихъ солнцахъ и остывшихъ планетахъ, остается неизвѣстнымъ. Руководствуясь аналогіями и вѣроятіями, человѣкъ это *предполагаетъ,* въ особенности потому, что міръ, вся Вселенная, построены изъ одного и того же вещества, изъ того же строительнаго матеріала, а ближайшія къ солнцу планеты во многомъ напоминаютъ землю.

Тайну обитаемости планетъ могли бы освѣтить лишь междупланетныя путешествія. Быстро и блестяще развивающаяся техника не обезнадеживаетъ насъ въ этомъ. Какъ знать, быть можетъ удастся открыть годные для человѣка міры, съ новыми драгоцѣнными минералами, съ обильными средствами для жизни.

Не нужно, однако, надѣяться, что новыя мѣста для заселенія, съ ихъ возможными богатствами и удобствами, умножили бы человѣческое счастье и прогрессъ. Главнымъ препятствіемъ прогресса является не узость мѣстожительства, не отсутствіе излишковъ жизненныхъ благъ, но нравственныя причины, — несовершенство человѣка.

Богатство лежитъ не въ новыхъ планетахъ или металлѣ, а въ собственномъ сердцѣ всякаго. Потому человѣку предстоитъ первая очередь и главнѣйшая роль иниціативы, какъ самому умному животному на землѣ.

Появленіе жизни на землѣ принадлежитъ къ величайшимъ событіямъ природы. Жизнь возникла изъ мертвой неорганической вывѣтрившейся матеріи, представляющей нѣчто среднее между твердымъ камнемъ и мягкимъ порошкомъ, способнымъ принимать воду и ею пропитываться до состоянія *тѣста* или *студня,* претерпѣвая отъ воздуха и электричества тысячи перемѣнъ. Такъ творятся органическія тѣла. Твердые камни преобразовываются въ мягкую, уступчивую органическую матерію.

Въ такихъ преобразованіяхъ особенно выдающуюся роль играютъ три царства или отдѣла: *царство простѣйшихъ смѣсей* или образованій, *царство растеній* и *царство животныхъ.*

Протисты, или простѣйшія смѣси, но уже живыя образованія, представляютъ собою родъ самыхъ простыхъ *жизней,* быстро умножаются, край-

не вредны и губительны для человѣка и животныхъ, и истребляютъ всякую другую встрѣчную жизнь. Къ протистамъ, или простѣйшимъ жизнямъ, принадлежатъ зародыши чумы, холеры, чахотки, дифтерита и другихъ заразъ. Размножаясь въ крови животныхъ или людей, эти простѣйшія жизни отравляютъ ихъ и губятъ, питаясь ихъ кровью и тѣломъ. Большая часть протистовъ ядовита.

Растенія и животныя составляютъ послѣ простѣйшихъ два другія царства жизни. Человѣкъ принадлежитъ къ царству животныхъ. Всѣ три царства природы, вмѣстѣ взятыя, составляютъ живую природу, называемую такъ въ отличіе отъ мертвой, или лишенной жизни, минеральной природы.

Явленія жизни, особенно душевныя явленія, удивительны и трудно доступны пониманію. Они обнаруживаютъ *умъ, намѣреніе* и *волю,* т. е. рядъ такихъ дѣйствій, которыя напередъ извѣстны, напередъ задуманы и спроэктированы. Таковы психическія явленія. Они содержатъ въ себѣ нѣчто будущее, чего еще не было въ природѣ. Открытіе и созданіе такого будущаго есть главное свойство психическихъ органовъ. Умъ есть такой именно *инструментъ,* который открываетъ будущее, воля творитъ это будущее. Такимъ образомъ будущее создается въ психическомъ органѣ. Это истинно творческая работа, понимаемая въ поэтическомъ смыслѣ и хорошо вѣдомая поэтамъ, творцамъ *высшей* жизни. Въ нѣкоторой степени творчество свойственно не только человѣку, но и животнымъ. Но человѣку принадлежитъ не только исполненіе самой работы, но и ея *сознаніе,* и *авторство* ея. Человѣкъ сознаетъ себя творцомъ, дѣятелемъ, и обозначаетъ свое творчество словомъ «Я». Самое сознаніе въ себѣ факта *душевной работы* есть *творческій* актъ и ставитъ высоко личность человѣка. На этомъ основаніи человѣкъ признаетъ себя созданнымъ по образу высшаго существа, т. е. Бога.

Самое ученіе о Божествѣ возникло изъ мысли объ особливыхъ психическихъ качествахъ, свойственныхъ человѣку, и изъ такихъ предвѣщательныхъ переживаній, какъ голодъ, жажда, утомленіе, которые открываютъ человѣку его будущее. Переживанія эти внушили человѣку его будущее. Переживанія эти внушили человѣку мысль, что онъ созданъ по образу живого Бога. Поэты вѣрили въ существованіе Бога и писали объ этомъ. Поэтъ Лермонтовъ даже говоритъ объ основаніи своей вѣры:

«Когда-бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ...»

Такимъ образомъ, естественно, человѣкъ самъ собою приходитъ къ мысли о существованіи Божества. Такіе люди, которые вѣрятъ въ Бога, называются теистами, а тѣ, которые не вѣрятъ въ Бога, — атеистами; тѣ же люди, которые ни во что не вѣрятъ и отказываются отъ всякихъ вѣрованій и отъ всякихъ вѣроятностей, и отъ самой возможности что либо *узнать и знать,* называются *агностиками.*

Великіе астрономы, какъ, напримѣръ, Ньютонъ, вѣрили въ Бога, испытывали живое чувство благоговѣнія при упоминаніи самого имени Его. Такимъ образомъ, глубина мысли и чувство благоговѣнія представляются истиннымъ даромъ Астрономической науки, вознаграждающимъ человѣка за его трудъ и усилія въ исканіи истины.

Двѣ науки, — Астрономія и Психологія, признаются древнѣйшими и важными человѣческими знаніями. Астрономія занимается внѣшнимъ міромъ и строеніемъ вещества звѣздныхъ міровъ и планетъ, а Психологія изучаетъ жизнь человѣка, его душу или психизмъ, т. е. высшее начало въ человѣкѣ, его творчество и творческую работу.

Астрономія и психологія — послѣдовательныя и близкія между собою науки. По мнѣнію англійскаго философа Герберта Спенсера онѣ изучаютъ рядъ явленій, все болѣе расширяющихся и усложняющихся, т. е. внѣшній міръ, жизнь, душу. Эти явленія составляютъ всѣ вмѣстѣ внѣшнюю природу. Такимъ образомъ, внѣшняя природа представляетъ нѣчто связанное, единое, цѣлое. Но не только связанное и единое, но единое, построенное по плану, доступному для разрѣшенія и разъясненія. Въ природѣ господствуетъ порядокъ, замѣтный для наблюдателя — человѣка. Этотъ порядокъ носитъ имя, данное ему Спенсеромъ, — имя эволюціи, т. е. постепеннаго усовершенствованія. Природа это не хаосъ, не случайность, не рядъ нагроможденій, но твореніе для осуществленія идеи, смыслъ которой постепенно раскрывается для ума мыслящаго существа, объединеннаго со всей природой и примѣчающаго въ ней порядокъ, стройность и красоту, словомъ — эстетику. Въ полномъ смыслѣ слова эстетика есть первое чувство, возбуждаемое въ человѣкѣ природой и связывающее явленія жизни съ явленіями безжизненными, мертвыми, неорганическими, тончайшей красной нитью. Таковы чудеса природы, соединяющей жизнь съ мертвой природой въ одно цѣлое.

324. г) Безпредѣльное, Безконечное, Великое, Вѣчное, Послѣднее.

Новѣйшія астрономическія изысканія чрезвычайно важны въ творческомъ или философскомъ отношеніи: они показываютъ, что не смотря на громадность звѣздныхъ міровъ и на колоссальность небесныхъ разстояній, разстоянія эти на самомъ дѣлѣ не безграничны, не безпредѣльны, а находятся въ рамкахъ, точно учитываемыхъ современной астрономіей. Житель нашей земли, геніальный семнадцатилѣтній юноша Лермонтовъ завидуетъ звѣздамъ прекраснымъ, видимымъ человѣческому взору со своего колоссальнаго далека («Небо и звѣзды»), хотя люди, звѣзды и весь міръ могли бы позавидовать великому поэту, носителю дивнаго человѣческаго психизма.

Вопросъ о центрѣ Вселенной, съ его поражающими человѣческую мысль гигантскими размѣрами, родитъ, по ассоціаціи идеи, мысль о космическихъ ультра-малыхъ величинахъ. Таковыми со временъ Греческаго

мыслителя Демокрита признаваемы были *атомы*. Но съ недавняго времени стало извѣстно, что атомы представляютъ еще слишкомъ большую величину по сравненію съ частицами электричества, — электронами, которые являются крайнимъ предѣломъ физической миніатюрности. О размѣрахъ электроновъ можно судить изъ словъ физика Оливера Лоджа. Вообразимъ, говоритъ онъ, что электронъ равенъ точкѣ типографскаго шрифта, атомъ при такомъ условіи равенъ четырехъ этажному зданію 10 саженъ въ ширину и 20 въ длину. Такимъ образомъ, величины самыхъ большихъ и самыхъ малыхъ предметовъ въ природѣ извѣстны. Ничего нѣтъ во Вселенной безпредѣльнаго или *безграничнаго*. Все имѣетъ предѣлы. Мысль о безграничности природы, удовлетворяя фикцію философской мысли, не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Подобно *несуществованію* безграничнаго пространства во Вселенной, въ ней нѣтъ и безграничности времени. Все совершающееся въ природѣ требуетъ для своего совершенія времени: начало всякой перемѣны не совпадаетъ съ ея концомъ, но раздѣлено нѣкоторымъ промежуткомъ. Просвѣтъ можетъ быть больше или меньше, но всегда онъ есть. Такихъ перемѣнъ, которыя совершились бы безъ затраты времени, нѣтъ. Слѣдовательно, въ природѣ нѣтъ ничего безпредѣльнаго въ пространствѣ или безграничнаго во времени. Самая мысль человѣческая, какъ показали научныя изслѣдованія, совершается во времени и не можетъ быть внезапной, или не требующей хотя бы краткаго времени. Всякія перемѣны въ природѣ совершаются въ *пространствѣ* и во времени, имѣютъ начало и конецъ.

Здѣсь мы приходимъ къ одному важнѣйшему явленію въ природѣ, — къ человѣческой мысли или къ психической дѣятельности вообще. Она содержитъ въ себѣ такъ много оригинальнаго и необыкновеннаго, такъ много безпримѣрнаго, отличнаго отъ большей части явленій и предметовъ, какіе наблюдаемъ въ природѣ и на землѣ, что мыслящій человѣкъ невольно изумляется. Это изумленіе предъ фактомъ психической дѣятельности такъ выражаетъ блаженный Августинъ (354 г.), какъ психологъ: «въ огромной сокровищницѣ моей памяти появляется предо мной небо, земля, море и всѣ впечатлѣнія, какія я получилъ отъ нихъ. Тамъ пребываютъ всѣ откровенія опыта и свидѣтельства чувствъ; изъ этихъ остатковъ прошлаго я создаю ткань ежедневнаго опыта и свидѣтельства чувствъ, строю канву будущихъ событій и ожиданій; изъ всего этого я создаю нѣчто настоящее, о которомъ размышляю, и я говорю самъ себѣ, разсматривая сокровищницу моего разума, полную столькихъ образовъ: *я сдѣлаю то или это*. Я говорю такъ, и образы интересующихъ меня предметовъ исходятъ изъ сокровищницы моей памяти, а при отсутствіи ихъ, мнѣ было бы невозможно говорить о нихъ. При этомъ я чувствую себя смущеннымъ отъ удивленія и страха. А люди дивятся горнимъ вершинамъ, воднымъ потокамъ, морскимъ волнамъ, бурямъ океана и движенію звѣздъ, — и на этомъ останавливаются. Они не удивляются тому,

что въ эту минуту, когда я говорю обо всемъ этомъ, я не вижу этого непосредственно своими глазами, и я не могъ бы говорить объ этомъ, если бы всѣ эти вещи не представлялись внутренно моей памяти».

Какъ не изумиться послѣ этого, подобно Августину, достоинствомъ такого прибора, какъ человѣческій мозгъ, на которомъ достижимы такіе чудеса, далеко оставляющіе за собою все, что совершается на другихъ инструментахъ природы или искусства?

Подобно Кольцову и Пушкину, подобно Лермонтову и другимъ поэтамъ, нельзя не поражаться мыслью о разрушеніи смертью такого дивнаго аппарата жизни. Естественнымъ поэтому представляется глубокое молитвенное раздумье Кольцова:

Боже! и вѣрѣ
Могила темна.
Что слухъ мой замѣнитъ?
Потухшіе очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

Перемѣна такъ разительна, что естественно, подобно Пушкину, жаждать жить, желать даже въ состояніи тлѣнія быть ближе къ роднымъ:

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

Не только поэтъ, со своимъ пламеннымъ воображеніемъ и своею горячей жаждой жизни, но и философскій умъ, привыкшій къ строгой мысли, не остается безразличнымъ къ этимъ острымъ вопросамъ бытія: «Мысль, что безграничная, мертвая бездна Вселенной не создана, не получила начала, но сама по себѣ существуетъ отъ вѣка и будетъ также продолжать существовать, — такая мысль, говоритъ Спенсеръ, стала въ послѣднее время повергать меня въ чувство ужаса и содроганія». До такой степени самая мысль атеистовъ о механическомъ, мертвомъ, бездушномъ и безцѣльномъ существованіи Вселенной представляется противуестественной уму и человѣческой логикѣ философа, и несообразной съ природой вещей.

Здѣсь мы вступаемъ въ міръ тѣхъ сложныхъ и недоступныхъ ни уму, ни наукѣ фактовъ, гдѣ человѣку даетъ нѣкоторое руководство живая природа и жизнь, освѣщая проблемы бытія. Проблемы эти, исполненныя таинственности въ этомъ субъективномъ свѣтѣ мысли, получаютъ немногія, но весьма цѣнныя для мыслящаго человѣка путеводныя вѣхи и

знаки. Знаки эти тѣмъ болѣе имѣютъ цѣну для людей, если они исходятъ отъ человѣка одареннаго, отъ избранника природы, гдѣ сама природа запечатлѣла своимъ перстомъ достоинства своего творенія. Это — самый объективный источникъ для руководства, ибо онъ указанъ той самой природой, какую человѣкъ хочетъ знать.

325. д) Бактеріологія.

Только во второй половинѣ минувшаго столѣтія разрѣшенъ вопросъ о способѣ зарожденія низшихъ организмовъ. Появленіе плѣсени на старыхъ каменныхъ стѣнахъ и въ сырыхъ мѣстахъ мало обращало на себя вниманіе. Гораздо болѣе привлекали къ себѣ мысль страшныя эпидеміи, поражавшія людей. Онѣ появлялись неожиданно, какъ кометы, чтобы, просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, исчезнуть, не оставивъ послѣ себя иного слѣда, кромѣ поразительнаго опустошенія человѣческаго рода и зловѣщей паники въ умахъ людей. Эпидеміи холеры, чумы, оспы, дифтерита, тифа надолго потрясали сознаніе людей. Врачи пытались объяснить причины эпидемій, говорили объ отравленіяхъ, — потомъ о броженіи крови, и самыя болѣзни считались вызванными этимъ броженіемъ. Все было неясно. Когда появилась холера въ Берлинѣ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, нѣмецкимъ ученымъ казалось, что только невѣжеству русскаго населенія и русскихъ врачей холера обязана жестокими успѣхами, какіе она дѣлала въ Россіи. Но вотъ эпидемія достигла Германіи, германскіе врачи испытали неожиданныя трудности въ пониманіи и леченіи болѣзни и скромно стали пользоваться рецептами нашего Пирогова при леченіи своихъ больныхъ. Два вопроса, о плѣсени и грибкахъ на старыхъ стѣнахъ, и объ эпидеміяхъ такихъ заразныхъ болѣзней, какъ холера и чума, чахотка и дифтеритъ, оказались тѣсно связанными; генію французскаго ученаго Пастера посчастливилось положить первые камни новаго зданія бактеріологіи.

Когда Пастеръ началъ свои знаменитыя работы, въ то время всѣ умы заняты были мыслью о *самопроизвольномъ* зарожденіи такихъ организмовъ, какъ стѣнная плѣсень, какъ пивныя дрожжи и т. д. Казалось естественнымъ, что низшая жизнь зарождается какъ-то сама собой, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ къ тому условіяхъ влаги въ воздухѣ и сырости. Пастеръ задумалъ научно открыть виновниковъ зарожденія, такъ какъ онъ не вѣрилъ въ самозарожденіе плѣсени, цвѣли, дрожжей и другой низшей жизни. Для этого Пастеръ пропускалъ въ воду закрытыхъ сосудовъ воздухъ черезъ раскаленныя трубки, въ предположеніи, что проходящіе чрезъ нихъ зародыши низшей жизни сгорятъ въ его накаленныхъ трубкахъ. Опытъ далъ блестящіе результаты: воздухъ сталъ чистымъ отъ невидимыхъ зародышей и низшая жизнь не развивалась въ герметически замкнутыхъ сосудахъ. Тамъ же, гдѣ такого огненнаго барьера не стави-

ли, низшая жизнь тотчасъ начинала свою коварную работу. Великая тайна природы прослѣжена и раскрыта. Идеи Пастера повсюду распространились и положили начало Пастеровскимъ учрежденіямъ. Всему міру стало ясно, что низшая жизнь можетъ зарождаться изъ невидимыхъ зародышей, невидимыхъ потому, что они слишкомъ малы, чтобы ихъ свободно видѣть обыкновенными микроскопами, но Пастеръ ихъ уловилъ огневымъ заслономъ. Напряженныя работы, которымъ всѣ предались, скоро открыли широкую область бактеріальныхъ жизней. Оказалось, что бичи человѣчества: зародыши чумы, холеры, чахотки, тифа, дифтерита, оспы, скарлатины, сифилиса, всѣ имѣютъ своихъ зародышей. Такимъ образомъ, врагъ былъ найденъ. Оставалось найти такой ядъ, которымъ можно было бы истреблять эту опасную для человѣка низшую жизнь. Такія истребительныя средства скоро были найдены. Но величайшая заслуга Пастера состояла въ самомъ открытіи новой идеи о существѣ опаснаго врага человѣческой жизни. Идея Пастера логически привела къ прививкѣ животнымъ опасныхъ живыхъ заразъ и къ выработкѣ у заболѣвшаго этимъ путемъ животнаго противоядій въ самой его крови. Въ этомъ именно состоитъ сущность серотерапіи, т. е. леченія предохранительными сыворотками, добываемыми изъ крови животныхъ, опасно зараженныхъ. Такимъ образомъ, медицина примѣнила идеи Пастера къ бактеріологіи и основала на ней леченіе опасныхъ болѣзней цѣлебными сыворотками. Въ этомъ величайшая заслуга медицины. Вотъ краткій очеркъ открытія Пастера и послѣдовательнаго изученія заразныхъ болѣзней и основаннаго на немъ леченія. Важность новаго ученія сказалась въ томъ, что теперь медицина легко локализируетъ ихъ распространеніе. Оттого такой страшный бичъ человѣчества, какъ чума, которая въ каждую эпидемію уносила двѣ трети человѣчества, теперь является зломъ, которое съежилось, присмирѣло, уступивъ генію человѣка. Эпидемія чумы, развивавшейся нѣсколько разъ во время Манджурской войны, мгновенно, можно сказать, локализировалась и болѣзнь быстро прекращалась, потому что сразу на нее надѣвали намордникъ убійственной для нея дезинфекціи. Теперь это — одна изъ смирныхъ болѣзней, между тѣмъ какъ въ средніе вѣка она дѣлала страшныя опустошенія среди людей и названа была *черной смертью*. Въ Манджуріи ее скоро сократили, и она нигдѣ не развилась въ общую эпидемію, а оставалась въ предѣлахъ мѣстныхъ эпидемій. Холера, тифъ, дифтеритъ, сократились и опасности отъ нихъ для человѣчества изо дня въ день уменьшаются и падаютъ, а средняя продолжительность человѣческой жизни оттого увеличивается, потому что значительная часть смертей зависѣла отъ эпидемій.

Но что же это за низшая жизнь, зародыши которой гибнутъ въ очагѣ Пастеровскаго открытія? Что это, — растеніе, животное или иное отродье жизни? Долгое время чурались этой гнуснѣйшей жизни и зоологи и ботаники, отвергая принадлежность ея къ растительному и животному царству. Истина выяснилась только впослѣдствіи. Оказалось, что

кромѣ царства животныхъ и растеній, существуетъ третье царство природы, — простѣйшихъ одноклѣтныхъ животныхъ и одноклѣтныхъ растеній, совершенно однородныхъ созданій безъ ядра. Сюда то относятся и болѣзнетворныя бактеріи, занимающія мѣсто ближе къ простѣйшимъ растеніямъ, чѣмъ животнымъ. Бактеріи размножаются (дробленіемъ, образованіемъ споръ), питаются энергіей, развивающейся при различныхъ химическихъ процессахъ, а также — готовыми живыми бѣлками. Бактеріи, какъ и всѣ низко организованныя существа, способны переносить неблагопріятныя условія, — высыханіе, замораживаніе, нагрѣваніе. Тѣ бактеріи, которыя питаются живыми бѣлками, живутъ въ крови высшихъ животныхъ и вызываютъ своимъ размноженіемъ самыя тяжкія болѣзни, — большею частью быстрыя и смертельныя, — эпидемическія и эпизоотическія, т. е. поражающія то людей, то животныхъ. Бактеріи вырабатываютъ и выдѣляютъ изъ себя токсины, т. е. сильные яды, не уступающіе яду змѣй и ядовитыхъ животныхъ. Токсины вредны для самихъ бактерій и чрезмѣрное накопленіе токсиновъ останавливаетъ или ослабляетъ жизнь самыхъ бактерій, чѣмъ и объясняется самостоятельное прекращеніе эпидемій. Но раньше гибнутъ другія жизни (существа, въ крови которыхъ развиваются бактеріи), чѣмъ жизнь бактерій. Жизнь бактеріи — самая опасная изъ чужеядныхъ жизней, особенно потому, что будучи выносливой, она быстро размножается въ крови высшихъ существъ и отравляетъ послѣднихъ своими токсинами. Бактеріальная жизнь — это родъ вырожденія или перерожденія жизни, понимаемой въ широкомъ смыслѣ, но жизнь бактерій довлѣетъ самой себѣ, ибо она устойчива и хорошо обезпечена для своего продолженія. То, что она вредитъ другимъ жизнямъ, — это уже иной вопросъ, и это ея не касается, но рѣшается борьбой за существованіе, что выражено въ художественной формѣ Тургеневымъ въ его стихотвореніи въ прозѣ «Природа».

326. Природа.

Мнѣ снилось, что я вошелъ въ огромную подземную храмину съ высокими сводами. Ее всю наполнялъ какой-то тоже подземный, ровный свѣтъ.

По самой срединѣ храмины сидѣла величавая женщина въ волнистой одеждѣ зеленаго цвѣта. Склонивъ голову на руку, она казалась погруженной въ глубокую думу.

Я тотчасъ понялъ, что эта женщина — сама Природа, и мгновеннымъ холодомъ внѣдрился въ мою душу благоговѣйный страхъ.

Я приблизился къ сидящей женщинѣ и, отдавъ почтительный поклонъ: «О, наша общая мать!» — воскликнулъ я — «О чемъ твоя дума? Не о будущихъ ли судьбахъ человѣчества размышляешь ты? Не о томъ ли, какъ ему дойти до возможнаго совершенства и счастья?»

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ея шевельнулись и раздался зычный голосъ, подобный лязгу желѣза.

— Я думаю о томъ, какъ бы придать большую силу мышцамъ ногъ блохи, чтобы ей удобнѣе было спасаться отъ враговъ своихъ. Равновѣсіе нападенія и отпора нарушено. Надо его возстановить.

— Какъ? — пролепеталъ я въ отвѣтъ. Ты вотъ о чемъ думаешь! Но развѣ мы, люди, не любимыя твои дѣти?

Женщина чуть-чуть наморщила брови:

— Всѣ твари мои дѣти, — промолвила она: — и я одинаково о нихъ забочусь и одинаково ихъ истребляю.

— Но добро... разумъ... справедливость?.. — пролепеталъ я снова.

— Это — человѣческія слова, — раздался желѣзный голосъ, — я не вѣдаю ни добра, ни зла. Разумъ мнѣ не законъ — и что такое справедливость? — Я тебѣ дала жизнь, — я ее отниму и дамъ другимъ, червямъ или людямъ... мнѣ все равно... А ты, пока, защищайся и не мѣшай мнѣ.

Я хотѣлъ было возражать... но земля кругомъ глухо застонала и дрогнула — и я проснулся...

Августъ, 1879. *И. С. Тургеневъ.*

327. в) О душѣ животныхъ.

Поводомъ къ перепечаткѣ изъ «Всеобщей Психологіи» всего отдѣла о душѣ животныхъ послужилъ слѣдующій отзывъ о ней проф. А. С. Шкляревскаго:

Отдѣлъ книги, посвященный «Душѣ животныхъ», составляетъ одинъ изъ ея интереснѣйшихъ отдѣловъ. «Психологія животныхъ», говоритъ Сикорскій, «долго оставалась мало извѣстной даже съ фактической стороны. Но, съ установленіемъ эволюціонной теоріи, дѣло существенно измѣнилось. Примѣненіе этой теоріи къ изученію психической жизни животныхъ дало общую точку зрѣнія на психическій міръ и включило душу животныхъ и человѣческую въ одинъ общій разрядъ явленій, свойственныхъ жизни». Подтвержденіемъ этому служитъ рядъ небольшихъ этюдовъ, въ которыхъ характеризуются съ психологической стороны представители различныхъ группъ животнаго царства. Въ этихъ характеристикахъ не знаешь, чему болѣе удивляться, — интересу ли приведенныхъ фактовъ, тонкости ли психологическаго анализа, или важности ихъ теоретическаго значенія.

Таковы небольшіе этюды: «Черви», «Муравей», «Пчелы», «Пауки», «Рыбы», «Земноводныя», «Птицы» и болѣе детально очерчены: «Лошадь», «Быкъ», «Слонъ», «Собака», «Обезьяна». Всѣ эти маленькіе шедевры бу-

дутъ, вѣроятно, цѣликомъ перенесены въ христоматіи для дѣтей и юношей, въ которыхъ будутъ пробуждать интересъ къ природѣ и способствовать вдумчивому ея изученію.

Проф. А. С. Шкляревскій.

328. Душа животныхъ.

Міръ животныхъ, въ частности, душа животныхъ съ ея свойствами, служитъ естественнымъ предметомъ интереса дѣтей и самымъ прямымъ образомъ входитъ въ систему воспитанія. Знакомство съ животными, съ ихъ достоинствами и недостатками, съ положительными и отрицательными качествами ихъ нравовъ, служитъ самымъ обычнымъ объектомъ для удовлетворенія дѣтскаго любопытства и любознательности. Дѣти увлекаются животными, понимаютъ ихъ и ставятъ рядомъ съ собою, какъ существа, обладающіе живымъ умомъ и понятливые. Дѣти охотно забавляются съ животными, окружая ихъ лаской и заботами. Такъ дѣло идетъ уже съ первыхъ лѣтъ дѣтской жизни. Съ возрастомъ дитяти, и животныя получаютъ высшій рангъ, становясь главнымъ матеріаломъ *сказокъ*: никакая сказка не обходится безъ животныхъ, какъ живыхъ существъ, игравшихъ ту или иную роль, и чѣмъ меньше дитя, тѣмъ эта роль значительнѣе. У дѣтей дошкольнаго возраста, въ назначенныхъ для нихъ баснѣхъ и сказкахъ, животныя начинаютъ выступать своими душевными качествами, своей *психологіей:* животное становится живою моделью и олицетвореніемъ тѣхъ или иныхъ психическихъ качествъ. Трусость мыши, нелѣпая торопливость зайца, хитрость лисы, медленность черепахи, ничтожество червя, трудолюбіе муравья и пчелы, легкомысленная подражательность обезьяны, вѣрность собаки, — сдѣлались традиціонными сравненіями, подобіями и терминами человѣческаго языка и человѣческой мысли. Всѣ эти душевныя качества являются такими наглядными и показными, что человѣкъ любуется ими самъ и показываетъ своимъ дѣтямъ.

О душѣ животныхъ древніе имѣли превратныя понятія: то ставили душу животныхъ очень низко, то поднимали ее на несоотвѣтственную высоту, приписывая животнымъ большой умъ и даже способность рѣчи, которую животныя будто бы скрываютъ предъ человѣкомъ. Затѣмъ цѣлые вѣка человѣчество довольствовалось аѳористическимъ утвержденіемъ, что животнымъ свойственъ инстинктъ, а человѣку разумъ, — и въ этомъ состоитъ ихъ различіе. Въ сущности однако же психологія животныхъ оставалась мало извѣстной даже съ фактической стороны. Но, съ установленіемъ эволюціонной теоріи, дѣло существенно измѣнилось къ лучшему. Примѣненіе этой теоріи къ изученію психической жизни животныхъ дало общую точку зрѣнія на психическій міръ и включило душу животныхъ и человѣческую въ одинъ *общій разрядъ явленій, свойственныхъ* жизни. Область психологіи, такимъ образомъ, расширилась и обогатилась дан-

ными, заимствованными у біологіи: все это существеннымъ образомъ раздвинуло рамки психологіи и дало руководящую нить для пониманія души животныхъ.

Общій принципъ, установленный біологіей, о тѣсной связи между строеніемъ органа и его функціей, нашелъ себѣ примѣненіе и въ сравнительной психологіи, а черезъ нее и въ психологіи человѣка. Съ этой точки зрѣнія психологія животныхъ пріобрѣла крупное значеніе, какъ отдѣлъ общей психологіи, и послужила къ разъясненію многихъ универсальныхъ вопросовъ душевной жизни.

Въ послѣднія два столѣтія сравнительная психологія подвинулась впередъ въ двухъ направленіяхъ, — въ отношеніи изученія самыхъ простѣйшихъ психическихъ явленій у низшихъ животныхъ и въ отношеніи предполагавшагося мышленія (догадливости, умозаключенія) у высшихъ животныхъ. Первое дало весьма положительные результаты, второе мало оправдалось.

Психическія явленія на своей низшей ступени не отдѣлимы или, по крайней мѣрѣ, не различимы отъ явленій физіологическихъ. Подробное разсмотрѣніе невозможно по неимѣнію для того научныхъ данныхъ. Изслѣдованіе этой области едва начато (Verworn Loeb). Въ виду этого приходится пройти мимо всю обширную область низшей жизни (Protozoa, Coelenterata, Echinodermata); обращаемся къ выше стоящимъ животнымъ и останавливаемся на разборѣ нѣкоторыхъ образцовъ той животной жизни, гдѣ психическія явленія уже вполнѣ очевидны. Однако же разборъ простѣйшей нервно-психической жизни имѣлъ бы высокое значеніе для психологіи.

329. Черви.

Съ своей точки зрѣнія человѣкъ относится съ презрѣніемъ къ червю, какъ существу, которое въ умственномъ отношеніи стоитъ столь низко, что не можетъ защищать свою жизнь, не понимаетъ опасности и не спасается отъ нея. Причина послѣдняго явленія лежитъ въ томъ обстоятельствѣ, что у червей (нѣкоторыхъ) еще нѣтъ другихъ органовъ чувствъ кромѣ осязанія: червь только ощупью чувствуетъ внѣшній міръ и приходитъ въ движеніе только тогда, когда что-либо касается его кожи *непосредственно*. Но не обладая ни глазомъ, ни ухомъ, червь совершенно лишенъ средства чувствовать внѣшній міръ издалека, понимать *приближающуюся* опасность. Но уже у нѣкоторыхъ видовъ червей появляются *глазообразныя пятна*, т. е. кучки темнаго пигмента, разсѣянныя въ кожѣ и способныя удерживать лучи свѣта и тепла, давая червямъ зачаточную, примитивную возможность чувствовать внѣшній міръ издалека. Такимъ образомъ, у презираемаго человѣкомъ червя, впервые въ животномъ царствѣ, совершается эволюція органовъ чувствъ, — развитіе высшихъ органовъ изъ низшихъ.

Важное значеніе обладанія болѣе развитыми органами чувствъ выясняется всего лучше на примѣрѣ двухъ типовъ животныхъ, — однихъ, у которыхъ глазъ устроенъ элементарно, т. е. глазъ неподвиженъ — лишенъ движущаго мышечнаго аппарата, и другихъ, гдѣ глазъ снабженъ мышцами. Животныя послѣдняго типа могутъ имѣть понятіе о движеніи предметовъ, потому что ихъ подвижной глазъ перемѣщается за движущимся предметомъ или, по крайней мѣрѣ, принимаетъ его послѣдовательно на различныя фасетки роговой оболочки, какъ это видимъ въ сложномъ глазѣ насѣкомыхъ. Оттого эти животныя имѣютъ нѣкоторое понятіе о приближеніи къ нимъ предмета и способны удаляться отъ преслѣдованія, но другія животныя (черви), — со своимъ неподвижнымъ глазомъ не могутъ имѣть никакого понятія о движеніи предмета въ направленіи къ нимъ, и потому не убѣгаютъ отъ враговъ, даже рискуя быть раздавленными. Въ силу этого червь легко можетъ быть пойманъ, а муравей или бабочка спасаются бѣгствомъ, не даются въ руки.

Изслѣдованіе J. Loeb'a, произведенное надъ червями (планаріи), даетъ рядъ интересныхъ указаній принципіальнаго характера. Если плавающей планаріи внезапно отрѣзать острыми ножницами верхнюю часть тѣла съ головой, обѣ отдѣльныя части, какъ мертвыя, падаютъ на дно сосуда. Обезглавленная планарія лежитъ на днѣ сосуда, пока у нея не выростетъ новая голова изъ одного изъ нервныхъ узелковъ передней части тѣла, послѣ чего животное становится тѣмъ же, чѣмъ оно было до обезглавливанія. Если вмѣсто одной отрѣзанной головы выростаютъ двѣ (что случается), движенія животнаго очень затруднены, потому что тѣло управляется то одной, то другой головой, пока одна изъ нихъ не возьметъ окончательнаго перевѣса надъ другой. У другихъ видовъ червей (прѣсноводныхъ) обезглавливаніе не производитъ такого эффекта, какой сейчасъ описанъ: обезглавленный или разрѣзанный пополамъ червь продолжаетъ существовать, какъ будто ничего не случилось: каждая изъ отдѣльныхъ половинъ живетъ совершенно самостоятельно, пока каждая не пополняется до размѣровъ цѣлаго животнаго. Очевидно, что центральность нервной системы здѣсь выражена еще весьма слабо, о психизмѣ почти не можетъ быть рѣчи, это — пока обособленная жизнь отдѣльныхъ нервныхъ клѣточекъ или ихъ группъ, объединенныхъ въ психо-рефлекторную колонію. Общихъ интересовъ цѣлаго организма, общей жизни, общаго объединеннаго психизма здѣсь нѣтъ. Того, что можно бы назвать ассоціаціями, также, вѣроятно, нѣтъ, это — разлитая, мѣстная, а не централизованная жизнь. То же почти наблюдаемъ у дождевого червя: голова у него вовсе не играетъ той роли, какая ей принадлежитъ у выше стоящихъ животныхъ, гдѣ въ головныхъ узелкахъ нервной системы начинаетъ съорганизовываться центръ общаго нервно-психическаго объединенія и управленія организма, и гдѣ головному мозгу начинаетъ принадлежать роль общей главы всѣхъ провинцій тѣла и роль иниціатора общихъ

дѣйствій всей колоніи въ дѣлѣ воспріятія внѣшняго міра и реакцій на эти воспріятія.

Длинное тѣло дождевого червя состоитъ изъ отдѣльныхъ *метамеровъ*, т. е. отдѣльныхъ равнозначныхъ повторныхъ частей съ особымъ нервнымъ узломъ въ каждомъ метамерѣ. Въ біо-исторической жизни червя части или метамеры первоначально были объединены на началахъ физіологическаго равноправія, но впослѣдствіи въ цѣлой колоніи, составленной изъ метамеровъ, пошла спеціализація, вызванная интересами цѣлаго: одни метамеры преобразовались въ общую для всей колоніи голову, другіе — въ двигательные и иные аппараты и т. д. Современный дождевой червь переживаетъ эпоху описываемаго сейчасъ преобразованія, которое далеко не закончено. Оттого его голова, ставши главной физіологически, еще далеко не стала таковой психологически: отрѣзанная голова продолжаетъ жить, но и въ обезглавленномъ туловищѣ не наблюдается особеннаго ущерба, какъ въ жизни, такъ и въ движеніяхъ. Обезглавленный червь остается почти тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ, обладая головой, т. е. онъ также питается, также ползаетъ, такъ же зарывается въ землю и песокъ и т. д Обезглавленныя туловища червей также относятся къ свѣту и другимъ раздраженіямъ, какъ и обладающія головой: у нихъ голова еще далеко не стала психологическимъ центромъ жизни, потому что и сама жизнь стоитъ низко и носитъ печать болѣе физіологическаго, чѣмъ психическаго процесса: психизмъ здѣсь въ зачаткѣ. На примѣрѣ червя можно ясно видѣть, какъ среди обыкновенныхъ клѣточекъ выдѣляются нервныя, какъ онѣ постепенно вступаютъ въ свою новую роль, организуя въ тканяхъ червя движеніе и рефлексы — этотъ первый проблескъ будущихъ нервныхъ функцій. Изъ рефлекса возникаетъ психорефлексъ, а психорефлексы постепенно преобразовываются въ психическіе акты, путемъ взаимной задержки и заторможенія, отдавая при этомъ свои накопленные и неиспользованные потенціалы новому высшему акту, — чувствованію и движенію, т. е. психизму.

330. Муравьи.

Муравей обладаетъ *всѣми пятью органами чувствъ* и соотвѣтственнымъ числомъ нервныхъ центровъ; поэтому муравью доступны всѣ тѣ высшія воздѣйствія, которыя воспринимаются и высшими животными. У него, вѣроятно, достаточно развитъ механизмъ ассоціаціи, который является естественнымъ и неминуемымъ физіологическимъ послѣдствіемъ развитія дѣятельности органовъ чувствъ и упорядоченія воспріятій. Своей неутомимой дѣятельностью муравей привлекъ особое вниманіе человѣка. Сколько же заслуживаютъ вниманія необыкновенные инстинкты, которые выработалъ муравей въ отношеніи жилищъ и въ организаціи общественной жизни? Между насѣкомыми муравей имѣетъ самый большой мозгъ по срав-

ненію съ размѣрами тѣла. Муравей заслуженно получилъ названіе «психическаго атома», такъ какъ у него впервые встрѣчаемъ *душу со всѣми ея главнѣйшими свойствами,* т. е. пятью органами чувствъ, сложными инстинктами, однимъ высшимъ чувствомъ и необыкновенно подвижной дѣятельностью. Наблюденія, сдѣланныя надъ образомъ жизни и душевными качествами муравья (Дж. Леббокъ), показали, что муравей обладаетъ *короткой* памятью, длящейся не болѣе нѣсколькихъ дней, послѣ чего онъ забываетъ то, что узналъ. Въ этомъ кроется причина крайней ограниченности индивидуальнаго психическаго развитія муравья и другихъ животныхъ, имѣющихъ короткую память.

Обладая пятью органами чувствъ, муравей фактически пользуется *почти* только однимъ, — обоняніемъ, которое играетъ у него первую роль: обоняніемъ муравей опредѣляетъ путь, пройденный товарищами, отыскиваетъ пищу, разыскиваетъ куколокъ. Джонъ Леббокъ наблюдалъ муравьевъ, ходившихъ за куколками, положенными на верхушкѣ карандаша, воткнутаго въ землю. Муравьи ходили отъ гнѣзда къ карандашу ближайшимъ путемъ; но когда наблюдатель (пока муравей былъ въ гнѣздѣ) перенесъ карандашъ на другое мѣсто, то муравей, придя въ мѣсто первоначальнаго нахожденія куколки и не заставъ здѣсь карандаша съ куколкой, но чуя ихъ близость обоняніемъ, началъ кружить вокругъ мѣста, гдѣ карандашъ стоялъ, и въ поискахъ исколесилъ огромный путь. Если бы муравей руководился зрѣніемъ, онъ бы тотчасъ замѣтилъ торчавшій карандашъ и на немъ куколку, и ему не пришлось бы понапрасну пройти огромный путь и затратить безполезно колоссальную энергію на передвиженіе при неудачныхъ поискахъ.

Муравьи въ своихъ переходахъ умѣютъ сохранять разъ принятое *направленіе* и, если площадь, по которой они движутся (напримѣръ тихо вертящійся картонный кружокъ), слегка уклоняется въ сторону, — муравей продолжаетъ вѣрно держать свой путь: въ этомъ случаѣ онъ руководится, очевидно, памятью разъ принятаго направленія.

Муравьи *не знаютъ другъ друга лично* (личное знакомство основано, главнымъ образомъ, на зрительныхъ впечатлѣніяхъ, а эти впечатлѣнія слабы у муравьевъ); но жильцовъ своего гнѣзда отличаютъ отъ «чужаковъ» по запаху. Нѣкоторые опыты произведены надъ муравьями съ цѣлью опредѣлить ихъ умъ, т. е. ихъ способность установить (на основаніи новыхъ впечатлѣній) рядъ новыхъ ассоціацій для рѣшенія конкретной задачи; оказалось, что муравьи очень тупоумны. Джонъ Леббокъ давалъ, напримѣръ, муравью такую простую задачу: перекладинку, по которой муравей ходилъ, онъ разрѣзалъ на двѣ части и одну часть опустилъ нѣсколько ниже другой, такъ что образовался разрывъ пути, — родъ ступеньки, и надлежало спрыгнуть внизъ или придумать что либо, напримѣръ подложить какой нибудь предметъ или принести нѣсколько земли и подсыпать для заполненія промежутка. Муравьи рѣшительно не могли дойти до этого *своимъ умомъ,* несмотря на ихъ отличное знакомство со строительнымъ дѣ-

ломъ, съ установкой подпоръ и подставокъ въ ихъ подземельяхъ, съ надсыпкой и подсыпкой земли. Очевидно, что операція *узнаванія новыхъ условій* и дѣланія новыхъ выводовъ рѣшительно недоступна уму муравья. Муравей силенъ только въ тѣхъ умственныхъ актахъ и дѣйствіяхъ, которые входятъ въ составъ инстинкта и которые заучены вѣковой практикой, но за этими предѣлами его умъ безсиленъ, и область индивидуальнаго развитія ему почти недоступна.

Муравьи *обладаютъ въ зачаткѣ высшими чувствами.* Потерявшаго ногу или увязшаго муравья товарищи тащутъ въ гнѣздо, между тѣмъ какъ, напримѣръ, муха смотритъ безучастно на гибнущую, подобную ей муху и не только не оказываетъ ей помощи, но проходитъ мимо и ничѣмъ не обнаруживаетъ, что она понимаетъ несчастье и сочувствуетъ страждущему. У муравьевъ развито чувство *гнѣва;* драки ихъ между собою и съ «чужаками» необыкновенно жестоки и возникаютъ легко. Чувство страха не выражено ясно. Хотя муравей убѣгаетъ отъ опасности, но, повидимому, значительной эмоціи не испытываетъ, здѣсь только инстинктъ, въ которомъ чувство еще не отслоилось и не дифференцировалось.

Въ наблюденіяхъ надъ жизнью муравьевъ выяснилось обстоятельство, имѣющее большой теоретическій интересъ. Наблюдатели до XIII вѣка, и даже тщательный Плиній, не описываютъ у муравьевъ процесса провѣтриванія куколокъ, для чего требуется вынести ихъ изъ муравьиныхъ подземелій на солнце и воздухъ. Съ XIII-го же вѣка по Р. Хр. у муравьевъ этотъ инстинктъ установился и сталъ примѣняться у всѣхъ почти породъ. Эта эпоха муравьинаго прогресса, вѣроятно, возникла слѣдующимъ образомъ, если судить объ этомъ на основаніи способа развитія новыхъ инстинктовъ у домашнихъ животныхъ и человѣка. Задыхаясь въ своемъ подземельи и чувствуя облегченіе на воздухѣ (воспріятія связывались ассоціативно), муравей сталъ выходить на прогулки. Такъ какъ образъ куколки уже раньше былъ прочно ассоціированъ съ муравьинымъ самочувствіемъ, то отсюда естественна ассоціація взятія съ собою куколки на воздухъ. Болѣзни куколокъ при непровѣтриваніи жилища подкрѣпляли общую сумму воспріятій. Все это совершилось безъ какого либо спеціальнаго мыслительнаго акта, а только силами внѣшнихъ воспріятій и неразрывно связанныхъ съ ними ассоціацій (психорефлекторно). Это есть путь развитія инстинкта. Наблюдатель-муравей, бывшій свидѣтель своего лучшаго самочувствія послѣ выноса куколокъ и провѣтриванія муравейника, ассоціировалъ (укрѣпилъ въ памяти) это самочувствіе въ связи съ совершившимися внѣшними фактами, и инстинктъ окрѣпъ и сталъ слабо-сознательнымъ, на почвѣ индивидуальнаго переживанія психо-рефлекторныхъ и инстинктивныхъ событій, какъ у первой насѣдки, которая послѣ трехнедѣльнаго сидѣнія увидѣла, наконецъ, птенцовъ. Такимъ образомъ, событія, случившіяся, такъ сказать, невольно и безсознательно, оставляютъ даже въ короткой памяти индивидуума зачатки для новаго повторенія, при возбужденіи извнѣ или изнутри (внѣшнія и внутреннія воспріятія).

Такъ возникаютъ изъ психорефлексовъ и рефлексовъ инстинктивные акты. Личнымъ наблюденіемъ индивидуума инстинктивный актъ обращается въ разумный.

331. Пчелы.

Подобно муравью, пчела имѣетъ всѣ пять органовъ чувствъ. Въ отличіе отъ муравья, пчела въ своемъ душевномъ обиходѣ руководится не только *обоняніемъ, но и зрѣніемъ*. Въ перелетахъ, передвиженіяхъ и дальнихъ экскурсіяхъ пчела пользуется зрѣніемъ, зрительными представленіями и зрительной памятью; она замѣчаетъ нѣкоторые выдающіеся предметы, деревья, кусты и по нимъ запоминаетъ путь къ улью и отъ него. Пчела различаетъ цвѣта (на полоскахъ изъ цвѣтной бумаги, или матеріи разныхъ цвѣтовъ, пчелы садятся съ различной частотой), предпочитая одни цвѣта другимъ. Подобно тому, какъ и у муравья, обоняніе (т. е. обонятельное воспріятіе и обонятельная память) играетъ у пчелъ, какъ вообще у низшихъ животныхъ, роль перваго и важнѣйшаго органа: обоняніемъ пчелы узнаютъ «своихъ», отличаютъ ихъ отъ «чужаковъ». Бѣдность ума пчелы, какъ и ума муравьинаго, выясняется изъ того факта, что пчелѣ недоступна способность личнаго знакомства съ товарищами по улью: существуетъ только суммарное, валовое различіе «своихъ отъ чужихъ», руководимое чувствомъ обонянія. Если пчелу лишить обонянія, напримѣръ, окурить дымомъ или опрыскать ароматнымъ веществомъ, — пчела потеряетъ обоняніе на нѣсколько часовъ или дней, и тогда возможно соединить два роя, безъ риска вызвать между ними столкновенія и драки. Пчелы, какъ и муравьи, почти глухи. Память у пчелъ коротка: арестованная на нѣсколько дней, на недѣлю, пчела не найдетъ болѣе пути домой, не узнаетъ своего улья и своихъ; но три, четыре дня она еще твердо помнитъ впечатлѣнія. Однако же, въ предѣлахъ инстинкта, память продолжается до нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ и у муравья. *Направленіе* движенія пчела сохраняетъ въ совершенствѣ.

Выдающимся культурнымъ инстинктомъ у пчелъ является *провѣтриваніе улья:* пчелы садятся одна выше другой въ спеціально оставленномъ свободномъ каналѣ и, образуя длинную партію двигателей, машутъ крыльями въ тактъ, образуя такимъ образомъ значительный токъ воздуха, который высасываетъ изъ улья застоявшійся воздухъ. Операція повторяется нѣсколько разъ въ день. Муравьи этого не знаютъ.

332. Паукъ.

Паукъ обладаетъ пятью органами чувствъ. Независимо отъ обонянія, развитаго у паука, какъ у всѣхъ животныхъ (пищу отличаетъ отъ несъѣдобныхъ предметовъ обоняніемъ), у паука особенно тонко развито *осязаніе,* т. е. осязательное и стереогностическое воспитаніе.

Посредствомъ осязанія паукъ опредѣляетъ вибраціи воздуха, прикосновеніе къ его паутинѣ и пр. О паукѣ разсказываютъ наблюдатели-любители, что онъ любитъ музыку, но о музыкальности у паука не можетъ быть и рѣчи: онъ воспринимаетъ лишь вибраціи, напримѣръ камертона, и, слѣдовательно, дѣло идетъ только объ осязательныхъ, но не слуховыхъ перцепціяхъ. Камертонъ непріятенъ пауку, отъ звуковъ камертона паукъ прячется въ глубину своей паутины, какъ отъ опасности, но вибраціи камертона воспринимаетъ только, какъ воздушныя колебанія, а не какъ музыку.

Въ постройкѣ паутины паукъ проявляетъ тонкій строительный инстинктъ; не менѣе тонко у паука и пониманіе механическихъ условій передвиженія по паутинѣ, подъема грузовъ (по діагонали, а не вертикально) и т. п. Но за предѣлами спеціальной постройки своей паутины умъ паука остается ограниченнымъ, какъ и умъ муравья, и какія либо новыя формы архитектурныхъ сооруженій пауку рѣшительно недоступны: паутинная сѣть составляетъ первое и послѣднее слово его зодческаго творчества.

Изъ чувствъ у паука классически развиты агрессивный инстинктъ и *гнѣвъ; страхъ* также совершенно ясно выработанъ у паука и заставляетъ его быстро прятаться въ глубину паутины при опасности.

Экспериментальныя наблюденія надъ жизнью пауковъ дали психологическій матеріалъ весьма существеннаго значенія.

Если самку паука насильно выселить изъ гнѣзда, населеннаго крошечными паучками, которыя только что родились, и замѣнить ее подставной матерью, то послѣ немногихъ дней страданія, гнѣва и попытокъ вернуться въ родное гнѣздо, истинная мать забываетъ о своихъ дѣтищахъ и о самомъ актѣ ихъ выводки, а подставная мать вступаетъ психологически во всѣ событія новой семьи, т. е. охраняетъ гнѣздо, защищаетъ его и чинитъ, если внѣшняя сила какъ нибудь повреждаетъ его. Такимъ образомъ, память психо-физическихъ событій ограничивается у паука немногими днями.

333. Рыбы.

По своей душевной организаціи рыбы не превосходятъ муравья и пчелы отдѣльными строеніями своей души, быть можетъ даже уступаютъ имъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; но рыба развита въ умственномъ смыслѣ *всесторонне,* тогда какъ муравей и пчела отличаются узкой односторонней геніальностью, представляя изъ себя какъ бы родъ курьезнаго, смѣлаго этюда, созданнаго природой въ качествѣ пробы. У рыбы развиты всѣ органы чувствъ, и она *пользуется равномѣрно всѣми* (не то, что пауковъ, муравей, пчела, которые руководятся однимъ излюбленнымъ органомъ, при другихъ не примѣняемыхъ къ дѣлу органахъ, какъ бы существующихъ только въ родѣ программы, для пользы будущихъ поколѣній, но не для даннаго индивидуума).

Значительный умственный уровень рыбы лучше всего выясняется изъ того факта, что рыбу можно *пріучить*, давая ей уроки впечатлѣній, напримѣръ, по звону можно приглашать къ корму. Здѣсь *звонъ, видъ пищи и ѣда* связываются въ умѣ рыбы въ одну общую ассоціативную цѣпь, и первый членъ этого ассоціативнаго ряда (звонъ — сигналъ) вызываютъ за собою въ умѣ рыбы другіе члены (т. е. представленіе о пищѣ, о мѣстѣ выдачи порціи, представленіе о движеніи въ направленіи къ пищѣ). Въ пріученіи рыбы приходить за пищей по звонку мы встрѣчаемся съ новымъ душевнымъ явленіемъ, — *индивидуальнаго психическаго опыта и развитія*. Это явленіе въ такихъ размѣрахъ и съ такой отчетливостью впервые встрѣчается въ животномъ царствѣ въ классѣ рыбъ. Оно основано на существованіи у рыбъ зачатковъ большого мозга, — спеціальнаго органа ассоціативныхъ функцій, допускающаго индивидуальный опытъ и развитіе. Въ связи съ этимъ, рыба обладаетъ не только расовымъ опытомъ, какъ низшія животныя, но и опытомъ индивидуальнымъ. Рыба въ теченіе короткаго времени можетъ обучиться и усвоить себѣ тѣ мыслительные ряды, ту послѣдовательность впечатлѣній, для закрѣпленія которыхъ низшими животными требуются цѣлые вѣка и смѣны поколѣній. Таково значеніе и цѣльность ассоціативнаго органа, гдѣ единовременно встрѣчаются, и ассоціативно объединяются, впечатлѣнія различныхъ органовъ чувствъ (воспріятіе и ассоціація).

Память рыбъ обнимаетъ собою многіе мѣсяцы, не то, что память паука. Рыба имѣетъ эстетическія чувства, — любитъ свѣтъ, понимаетъ окраску самцовъ и пр.

334. Земноводныя (амфибіи).

Въ анатомическомъ и психическомъ отношеніи амфибіи стоятъ выше рыбъ. Онѣ обладаютъ ясно выраженнымъ и имѣющимъ значительный объемъ большимъ мозгомъ; большой мозгъ впервые въ классѣ амфибій достигаетъ такого объема и вѣса по сравненію съ массой тѣла животнаго. Животная организація въ классѣ амфибій впервые получаетъ надлежаще сформированный спеціальный органъ для высшихъ духовныхъ отправленій. Въ связи съ этимъ у амфибій впервые встрѣчаемъ высшія проявленія духовной жизни: *зачатки эстетическаго* чувства (пониманіе музыки), *долгую память, широкую способность индивидуальнаго умственнаго развитія*, — что сказывается ясно въ легкой дрессировкѣ змѣи и, въ особенности, въ томъ фактѣ, что у амфибій, впервые въ животномъ царствѣ, замѣчается способность къ *личному знакомству* (узнаваніе людей, привязанность къ нимъ у змѣи, у черепахъ). При такихъ основныхъ условіяхъ амфибіямъ доступно болѣе, чѣмъ предыдущимъ классамъ животныхъ, приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ, т. е. сообразованіе индивидуальной жизни и ея требованій съ условіями среды и пользованіе

этими условіями для цѣлей жизни. Какъ на интересную особенность амфибій можно указать на существованіе у нѣкоторыхъ изъ нихъ *термотическаго* глаза, т. е. такого органа, расположеннаго на головѣ (на темени), который даетъ животному возможность опредѣлить совмѣстно силу освѣщенія и степень нагрѣванія. Это переходный органъ, который у другихъ животныхъ раздѣленъ между глазомъ (свѣтоощущеніе) и кожей (теплоощущеніе).

Возможность *развитія разума, при участіи* спеціальнаго *ассоціативнаго аппарата,* который возникъ впервые въ животномъ царствѣ у рыбъ, а особенно у амфибій, придало этому классу животныхъ особую печать, именно — печать особаго развитія и культуры *первобытныхъ чувствъ,* — гнѣва и страха при участіи ума (т. е. ассоціаціи). Эта высшая умственная сила, ставъ на службу чувству, начала съ обслуживанія первобытныхъ чувствъ, усиливъ ихъ яркость, напряженіе и технику. Благодаря этому, *страхъ у рыбъ и гнѣвъ у змѣй* поднялся на высоту утонченныхъ и усовершенствованныхъ функцій. Страхъ у рыбъ достигъ степени тонкой *пугливости и осторожности,* гнѣвъ у змѣи доведенъ до степени *ярости и ехидства.* Злость гадюки коварна, безсмысленна и страшна. Отрубленная голова змѣи, даже черезъ полчаса послѣ своего отдѣленія отъ туловища, еще можетъ укусить и смертельно отравить, впившись зубами въ тѣло жертвы.

Змѣи предчувствуютъ землетрясеніе. Очевидно, тонкая чувствительность ихъ осязательныхъ воспріятій даетъ имъ возможность, подобно сейсмографу, чувствовать колебанія почвы и выходить изъ подземелья на поверхность, уже въ ту пору, когда другія, даже высшія животныя, еще не догадываются о приближающейся бѣдѣ.

За присоединеніемъ ума къ первобытнымъ чувствамъ и послѣдовавшими отъ того усовершенствованіями этихъ чувствъ въ техническомъ отношеніи, — дальнѣйшихъ эмотивныхъ успѣховъ не наступило у рыбъ и амфибій. Но уже начиная съ класса птицъ, выступаетъ широкое развитіе чувствъ новѣйшей формаціи.

335. Птицы.

Въ классѣ птицъ мы сразу встрѣчаемся съ явленіями широкаго психическаго прогресса. Наиболѣе поразительно развитіе чувствъ новѣйшей формаціи, и почти единовременно и развитіе всѣхъ вообще чувствъ. Развитіе эстетическаго чувства сдѣлало возможнымъ тонкую оцѣнку системы движеній. Быть можетъ, съ этимъ связано и развитіе техники летанія.

Въ царствѣ птицъ душевныя качества уже очень высоки: въ зачаткѣ птицы обладаютъ всѣмъ, что свойственно человѣку. Продолжительность *памяти у птицы,* во всякомъ случаѣ, превосходитъ годичный срокъ (вер-

нувшаяся съ перелета птица узнаетъ свое старое гнѣздо); это уже огромный шагъ въ дѣлѣ душевнаго развитія, такъ какъ однимъ этимъ обезпечивается возможность *накоплять личный опытъ* и, такимъ образомъ, ускорять и расширять ходъ индивидуальнаго духовнаго развитія. Долгая память даже даетъ возможность птицамъ, долго живущимъ, какъ напримѣръ, попугаю, обучиться начаткамъ членораздѣльной рѣчи (имитація рѣчи). У птицъ впервые хорошо развиты тѣ душевныя качества, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ жизни, а служатъ только для цѣлей *психическаго прогресса,* какъ напримѣръ эстетическое чувство, нравственное чувство и пр. Эти чувства и эти акты указываютъ на существованіе въ нервной системѣ обширныхъ запасовъ свободной нервной энергіи, которая, за удовлетвореніемъ всѣхъ насущныхъ нуждъ, расходуется на *чистое усовершенствованіе самой нервно-психической организаціи* (Гефдингъ). Такимъ образомъ, въ классѣ птицъ впервые встрѣчаемся съ истинными задатками чисто духовнаго развитія, мотивированнаго высшими отдаленными цѣлями жизни, а не ея ближайшими, непосредственными задачами.

Эстетическія чувства развиты у птицъ въ отношеніи внѣшнихъ впечатлѣній (зрительныхъ, слуховыхъ). Птицы любятъ цвѣта, любуются ими и цѣнятъ ихъ другъ въ другѣ; столько же онѣ цѣнятъ звуки, расположенные въ ритмическомъ и мелодическомъ порядкѣ. Пѣніе нѣкоторыхъ птицъ, напримѣръ, соловья, удовлетворяетъ даже эстетическому вкусу человѣка. Птицы (нѣкоторыя) имѣютъ зачатки *интеллектуальнаго чувства,* напримѣръ попугай («обезьяна пернатаго царства»), отдающійся изученію рѣчи, хотя эта функція не можетъ имѣть для него никакого практическаго значенія и является чистымъ интеллектуальнымъ упражненіемъ. То же значеніе интеллектуальнаго чувства имѣютъ игры и забавы австралійскихъ птицъ, описанныя въ недавнее время. *Нравственныя чувства* въ животномъ царствѣ впервые возникаютъ у птицъ. Птицы выработали бракъ, семейную жизнь, обнаруживаютъ идеальную привязанность другъ къ другу. (Эти чувства художественно изображены Тургеневымъ въ его «Стихотвореніяхъ въ прозѣ» въ разсказахъ: «Воробей» и «Голуби»). Хорошо развитыя чувства птицъ лежатъ въ основаніи умственнаго прогресса и даютъ классу птицъ тотъ психологическій толчекъ къ личному усовершенствованію, котораго еще не встрѣчается у животныхъ, ниже стоящихъ.

Подобно амфибіямъ, птицы предчувствуютъ наступленіе землетрясеній, что замѣтно было во время послѣднихъ сильныхъ землетрясеній въ Америкѣ и Остъ-Индіи. Но наибольшій интересъ къ себѣ возбудило въ послѣднее время изслѣдованіе дальнихъ перелетовъ птицъ, въ особенности же свойства и инстинкты почтовыхъ голубей. Уже замѣчательны и передвиженія рыбъ для метанія икры, но высшихъ предѣловъ этотъ инстинктъ достигаетъ у голубей, которые, будучи увезены въ корзинѣ за 800 - 1000 верстъ, возвращались обратно. Почтовый голубь летитъ со

скоростью курьерскаго поѣзда, немалое число голубей гибнетъ въ пути, особенно при противномъ вѣтрѣ, но долгъ или потребность вернуться обратно побуждаетъ голубя на подвигъ, и нерѣдко животное гибнетъ въ пути отъ остановки сердца, утомленнаго трудностями перелета. Инстинктъ почтоваго голубя остается еще далеко не выясненнымъ. Наибольшее число авторовъ думаютъ, что въ основѣ дѣла лежитъ память направленія, куда должно стремиться. Исполняя же свою программу, голубь руководится воздушными теченіями и, поднявшись въ началѣ своего пути высоко вверхъ, дѣлаетъ нѣсколько обширныхъ круговъ въ воздухѣ и этимъ пріемомъ оріентируется для начала полета.

Художественное изображеніе нравственныхъ чувствъ у птицъ, сдѣланное Тургеневымъ въ указанныхъ его произведеніяхъ, тонко и психологически вѣрно. Здѣсь мы встрѣчаемся съ очеловѣченными чувствами.

336. Млекопитающія.

Летучая мышь.

Это летающее хищное животное обладаетъ чрезвычайно тонкой чувствительностью кожи и пользуется осязательными впечатлѣніями, главнымъ образомъ, въ своемъ оріентированіи и при ночныхъ полетахъ. Извѣстный физіологъ Дюбуа Реймонъ, наблюдавшій въ своей лабораторіи полетъ ослѣпленной летучей мыши, былъ пораженъ, что животное это не натыкалось на препятствія и даже не касалось при полетѣ густо натянутыхъ въ лабораторіи электрическихъ проволокъ, которыми была наполнена комната, гдѣ производились опыты съ электропроводимостью нервной системы. Благодаря тонкой чувствительности своихъ общихъ покрововъ, летучая мышь чувствовала эти проволоки и обходила ихъ. Летучая мышь также спеціализировалась въ оцѣнкѣ осязательныхъ впечатлѣній, какъ паукъ.

337. Лошадь.

Это животное помнитъ событія срокомъ до десяти лѣтъ, но сильныя впечатлѣнія, какія лошадь перенесла, не исчезаютъ у нея изъ памяти *всю жизнь*. На послѣднемъ фактѣ основанъ пріемъ укрощенія дикой лошади: пойманному на арканъ животному наносятъ удары кнутомъ; это приводитъ лошадь въ такой паническій страхъ, отъ котораго она не освобождается всю жизнь и помнитъ тяжелый урокъ. Событія, не связанныя со страхомъ, не остаются у лошади въ памяти такъ долго.

338. Быкъ.

Какимъ бы банальнымъ не показалось наблюдателю это четвероногое, не лишенъ глубокаго психологическаго интереса тотъ фактъ, что съ

этимъ животнымъ впервые начинается въ зоологическомъ ряду чувство *благоговѣнія*. Это чувство сложнаго порядка состоитъ изъ синтетическаго объединенія чувствъ: *страха*, *сочувствія* и *удивленія*. Чувство благоговѣнія можно наблюдать у рогатаго скота на бойнѣ. Многіе изъ животныхъ, ждущихъ своей очереди, глубоко понимаютъ приближеніе смерти и, испытывая чувство *удивленія*, вызванное неожиданностью событія, — испытывая также *паническій страхъ*, поддаются не этимъ двумъ чувствамъ, но гораздо болѣе — *сочувствію* къ товарищамъ, проливаемую кровь которыхъ они чувствуютъ своимъ обоняніемъ. Такимъ образомъ, у животныхъ возникаетъ чувство, соотвѣтствующее благоговѣнію, и быкъ идетъ на смерть не въ безумномъ страхѣ, какъ другія животныя (свиньи, овцы) и не въ гнѣвѣ самозащиты, но съ возвышеннымъ чувствомъ въ душѣ, которое обладаетъ имъ въ эту трагическую минуту. Подобное состояніе проникновеннаго ожиданія смерти лошадью изображено у Л. Андреева въ слѣдующихъ высоко-художественныхъ чертахъ: «засаленный татаринъ велъ на живодерню лошадь; у нея было сломано копыто и болталось на чемъ то, и она ступала на камни прямо окровавленной мосталыжкой; было холодно, а бѣлый паръ облакомъ окутывалъ ее, блестѣла мокрая отъ испарины шерсть, и глаза смотрѣли неподвижно впередъ — и страшны были они своею кротостью».

339. Слонъ.

Не смотря на свой необыкновенно долгій вѣкъ (до 400 лѣтъ), слонъ обладаетъ чрезвычайно *долгой и точной* памятью и узнаетъ черезъ десятки лѣтъ человѣка, бывшаго его вожакомъ (Плиній). Подобно быку, слонъ обладаетъ высшими чувствами. Хотя онъ бываетъ *мстителенъ*, если его доводить до раздраженія несправедливостью, но съ другой стороны, онъ *великодушенъ*, что является впервые въ животномъ царствѣ. Когда со слономъ однажды жестоко обошлись его коммерческіе владѣльцы, слонъ стерпѣлъ; желая загладить вину, владѣлецъ купилъ слону яблоки и подалъ, слонъ косо поглядѣлъ и, бросивъ яблоки на полъ, растопталъ ихъ въ кашу и швырнулъ отъ себя; онъ показалъ этимъ свое негодованіе, которое онъ *сдержалъ*. Слонъ идетъ въ неволю за плѣненными дѣтенышами, чего не дѣлаютъ другія животныя, ставя личное благо выше любви къ дѣтямъ. Оставаясь въ неволѣ у людей, слонъ можетъ сдѣлаться нянькой человѣческимъ дѣтямъ, благодаря своей кротости. По своимъ *нѣжнымъ чувствамъ* слонъ приближается къ собакѣ, по своему *уму* къ — обезьянѣ.

340. Собака.

Не смотря на то, что собака хищное животное, а не травоядное, какъ слонъ, она кротка, и у нея въ такой степени развиты нѣкоторыя *внѣшнія*

чувства, что въ этомъ отношеніи ей должно быть предоставлено первое мѣсто въ ряду животныхъ. *Вѣрность* собаки оцѣнена человѣкомъ и вошла въ пословицу. Благодаря своему уму и *нѣжнымъ чувствамъ* (т. е. привязанности, вѣрности, кротости и легко наступающему чувству виновности), собака была первымъ прирученнымъ домашнимъ животнымъ. Есть факты (остатки домашняго быта первобытнаго человѣка и его кухонныхъ кучъ), показывающіе, что собака была приручена не такъ, какъ другія животныя, т. е. не насиліемъ, но что она сама сблизилась съ человѣкомъ, *довѣрилась* ему и *съумѣла оцѣнить* его. Собакѣ свойственно *чувство долга*: становясь объектомъ вивисекціи, собака не защищаетъ свою жизнь до послѣдней крайности, какъ другія животныя, но покоряется своему печальному долгу, подобно человѣку, идущему на казнь. Собака — единственное животное, которое человѣкъ приблизилъ къ себѣ до степени *товарища и друга,* и это безъ сомнѣнія служитъ лучшей критической оцѣнкой психическихъ достоинствъ собаки.

341. Обезьяна.

Обладая мозгомъ, равнымъ третьей части мозга взрослаго человѣка, или равнымъ мозгу новорожденнаго человѣческаго дитяти, обезьяна всю жизнь остается, съ человѣческой точки зрѣнія, дитятей, недоумкомъ, не смотря на блестящія, по временамъ, умственныя проявленія. При маломъ мозгѣ, — обезьянѣ, какъ и для большей части животныхъ, не достаетъ средствъ подняться выше филогенетической высоты, свойственной обезьяньему роду съ отдаленныхъ временъ.

Чувство у обезьянъ, особенно *чувство симпатіи,* развито очень тонко: ихъ любовь къ своимъ дѣтенышамъ и забота о нихъ носятъ уже возвышенный отпечатокъ. Сила чувствъ у страдающей обезьяны велика и трогаетъ человѣка. Раненная охотникомъ обезьяна, особенно, если на ея рукахъ дѣтенышъ, показывая человѣку кровь, нѣжно обнимаетъ своего дѣтеныша, давая понять своими жестами, что она кротко укоряетъ человѣка, разлучающаго ее съ ея дѣтенышемъ; въ предсмертный часъ она болѣе объята любовью къ дѣтенышу, чѣмъ гнѣвомъ или мщеніемъ своему убійцѣ. Это уже благородная, почти человѣческая смерть. Подобное глубоко проникновенное душевное состояніе тяжко больной обезьяны описано Тургеневымъ въ разсказѣ «Морское плаваніе» (Стихотвореніе въ прозѣ). Въ умственномъ отношеніи обезьяна отличается *любопытствомъ* и даже готова рисковать, не имѣя силъ подавить въ себѣ влеченіе къ новизнѣ. Подражательность обезьяны общеизвѣстна; ею обезьяна больше всего забавляетъ и смѣшитъ людей; это свойство указываетъ на свободу и подвижность *процесса представленія* и на легкость *воспроизведеній,* — чѣмъ обезьяна приближается къ человѣку. Техника произвольныхъ движеній безукоризненна у обезьяны, но за то *воля* слаба, и обезьяна лишена силъ обуздать себя: она безумно жива, весела,

подвижна и не обладаетъ той сдержанностью, которая необходима для психическаго прогресса. Можно сказать, что обезьяна психически тратится по мелочамъ и размѣнивается на части, теряясь для цѣлаго.

342. Голуби.

Я стоялъ на вершинѣ пологаго холма; передо мною — то золотомъ, то посеребреннымъ моремъ раскинулась и пестрѣла спѣлая рожь.

Но не бѣгало зыби по этому морю; не струился душный воздухъ; назрѣвала гроза великая.

Около меня солнце еще свѣтило горячо и тускло; но тамъ, за рожью, не слишкомъ далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на цѣлой половинѣ небосклона.

Все притаилось... все изнывало подъ зловѣщимъ блескомъ послѣднихъ солнечныхъ лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только гдѣ-то вблизи упорно шепталъ и хлопалъ одинокій, крупный листъ лопуха.

Какъ сильно пахнетъ полынь на межахъ. Я глядѣлъ на синюю громаду... и смутно было на душѣ. Ну, скорѣй же, скорѣй, думалось мнѣ, сверкни, золотая змѣйка, дрогни, громъ! двинься, прокатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье.

Но туча не двигалась. Она попрежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла, да темнѣла.

И вотъ, по одноцвѣтной ея синевѣ замелькало что-то ровно и плавно; ни дать, ни взять бѣлый платочекъ или снѣжный комокъ. То летѣлъ со стороны деревни бѣлый голубь.

Летѣлъ, летѣлъ все прямо, прямо... и потонулъ за лѣсомъ.

Прошло нѣсколько мгновеній — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже два платочка мелькаетъ, два комочка несутся назадъ: то летятъ домой ровнымъ полемъ два бѣлыхъ голубя.

И вотъ, наконецъ, сорвалась буря — пошла потѣха.

Я едва домой добѣжалъ. — Визжитъ вѣтеръ, мечется, какъ бѣшеный, мчатся рыжія, низкія, словно въ клочья разорванныя облака, все закрутилось, смѣшалось, захлесталъ, закачался отсѣвными столбами рьяный ливень, молніи слѣпятъ огнистой зеленью, стрѣляетъ какъ изъ пушки отрывистый громъ, запахло сѣрой...

Но подъ навѣсомъ крыши, на самомъ краюшкѣ слухового окна, рядышкомъ сидятъ два бѣлыхъ голубя, — и тотъ, кто слеталъ за товарищемъ, и тотъ, кого онъ привелъ и, можетъ быть, спасъ.

Нахохлились оба — и чувствуютъ каждый своимъ крыломъ крыло сосѣда...

Хорошо имъ! И мнѣ хорошо, глядя на нихъ... Хоть я одинъ. Одинъ, какъ всегда.

И. С. Тургеневъ.

343. Морское плаваніе.

Я плылъ изъ Гамбурга въ Лондонъ на небольшомъ пароходѣ. Насъ было двое пассажировъ: я, да маленькая обезьянка, самка изъ породы уистити, которую одинъ гамбургскій купецъ отправлялъ въ подарокъ своему англійскому компаньону.

Она была привязана тонкой цѣпочкой къ одной изъ скамеекъ на палубѣ и металась, и пищала жалобно, по птичьи.

Всякій разъ, когда я проходилъ мимо, она протягивала мнѣ свою черную, холодную ручку, — взглядывала на меня своими грустными, почти человѣческими глазенками. — Я бралъ ея ручку — и она переставала пищать и метаться.

Стоялъ полный штиль. Море растянулось кругомъ неподвижной скатертью свинцоваго цвѣта. Оно казалось невеликимъ; густой туманъ лежалъ на немъ, заволакивая самые концы мачтъ, и слѣпилъ и утомлялъ взоръ своей мягкой мглою. Солнце висѣло тускло — краснымъ пятномъ въ этой мглѣ; а передъ вечеромъ она вся загоралась и алѣла таинственно и странно.

Длинныя, прямыя складки, подобно складкамъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, бѣжали одна за другой отъ носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались, наконецъ, колыхались, исчезали. Взбитая пѣна клубилась подъ однообразно-топотавшими колесами; молочно бѣлѣя и слабо шипя, разбивала она змѣевидныя струи, тамъ сливалась, исчезала тоже поглащенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякалъ небольшой колокольчикъ у кормы.

Изрѣдка всплывалъ тюлень — и, круто кувыркнувшись, уходилъ подъ едва возмущенную гладь.

А капитанъ, молчаливый человѣкъ съ загорѣлымъ, сумрачнымъ лицомъ, курилъ короткую трубку и сердито плевалъ въ застывшее море.

На всѣ мои вопросы онъ отвѣчалъ отрывистымъ ворчаніемъ; поневолѣ приходилось обращаться къ моему единственному спутнику — обезьянѣ.

Я садился возлѣ нея; она переставала пищать — и опять протягивала мнѣ руки.

Снотворной сыростью обдавалъ насъ обоихъ неподвижный туманъ; и погруженные въ одинаковую безсознательную думу, мы пребывали другъ возлѣ друга, словно родные..

Я улыбаюсь теперь... но тогда во мнѣ было другое чувство.

Всѣ мы дѣти одной матери — и мнѣ было пріятно, что бѣдный звѣрекъ такъ довѣрчиво утихалъ и прислонялся ко мнѣ, словно къ родному.

И. С. Тургеневъ.

(См. стихотвореніе въ прозѣ И. С. Тургенева «Воробей» — стр. 265).

344. Душа животныхъ. Душа человѣка.

Крупные размѣры человѣческаго мозга, въ сравненіи съ мозгомъ животныхъ, разъясняютъ количественную сторону психическихъ явленій у человѣка и животныхъ. Однако-же, главное и существенное отличіе человѣческой души отъ души животныхъ кроется не въ количественныхъ отношеніяхъ, но въ качественныхъ. Человѣкъ не только глубоко, но проницательно *отличается отъ животныхъ* по своимъ душевнымъ способностямъ. Хотя эта разница очевидна для всякаго, но она не была научно формулирована, и благодаря этому, душа животныхъ то слишкомъ переоцѣнивалась, то ставилась очень низко. Сущность дѣла удобнѣе представить на примѣрахъ. Паукъ такъ математически тонко строитъ свою паутинную сѣть, что казалось бы, съ этой опытностью легко идти дальше въ систему построеній. Или соловей: онъ такъ художественно поетъ, что и человѣческая эстетика восхищается этимъ пѣніемъ. Въ свою очередь, собака обнаруживаетъ столь высокія нравственныя качества (вѣрность до смерти, долгъ, привязанность), что, казалось бы, это животное обладаетъ всѣмъ, что необходимо для дальнѣйшаго крупнаго усовершенствованія. Между тѣмъ, дѣйствительность показываетъ совершенно другое: паукъ ничего не можетъ сдѣлать больше своей традиціонной сѣти; соловей не можетъ спѣть иной аріи, кромѣ *единственной;* при томъ, здѣсь не только не возможенъ прогрессъ индивидуальный, но даже филогенетическіе успѣхи на протяженіи вѣковъ мало замѣтны. Собака, проявляя высокія чувства, лишена въ то же время чувства стыда и не имѣетъ даже зачатковъ этого чувства; человѣкъ не безъ основанія называетъ цинизмомъ (по гречески «киникос» — подобный собакѣ) проявленія самыхъ тяжелыхъ видовъ безстыдства у представителей людского рода. У человѣческаго существа подобной душевной узости не замѣчается, изучившій одну пѣсню можетъ спѣть ихъ десятокъ и сотню, умѣющій сплесть одну сѣть, сплететъ и множество варьянтовъ ея, обладающій одними чувствами — не лишенъ и другихъ. Сущность этого глубокаго различія *двухъ психологій,* — психологіи человѣка и психологіи животныхъ, — состоитъ въ томъ, что животныя имѣютъ *не душу, а отдѣльные этюды ея.* Душа животныхъ — это художественный музыкальный ящикъ, который можетъ сыграть *одну только арію,* если его завести, если ему дать толчекъ извнѣ. Самое большое — если въ этомъ инструментѣ содержатся механизмы для *нѣсколькихъ пьесъ.* Душа человѣка устроена на подобіе музыкальнаго ящика съ *безконечно большимъ числомъ регистровъ,* притомъ съ широкой возможностью, путемъ многихъ перестановокъ, варьировать регистры и получать неисчислимое количество пьесъ, тонкихъ работъ, невиданныхъ новыхъ комбинацій. Душа животныхъ сильна только въ границахъ инстинкта (ѣда, сонъ, родовая функція), гдѣ возбудимость чувствительныхъ и двигательныхъ механизмовъ почти такъ велика, какъ у человѣка, и гдѣ воспріятіе впечатлѣнія и распознаваніе его происходятъ быстро,

отчетливо, и также быстро и точно слѣдуетъ двигательная реакція; но за предѣлами *инстинктовъ*, т. е. *этихъ немногихъ пьесъ музыкальнаго ящика* жизни, нервная система животныхъ имѣетъ жалкія свойства. У человѣка всѣ отдѣлы нервной системы, какъ входящіе въ цѣпь инстинктовъ, такъ и не входящіе, развиты одинаково полно и каждый аппаратъ можетъ быть пущенъ въ ходъ путемъ ассоціативнаго приспособленія, т. е. черезъ ассоціативную память. Это даетъ возможность комбинировать работу возможнымъ образомъ, переводя простую *органическую* память въ высокопробную *ассоціативную*. Это называется размышленіемъ. Оно отличаетъ умъ человѣка отъ ума собаки, отъ ума животныхъ.

Единственное животное, способное размышлять, говоритъ Аристотель, есть человѣкъ. Въ этихъ словахъ содержится то глубокомысліе, которое требуетъ только немногихъ комментаріевъ. Исключительная способность человѣка размышлять основана на двухъ свойствахъ его организаціи: 1) на сложности и огромныхъ размѣрахъ ассоціативнаго органа, — органа памяти и воспроизведеній; 2) на высокихъ качественныхъ особенностяхъ нервной клѣточки человѣческаго мозга. Значеніе обоихъ указанныхъ условій, очевидное и само по себѣ, можетъ быть пояснено сравнительно — психологическими фактами, которыми иллюстрируется заразъ и высокая чуткость нервныхъ клѣточекъ человѣка, и ассоціативная подвижность человѣческаго органа мысли. «Я пріучилъ», говоритъ Вундтъ, «моего пуделя при словѣ «гопъ» перескакивать черезъ палку. Когда я однажды скомандовалъ это слово, не подставивъ ему палки, то онъ сначала посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, затѣмъ, когда приказаніе было повторено, нетерпѣливо залаялъ. Наконецъ послѣ того, какъ я нѣсколько разъ строго повторилъ приказаніе, онъ рѣшился сдѣлать прыжокъ въ воздухѣ, при чемъ громко залаялъ на меня, какъ бы жалуясь на неслыханность моего требованія. Однако, когда опыть сталъ повторяться чаще, пудель прыгалъ сейчасъ же, хотя каждый разъ выражалъ протестъ ворчаніемъ и лаемъ». Такимъ образомъ, животному потребно долгое время, чтобы связать ассоціативно видъ палки и звукъ команды, а разъ они связаны, животному уже было очень трудно измѣнить или упростить и сократить эту связь изъятіемъ одного ассоціативнаго члена. Между тѣмъ, мозгъ человѣка безъ сравненія подвижнѣе, какъ видно изъ слѣдующаго опыта Гельмгольца. На вертикально поставленную палочку (карандашъ) Гельмгольцъ посмотрѣлъ сквозь трехгранную призму. Такая призма, какъ извѣстно, отклоняетъ лучи свѣта въ сторону и показываетъ предметъ не тамъ, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ находится. Вглядѣвшись нѣсколько минутъ въ предметъ сквозь призму, ученый удалилъ призму, закрылъ глаза и ощупью старался взять предметъ; тогда оказалось, что рука ищетъ предметъ не тамъ, гдѣ сейчасъ показалъ глазъ черезъ призму, а тамъ, гдѣ его поставили до начала опыта съ призмой,и гдѣ его показываетъ память, не поддавшаяся иллюзіи съ призмой. Однако же, послѣ нѣсколькихъ пробъ, рука стала двигаться согласно показаніямъ глаза, смотря-

щаго сквозь призму. Тогда ученый возвратился къ началу своего опыта. Онъ поставилъ предметъ, внимательно взглянулъ на него безъ призмы и, закрывъ глаза, хотѣлъ взять его ощупью. Оказалось, что рука ищетъ предметъ не тамъ, гдѣ сейчасъ показалъ глазъ, но тамъ, гдѣ онъ находился бы, если бы на него смотрѣли сквозь призму. Но послѣ нѣсколькихъ минутъ упражненія, рука (сознаніе) отвыкла отъ своей ошибки, навѣянной на нее опытомъ съ призмой.

Изъ приведенныхъ сейчасъ фактовъ Вундта и Гельмгольца оказывается, что аналогичные опыты, потребовавшія отъ мозга собаки долгихъ, томительныхъ упражненій, для мозга человѣка ограничились нѣсколькими минутами, и какъ легко человѣку *привыкнуть и отвыкнуть* благодаря подвижности ассоціацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какой живой и жизненный смыслъ получаютъ выраженія: упрямъ, какъ быкъ, — глупъ, какъ сивый меринъ, — втемяшится мужику что въ голову, коломъ оттоль не вышибешь. Во всемъ этомъ больше здравой психологіи, чѣмъ кажется съ перваго раза.

Изъ приведенныхъ сейчасъ данныхъ видно, что человѣку вообще, а талантливому въ особенности, свойственно размышлять, какъ выразился Аристотель. Человѣкъ размышляетъ не только въ ту пору, когда его къ тому побуждаютъ внѣшнія впечатлѣнія, но и тогда, когда онъ знаетъ внутренними воспріятіями. Такъ какъ предметомъ воспріятія могутъ быть не только умственные образы, но также и *эмотивные* и самые *условія воли,* то въ ассоціативномъ органѣ человѣка встрѣчается мобилизированный психизмъ.

Животныя, даже высшія, при своемъ скромномъ ассоціативномъ органѣ не могутъ показать сколько нибудь значительныхъ умственныхъ успѣховъ. Мозгъ самой крупной обезьяны, съ туловищемъ, большимъ чѣмъ у человѣка, не превышаетъ своимъ объемомъ мозга новорожденнаго младенца. Другія животныя и того лишены. Оттого способность вновь и вновь переживать ассоціативной памятью бывшія впечатлѣнія свойственна только человѣку и составляетъ ту духовную работу, то мышленіе, ту Прометееву искру, которая недоступна животнымъ. Только человѣку дано переживать воспоминаніемъ не только умственные, но и эмотивные образы и тѣмъ періодически воспроизводить душу и скрѣплять самосознаніемъ. Человѣкъ мыслитъ и любитъ предаваться размышленію. Животное же, даже умная собака, начинаетъ дремать, какъ только внѣшнія впечатлѣнія не настойчивы.

Сопоставляя душу человѣка съ душой животныхъ, можно кратко сказать:

Долгая память (на всю жизнь), тонкій подвижной ассоціативный механизмъ съ его неусыпной мыслью, *всѣ* виды чувствъ, а не образцы ихъ (какъ у собаки), — вотъ принципъ человѣческой души: отнимите у человѣка стыдъ или иное чувство, и онъ обратится въ нравственнаго идіота, — въ животное. Но полнота развитія *всѣхъ сторонъ и всѣхъ отдѣ-*

ловъ души обезпечиваетъ ея человѣчность. Души же различныхъ животныхъ — это какъ бы рядъ пробныхъ этюдовъ и набросковъ для будущей, имѣвшей впослѣдствіи придти человѣческой души. Такой душой, поистинѣ, является человѣческая душа. Въ ней сконцентрированы, объединены и развиты всѣ отдѣльные этюды, образцы которыхъ въ зачаткѣ заложены въ душѣ животныхъ.

345. Новое изъ психологіи.

Б. О памяти, ея свойствахъ и значеніи.

Новѣйшіе авторы дѣлятъ память на два вида: *непосредственную* и *ассоціативную*. Непосредственная память есть органическое свойство сохраненія запечатлѣній. Эту память называютъ также мѣстной или территоріальной, такъ какъ она связана съ опредѣленными территоріями мозга. Соотвѣтственно этому есть память *зрительная, слуховая, память движеній,* осязательная, обонятельная и т. д. Изслѣдованіе мозга великихъ людей (Гамбетты, художника Менцеля, извѣстнаго ученаго Гельмгольца, химика Бунзена, И. С. Тургенева, Менделѣева) показало у нихъ лучшее противъ обыкновеннаго строеніе мозга и, сверхъ того, наилучшую организацію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ участковъ, напримѣръ, у Гамбетты найдено роскошное развитіе центра рѣчи, предрѣшившее его ораторскую способность. Тоже найдено у другихъ великихъ людей. Тотъ или другой видъ памяти оказался въ этихъ случаяхъ связаннымъ съ болѣе совершенной организаціей соотвѣтственныхъ участковъ мозга. У такъ называемыхъ великихъ счетчиковъ, — Иноди, Діаманди и другихъ, территоріальная память развита особенно хорошо. Но этотъ даръ, надѣляя человѣка мѣстной обостренной памятью, не сопровождается, по мнѣнію Шарко, соотвѣтственной силой логики и ума, а остается только частнымъ даромъ запоминанія, лишеннаго широкихъ послѣдствій. Истинная же сила дарованій зависитъ не отъ такой мѣстной памяти, а отъ развитія ассоціативной памяти. Ассоціативная же память есть даръ пріобрѣтенный и зависитъ отъ счастливаго развитія многихъ участковъ мозга и постояннаго ихъ упражненія, въ связываніи и закрѣпленіи связанныхъ частей. Мѣстная же память есть только острая воспріимчивость мозговыхъ запечатлѣній, которыя могутъ скоро исчезнуть, если ихъ не закрѣпить ассоціативными связями.

Мѣстную, напримѣръ, словесную память испытываютъ такимъ образомъ, что даютъ запомнить три слова, зрительную тѣмъ, что показываютъ три предмета. Испытательныя задачи должны быть таковы, чтобы не было никакихъ мотивовъ для ассоціаціи, напримѣръ, три слова не должны быть рядовыми: семь, восемь, девять, три показанныхъ предмета не должны быть тождественны, разнясь только величиной. Показываютъ только три цвѣтныхъ картинки, три черныхъ, три двузначныя числа, напри-

мѣръ 15, 64, 81, два номера дома вмѣстѣ съ названіемъ улицы, напримѣръ Владимірская 36, Садовая 18, три цвѣта (три краски), три монеты (гривенникъ, 20 коп. и одинъ рубль). Черезъ нѣсколько минутъ, часовъ или сутокъ происходитъ провѣрка, что удержалось памятью и что забыто. У большей части людей сохраняется довольно точно три четверти полученныхъ впечатлѣній, и они могутъ быть воспроизведены, т. е. вспомнены, остальныя исчезаютъ изъ памяти. Черезъ большой промежутокъ времени еще кое-что утрачивается, за то многое остается надолго. Нѣкоторыя впечатлѣнія остаются на всю жизнь. Первыя четырнадцать минутъ носятъ названіе *первичной* памяти, а всѣ дальнѣйшіе сроки — *вторичная* память. У такъ называемыхъ великихъ счетчиковъ память первыхъ 14 минутъ очень точна, и нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Діаманди, повернувшись спиной къ экспериментатору или публикѣ (счетчики часто показываютъ свои способности за деньги), стараются, какъ говоритъ проф. Шарко, первичную острую память обратить въ *движеніе* (это уже ассоціація). Читая въ умѣ эти первичныя впечатлѣнія, они производятъ надъ ними *сложеніе, вычитаніе* и проч., и тѣмъ *ассоціативно* закрѣпляютъ результатъ (это — главное дѣло).

Для пробы ассоціативной памяти одинъ изъ новѣйшихъ экспериментовъ пользуется тѣми образцами ассоціативныхъ рядовъ, которые часто употребляются, которые знакомы человѣку съ дѣтства и закрѣплены долгой практикой:

1) Алфавитъ (перечесть).
2) Перечень мѣсяцевъ въ естественномъ порядкѣ.
3) Перечень мѣсяцевъ въ обратномъ порядкѣ.
4) Перечень дней недѣли въ прямомъ порядкѣ.
5) Перечень дней недѣли въ обратномъ порядкѣ.
6) Серія чиселъ въ естественномъ порядкѣ отъ 1 до 20.
7) Серія чиселъ въ обратномъ порядкѣ отъ 20 до 1.
8) Счетъ по десяткамъ отъ десяти до ста.
9) Счетъ по десяткамъ отъ ста до десяти.
10) Указать самый короткій мѣсяцъ.
11) Сколько недѣль въ году.
12) — дней въ году.
13) — часовъ въ суткахъ.
14) Перечень частей года.
15) Сколько будетъ единожды одинъ.
16) — — дважды два.
17) — — пятью пять.
18) — — семью семь.
19) — — десятью десять.
20) Спросить у изслѣдуемаго простыя географическія свѣденія.
21) Спросить у изслѣдуемаго простыя историческія свѣденія.
22) Общеизвѣстныя молитвы.

Воспроизведеніе цифровыхъ или словесныхъ рядовъ въ обратномъ порядкѣ представляется весьма удобнымъ пріемомъ для сравненія памяти ассоціативной (естественный порядокъ рядовъ) и *непосредственной* памяти (послѣдовательнаго обратнаго перечня). Въ случаяхъ ослабленія памяти, или при утомленіи, разница умственной работы очень замѣтна: оригинальная работа, требующая справокъ со внѣшней памятью, оказывается болѣе трудной, чѣмъ работа привычная, и самыя справки могутъ показать, что память ослабѣла. Если заставить считать сначала отъ 1 до 10, а затѣмъ обратно; то первый счетъ, такъ какъ онъ слышится ухомъ, дастъ матеріалы для первичной памяти. При обратномъ счетѣ этотъ матеріалъ будетъ утилизированъ для созданія обратной ассоціаціи. Уже въ это время ослабленіе непосредственной памяти станетъ ясно, но оно будетъ рѣзче, если потребуется сразу обратный счетъ.

Всякое подкрѣпленіе физіологическихъ субстратовъ (подкладокъ) памяти способно, безъ сомнѣнія, привести къ большей напряженности ея специфическихъ функцій. Усиленіе органической памяти наблюдается послѣ сна, послѣ продолжительнаго отдыха, послѣ праздниковъ, послѣ вакацій, при отсутствіи другихъ пробужденныхъ идей, особенно гнетущихъ эмоцій и т. д. Здѣсь, очевидно, дѣйствуютъ физіологическія условія благопріятнаго питанія, освобожденіе нервныхъ клѣточекъ отъ токсиновъ, которые накопляются при работѣ, но вслѣдъ затѣмъ вымываются и разрушаются во время отдыховъ. Столь же сильно отражаются на дѣятельности памяти эмоціи, которыя своимъ вліяніемъ на условія кровообращенія могутъ то содѣйствовать правильному кровообращенію, то нарушать его.

Если стать на физіологическую точку зрѣнія и, забывъ на минуту психологію, начать мыслить и говорить физіологическимъ языкомъ, то должно указать на два важнѣйшихъ источника возбужденія, — процессовъ памяти и воспроизведенія. Источники эти: 1) возбужденія, идущія изъ внѣшняго міра (внѣшнія впечатлѣнія), 2) возбужденія, рождающіяся въ самомъ мозгу или въ сознаніи (система внутреннихъ воспріятій). Въ отношеніи перваго источника ежедневный опытъ показываетъ, что чѣмъ чаще мы видимъ предметъ, слышимъ звуки, держимъ въ рукахъ осязаемые предметы, тѣмъ образы этихъ предметовъ яснѣе для насъ, а воспоминаніе о нихъ легче и свободнѣе возникаетъ. На этомъ основано столь плодотворное для умственнаго развитія наглядное обученіе и преподаваніе. Подобно *внѣшнему воспріятію* дѣйствуетъ и *внутреннее:* чѣмъ чаще человѣкъ получаетъ напоминаніе о предметѣ, тѣмъ память и воспроизведеніе образа этого предмета совершается лучше. Въ этомъ всякій убѣждается размышленіемъ и учетомъ тѣхъ пользъ, какія оно приноситъ.

Съ какою силою дѣйствуетъ память, или, что то же, съ какою крѣпостью она хранитъ въ себѣ образы? Если исключить образцы патологической памяти (у душевно-больныхъ, у психостениковъ), то можно признать три степени «крѣпости памяти» или жизненности ея субстратовъ:

1) Низшая степень — эта та, которая не способна ни на узнаваніе,

ни на воспроизведеніе. Такую способность памяти подмѣтили въ своихъ опытахъ Эббингаузъ и Миллеръ-Шуманъ. Изслѣдуемыя лица у нихъ иногда вовсе не узнавали тѣхъ отрывковъ(стиховъ и искусственныхъ слоговъ), какія ими были ранѣе заучены, однако же новое заучиваніе потребовало у нихъ меньше времени, чѣмъ въ первый разъ, хотя имъ казалось, что они заучиваютъ совершенно новыя для нихъ вещи. Этотъ фактъ извѣстенъ въ жизни, особенно по наблюденіямъ надъ дѣтьми.

2) Вторая степень крѣпости памяти это та, когда психологическій образъ (мотивъ, рисунокъ, запахъ) чувствуется какъ нѣчто *знакомое* и, тѣмъ не менѣе, не можетъ быть воспроизведенъ полностью.

3) Третью степень крѣпости памяти представляетъ *память ассоціативная*. Чѣмъ прочнѣе основы или субстраты непосредственной памяти, тѣмъ она менѣе нуждается въ ассоціированныхъ подкрѣпленіяхъ, и наоборотъ, чѣмъ ярче и сильнѣе ассоціаціи и чѣмъ болѣе ихъ, тѣмъ легче могутъ быть воспроизведены даже слабо сохраненные факты. Эти факты указываютъ на громадное преимущество памяти *ассоціативной* предъ *непосредственной. Первая,* — непосредственная, представляетъ собою сырой продуктъ природы, вторая — культурный, обработанный живой приборъ. Первая, общая принадлежность живого міра — способность принимать отпечатки; вторая — обработанный и развитой органъ, который лежитъ въ основѣ ума и знанія. Люди стараются разработать и совершенствовать второго рода память. Эта разработка и усовершенствованіе живого прибора памяти состоитъ въ томъ, что человѣкъ развиваетъ все новыя и новыя ассоціаціи, постепенно преобразовываетъ свое мышленіе, упрощаетъ и улучшаетъ связи, исключаетъ одни звенья ассоціативной цѣпи и замѣняетъ ихъ другими, или исключаетъ совершенно, подобно строкамъ и отрывкамъ, на которыхъ ставится крестъ для пользы памяти и мысли.

346. Мышленіе психическими директивами.

В. (Высшее мышленіе).

Понятіе о высшемъ мышленіи и отличіе отъ низшаго.

А душу можно-ль разсказать?

Лермонтовъ.

Ту душу или тѣ психическія явленія, которыя состоятъ «*изъ образовъ*» и воспроизводятся *путемъ ассоціацій*, разсказать можно; но другая, обширнѣйшая область мышленія такому раскрытію не поддается, и ее разсказать трудно — на что указываетъ поэтъ. Эта вновь открытая область есть мышленіе *безъ словъ и образовъ*. Не смотря на свою важность и об-

ширность, этотъ видъ мышленія сталъ извѣстенъ въ психологіи лишь въ недавнее время. Природа новыхъ фактовъ еще далеко не выяснена и не поддается краткой формулировкѣ, а потому неизбѣжны примѣры, описанія и исчисленія отдѣльныхъ свойствъ.

Прежде всего, высшее мышленіе необыкновенно кратко и быстро, и, по своей внезапности и мгновенности, рѣшительно не поддается психометрическимъ расчетамъ и, вѣроятно, стоитъ внѣ границъ ихъ.

Между началомъ высшаго мыслительнаго акта и его концомъ какъ будто нѣтъ никакихъ промежуточныхъ актовъ, и самое рѣшеніе, заключеніе и логическій выводъ какъ бы совпадаютъ съ возникновеніемъ процесса, или вообще приходятъ слишкомъ скоро, такъ что одинъ изъ авторовъ, работавшихъ по этому вопросу (Бюлеръ), даже высказалъ мысль, что здѣсь дѣло идетъ не о мышленіи, а о готовомъ знаніи, которое сразу выступаетъ во всей своей окончательности.

Субъекту, переживающему это мышленіе, кажется, что съ перваго момента онъ уже чувствуетъ конечный результатъ, къ которому стремится неудержимо.

Всѣ психологи (Марбэ, Мессеръ, Бюлеръ, Уаттъ, Эрдманъ), занимавшіеся вопросомъ, единогласно утверждаютъ, что высшее мышленіе совершается безъ посредства «словъ» и «образовъ» — это мышленіе *безсловное* и почти *безплотное* (безматеріальное); оно также не сопровождается процессомъ ассоціацій и всецѣло отличается отъ того цикла явленій, которыя описаны выше подъ именемъ простѣйшаго или обыкновеннаго мышленія словами.

Чтобы вызвать къ жизни это мышленіе и его наблюдать, необходимъ иной реактивъ, иной психологическій пріемъ, но не тотъ, какимъ вызываются или открываются ближайшіе скрытые члены простѣйшаго мышленія. Тамъ, въ простѣйшемъ мышленіи, экспериментаторы прибѣгаютъ къ *пытливымъ словамъ*, т. е. къ отдѣльнымъ *образамъ* или *представленіямъ*, которыми дѣйствуютъ на изслѣдуемаго субъекта, какъ раздраженіемъ или какъ поводомъ къ воспроизведенію; здѣсь требуется цѣлый психологическій запросъ, необходима сложная замысловатая задача, нѣчто вродѣ загадки или психологической атаки, для отраженія которой экспериментируемому субъекту не достаточно отдѣлаться однимъ случайнымъ словцомъ, но требуется мобилизировать всю силу внутренняго вниманія, чтобы открыть для себя не только ближайшія ассоціативныя перспективы, но чтобы освѣтить всю душу, все ея содержаніе, до послѣднихъ уголковъ.

Всѣ лица, бывшія объектомъ экспериментовъ, утверждаютъ, что они переживали глубокое напряженіе ума, а не ту незначительную, иногда почти поверхностную работу мысли, какая испытывается въ опытахъ съ репродукціями и *ассоціаціями*. Если къ этому прибавить, что въ этихъ опытахъ участвовали въ качествѣ *объектовъ* первоклассные психологи, то указанная разница самочувствія въ двухъ случаяхъ получаетъ еще болѣе значенія.

Всѣ выдающіеся люди — поэты, художники, философы, занимались сюжетами, иллюстрирующими высшее мышленіе, и въ замѣткахъ и отчетахъ, и въ своихъ произведеніяхъ оставили тѣ пережиганія, которыя для нихъ выяснились при интроспективномъ анализѣ и въ воспоминаніяхъ. А въ тѣхъ случаяхъ, когда мыслитель-психологъ самъ становится объектомъ психологическаго эксперимента, т. е. психологическаго слѣдствія и допроса со стороны ученаго товарища, онъ разъясняетъ всѣ затрудненія, какія пришлось испытать, всѣ сциллы и харибды, черезъ какія прошло его мышленіе.

При выясненіи этого новаго въ наукѣ вопроса мы послѣдуемъ совѣту одного изъ выдающихся русскихъ психологовъ «избѣгать ученыхъ іероглифовъ», и станемъ съ возможною простотою, но обстоятельно излагать новое психологическое ученіе на примѣрахъ, по ознакомленіи съ которыми пониманіе теоретической стороны дѣла значительно облегчается, какъ впрочемъ дѣлали всѣ изслѣдователи, входя и вводя съ собою другихъ въ міръ новыхъ явленій.

Американскій психологъ Джемсъ различаетъ состоянія мысли въ собственномъ смыслѣ слова и состоянія, противоположныя имъ, которыя онъ называетъ переходными, когда мысль движется или мчится отъ одного предмета къ другому. Неподвижность мысли — это не есть ея отсутствіе, но это соотвѣтствуетъ ея стоянію на одномъ предметѣ (на образѣ, представленіи), а состояніе передвиженія — это наиболѣе трудное для пониманія явленіе. Движеніе мысли — это всегда ея полетъ по пути къ умозаключенію. Но этотъ полетъ почти неуловимъ. Остановить его на полномъ ходу, чтобы разсмотрѣть, что оно такое — это равносильно его полному уничтоженію, а если ждать его прибытія къ цѣли, то только эту цѣль вы и найдете, а самый *моментъ перехода* исчезнетъ изъ вашего вниманія: онъ будетъ затемненъ и уничтоженъ тѣмъ, что получилось при его концѣ. Это то же самое, продолжаетъ Джемсъ, что слѣдить за полетомъ стрѣлы: вы видите ясно при началѣ и концѣ движенія, а средній путь — нѣчто почти неуловимое. Полетъ мысли такъ стремителенъ, что вы приходите къ готовому выводу и умозаключенію прежде, чѣмъ успѣете остановить вашу мысль на пути, а если вамъ и удастся ее остановить, — вы убѣдитесь, что она внезапно перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она была, и вы получите вовсе не то, чего добивались. Это очень похоже на попытку схватить снѣжинку: вы ее схватываете, но у васъ въ рукахъ уже не снѣжинка, а капелька воды. Таково — описаніе Джемса.

Приведенное изображеніе, полученное на основаніи интроспективныхъ наблюденій, т. е. путемъ самоуглубленія и самоанализа, нашло для себя экспериментальное разъясненіе въ тѣхъ новыхъ изслѣдованіяхъ, которыя составили главу Вюрцбургской психологической школы. Изслѣдованія состоятъ въ психологическомъ допросѣ субъекта, который только что выдержалъ сеансъ высшаго мышленія и пришелъ къ выводу и заключенію по трудному и загадочному вопросу, какой экспериментаторомъ-товарищемъ

ему былъ предложенъ съ извѣстной дозой научнаго коварства, и теперь вдумчиво передаетъ все, что испыталъ и перечувствовалъ. Данныя, полученныя такимъ путемъ, раскрыли нѣкоторыя важнѣйшія подробности высшаго мышленія. Оказалось, что мысль въ своемъ полетѣ къ умозаключенію можетъ неожиданно наткнуться на неодолимыя препятствія, подобно мотыльку, который бросается на огонь, или подобно птицѣ, которая бьется въ закрытое окно и должна повернуть и искать выхода на свѣтъ и просторъ черезъ другія манящія свѣтомъ отверстія. Съ наибольшей тщательностью этотъ вопросъ разработанъ авторами: Уоттомъ, Мессеромъ, Бюлеромъ, которые производили свои эксперименты надъ профессорами Кульпе и Дюрромъ и надъ докторами Шереромъ, Шульце, Уоттомъ и Кассовицемъ.

347. Методика экспериментовъ надъ высшимъ мышленіемъ.

Г. Упражненіе ума и понятливости.

Въ работахъ Уотта, Мессера, Бюлера и Марбе осуществлены были задачи постепенно усложнявшихся психологическихъ экспериментовъ надъ процессомъ мысли. Первая серія опытовъ (Уоттъ) состояла въ вызовѣ воспроизведеній путемъ ассоціаціи, въ отвѣтъ на *пытливое слово*. Но въ эти опыты Уоттъ ввелъ существенное методическое усовершенствованіе противъ обычнаго, употреблявшагося всѣми пріема, — требовать отвѣта первымъ попавшимся словомъ. Уоттъ не понималъ, что при такой традиціонной постановкѣ опыта, для *процесса мысли* почти не остается мѣста, потому что судьба отвѣта здѣсь зависитъ всецѣло отъ тѣхъ случайныхъ расположеній, въ которыхъ, въ данную минуту, находятся ассоціативные механизмы, и всякая психологическая проба даетъ указаніе только на эти случайныя расположенія, но не на процессъ мысли, не на анализъ, не на глубокіе пути разума, которыхъ въ ассоціаціяхъ можетъ и не быть. Чтобы вызвать этотъ анализъ, освѣтить глубокіе пути и чтобы *втянуть въ опытъ самую мысль*, Уоттъ ввелъ въ свои изслѣдованія существенное измѣненіе. Съ этой цѣлью онъ установилъ процедуру предварительной психологической подготовки изслѣдуемаго лица, которая состоитъ въ томъ, что передъ опытомъ, или серіей опытовъ, заключалось условіе относительно направленія, въ какомъ долженъ быть изысканъ въ умѣ требуемый отвѣтъ, а затѣмъ изслѣдуемое лицо, по свѣжей памяти, должно было указать и самый путь умственныхъ поисковъ, а равно и разъяснить механизмъ работы. Условія, предрѣшившія вопросъ о направленіи мысли, были то простыя, то двойныя и такъ далѣе.

Первый примѣръ. Условлено было, что имѣющее быть предъявленнымъ пытливое слово, или пытливыя слова, должно разсматривать, какъ общее понятіе, къ которому надо подыскать частное понятіе.

Пытливыя слова:	*Отвѣты:*
Вселенная.	Звѣзда.
Обѣденный столъ.	Жаркое.

Субъектъ, которому былъ предложенъ первый вопросъ: вселенная, говоритъ о себѣ, что, услышавъ вопросъ, я почувствовалъ, что въ умѣ поднялась невѣроятная масса неясныхъ понятій, и мнѣ показалось, что поиски здѣсь безполезны, тогда я наудачу сказалъ слово «звѣзда».

Второй примѣръ. Условлено, что пытливое слово будетъ частнымъ понятіемъ, къ которому надо найти общее. Дано было —

Пытливое слово:	*Отвѣтъ:*
Жаркое.	Съѣстные продукты.

Третій примѣръ. Условлено, что на пытливыя слова должно дать отвѣтъ только утвердительный или отрицательный, смотря по результату обсужденія. Даны были —

Пытливыя слова:	*Отвѣты:*
Ницше — систематическій умъ.	Напротивъ.
Вюрцбургъ прекрасенъ.	Вовсе нѣтъ.

Четвертый примѣръ — съ двойнымъ условіемъ. Было условлено, что на содержащееся въ пытливомъ словѣ понятіе необходимо взглянуть, какъ на *причину* и найти ея *слѣдствіе*, взявши при этомъ матеріалъ изъ сельскохозяйственной области. Дано было —

Пытливое слово:	*Отвѣтъ:*
Дожди.	Хорошій урожай.

Пятый примѣръ. Предложена цѣлая фраза, съ требованіемъ оцѣнить отношенія или соотношенія.

Пытливая фраза:	*Отвѣтъ:*
Чѣмъ меньше нога у дамы, тѣмъ больше счетъ сапожника.	Да.

Въ началѣ, — объясняетъ свое состояніе экспериментируемый субъектъ, — я былъ пораженъ такой антитезой, но тотчасъ же уловилъ связь, какая существуетъ между двумя сопоставленными фактами.

Шестой примѣръ. Данъ цѣлый афоризмъ, подобно какъ въ примѣрѣ пятомъ, и требовалось найти соотношеніе двухъ частей, чтобы тѣмъ разгадать смыслъ психическаго запроса.

Пытливый вопросъ:	*Отвѣтъ:*
Настоящихъ, подлинныхъ негодяевъ, надо искать не среди преступниковъ, но среди тѣхъ, которые не учинили никакого преступленія.	Да.

Сейчасъ по выслушаніи вопроса, — объясняетъ экспериментируемый субъектъ, — во мнѣ поднялись усилія и поиски: *какъ же это?* Потомъ вдругъ вспомнился Ломброзо, затѣмъ внезапно явилась слѣдующая мысль, не облеченная ни въ *образы,* ни въ слова, и которая можетъ быть переведена на слова слѣдующимъ образомъ: не дѣлаютъ преступленія тѣ, которые, будучи негодяями, въ то же время довольно умны и предпочитаютъ лучше не рисковать встрѣчаться съ дѣйствіемъ уголовнаго кодекса; слѣдовательно, это и есть настоящіе негодяи.

348. Типы личности, въ зависимости отъ качества и количества директивъ.

Директивы, какъ принципы физіологическихъ реакцій и психологическаго дѣйствія, могутъ быть отчасти перемѣнными, — экстемпоральными явленіями, отчасти же явленіями привычными для личности и болѣе или менѣе постоянными. Первыя вспыхиваютъ, какъ кратковременные экспрессивные знаки, вторыя остаются и придаютъ свою печать личности. Сообразно этой нравственной печати можно установить девять главнѣйшихъ образцовъ личности, изъ которыхъ мы разсмотримъ четыре: *пустой человѣкъ, низменный, благородный, великій.*

349. Пустота души.

Въ послѣднее время психологи стали придавать значеніе не только психологическимъ возможностямъ (способностямъ) но и самому содержанію (Inhalt нѣмецкихъ авторовъ, Contenue — французскихъ). Живую личность, строго говоря, нельзя назвать *безсодержательной* или *пустой.* Нѣкоторое содержаніе всегда найдется, и рѣчь идетъ въ данномъ случаѣ объ извѣстной конкретности, которую должно опредѣлить. Всего чаще описываемая конкретность состоитъ изъ очень скромнаго ума, очень небольшого круга знаній и небольшой подражательной дѣятельности, заимствованной изъ узкаго общественнаго или семейнаго круга, гдѣ субъектъ фиксированъ жизнью. Художественная интерпретація типа душевной пустоты представлена художникомъ Е. Гарбургеромъ. Художникъ помѣстилъ у *пустыхъ молодыхъ людей,* которыхъ изобразилъ, при слабомъ умѣ, слабой волѣ, взаимной рабской подражательности (каждый служитъ директивой для другого), только одну выгодную, но бросающую-

ся въ глаза по своей утрированности черту, — достаточное *развитіе* эстетическаго чувства, которое узко и односторонне выразилось въ заботахъ чувства, выступающаго, какъ оазисъ, въ нравственной пустынѣ души молодыхъ людей, вѣрнѣе всего документируется позой молодыхъ людей и манерой держать себя. Эта согнутая поза показываетъ *отсутствіе* достоинства. Послѣдняя черта всего лучше доказывается еще и тѣмъ, что молодой человѣкъ одѣваетъ перчатку съ такимъ вниманіемъ и серьезностью, точно совершаетъ священнодѣйствіе, доказывая тѣмъ, что такая ничтожная туалетная принадлежность можетъ всецѣло поглотить человѣка, — обстоятельство, возможное только при отсутствіи, или крайней слабости, *интеллектуальныхъ и нравственныхъ* директивъ. Если бы эти послѣднія были даже и не въ перевѣсѣ, а хотя бы въ равновѣсіи съ эстетическими, поведеніе молодыхъ людей и впечатлѣніе на зрителя было бы иное. Но несомнѣнный недочетъ ихъ такъ безспоренъ, что у зрителя возникаетъ убѣжденіе въ явной слабости интеллектуальныхъ и нравственныхъ силъ, а отсюда неизбѣжное заключеніе объ относительной *пустотѣ психическаго содержанія*. Идея о душевной пустотѣ молодыхъ людей рѣшительно подтверждается ихъ безхарактерностью. Благодаря слабости воли они лишены оттѣнка достоинства даже съ внѣшней стороны, еще болѣе со стороны характера, такъ какъ каждый является двойникомъ другого, даже по манерѣ держать себя: они не только шляются вмѣстѣ, но и становятся душевно похожими другъ на друга, какъ яйцо на яйцо. Акцессуарные документы, какіе показалъ художникъ, подтверждаютъ его психологическую діагностику: слабое дѣйствіе ума (судя по высокому стоянію бровей), слабость мускулатуры лица (что придаетъ лицу печать недоразвитой дѣтской мимики), малые размѣры головы, особенно у затылка, приросшія ушныя сережки и типическій верхне-челюстный прогнатизмъ (выступаніе лица впередъ, какъ у животныхъ), — все это дегенеративные признаки, указывающіе на бездарность. Всѣми приведенными документами подтверждается фактъ недочета интеллектуальныхъ и нравственныхъ директивъ. Такая бѣдность содержанія и есть пустота души. Крайняя степень душевной пустоты называется *нравственнымъ ничтожествомъ*. Она дается, при другихъ указанныхъ недостаткахъ, болѣе всего слабостью воли. Ничтожный человѣкъ — это не только пустой, но и совершенно безвольный. Пустота души возбуждаетъ въ зрителѣ сожалѣніе, соединенное съ презрѣніемъ.

350. Низменность души.

Въ основѣ этого типа лежитъ больше всего перевѣсъ инстинктивной жизни надъ разумной. Это обыкновенно зависитъ не отъ силы инстинктовъ, но отъ слабости высшей жизни (чувствъ, воли и высшаго мышленія). При нормальномъ психическомъ уровнѣ человѣкъ держитъ

довольно ясную и рѣзкую границу между *инстинктивнымъ и разумнымъ* и кладетъ между ними демаркаціонную (обозначительную) линію. Опасеніе быть болѣе животнымъ, чѣмъ человѣкомъ, побуждаетъ всякаго удерживаться на извѣстномъ нравственномъ уровнѣ. Но именно начавшееся нравственное огрубѣніе можетъ лишить человѣка той проницательности, какая для этого необходима, и человѣкъ «опускается», самъ того не замѣчая. Подъ нравственнымъ огрубѣніемъ необходимо понимать болѣе всего слабость чувствъ (эстетическихъ и нравственныхъ), при продолжающемся сохраненіи ума, который, подобно бухгалтеру, учитываетъ внѣшніе результаты, не думая о существѣ событій. Пониженіе нравственнаго чувства, вѣрнѣе — нравственныхъ чувствъ, является уже крупнымъ событіемъ на психическомъ горизонтѣ человѣка; у животныхъ, гдѣ почти всѣ директивы жизни исходятъ изъ сферы инстинктовъ, такое пониженіе не имѣетъ значенія. У человѣка же высшая жизнь и высшее мышленіе составляетъ такую феноменальную особенность психизма, что уже и небольшой ущербъ высшей жизни кладетъ свою рѣзкую печать на систему директивъ, на всю сумму экспрессій, и неминуемо на самую дѣятельность. Люди даютъ единогласно такому нравственному пониженію наименованіе *животнаго состоянія*. Тотъ же художникъ, который представилъ душевную пустоту, даетъ такую иллюстрацію психической низменности: среднихъ лѣтъ субъектъ, очевидно, сельско-хозяйственной профессіи, наблюдаетъ ѣду домашнихъ свиней. Онъ дѣлаетъ это съ такимъ интересомъ и такой любовью, что это уже выходитъ за предѣлы профессіи и долга сельскаго хозяина. Онъ не просто смотритъ съ высоты уровня глазъ, онъ наклонился, приблизился къ объектамъ наблюденія. Эти полъ-аршина близости, какіе онъ выигралъ, требуются не интересами зрѣнія, а вытекаютъ изъ побужденій сочувствія. Но въ сочувствіи не было бы необходимости тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ чувствъ, а есть только инстинкты, въ особенности инстинктъ ѣды, который у даннаго животнаго и безъ того поставленъ выше предѣловъ нормы. Свинья не ребенокъ, котораго можно любить даже въ моментъ ѣды. Для сельскаго же хозяина свинья — статья дохода. Но даже къ доходной статьѣ невозможно и неприлично проявлять любовь, — иначе это указывало бы на утрату другихъ психическихъ директивъ, кромѣ жадности пріобрѣтенія. Но въ данномъ случаѣ дѣло стоитъ еще хуже: сельскій хозяинъ и самъ, очевидно, не чуждъ того животнаго, нечеловѣческаго инстинкта насыщенія, который свойственъ субъектамъ его хозяйства. Здѣсь между ними точка нравственнаго соприкосновенія: хозяинъ любитъ своихъ животныхъ не такъ, какъ иной разъ человѣкъ любитъ собачку, кошку, птичку, за нѣкоторые проблески психическихъ доблестей высшаго ранга (ласку, пѣсню, вѣрность), здѣсь возникла *товарищеская* близость, основанная на общности инстинкта, видъ котораго въ хозяинѣ-зрителѣ возбуждаетъ тѣ же физіологическія директивы, которыми одушевлены четыре свиньи. Малые размѣры головы у хозяина свиней, съ

очевиднымъ перевѣсомъ лицевой части надъ черепной, указываютъ на анатомическое преобладаніе *жевательнаго аппарата* надъ *мыслительнымъ*, т. е. органическую близость хозяина съ его животными.

Въ одномъ изъ произведеній Л. Толстого («Воскресенье») въ главѣ XXXVI, находимъ описаніе акта ѣды («красное лицо съ чувственными смакующими губами... жирная шея, главное — вся эта упитанная фигура... бычачья, самоувѣренная, чувственная фигура»).

Низменность души возбуждаетъ въ зрителѣ чувство презрѣнія и отвращенія.

351. Благородство души.

Благородство личности представляетъ сумму умственныхъ и нравственныхъ качествъ, выработанныхъ путемъ глубокой культуры духа, при счастливомъ наслѣдственномъ предрасположеніи. Образцомъ подобнаго характера можетъ служить знаменитый мастеръ французскаго языка Эмиль Литре. Лицо Литре привлекательно, благодаря сильному напряженію мышцы мысли (orbitalis Super.) и также благодаря широтѣ и прямолинейности рта, — что указываетъ на жизнерадостность, на постоянное бодрое напряженіе всѣхъ силъ, какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ, и на отсутствіе какихъ либо безпокойныхъ чувствъ и волненій. Каро, авторъ біографіи Литре, говоритъ о немъ: «это философъ, скромный, добрый, одаренный нѣжнымъ сердцемъ и возвышеннымъ умомъ, — человѣкъ съ обширной эрудиціей, всеобъемлющей любознательностью и безпокойной любовью къ истинѣ». Литре въ теченіи восемнадцати лѣтъ написалъ этимологическій лексиконъ живого французскаго языка, прочитавши для этого предварительно французскихъ классиковъ за три послѣднія столѣтія. Подобнаго труда не могли осуществить академіи наукъ всѣхъ культурныхъ народовъ и до настоящаго дня.

О Литре можно съ полнымъ правомъ сказать, что онъ представляетъ собою образецъ нравственно-философской обработки характера. Своей личностью онъ внушалъ глубочайшія симпатіи и производилъ неотразимое культурное вліяніе.

352. Величіе духа.

Величіе духа, подобно нравственному достоинству, относится къ состояніямъ человѣческой геніальности. Оно отличается отъ послѣдняго не столько свойствами, сколько направленіемъ мышленія и мыслительныхъ директивъ. *Нравственное достоинство* содержитъ въ себѣ мыслительныя и эмотивныя директивы, различаемыя между собою съ необыкновенной тонкостью. Это такая работа совѣсти и такая чуткость долга, которая превышаетъ все, что доступно обыкновенному человѣку. Въ *нравствен-*

номъ достоинствѣ содержится, слѣдовательно, не только эмотивная высота, но и напряженіе воли, безъ котораго было бы невозможно осуществленіе долга. Въ *величіи духа* иная сторона выступаетъ на первый планъ, — это масса дѣятельныхъ директивъ и постоянная готовность безъ малѣйшихъ сомнѣній и безъ колебаній приступить къ осуществленію труднѣйшихъ задачъ и величайшаго долга, хотя бы на самую подготовку къ подвигу не было дано достаточно срока. Непрерывное самообладаніе и готовность къ дѣйствію составляютъ основную черту. Образцомъ величія духа можетъ служить произведеніе Анри Шапю «Жанна-Даркъ» (Люксембургскій музей). Фигура представлена сидящей, — знакъ вѣроятнаго физическаго утомленія, но въ психическомъ отношеніи замѣтно колоссальное самообладаніе, спокойствіе, рѣшимость. Руки представлены вытянутыми, напряженными, скрещенными въ пальцахъ, — знакъ мольбы о помощи: событія тяжки для нея. Но, не смотря на это, трудное нравственное положеніе, выраженіе лица, изображаетъ необыкновенную силу воли и спокойствія. Это спокойствіе показываетъ, что каковъ бы ни былъ исходъ мольбы о помощи, въ душѣ все готово, чтобы претерпѣть до конца.

353. Упражненіе ума и понятливости.

Существуютъ два вида мышленія или познанія:

1) Черезъ органы чувствъ, гдѣ получаются впечатлѣнія, переходящія затѣмъ въ *умственные образы.*

2) Черезъ воспріятіе и распознаваніе *экспрессій,* которыми вызывается могучій мыслительный потокъ, *безъ словъ и безъ образовъ,* приводящій къ быстрымъ и, большею частью, безошибочнымъ творческимъ заключеніямъ.

Второй видъ мышленія представляетъ собою ту «склонность къ умствованію», которая, по словамъ Льва Толстого, надѣлала ему много вреда въ жизни («Отрочество», гл. XXIV). Самый терминъ: *понятливость,* связанный съ умствованіемъ, принадлежитъ Толстому.

Оба вида познанія требуютъ, для своего развитія и усовершенствованія, каждое — иныхъ пріемовъ.

Мышленіе или познаніе, начинающееся черезъ органы чувствъ, приводитъ къ сознанію умственныхъ образовъ, которые хранятся въ памяти и тамъ могутъ быть связываемы съ другими, а равно могутъ быть воспроизводимы и разрабатываемы фантазіей. Познаніе, происходящее прямо и непрямо отъ *экспрессій,* родитъ глубокое и далекое мышленіе, не сопровождающееся ни словами, ни образами (безсловесное или высшее мышленіе).

Простѣйшее мышленіе (образами и словами) подлежитъ развитію и упражненію, путемъ *повторенія* впечатлѣній и путемъ *ассоціаціи.* Ассоціація, или связываніе впечатлѣній съ другими впечатлѣніями, особенно

двигательными, содѣйствуетъ болѣе всего упражненіямъ и преуспѣянію ума и памяти. У животныхъ ассоціативно связываются впечатлѣнія разныхъ органовъ чувствъ и органовъ *движенія*. У человѣка же въ этотъ разрядъ вступаютъ движенія, голосовыя и жесты, и на этомъ основано развитіе языка и рѣчи и связь рѣчевыхъ движеній между собою и съ другими ассоціаціями. Это дѣлаетъ всѣ такія движенія привычнымъ и неизбѣжнымъ типомъ ассоціацій. Всѣ ассоціативныя движенія содѣйствуютъ удержанію въ памяти и закрѣпленію продуктовъ простѣйшаго мышленія. Согласно этому, прочно укрѣпляется въ памяти все то, что потрогано рукой и т. д.

Мышленіе безъ образовъ и словъ требуетъ иныхъ пріемовъ для своего усовершенствованія. Оно начинается отъ *экспрессій*. Экспрессіи — очень показательное явленіе. Люди придаютъ имъ даже большее значеніе, чѣмъ рѣчамъ: мы говоримъ «о тепломъ», «ласковомъ», «холодномъ», «суровомъ» пріемѣ, о «тихомъ», «нѣжномъ» или «грубомъ», «рѣзкомъ» тонѣ рѣчей, о «спокойствіи или нетерпѣніи собесѣдника», о «проявленіи имъ доброты» или о «такъ себѣ», о «вкрадчивомъ, льстивомъ, заискивающемъ тонѣ» или о «достоинствѣ, независимости» нашего собесѣдника. О всѣхъ этихъ качествахъ мы узнаемъ по *экспрессіямъ*. Художники и писатели придаютъ большое значеніе экспрессіямъ. Л. Толстой легко замѣчаетъ самыя краткія мимолетныя проявленія *стыда* или иного чувства, напримѣръ, *благоговѣнія*. Онъ же говоритъ о безконечныхъ видахъ притворства и фальши въ голосѣ, рѣчахъ, движеніяхъ и т. д., которыя мы распознаемъ именно благодаря «коварной» правдивости экспрессій, которыя говорятъ намъ другое, чѣмъ то, что говорится языкомъ. Читать экспрессіи это талантъ писателей и поэтовъ и умныхъ людей. Толстой читаетъ экспрессіи такъ свободно, какъ музыкантъ ноты, или хорошій лекторъ книгу. Умные люди не только наблюдаютъ экспрессіи на другомъ, но чувствуютъ ихъ на самихъ себѣ, и по собственному самочувствію судятъ о томъ, какъ дѣла идутъ у *другого*. Шекспиръ былъ такъ наблюдательно тонокъ, что подмѣчалъ у завистливаго человѣка *зеленоватый оттѣнокъ* радужной оболочки глазъ («зеленоокую зависть»). Пушкинъ видитъ «косую» зависть, Лермонтовъ чувствуетъ у себя и у описываемыхъ героевъ тончайшія измѣненія въ работѣ сердца. Хотя такая экспрессія выражена не на лицѣ, а въ осязательномъ самочувствіи, и общемъ чувствѣ, но оно доступно воспріятію, какъ доступенъ благоговѣйный трепетъ или благоговѣйное поблѣднѣніе на себѣ и другомъ. Тысячи подобныхъ наблюденій на себѣ и другихъ накопляютъ у наблюдательнаго человѣка неизмѣримо большой внутренній опытъ, который дѣлаетъ такого наблюдателя опытнымъ чтецомъ внѣшнихъ проявленій и внутренняго состоянія своего и другихъ. Художникъ и психологъ прочтутъ, не безъ высокаго наслажденія и поученія, Шекспира, Толстого, Тургенева, Лермонтова, Пушкина, Гоголя, найдутъ у нихъ неизсякаемый источникъ описанія тончайшихъ экспрессій, которыя оцѣниваются даже обыкновеннымъ читателемъ, подъ

общимъ терминомъ: «высокой художественности описаній поэта». Однако, это не просто описанія, потому-что психо-физическій анализъ показываетъ, что всѣ такія описанія представляютъ собою точный физическій перечень явленій и событій, совершающихся въ организмѣ, которыя подмѣчены и переданы художникомъ-психологомъ. Благоговѣйный трепетъ и дрожь дѣйствительно происходятъ на самомъ дѣлѣ, и чувствуются поэтомъ и наблюдаемымъ лицомъ черезъ посредство стола или иного предмета, на который оба опираются, какъ сообщаетъ Лермонтовъ. Явленія такого рода въ своей суммѣ составляютъ неисчислимый и неизмѣримый кладъ въ памяти наблюдательнаго человѣка и даютъ ему справедливое названіе одаренности, *смѣтливости* или *ума* и *понятливости,* — говоря терминами Толстого. Подробности объ *экспрессіяхъ* и производимомъ ими дѣйствіи, въ особенности о томъ, какъ экспрессіями связано воедино все живое, даетъ слѣдующій литературный отрывокъ:

«Безмолвіе кладбища, съ необозримой грудой череповъ, собранныхъ въ кладбищенской усыпальницѣ, наводитъ Ренана на глубокое размышленіе о преемствѣ духовной жизни человѣчества, о неуничтожаемости результатовъ духовнаго существованія людей и примиряетъ его философствующую мысль съ фактомъ кажущагося забвенія, въ которое погрузились тысячи поколѣній, жившихъ до насъ. Умираетъ отдѣльный человѣкъ, смѣняются поколѣнія людей, изглаживаются и гибнутъ самые слѣды существованія народовъ, даже исторія не сохраняетъ о нихъ воспоминаній, самое имя ихъ теряется въ безднѣ временъ, — но ни одинъ атомъ духовнаго существованія людей въ дѣйствительности не погибаетъ. Сказанное человѣкомъ слово, пророненная слезинка, испущенный вздохъ, отразившійся въ экспрессіяхъ слѣдъ душевнаго волненія, — всѣ эти мимолетныя и, какъ будто, навсегда изчезнувшія событія не пропадаютъ безслѣдно, и не теряются въ мірѣ: кто нибудь услыхалъ сказанное слово, замѣтилъ пророненную слезу, уловилъ на лицѣ мимолетное душевное волненіе, — и его собственная душа автоматически измѣнилась, воспріявъ въ себя эти впечатлѣнія. Все живущее объединено *экспрессіями.* Всякій зритель невольно пугается и дрожитъ въ присутствіи *другого* испугавшагося, и волнуется при видѣ его волненія, — въ этомъ состоитъ сущность симпатіи, невольно охватывающей насъ и переживаемой нами. Внезапный крикъ ужаса и боли единовременно поражаютъ нашъ слухъ и наши экспрессивные аппараты, и мы и слышимъ разомъ раздирающіе звуки и чувствуемъ потокъ состраданія въ нашемъ существѣ. Но всѣ такія перемѣны, совершающіяся въ душѣ *сострадающаго* человѣка, передаются его нисходящимъ поколѣніямъ, какъ жизненныя *предрасположенія.* Такимъ образомъ, ничто не погибаетъ въ нравственномъ мірѣ, какъ и въ физическомъ ничего не теряется. Чей-то удаленный отъ насъ вѣками вздохъ, впервые всколыхнувшій нашу атмосферу, чей-то укоръ, выразившійся на лицѣ при видѣ перваго *сознаннаго* зла въ мірѣ, эти первыя душевныя проявленія не погибли и не потерялись: передаваясь отъ поко-

лѣнія къ поколѣнію, пройдя черезъ милліоны человѣческихъ сердецъ, они выросли въ зрѣлое чувство негодованія и борьбы со зломъ. Суммируясь и складываясь, въ теченіе вѣковой жизни людей, эти нравственные *атомы* составили, наконецъ, могучую силу добра, любовь къ которому живетъ въ людскомъ сердцѣ, какъ великое наслѣдіе минувшаго человѣчества, какъ готовая сила, какъ духовное богатство, накопленное единичными усиліями милліоновъ людей, бывшихъ нашими предками».

Великую посредственную роль въ этой передачѣ играютъ *экспрессіи*. Онѣ являются органическимъ мостомъ для вызова и приведенія въ дѣйствіе величайшихъ человѣческихъ чувствъ: жалости, симпатіи, благоговѣнія, стыда, раскаянія и проч., для подражательнаго автоматическаго распространенія ихъ на другихъ.

Такое созвучное и согласное проявленіе экспрессій и сходственныхъ переживаній изображено Лермонтовымъ въ одномъ изъ юношескихъ стихотвореній: «Сосѣдъ».

354. Сосѣдъ.

Погаснулъ день на вышинахъ небесныхъ,
Звѣзда вечерняя лѣтъ свой тихій свѣтъ.
Чѣмъ занятъ бѣдный мой сосѣдъ?
Чрезъ садикъ небольшой, между вѣтвей древесныхъ,
Могу замѣтить я, въ его окнѣ
Блеститъ огонь. Его простая келья
Чужда заботъ и свѣтлаго веселья,
И этимъ нравится онъ мнѣ.
Прохожіе о немъ различно судятъ,
И всѣ его готовы порицать,
Но ихъ слова сосѣда не принудятъ
Лампаду ранѣе иль позже зажигать.
И только я увижу свѣтъ лампады,
Сажусь тотчасъ у своего окна,
И въ этотъ мигъ таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мнѣ, что мы другъ друга понимаемъ,
Что я и бѣдный мой сосѣдъ,
Подъ бременемъ однимъ страдая, увядаемъ,
Что мы знакомы съ давнихъ лѣтъ.

1831. *Лермонтовъ.*

То же находимъ и въ другомъ стихотвореніи, позднѣйшей даты, озаглавленномъ также «Сосѣдъ».

355. Сосѣдъ.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный;
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь, а послѣ — тайной.
Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И, опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ, —
Тогда, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю, — и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ, и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

1837. *Лермонтовъ.*

356. Какъ происходитъ эта почти автоматическая передача душевнаго состоянія одного лица другому?

Не такъ просто совершается это, какъ представляютъ себѣ спириты, даже ученые, какъ Аксаковъ, проф. Бутлеровъ и др. Рѣчь идетъ здѣсь не о механической передачѣ, въ родѣ непосредственнаго распространенія звуковыхъ волнъ или механическихъ дрожаній, передаваемыхъ отъ одного тѣла другому. Это — явленія *жизни, обладающей нервною системой* и способною дать чувство, пережить его и вызвать тоже въ другомъ живомъ существѣ. О внутреннихъ процессахъ, происходящихъ при этомъ, даютъ понятіе слова американскаго психолога Джемса. Чувства и вызываемыя ими экспрессіи, объясняетъ Джемсъ, исходятъ изъ мозга и разбѣгаются по тѣлу. Если бы захватить этотъ процессъ въ пути, если бы сдѣлать поперечное сѣченіе этого *потока,* то на разрѣзѣ получилось бы то, что соотвѣтствуетъ процессу движенія мысли вмѣстѣ съ экспрессіями. Но такой опытъ, въ буквальномъ значеніи слова, невозможенъ,

да въ немъ нѣтъ и надобности: можно прослѣдить поперечное сѣченіе нѣсколько дальше, разсмотрѣть его тамъ, гдѣ оно расширяется вѣеромъ и распластывается по поверхности лица, по мышцамъ, по всей площади организма. Здѣсь, но особенно на лицѣ, можно увидѣть ту внутреннюю энергію, которая сейчасъ прибыла изъ мозга въ область экспрессій. Анализъ событій и фактовъ на мѣстѣ сразу показываетъ, что здѣсь имѣется выраженное въ дѣйствіи художественное произведеніе, смыслъ котораго тотчасъ раскрывается передъ зрителемъ во всей своей художественной мощи. Но и тѣ экспрессіи, какія достигнутъ до аппарата голоса, будутъ также художественнымъ произведеніемъ, и зритель увидитъ благородное выраженіе лица и мелодическіе звуки рѣчи или художественное пѣніе или, наконецъ, убѣжденную твердую рѣчь, гдѣ въ каждомъ звукѣ скажется не только слуховой словесный скелетъ событій, но и живое слово дѣйствительности. Если весь сложный результатъ этихъ двухъ технико-художественныхъ экспрессій будетъ воспринятъ другимъ субъектомъ, и два изначальные процесса одного мозга перейдутъ въ другой во всей ихъ, нерѣдко полной, сохранности и неприкосновенности, то весь процессъ перешелъ *отъ человѣка къ человѣку*, а не разсѣялся во внѣшнемъ мірѣ. Въ обоихъ случаяхъ наблюдателю и экспериментатору-психологу остается наблюдать экспрессіи не на перепутьи, а въ ихъ послѣдней станціи, т. е. въ органахъ экспрессій, не прибѣгая, такъ сказать къ вивисекціямъ, о которыхъ въ началѣ своего разсужденія говоритъ Джемсъ.

Экспрессіи представляютъ собою документъ большой важности и должны быть тщательно дешифрированы. Этотъ человѣческій документъ нельзя прочесть, какъ читается книга, нельзя и разсказать словами, потому что душу вообще невозможно разсказать; но въ вопросахъ высшаго мышленія дѣло идетъ не о словахъ, а о смыслѣ, не о буквѣ сухого текста, а о сложномъ процессѣ директивъ.

Если въ этомъ периферическомъ проявленіи процесса, принесеннаго изъ центра, мы, для примѣра, остановимся на самой сухой скелетной сторонѣ явленій жизни и представимъ себѣ, что мы слышали сейчасъ рѣчь дѣлового или ученаго содержанія, то даже здѣсь, — въ звукахъ голоса, въ интонаціи, въ тембрѣ, быстротѣ рѣчи, мы уже можемъ ознакомиться съ индивидуальными свойствами этого человѣка, ея автора, — со степенью его увѣренности въ себѣ или въ его сомнѣніяхъ, или въ недовѣріи и равнодушіи, т. е. въ тѣхъ экспрессивныхъ качествахъ, которыя, будучи присоединены къ скелету словъ, придаютъ имъ живой смыслъ, характеризуя и слова и самую Личность оратора. Все это содержится въ словесныхъ, голосовыхъ и другихъ экспрессіяхъ: черезъ нихъ передается *жизнь* отъ одного человѣка къ другому, отъ одной Личности къ другой. То, что передается, есть всегда конкретный актъ, *дѣйствіе Личности*, ея *драматическій актъ*. Такимъ образомъ, передача чего нибудь и живая одушевленная рѣчь, т. е. рѣчь, сопровождающаяся *экспрессіями*, — два

совершенно различныхъ факта, два различные вида мышленія. Первое есть только сухой актъ, бюрократическая бумага, полицейскій протоколъ, а второе — сама жизнь, передаваемая *экспрессіями,* т. е. слезами, вздохами, крикомъ и проч. Первое есть образчикъ низшаго мышленія, второе — высшаго или экспрессивнаго. Легко понять изъ этого, что такое высшее мышленіе, и почему такъ важны для мысли тѣ «умствованія», о которыхъ говоритъ Л. Толстой, причинившія ему столько непріятностей въ жизни. Это — высшій видъ мышленія, вызваннаго экспрессіями, но не сопровождающагося словами (безсловное, творческое мышленіе). Оно лежитъ въ основаніи той удивительной *понятливости,* о которой говоритъ Л. Толстой и которую онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ у одного изъ университетскихъ товарищей: «ему (Зухину) было въ то время лѣтъ восемнадцать, хотя на видъ казалось больше. Онъ былъ необычайно уменъ, въ особенности *понятливъ;* ему легче было сразу обнять цѣлый многосложный предметъ, предвидѣть всѣ его частности и выводы, чѣмъ посредствомъ сознанія обсудить законы, по которымъ производились эти выводы. Онъ зналъ, что онъ былъ уменъ, гордился этимъ и, вслѣдствіе этой гордости, былъ одинаково со всѣми простъ въ обращеніи и добродушенъ». Это и есть типическій образчикъ высшаго, или экспрессивнаго, мышленія, которое было извѣстно Толстому, благодаря его геніальной творческой проницательности за много лѣтъ раньше того, когда оно впервые стало извѣстно наукѣ. Это есть *высшее* или *безсловное* мышленіе.

Для развитія высшаго мышленія требуются иные пріемы, чѣмъ для развитія простѣйшаго или ассоціативнаго мышленія. Для послѣдняго необходимо только полученіе *повторныхъ* впечатлѣній. «Читайте побольше», — это обычный совѣтъ для развитія простѣйшаго мышленія.

Для истиннаго развитія *ума* недостаточно простѣйшее мышленіе, для развитія «*понятливости*» необходимо высшее мышленіе. Способы привлечь къ сотрудничеству ума высшее мышленіе, на ряду съ низшимъ, и тѣмъ углубить и усовершенствовать свою мысль, весьма цѣнны не только для «начинающаго», дорожащаго успѣхами своего ума, но и для средней школы, которая не должна обходить этого пути развитія умственныхъ способностей, тѣмъ болѣе, что этотъ путь уже вовсе не такъ новъ для человѣчества, и въ своихъ основахъ онъ былъ вѣдомъ и примѣнялся на дѣлѣ, хотя отчета въ томъ человѣчество себѣ не отдавало.

Традиціонные человѣческіе пріемы *обрабатывать свой психизмъ,* развивать всѣ виды умственныхъ способностей и природныхъ дарованій, состояли въ созданіи и употребленіи афоризмовъ и другихъ продуктовъ *народной мудрости,* которые изобрѣтались, воспринимались человѣческимъ сознаніемъ и получали распространеніе въ массахъ. Въ этой творческой работѣ, въ которую входятъ и низшее и высшее мышленіе, принимали участіе всѣ, начиная отъ представителей мысли, съ ихъ философскими афоризмами, до обыкновенныхъ творцовъ народной мудрости, запечатлѣвающихъ свои творенія въ народной памяти, которая ихъ на-

саждаетъ и хранитъ въ людскомъ сознаніи, совершенствуя и укрѣпляя. Эти вѣковые продукты человѣческой мысли содержатъ въ себѣ силу будить дремлющую умственность, мобилизировать духовныя силы человѣка, задавать работу жадному къ прогрессу уму, ставить въ очередь жизненные потоки *мыслительнаго, эмоціональнаго и волевого* психизма. Этимъ матеріаломъ стали въ послѣднее время пользоваться ученые въ психологическихъ лабораторіяхъ, чтобы возбудить всѣ силы ума, поразивъ умъ своего рода нечаянностью, вызвавъ тѣмъ всѣ силы какъ-бы на самозащиту въ опасности. Вызовъ къ дѣйствію высшихъ качествъ умственности труднѣе дается, чѣмъ возбужденіе памяти и ассоціаціи. *Умъ и понятливость* болѣе зависятъ отъ природной одаренности, чѣмъ отъ упражненій. Тѣмъ не менѣе, возможно поднятіе умственныхъ способностей на значительную высоту. Усовершенствованіе высшаго мышленія удается также и путемъ особыхъ пріемовъ, которые состоятъ въ предложеніи изслѣдуемому и упражняемому лицу *запросовъ* или *задачъ*, для рѣшенія которыхъ требуется нѣкоторое обсужденіе, съ напряженной вдумчивостью. Это обсужденіе, въ связи съ запросомъ, и являются оба тѣмъ возбудителемъ или внутреннимъ толчкомъ, который, какъ показываетъ опытъ, потрясаетъ весь аппаратъ мыслительности, вызываетъ всеобщіе поиски въ глубинѣ ума и приводитъ къ открытію выхода изъ положенія, которое въ первую минуту кажется безвыходнымъ и недоступнымъ рѣшенію, при чемъ самое рѣшеніе дается какъ бы въ отчаяніи и наудачу. Однакоже рѣшеніе оказывается большею частью вѣрнымъ. Требуемые отвѣты должны быть коротки и категоричны, чтобы, подобно запросу, получить концентрированный потокъ отвѣтной мысли. Выше указаны были примѣры такихъ запросовъ и отвѣтныхъ рѣшеній. Кромѣ того, практикой жизни выдвинуты нѣкоторые другіе пріемы и процедуры умственнаго испытанія, да сверхъ того существуютъ традиціонные примѣры интеллектуальныхъ игръ и упражненій. Къ испытательнымъ возбудителямъ безсловного (высшаго) мышленія относятся слѣдующіе пріемы:

1) Обсужденіе афоризмовъ, которые требуется *усвоить, подтвердить* или *отвергнуть*, сказавши: *да* или *нѣтъ*.

2) Отвѣтить на загадку, т. е. отгадать загадочный вопросъ.

3) Дать отвѣтъ на психологическій запросъ, составленный по образцу психо-лабораторныхъ запросовъ.

4) Упражнять искателя интеллектуальныхъ успѣховъ въ интеллектуальныхъ играхъ и упражненіяхъ. Ими разумно и плодотворно забавляются при досугѣ.

Самую важную часть этихъ пріемовъ составляетъ послѣдовательный психологическій опросъ лица, державшаго испытаніе, относительно того, какія трудности и перипетіи имъ пережиты, и какому пути или путямъ слѣдовала его мысль, поставленная въ логическія тѣснины, и какъ найденъ умомъ выходъ на психологическій свѣтъ изъ безвыходнаго, какъ часто кажется испытываемому, положенія. Опросъ долженъ быть сдѣланъ

въ первыя 10 — 12 минутъ и не позже 14 минутъ, пока длится срокъ *первичной памяти,* когда не только самые процессы, но даже мотивы ихъ остаются ясными въ памяти. Это самая поучительная сторона психологическаго испытанія.

Всѣ названные виды краткаго, отрывистаго, концентрическаго мышленія способны въ различной степени содѣйствовать развитію высшаго мышленія. Одни представляютъ высшую форму упражненія, ту, которая употребляется въ психологическихъ лабораторіяхъ, и которой, какъ эксперименту, подвергали себя ученые и психологи для рѣшенія вопросовъ о сущности *мышленія безъ словъ и образовъ.* Она названа здѣсь *запросомъ.* Загадкой называется мысль, представляющая что-либо загадочное, сомнительное, неизвѣстное, способное возбудить любопытство. Это-обинякъ, или окольная рѣчь, предлагаемая для разгадки. *Инорѣчіе, иносказаніе, инословіе,* употребляемое также для вызова высшаго мышленія, — это рѣчь притчей, аллегорія, содержащая, кромѣ прямаго, и косвенный или переносный смыслъ. *Аллегорія* — почти тоже, что инорѣчіе. Это картинное чувственное изображеніе мысли, или притча, употребляется для нѣкотораго скрытія прямого смысла, съ цѣлью избавить мысль отъ опаснаго и нерѣдко коварнаго вліянія *слова и словесныхъ ассоціацій* на ходъ мыслительнаго процесса. Фактъ такого вліянія *слова* давно извѣстенъ, но не вполнѣ оцѣненъ, почему и понадобился недавній афоризмъ современнаго Бельгійскаго психолога, который сказалъ: «мы всѣ съ дѣтства отравлены словами», т. е. употребляемъ слова, не соединяя съ ними ихъ смысла и значенія, или понимаемъ хотя отчасти, но не сполна. Лермонтовъ и Пушкинъ ввели въ русскую литературную рѣчь много славянскихъ словъ и тѣмъ освѣжили рѣчь и, такъ сказать, отмыли самую человѣческую мысль отъ того яда, о которомъ говоритъ Бельгійскій психологъ. Славянизмы нашихъ поэтовъ: алчная земля, листочки на ликѣ, лобзаніе, поэтъ младой, весна златая и т. д. (Пушкинъ), Роза, дочь небесъ, отчизна, прахъ земной, пещера хладная темна, даръ смиренный, долина сокровенная, издали взирая (Лермонтовъ). Художественный замыселъ поэтовъ вполнѣ оправдался: Пушкинское выраженіе «милый предѣлъ» — стало любимымъ свѣжимъ терминомъ для русскаго читателя.

Борьба противъ разъединенія звуковъ слова съ его значеніемъ должна быть упорной и долгой.

Афоризмъ — краткое, но разительное и важное по смыслу изрѣченіе (Академ. Словарь). Это — родъ загадки или загадочнаго утвержденія, предлагаемаго человѣкомъ съ философскимъ складомъ ума. *Шутка* — забавный отвѣтъ или изреченіе находчиваго человѣка, также требующее маленькой сообразительности слушателя, — полезное остроуміе.

Художники, пишущіе картины, а также скульпторы, тѣ и другіе — представители мышленія безъ словъ, даютъ своимъ произведеніямъ загадочныя наименованія, — подписи, наводящія на размышленія, напр. Тиціанъ, изобразивъ двухъ женщинъ рядомъ — одну изящно наряжен-

ную, другую совершенно нагую, подписалъ: *Земная и Небесная* Любовь. Леонардо да Винчи, изобразивъ ту же тему, подписалъ на картинѣ: *Тщеславіе и Скромность. Скромной* оказывается нагая, а тщеславной та, которая наряжена и обращаетъ на себя вниманіе. Загадками пользуются также и поэты и драматурги, давая своимъ произведеніямъ иносказательныя заглавія, напр. «Кто онъ?» (Петръ Великій) или «Два великана», «Воздушный корабль». Поэты нерѣдко оставляютъ мелкія произведенія безъ заглавія: Пушкина — «Два чувства», Лермонтова — высоко художественное: «Это случилось въ послѣдніе годы». Въ сущности все это — *Загадки*, а еще чаще — *Запросы*. Для болѣе трудныхъ загадокъ и запросовъ нами предложены объясненія. Тѣ, кто желаетъ содѣйствовать развитію у себя высшаго мышленія, должны предварительно самостоятельно подумать надъ разгадываніемъ, хотя бы потребовалось нѣсколько дней, — не торопясь прочитать разгадку и разъясненія, которыя помѣщены въ концѣ отдѣла. Тѣ же, кто объ этомъ не заботится, могутъ читать разгадку, подобно тому чтецу интереснаго романа, который въ своемъ нетерпѣніи торопится узнать развязку читаемой книги въ ея послѣднихъ строкахъ, пропуская многое предыдущее, т. е. всю завязку событій книги. Такой читатель скоро удовлетворитъ своему нетерпѣнію, но нравственная польза для жизни и для ума выпадетъ изъ работы такого сожигателя кораблей своей высшей мысли. Матеріалъ настоящей статьи расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Афоризмы, 2) Загадки, и пр., 3) Психологическіе запросы, 4) Интеллектуальныя игры.

357. I. Афоризмы.

1) Все въ мірѣ имѣетъ предѣлы; безпредѣльна только человѣческая глупость.

Эразмъ Роттердамскій.

2) Предѣлъ есть хитрости, уму,
Лишь нѣту глупости предѣла.

Пушкинъ.

3) Жизнь коротка, наука продолжительна.

Гиппократъ. (*460 до Р. Хр.*).

4) Истинное знаніе состоитъ въ томъ, чтобы знать то, что знаешь, и не знать того, чего не знаешь.

Конфуцій. (*551 до Р. Хр.*).

5) Для мудреца совершенно довольно немного рису для пищи, воды для питья и его собственной руки, чтобы опереть на нее свою голову.

Конфуцій.

6) Скорѣе можно избѣгнуть смерти, чѣмъ преступленія, потому что въ теченіе жизни человѣкъ успѣваетъ совершить преступленія.

Сократъ. (*470 до Р. Хр.*).

7) Для сохраненія чести люди жертвуютъ жизнью, для сохраненія жизни жертвуютъ деньгами, но для пріобрѣтенія денегъ жертвуютъ честью.

Гербертъ Спенсеръ.

8) Честные люди всегда проигриваютъ въ жизни оттого, что поступаютъ съ подлецами, какъ съ честными людьми.

В. Бѣлинскій.

9) Афоризмы Пифагора, Сократа, Платона.

Афоризмы Пифагора, такъ называемые золотые стихи, весьма достойны вниманія въ школахъ и жизни.

Пифагоръ родился въ 584 г. до Р. Хр. Хотя Пифагоръ порядочно испортилъ себѣ карьеру въ нашихъ школахъ открытіемъ трудной, какъ думаютъ школьники, геометрической теоремы, носящей его имя, но мы помѣщаемъ рядъ его афоризмовъ, въ увѣренности, что идейность, свойственная отрочеству и юности, дастъ мѣсто въ умѣ и сердцѣ начинающейся юности идеямъ и принципамъ великаго идеалиста Пифагора.

Золотые стихи, приписываемые Пифагору:

Чти безсмертныхъ боговъ, — это твой первый долгъ.

Чти ихъ, какъ повелѣно закономъ. Чти клятву. Чти также героевъ, достойныхъ удивленія, и земныхъ геніевъ; воздавай имъ должное поклоненіе.

Чти отца твоего и мать и близкихъ твоихъ родичей.

Выбирай другомъ своимъ человѣка добродѣтельнаго. Не противься кроткимъ его совѣтамъ и слѣдуй его полезнымъ примѣрамъ.

Остерегайся ссориться съ другомъ изъ за пустяковъ.

Если можешь сдѣлать добро, то долженъ дѣлать его; въ этомъ дѣлѣ возможность граничитъ съ необходимостью.

Пріучайся бороться съ жадностью, со сномъ, съ роскошью и съ гнѣвомъ.

Не дѣлай ничего постыднаго ни въ присутствіи другихъ, ни втайнѣ. Первымъ твоимъ закономъ должно быть уваженіе къ себѣ самому.

Рядомъ съ золотыми стихами Пифагора мы приведемъ свѣдѣнія о Сократѣ и его ученикѣ Платонѣ. Все, что вышло изъ устъ этихъ философовъ, все это — непрерывный рядъ истинъ, выраженныхъ въ видѣ возвышенныхъ и глубокомысленнѣйшихъ афоризмовъ.

Сократъ родился въ Афинахъ въ 470 г. до Р. Хр., Платонъ, ученикъ Сократа, родился въ 430 г. до Р. Хр. Чтобы дать хотя краткое понятіе

объ идеалахъ и жизни этихъ двухъ великихъ людей, приведемъ описаніе смерти Сократа, сдѣланное Платономъ, гдѣ ясно выступаютъ идеи и идеалы обоихъ и драматическая сила ихъ жизни и смерти.

358. Послѣднія минуты Сократа.

Сократъ. Тотъ, кто въ теченіи всей жизни отказывался отъ удовольствій и украшеній тѣла, какъ отъ вещей посторонннихъ и могущихъ повести ко злу, тотъ, кто стремясь къ наслажденіямъ знанія, украшалъ свою душу только свойственными ей украшеніями: умѣренностью, справедливостью, силой, свободой и истиной, тотъ можетъ быть увѣренъ въ счастливой судьбѣ своей души; онъ можетъ спокойно ждать часа своего ухода въ другой міръ, такъ какъ онъ готовъ умереть, когда ни позоветъ его судьба.

Вы, Симміасъ и Цебесъ, и вы, мои дорогіе друзья, совершите это путешествіе, когда настанетъ вашъ часъ; меня уже призываетъ моя судьба, какъ говоритъ трагическій поэтъ, и скоро настанетъ время принимать ванну, такъ какъ мнѣ кажется, что прежде чѣмъ я выпью ядъ, мнѣ слѣдуетъ вымыться, чтобы женщинамъ не было надобности омывать мой трупъ.

Выслушавъ Сократа, Критонъ спросилъ его: хорошо, Сократъ, но что прикажешь ты мнѣ и другимъ относительно твоихъ дѣтей и относительно всего другого, въ чемъ мы можемъ оказать тебѣ услугу.

— Дѣлайте то, что я всегда говорилъ вамъ, Критонъ, и ничего больше; заботьтесь о себѣ самихъ и тогда, что бы вы ни дѣлали, вы окажете услугу мнѣ, дѣтямъ моимъ и себѣ самимъ, хотя бы вы мнѣ теперь и ничего не обѣщали. Если же вы не будете заботиться о самихъ себѣ и если вы не захотите слѣдовать тому, о чемъ мы когда-то говорили съ вами, то какія бы обѣщанія вы теперь не давали мнѣ, они не поведутъ ни къ чему.

— Мы употребимъ всѣ наши усилія, отвѣчалъ Критонъ, чтобы вести себя такимъ образомъ, но какимъ образомъ мы должны похоронить тебя.

— Какъ вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ Сократъ, — если вы только сможете поймать меня и я не вырвусь отъ васъ. — И, взглянувъ на насъ съ кроткой и покорной улыбкой, онъ продолжалъ: я никакъ, друзья мои, не могу убѣдить Критона, что Сократъ — это тотъ, который теперь разговариваетъ съ вами; онъ воображаетъ, что я тотъ, кого онъ увидитъ сейчасъ мертвымъ. Вся моя длинная рѣчь, въ которой я доказываю, что выпивъ ядъ, я не останусь съ вами, оставлю васъ и уйду наслаждаться счастьемъ блаженныхъ; все, что я говорилъ для вашего и моего утѣшенія, мнѣ кажется, пропало для него. Будьте же моими поручителями предъ Критономъ, но не такъ, какъ онъ хотѣлъ быть поручителемъ предъ моими судьями. Онъ отвѣчалъ за меня, что я никогда не уйду; а вы отвѣчайте за меня, что, когда я буду мертвымъ, я сейчасъ же уйду, и тогда бѣдный

Критонъ гораздо легче вынесетъ постигшее его несчастье, и, видя мое тѣло сожженымъ или зарытымъ въ землю, онъ не будетъ плакать обо мнѣ, какъ будто бы я страдаю; онъ не скажетъ на моемъ погребеніи, что онъ уноситъ Сократа и погребаетъ Сократа. Нужно тебѣ знать, мой дорогой Критонъ, — обратился онъ къ нему, — что неправильныя выраженія не только неудобны сами по себѣ, но что они кромѣ того приносятъ душѣ нѣкоторое зло. Нужно имѣть болѣе храбрости и сказать, что ты погребаешь мое тѣло. Зарой его, какъ тебѣ будетъ угодно и какъ тебѣ кажется болѣе согласнымъ съ обычаями. Сказавъ это, онъ всталъ и перешелъ въ сосѣднюю комнату, чтобы принять ванну; Критонъ послѣдовалъ за нимъ, а намъ Сократъ велѣлъ подождать. Мы ждали, разговаривали о томъ, что онъ говорилъ намъ и объ ожидавшемъ насъ несчастіи, потому что въ это время мы считали себя людьми, лишившимися отца и осужденными провести сиротами остатокъ нашей жизни.

Когда онъ вышелъ изъ ванной, къ нему привели его дѣтей, — ихъ было трое, двое были очень маленькія, а третій уже большой, — и ввели женщинъ его семьи. Онъ поговорилъ съ ними въ присутствіи Критона и отдалъ имъ свои приказанія, потомъ велѣлъ увести женщинъ и дѣтей и возвратился къ намъ. Закатъ солнца былъ уже близокъ, потому что Сократъ долго оставался въ той комнатѣ, гдѣ онъ принималъ ванну.

Вернувшись, онъ сѣлъ на постель; но разговаривать съ нами было уже не время, потому что почти тотчасъ же вошелъ служитель «Одинадцати» и, приблизившись къ нему, сказалъ: Сократъ, мнѣ не придется дѣлать такихъ упрековъ, какіе приходится дѣлать другимъ: когда, по приказанію судей, я извѣщаю ихъ, что слѣдуетъ выпить ядъ, они сердятся и проклинаютъ меня; тебя же, съ тѣхъ поръ какъ ты находишься здѣсь, я всегда считалъ самымъ храбрымъ, самымъ кроткимъ и лучшимъ изъ всѣхъ, когда-либо входившимъ въ эту темницу, и я увѣренъ, что и теперь ты сердишься не на меня, а на тѣхъ, которые, какъ тебѣ извѣстно, виноваты въ случившемся; теперь ты знаешь, зачѣмъ я пришелъ; прощай же и старайся выдержать неизбѣжное съ возможно большей твердостью. И, отвернувшись, онъ въ слезахъ удалился.

Сократъ, взглянувъ на него, сказалъ ему: прощай и ты, я исполню все, что ты говоришь. Потомъ, обратившись къ намъ, онъ прибавилъ: посмотрите, какой славный человѣкъ. Во все время моего заключенія онъ часто заходилъ ко мнѣ и разговаривалъ со мной; онъ всегда относился ко мнѣ хорошо, а теперь отъ души оплакиваетъ меня. Ну, Критонъ, будемъ повиноваться ему, пусть мнѣ принесутъ ядъ, если онъ готовъ, а если нѣтъ, то пусть готовятъ его.

Я думаю, Сократъ, возразилъ ему Критонъ, что солнце еще не закатилось; кромѣ того мнѣ извѣстно, что многіе другіе принимаютъ ядъ долго послѣ того, какъ имъ отдано приказаніе, а передъ этимъ они закусываютъ и выпиваютъ. Потому не торопись, у тебя есть еще время.

Тѣ, которые дѣлаютъ такъ, Критонъ, отвѣчалъ ему Сократъ, имѣютъ

на это свои причины; они полагаютъ, что они выигрываютъ время, а я также имѣю свои причины, чтобы не дѣлать этого. Единственное, что бы я выигралъ, выпивъ ядъ нѣсколько позднѣе, было бы то, что я сдѣлался бы смѣшнымъ самому себѣ, потому что этимъ доказалъ бы, что я настолько люблю жизнь, что хочу сохранить то, чего уже нѣтъ. Иди же, дорогой Критонъ, сдѣлай то, что я тебѣ велю, и не мучь меня больше.

Тогда Критонъ сдѣлалъ знакъ стоявшему тутъ рабу. Рабъ вышелъ, и черезъ нѣкоторое время возвратился съ человѣкомъ, несшимъ приготовленный въ чашѣ ядъ. Когда Сократъ увидалъ этого человѣка, онъ спросилъ его: ну, другъ мой, что мнѣ нужно дѣлать? Ты долженъ это знать. Ничего особеннаго, — отвѣчалъ ему этотъ человѣкъ.

— Когда ты выпьешь, прохаживайся до тѣхъ поръ, пока не почувствуешь, что у тебя отяжелѣли ноги; тогда лягъ на постель и ядъ будетъ дѣйствовать. — И онъ подалъ ему чашу. Сократъ совершенно спокойно, безъ всякаго волненія, не мѣняясь въ лицѣ, взялъ ее, потомъ твердо и увѣренно, какъ всегда, взглянувъ на этого человѣка, онъ спросилъ его: скажи мнѣ, позволяется ли пролить нѣсколько капель этого напитка въ жертву богамъ? — Сократъ, отвѣчалъ ему тотъ, — мы приготовляемъ какъ разъ столько — сколько нужно. — Понимаю, — отвѣчалъ Сократъ, но по крайней мѣрѣ позволительно и справедливо вознести мольбу богамъ, чтобы они благословили наше путешествіе и сдѣлали его счастливымъ; да исполнятъ они мою мольбу! — Сказавъ это, онъ поднесъ чашу къ губамъ и съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и кротостью осушилъ ее.

До сихъ поръ мы употребляли всѣ усилія, чтобы удерживаться отъ слезъ; но когда онъ выпилъ, мы не могли больше владѣть собой. Несмотря на всѣ мои старанія, мои слезы текли въ такомъ изобиліи, что я прикрылся плащемъ, чтобы на свободѣ плакать о самомъ себѣ; я оплакивалъ не несчастіе Сократа, а свое собственное, размышляя о томъ, какого друга я теряю. Критонъ, не имѣя силы удержать слезы, вышелъ. Апполодоръ, не переставшій плакать и раньше, началъ теперь рыдать и столь жалостно стоналъ, что у всѣхъ присутствовавшихъ разрывалось сердце. Только Сократъ не былъ взволнованъ. — Что дѣлаете вы, друзья мои? — сказалъ онъ. Вы, такіе люди. Я отослалъ женщинъ именно затѣмъ, чтобы избѣжать подобныхъ сценъ. Я слыхалъ, что въ послѣднія минуты нужно слушать и говорить только добрыя и веселыя слова. Будьте же покойны и проявите болѣе твердости. — Эти слова привели насъ въ смущеніе и мы перестали плакать.

Сократъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, сказалъ намъ, что онъ чувствуетъ свои ноги отяжелѣвшими; и онъ легъ на спину, какъ сказалъ ему человѣкъ, давшій ему ядъ. Тогда этотъ человѣкъ подошелъ къ нему и черезъ нѣкоторое время сильно сжалъ ступню Сократа и спросилъ у него, чувствуетъ ли онъ что-нибудь. Сократъ отвѣчалъ, что ничего не чувствуетъ. Тогда человѣкъ сжалъ его ноги и показалъ намъ, что тѣло его леденѣетъ и вытягивается, потомъ снова дотронувшись до него, онъ сказалъ намъ,

что, когда холодъ дойдетъ до сердца, Сократъ оставитъ насъ. Животъ былъ уже совершенно холоднымъ. Тогда Сократъ, открывшись, проговорилъ: «Критонъ, мы должны пѣтуха Эскулапу; не забудь отдать этотъ долгъ». Это были его послѣднія слова. — Будетъ сдѣлано, отвѣчалъ Критонъ, не имѣешь ли еще чего сказать мнѣ? Но Сократъ ничего не отвѣчалъ и черезъ нѣкоторое время сдѣлалъ движеніе. Тогда человѣкъ совсѣмъ открылъ его: взглядъ Сократа былъ неподвиженъ и Критонъ закрылъ ему уста и глаза.

Таковъ былъ конецъ нашего друга, человѣка, — мы можемъ сказать, — лучшаго, мудрѣйшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ, кого когда либо мы знали.

Платонъ. «Федонъ».

359. Афоризмы (*продолженіе*).

10. Кривы дрова, да горятъ прямо, говоритъ народная мудрость. А человѣкъ, покривившій душею, не могъ ли бы, подобно дереву, дать за свою кривизну какую либо компенсацію?

11. Человѣкъ, сдѣлавшій что-либо дурное, иногда говоритъ: «не я первый, не я послѣдній». Это показываетъ, что такой человѣкъ хорошо помнитъ зло, которое было, и зло, которое будетъ, но мало помнитъ зло настоящее, свѣжее. Если онъ столько же помнитъ и добро въ прошедшемъ, будущемъ и настоящемъ, то о такомъ человѣкѣ нельзя сказать, что онъ безпристрастенъ, признавая равноправіе добра и зла. Подобное равноправіе Ормузда и Аримана, бѣса и ангела, — безпринципно.

12. Безпринципность — это лѣность ума и совѣсти.

13. Выраженія: до нельзя хорошій человѣкъ, или — до нельзя хорошее дѣло, еще встрѣчающіяся въ литературѣ, совершенно неправильны; ибо, каковы бы ни были преувеличенія добра, человѣчество никогда не признаетъ ихъ ни лишними, ни чрезмѣрными.

14. Выраженія въ родѣ «такое положеніе, хоть пулю себѣ въ лобъ пускай», или «такая бѣда, хоть въ петлю полѣзай», или выраженія «принесло его», «принесла его нелегкая», «надоумилъ его лѣшій», или восклицанія въ родѣ «чертъ его возьми», и т. под., всѣ такія выраженія нелѣпы, архаичны, не соотвѣтствуютъ вѣку и держатся въ людской памяти, какъ пережитки, засоряющіе память, и не безразличны по своему вліянію на систему ассоціаціи.

15. Проигрывать въ карты глупо, выигрывать подло, развлекаться карточной игрой не идейно, отдыхать за картами рутинно, *бередитъ* въ себѣ и другомъ *инстинктъ наживы противуестественно.* Но иной разъ игра въ карты не глупость и не подлость, не рутина и не пережитокъ, а просто препровожденіе времени или забава для ума, временно утомлен-

наго, или для ума *усталаго и отсталаго*. Въ поясненіе аѳоризма приводимъ слѣдующія литературныя обоснованія:

1. «Теперь поговоримъ о серьезномъ», пишетъ жена мужу предъ своею смертью: «ты мнѣ пишешь, что дѣла твои идутъ нехорошо эту зиму и что тебѣ необходимо будетъ взять хабаровскія деньги. Мнѣ даже страшно, что ты спрашиваешь на это моего согласія. Развѣ то, что принадлежитъ мнѣ, не принадлежитъ столько же и тебѣ?»

«Ты такъ добръ, милый другъ, что изъ страха огорчить меня,скрываешь настоящее положеніе своихъ дѣлъ; но я же догадываюсь вѣрно, ты проигралъ очень много, — и нисколько, божусь тебѣ, не огорчаюсь этимъ; поэтому, если только дѣло это можно поправить, пожалуйста, много не думай о немъ и не мучь себя напрасно. Я привыкла не только не расчитывать для дѣтей на твой выигрышъ, но, извини меня, даже и на твое состояніе. Меня также мало радуетъ твой выигрышъ, какъ огорчаетъ проигрышъ; меня огорчаетъ только твоя несчастная страсть къ игрѣ, которая отнимаетъ у меня часть твоей нѣжной привязанности и заставляетъ говорить тебѣ такія горькія истины, какъ теперь, а Богу извѣстно, какъ мнѣ это больно. Я не перестаю молить Его объ одномъ, чтобъ Онъ избавилъ насъ... не отъ бѣдности (Что бѣдность!), а отъ того ужаснаго положенія, когда интересы дѣтей, которые я должна буду защищать, придутъ въ столкновеніе съ нашими».

2. Часть нравственныхъ послѣдствій, связанныхъ съ картежной игрой, указаны также Л. Толстымъ: «Жизнь Вронскаго тѣмъ была особенно счастлива, — говоритъ Толстой, — что у него былъ сводъ правилъ, несомнѣнно опредѣляющихъ все, что должно и не должно дѣлать. Сводъ этихъ правилъ опредѣлялъ очень малый кругъ условій, но за то правила были несомнѣнны, и Вронскій, никогда не выходя изъ этого круга, никогда ни на минуту не колебался въ исполненіи того, что должно. Правила эти несомнѣнно опредѣляли, что нужно заплатить карточный долгъ шулеру, а портному не нужно, что лгать не надо мужчинамъ, но женщинамъ можно, что обманывать нельзя никого, но мужа можно, — что нельзя прощать оскорбленій и можно оскорблять» и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ Толстой говоритъ: «должно быть Володя проигралъ, потому что господинъ, смотрѣвшій ему въ карты, замѣтилъ, что Владиміру Петровичу ужасное несчастіе. Дубковъ, доставъ портфель, записалъ туда что то, и, показавъ записанное Володѣ, сказалъ: «Такъ?» — «Такъ», сказалъ Володя, притворно разсѣянно взглянувъ въ записную книжку. — Теперь поѣдемте!

Володя повезъ Дубкова, меня повезъ Дмитрій въ своемъ фаэтонѣ.

— Во что они играли? спросилъ я Дмитрія.

— Въ пикетъ. Глупая игра, да и вообще игра — глупая вещь.

— А они въ большія деньги играютъ?

— Не въ большія, однако нехорошо.

— А вы играете?

— Нѣтъ, я далъ слово не играть, а Дубковъ не можетъ, чтобы не обыграть кого нибудь.

— Вѣдь это нехорошо съ его стороны...

— Разумѣется, нехорошо.

Л. Толстой. («*Отрочество*»).

16. Афоризмы, касающіеся куренья. Д-ръ А. Л. Мендельсонъ въ статьѣ о вліяніи куренья на здоровье (Журн. Русск. Общ. Охр. Нар. Здр., 1897 г.) даетъ по этому вопросу рядъ фактовъ и рядъ афоризмовъ. Д-ръ Мендельсонъ собралъ серію статистическихъ данныхъ о распространенности куренія среди воспитанниковъ высшихъ заведеній, по вопросу: «курятъ ли, и съ какого времени». Это была анкета по предмету. Изъ отвѣтовъ оказалась, что курятъ 58%, не курятъ 42%. Куреніе началось въ возрастѣ отъ 15 до 19 лѣтъ у двухъ третей (юноши). Медицинскіе студенты выкуриваютъ въ среднемъ 19,64 папиросы въ сутки. Студенты другихъ заведеній выкуриваютъ 22,88 штукъ папиросъ въ сутки, т. е. студенты-медики курятъ умѣреннѣе. На вопросъ о причинѣ прекращенія куренія получился отвѣтъ, что болѣе половины оставили куреніе вслѣдствіе заболѣванія дыхательныхъ органовъ; 4% перестали курить изъ экономіи; 8 %— по совѣту другихъ; 12% — по собственному убѣжденію («изъ принципа»); 24% по неопредѣленнымъ причинамъ. Въ книгѣ д-ра Мендельсона приведены афоризмы, заимствованные изъ сочиненія Московскаго Митрополита Филарета и поставленные въ заголовкѣ его работы. Вотъ эти афоризмы:

«Не странно ли, что люди изобрѣли себѣ новаго рода голодъ, котораго природа не знала, и новаго рода пищу, о которой она не думала; посредствомъ привычки сдѣлали себя рабами сей неестественной прихоти и умножили число своихъ нуждъ, сдѣлавъ необходимымъ излишнее».

Филаретъ.

17. Зависть съѣдаетъ человѣка, разстраивая здоровье и силу, забота старитъ; первая — дурное чувство, вторая — дурная привычка.

Литература даетъ слѣдующій разъяснительный матеріалъ для приведеннаго афоризма.

Поэтическое изображеніе заботы, — въ словесныхъ образцахъ, сравненіяхъ, — даетъ слѣдующіе элементы для физіологической характеристики заботы. Лермонтовъ называетъ заботу *нѣжной:*

Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ *заботой нѣжною* такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы роковой?

(*Лермонтовъ.* Хаджи-Абрекъ).

То тайной:

Заботой тайною хранима,
Передъ иконою святой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой.

(*Лермонтовъ*. Вѣтка Палестины).

Забота *не свойственна дитяти;* въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, очевидно, *не можетъ быть ни того напряженія мысли, ни той воли и глубины участливаго чувства,* какія потребны для неусыпной дѣятельности памяти о предметѣ заботъ:

И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ *беззаботное* дитя.

(*Лермонтовъ*. Демонъ).

Напротивъ, *старческому возрасту* забота естественна и присуща:
У старика въ глазахъ — всегда забота.

(*Шекспиръ*. Ромео и Джульета).

Забота, озабоченность, есть душевное состояніе глубокое, стойкое, длительное:

Больной души не можешь исцѣлить,
Не можешь грусть изъ сердца вырвать съ корнемъ,
Изгладить *врѣзанную въ мозгъ заботу.*

(*Шекспиръ*. Макбетъ).

Пушкинъ приравниваетъ заботу къ тоскѣ:

Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.

(*Пушкинъ*. Нянѣ).

Библія содержитъ много тонкихъ указаній касательно сущности, свойствъ и проявленій заботы. Въ особенности отличается тонкостью и пластичностью изобразительный языкъ Христа. Таковы слѣдующіе замѣчательные афоризмы Христа:

«*Не заботьтесь* о пищѣ, ни объ одеждѣ: жизнь выше пищи, а тѣло важнѣе одежды» (Луки 12, ст. 22-23). Кто изъ васъ сможетъ прибавить

себѣ хотя вершокъ роста, если даже онъ приложилъ къ этому *всевозможныя заботы?* Если, такимъ образомъ, даже ничтожныя вещи не доступны власти человѣка, то стоитъ ли заботиться о большемъ? (ст. 26).

«*Не заботьтесь* о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній день самъ позаботится о *своемъ:* довольно для каждаго дня его собственной заботы» (Матф., 7,34).

Такимъ образомъ, въ словахъ Христа особенно подчеркнута *мысль о мелочныхъ заботахъ,* или, лучше сказать, выражено предостереженіе, чтобы человѣкъ не уронилъ и не извратилъ идею и значеніе этого возвышеннаго душевнаго состоянія, примѣняя его къ мелкимъ дѣламъ, за счетъ высшихъ и совершеннѣйшихъ стремленій. Съ измельчаніемъ заботы, человѣкъ лишается покоя и мира, впадая въ озабоченность. Озабоченность и миръ являются противопоставленными въ библейскихъ сравненіяхъ.

360. II. Загадки. Аллегоріи. Иносказанія. Притчи.

1. Кто такой, — Когда есть вода, онъ пьетъ вино, а когда нѣтъ вина, пьетъ воду?

2. Сынъ моего отца, а мнѣ не братъ. — Кто это?

3. Мы къ людямъ ходимъ по ночамъ,
Видны закрытымъ лишь очамъ,
Боимся часто свѣта дня,
Хоть не страшна намъ западня.

4. Я гуляю днемъ и ночью,
Отъ меня порой бѣда,
Но никто меня во-очью
Не увидитъ никогда.

5. Хочешь не хочешь, а выслушать меня долженъ.

6. Безъ веревокъ, безъ цѣпей, а свожу порой людей.

7. Къ кому угодно спиной повернусь, а невѣждой меня не сочтутъ.

8. Никогда ни одной глупости не сдѣлала и не сказала, а служу примѣромъ глупости.

9. Мои два слога —
Два предлога;
Я опишу моря и страны,
Пишу разсказы и романы.

10. Первый слогъ мы теплымъ пьемъ,
Букву мы вторымъ зовемъ, —
Вотъ тебѣ морская птица,
Только пѣть не мастерица.

11. Жалованья не получаю, а учу днемъ и ночью.

12. Когда мы у твоей сестрицы, насъ не тронутъ;

Когда мы на грядкѣ, насъ не жалѣютъ.

13. Что выше колокольни?

14. Одинъ я, а начинаюсь всегда со ста.

15. Цѣлыя книги передалъ на сотни миль, но ни одной пылинки не передвину даже и на шагъ.

16. Крылья есть, но даже и привскочить не могу.

17. Жми меня сколько хочешь, а звука не издамъ.

18. Сила моя не велика, а на зовъ мой всѣ спѣшатъ явиться.

19. Ношусь въ воздухѣ, но держусь всегда проѣзжей дороги.

20. Горя не знаемъ, а горько плачемъ.

21. Сами ходимъ, а всетаки насъ несутъ.

22. Имѣю зубы, а зубной боли не знаю.

23. Безъ чего не поѣдешь на тройкѣ.

361. III. Психологическіе запросы.

Какъ показали опыты психологическихъ лабораторій, *запросъ* представляется лучшимъ средствомъ и вѣрнымъ пріемомъ возбудить въ умѣ работу *высшаго мышленія,* вызывающаго у экспериментируемаго лица разомъ и дѣятельное возбужденіе и острый полетъ мысли, быстро несущейся къ невѣдомой цѣли, но не сопровождаемой ни словами, ни образами.

Самые опыты производятся обдуманно и сопровождаются ограничительными условіями, включенными въ запросъ и возбудительными для мысли, чуткой ко всему, что носитъ печать конкретности и что не сводится къ общимъ формуламъ и общимъ мѣстамъ. Это лучшая проба для вызова высшаго мышленія и для упражненія въ немъ. Кромѣ лабораторныхъ примѣровъ, указанныхъ ранѣе въ статьѣ о высшемъ мышленіи, приводимъ еще нѣкоторые:

1. Слѣдуетъ ли гнѣваться на человѣка, который не поклонился вамъ на улицѣ? — Да? Нѣтъ?

2. Что сдѣлали бы вы, находясь въ пустынѣ и мучаясь жаждою, если бы среди палящаго зноя, вы встрѣтили сто стакановъ воды съ краткой запиской, что въ одномъ стаканѣ вода отравлена ядомъ, а остальные 99 — съ чистой хорошей водой?

3. Не родись богатымъ, а родись счастливымъ, говоритъ пословица. Вѣрна ли эта мысль?

4. Пьянъ да уменъ. Вѣренъ ли этотъ афоризмъ?

5. Отдай, я тебѣ говорю, сволочь ты этакая! Какимъ чувствомъ руководится человѣкъ, произнося подобныя слова?

6. Одинъ талантливый писатель употребилъ такое выраженіе о человѣкѣ: онъ поступилъ легкомысленно, по птичьи. Правильно ли это и не оскорбительно ли для человѣка или для птицы?

7. Ходитъ птичка весело по тропинкѣ бѣдствій, не предвидя отъ сего никакихъ послѣдствій.

8. Два поставленныя рядомъ, или послѣдовательно, положенія 12-е и 13-е какую мысль наводятъ на васъ?

9. Пропалъ я, пропалъ... Какимъ чувствомъ вызывается такая рѣчь?

10. Незнаніе есть несчастье или преступленіе?

11. Раскаяніе есть половина исправленія, говоритъ пословица. Въ чемъ состоитъ вторая половина? Можетъ ли быть она достигнута?

12. Какая разница между словами: отрочество и мальчишество? Отчего иногда взрослаго называютъ мальчишкой?

13. Богачу — дураку
И съ казней не спится.
Бобыль голъ, какъ соколъ, Что это значитъ?
Поетъ — веселится.

14. Когда человѣкъ дѣлаетъ необходимымъ излишнее и тѣмъ создаетъ новую расходную статью бюджета, то бьетъ ли онъ себя по карману или по головѣ?

15. Кто становится рабомъ какой-либо прихоти, не теряетъ ли онъ часть высшей свободы? Стоитъ ли такая овчинка выдѣлки?

362. IV. Интеллектуальныя игры.

На первомъ планѣ должна быть поставлена дѣтская игра въ *прятки,* состоящая въ томъ, что спрятавшійся ребенокъ предоставляетъ другому отыскать себя. Прячутся въ условленномъ опредѣленномъ помѣщеніи или районѣ, скрываясь по угламъ по закоулкамъ, за мебелью, за шкафами, чтобы быть не на глазахъ. Спрятавшійся остается въ полной тишинѣ и безмолвіи, чтобы сохранить въ секретѣ свое мѣстонахожденіе, и съ замираніемъ сердца ждетъ момента, когда его откроютъ. Играютъ то вдвоемъ, то чаще группами. Игра нравится дѣтямъ отъ 2 — 6 лѣтъ, увлекая ихъ до захватывающихъ размѣровъ; меньшія дѣти не играютъ въ эту забаву, не интересуясь ею по своему еще недоразвитому, *слабому воображенію.* Психологическій смыслъ игры въ прятки состоитъ въ томъ, что они представляютъ собою подражаніе *мышленію безъ словъ и образовъ,* и въ этомъ психологическая польза этой игры. Притомъ игра полна драматическаго интереса для дѣтской мысли: не видя и не слыша спрятавшихся товарищей, ищущій, или группа искателей, могутъ только *воображеніемъ* открыть искомое мѣстонахожденіе, дополняя работу воображенія показаніями только одного органа чувства, — зрѣнія: слуховыхъ и осязательныхъ впечатлѣній нѣтъ по условіямъ игры. Драматизмъ игры въ прятки вытекаетъ изъ напряженной работы воображенія для однихъ и трепетнаго ожиданія раскрытія и развязки для другихъ. Драматизмъ наростаетъ съ теченіемъ игры. Ищущіе, не видя искомаго, сначала поражены

неизвѣстностью и широкими размѣрами предстоящей задачи поисковъ; въ свою очередь спрятавшаяся группа испытываетъ драматическія переживанія, съ приливомъ и отливомъ жизни, въ зависимости отъ того, приближаются ли искатели къ цѣли или же, испытывая сомнѣніе и дѣлая ошибочные шаги въ поискахъ, лишь удаляются отъ цѣли, возбуждая тѣмъ въ противникахъ драматическую надежду и радость. Самую любопытную и поучительную сторону игры составляетъ ея конецъ и описаніе каждой изъ сторонъ тѣхъ *переживаній,* какія были испытаны во время игры. Эти переживанія напоминаютъ во многомъ то возбужденіе, тѣ сомнѣнія и исходъ, какой наблюдается въ психолабораторныхъ опытахъ съ вызовомъ безсловнаго мышленія.

Модификація описанной игры, состоящая въ поискахъ съ завязанными глазами, лишена своей главной поучительности, — работы фантазіи при поискахъ, и, если нравится дѣтямъ, то только, какъ забава, вызывающая веселость отъ наблюденія смѣшныхъ, неуклюжихъ движеній и общей неловкости при завязанныхъ глазахъ, но содержитъ въ себѣ мало интеллектуальнаго интереса.

Близко къ игрѣ въ прятки стоитъ интеллектуальная *забава — дѣло,* — опредѣленія величины и формы, или узнаванія предметовъ при помощи осязанія. Здѣсь осязаніе играетъ ту же роль, что зрѣніе при игрѣ въ прятки. Для игры берутся обыкновенные комнатные предметы: ключи, портмонэ, карандаши, ложки, хлѣбъ, фрукты, спички, дерево, желѣзо, вата, марля, полотно, сукно; или даются спичечныя коробки съ вложеннымъ внутрь, хорошо обернутымъ, грузомъ, и требуется опредѣлить разницу вѣса и расположить предметы рядкомъ по степени тяжести. Эти упражненія полезны, потому, что, владѣя глазами, человѣкъ не внимателенъ къ осязанію и показаніямъ мышечнаго чувства: игрой этотъ психологическій недостатокъ исправляется.

Военныя развѣдки и бойскаутизмъ представляютъ истинный образчикъ мышленія *безъ словъ.* Увлеченіе военными развѣдками въ наши дни у юношей и въ переходномъ возрастѣ указываетъ на соотвѣтствіе этого рода занятій съ психологическими требованіями возраста.

Меньше значенія имѣетъ игра въ «секретарь», которую описываетъ Л. Толстой слѣдующимъ образомъ, какъ она происходила между Левинымъ и Кити Щербацкой:

«— Ахъ, я весь столъ исчертила сказала она (Кити), и, положивъ мѣлокъ, сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла встать.

«Какъ же я останусь одинъ безъ нея?» — съ ужасомъ подумалъ онъ (Левинъ) и взялъ мѣлокъ. — Постойте, — сказалъ онъ, садясь къ столу. — Я давно хотѣлъ спросить у васъ одну вещь.

Онъ глядѣлъ ей прямо въ ласковые, хотя испуганные глаза.

— Пожалуйста, спросите.

— Вотъ, — сказалъ онъ и написалъ начальныя буквы: к, в, м, о, э, н, м, б, з, л, э, н, и, т. Буквы эти значили: «когда вы мнѣ отвѣтили: этого

не можетъ быть, значило ли это — никогда или тогда». Не было никакой вѣроятности, чтобы она могла понять эту сложную фразу; но онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, что жизнь его зависѣла отъ того, пойметъ ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потомъ оперла нахмуренный лобъ на руку и стала читать. Изрѣдка она взглядывала на него, спрашивала у него взглядомъ: «То ли это, что я думаю?»

— Я поняла, — сказала она, покраснѣвъ.

— Какое это слово? — сказалъ онъ, указывая на Н, которымъ означалось слово *никогда*.

— Это слово значитъ *никогда*, — сказала она, — но это неправда.

Онъ быстро стеръ написанное, подалъ ей мѣлъ и всталъ. Она написала: т, я, н, м, и, о.

Долли утѣшилась совсѣмъ отъ горя, причиненнаго ей разговоромъ съ Алексѣемъ Александровичемъ, когда она увидѣла эти двѣ фигуры: Кити съ мѣлкомъ въ рукахъ и съ улыбкою робкою и счастливою, глядящую вверхъ на Левина, и его красивую фигуру, нагнувшуюся надъ столомъ, съ горящими глазами, устремленными то на столъ, то на нее. Онъ вдругъ просіялъ: онъ понялъ. Это значило: «тогда я не могла иначе отвѣтить».

— Только тогда?

— Да, отвѣчала ея улыбка.

— А т. . . ., а теперь? — спросилъ онъ.

— Ну, такъ вотъ прочтите. Я скажу то, чего бы желала. Очень бы желала! — Она написала начальныя буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: «чтобы вы могли забыть и простить, что было».

Онъ схватилъ мѣлъ напряженными, дрожащими пальцами и, сломавъ его, написалъ начальныя буквы слѣдующаго: «мнѣ нечего забывать и прощать, я не переставалъ любить васъ».

Она взглянула на него съ остановившейся улыбкой.

— Я поняла, — шопотомъ сказала она.

Онъ сѣлъ и написалъ длинную фразу. Она все поняла и, не спрашивая его, такъ ли, взяла мѣлъ и тотчасъ же отвѣтила.

Онъ долго не могъ понять того, что она написала, и часто взглядывалъ въ ея глаза. На него нашло затменіе отъ счастія. Онъ никакъ не могъ подставить тѣ слова, какія она разумѣла; но въ прелестныхъ, сіяющихъ счастіемъ глазахъ ея онъ понялъ все, что ему нужно было знать. И онъ написалъ три буквы. Но онъ еще не кончилъ писать, а она читала за его рукой и сама докончила и написала отвѣтъ: да.

Въ secretaire играете? — сказалъ старый князь, подходя. — Ну, поѣдемъ, однако, если ты хочешь поспѣть въ театръ.

Левинъ всталъ и проводилъ Кити до дверей. Въ разговорѣ ихъ все было сказано: что она любитъ его и что скажетъ отцу и матери, что завтра онъ пріѣдетъ утромъ».

Левинъ и Щербацкая потому обнаружили особую догадливость и

понятливость, что оба любили взаимно, и чувство это было подогрѣто взаимными опасеніями возможной неудачи и другими сходными переживаніями и воспоминаніями. Въ описываемомъ Толстымъ сеансѣ, Левинъ и Щербацкая были рядомъ, другъ друга видѣли въ лицо, слышали взаимно свой голосъ, сидя рядомъ, дышали общимъ возбужденно-теплымъ воздухомъ, испытывали и переживали тѣ же экспрессіи и, въ связи съ событіями, хорошо извѣстными обоимъ, находились въ наилучшихъ условіяхъ для сильнаго дѣйствія *директивъ* и руководимаго ими теченія мыслей. Ихъ состояніе вполнѣ подходитъ къ тому, которое изображено Лермонтовымъ въ двухъ стихотвореніяхъ «Сосѣдъ», гдѣ переживанія были одинаковы у обоихъ сосѣдей и взаимно было ихъ пониманіе.

Нѣкоторая часть интеллектуальныхъ игръ основана на ассоціаціи словъ, и нерѣдко на сочувствіяхъ или звуковыхъ намекахъ, и имѣютъ форму загадокъ, напр.: мои два слова — два предлога; я опишу моря и страны, пишу разсказы и романы. Такая шарада обозначаетъ слово: проза. Такими играми по временамъ увлекаются, какъ забавой, въ обществѣ и семейныхъ собраніяхъ. Такъ какъ игры этого рода основаны на словесномъ матеріалѣ, а не на умственномъ, то онѣ мало пригодны для мышленія безъ словъ и образовъ. Но есть различные варьянты описанной игры, напр. такой, гдѣ извѣстное *слово,* или даже отдѣльный *слогъ,* часто фигурируютъ въ какомъ нибудь придуманномъ разсказѣ, который сочиняется и разсказывается для замаскированія намѣченнаго слова или слога. Другой соучастникъ игры ведетъ подобную заговорщицкую канитель, употребляя иное слово или иной слогъ и т. д. Два — три заговорщика создаютъ такимъ манеромъ канву изъ слоговъ, которые потомъ объединяются отгадчиками въ цѣлое слово или цѣлую фразу. Такія канители, гдѣ *слоги и слова* составляютъ строительный матеріалъ для цѣлаго, упражняютъ участниковъ игры въ *словесномъ* мышленіи, но не въ *высшемъ*. Такъ же иной разъ придумываются игры въ усложненномъ составѣ, гдѣ для составленія фразы или извѣстной сентенціи нагромождаются несоразмѣрно рабочія силы и матеріалъ и забавляютъ гостей, потому что въ многолюдномъ собраніи весело, благодаря значительному числу участниковъ и соотвѣтственному настроенію. Это все варіантъ для упражненія въ *словесномъ* мышленіи. Необходимо, однако, помнить философскій *афоризмъ,* что мы всѣ съ дѣтства достаточно отравлены словами.

Въ дѣтствѣ и юности многія психологическія цѣли достигаются играми. Умственной игрѣ должна быть предоставлена свобода дѣйствій, особенно игрѣ въ прятки, даже не смотря на то, что она сопровождается нѣкоторымъ шумомъ и безпорядкомъ. Въ этой игрѣ когда спрятавшійся ребенокъ или цѣлая группа дѣтей бываетъ отыскана, наступаетъ невѣроятный шумъ, гамъ, движеніе, оживленіе, — что естественно, если подумаемъ, что игра пріостанавливаетъ у искателя или искателей дѣйствіе всѣхъ высшихъ органовъ чувствъ, кромѣ зрѣнія, а у спрятавшихся перенапрягается слухъ и доходитъ до высоты вниманіе, воля и самооблада-

ніе. Когда этотъ сеансъ психологическаго опыта заканчивается, возбужденіе и шумъ естественны: ими разрѣшаются и ликвидируются неизрасходованные запасы воображенія и заготовленной всѣхъ видовъ воли. Неудивительно, что это освобожденная энергія требуетъ смѣха, веселья, шума, обращенія всей квартиры въ Содомъ и Гомору, какъ у засидѣвшихся школьниковъ на большой перемѣнѣ. Неудивительно, что движеніемъ дѣтей поднимается столбомъ вся пыль, хранившаяся по угламъ и спрятавшаяся, выносится на божій свѣтъ паутина этихъ мѣстъ, вся космическая и органическая пыль, всякая плѣсень и всевозможные зародыши, которые ютятся больше всего тамъ, гдѣ мало свѣта, воздуха и движенія. Если бы кто-нибудь показалъ дѣтямъ микроскопическій препаратъ, и они увидѣли бы, что игрою въ прятки выносится на свѣтъ низшая жизнь, то мысль объ этомъ оказалась бы психологически поучительной не только для высшаго мышленія, но и побудительной причиной для ознакомленія съ ботаникой и бактеріологической низшей жизнью, которая боится свѣта, воздуха и движенія, ютясь въ ямахъ, подземельяхъ, подобно грязи, преступленію и чужеядству, которые между собою связаны общей связью перевѣса низшей жизни надъ высшею.

Это поучительное соотношеніе выяснено Бактеріологіей и нашло себѣ художественный выводъ и заключеніе въ одномъ изъ произведеній Тургенева. Дѣти легко поняли бы эту простую философію и эти сложныя соотношенія.

363. Новое въ физикѣ.

Новѣйшія изслѣдованія о строеніи матеріи полны глубочайшаго интереса. Въ своей публичной лекціи извѣстный англійскій физикъ Лоджъ начинаетъ свое чтеніе слѣдующими словами: «избранная нами тема обширна, она имѣетъ громадный общій и спеціальный интересъ особенно въ виду того, что на основныя свойства вещества установились въ недавнее время совершенно новые взгляды. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что матерія *инертна,* что частицамъ ея свойственно *сцѣпленіе* и, наконецъ, что матеріи присуще *тяготѣніе. Но относительно причины и сущности этихъ основныхъ свойствъ въ наукѣ господствовало глубокое незнаніе. Что касается тяготѣнія,* говоритъ знаменитый физикъ *то мы еще продолжаемъ и теперь находиться въ глубокомъ мракѣ: мы знаемъ лишь эмпирическій фактъ, что тѣла взаимно притягиваются, но самая причина тяготѣнія неизвѣстна, и даже мало надежды, что она станетъ извѣстной. Въ такомъ же положеніи нѣсколько лѣтъ назадъ было и сцѣпленіе, но кажется, мы уже — наканунѣ открытія сущности этого явленія* (лежащаго между прочимъ въ основѣ химическихъ процессовъ). Что же касается *инерціи,*— этого *наиболѣе замѣчательнаго свойства матеріи, то мы начинаемъ его понимать*». Въ чемъ же таинственная сущность *инер-*

ціи? Отчего матерія сопротивляется приведенію ея въ движеніе? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ знаменитый физикъ обращаетъ вниманіе своего слушателя на новѣйшія данныя въ ученіи объ электричествѣ. Оказывается, что если бы атомъ вещества зарядить электричествомъ настолько, насколько это возможно для атома (до насыщенія его), то *инерція* атома увеличилась бы отъ того весьма немного, — менѣе, чѣмъ на одну стотысячную часть. Иными словами, если бы въ вашемъ распоряженіи былъ одинъ атомъ вещества, заряженный электричествомъ до *максимума* (этотъ максимумъ извѣстенъ изъ электролиза), и если бы инерція вашего атома равнялась 100.000 единицъ, то послѣ прибавленія къ нему полнаго электрическаго заряда его инерція выразилась бы цифрою 100.001 единицы, — словомъ ничтожнѣйшая прибавка. На какое отношеніе къ матеріи и ея атомамъ въ приводимомъ примѣрѣ имѣетъ электричество? Великій физикъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: Долгое время, говоритъ онъ, никто не воображалъ себѣ, что въ природѣ можетъ существовать что-нибудь меньшее, чѣмъ атомъ: атомъ считался крайнимъ предѣломъ вещественной *минимальности*. Но каково же было удивленіе ученаго міра, когда явились новыя работы объ электричествѣ. Изслѣдованія Крукса, Томсона и др. показали, что въ природѣ существуютъ матеріальныя частицы гораздо меньше атомовъ; масса этихъ частицъ (по измѣреніямъ Томсона) оказалась равной всего одной тысячной части массы, свойственной частицѣ водорода. Эти мелкія матеріальныя частицы, или крошки вещества, принадлежатъ *электрической матеріи* и названы *электронами*. Одно изъ ихъ свойствъ состоитъ въ ихъ способности передвигаться съ невѣроятной скоростью. Удалось измѣрить не только величину этихъ частичекъ электричества, но и самую скорость ихъ передвиженій (напр. въ Гейслеровыхъ трубкахъ). Эта скорость оказалась равной 1/30, а иногда и 1/10 части скорости свѣта. Понятно, что вещество, какъ бы оно ни было тонко, но если движется съ такой изумительной быстротой, должно обладать громадной энергіей; понятно также, что когда какое-либо препятствіе останавливаетъ полетъ подобныхъ движущихся частицъ, послѣдствія такой остановки могутъ оказаться чрезвычайно большими. И хотя эти частицы совершенно ничтожны, хотя также ничтожна ихъ инерція, но скорость движенія даетъ всему дѣлу иной оборотъ. Если бы, говоритъ Лоджъ, одному грамму обыкновеннаго (т. е. не электрическаго) вещества сообщить такую быстроту движенія, какою обладаетъ свѣтъ, то этой энергіи было бы достаточно для того, чтобы вскинуть весь Англійскій флотъ на высоту Бенъ-Невиса (самая высокая гора въ Англіи). Въ сравненіи съ такой скоростью, быстрота полета ядеръ и пуль, говоритъ Лоджъ, должна быть названа состояніемъ неподвижности.

Итакъ мы имѣемъ два важнѣйшихъ новыхъ факта: *1) Существованіе малѣйшихъ матеріальныхъ частицъ, — электроновъ и 2) невѣроятная быстрота движенія, какая имъ можетъ быть сообщена.* Тотъ и другой фактъ доказанъ не только на основаніи математическихъ и фи-

лософскихъ соображеній, но и посредствомъ положительнаго опыта. Величина электрона опредѣлена, — *она равна одной стотысячной долѣ атома.* Такимъ образомъ, электроны являются самыми крошечными частицами во Вселенной; атомы по сравненію съ ними составляютъ уже внушительную величину. Чтобы показать отношенія между атомомъ и и электрономъ, Лоджъ беретъ такое сравненіе. Вообразимъ, говоритъ, онъ, что электронъ равенъ точкѣ типографскаго шрифта; атомъ, при такомъ условіи, будетъ равенъ четырехъ-этажному зданію десяти саженей въ длину, и двадцати въ ширину, а такъ какъ въ атомѣ напр. водорода содержится до 1000 электроновъ, то сложная *система — крошка атомъ — электроновъ* будетъ похожа на воображенный нами домъ, около котораго свободно летаютъ и движутся тысячи быстролетныхъ частичекъ. Электроны занимаютъ атомъ въ дѣйствительности, они занимаютъ атомъ, какъ солдаты страну; они дѣлаютъ атомъ непроницаемымъ; они даютъ ему и другія свойства, напр. химическое дѣйствіе.

Отношенія между атомомъ и электронами полны величайшаго интереса. Электроны не остаются неподвижными въ атомѣ, напротивъ, они вращаются одинъ около другого и вокругъ атома съ ужасающей быстротою. Атомъ является, такимъ образомъ, мѣстомъ очень напряженной дѣятельности. Электроны не собраны въ группы, хотя ихъ очень много (напр., въ атомѣ водорода ихъ 1000, въ атомѣ натрія отъ 20.000 до 30.000, въ атомѣ ртути 100.000), но разбросаны вокругъ атома, какъ планеты въ солнечной системѣ; даже разстоянія въ одномъ и другомъ примѣрѣ аналогичны, — словомъ мы встрѣчаемся съ фактомъ *атомической астрономіи.* Столкновенія между движущимися электронами такъ же мало вѣроятны, какъ и между планетами, въ силу того, что размѣры электроновъ слишкомъ малы по сравненію съ ихъ взаимнымъ удаленіемъ.

Малѣйшія частицы электричества, — *электроны,* — объясняютъ своимъ движеніемъ всѣ явленія электричества, а также явленія свѣтовыя и тепловыя. Эти явленія вовсе не зависятъ, какъ думали раньше, отъ эфирныхъ волнъ, которыя будто бы вызываются движеніемъ атомовъ, на подобіе того, какъ вибрація колокола вызываетъ воздушныя волны. По опытамъ Лоджа дѣло вовсе не въ этомъ: матерія и эфиръ здѣсь ни при чемъ, матерія сама по себѣ не можетъ производить волнъ, но электрическіе заряды, т. е. электроны, перемѣщаются (вибрируютъ). Свѣтъ вызывается не атомомъ матеріи, но электронами, которые ему принадлежатъ. Электроны представляютъ собою истинную вѣсомую матерію, или точнѣе, — частицы матеріи, движущіяся съ невообразимой быстротой. При этихъ движеніяхъ одни электроны, встрѣчаясь съ препятствіями, останавливаются въ своемъ полетѣ (поглощеніе лучей), другіе — проникаютъ сквозь тѣла (X — лучи).

Предполагаютъ, что тѣла, нагрѣтыя и заряженныя отрицательно, выбрасываютъ изъ себя электроны съ громадной скоростью.

Радіоактивныя явленія Лоджъ объясняетъ свойствомъ нѣкоторыхъ

тѣлъ (ураній, полоній и особенно радій) выбрасывать изъ себя частицы электричества (электроны) безъ особыхъ стимуловъ. Это — родъ испаренія электроновъ и свободнаго полета ихъ.

Инерція объясняется тѣмъ, что электронъ находится въ постоянномъ движеніи, которое можетъ быть орбитнымъ (вокругъ центра) или иного вида движеніемъ. Это движеніе, какъ таковое, является помѣхой или препятствіемъ для всякаго новаго движенія; преодолѣніе этого, стоящаго на пути, препятствія и составляетъ сущность инерціи. Такимъ образомъ, инерція не есть какое либо отвлеченное свойство, но обыкновенное, понятное намъ явленіе, лишь зависящее отъ движенія, котораго раньше никто не предполагалъ.

Въ заключеніе своей интереснѣйшей лекціи Лоджъ задаетъ себѣ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ системѣ мірозданія и свойствамъ Вселенной. Если, говоритъ Лоджъ, доказано существованіе частицъ столь минимальныхъ, какъ электроны, то гдѣ предѣлъ для величинъ противоположныхъ? На этотъ вопросъ говоритъ онъ, невозможно дать отвѣта. Можно однакоже догадываться, что солнце и звѣздныя громады являются сами не болѣе, какъ атомами въ безднахъ обширной Вселенной. Кажется, прибавляетъ Лоджъ, что Вселенная безпредѣльна, и можемъ сказать, что вѣроятность ея безпредѣльности также безпредѣльна.

364. Д. Самое великое въ мірѣ нравственномъ.

Въ вызовѣ настроенія, т. е. суммы гармонически близкихъ конкретныхъ чувствъ, лежитъ великая техническая тайна художественности. Вызовомъ настроенія сильно поддерживается почва для посѣва конкретныхъ директивъ дѣйствія. Талантливые люди и геніи (поэты, художники, ученые, писатели, идеалисты) обыкновенно вызываютъ столь сильныя настроенія, что человѣкъ оцѣниваетъ ихъ по самому высокому масштабу, называя ихъ дѣйствіе высшимъ, неземнымъ, неумирающимъ и т. д., чтобы тѣмъ выразить ихъ чаемую долговѣчность, кажущуюся несомнѣнной и безспорной, въ виду силы и необычайности даваемыхъ ими переживаній.

Столь необычны и сильны *порывы воли* и ея долгія напряженія, вызываемыя художественностью, вообще — *великимъ*. Это психическое явленіе въ послѣднее время выдѣлено и выяснено съ особенной проникновенностью въ многочисленныхъ научно-философскихъ работахъ подъ именемъ вопроса о нравственныхъ *цѣнностяхъ* или *цѣляхъ и стремленіяхъ*.

Основное свойство цѣлей и стремленій жизни состоитъ въ томъ, что онѣ связываются въ душѣ и памяти не съ чувствомъ *удовольствія и страданія*, а съ чувствомъ *долга;* слѣдовательно относятся не къ системѣ *эмоцій*, а къ сложнымъ состояніямъ *воли*. Чувство долга, какъ спеціальная эмоція воли, способно гораздо болѣе, чѣмъ состоянія чисто эмотивныя, вызывать нравственные повороты и перевороты въ жизни личности и въ

напластованіяхъ идеи, и потому является естественнымъ и наиболѣе пригоднымъ орудіемъ въ дѣлѣ осуществленія директивъ дѣйствія. Объединяя то, что сейчасъ сказано о дѣйствіи художественныхъ впечатлѣній на чувство и волю, можно принять такую краткую формулу: настроенія души создаютъ благопріятную почву для посѣва психическихъ директивъ, а чувство долга, т. е. *порывы* и напряженія воли, содѣйствуютъ реализированію директивъ въ жизни. Исчерпывающій и наиболѣе глубокомысленный анализъ чувства долга находимъ у Шельдона.

Въ своемъ глубокомыслiи Шельдонъ смотритъ въ корень вещей, ставя во главу человѣческаго прогресса всестороннее усовершенствованіе личности, включая сюда и здоровье. Не какія либо, лежащія внѣ человѣка, условія: наука, знаніе, техника, экономика, общественныя учрежденія и т. п., но именно самъ человѣкъ, человѣческая личность въ зенитѣ ея существованія, составляютъ то первичное художественное орудіе, развитіе котораго обѣщаетъ наиболѣе широкихъ успѣховъ. Въ дѣлѣ усовершенствованія человѣка Шельдонъ, подобно всѣмъ художественнымъ дѣятелямъ, ставитъ на первомъ планѣ чувство и волю. Соединенныя воедино, онѣ лежатъ въ основѣ *чувства долга*.

По взглядамъ Шельдона, человѣку глубоко свойственно *чувство долга*: оно развито тѣмъ болѣе, чѣмъ выше человѣкъ развитъ въ психологическомъ отношеніи. Не обманываетъ насъ природа своими ощущеніями голода, жажды, потребности работы и отдыха, — такъ можно передать мысли Шельдона, — но не точно ли такой же императивъ природа вложила въ душу человѣка въ видѣ чувства долга? Здравый человѣкъ также подчиняется указаніямъ и велѣніямъ этого чувства, какъ всѣ подчиняются требованіямъ голода, жажды и другимъ простѣйшимъ императивамъ низшаго психизма. Очевидно, что, входя въ міръ изъ области небытія, человѣкъ вноситъ съ собою какой то нравственный масштабъ, включенный въ его организацію, и прилагаетъ этотъ масштабъ въ жизни ко всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Въ глубинѣ своей природы мы всѣ носимъ сознаніе какого-то абсолютнаго порядка вещей, мы боремся сами съ собой, чтобы осуществить этотъ порядокъ, и боимся стать въ противорѣчіе съ нашей внутренней природой, авторитетъ которой мы безусловно признаемъ. Не безъ основанія человѣческій языкъ даетъ этому авторитету наименованіе *внутренней правды*. Это — субъективная, такъ сказать, сторона разбираемаго явленія; но есть и объективная: мы преклоняемся предъ тѣми, кто исполняетъ *долгъ* и кто тѣмъ самымъ объединяется съ Міровымъ Укладомъ, часть котораго составляетъ и человѣкъ со своимъ малымъ міромъ.

Человѣкъ подчиняется этому Міровому Укладу и подъ дѣйствіемъ его стремится совершенствоваться и подниматься на высоту, которая превосходитъ его самого. Въ этомъ стремленіи человѣкъ руководится чувствомъ долга и тѣмъ включаетъ себя, какъ крошечное звено, въ великую цѣпь міровой эволюціи. Мірозданіе, какъ показалъ Гербертъ Спенсеръ,

не представляется какимъ либо мертвымъ, безжизненнымъ, механическимъ существованіемъ, — въ родѣ вѣчно движущагося колеса, но является полнымъ удивительной стройности планомъ, который ведетъ къ усовершенствованію міровыхъ порядковъ. Человѣкъ своимъ интеллектуальнымъ чутьемъ воспринимаетъ идею этого мірового порядка, и изъ такого чутья у него родится долгъ, какъ готовое стремленіе итти въ тактъ, нога въ ногу съ міровыми порядками.

Переводя изложенныя сейчасъ мысли Шельдона на языкъ нервно-психическихъ фактовъ, можно сказать, что на ряду съ существованіемъ ощущеній и инстиктовъ низшаго психизма, существуетъ высшій психизмъ, въ которомъ эстетическое, интеллектуальное и нравственное чувство исполняютъ ту роль, какую въ низшемъ психизмѣ несетъ чувство голода, жажды, утомленія и проч. Какъ эти послѣднія чувства являются исходной точкой для движеній, дѣйствій, стремленій, поисковъ, такъ высшія чувства являются источникомъ нравственныхъ директивъ и широкихъ плановъ, обезпечивающихъ физическую и нравственную эволюцію человѣка. Они являются для души человѣка своего рода жаждой, и человѣческій языкъ не безъ основанія говоритъ о духовномъ голодѣ, жаждѣ, утолить которые человѣкъ стремится посредствомъ знаній, впечатлѣній и поисковъ за условіями, возбуждающими высшую жизнь въ ея цѣломъ составѣ, съ высшимъ мышленіемъ включительно. Оттого эти директивы еще болѣе повелительны въ душѣ человѣка, чѣмъ инстинктивныя велѣнія низшаго психизма. Подъ вліяніемъ духовной жажды человѣкъ стремится къ осуществленію плановъ, которые лежатъ впереди на разстояніи цѣлыхъ вѣковъ. За эти будущіе идеалы человѣкъ борется и готовъ отдать за нихъ свою жизнь, доказывая тѣмъ силу и глубину испытываемыхъ переживаній. Если такова ихъ, этихъ переживаній, реальная цѣнность, то понятно, что игнорированіе высшей жизни и ея велѣній не только способно понизить широту нервно-психической эволюціи, но и можетъ стать однимъ изъ самыхъ серьезныхъ этіологическихъ моментовъ для психической деградаціи и психическаго вырожденія. Забвеніе или непризнаніе высшей жизни въ такой степени понижаетъ жизнь въ ея цѣломъ составѣ, что уже одно это неминуемо родитъ въ человѣкѣ ту систему сомнѣній, внутренняго недовольства, всеобщей неудовлетворенности, которая столь нерѣдко является ближайшей причиной самоубійства. Обычныя, можно сказать, избитыя фразы въ предсмертныхъ письмахъ самоубійцъ, — это жалобы: «не вижу цѣли жизни», «не понимаю смысла существованія», «не знаю, зачѣмъ жить», «жизнь надоѣла», и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нарушено высшее психическое чутье и психическій *порывъ* и оставались неудовлетворенными высшіе запросы жизни. Подобно тому, какъ муравей или лѣсная бѣлка дѣлаютъ пищевые запасы на зимній сезонъ, такъ человѣкъ, движимый жаждой идеаловъ, дѣлаетъ то же самое по отношенію къ нравственнымъ накопленіямъ, визируя при этомъ не ближайшій сезонъ, но отдаленные вѣка и интересы будущаго человѣчества. Движи-

мый этой жаждой и вытекающимъ изъ нея долгомъ, человѣкъ создаетъ науку, поэзію, художественное творчество, организуетъ культъ поклоненія добру и высшимъ идеаламъ, кладетъ основы многимъ учрежденіямъ, содѣйствуетъ не только антропологической, но и нравственной культурѣ. Самое чувство долга, которому Шельдонъ даетъ такую высокую оцѣнку, спеціально культивируется религіей, и современный психологъ Гефдингъ не безъ основанія сближаетъ религіозныя и нравственныя чувства по ихъ психологической естественности. Безъ высшей жизни для человѣка нѣтъ жизни вообще, и человѣкъ готовъ, подобно самоубійцѣ, собственными руками положить конецъ узкой и жалкой жизни, лишенной идеаловъ. И въ самомъ дѣлѣ, самоубійства наростаютъ въ періодъ упадка общественныхъ идеаловъ.

Всѣ высшія стремленія человѣка носятъ безусловно здраво-охранительный характеръ для человѣческаго индивидуума и человѣческаго рода. Нѣкоторыя изъ этихъ стремленій уже имѣютъ чрезвычайно большую біологическую давность и обѣщаютъ и въ будущемъ столь долгое существованіе, что человѣкъ охотно называетъ ихъ вѣчными стремленіями человѣческой души, неумирающими идеалами, абсолютными постулатами и т. д. Высшіе идеалы измѣняются изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, подчиняясь, какъ и все въ природѣ, законамъ эволюціи, т. е. они эволюціонируютъ, шире раскрываются и углубляются, не уничтожаясь и не умирая, а только отметая слабое и ошибочное и замѣняя его сильнымъ и справедливымъ.

Изложеннымъ сейчасъ разъясняется основной вопросъ, касающійся высшаго мышленія. Оно не есть какая либо узкая спеціальная сторона въ общей системѣ психическихъ организацій. Глубокая проницательность мышленія является только частной стороной всеобщаго психическаго возбужденія, начинающагося въ чувствѣ, достигающаго высшей точки въ напряженіяхъ и порывахъ воли, чтобы затѣмъ озарить и окрылить умъ.

365. ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ХРИСТОМАТІИ.

Памятная книжка здоровья.

Таблица I.

Сохраните жизнь, здоровье и чистую совѣсть.

1. Знаменитый французскій докторъ Флурансъ, въ началѣ минувшаго вѣка, на основаніи ученыхъ расчетовъ и вычисленій, объяснилъ, что жизнь человѣческая и въ наши дни могла-бы продолжаться отъ *ста* до *ста двадцати* лѣтъ, если бы люди не укорачивали ее неправильнымъ трудомъ и неправильной жизнью.

2. Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій говоритъ, что люди гораздо дольше могли бы жить, чѣмъ живутъ теперь; но собственными ошибками сокращаютъ свою жизнь.

3. Часовой механизмъ въ часахъ портится отъ дурного обращенія съ часами. Хорошіе инструменты также портятся отъ небрежнаго употребленія. То же самое можно сказать и о людской совѣсти, о здоровьѣ и о самой человѣческой жизни. Пословица говоритъ: человѣкъ себѣ не врагъ; нашъ врагъ — наше собственное невниманіе, наше незнаніе и наша невыдержка. Нерѣдко самъ человѣкъ разстраиваетъ свое здоровье, портитъ свой характеръ и губитъ самую жизнь. Необходимо научиться охранять себя.

Таблица II.

Вѣсы — провѣрка здоровья.

1. Вѣсъ взрослаго человѣка остается изо дня въ день безъ всякой перемѣны. Вѣсъ ребенка постоянно прибавляется.

2. Человѣкъ теряетъ свой вѣсъ или отъ чрезмѣрнаго труда или отъ недостаточной пищи, или отъ недостаточнаго сна, или отъ скрытой болѣзни.

3. Необходимо, время отъ времени, провѣрять свой вѣсъ, чтобы знать, какъ стоитъ балансъ здоровья.

Таблица III.

Пища.

1. Для полнаго поддержанія силъ и здоровья требуется взрослому человѣку ежедневно употреблять столько пищи, чтобы отъ медленнаго горѣнія ея въ крови и въ тѣлѣ получалось:

3000 единицъ тепла (если человѣкъ работаетъ).

2500 единицъ тепла (если человѣкъ отдыхаетъ).

2. 2½ фунта (1000 граммовъ) ржаного хлѣба даютъ 2000 единицъ тепла.

2½ фунта (1000 граммовъ) пшеничнаго хлѣба даютъ 2300 единицъ тепла.

2½ фунта (1000 граммовъ) сухарей даютъ 3350 единицъ тепла.

1 фунтъ мяса въ сыромъ видѣ даетъ 400 единицъ тепла.

Десятокъ куриныхъ яицъ даетъ 850 единицъ тепла.

Жиръ, масло скоромное и постное, даютъ въ два — три раза болѣе тепла, чѣмъ мясо и хлѣбъ. Оттого прибавка масла и жира къ пищѣ весьма полезна.

3. Отъ скоромной и отъ постной пищи можно быть сытымъ и здоро-

вымъ, необходимо только составлять дневную порцію ѣды съ такимъ расчетомъ, чтобы принятая пища дала 3000 единицъ тепла.

4. Внутренняя теплота, образующаяся въ тѣлѣ отъ горѣнія пищи, расходуется на согрѣваніе тѣла и на работу. На согрѣваніе въ сутки требуется 2300 единицъ тепла, а 700 единицъ идутъ на работу.

5. Ученые сдѣлали точный расчетъ работы, которую человѣкъ производитъ на упомянутыя 700 единицъ тепла.

Работа эта равна 2.300.000 футо-фунтовъ, т. е. этой работой можно поднять фунтъ груза на 2.300.000 футовъ или на высоту 650 верстъ. Затратой этой работы можно было бы разгрузить товарный вагонъ, или поднять человѣка вверхъ на четыре версты. (Одной суточной работой сердца можно было бы поднять человѣка на высоту одной версты).

6. Изъ приведенныхъ сейчасъ расчетовъ видно, что рабочему человѣку необходимо правильное и расчетливое питаніе. При недостаточной пищѣ, на работу расходуются частицы самого тѣла, отчего человѣкъ худѣетъ.

Таблица IV.

Примѣрная пищевая порція.

Въ войскахъ Кіевскаго Военнаго округа приходилось на каждаго изъ нижнихъ чиновъ въ сутки (для обѣда и ужина) слѣдующее количество продуктовъ (скоромная порція):

Хлѣба 2½ ф., что даетъ	2000 единицъ тепла.
Яицъ (1/5 часть яица)	15 единицъ тепла.
Мяса ½ ф.	200 единицъ тепла.
Масла 1/10 фун.	300 единицъ тепла.
Пшенич. муки ½ фун.	750 единицъ тепла.
Соли 1/10 фун.	
Крупъ (овсян., греч. или ячмен. ½ фун.	700 единицъ тепла.
Воды 1/10 ведра	
Итого	3965 единицъ тепла.

Такимъ образомъ, пищу русскаго солдата нужно признать вполнѣ питательной и сытной. (Для очень тяжелой работы, напримѣръ для велосипедной ѣзды, и этой пищи мало).

Изъ означеннаго количества припасовъ приготовляются то щи, то гороховый супъ, то картофельный супъ, то лапша. Пшеничная мука отпускается въ тѣ дни, когда готовится лапша, въ остальные же дни, вмѣсто пшеничной муки, отпускается соотвѣтственное по питательности количество или капусты, или картофеля, или гороха.

Въ постную порцію вмѣсто мяса, скоромнаго масла и яицъ входитъ рыба или грибы и постное масло.

Таблица V.

Ѣда и питье.

1. Взрослому человѣку надо принимать пищу 3 — 4 раза въ день.

2. Необходимо, чтобы отъ одной до другой ѣды прошло 5 — 6 часовъ времени.

3. Всякая приправа къ пищѣ увеличиваетъ аппетитъ, но болѣе всего аппетитъ поддерживается трудомъ и правильнымъ пріемомъ пищи.

4. Аппетитъ теряется отъ болѣзни, отъ безсонныхъ ночей, отъ чрезмѣрнаго утомленія, отъ душевныхъ тревогъ и непріятностей, отъ ссоры, споровъ и т. д.

5. Во время ѣды не развлекайтесь разговорами и кушайте медленно. При разговорахъ пища плохо пережевывается, а при торопливой ѣдѣ желудокъ быстро растягивается, отчего слабѣетъ его пищеварительная сила.

6. Отъ заботъ, отъ непріятностей, отъ зависти, отъ печали желудочные и пищеварительные соки выдѣляются въ меньшемъ количествѣ и перевариваніе пищи не можетъ быть удовлетворительнымъ.

Таблица VI.

Свѣтъ. Воздухъ. Вода. Жилище. Одежда.

1. Живемъ мы, русскіе, въ умѣренномъ и холодномъ климатѣ, среди небогатой природы. Не родится у насъ ни апельсинъ, ни финикъ, ни чай, а то, что родится, менѣе питательно и требуетъ отъ человѣка большой затраты труда для своего производства. Въ нашемъ холодномъ климатѣ самому бѣдному человѣку необходима шуба и теплая изба, — опять лишняя работа, — лишній расходъ, котораго не знаютъ болѣе теплыя страны.

2. Но въ холодномъ климатѣ — крѣпче сонъ, живѣе и болѣе работаютъ нервы и мозгъ; въ холодномъ климатѣ — чище воздухъ, меньше губительныхъ заразъ и болѣзней. Въ теченіи 5 — 6 мѣсяцевъ въ году снѣжный покровъ земли придаетъ воздуху чистоту и здоровую свѣжесть.

3. Воздухъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ никогда не бываетъ такимъ чистымъ и здоровымъ, какъ наружный воздухъ. Для оздоровленія жилыхъ помѣщеній необходимо провѣтривать ихъ.

4. Безъ соблюденія чистоты въ домѣ и жильѣ нельзя быть здоровымъ. Въ подполье и въ стѣнахъ строеній заводятся и разводятся тѣ вредные зародыши (микробы), отъ которыхъ происходятъ болѣзни: чахотка, тифъ,

дифтеритъ и всякія другія заразы, въ родѣ напр. той, отъ которой гноятся раны. Сухость помѣщенія лучшее средство противъ бѣды. Известковая штукатурка стѣнъ или покрытіе лакомъ обоевъ предохраняютъ отъ всякихъ заразъ. Въ случаѣ заразы, для очищенія и оздоровленія жилья слѣдуетъ побѣлить стѣны известью и вымыть полъ сулемой (двѣ чайныхъ ложки сулемы на ведро воды). Чистота, мытье, провѣтриваніе, — это лучшая страховка жилища отъ всякихъ заразъ.

5. Свѣтъ весьма полезенъ для человѣка, не только тѣмъ, что радуетъ душу и пріятенъ глазамъ, но оказываетъ и другую великую пользу своимъ губительнымъ дѣйствіемъ на всякія заразы, отъ которыхъ происходятъ болѣзни. Свѣта боится не только воръ и дурной человѣкъ, но его боится чахоточная и всякая другая зараза. Что наука для ума и души, то свѣтъ для здоровья.

6. Въ водѣ, не только рѣчной, но и ключевой, содержатся нерѣдко вредныя примѣси, гнилостныя частицы и зародыши болѣзней (микробы). Лучшая вода та, которая получается съ большой подземной глубины, но всегда лучше прокипяченная вода.

7. Одежда должна быть чистая. Мытье бѣлья стало у людей первой необходимостью. Носильное платье (шубы, поддевки, и проч.), а также постель (тюфяки, матрацы, одѣяла), требуютъ выколачиванія, провѣтриванія и солнца.

8. Одежда много зависитъ отъ цѣны и средствъ. Лучшая одежда та, которая чиста, легка и тепла.

Таблица VII.

Чистота тѣла.

1. Отъ физической работы, отъ болѣзней, также отъ думъ, отъ заботъ и тревогъ въ тѣлѣ человѣка накопляются яды и портятся соки и кровь.

2. Кровь и соки тѣла очищаются вдыханіемъ чистаго свѣжаго воздуха. Потѣніемъ также очищается кровь: вмѣстѣ съ потомъ выдѣляются яды изъ тѣла; даже такіе яды, какъ ядъ чахотки и ядъ дифтерита выдѣляются вмѣстѣ съ потомъ. Оттого баня весьма полезна для здоровья: она очищаетъ потовые ходы и облегчаетъ потѣніе.

3. Баня — русская народная привычка, очень древняя и разумная.

Таблица VIII.

Трудъ. Сонъ. Отдыхъ. Праздники.

1. Кто не трудится, не можетъ быть здоровымъ. Трудъ также необходимъ, какъ пища и питье, какъ сонъ.

2 Рабочему человѣку необходимо спать въ сутки шесть, семь и даже восемь часовъ. Лѣтомъ спится меньше, чѣмъ зимой.

3. Всякій отдыхъ отъ работы даетъ экономію въ здоровьѣ и запасъ силъ для новой работы. Еще большую экономію даетъ сонъ, а самую большую праздничный отдыхъ.

4. Отъ неправильнаго труда, отъ несоблюденія «дня покоя», уменьшается умъ, притупляется догадливость и смѣтливость, слабѣетъ и черствѣетъ совѣсть, и самая ловкость и умѣлость въ работѣ перемѣняется къ худшему.

5. Возвышенное и благочестивое препровожденіе праздничнаго дня не только даетъ отдыхъ, но кромѣ того усиливаетъ умъ, укрѣпляетъ волю, очищаетъ чувства и повышаетъ всю рабочую силу человѣка. Послѣ правильно проведеннаго праздничнаго дня человѣкъ становится умнѣе, здоровѣе и крѣпче силами.

Таблица IX.

Вино и спиртные напитки.

1. Отъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ и отъ пьянства происходитъ большой вредъ для человѣка.

2. Вино портитъ желудокъ и печень, разстраиваетъ аппетитъ и перевариваніе пищи.

3. Вино дѣлаетъ приливъ крови къ головѣ и портитъ мозгъ. Отъ вина дѣлается приливъ крови къ кожѣ, отчего внутреннее тепло теряется изъ тѣла понапрасну и безъ пользы. Отъ такой потери тепла пьяница худѣетъ и зябнетъ.

4. Вино приводитъ человѣка къ преступленію и сумасшествію. Изъ четырехъ помѣшанныхъ одинъ сошелъ съ ума отъ вина. Вино располагаетъ человѣка къ спору, ссорамъ, ругательствамъ, къ дракѣ и нанесенію ударовъ въ голову.

5. Вино дѣйствуетъ на потомство. Дѣти пьяницъ бываютъ слабыми, расположенными къ тяжелымъ болѣзнямъ и къ пьянству.

6. Вино портитъ характеръ человѣка: дѣлаетъ его придирчивымъ, спорливымъ, драчливымъ, безстыднымъ въ словахъ и дѣйствіяхъ.

7. Выпившій человѣкъ несдержанъ, скоръ на худое слово, на дурное дѣло.

Таблица X.

Табакъ.

1. Митрополитъ Московскій Филаретъ о табакѣ сказалъ слѣдующія слова: «Не странно ли, что люди изобрѣли себѣ новаго рода голодъ, ко-

тораго природа не знала, и новаго рода пищу, о которой она не думала: посредствомъ привычки сдѣлали себя рабами сей неестественной прихоти и умножили число своихъ нуждъ, сдѣлавъ необходимымъ излишнее».

2. Курящіе чаще заболѣваютъ, чѣмъ не курящіе; табакъ дѣйствуетъ особенно вредно на грудь, горло и на глаза; болѣе же всего на сердце. Табакъ производитъ сердцебіеніе и колющія боли въ груди. Табакъ разстраиваетъ аппетитъ.

3. Куреніе начинается между 13 — 17 годами и раньше. Но взрослый человѣкъ рѣдко дѣлается курящимъ. Такимъ образомъ, куреніе начинается въ годы неопытности, а потомъ становится привычкой и второй природой, отъ которой трудно отстать человѣку.

Таблица XI.

Ч а й .

1. Чай — есть самый здоровый напитокъ въ мірѣ.

2. Чай подкрѣпляетъ сердце, вызываетъ потѣніе и всякія отдѣленія и тѣмъ способствуетъ очищенію крови и тѣла отъ вредныхъ и ядовитыхъ соковъ.

3. Чай дѣлаетъ человѣка внимательнымъ и вдумчивымъ.

4. Чай укрѣпляетъ волю и дѣлаетъ человѣка спокойнымъ, твердымъ и предпріимчивымъ.

5. Чай — русскій народный напитокъ, какъ баня — русская народная привычка.

6. Стаканъ чаю съ бѣлымъ пшеничнымъ хлѣбомъ — очень здоровая пища.

7. Разведеніе чайнаго дерева началось у насъ въ Россіи. Въ добрый починъ!

Таблица XII.

Хорошая и дурная жизнь.

1. Древніе мудрецы говорили, что человѣкъ — это цѣлый *міръ* или вся *вселенная* въ маленькомъ масштабѣ. Въ человѣкѣ все соединено: и рабочая сила, какъ въ машинѣ, и чистая душа съ умомъ и совѣстью. Но отъ человѣка исходитъ и великое зло: воровство, обманъ, ругательства. убійства. Все найдешь въ человѣкѣ: и добро, и зло, и силу, и хворь.

2. Въ старину говорилось, что человѣку надо быть мудрымъ, чтобы хорошо провести свою жизнь. Дѣло это серьезное и трудное. Даже здоровье сберечь и то не легкая задача.

3. Отъ заботъ и непріятностей, отъ ненависти и зависти, отъ тяжелыхъ думъ и тревогъ, портится кровь и соки человѣка и ослабляется рабочая сила, особенно же слабѣетъ сила сердца.

4. Доброта, надежда, любовь и добрая совѣсть поддерживаютъ силы и здоровье, облегчаютъ работу сердца и подкрѣпляютъ самую жизнь человѣческую.

5. Кто желаетъ себѣ счастья и добра, долгой жизни и здоровья, тотъ долженъ, какъ мудрецъ, хорошенько подумать, основательно поразмыслить и подвести вѣрный расчетъ всему, что требуется умомъ, совѣстью и здоровьемъ. Осмотрись со всѣмъ со всѣхъ сторонъ! Береги себя кругомъ! Побольше думай о *душевномъ*!

Отвѣты на загадки. (*Стр. 656*).

1. Мельникъ,
2. Я самъ.
3. Сны.
4. Вѣтеръ.
5. Совѣсть.
6. Слово.
7. Вѣтряная мельница.
8. Пробка.
9. Проза.
10. Чайка.
11. Жизнь.
12. Анютины глазки.
13. Крестъ на колокольнѣ.
14. Сторожъ.
15. Телеграфъ.
16. Мельница.
17. Творогъ.
18. .....
19. Пыль.
20. Тучи.
21. Часы.
22. Борона.
23. Безъ трехъ лошадей.

Отвѣты на психологическіе запросы. (*Стр. 657*).

1. Не слѣдуетъ.
2. Опасность не очень велика.
3. Вѣрна.
4. Не вѣренъ. Пьяный человѣкъ теряетъ разумъ.
5. Гнѣвомъ.
6. Не оскорбительна для птицы, но оскорбительна для человѣка.
7. .....
8. Человѣкъ — самое умное существо на землѣ.
9. Упадокъ духа, уныніе, малодушіе.
10. Чаще несчастье, но можетъ быть и преступленіе.
11. Да, можетъ.
12. За необдуманность поступковъ.
13. Часто богатство несетъ за собою излишнія заботы.
14. По головѣ.
15. Не стоитъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ.

АКСАКОВЪ. Аленькій цвѣточекъ. 53
Дѣтство Багрова внука (отрывокъ). 13
Дѣтство Багрова внука (отрывокъ). 30
Дѣтство Багрова внука (отрывокъ). 31
Дѣтство Багрова внука (отрывокъ). 235
Дѣтство Багрова внука (отрывокъ). 332
Зимній день. 26
Материнская любовь. 266
Переправа черезъ Каму во время бури. 330
(Дѣтство Багрова внука).
Смерть дерева. 240

АЛИХАНОВЪ-АВАРСКІЙ. Хивинскій походъ. 568

АНДЕРСЕНЪ. Старый домъ. 70

АНДРЕЕВЪ. Василій Фивейскій (отрывокъ). 408
Воръ. 204

АРЦЫБАШЕВЪ. У послѣдней черты (отрывокъ). 125
У послѣдней черты (отрывокъ). 191

БАШКИРЦЕВА. Дневникъ (отрывокъ). 18
Дневникъ (отрывокъ). 40
Дневникъ (отрывокъ). 190

БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ. О нижегородскомъ гражданинѣ Кузьмѣ Мининѣ. 453

БОТКИНЪ. Буря на морѣ. 26

БѢЛИНСКІЙ. Кольцовъ (біографія). 369

БЫЛИНЫ. Илья Муромецъ и калики перехожіе. *82*
Илья Муромецъ проситъ у родителей благословенія. 84
Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ. 84
Микула Селяниновичъ и Вольга Святославговичъ. .. 79

ГОГОЛЬ. Мертвыя души (отрывокъ). 29
Мертвыя души (отрывокъ). 32
Мертвыя души (отрывокъ). 159
Мертвыя души (отрывокъ). 358
Тарасъ Бульба (отрывокъ). 303

ГОНЧАРОВЪ. Обломовъ (отрывокъ). 33
Обломовъ (отрывокъ). 350

ГРИГОРОВИЧЪ. Похороны на кораблѣ. 479
Сиротка Акулина (отрывокъ). 364

ВИГЕЛЬ. Воспоминанія. 474

ДАНИЛЕВСКІЙ. Озеро слободка. 68
ДМИТРІЕВЪ. Въ лѣсу. 198
ДОЛГОРУКАЯ. Памятныя записки. 469
ЕЛИСѢЕВЪ. Песчаная буря въ Сахарѣ. 477
ЖАДОВСКАЯ. Нива. 45
ЖУКОВСКІЙ. Епископъ Гаттонъ. 553
Лѣсной Царь. 140
Лѣтній вечеръ. 130
Рафаэлева мадонна. 279
Смерть Пушкина. 125
ЗАГОСКИНЪ. Козьма Мининъ въ Нижнемъ Новгородѣ. 453
ИННОКЕНТІЙ АРХІЕП. Слово въ Великій пятокъ. 450
ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.
(Евангеліе). Прощальная бесѣда Св. Іоанна Златоуста. 449
КАРАМЗИНЪ. Лѣтопись. 467
КОЗЛОВЪ. Вечерній звонъ. 129
КОЛЬЦОВЪ. Косарь. 48
Молитва. 270
Пѣсня пахаря. 47
Урожай. 49
КРЫЛОВЪ. Богачъ и Поэтъ. 91
Волкъ и Ягненокъ. 116
Волкъ на псарнѣ. 114
Двѣ собаки. 103
Камень и червякъ. 95
Квартетъ. 99
Крестьянинъ и Собака. 110
Кукушка и Орелъ. 100
Кукушка и Пѣтухъ. 109
Лягушка и Волъ.. 104
Мельникъ. 102
Механикъ. 108
Моръ звѣрей. 459
Муравей. 106
Мѣшокъ. 90
Обезьяны. 114
Огородникъ и Философъ. 107
Оселъ. 97
Оселъ и Крестьянинъ. 101
Оселъ и Соловей. 117
Откупщикъ и сапожникъ. 88

Парнассъ. 97
Пастухъ. 110
Паукъ и Громъ. 117
Прудъ и рѣка. 94
Пустынникъ и Медвѣдь. 112
Синица. 105
Скупой. 92

КУЗЬМИНЪ. Полетъ на Ильѣ Муромцѣ. 571

ЛЕРМОНТОВЪ. Ангелъ. 320
Воздушный Корабль. 138
Выхожу одинъ я на дорогу. 128
Вѣтка Палестины. 257
Герой нашего времени (отрывокъ). 245
Герой нашего времени (отрывокъ). 246
Герой нашего времени (отрывокъ). 317
Герой нашего времени (отрывокъ). 406
Гляжу на будущность съ боязнью. 228
Грусть. (Въ минуту жизни трудную). 225
Завѣщаніе. 232
Казачья колыбельная пѣсня. 46
Казбеку. 555
Когда-бъ въ покорности незнанья. 261
Мой домъ. 259
Мцыри (отрывокъ). 209
Мцыри. 556
Надежда. 260
Небо и звѣзды. 262
Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою. .. 229
Отчизна. 242
Отчизна. 243
Парусъ. 568
Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. 146
Сосна.. 244
Сосѣдъ. 641
Сосѣдъ. 642
Споръ. 256
Тамань (отрывокъ). 316
Три пальмы. 566
Тучи. 230
Утесъ.. 242
Хаджи Абрекъ (отрывокъ). 195
Чаша жизни. 262

Я буду пѣть, пока поется. 232
Я жить хочу. 228
Я, Матерь Божія. 289
Я не хочу чтобъ свѣтъ узналъ. 229

ЛУКА ЕВАНГЕЛИСТЪ. Отреченіе и раскаяніе Апостола Петра. 250
МАКАРІЙ (митрополитъ). Митрополитъ Филиппъ. 410
МАКСИМОВЪ. Сѣверное сіяніе. 480
МАКСИМОВЪ С. На ворѣ шапка горитъ. 172
МАРКЪ, ЕВАНГЕЛИСТЪ. Самая крупная жертва-наивысшее состраданіе. 234
МАСАИНОВЪ. На Ильѣ Муромцѣ. 574
МАЙКОВЪ. Колыбельная пѣсня. 46
МИЛЮТИНЪ. Суворовъ. 379

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ. Ахъ ты поле мое, поле чистое. 44
Какъ на дубочкѣ два голубчика. 44
Кольцо души — дѣвицы. 45
Мимо моего садика. 43

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. Морозко. 52
Нужда. 51

НЕКРАСОВЪ. Внимая ужасамъ войны. 130
Рубка лѣса. 240

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО. Лапландія. 482
НЕСТОРЪ (лѣтописецъ). Начало лѣтописи. 468

НИКИТИНЪ. Вырыта заступомъ яма глубокая. 129
Пѣсня бобыля. 50
Сладость молитвы. 269

ПАВЕЛЪ (Апостолъ). Посланіе къ Коринфянамъ. 255
Посланіе къ Филимону. 286

ПЛАТОНЪ. Послѣднія минуты Сократа. 649
ПОГОДИНЪ. О Несторовой лѣтописи. 468

ПОЛЕЖАЕВЪ. Вечерняя заря. 211
Грѣшница. 233
Ночь на Кубани. 232
Пѣсня плѣннаго Ирокезца. 302
Тоска. 211
Цѣпи. 239

ПОМЯЛОВСКІЙ. Вуколъ (отрывокъ). 33
Вуколъ (отрывокъ). 337

ПУШКИНЪ. Борисъ Годуновъ (отрывки). 524
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. 127

	Воспоминаніе.	250
	Гробу Кутузова.	258
	И вы наперсницы порочныхъ заблужденій.	367
	Къ женѣ.	124
	Молитва.	269
	О Пименѣ.	468
	Памятникъ.	227
	Печаль (Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье).	225
	Повѣсти Бѣлкина (отрывокъ).	32
	Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.	73
	Утопленникъ.	136
	Эхо.	25
РИБО.	Рѣчь французскаго министра финансовъ.	455
К. Р.	(Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ) Колокола.	244
СЕНКЕВИЧЪ.	По желѣзной дорогѣ изъ Небраски въ Калифорнію.	485
СИКОРСКІЙ.	Авіація.	570
	Анна Каренина и ея судьба.	421
	Антропологія.	580
	Астрономія.	581
	Астрономія и Психологія.	597
	Бактеріологія.	602
	Баллада.	135
	Басня.	86
	Безпредѣльное, Безконечное, Великое, Вѣчное, Послѣднее.	600
	Біологія и Психологія въ ихъ соотношеніи.	404
	Благоговѣніе.	253
	Благородство души.	637
	Быкъ.	618
	Былина.	78
	Величіе духа.	637
	Величина и яркость впечатлѣній у талантливыхъ людей.	25
	Виды воли.	302
	Вліяніе внѣшней природы на Личность.	418
	Впечатлительность и воспріимчивость талантливыхъ людей.	24
	Высшая психическая работа.	642
	Высшія чувства и эмоціи.	231
	Глубокая печаль.	215
	Глухая, нѣмая, слѣпая.	19
	Гнѣвъ, ярость, ненависть, негодованіе.	192

Гордость. 440
Дисциплинированное мышленіе. 42
Драма борьбы добра и зла. 456
Драма жизни. 420
Духовное краснорѣчіе. 448
Душа животныхъ. 607
Душа животныхъ. Душа человѣка. 623
Дѣйствіе общества на личность. 411
Жалость. Симпатія. Сочувствіе. Состраданіе. . . 231
Записки. Мемуары. 468
Земноводныя (амфибіи). 615
Идеализація психизма. 289
Идиллія. 130
Измѣненія личности. 438
Интеллектуальныя игры. 658
Интеллектуальныя чувства. 282
Историческія знанія. 468
Исторія. 490
Какія впечатлѣнія болѣе важны для душевнаго развитія. 18
Къ Филимону посланіе Св. Апостола Павла. 287
Летучая мышь. 618
Лживость, неискренность, двуличіе. 441
Лицемѣріе, фарисейство. 439
Личность. 437
Личность и ея развитіе. 319
Лошадь. 618
Любовь. 264
Любовь обезьяны къ своимъ дѣтенышамъ. 264
Между познаніемъ и чувствомъ. 17
Методика экспериментовъ надъ высшимъ мышленіемъ. 632
Мечтательность. 41
Міровая скорбь. 226
Молитва, мольба, просьба. 268
Муравьи. 610
Мышленіе психическими директивами. 629
Незыблемость Личности. 405
Нездоровая наслѣдственность у Вронскаго. 410
Нервно-психическая гигіена. 283
Низменность души. 635
Низшій психизмъ. Растительные процессы и инстинкты. 310
Низшій психизмъ. 312

Новое въ физикѣ. 662
Нравственныя чувства.. 285
Обезьяна. 620
Объединеніе личности. 367
Объ особыхъ достоинствахъ басенъ Крылова. ... 111
О міровой скорби. 230
О необходимости отдыха. 131
О «Новыхъ людяхъ» у Арцыбашева. 230
О новыхъ формахъ поэтическаго творчества. 132
О памяти, ея свойствахъ и значеніи. 626
Оправданіе идеализма и идеализаціи самой жизнью. 297
О психологическихъ причинахъ медленности человѣческаго прогресса. 462
О развитіи чувствъ и характера въ младенчествѣ и раннемъ дѣтствѣ. 322
О развитіи чувствъ и характера въ дѣтствѣ и въ младенческомъ періодѣ, т. е. въ періодѣ материнскаго воспитанія. 323
Ораторское искусство и ораторская дѣятельность. 448
Ораторская рѣчь. 451
Основныя причины состава и свойства Личности. 323
О трагическомъ у Грековъ и въ новѣйшія времена. 491
О физіогномикѣ. 316
Очеркъ психологическаго развитія. 321
Памятная книжка здоровья. 668
Паукъ. 613
Печаль. Упадокъ духа. 207
Печоринъ и Василій Фивейскій. 410
Пироговъ, какъ мыслитель и человѣкъ. 392
Повѣсть. Разсказъ. Сцена. 159
Посланіе Апостола Павла все проникнуто нѣжнѣйшимъ чувствомъ любви и заботливсти о другомъ. 288
Пошлость. 441
Поэма. 144
Притча. 119
Проявленія страха. 203
Психическіе или умственные образы. 35
Психологическая біологія. 368
Психологическіе запросы. 657
Психологическая біографія. 368
творчества Гоголя. 384
Психологическая устойчивость и незыблемость. . 406
Психо-физіологія вниманія. 16
Птицы. 616

Пустота души. 634
Путь развитія чувства. 128
Путешествія. 476
Пчелы. 613
Пѣсня. 42
Работа низшаго психизма. 315
Развитіе. расцвѣтъ, жизнь личности, судьба, рокъ. 403
Ранніе зачатки болѣзненныхъ чертъ личности. . . 408
Раскаяніе. 249
Рыбы. 614
Самое великое въ мірѣ нравственномъ. 665
Синтетическія составныя высшія чувства. 274
Сказка. 51
Скоропроходящія измѣненія Личности. 442
Славной и свѣтлой памяти С. И. Сикорскаго. . . . 465
Сложныя душевныя состоянія, примыкающія къ волѣ. 263
Слово «затѣя» въ басняхъ Крылова. 104
Слонъ. 619
Собака. 619
Сохраненіе впечатлѣній. Память. Воспоминаніе. Фантазія. 35
Смѣхъ, природа смѣха, юморъ, сарказмъ. 446
Страхъ. 195
Стыдъ. 244
Стыдъ и совѣсть. 247
Сущность воли въ организмѣ и жизни. 299
Типы личности въ зависимости отъ качества и количества директивъ. 634
Упражненіе ума и понятливости. 638
Фантазія (воображеніе). Мечтательность. 38
Черви. 608
Чувство и его жизненное значеніе. 187
Элегія. 121
Элегія и біологія. 126
Энциклопедія или сборникъ народной мудрости. . 179
Юнымъ поколѣніямъ XX вѣка. 550

СОКРАТЪ. Кругъ общественныхъ обязанностей народныхъ избранниковъ. 451

СОФОКЛЪ. Эдипъ царь (отрывки). 495

ТОЛСТОЙ А. К. Василій Шибановъ. 141
Острою сѣкирою. 242
Спесь. 440

ТОЛСТОЙ Л. Н. Анна Каренина (отрывокъ). 247
Анна Каренина (отрывокъ)..... 416
Анна Каренина (отрывокъ)..... 417
Война и Миръ (отрывокъ). 251
Дѣтство и отрочество (отрывокъ). 14
Дѣтство и отрочество (отрывокъ). 15
Дѣтство и отрочество (отрывокъ). 38
Дѣтство и отрочество (отрывокъ). 14
Ненависть (Дѣтство и отрочество). 333
Отрочество (Катенька и Любочка). 335
Смерть дерева. 239
Юность (Дѣтство и отрочество). 336
ТРИСТАНЪ. Сыны неба. 570
ТУРГЕНЕВЪ. Воробей. 265
Воспоминанія о Бѣлинскомъ. 375
Голуби. 621
Два богача (Благотворители). 234
Живыя мощи. 173
Маша. 235
Морское плаваніе. 622
Перепелка. 236
Порогъ. 552
Природа. 605
Пѣвцы. 276
Собака. 198
Старуха. 202
Эгоистъ. 464
ФЛАМАРІОНЪ. Вселенная въ огнѣ. 592
ХОМЯКОВЪ. Звѣзды. 260
ЧЕХОВЪ. Ванька Жуковъ. 271
Тоска. 211
ШКЛЯРЕВСКІЙ. О душѣ животныхъ. 606

..... Афоризмы. 647
Афоризмы. 652
Загадки. Аллегоріи. Иносказанія, Притчи. 656
«Илья Муромецъ». 578
Оселъ и Лошадь. 118
Прилетъ «Ильи Муромца» изъ Петрограда въ Кіевъ. 577
Разочарованіе. 576
Слети къ намъ тихій вѣтеръ. 46
Ясно солнышко закатилося. 45

НАШИ ИЗДАНІЯ:

ПРОФ. И. А. СИКОРСКІЙ — «КНИГА ЖИЗНИ» — Психологическая Христоматія, около 700 страницъ текста. — — $4.50

НИКОЛАЙ РЕРИХЪ — «ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНІЯ» — Собраніе статей и лекцій о красотѣ и смыслѣ бытія. — — $1.00

НИКОЛАЙ РЕРИХЪ. — «СЕРДЦЕ АЗІИ» — Книга о путешествіи по странамъ Востока. — — — — $0.75

ИСКАНДЕРЪ ХАНУМЪ — «ЧАША ВОСТОКА» Переводъ писемъ Махатмы. — — — — $0.75

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ — *«ЗВЕНИГОРОДЪ ОКЛИКАННЫЙ»* — (Николины притчи). — Собраніе притчъ, легендъ и разсказовъ. — — — — — $0.75

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «БЫЛИНА О МИКУЛѢ БУЯНОВИЧѢ» — Романъ-эпопея въ 3-хъ частяхъ о русскомъ народѣ послѣдняго 30-лѣтія. — — — $1.75

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ЧУРАЕВЫ» — 1-й томъ эпопеи («Братья Чураевы»), 2-ое изданіе. — — $1.50

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ЧУРАЕВЫ» — 2-ой томъ эпопеи («Спускъ въ Долину»). — — — — $1.50

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ЧУРАЕВЫ» — 3-ій томъ эпопеи. («Велѣнія Земли»). — — — $1.50

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ЧУРАЕВЫ» — 4-ый томъ эпопеи («Трубный Гласъ»). — — — — $1.20

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ЧУРАЕВЫ» — 5-ый томъ эпопеи. («Сто Племенъ съ Единымъ»). — — — $1.25

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ВОЛЧЬЯ СКАЗКА» — Повѣсть. $0.15

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ГОНЕЦЪ» — Письма съ рѣки Помперага о Первой Помощи Человѣку. — — $1.00

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — РАДОНЕГА — (о Препод. Сергіи Радонежскомъ. — — — — —

НА СКЛАДѢ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА АЛАТАСЪ

ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

К. Н. ФИННЕ —

РУССКІЕ ВОЗДУШНЫЕ БОГАТЫРИ
И. И. СИКОРСКАГО

МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ АВІАЦІИ
СЪ 88 СНИМКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

— ЦѢНА $1.50 —

ВОЛЬНАЯ СИБИРЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ
ИЗДАВАЕМЫЕ ОБЩЕСТВОМЪ СИБИРЯКОВЪ ВЪ ПРАГѢ
ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И. А. ЯКУШЕВА

ИМѢЮТСЯ ВСѢ ВЫПУСКИ:

ЦѢНА КАЖДАГО ВЫПУСКА — $0.75.

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ВЪ ПРОСТОРАХЪ СИБИРИ» — $1.25
ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «РОДНИКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ». — $1.25
ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ПУТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ». — $0.50
ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «ВЪ НѢКОТОРОМЪ ЦАРСТВѢ». $0.25
ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ — «СТЕПНЫЕ ВОРОНЫ». — $0.15

ТРЕБОВАНІЯ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ И КОНТОРА КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА АЛАТАСЪ
ВЪ ЧУРАЕВКѢ, САУТБЕРИ, КОННЕКТИКУТѢ.
ALATAS, SOUTHBURY, CONN., U. S. A,

—— *Представители:* ——

— Въ Нью Іоркѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Прагѣ, Ригѣ и Харбинѣ. —

ДАЛЬНѢЙШІЯ ОЧЕРЕДНЫЯ КНИГИ
РУССКОЙ ЭПОПЕИ ГЕОРГІЯ ГРЕБЕНЩИКОВА

— *Ч У Р А Е В Ы* —

ИМѢЮТЪ БЫТЬ ВЫПУЩЕНЫ ВЪ СВѢТЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВОМЪ А Л А Т А С Ъ
ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ ПОРЯДКѢ:

VI ТОМЪ. — ОКЕАНЪ БАГРЯННЫЙ.
VII ТОМЪ. — ЛОБЗАНІЕ ЗМІЯ.
VIII ТОМЪ. — ПЛЯСКА ВО ПЛАМЕНИ.
IX ТОМЪ. — ВЪ РАБСТВѢ У РАБА ПОСЛѢДНЯГО.
X ТОМЪ. — СУДЪ БОЖІЙ.
XI ТОМЪ. — ИДИТЕ ЛЬВАМИ.
XII ТОМЪ. — ПОСТРОЕНІЕ ХРАМА.